ОСНОВЫ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

15/XII-1952г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ОСНОВЫ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1959

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПОДГОТОВЛЕНО
АВТОРСКИМ КОЛЛЕКТИВОМ В СОСТАВЕ:

Ф. В. Константинов, член-корреспондент АН СССР (руководитель); *В. Ф. Берестнев*, доктор философских наук; *Г. Е. Глезерман*, доктор философских наук; *М. А. Дынник*, член-корреспондент АН СССР; *М. Д. Каммари*, член-корреспондент АН СССР; *И. В. Кузнецов*, кандидат философских наук; *П. В. Копнин*, доктор философских наук; *М. М. Розенталь*, доктор философских наук; *А. Ф. Шишкин*, доктор философских наук; *П. Н. Федосеев*, член-корреспондент АН СССР; *Ю. П. Францев*, член-корреспондент АН СССР.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемой читателю книге, предназначенной в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений и для самообразования, дается систематическое изложение основ марксистской философии — диалектического и исторического материализма. Авторы надеются, что эта книга будет полезна широкому кругу интеллигенции, партийному и советскому активу, всем, кого интересуют вопросы научного мировоззрения.

Диалектический и исторический материализм представляет собой составную часть марксизма-ленинизма, его философскую основу.

Марксизм как мировоззрение, как идеология революционного рабочего класса возник больше ста лет назад. За эти годы, заполненные великими историческими событиями, появлялись и сходили со сцены многие буржуазные общественные и философские теории. Не выдержав испытания временем и общественно-исторической практикой, они терпели и терпят банкротство. Только марксизм-ленинизм и его философская основа — диалектический и исторический материализм с честью выдержал испытание временем и всемирно-исторической практикой. Яростные атаки целого сонма реакционных противников не смогли пробить брешь в стройном и величественном здании марксистского мировоззрения. Весь ход мировой истории за это столетие неопровержимо доказал истинность принципов марксизма-ленинизма, открытых им законов. Подобно тому как Великая Октябрьская социалистическая революция и победа социализма в СССР, победа социалистической революции в Китае и ряде других стран Европы и Азии явились триумфом и подтверждением истинности законов исторического материализма, выдающиеся открытия современного естествознания являются триумфом и подтверждением истинности диалектического материализма.

В нашу эпоху нельзя быть передовым образованным человеком, сознательно разбирающимся в событиях современности,

не изучая высшее достижение философской мысли — диалектический и исторический материализм.

В Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося в Москве 14—16 ноября 1957 г., справедливо сказано: «Теоретической основой марксизма-ленинизма является диалектический материализм. Это мировоззрение отражает всеобщий закон развития природы, общества и человеческого мышления. Это мировоззрение пригодно для прошлого, настоящего и будущего. Диалектическому материализму противостоят метафизика и идеализм. Если марксистская политическая партия при рассмотрении вопросов исходит не из диалектики и материализма, то это приведет к возникновению односторонности и субъективизма, к закостенению мысли, к отрыву от практики и к потере способности давать соответствующий анализ вещам и явлениям, к ревизионистским или догматическим ошибкам и к ошибкам в политике. Применение диалектического материализма в практической работе, воспитание кадровых работников и широких масс в духе марксизма-ленинизма — это одна из актуальных задач коммунистических и рабочих партий».

Эта книга, дающая освещение основных вопросов марксистской философии, направлена против идеализма и метафизики. Авторы ставили своей задачей вести борьбу как против ревизионизма, являющегося в наше время главной опасностью внутри рабочего и коммунистического движения, так и против догматизма, за творческий подход к вопросам марксистского мировоззрения.

Ревизионисты марксизма с конца прошлого века и в наши дни пытаются пересмотреть основные принципы марксистской теории, в том числе и ее философские основы. Повторяя буржуазные реакционные пошлости насчет «устарелости» марксизма и «примитивности» деления философии на материализм и идеализм, ревизионисты наших дней пытаются стереть грань между революционным, подлинно научным философским мировоззрением рабочего класса и идеалистическим, реакционным мировоззрением буржуазии. Ревизионисты предлагают дополнить диалектический и исторический материализм выводами современной буржуазной философии и социологии. Но современная буржуазная идеалистическая философия и социология антинаучны и бесплодны. Главное, что характеризует современную буржуазную философию и социологию,— это борьба против научного мировоззрения — диалектического и исторического материализма, против марксизма, против коммунизма. А все это неизбежно приводит буржуазных философов и социологов к противоречию с действительностью, с данными науки.

50 лет назад В. И. Ленин выступил против философского ревизионизма со своим знаменитым произведением «Материализм и эмпириокритицизм». В этом, как и в других произведе-

ниях, В. И. Ленин со всей убедительностью доказал, что все попытки ревизионистов стать над материализмом и идеализмом — двумя коренными направлениями в философии — есть измена марксизму, сдача позиций его идейным врагам.

Все тогдашние модные философские течения — «эмпириокритицизм», «эмпириомонизм», «энергетизм», «прагматизм», как и современные «измы», на деле есть разновидности идеализма — союзника религии, врага науки.

Ленинский анализ и критика философских произведений ревизионистов сохраняют все свое значение и для борьбы с современными ревизионистами и другими врагами диалектического и исторического материализма. В своих философских трудах В. И. Ленин, обобщая новейшие данные естествознания и общественно-исторической практики, развил дальше все коренные положения марксистской философии, поднял ее на новую, высшую ступень. Философия диалектического материализма является марксистско-ленинской философией. Она получает в наше время свое дальнейшее творческое развитие в произведениях руководителей КПСС, руководителей и теоретических кадров всех коммунистических партий. Только марксистско-ленинская философия является подлинно научным мировоззрением нашей эпохи, непримиримым ни с каким суеверием, мистикой.

Книга читалась в рукописи многими научными сотрудниками и преподавателями марксистской философии, обсуждалась на расширенном заседании Института философии Академии наук СССР с участием философского актива, преподавателей высших учебных заведений, а также на философских кафедрах ряда вузов Москвы и Ленинграда. Все ценные замечания были учтены при подготовке учебного пособия к печати. Мы знаем, что учебники и учебные пособия создаются не сразу. Они должны «опробоваться» в практике преподавания и в учебной работе. Мы ждем от читателей критических замечаний, отзывов, предложений, советов, которые будут с благодарностью учтены авторским коллективом в дальнейшей работе над книгой.

* * *

Книга «Основы марксистской философии» вышла в свет пятисоттысячным тиражом в мае 1958 г. Весь тираж книги быстро разошелся. Это показывает, насколько назрела потребность в подобном издании. Учитывая запросы читателей, издательство выпускает новый, дополнительный тираж книги.

В 1959 г. состоялся XXI съезд КПСС. Этот съезд имеет историческое значение не только в области практически-политической и экономической, но и в области идейно-теоретической. В докладе Н. С. Хрущева, в выступлениях делегатов и в решениях съезда были поставлены и освещены важнейшие вопросы марксистско-ленинской теории и прежде всего теоретические

проблемы, связанные с осуществлением перехода от социализма к коммунизму, вопросы развернутого строительства коммунизма в СССР.

Авторский коллектив, пользуясь возможностью выпуска дополнительного тиража книги, счел необходимым в соответствующих главах книги отразить из материалов съезда то, что непосредственно относится к вопросам диалектического и исторического материализма.

В советской печати, а также в некоторых журналах братских компартий были напечатаны рецензии и отзывы на нашу книгу. Книга «Основы марксистской философии» переведена на немецкий, чешский, болгарский, румынский и другие языки. После выхода в свет она широко обсуждалась на философских кафедрах высших учебных заведений страны. Авторский коллектив получил многочисленные письма советских читателей. При общей положительной оценке книги в рецензиях, отзывах, письмах отмечаются и ее отдельные недостатки, неточности.

При подготовке выпуска дополнительного тиража книги члены авторского коллектива стремились устранить отмеченные читателями неточности и внесли исправления. Конечно, мы не смогли полностью учесть замечания читателей. Это возможно будет сделать при подготовке второго издания книги, если таковое потребуется.

Авторы книги выражают свою благодарность всем читателям, приславшим отзывы и пожелания.

20. VIII. 1959 г.

Авторы

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА I

ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ

Марксизм представляет собой целостное стройное учение, включающее в себя три составные части: философию, политическую экономию и теорию научного социализма. Эти составные части марксизма внутренне, неразрывно связаны друг с другом. Диалектический и исторический материализм является общетеоретической философской основой марксизма, его политической экономии, научного социализма, стратегии и тактики марксистских партий. Признаваемые даже противниками учения Маркса внутренняя стройность, целостность, железная логика, последовательность марксизма есть результат применения во всех его составных частях единого метода, единого мировоззрения. Мировоззрением революционного рабочего класса и его марксистских партий является диалектический и исторический материализм. Нельзя глубоко понять марксизм-ленинизм, не усвоив марксистской философии.

Что же изучает марксистская философия, каков ее предмет? В каком отношении находится марксистская философия к другим наукам и к различным формам общественного сознания? На эти вопросы легче дать ответ, подойдя к ним исторически. Марксистская философия— это закономерный результат всего предшествующего развития передовой философской и научной мысли человечества; она опирается на их достижения и вместе с тем представляет собой качественно новую, высшую ступень в развитии философии. Поэтому следует прежде всего выяснить, какие вопросы и как решала предшествовавшая марксизму философия. После этого нам станет ясно, чем отличается марксистская философия от всех других философских течений, почему возникновение диалектического и исторического материализма означало революционный переворот в области философии.

1. Основной вопрос философии. Материализм и идеализм как главные направления в философии

Название «философия» происходит от греческих слов «филео» — люблю и «софиа» — мудрость, что означает любовь к мудрости (или, как говорили раньше на Руси, любомудрие). Однако буквальный смысл слова «философия» еще не определяет предмета, содержания и задач философии. Правильное определение философии может быть дано лишь при учете ее особенностей по сравнению с другими науками и другими формами общественного сознания, во взаимодействии с которыми она развивалась.

Главная особенность философии состоит в том, что с самого своего возникновения она представляла собой более или менее цельное *мировоззрение*, т. е. систему общих взглядов на мир: на природу, общество, человека.

У всякого человека складывается то или иное мировоззрение, но оно может быть не продуманным, а стихийно сложившимся под влиянием условий его жизни и нередко состоит из обрывков различных противоречивых взглядов и представлений о мире. Философия же представляет собой не просто сумму, а систему взглядов и представлений о мире, она является результатом сознательного проведения определенной точки зрения, совокупностью определенных принципов. Эти принципы всегда выражали (поскольку философия возникла в классовом обществе) идеологию того или иного общественного класса, условия его жизни и его интересы.

На разных ступенях своего развития философия занималась изучением различных вопросов. На первых порах она включала в себя, как будет показано ниже, множество таких проблем, которые ныне отошли к специальным наукам. Но как бы ни изменялось понимание предмета философии, ее главными вопросами всегда являлись коренные вопросы мировоззрения, она отвечала на вопросы о том, что собой представляет окружающий нас мир, существует ли он вечно или возник тем или иным способом, какое место занимает в мире человек, что собой представляет наше сознание, как оно относится к миру и т. д.

Основным вопросом мировоззрения является вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе. Что является первичным, изначальным: природа (бытие, материя) или дух (разум, сознание, идея)? Иными словами, что чему предшествует: материя сознанию или, наоборот, сознание материи? Бытие, материя определяет мышление, сознание или наоборот?

Все явления, с которыми нам приходится иметь дело, относятся либо к материальным, т. е. существующим вне нашего сознания (таковы предметы и процессы внешнего мира), либо к духовным, идеальным, т. е. таким, которые существуют лишь в нашем сознании (таковы наши чувства, мысли и т. д.). Материальное и духовное — это предельно широкие понятия, охва-

тывающие все, что существует в мире. Поэтому, каково бы ни было мировоззрение, оно обязательно исходит из того или иного ответа на вопрос об отношении между материальным и духовным. Этот вопрос всегда был и остается главным при выработке философского мировоззрения.

В зависимости от решения основного вопроса философские учения делятся на два основных направления: *материализм* и *идеализм*. Те философы, которые признают первичной материю, называются *материалистами* (от латинского слова materialis — вещественный); они считают, что окружающий нас мир никто не сотворил, что природа существует вечно. Материалисты объясняют мир исходя из него самого, не прибегая к ссылкам на какие-то сверхъестественные силы, якобы находящиеся вне мира. Напротив, *идеалисты* (от греческого слова «идеа» — мысль) считают первоосновой всего мышление, или «дух». Они утверждают, что дух существовал прежде природы и независимо от нее. Подобно религии, идеализм так или иначе признает сотворение мира, отрицает вечность материи и утверждает, будто природа имела начало во времени.

Всякое более или менее последовательное мировоззрение обязательно исходит из признания первичности одного начала — либо материи, либо духа. Такое мировоззрение называется монистическим (от греческого «монос» — один). Правда, были в истории такие философы, которые признавали оба эти начала первичными и независимыми друг от друга. Эти философы называются *дуалистами* (от латинского duo — два). Признавая материю и дух самостоятельными субстанциями, дуализм не может установить связи между ними. Поэтому при объяснении явлений мира дуалист неизбежно запутывается в неразрешимых для его системы противоречиях и становится либо на позиции материализма, либо на позиции идеализма. Дуализм — это не какое-то принципиально новое по сравнению с материализмом и идеализмом решение основного вопроса философии, а выражение философской непоследовательности.

Вопрос об отношении мышления к бытию является основным вопросом всякого философского мировоззрения потому, что от решения его зависит ответ на другие вопросы, которыми занимается философия. Так, в зависимости от решения вопроса о том, что первично: дух или природа, философы по-разному отвечали на вопросы о том, существует ли мир вечно или он имеет свое начало во времени, является ли он бесконечным или ограниченным в пространстве и т. д.

С признанием первичности материи или сознания связано и решение вопроса о существовании и характере *закономерности* явлений мира. Материалисты считают, что мир существует независимо от сознания человека. А если так, то и связи между различными явлениями мира не устанавливаются мышлением человека, а существуют объективно, т. е. независимо от сознания. Поэтому материалисты признают объективные законы, которым подчинены все явления и процессы в окружающем нас мире.

Иначе решают этот вопрос идеалисты. Одни из них (так называемые *субъективные идеалисты*) считают первичным человеческое сознание. Они утверждают, что человек непосредственно имеет дело лишь с явлениями собственного сознания — ощущениями, представлениями, понятиями и т. д. и не вправе допускать существование чего-либо находящегося вне сознания. Отрицая существование объективного мира и считая предметы совокупностями ощущений и идей, субъективный идеализм отрицает и объективную закономерность явлений. С точки зрения субъективных идеалистов, законы природы и общества, причины явлений и процессов, открываемые наукой, выражают только привычно наблюдаемую нами последовательность явлений, но эта последовательность якобы не имеет никакой необходимой силы.

Другое направление идеализма — *объективный идеализм* — считает первичным дух, идею, якобы существующие вне человека и независимо от человека. Объективные идеалисты признают в природе определенный порядок, закономерность явлений, но источник этой закономерности они ищут не в самой природе, не в естественной связи причин и следствий, а во «всемирном разуме», в «абсолютной идее», в «мировой воле». Нетрудно видеть, что абсолютная идея, мировой разум или воля— это лишь другие названия для бога, якобы сотворившего мир и поставившего перед ним определенные цели.

Какой бы вопрос философии мы ни взяли — о вечности мира и о его единстве, о закономерности явлений и т. д., подход к этим вопросам зависит так или иначе от решения основного вопроса философии. Здесь проходит водораздел между двумя главными направлениями в философии — материализмом и идеализмом.

На первый взгляд может показаться, что основной вопрос философии в силу своей общности стоит далеко от жизни, от практической деятельности людей. Но такое представление ошибочно. Из решения этого вопроса вытекают определенные социальные выводы: то или иное отношение человека к действительности, понимание общественной жизни, исторических задач, нравственных принципов и т. д.

Если, например, вместе с идеалистами признать первичным сознание, дух, то источник социальных бедствий, от которых жестоко страдают трудящиеся в классовых обществах, а особенно при капитализме (порабощение и нищета трудящихся масс, разрушительные войны и т. д.), придется искать не в условиях материальной жизни людей, не в экономическом строе общества, не в его классовой структуре, а в условиях духовной жизни, в заблуждениях людей, в их нравственных пороках. Такой взгляд не дает возможности определить действительные пути изменения общественной жизни. Он не может указать трудящимся пути решения коренных проблем современности:

обеспечения мира, предотвращения империалистических войн, уничтожения колониализма, национального и классового гнета.

Идеалистический взгляд на мир так или иначе, прямо или косвенно, поддерживает религию, связан с мистикой. А религия в классовом обществе играет вполне определенную социальную роль: она служит духовным орудием порабощения масс, представляет собой, по образному выражению К. Маркса, опиум народа. Религия, проповедуя веру в бога и в загробную жизнь, внушает трудящимся мысль о бренности земной жизни и о тщетности борьбы за свое освобождение от классового гнета, прививает им дух пассивности, покорности, примирения с социальной несправедливостью на земле, обещая воздаяние на небе.

Идеализм и религия сходны между собой в главном, в решении основного вопроса мировоззрения. Всякая религия основана на вере в сверхъестественные силы, которые будто бы управляют миром. Тому же учит и идеализм, согласно которому нематериальная, духовная сила лежит в основе всех вещей и творит мир. Правда, в отличие от религии философы-идеалисты не всегда называют богом духовное начало, творящее, по их мнению, мир, но дело от этого нисколько не меняется. Даже в тех случаях, когда они отвергают примитивную, наивную веру в бога как всемогущее личное существо, их учения неизбежно ведут в конечном счете к поповщине, к поддержке религии.

Конечно, это не значит, что можно просто отождествлять идеалистическую философию с религией. Религия не является формой познания действительности. Она заменяет знание слепой верой, уводит от познания в область фантастических вымыслов и дает превратное объяснение действительности. Идеалистическая философия также является ложным учением, но некоторые идеалистические системы содержали в себе рациональные зерна знания о мире. Выдающиеся философы-идеалисты двигали вперед познание некоторых сторон действительности, хотя в целом понимали мир идеалистически, односторонне, превратно. Например, Гегель в своей философии разработал идею диалектического развития, но, будучи идеалистом, представил это развитие извращенно, как проявление саморазвития вымышленной «абсолютной идеи».

Идеалистическая философия имеет социальные и гносеологические корни. Если прогрессивные классы, как правило, защищали философский материализм, то реакционные классы, как правило, защищали различные формы идеализма.

Гносеологические, теоретико-познавательные корни идеализма состоят в одностороннем подходе к познанию, в преувеличении или даже абсолютизировании какой-либо одной из сторон, граней сложного, многостороннего процесса познания. Например, в процессе познания действительности люди создают обобщения, общие понятия, скажем — понятие «дом». Понятие «дом» вырабатывается путем абстрагирования, отвле-

чения известных общих признаков от реально существующих домов. В процессе абстрагирования содержится возможность отрыва мысли от действительности. Стоит забыть о происхождении общего понятия и принять его за нечто самостоятельно существующее, не зависящее от реальных предметов, как мы соскользнем на позиции идеализма.

Идеалистическая философия представляет собой, по выражению В. И. Ленина, пустоцвет, но пустоцвет, растущий на живом дереве живого, плодотворного, могучего, всесильного человеческого познания. Ленин сравнивал процесс познания с движением не по прямой линии, а по сложной кривой, по спирали. При одностороннем, субъективном подходе любой отрезок спирали может быть превращен в прямую, и тогда он уведет человека в сторону от магистрального пути познания, к искажению истины. А отход от истины часто соответствует интересам реакционных общественных классов, закрепляется ими, и отдельные идеалистические ошибки превращаются в идеалистические философские системы. Ленин отмечал, что прямолинейность и односторонность, окостенелость мысли, субъективизм и субъективная слепота представляют собой гносеологические корни идеализма.

Возникшее в классовом обществе отделение умственного труда от физического, а затем и противоположность между ними создают иллюзию, будто мысли, идеи независимы от практики и даже определяют практику. Этот идеалистический взгляд на мир искажает действительность, превратно истолковывает мир и используется эксплуататорскими классами для оправдания и утверждения своего господства. Так идеалистическое мировоззрение складывается и распространяется под влиянием определенных классовых отношений и классовых интересов.

Не случайно современная буржуазная философия, как правило, стоит на позициях идеализма, тогда как двумя столетиями раньше, например во Франции, философы, выражавшие идеологию буржуазии, отстаивали материализм. Это изменение философских взглядов объясняется изменением положения того класса, идеологию которого они выражают: буржуазия из прогрессивного, революционного, восходящего класса превратилась в реакционный, умирающий класс.

В противоположность идеализму материалистическое мировоззрение, как правило, выражало интересы передовых, прогрессивных сил общества, заинтересованных в развитии общественного производства, а следовательно, и в развитии науки.

После того как возникли науки о природе, материализм как философское мировоззрение развивался в тесной связи с естествознанием. Всякое научное объяснение в сущности является материалистическим, ибо наука дает естественное истолкование явлений, способное вооружать человека для преобразования мира. Наука исходит из того, что изучаемые ею предметы

и весь окружающий мир, его закономерные связи и отношения существуют объективно, независимо от нашего сознания. Наука в корне отвергает существование сверхприродных сил. Все развитие естествознания доказывает несотворимость природы, вечность материи и ее движения. Материя и ее движение постоянно превращаются из одних форм в другие, но никогда не возникают и не уничтожаются.

В многовековой борьбе между наукой и религией идеализм, как правило, выступал на стороне религии, а материализм — на стороне науки. Материализм по своему существу враждебен религии. Поэтому защитниками материализма обычно выступали в истории те социальные силы, которые боролись против религии и суеверий, за распространение просвещения. В. И. Ленин отмечал, что в течение всей новейшей истории «материализм оказался единственной последовательной философией, верной всем учениям естественных наук, враждебной суевериям, ханжеству и т. п.» [1]

Основной вопрос философии кроме проблемы о том, что является первичным — мышление или бытие, заключает в себе еще и вторую сторону: как наши идеи, мысли, знание о мире относятся к этому миру? В состоянии ли наше мышление познать действительный мир?

Почти с самого начала существования философии одной из важнейших ее задач было исследование процесса, метода и средств познания действительности. Она пыталась выяснить, что является источником нашего познания, можно ли рассматривать наши ощущения, представления, понятия как отражение мира и способны ли они правильно отобразить мир.

При решении этих вопросов также обнаруживается противоположность материализма и идеализма.

Материализм утверждает, что мир существует объективно, независимо от сознания, а люди представляют собой часть природы и отражают ее в своем сознании. Отсюда, естественно, вытекает признание возможности познания мира и его закономерностей.

Многие идеалисты также не отрицали возможности познания мира, но все они отвергают взгляд на познание как на отражение объективной реальности. Одни идеалисты (например, древнегреческий философ Платон) утверждали, что источник познания лежит в «потустороннем, идеальном мире», поэтому человек, желающий знать истину, должен отрешиться от окружающего мира, закрыть глаза и уши, вспомнить то, что его «бессмертная душа» якобы ранее наблюдала в мире идей. Другие идеалисты (например, Гегель) рассматривали познание как самопознание абсолютной идеи, которая творит мир и в лице человека познает самое себя. При всем разнообразии идеалистиче-

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., изд. 4, т. 19, стр. 4.

ских школ и различии их взглядов на познание все они отказываются видеть в ощущениях, понятиях, идеях человека отражение вещей, отказываются считать источником познания объективный мир.

Наряду с философами, признающими возможность познания мира, были и есть философы, подвергающие сомнению такую возможность (*скептицизм*) или даже пытающиеся обосновать невозможность познания мира. Философское направление, отрицающее возможность достижения достоверного знания, получило название *агностицизм* (от греческого «а» — не, «гнос» — знание).

Агностицизм нередко выступает как попытка уклониться от решения основного вопроса философии, объявить неразрешимым вопрос о первичности материи или сознания и даже о самом существовании объективного мира. Однако, претендуя на какую-то «среднюю» линию между материализмом и идеализмом, агностицизм в большинстве случаев на деле примыкает к идеализму [1].

Весьма характерно, что современная буржуазная философия почти сплошь стоит на позициях агностицизма: отрицает способность человеческого разума познать мир, сущность явлений, твердит о бессилии логического мышления. Это одно из проявлений упадка капитализма и буржуазии, давно утратившей гордую веру в творческую силу разума человека и в общественный прогресс.

Отрицание познаваемости мира принижает науку. Утверждая невозможность познания мира, агностицизм открывает дорогу религиозной вере, примирению науки и религии. Если считать невозможным достоверное знание о мире, то остается признать, что человек должен основывать свою практическую деятельность не на данных науки, а на догматах веры. В современных условиях агностицизм подрывает уверенность рабочего класса в возможности познать условия своего освобождения от капиталистического рабства, а стало быть, и практически порвать цепи этого рабства.

Социальный смысл такой проповеди ярко раскрыл М. Горький в следующей записи из дневника:

«В мире живут две мысли: одна, смело глядя во тьму загадок жизни, стремится разгадать их, другая признает тайны необъяснимыми и, в страхе пред ними, обоготворяет их.

Для одной — нет непознаваемого, существует только непознанное, другая — верит, что мир непознаваем навсегда.

Первая идет сквозь хаос явлений бытия, бесстрашно касаясь всего на трудном пути своем и все оживляя энергией своею, даже немые камни заставляет она красноречиво рассказывать о начале жизни; вторая — пугливо

[1] Агностицизм в прошлом иногда выступал и как стыдливая форма материализма. Так, некоторые естествоиспытатели XIX в. в Англии (Т. Гексли и др.), не решаясь под влиянием буржуазных предубеждений открыто признать себя материалистами, облачались в одежду агностицизма.

бросается из стороны в сторону, безуспешно пытаясь найти оправдание своего бытия.

— Существую ли я? — спрашивает она сама себя, тогда как первая говорит:

— Я — действую!

Первая нередко сама отдает себя мукам сомнений в силе своей, но холод скептицизма только оздоровляет ее, и, еще более сильная, она снова видит цель бытия в деянии; вторая — всегда живет в страхе пред собою, ей кажется, что кроме нее есть нечто высшее — начало, родственное ей, но — враждебное и грозно охраняющее тайну своего бытия.

Цель первой — бесконечное движение от одной истины к следующей и сквозь все — к последней, какова бы она ни была; цель второй — найти в мире вечного движения, вечных колебаний мертвую точку и утвердить на ней непререкаемый догмат, сковать дух исследования и критики железными оковами внушения.

Одна — философствует из любви к мудрости, будучи мужественно уверена в силе своей; другая — размышляет со страха, в чаянии победить страх.

Они обе свободны, одна — как всякая энергия, другая — как бездомная собака, она визжит пред каждой дверью, за которой чувствуется тепло, покой и дешевенький уют.

Чаще всего эта вторая мысль пресмыкается на папертях храмов, умоляя о милостыне внимания к ней — силу, созданную ее же страхом.

Это она, разлагаясь, отравляет землю ядами... мистики, первая же мысль на пути своем украшает мир дарами искусства и науки»[1].

История философии с древности до наших дней есть история борьбы материализма и идеализма. Борьба между ними велась и ведется крайне страстно, что само по себе свидетельствует, как близко философия затрагивает жизненные интересы людей. В книге «Материализм и эмпириокритицизм», посвященной защите материалистического мировоззрения и непримиримой борьбе против реакционной, идеалистической философии, В. И. Ленин охарактеризовал материализм и идеализм как две партии в философии. Новейшая философия, подчеркивал Ленин, также партийна, как и две тысячи лет назад. Борющимися партиями по сути дела являются материализм и идеализм; их борьба в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждующих между собой общественных классов.

Не всегда борьба материализма и идеализма ведется открыто, а философы прямо заявляют о своей принадлежности к тому или иному лагерю. В истории философии было немало попыток трусливо обойти противоположность материализма и идеализма, создать какое-то третье направление в философии, которое не было бы ни материалистическим, ни идеалистическим. Но эти попытки бесплодны. Они ведут к эклектизму[2] или завуалированному идеализму, выраженному в новых терминах. Это особенно характерно для современной буржуазной философии. Есть в современной буржуазной философии направления, которые более или менее открыто защищают идеализм и рели-

[1] *М. Горький*, Собрание сочинений, т. 14, 1951, стр. 207—208.

[2] Эклектизмом (от греческого «эклего» — выбираю) называется механическое, беспринципное соединение разнородных взглядов, идейных направлений, течений.

гию (такова, например, философия неотомистов — новых защитников учения Фомы Аквинского, идеолога католицизма). Но еще больше таких философов, которые заявляют, что они не причастны ни к материализму, ни к идеализму.

Позитивисты, например, на словах вообще отрицают философию, декларируя, будто они признают только положительное, позитивное знание. Многие буржуазные философы утверждают, что дух и материя — лишь слова, лишенные смысла, и что поэтому философия вообще не должна заниматься вопросом об их взаимоотношениях. По их мнению, вопрос об отношении бытия и сознания не только не является основным вопросом философии, но и вообще недостоин внимания философов, беспредметен.

К чему в таком случае эти философы сводят предмет философии? Один из основателей так называемого логического позитивизма, или неопозитивизма, известный английский философ *Б. Рассел* заявляет, что философия не может дать никакого нового знания о мире, ее задача состоит только в том, чтобы дать логический анализ научного познания; поэтому логика, рассматриваемая как формальная наука, есть сущность философии. Эта позиция означает попытку уйти от основного вопроса мировоззрения.

Еще дальше Рассела идет другой представитель современного позитивизма — *Р. Карнап*. Он считает, что логический анализ — это в своей основе анализ языка, что «логика есть синтаксис», а задача философии сводится к логическому анализу слов, предложений и т. д. Философ должен понять раз навсегда, что у него нет средств для ответа на вопросы, относящиеся к миру. «...Проблемы философии,— заявляет Карнап,— относятся не к конечной природе бытия, а к семиотической (смысловой) структуре языка науки, включая теоретическую часть повседневного языка» [1]. Итак, Рассел и Карнап считают единственной целью философии логический анализ понятий, общих терминов; философия в отличие от науки не утверждает истины, а только учит, как ее выражать.

Такая точка зрения означает попытку лишить философию ее действительного предмета изучения. Ведь философия всегда рассматривала вопросы о сущности мира, об отношении между мыслью и объективной действительностью как свои основные проблемы. Однако, пытаясь уйти от решения этих коренных вопросов мировоззрения, трусливо увертываясь от борьбы материализма и идеализма, разного рода позитивисты на самом деле не могут остаться в стороне от них. Они отрицают возможность познания объективного мира, отбрасывают самое понятие объективного бытия и тем самым становятся на позиции субъективного идеализма.

---

[1] *R. Carnap*, Introduction to Semantics, USA, 1946, p. 250.

С позитивистами сходится в этом отношении другое направление современной буржуазной философии — *экзистенциализм* [1]. Объективное бытие не признается экзистенциалистами ни основой, ни предметом философии. Вопрос об отношении мышления к бытию есть, по заявлению французского философа-экзистенциалиста А. Камю, такой же «глубоко безразличный» и «пустой» вопрос, каким он считает любой научный вопрос, например вопрос о том, вращается ли Земля вокруг Солнца или наоборот. Единственное, что имеет смысл,— это «существование», под которым понимается личное, индивидуальное существование моего «я», «то, чем я являюсь для себя». При таком крайнем субъективизме философия целиком сводится к индивидуальной морали, к психологии субъекта, последняя же трактуется в духе эгоцентризма. Западногерманский экзистенциалист Ясперс называл свою философию «мировоззренческой психологией» [2]. Подрывая доверие к силам человеческого разума и логическому мышлению, он призывал своих последователей «наблюдать психопатологически, спрашивать психопатологически, психопатологически анализировать и учиться думать психопатологически».

Но что значит отказаться от признания объективного бытия и от возможности его познания, от объективной истины? Это значит защищать линию идеализма.

Как бы ни стремились современные буржуазные философы уйти от решения основного вопроса философии и встать вне материализма и идеализма, над ними, это невозможно: так или иначе они вынуждены, хотя и не всегда прямо, отвечать на вопрос о том, существует ли объективный мир независимо от нашего сознания и как относится наше мышление к окружающему нас миру. Все многообразные философские направления и течения в конечном счете примыкают либо к лагерю материализма, либо к лагерю идеализма. Нет и не может быть философии надклассовой, беспартийной в классовом обществе. Об этом особенно следует помнить тогда, когда обостряется идейная борьба между силами прогресса и реакции.

Современная эпоха — это эпоха острой борьбы между силами растущего социализма и отживающего капитализма. Это борьба не только экономическая и политическая, но и идеологическая, которая находит свое отражение и в вопросах мировоззрения. Если реакционные силы берут себе в качестве идейного оружия идеалистическую философию и религию, то идейным оружием рабочего класса и его коммунистического авангарда является диалектический материализм.

В странах капитализма многочисленные реакционеры, в том числе и некоторые государственные деятели, ведут яростный поход против марксизма, атеизма и коммунизма, не брезгуя при этом прямой клеветой на коммунизм и на материализм. И сколько здесь проявляется высокомерного невежества! Желая во что бы то ни стало опорочить материализм, они объявляют коммунистов грубыми людьми, предпочитающими материальные блага духовным.

---

[1] Подробнее о сущности позитивизма и экзистенциализма см. в главе XIX.
[2] *K. Jaspers*, Psychologie der Weltanschauungen, Berlin, 1954, S. 6.

Эти невежественные и нелепые представления о коммунизме и материализме не новы. Их высмеял еще Энгельс в книге «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», характеризуя немецкого буржуа-обывателя, который под материализмом «понимает обжорство, пьянство, тщеславие и плотские наслаждения, жадность к деньгам, скупость, алчность, погоню за барышом и биржевые плутни, короче — все те грязные пороки, которым он сам предается втайне. Идеализм же означает у него веру в добродетель, любовь ко всему человечеству и вообще веру в «лучший мир», о котором он кричит перед другими, но в который он сам начинает веровать разве только тогда, когда у него голова болит с похмелья или когда он обанкротился...» [1]

Излюбленным приемом, который применяют идеологи буржуазии в целях опровержения марксистского материализма, служит также отождествление его с *вульгарным материализмом* середины XIX в. или с *механистическим материализмом* XVII—XVIII вв. Между тем марксистская философия представляет собой *современный* материализм, который весьма отличается от всех форм домарксового материализма, в том числе и от механистического материализма.

Слабость старых материалистических школ состояла в том, что их способ мышления был преимущественно метафизическим; они не были вооружены правильным, диалектическим методом познания.

Метафизическим [2] методом называется такой подход к изучению, при котором вещи, явления природы рассматриваются вне их органической взаимосвязи, как неизменные в своей сущности и лишенные внутренних противоречий. Этот метод односторонне отражает некоторые черты действительности: замечает относительную устойчивость вещей, игнорируя их развитие; выделяет отдельные элементы, забывая целое, которое они составляют.

Противоположный метафизическому метод познания называется *диалектическим* [3]. Он рассматривает вещи, явления и

---

[1] *Ф. Энгельс*, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, 1955, стр. 25.

[2] Слово «метафизика» имело в истории философии различное значение. Первоначально этот термин (от греческого «мета та физика» — буквально: после физики) возник как обозначение тех сочинений Аристотеля, которые следуют после его трудов по физике. А так как в этой части своих сочинений Аристотель рассматривал вопросы об «умозрительно постигаемых началах бытия», то термином метафизика обозначали всякое философское учение о «недоступных органам чувств началах всего сущего»; эти «начала» философы обычно рассматривали как неизменные. В дальнейшем (со времени Гегеля) метафизикой стали называть антидиалектический метод познания, рассматривающий мир, предметы и явления как нечто неизменное, неразвивающееся.

[3] Слово «диалектика»— от греческого «диалего», что значит веду беседу. В древности диалектика понималась как искусство добиться истины путем столкновения противоположных мнений.

их умственные отражения, понятия, во взаимной связи, в движении — в возникновении, противоречивом развитии и исчезновении. Незнание диалектики составляло серьезную слабость многих материалистических школ прошлого [1]. Оно мешало им последовательно провести свой материалистический взгляд. Особенно это сказывалось на понимании явлений общественной жизни, которые истолковывались ими идеалистически.

Маркс преодолел ограниченность старого материализма. Он обогатил материализм диалектикой — наиболее всесторонним и глубоким учением о развитии.

Научный диалектический метод познания является революционным, ибо признание того, что все изменяется, развивается, ведет к выводам о необходимости уничтожения всего отжившего, мешающего историческому прогрессу. Именно поэтому марксистская диалектика ненавистна идеологам буржуазии. В послесловии ко второму изданию «Капитала» Маркс, характеризуя свой метод, заметил: «В своём рациональном виде диалектика внушает буржуазии и её доктринёрам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществлённую форму она рассматривает в движении, следовательно также и с её преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» [2].

Благодаря выработке научного диалектического метода материализм был поднят на более высокую ступень. Основоположники марксизма продолжили многовековое развитие материалистической линии в философии и вместе с тем создали совершенно новое мировоззрение — диалектический материализм, в котором диалектический метод познания органически слит с материалистическим объяснением явлений не только природы, но и общества.

2. Отношение философии к другим наукам. Предмет марксистской философии

Диалектический материализм представляет собой единственно научную философию, опирающуюся на прочный фундамент всей современной науки.

Многие современные буржуазные философы не ставят философию в общий ряд с другими науками. Некоторые даже

---

[1] Как будет показано в следующей главе, были в прошлом и такие материалисты, у которых материалистический взгляд на мир сочетался со стихийно-диалектическим подходом к познанию мира или с элементами диалектики. Но это еще не был научно разработанный диалектический метод. Диалектико-материалистический метод был создан Марксом.

[2] *К. Маркс,* Капитал, т. I, 1955, стр. 20.

рассматривают ее как соединительное звено между религией и наукой, утверждают, что она призвана «объединить результаты конкретных наук с принципами морали и религии», или считают, что она является чем-то средним между наукой и теологией (богословием). «Философия в моем понимании,— пишет Рассел в «Истории западной философии»,— является чем-то промежуточным между теологией и наукой. С одной стороны, подобно теологии, она размышляет о вопросах, в отношении которых до настоящего времени не было достигнуто точного знания; но, с другой стороны, подобно науке, она взывает к человеческому разуму больше, чем к авторитету, имеющему свои корни в традиции или же в откровении. Всякое *точное* знание, в чем я совершенно уверен, принадлежит науке; все *догмы* относительно того, что выходит за пределы точного знания, относятся к теологии. Но между теологией и наукой существует ничейная земля, на которую покушаются обе стороны. Эта ничейная земля является философией» [1]. Эта характеристика действительно применима к современной буржуазной идеалистической философии, которая по своему содержанию мало чем отличается от религии, а у науки берет только форму рассуждения. Здесь Рассел прав. Но он глубоко заблуждается, относя эту характеристику ко всякой философии. Есть подлинно научная философия, выводы и методы познания которой так же научны и так же несовместимы с религией, как данные физики, химии, биологии и т. д. Этой философией является диалектический материализм, мировоззрение рабочего класса.

Диалектический материализм возник в результате исторического развития философии и науки. В процессе развития философии изменялось понимание самого предмета и задач философии, ее места среди других наук.

Философия возникла в древнем мире как всеобъемлющий свод знаний. Люди уже обладали тогда некоторыми математическими, астрономическими, физическими и другими знаниями, но эти знания еще не оформились в особые, специальные науки и входили в состав философии. Трактаты древних философов нередко так и назывались: «О природе», «О вселенной» и т. д. В них рассматривались не только собственно философские, но и многие специальные вопросы, например о происхождении растений, животных, человека, о возникновении языка, о формах государственной жизни и т. д. В этих сочинениях высказано немало гениальных догадок, предвосхитивших дальнейшее развитие науки. Так, например, мысль о том, что тела состоят из атомов, была выдвинута в древней философии за два с лишним тысячелетия до того, как естествознание экспериментально подтвердило атомистическую теорию строения тел. Уже древней материалистической философией было провозглашено положение

[1] *B. Russell*, A History of Western Philosophy, N. Y., 1945, p. XIII.

о том, что материя вечна, что она не возникает и не уничтожается; это положение позже нашло естественнонаучное подтверждение.

В начале развития философии наряду с первоначальным, *наивным* и *стихийным материалистическим* взглядом на мир так же стихийно сложился и диалектический подход к познанию мира. Мысль о том, что все движется («все течет, все изменяется») и находится во взаимной связи друг с другом, возникла в результате наблюдения над явлениями природы и общества. Но это было знание или, вернее, догадка об общем, которая еще не основывалась на детальном изучении частного, т. е. отдельных предметов и явлений. В этом состояла историческая ограниченность стихийного материализма античного мира.

От первоначального общего взгляда на мир, содержавшегося в передовых философских учениях древности, необходимо было перейти к научному исследованию отдельных вещей и процессов природы. Это стало особенно необходимо тогда, когда развитие производства потребовало применения к технологическим процессам данных науки. С этим и было связано возникновение отдельных наук, обслуживавших потребности общественной практики. Естественные науки одна за другой стали отделяться от философии: уже в древности начался процесс выделения в самостоятельные науки астрономии, математики, механики. Этот процесс ускорился с эпохи Возрождения и особенно с XVII в. Развитие производства уже не могло обходиться без естествознания. Потребности производства дали толчок возникновению таких самостоятельных наук, основанных на опытном исследовании природы, как физика, химия, позднее — биология и другие.

Науки в тот период занимались по преимуществу собиранием фактов и их систематизацией, классификацией, т. е. изучением частного. Связь же между различными областями знания пыталась установить философия. Характеризуя состояние научных знаний той эпохи, Энгельс отмечал: «Для восемнадцатого века характерной была идея энциклопедии; она покоилась на сознании, что все эти науки связаны между собой,но она не была ещё в состоянии совершать переходы от одной науки к другой, а могла лишь просто ставить их рядом» [1]. Философия и пыталась объединить все науки, связать их в единую систему. Отдельные науки нередко рассматривались как части философии, а философия выступала как своего рода энциклопедия человеческих знаний и претендовала на роль «науки наук». Французский философ XVII в. Декарт в предисловии к своей книге «Начала философии» писал: «Вся философия подобна как бы дереву, корни которого — метафизика [2], ствол — физика,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 1, 1955, стр. 599.

[2] Метафизикой Декарт называет учение о началах бытия и познания.

а ветви, исходящие от этого ствола,— все прочие науки, сводящиеся к трём главным: медицине, механике и этике» [1].

Претензии философии на роль «науки наук» имели известные оправдания до тех пор, пока основанное на эксперименте познание природы было слабо развито. В человеческом знании оставалось множество пробелов, и их должна была заполнить философия. Те общие вопросы ряда наук, для решения которых не хватало экспериментальных данных, решались умозрительным путем, т. е. путем логических рассуждений. Однако это порождало наряду с гениальными догадками и множество вымыслов, тормозивших развитие естествознания.

По мере того как отдельные науки становились на твердую почву опытного познания, они отделялись от философии, обретали самостоятельность. И это было прогрессом не только для конкретных наук, но и для самой философии, так как побуждало ее отказаться от неосуществимой задачи — подменить собой все другие науки.

В XIX в. благодаря открытиям естествознания продвинулось далеко вперед познание взаимных связей процессов, совершающихся в природе, и притом не только связей, которые существуют между процессами природы в отдельных ее областях, но и связей между различными областями, изучаемыми разными науками. С помощью данных естествознания оказалось возможным дать общую картину природы как связного целого. И поскольку теперь каждая отдельная наука могла сама выяснить свое место в общей системе знаний, то оказалась излишней так называемая натурфилософия (философия природы), которая пыталась умозрительно создать общую картину природы. Подобно этому развитие общественных наук и особенно создание Марксом и Энгельсом научной теории развития общества — исторического материализма сделали излишней прежнюю философию истории, пытавшуюся столь же умозрительно дать связное изображение истории человечества и подменявшую действительную связь явлений в истории вымышленной связью.

Возникновение марксистской философии в 40-х годах XIX в. означало конец старой философии, претендовавшей на роль «науки наук». Марксистская философия открыто признала, что такая философия, пытающаяся стать над науками, не нужна. Как подчеркивал Энгельс, задача состоит не в том, чтобы из головы придумывать связи между явлениями, а в том, чтобы открывать связи, законы в самой действительности. Марксистская философия — это, по словам Энгельса, «мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках» [2].

---

[1] *Р. Декарт*, Избранные произведения, Госполитиздат, 1950, стр. 421.

[2] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1957, стр. 130.

Современные науки представляют собой чрезвычайно разветвленную систему знаний. Какую бы область явлений окружающего нас мира мы ни взяли, она изучается какой-либо специальной наукой. Что же остается в таком случае на долю философии? Не напоминает ли ее положение среди наук печальную участь шекспировского короля Лира, который разделил свое царство между дочерьми, а сам остался без владений?

Нет, такой вывод был бы неправилен. С упразднением старой философии как «науки наук» философия не утратила своего собственного предмета. Философия изучает тот же мир, который исследуют частные науки. Но она познает более общие связи и отношения, чем частные, специальные науки, изучающие те или иные отдельные области явлений. Развитие частных наук не устранило необходимости в решении коренных вопросов мировоззрения, которыми всегда занималась философия. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин не раз подчеркивал, что коренной философский вопрос — это вопрос о том, что первично — материя или сознание, что является источником нашего познания. Этот основной вопрос всякого мировоззрения нельзя смешивать с теми конкретными вопросами, которые решают физика, химия и другие науки. Ленин решительно возражал против попыток махистов смешивать «учение о том или ином строении материи с гносеологической категорией,— смешивать вопрос о новых свойствах новых видов материи (например, электронов) с старым вопросом теории познания, вопросом об источниках нашего знания, о существовании объективной истины и т. п.» [1]

Вопрос о признании существования материи как объективного источника наших ощущений есть именно гносеологический, а не физический или химический вопрос, отмечал Ленин [2]. К числу гносеологических относятся вопросы: об отношении сознания к материи — что из них первично и что вторично; являются ли наши ощущения, представления, понятия отражением объективного мира; при каких условиях это отражение представляет объективную истину; в чем состоит критерий истины; что такое материя, каковы формы ее существования и т.д.

Развитие наук о природе и обществе освободило философию от задачи изучения частных законов, которые являются предметом изучения специальных наук. Каждая частная наука исследует законы тех или иных форм движения: механика — законы механического движения, перемещения тел; химия — движение и соединение атомов и т. д.; биология — законы развития живых организмов; общественные науки — законы развития тех или иных процессов и явлений общественной жизни.

Если частные науки изучают те или иные области, стороны явлений мира, то диалектический материализм раскрывает то

[1] *В. И. Ленин*, Соч., изд. 4, т. 14, стр. 116.

[2] См. там же, стр. 258.

общее, что лежит в основе *всех* явлений и процессов. Он дает знание тех общих законов, которым подчинено всякое движение и развитие, в какой бы области явлений оно ни происходило: в природе, в обществе или в человеческом мышлении.

Мир един, потому что все явления в окружающем нас мире представляют собой различные формы движущейся материи. В нем действуют не только частные, но и всеобщие законы развития. Общие законы столь же реальны, как и частные законы.

Диалектический материализм изучает наиболее общие законы, действующие во всем мире, а также их отражение в познании человека. Общие закономерности развития познания не изучаются какой-либо из частных наук, а входят в предмет изучения философии.

В каком же отношении друг к другу стоят общие законы развития объективного мира и законы развития познания?

Как уже говорилось выше, познание человека отражает объективный мир. Поэтому оно не может развиваться по законам, совершенно отличным от законов развития самого мира. Когда человек мыслит по законам логики, исходя при этом из правильных посылок, то он приходит к таким выводам, которые согласуются с действительностью. Это показывает, что мышление и действительность подчинены в сущности одним и тем же общим законам.

Диалектический материализм рассматривает мир так, как он существует, т. е. в постоянном изменении и развитии. А если все предметы находятся в развитии, то это относится и к категориям (понятиям), отражающим их.

Всякая наука пользуется общими понятиями, *категориями*, которые находятся в логической связи друг с другом. При этом логическая связь и последовательность категорий в науке выступает как обобщенное отражение исторического развития самой действительности и развития познания.

Например, в «Капитале» Маркс начинает анализ капитализма с изучения категории товара, вскрывает внутренние противоречия товара и их развитие, показывает, как диалектическое развитие этих противоречий приводит к образованию денег и как деньги превращаются в капитал. Эта логическая связь категорий (*товар — деньги — капитал*) — не просто конструкция мышления, а обобщенное отражение исторического процесса развития капитализма. Известно, что товар не только логически, но и исторически предшествует капиталу, капиталистическое производство рождается из товарного производства.

В отличие от категорий частных наук, например политической экономии (товар, деньги, капитал и др.), *философские категории* — это наиболее общие понятия, которые применяются в любой науке. Ни один ученый, будь то естествоиспытатель, историк, экономист, литературовед и т. д., не может обойтись без таких наиболее общих понятий, как *закон, закономерность, противоречие, сущность и явление, причина и действие, необходимость и случайность, содержание и форма, возможность*

и действительность и т. д. Философские или логические категории выражают наиболее общие связи между явлениями действительности и вместе с тем представляют собой ступени познания мира, служат орудиями мышления, обобщают исторический опыт изучения мира человеком.

Разумеется, изучением логических категорий нельзя заменить изучение конкретных процессов. Философия марксизма-ленинизма служит руководством к познанию самых различных областей действительности, но она не подменяет частные науки. Она не дает готовых решений тех вопросов, которыми занимаются частные науки, а вооружает все науки правильной теорией мышления и *методом* для нахождения этих решений.

Правильный метод имеет огромное значение для познания действительности. Знаменитый английский материалист XVII в. Ф. Бэкон сравнивал метод с фонарем, который освещает путнику дорогу. Ученого, не вооруженного правильным методом, он уподобил путнику, бредущему в темноте и ощупью отыскивающему себе дорогу.

Но какой же метод познания следует считать правильным? Не есть ли выбор того или иного метода дело вкуса ученого, подобно тому как собирающийся в дорогу путник может выбрать по своему усмотрению тот или иной фонарь?

Нет, правильный метод познания не может быть результатом субъективного усмотрения. Метод познания не сводится к простой совокупности технических приемов и навыков исследования: он должен представлять собой аналог действительности, т. е. отражение законов объективного мира.

Чтобы метод был подлинно научным, т. е. служил бы орудием получения правильных знаний, он должен вести мысль человека как бы параллельно тому пути, по которому идет развитие самой изучаемой действительности. Метод должен отражать те связи между явлениями, которые есть между ними на самом деле, выражать те изменения объекта, которые он реально претерпевает.

Таким образом, чтобы мысль шла верным путем, она должна двигаться от одной фазы к другой по тем же законам, что и сама изучаемая действительность. Научный метод познания опирается, следовательно, на применение к познанию наиболее общих законов развития природы, общества и мышления. А знание этих законов дает диалектический материализм. «...Именно диалектика,— писал Энгельс,— является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой» [1].

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1955, стр. 22.

Диалектический материализм есть мировоззрение, метод познания и действия. Он вооружает ученых всех отраслей знания цельной и последовательно научной теорией мышления, всеобщим методом исследования. Отделять науку от философии — это значит обрекать ученых на то, чтобы они совершали великую работу познания действительности вслепую, ощупью, без направляющих мировоззренческих методологических идей. Это значит заставлять их вновь решать давно решенные проблемы, причем решать на ограниченном и неполном материале, без учета опыта всей истории человеческого мышления. Поступать так — это значит тормозить науку и толкать ее в тупик.

В такой тупик толкают науку, например, различные разновидности *позитивизма* — течения, распространившегося в буржуазной философии с середины XIX в. Позитивисты утверждают, что наука не нуждается ни в какой философии; их лозунг — «наука — сама себе философия».

Однако позитивисты лишь на словах отвергают философию, призывая ученых придерживаться положительного, опытного знания. На деле они тоже проповедуют философию, но только ненаучную, которая сводит опыт к совокупности чувственных восприятий, отказываясь от решения вопроса о том, чем порождены эти чувственные восприятия. В результате позитивисты приходят к отрицанию возможности познания объективного мира, к агностицизму и идеализму.

Между тем очевидно, что никакая наука не может плодотворно развиваться без глубокого убеждения в способности человека познать закономерности действительности и использовать знания в практической деятельности. Отрицание этого обрекает науку на бесплодие, ибо, как правильно заметил К. А. Тимирязев, «приступая к объяснению какого-либо явления, нельзя отправляться от того положения, что оно необъяснимо»[1].

Многие естествоиспытатели под влиянием позитивизма заявляли, что отказываются от всякой философии. Но такой отказ в действительности невозможен. В науке нельзя быть «наедине с фактами», оставив теорию за порогом лаборатории и принудив ее молчать, ожидая, что скажут факты в их «чистом виде», факты «сами по себе». Без теоретического мышления наука не может существовать, ибо она призвана не просто описывать явления, а объяснять их. Но как только ученый ставит перед собой задачу объяснить те или иные явления, установить между ними связь, он должен мыслить, а при этом ему волей-неволей приходится пользоваться логическими категориями, философскими понятиями. Правда, этими понятиями не всегда пользуются правильно. Часто им придается смысл,

---

[1] *К. А. Тимирязев*, Витализм и наука, Соч., т. V, 1938, стр. 188.

какой навязан старой школьной, ходячей буржуазной идеалистической философией. Но научные понятия, категории есть результат длительного развития всемирно-исторической практики, результат развития теоретического мышления, философии.

Там, где наука от собирания и описания фактов, процессов переходит к установлению законов, к теоретическим выводам, любой широко мыслящий физик, химик, биолог, социолог вступает на такую почву, где он не может обойтись без философии, без мировоззрения, без теории познания. Весь вопрос только в том, *какой философией* он пользуется — научной, материалистической или ненаучной, идеалистической, или, что часто бывает, эклектической, представляющей собой смесь идеализма и материализма; пользуется ли он модными продуктами господствующей в буржуазном мире поверхностной и эклектической философской мысли или научной философией диалектического материализма, являющейся высшим результатом многовекового развития философии и естествознания.

В статье «Естествознание в мире духов» Энгельс пишет, что философия мстит за себя тем естествоиспытателям, которые покинули ее. На примере биолога А. Уоллеса, физика У. Крукса и других, которые поверили в существование духов и стали жертвой дикого суеверия — спиритизма, Энгельс показал, что плоская эмпирия, презирающая теорию, ведет от естествознания к мистицизму.

Давая единый взгляд на мир, образуя цельное мировоззрение, научная философия позволяет исследователю взглянуть на каждую изучаемую им проблему с более широкой точки зрения. Это открывает возможность преодолеть ту односторонность в подходе к предмету исследования, которая неизбежно возникает при специализации наук.

Какое бы высокое развитие ни получили отдельные науки, как бы ни дифференцировалось, разветвлялось древо науки, философия никогда не потеряет права на существование. Развитие науки, с одной стороны, ограничило и как бы сузило, но вместе с тем в известном смысле расширило круг вопросов, требующих философского обобщения. Прогресс науки ставит перед самими частными науками такие вопросы, с которыми не могут справиться ученые-специалисты, если они не владеют научным философским мировоззрением.

В обстановке острой идеологической борьбы ученый-специалист той или иной отрасли знания, не вооруженный правильной материалистической философией, часто оказывается не в состоянии устоять перед натиском реакционной идеологии и попадает в плен к ненаучной, идеалистической философии, мешающей развитию науки. «Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом,— подчеркивал Ленин,— естественник должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который пред-

ставлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом» [1].

Марксистская философия является руководящим методом и для общественных наук. Она вооружает их пониманием закономерностей исторического развития человечества. Общие законы всякого движения и развития, изучение которых составляет предмет диалектического материализма, находят свое применение и в познании общественной жизни. Маркс и Энгельс распространили материализм и диалектику на познание явлений общественной жизни, выработали научное понимание общественной жизни — исторический материализм.

Исторический материализм составляет неотъемлемую часть философского мировоззрения, созданного Марксом и Энгельсом. Без правильного понимания наиболее общих законов развития общества не может быть цельного научного мировоззрения. Материализм как философское мировоззрение не был законченным, не мог охватить единым истолкованием весь мир, пока не был распространен на познание человеческого общества. Основной вопрос философии — вопрос об отношении мышления к бытию — должен был быть материалистически решен и в применении к общественной жизни. «Если материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не обратно, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения *общественного* сознания из *общественного* бытия» [2]. Решив эту задачу, Маркс и Энгельс достроили материализм доверху. Таким образом, с открытием исторического материализма впервые было создано цельное, последовательное и всесторонне развитое материалистическое мировоззрение, охватывающее как природу, так и общественную жизнь.

Только на базе материалистического понимания истории, раскрывшего значение общественно-исторической деятельности людей, мог быть преодолен один из главных недостатков прежнего материализма — созерцательный подход к действительности и к ее познанию. Выясняя принципиальное отличие своей философии от всей предшествующей, Маркс указывал, что философы до сих пор только объясняли мир, задача же состоит в том, чтобы его изменить. Эту действенную роль и выполняет марксистская философия, служащая орудием революционного преобразования мира.

8. Диалектический и исторический материализм — идейное оружие революционного пролетариата

Все переломные эпохи истории характеризуются обострением борьбы не только в области политики и экономики, но и в области идеологии. В такие эпохи особенно настоятельна

[1] *В. И. Ленин*, Соч., изд. 4, т. 33, стр. 207.

[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 21, стр. 38—39.

потребность в философском осмыслении глубоких перемен, происходящих в общественной жизни, и наглядно выступает столкновение различных мировоззрений. Достаточно напомнить для примера эпоху Возрождения, когда начался упадок феодализма и его духовной опоры — церкви. В ту эпоху в открытой или скрытой за религиозной оболочкой форме происходила борьба прогрессивных и реакционных сил, и это находило свое выражение в борьбе философских мировоззрений. В творениях Коперника, Джордано Бруно, Галилея, Томаса Мора и других мыслителей того времени были противопоставлены духовной диктатуре церкви идеи философского материализма и гуманизма. Подобно этому в XVIII в. во Франции штурму Бастилии предшествовала атака на реакционные духовные устои старого строя. Произведения французских просветителей, подвергших критике идеологию и учреждения феодализма, произвели революцию в умах, послужившую введением к социальной революции.

Современная эпоха — это эпоха самого глубокого в истории социального переворота, призванного всюду положить конец классовому обществу, основанному на эксплуатации человека человеком, и создать новое, коммунистическое общество, свободное от всех форм классового и национального гнета. Это вместе с тем и эпоха острейшей борьбы между мировоззрением буржуазии, стремящейся всеми силами отстоять отживший капиталистический строй, и мировоззрением революционного пролетариата.

Марксистская философия возникла как идеология пролетариата, наиболее революционного класса в истории, который возглавляет народные массы в борьбе за ниспровержение капитализма и построение коммунизма. Правильное, научное мировоззрение имеет огромное значение для освободительной борьбы трудящихся. Как отметил Ленин, философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали до тех пор все угнетенные классы. Марксистская философия дала возможность передовым рабочим освободиться от духовного гнета религии, от наивной веры в добрые намерения правителей и хозяев капиталистического мира, осознать, что избавиться от эксплуатации рабочий класс может только своей собственной активной борьбой.

Благодаря созданию диалектического и исторического материализма, а также своего экономического учения Маркс и Энгельс смогли превратить социализм из утопии, из мечты о лучшем будущем в науку, указывающую партии пролетариата правильный путь борьбы за построение нового общества.

Марксизм впервые дал последовательно научную базу для практики революционного преобразования мира.

В истории социальных учений было множество примеров, когда люди, объявлявшие свои теории крайне революционными,

но стоявшие на позиции идеализма, сводили задачи освобождения трудящихся лишь к избавлению их от ложных идей, от иллюзий. Еще в начале своей деятельности Маркс и Энгельс подвергли уничтожающей критике левых гегельянцев [1], которые видели причину угнетенного положения рабочих в их мышлении и уверяли их, будто те упраздняют капитал, преодолевая в мысли *категорию* капитала. Рабочие знают, подчеркивали Маркс и Энгельс, что частная собственность, капитал, наемный труд, эксплуатация рабочих капиталистами представляют собой далеко не призраки воображения, а реальные отношения и что поэтому они должны быть упразднены практическим образом.

Нетрудно видеть, что в этом споре выступает та же противоположность материализма и идеализма, которую мы видели при рассмотрении основного вопроса философии. Маркс и Энгельс и здесь выступают как последовательные материалисты, которые видят причину угнетенного положения рабочего класса в капиталистических условиях его общественного бытия, а поэтому считают необходимым практически преобразовать это бытие, революционным путем уничтожить капиталистический строй. Напротив, критикуемые ими левые гегельянцы целиком стояли на позициях идеалистического понимания истории, которое приписывает определяющую роль в общественной жизни идеям, взглядам людей.

С точки зрения этого идеалистического взгляда рабочие «перестают быть в действительности наёмными рабочими, лишь только они в мысли упраздняют мысль о наёмном труде, лишь только они в мысли перестают считать себя наёмными рабочими и, сообразно с этим сумасбродным воображением, уже не допускают, чтобы их оплачивали как отдельных лиц. Как абсолютные идеалисты, как эфирные существа, они, естественно, могут затем жить эфиром чистого мышления» [2].

На таких же идеалистических позициях стоят и те современные правые социалисты, которые, подобно бывшему лидеру французских правых социалистов Л. Блюму, пытаются подменить задачу революционного преобразования капиталистического общества проповедью нравственного самоусовершенствования людей. «Мы должны сделать жизнь лучше, совершенствуя самих себя»,— лицемерно взывают они. Источник социальной несправедливости они усматривают в нравственных недостатках людей, а путь к их устранению — в самосовершенствовании.

А в действительности, наоборот, нравственные пороки имеют своим источником бесчеловечные условия жизни в капиталистическом мире, основанном на частной собственности и эксплу-

[1] Левыми гегельянцами (или младогегельянцами) называли идеологов немецкого буржуазного либерализма 30—40-х годов XIX в. (Бруно Бауэр, Д. Штраус и др.). Подробнее о них см. в главе III.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 2, 1955, стр. 58.

атации человека человеком. Поэтому в противоположность идеалистам сторонники исторического материализма считают необходимым условием уничтожения социального зла коренное изменение общественного бытия, осуществляемое социалистической революцией пролетариата. Материалистический подход к явлениям общественной жизни приводит, таким образом, к признанию необходимости социальной революции.

Идея социальной революции, порождаемая капиталистической действительностью, своей теоретической основой имеет диалектико-материалистический взгляд на развитие природы и общества. Если все изменяется, как этому учит диалектика, то не может быть неизменным и общественный строй; каждая форма общественной жизни, порожденная в свое время потребностями исторического развития, в дальнейшем отживает и должна быть заменена новой, высшей формой. А эта замена в классовом обществе, развивающемся через столкновения классов, осуществляется социальной революцией.

Конечно, сказанное было бы неправильно понимать в том смысле, будто идея социалистической революции, диктатуры пролетариата и весь научный социализм Маркса представляют собой чисто логический вывод из марксистского материализма и диалектики. Научный социализм есть результат глубокого анализа капитализма, законов его развития. Марксистская политическая экономия показывает противоречия капитализма, неизбежно ведущие к обострению классовой борьбы и к социалистической революции пролетариата. Но, подчеркивая значение экономической теории марксизма для обоснования научного социализма, нельзя не видеть вместе с тем внутренней связи между материалистической диалектикой Маркса и его учением о классовой борьбе, социалистической революции и диктатуре пролетариата.

Экономическая теория Маркса также имеет своей методологической, философской основой диалектический и исторический материализм. Ленин писал, что в «Капитале» Маркса «применена к одной науке логика, диалектика и теория познания материализма», что «диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики»[1]. Поэтому нельзя вполне понять «Капитал» Маркса, особенно его I главу, без изучения диалектики.

Философский материализм и диалектический метод Маркса пронизывают собой все составные части его учения, объединяя их единым стройным мировоззрением.

Оппортунисты из II Интернационала, а также современные ревизионисты сплошь и рядом утверждали и утверждают, будто марксизм не имеет своей философии; они пытались свести учение

---

[1] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 215, 328.

Маркса к исторической и экономической теории, которая якобы может быть соединена с любой философской системой [1].

Эклектики, пытавшиеся соединить марксистское учение об обществе с немарксистскими философскими системами, неизменно терпели крах. Их попытки свидетельствуют о том, что они не понимали и не желали по-настоящему понять ни марксистскую философию, ни политическую экономию, ни научный социализм. Отказаться от философии марксизма — диалектического и исторического материализма — значит выхолостить революционную душу марксистской теории, лишить научно-философской основы и учение Маркса об обществе, и его теорию социализма.

Столь же враждебны марксизму и попытки современных ревизионистов объявить «устаревшим» деление философских направлений на материализм и идеализм. Эти утверждения на деле означают сползание ревизионистов на позиции буржуазной философии, отказ от диалектического материализма, повторение того, с чего начали свою измену марксизму Бернштейн, а затем Богданов, Каутский, Макс Адлер и другие ревизионисты марксизма.

Стратегия и тактика марксистской партии неразрывно связаны с основными посылками ее мировоззрения — диалектического и исторического материализма. Ленин не раз указывал, что политика Коммунистической партии основывается не на субъективных пожеланиях, а на строгом материалистическом учете объективных условий, в особенности соотношения классовых сил. Вырабатывая свою стратегию и тактику, партия рассматривает классы и взаимоотношения между ними не в статике, а в движении, и притом не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего, как этого требует революционная диалектика.

Для Коммунистической партии вопросы мировоззрения никогда не были и не могут быть «частным делом» отдельных ее членов. Оппортунисты твердят, что философские взгляды и религиозные верования являются частным делом каждого социал-демократа, что партия не связывает себя никакой фило-

---

[1] В 1898 г. в письме к Плеханову, написанном в тот период, когда ревизионисты пытались соединить марксизм с неокантианством, Карл Каутский, бывший в свое время виднейшим теоретиком II Интернационала, писал: «Во всяком случае, я должен открыто заявить, что неокантианство меня смущает меньше всего. Я никогда не был силен в философии и, хотя я и стою целиком на точке зрения диалектического материализма, все-таки я думаю, что экономическая и историческая точка зрения Маркса и Энгельса в крайнем случае совместима с неокантианством». Десятилетием позже, когда ревизионисты стали соединять марксизм с идеалистической философией Маха, Каутский заявил, что он рассматривает марксизм не как философское учение, а как эмпирическую науку, как особое понимание общества. Это воззрение, говорил он, правда, несовместимо с идеалистической философией, но оно не противоречит теории познания Маха.

софией. Такая проповедь широко открывает двери для проникновения в рабочую партию буржуазных взглядов, для ревизии марксизма и подмены его идеалистической буржуазной философией и социологией. В противоположность стремлениям оппортунистов Коммунистическая партия выросла и закалилась как монолитная организация, объединенная общностью идейных, политических, тактических и организационных принципов. Защиту теоретических, философских основ марксизма Коммунистическая партия рассматривает как свое партийное дело, ибо в марксистской философии она видит духовное оружие рабочего класса.

Не противоречит ли пролетарская, коммунистическая партийность теории ее научности? Идеологи буржуазии, а вслед за ними и ревизионисты обычно превозносят беспартийность в теории как синоним объективности, беспристрастности, научности. Но в действительности всякая философская, социологическая и экономическая теория, пытающаяся объяснить животрепещущие вопросы общественной жизни, выражает интересы того или иного класса и в этом смысле является партийной. Все дело в том, каков этот класс, в каком отношении к общественному прогрессу находятся его интересы. Интересы реакционной буржуазии требуют увековечения эксплуатации и угнетения человека человеком. Эти интересы толкают идеологов буржуазии к искажению истины во имя узкоэгоистических интересов класса, к превратному изображению действительности. Чтобы сохранить капиталистический строй и господство своего класса, идеологи современной бужуазии стараются представить капитализм в лучшем свете, прикрывают его противоречия и всячески охаивают социализм.

Реакционные классы не могут принять революционную, материалистическую диалектику. Напротив, пролетариат, как последовательно революционный класс, заинтересован в коренной переделке общества, в уничтожении всяческого угнетения. Он берет власть не для того, чтобы заменить одну форму эксплуатации другой, а для того, чтобы уничтожить всякую эксплуатацию и всякие классы. А осуществить эту задачу, преобразовать мир можно лишь тогда, когда знаешь его закономерности, Поэтому пролетариат и его марксистская партия заинтересованы в познании мира таким, каков он есть, без всяких искажений. Они заинтересованы в раскрытии тех тенденций развития, которые возникают в самой действительности. Только научное мировоззрение может быть правильным руководством для революционного действия. Вот почему пролетарская, коммунистическая партийность в науке, в частности в философии, не противоречит объективности, а требует объективного познания мира, совпадает со строгой научностью, с объективностью.

Признавая партийность теории, заявляют современные ревизионисты, марксисты скатываются к упрощенному делению

философов на два лагеря — на материалистов и идеалистов, отталкивают от себя значительную часть философов и представителей других общественных наук, отказываются от всего ценного, что имеется в немарксистской философии, социологии, экономической теории, историографии и т. д.

Марксистам незачем разделять философов на два лагеря, это деление существует в жизни независимо от чьих бы то ни было оценок. Отрицать этот факт так же бессмысленно, как отрицать существование классов и их борьбы в современном капиталистическом обществе. Но признание этого факта отнюдь не тождественно нигилистическому отношению к положительным результатам исследований буржуазных ученых. Марксисты умеют проводить грань между ценнейшими фактическими исследованиями, которые нередко дают буржуазные ученые, добросовестно изучающие действительность, и их ложными теоретическими, философскими обобщениями и выводами. Отбрасывая то, что несет на себе печать буржуазной ограниченности и предрассудков, марксисты используют все достижения буржуазных исследователей в области конкретных наук. Игнорировать эти достижения — значит скатываться на позиции сектантства, а воспринять вместе с ними философские выводы их авторов — значит сдать свои идейные позиции, попасть в плен к враждебной идеологии.

Далее, реакционность современного идеализма как философского учения не означает, будто все его сторонники являются лично политическими реакционерами, врагами мира и демократии. Идеалистические заблуждения буржуазных ученых не обязательно имеют своим источником личную корыстную заинтересованность в защите капитализма, как утверждают вульгаризаторы марксизма. Эти заблуждения часто являются результатом влияния буржуазных предрассудков, ограниченности общественного кругозора и т. д. Не допуская никаких компромиссов с буржуазной идеологией, с философским идеализмом, марксистские партии не отталкивают от себя проникнутые этой идеологией слои буржуазной интеллигенции, а, наоборот, стремятся привлечь их к общей борьбе за мир, демократию и социализм.

Чем глубже становится кризис капитализма, тем очевиднее выступает его неспособность обеспечить дальнейший экономический, политический и умственный прогресс человеческого общества. Чем большую роль в политической жизни капиталистических стран играют милитаристы, агрессивные силы, поборники войны, тем больше лучших представителей интеллигенции освобождается от буржуазных предрассудков, обращает свои взоры к социализму.

Ныне даже противники марксизма вынуждены, к своему огорчению, признать растущее влияние марксистской философии на массы трудящихся во всем мире. Иные из них назы-

вают учение марксизма самой значительной и в то же время самой тревожащей идейной силой в современном мире. «Идет великая борьба за умы людей,— так начинает свою книгу «Жизненные проблемы философии» американский профессор Гарольд Тайтес.— Исход этой борьбы не определяют военные победы и оружие. Можем ли мы в предстоящие десятилетия выиграть битву за цивилизацию? Можем ли мы победить в битве идей, в борьбе за умы и убеждения людей? Мы живем ныне в обстановке мировой революции, оказывающей влияние на все стороны человеческой жизни и общества и проникающей до самых их основ. Возможно, это период, подобный падению Рима, Возрождению, Реформации или промышленной революции... Прежние объяснения и нормы как будто распались, многие люди затрудняются найти новые, устойчивые основы жизни... Коммунизм угрожает нашим традиционным верованиям и обостряет борьбу за умы и сердца людей» [1].

Тревога защитников капитализма не напрасна. Великие исторические перемены, происшедшие в мире за последние десятилетия,— победа социализма в СССР и его успешное движение к коммунизму, социалистические преобразования в Китае и в других странах народной демократии, продолжающийся распад колониальной системы империализма — подтверждают истинность марксизма-ленинизма. Трудящиеся всего мира видят, что сбывается предсказанное Марксом крушение капитализма, что наступает предсказанный Лениным новый период всемирной истории, когда народы Востока сами решают свою судьбу и становятся новым мощным фактором международных отношений.

Только идеи марксизма-ленинизма оказались способными указать народам путь их действительного освобождения, дать ответ на вопросы, поставленные современной эпохой всемирной истории.

В такие переломные эпохи, какую переживает ныне человечество, особенно возрастает значение правильного, научного мировоззрения, открывающего ясные перспективы, вселяющего в массы трудящихся уверенность в торжестве их правого дела.

Процессу возникновения и развития научного мировоззрения — диалектического и исторического материализма, раскрытию его основного содержания посвящены последующие главы этой книги.

---

[1] *Harold H. Titus,* Living Issues in Philosophy, N.-Y., 1953, p. 1,3.

ГЛАВА II

БОРЬБА МАТЕРИАЛИЗМА И ИДЕАЛИЗМА В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ ДОМАРКСИСТСКОЙ ЭПОХИ

Всемирная история представляет собой закономерный процесс смены низших общественных форм высшими. Развитие философской мысли народов от древности до наших дней есть составная часть и одно из отражений процесса развития общества.

Возникновение философии как особой формы общественного сознания относится к той эпохе всемирной истории, когда первобытнообщинный строй сменился более развитым — рабовладельческим строем. В эту эпоху в древней Индии, в древнем Китае, в древней Греции, Риме и в других странах стали появляться первые философские учения. В настоящей главе кратко рассматривается развитие философской мысли народов от древности вплоть до возникновения марксистской философии.

1. Наивный материализм и стихийная диалектика древних

Уже в народном творчестве древнейших эпох, в мифологии, в фантастических сказаниях о богах и героях наряду с религиозно-мистическими представлениями о сверхъестественных, божественных существах — творцах всех вещей выступают зародыши натуралистического, естественного понимания окружающих человека явлений мира. Так, в мифах древних египтян говорится, что все произошло из воды-океана и что воздух пребывает во всех вещах. Один из древнейших памятников индийской мифологии — Ригведа наряду с мифами о дэвах — божествах первобытной религии содержит представления о естественном характере происхождения вещей. Мир произошел из воды — этот мифологический образ Ригведы аналогичен взглядам древних египтян, вавилонян и многих других народов.

Подобные начатки натуралистического подхода к природным явлениям, встречающиеся в древних мифах, впоследствии стали идейным источником древнейших философских учений.

Передовые мыслители в древнем Египте, Вавилонии, Индии, Китае, Греции, Риме и других странах древнего мира противопоставили религиозно-мистическим и мифологическим взглядам, сложившимся в первобытные времена, материалистическое понимание природных явлений. Они рассматривали мир таким, каков он есть, каким он представляется нашему первоначальному взгляду, без привнесения в него предвзятых идей.

Древние философы впервые поставили вопрос о том, что лежит в основе мира. Совершенно естественно, что при формировании мировоззрения вопрос о первоначале и единстве многообразных явлений окружающей человека действительности выдвигается на первый план. В сущности задача философии тогда в том и состояла, чтобы попытаться охватить единым взором все пестрое и великое многообразие явлений природы и общества, найти единство и связь там, где на поверхности выступает хаотическое переплетение вещей и процессов.

Материальность мира и его *материальное единство* понимались древними философами-естествоиспытателями как нечто само собой разумеющееся, требовалось лишь указать, какова именно эта единая материальная основа вещей. Одни философы за материальную основу и «первоначало» всех вещей принимали огонь, другие — воду, третьи — воздух, четвертые материальную основу всех вещей видели не в одном, а в совокупности якобы первоначальных качественно различных элементов: огня, воздуха, воды, земли, иногда также дерева или металла. Это были хотя и наивные, но смелые попытки объяснить природу, мир из него самого, при помощи естественных причин. Размышления древних мыслителей о материальной основе всех вещей явились первоначальным естественнонаучным подходом к природным явлениям.

В древней Индии уже за несколько веков до нашей эры философы-материалисты (чарваки) выступали против религии брахманизма, распространенной в стране. Они выдвигали требование объяснить мир, природу, не прибегая ни к какому божественному существу. С точки зрения чарваков, все явления природы состоят из сочетания четырех материальных элементов: огня, воздуха, воды и земли [1].

Древние китайские мыслители учили, что явления природы состоят из материальных частиц *ци* и подчиняются объективной естественной закономерности *дао*. Подобные представления возникли еще в IX—VII вв. до н. э.

Классическим произведением древнекитайской философии является книга «Дао Дэ цзин», составленная приблизительно в IV—III вв. до н. э. и подводящая итог развитию древнего даосизма VI—V вв. до н. э. Философия древнего даосизма

[1] Отсюда, по мнению некоторых исследователей, произошло и название этого материалистического учения — «чарвака», что значит «четыре слова».

отрицала существование бога и стремилась дать миру естественнонаучное объяснение на основе двух своих основных положений: признания существования *ци*, материальной основы всех явлений природы, и признания *дао* (отсюда произошло и название этой древнекитайской материалистической школы философии — *даосизм*). *Дао* характеризуется как естественность, естественный путь, закономерность развития явлений. «Дао Дэ цзин» учит, что все существа «наполнены *ци*», иными словами, что в основе всех явлений природы лежит материя — *ци*.

С учением древних китайских мыслителей о материальности мира были тесно связаны их представления о развитии природных явлений. В их понимании *дао* (путь развития) включает в себя противоположности. В мире осуществляется взаимосвязь противоположностей, явления природы развиваются, переходя в свою противоположность: бытие и небытие порождают друг друга, предыдущее и последующее следуют друг за другом, длинное и короткое взаимосвязаны, прямое становится кривым, пустое превращается в наполненное, ветхое сменяется новым, малое вырастает в большое; когда люди узнали, что такое красивое, появилось представление и о безобразном. Все существа, все явления природы заключают в себе противоположности *инь* и *ян*, единство этих противоположностей образует гармонию.

Древнегреческие материалисты VI в. до н. э. *Фалес*, *Анаксимандр* и *Анаксимен* признавали природные явления материальными и видели их основу в едином «начале». Фалес материальным «началом» считал воду, Анаксимандр — беспредельную, неопределенную материю (апейрон), Анаксимен — воздух. Все космические изменения, по учению этих философов, объясняются вечным движением материальных «начал», их бесконечным превращением.

«Таким образом, здесь перед нами уже полностью вырисовывается первоначальный стихийный материализм, который на первой стадии своего развития весьма естественно считает само собою разумеющимся единство в бесконечном многообразии явлений природы и ищет его в чем-то определенно-телесном, в чем-то особенном, как Фалес в воде» [1].

Древнегреческие материалисты вступили в борьбу с религиозными представлениями. Боги, по учению Анаксимандра, не принимают никакого участия ни в возникновении, ни в развитии, ни в уничтожении бесчисленных миров бесконечной вселенной; Анаксимен утверждал, что боги, как и явления природы, должны получить объяснение из материального «первоначала» — воздуха.

Дальнейшее развитие материалистическая философия получила в учении *Гераклита Эфесского*, жившего в конце VI — начале V в. до н. э. Согласно учению древнегреческого мате-

---

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1955, стр. 147.

риалиста и диалектика Гераклита, мир не создан богом, но всегда существовал и вечно будет существовать. Единство всех явлений мира объясняется тем, что в основе их лежит единое «начало», материальный процесс — огонь. Все в мире, космосе закономерно развивается благодаря загоранию и угасанию огня. «Этот космос, один и тот же для всего существующего, не создал никакой бог и никакой человек, но всегда он был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимся и мерами потухающим» [1]. Это высказывание Гераклита В. И. Ленин характеризует как очень хорошее первоначальное изложение диалектического понимания природы [2].

В учении Гераклита выпукло выступает органическая связь материализма древних со стихийно-диалектическим подходом к действительности. Первое, что бросается в глаза при рассмотрении природы и общественной жизни,— это картина всеобщего изменения, смены одних явлений другими, их возникновения и исчезновения. Древние философы-материалисты, бравшие мир таким, каков он есть и каким он представляется первоначальному наблюдению, отразили в своих учениях этот процесс всеобщего изменения, движения и развития. Таким образом, стихийная диалектика возникла одновременно с материализмом древних. «Этот первоначальный, наивный, но по сути дела правильный взгляд на мир был присущ древнегреческой философии и впервые ясно выражен Гераклитом: все существует и в то же время не существует, так как все *течет*, все постоянно изменяется, все находится в постоянном процессе возникновения и исчезновения» [3].

Изменения «первоначала» — огня, по мысли Гераклита, лежат в основе всеобщего круговорота природных явлений. «На огонь обменивается все, и огонь — на все, как на золото — товары и на товары — золото» [4]. Огонь переходит в воздух, воздух — в воду, вода — в землю и обратно.

Как «один из основоположников диалектики...» [5], Гераклит учил, что все течет, все изменяется, нет ничего неподвижного. Эту диалектическую мысль он образно выражал путем сравнения всего существующего с рекой, потоком. «В одну и ту же реку нельзя войти дважды» [6]. Как в реке текут все новые воды, так и в природе возникают все новые явления. Всеобщую смену природных явлений Гераклит понимал как переход вещей в свою собственную противоположность. «Холодное теплеет, теплое холодеет, влажное высыхает, сухое увлажняется» [7].

[1] «Материалисты древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура», М., 1955, стр. 44.

[2] См. *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 294.

[3] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1957, стр. 20.

[4] «Материалисты древней Греции», 1955, стр. 49.

[5] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 291.

[6] «Материалисты древней Греции», 1955, стр. 49.

[7] Там же, стр. 52.

В сохранившихся фрагментах (отрывках) сочинения Гераклита «О природе» в образной форме выступает его замечательная догадка о том, что движение, развитие происходит благодаря борьбе противоположностей: «...все происходит через борьбу» [1]. Борьбу противоположностей Гераклит называл вечно существующим «всеобщим логосом», т. е. закономерностью. У Гераклита встречается мысль, что всеобщий круговорот переходных состояний материи есть «путь вверх» (земля — вода — воздух — огонь) и «путь вниз» (огонь — воздух — вода — земля). Представления о *дао*, *логосе* и т. п. являлись первоначальными попытками создания философской категории закона, закономерности.

Учения древних мыслителей о материальной основе природных явлений и закономерности их изменения обогащались и совершенствовались. Движение мысли шло от первоначального обобщения данных живого созерцания к более глубокой постановке философских вопросов, к решению вопроса о строении материи, к выяснению характера связей между явлениями природы.

Древнегреческие философы *Левкипп* и *Демокрит* (V в. до н. э.) высказали замечательную мысль об атомистическом строении материи и причинной связи всех явлений природы. Левкипп заложил основы древнегреческой атомистики, а Демокрит развил целую систему атомистического материализма.

Основой всех природных явлений Демокрит признавал атомы (от «атомос» — неделимый) и пустоту. Атомы Демокрита — это неделимые бескачественные материальные частицы, отличающиеся друг от друга своей формой. Разнообразие тел природы объясняется разнообразным по порядку и положению сочетанием атомов. Возникновение и гибель бесчисленных миров, образующих вселенную, все изменения, происходящие в природе, согласно учению Демокрита, сводятся к различным сочетаниям, соединениям и разъединениям атомов, движущихся в пустоте согласно природной необходимости. Движение атомов он понимал как вечное, не имеющее начала во времени. Таким образом, природу Демокрит объяснял материалистически, из нее самой.

Атомистическая теория строения материи являлась великим достижением научной мысли древнего мира и одним из показателей мощи теоретического мышления. Конечно, представления древних философов и естествоиспытателей об атоме как о неделимой и простой материальной частице носили примитивный характер, но для того времени это была гениальная догадка о строении материи, экспериментально подтвержденная и доказанная лишь через два с лишним тысячелетия.

---

[1] «Материалисты древней Греции», 1955, стр. 42.

Согласно взглядам Демокрита, вселенная бесконечна и вечна; она состоит из бесчисленных миров, вечно возникающих, развивающихся и погибающих. Мысль Демокрита о том, что движение атомов, составляющих все вещи, вечно существовало и вечно будет существовать, сыграла большую роль в развитии категорий (понятий) материи и движения. Если у Гераклита на первый план выступала проблема движения как развития через борьбу противоположностей, как перехода одной противоположности в другую, то Демокрит рассматривал движение атомов как перемещение, как их соединение и разъединение, в чем проявилась механистическая тенденция его философии. Здесь уже намечалось расхождение философов в понимании категории *движения*.

Атомистика не была достижением мыслителей одной только древней Греции. Древнеиндийские философы также учили об атомистическом строении материи. Так, древнеиндийская философская школа ньяя-вайшешика считала неделимые материальные частицы *параману* основой всех природных явлений. Индийская атомистика в отличие от древнегреческой признавала атомы качественно разнородными, а именно: частицами огня, воздуха, воды и земли, т. е. в значительной степени сохранила особенности чувственно-созерцательного понимания материи. Древнегреческая и древнеиндийская атомистические теории представляли собой великое приобретение философской мысли.

Атомистический материализм древности сыграл значительную роль в истории *детерминизма* (признания закономерности, необходимости в развитии природных явлений). Согласно учению Левкиппа и Демокрита, «ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости» [1]. О том значении, которое Демокрит придавал установлению причинной связи между явлениями, говорит его заявление, что он «предпочел бы найти одно причинное объяснение, нежели приобрести себе персидский престол» [2]. Сохранились сведения о том, как Демокрит доказывал всеобщую причинную связь явлений. Допустим, говорил он, что на голову прохожего упала черепаха. Что это — случайность? Подыми голову кверху, и ты увидишь в небе орла. Древний материалист хотел этим сказать, что падение черепахи на голову прохожего имело свою причину, что черепаху уронил пролетавший орел. Все то, что называют случаем, случайностью, имеет свои причины. Все существующее причинно обусловлено. Отсюда Демокрит делал ошибочный вывод, что нет ничего случайного. Случайность Демокрит понимал как беспричинное явление и потому отрицал ее, считал ее субъективным

[1] «Материалисты древней Греции», 1955, стр. 66.
[2] Там же, стр. 70.

понятием, которым люди лишь прикрывают свое невежество [1]. Учение Демокрита о том, что всякое явление имеет свою причину, сыграло огромную роль в развитии научного знания.

Большое внимание уделяли древнегреческие философы вопросу об отношении «души» и тела. В противовес религиозным представлениям о душе как об особом духовном бессмертном существе философы-материалисты учили о материальности и смертности души. Гераклит говорил, что душа есть одно из переходных состояний огня, т. е. материальной первоосновы мира. Демокрит представлял себе душу как сочетание круглых и быстро движущихся атомов, подобных атомам огня. Таковы были первые попытки дать материалистическое понимание *сознания*. Конечно, подобные взгляды были очень далеки от правильного понимания сознания как свойства высокоорганизованной материи, но при всей своей примитивности они сыграли значительную роль в критике фантастических измышлений религии и идеализма о бессмертии души.

О прогрессивном росте философии свидетельствует постановка ряда теоретико-познавательных вопросов. Фалес и другие древнегреческие философы VI в. до н. э. еще не занимались вопросами теории познания; человеческая мысль в то время еще не сделала процесс познания предметом своего исследования. У Гераклита уже встречаются некоторые догадки о роли чувств и теоретического мышления в познании истины. В V в. до н. э. материалисты древней Греции подошли вплотную к постановке теоретико-познавательной проблемы.

Демокрит уже задумывался над такими вопросами, как предмет познания, роль чувств и мышления в познании. Так, он утверждал, что «поистине» существуют только атомы и пустота. Атомам, согласно его учению, свойственны плотность, величина, неделимость, форма, движение. А такие свойства тел, как цвет, вкус, запах, звук, тепло и холод, существуют лишь «в общем мнении» и не присущи атомам как таковым. Качественное многообразие, по Демокриту, свойственно не атомам, а телам, состоящим из атомов. При помощи ощущений люди познают качества, свойства вещей, но не атомы. Ощущения зрения, слуха, запаха, вкуса («темное» познание) не дают знания атомов; для этого необходимо вмешательство более тонкого, «истинного» познания — разума (теоретического мышления). Однако достоверность знаний разум, по Демокриту, получает от чувств, ощущений.

---

[1] Как мы увидим ниже, научное, диалектическое понимание случайности не ограничивается положением, что «ничто не происходит без причины», но идет дальше: среди самих причин оно различает причины случайные, такие, какие могли и не быть, и необходимые причины, вытекающие из внутренних процессов развития явлений. Случайность — это объективная категория, отражающая объективную связь явлений.

Теоретико-познавательные взгляды Демокрита были значительным достижением древней материалистической философии. Особенно ценной была мысль Демокрита о том, что в основе знания, теоретического мышления лежит чувственный опыт.

Древнегреческий философ *Эпикур* (341—270) и римский поэт *Лукреций* (99—55) развили дальше атомистический материализм Демокрита. Они признали, что атомы в своем движении не только падают по отвесной линии, подчиняясь тяжести, но также обладают способностью самопроизвольного отклонения в сторону. Тем самым Эпикур и Лукреций сделали попытку преодолеть некоторый фаталистический оттенок детерминизма Демокрита и пришли к диалектической догадке, что источник движения материи заключается в ней самой. Эпикур и Лукреций много сделали для распространения атеистических идей в древнем мире.

Поэма Лукреция «De rerum natura» («О природе вещей») — единственное дошедшее до нас почти в полной сохранности произведение, излагающее основы материалистической философии древней Греции и Рима. От произведений всех других материалистов древней Греции и Рима сохранились только фрагменты (отрывки). Живой, образный язык поэмы, прекрасная художественная форма изложения философских проблем придают особую силу и убедительность материалистическим и атеистическим идеям Лукреция. На протяжении веков философская поэма Лукреция, защищавшая и развивавшая материалистическое мировоззрение древних, вдохновляла лучших мыслителей на борьбу против реакционных идей, на защиту научного, материалистического учения.

Мы рассмотрели важнейшие положения древнего материализма, выяснили его прогрессивную роль в борьбе за науку, против религии. Но философия не была единой, в ней уже в древности боролись два противоположных направления: материализм и идеализм.

Идеалисты древнего мира обычно защищали религию, стремились придать религиозному мировоззрению теоретически обоснованную форму. Вся дальнейшая история философии показывает, что идеалисты всегда стояли и ныне стоят на стороне религии, против науки, что враги демократии всегда боролись против материализма.

В начале V в. до н. э. против материалистических взглядов выступили *пифагорейцы*. Основой и сущностью всего существующего пифагорейцы считали не какое-либо материальное начало, а число. В учении пифагорейцев о числе заключалась рациональная мысль о необходимости количественного изучения природных явлений, но они превратили числа в какие-то самостоятельные таинственные существа, независящие от материи, и полагали, что основу вещей составляют числа. К тому же пифагорейцы были сторонниками религиозного учения о бессмертии души и фантастических представлений о «переселении душ» в тела людей и животных.

Наиболее крупными идеалистами древней Греции были *Сократ* (469—399 до н. э.) и его ученик *Платон* (427—347 до н. э.), создавший целую систему объективного идеализма. Природные явления Платон называл «чувственными вещами» и считал их вторичными, производными от «идей», которые, по его утверждению, существуют объективно, вне сознания человека, и в своей совокупности образуют сверхприродный «мир идей». Платон следующим образом пытался доказать правоту идеализма. Допустим, что мы видим перед собой какую-нибудь «чувственную вещь», например стол. Каждая «чувственная вещь», в том числе и стол, возникает, изменяется и уничтожается. Задача же философии — найти то, что не возникает, не изменяется и не погибает,— то, что составляет «неизменную сущность» «чувственных вещей». Для столов такой «неизменной сущностью» и образцом является, по Платону, «стол вообще» — «идея стола», которая предшествовала всем конкретным чувственным столам. Каждый род вещей имеет, по учению Платона, свою «идею», которая предшествует чувственным вещам.

Общее понятие (идея), которое в действительности является лишь отражением общих свойств реальных единичных вещей, абсолютизировано Платоном, наделено самостоятельным существованием вне человеческой головы и превращено в «прообраз» действительных вещей, которые объявляются тенью идей. Платон утверждал, что «идея» вечна и неизменна, реальные же, чувственно воспринимаемые вещи возникают, изменяются и разрушаются. Совокупность «вечных и неизменных идей» образует, по Платону, «мир идей», природа же представляет собой изменчивый «мир чувственных вещей».

В противоположность древнегреческим материалистам, которые считали сознание, душу человека производным от материи, Платон защищал религиозный взгляд на душу как на бессмертное существо, временно заключенное в смертном теле, как в темнице.

Выступая против теории познания материалистов, Платон утверждал, что чувства (ощущения) не могут дать истинного знания сущности вещей, чувства дают лишь недостоверное знание о чувственных вещах. Для познания истины Платон рекомендовал «закрыть глаза и заткнуть уши». Источником истинного знания, по Платону, является воспоминание «бессмертной души» о том, как она созерцала «мир идей», когда она еще не вселилась в темницу тела и пребывала в обществе богов, в «идеальном месте». Познание истины, по Платону, доступно лишь разуму, составляющему лучшую часть «бессмертной души» человека. Он утверждал, что разум умозрительным, сверхчувственным путем возвышается до истинного знания, предметом которого является не природа, но «мир идей».

Отвергая диалектический подход материалистов к природе, древнегреческие идеалисты разрабатывали диалектику в обла-

сти понятий. Учитель Платона Сократ сопоставлял противоположные этические понятия и путем анализа и сравнения стремился отыскать «общее» в частных добродетелях. Этот «сократический метод» получил дальнейшее развитие в учении Платона. Диалектика Платона, как и Сократа, обозначала прежде всего умение задавать вопросы и отвечать на них для разрешения философских проблем. По своему же содержанию диалектика Платона являлась своеобразной логической теорией. Платон понимал диалектику как метод сопоставления противоположных понятий, например «единого» и «многого». По мысли Платона, рассмотрение противоположностей способствует познанию истины. Если идеалистические фантастические взгляды Платона тормозили развитие научной мысли, то его диалектика сыграла известную положительную роль в истории логики.

Детерминизму древнегреческих материалистов, их учению о закономерности и причинной обусловленности природных явлений Платон противопоставил телеологию, идеалистическое учение, согласно которому все в мире развивается целесообразно[1]. Таким образом, и в этом вопросе материалисты древнего мира защищали научный подход к действительности, ибо признавали объективную закономерность развития природных явлений, идеалисты же выступали против науки, фантазировали о присущей природе изначальной целесообразности. Телеологический взгляд на мир был непосредственно связан с религией: кто же может поставить цель для развития всех природных явлений, как не божество! Таков был смысл рассуждений Платона и других идеалистов о целесообразности в природе.

Платон обвинял последователей Демокрита в безбожии, а по тогдашним афинским законам выступления против религии карались смертной казнью. Он собирался скупить и сжечь сочинения Демокрита — столь сильна была ненависть идеалиста к материалистической философии [2].

В столкновении взглядов Демокрита и Платона со всей остротой сказалась борьба материализма и идеализма, отражавшая борьбу классов, прогрессивных и реакционных сил древней Греции. Материалисты, как правило, уже тогда выступали в качестве идеологов прогрессивных сил, а идеалисты — в качестве выразителей реакционных сил, поборников старины, рабовладельческой аристократии, боровшейся против демократических сил.

Одним из самых выдающихся представителей науки древнего мира был *Аристотель* (384—322 до н. э.). Маркс назвал

---

[1] Телеология — учение о цели, о целесообразном развитии природных явлений (от древнегреческого «телос» — цель и «логос» — слово, учение).

[2] Реакционные буржуазные философы до настоящего времени борются против материалиста Демокрита как против живого врага и всячески превозносят идеалиста Платона, стремятся возродить его идеи под лозунгом «назад к Платону».

Аристотеля Александром Македонским греческой философии. И действительно, в сочинениях Аристотеля была предпринята грандиознейшая попытка объединить все результаты развития философских, естественнонаучных и социально-политических идей античной Греции, подобно тому как великое государство Александра Македонского включило в себя страны древнего мира. Главные сочинения Аристотеля — «Физика», «Метафизика», «Органон» (собрание работ по логике), «Политика».

Аристотель подверг глубокой критике учение Платона об «идеях». Платоновские «идеи», говорит Аристотель, не только не объясняют природных вещей, но, наоборот, лишь удваивают число предметов, требующих объяснения. При помощи платоновских неподвижных «идей», утверждал Аристотель, невозможно объяснить движение в природе. По словам Аристотеля, согласившись с платоновским учением, необходимо считать «идеи» причинами вещей, а между тем Платон сам отрицает причинную связь между «идеями» и вещами.

Среди многочисленных и очень удачных аргументов Аристотеля против идеализма Платона наиболее глубоким является следующий. Платон видел сущность вещей в «идеях», но сущность заключается в самих вещах, а не где-то вне их; поэтому философия должна обратиться к изучению природных явлений и отбросить платоновский «мир идей».

Сам Аристотель, как будет видно в дальнейшем, не сделал последовательных материалистических выводов из своей критики платоновского идеализма, но от его критики выигрывал материализм, научное мировоззрение. Отвергнув платоновский «мир идей», Аристотель доказывал, что общее нельзя рассматривать в отрыве от отдельного. *Общее* и *отдельное*, по Аристотелю, неотделимы друг от друга: помимо существующих отдельных домов нет какого-то фантастического «дома вообще» в смысле платоновской «идеи», противопоставленной «чувственным вещам». Отсюда Аристотель делал вывод, что для познания общего необходимо исходить из отдельного; теоретическое мышление должно опираться на чувственные данные. Это была ценная и плодотворная попытка древнего философа мыслить диалектически. Однако Аристотель не сумел понять всей сложности диалектики общего и отдельного.

Стихийная диалектика выступает и в рассуждениях Аристотеля о единстве материи и формы, возможности и действительности. Природные явления рассматривались Аристотелем в их развитии, которое он понимал как процесс оформления материи, как переход возможности в действительность. Эта идея развития природных явлений лежит в основе аристотелевского учения о четырех родах «причин»: материальной, формальной, производящей и конечной. Материальная причина — это входящая в состав вещи материя, из которой вещь возникает; например, медь для статуи и серебро для чаши. Формальная причина, или фор-

ма,— это то, что оформляет материю и служит «образцом». Производящей причиной Аристотель называет то, что производит или что изменяет; например, отец есть причина ребенка; человек, давший совет, является причиною. Конечная причина, по определению Аристотеля,— это цель; например, цель прогулки — здоровье.

Развитие природных явлений Аристотель истолковывает по образцу творческой целенаправленной деятельности людей. Архитектор, строящий дом, а вместе с ним и его искусство — это производящая причина; план — это форма; строительный материал — материя; законченная стройка — цель. Подобно тому как скульптор, воплощая в статуе свою идею, превращает в действительность возможность, заключенную в бесформенной глыбе мрамора, так и развитие в природе есть превращение возможности в действительность.

Подчеркивая диалектическое единство, связь содержания и формы, возможности и действительности, Аристотель ошибочно считал материю пассивной, приписывая активность одной лишь форме. Кроме того, Аристотель противопоставил природе внешнюю ей «форму всех форм», вовсе свободную от материи. Эта «форма всех форм», напоминающая «идею» Платона, есть бог, «первый двигатель» природы, ее производящая и конечная причина, цель всеобщего развития. Сам неподвижный, «первый двигатель» приводит в целесообразное движение весь мир. Это идеалистическое учение удаляло Аристотеля от «линии Демокрита» в философии. Материалистическому детерминизму Демокрита Аристотель противопоставил телеологию.

Аристотелю принадлежит заслуга создания одной из первых классификаций философских категорий, т. е. основных понятий, которые он пытался рассматривать не изолированно друг от друга, а в определенной связи. Категорию сущность Аристотель считал основной, а категории количество, качество, отношение, время, пространство и т. д., по его мысли, уточняют и конкретизируют наше знание сущности вещей.

При всех своих колебаниях между материализмом и идеализмом Аристотель внес много ценного в материалистическое понимание природы и способствовал развитию древней, первоначальной формы диалектики.

В многообразных философских школах древнего мира были предвосхищены основные тенденции будущего развития философской науки. Наиболее ценным приобретением древней философии являлись *наивный материализм* и *стихийная диалектика*, положившие начало научному пониманию действительности и обогатившие сокровищницу культуры первоначальным, наивным, но по существу правильным взглядом на мир.

2. Материализм XVII—XVIII вв. и его борьба против религии и идеализма. Метафизический метод

С началом эпохи феодализма философия вступила в новую полосу своего развития. Как рабовладельческий строй, так и феодализм в разных странах возник далеко не одновременно. В Китае переход от рабовладельческого строя к феодальному совершился значительно раньше, чем в Западной Европе, а именно в период II в. до н. э. — II в. н. э. В феодальную эпоху борьба материализма и идеализма в китайской философии, отражавшая классовую борьбу, носила не менее острый характер, чем в предшествовавшую, рабовладельческую эпоху. В эпоху феодализма философская мысль народов Востока создала ряд ценных материалистических учений. Из философов-материалистов в эпоху феодализма в Китае особенно крупными были Ван Чун (I в.), Фань Чжэнь (V в.), Дай Чжэнь (XVIII в.). В Индии продолжали развивать материализм *чарваки*; почетное место в истории философии занимают ирано-таджикский философ Ибн-Сина (Авиценна — 980—1037) и арабский философ Ибн-Рошд (Аверроэс — 1126—1198).

В эпоху феодализма религия подчинила себе другие формы общественного сознания. «Церковь с ее феодальным землевладением,— пишет Энгельс,— служила реальной связью между различными странами; феодальная организация церкви освящала религией светский феодальный государственный строй. Духовенство к тому же было единственным образованным классом. Отсюда само собой вытекало, что церковная догма была исходным моментом и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия — все содержание этих наук приводилось в соответствие с учением церкви» [1].

Реакционная общественная роль религии в особенности сказывалась в том, что религия овладела сознанием народных масс и своим духовным гнетом поддерживала беспощадную эксплуатацию их феодалами.

Средневековые схоласты [2] в Западной Европе превратили философию в служанку богословия. Задачу философии они видели в правоверном истолковании и формальном обосновании религиозных догматов, установленных господствовавшей католической церковью во главе с папой римским. В XIII в. теолог (богослов) *Фома Аквинский* (1225—1274) систематизировал католическое вероучение. Выступая в качестве теоретика и апологета духовной диктатуры папства, Фома Аквинский в своей теологической системе уподоблял власть папы римского на земле власти «бога на небе». Католическая религия и теологическое учение Фомы (Томаса) Аквинского (так называемый томизм) слу-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. I, 1937, стр. 295.

[2] Схоласт — от греческого «схоластикос» — ученый.

жили главным идеологическим оружием духовных и светских феодалов [1].

Существенные изменения в материальной жизни общества, дальнейшее все более быстрое развитие производительных сил привели к необходимости революционной смены феодального способа производства капиталистическим. «Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало для подымающейся буржуазии новое поле деятельности. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена и товаров вообще дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем самым вызвали в распадавшемся феодальном обществе быстрое развитие революционного элемента» [2]. Феодальные отношения собственности превратились в оковы развивавшихся производительных сил, и эти оковы были разбиты буржуазными революциями.

Общественная жизнь этого времени поставила перед философией исторически назревшую задачу критики средневекового религиозного мировоззрения, освобождения сознания людей от оков теологии и мистики, от бесплодных хитросплетений схоластики.

Однако католическая церковь вовсе не собиралась без боя отказаться от своих привилегий. Жестоким преследованиям она подвергала своих бесстрашных противников, огнем и мечом истребляла тысячи «еретиков» и в «Index librorum prohibitorum» (список запрещенных книг) включала лучшие произведения человеческого гения. Теорию Коперника она осудила как еретическую, выдающегося философа Джордано Бруно сожгла на костре, Галилея бросила в темницу. Однако ничто не могло остановить прогрессивного развития науки и материалистической философии.

Процесс отпочкования естествознания от нерасчлененной науки древних наметился уже в александрийский период (последние три века до нашей эры), когда ученые вступили на путь расчленения и анализа природы. Эти начатки точного исследования природных явлений получили дальнейшее развитие у арабов. Начиная же со второй половины XV в. специальные науки стали отделяться от прежней нерасчлененной науки, что существенно изменило взаимоотношение философии и естествознания. Материалистическая философия развивалась в тесном союзе с естествознанием. Именно в этот период истории началось развитие естествознания как науки в собственном смысле слова. Вслед

[1] В эпоху империализма религиозно-идеалистическое учение Фомы Аквинского в несколько измененном виде (неотомизм) превратилось в одно из направлений реакционной буржуазной философии и состоит на вооружении врагов марксизма.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Манифест Коммунистической партии, М., 1958, стр. 33.

за великими открытиями Коперника и Галилея, положившими начало астрономической науке и механике, последовало быстрое и плодотворное развитие естественнонаучных знаний, показавшее несостоятельность прежних умозрительных представлений о природе.

Развитие материального производства и связанный с этим рост техники способствовали распространению точных экспериментальных и математических методов исследования. Передовые ученые должны были решать новые задачи, выдвинутые самой жизнью, практикой, как это всегда было в истории. Так, в связи с развитием торговли и мореплавания перед наукой встала задача точного определения широты и долготы. В ходе решения этой задачи значительно обогатилась астрономия. Развитию механики способствовали производственно-технические задачи, поставленные перед инженерным искусством и наукой, например необходимость регулировать течение горных потоков в Италии. Применение в производстве машин, начавшееся в XVII в., ускорило развитие механики и математики.

Механическая форма движения была изучена естествоиспытателями прежде других форм движения материи не только потому, что это отвечало насущным потребностям развития производства и всей экономической жизни тогдашнего общества. Механическая форма движения является относительно более простой, и без предварительного изучения ее невозможно было исследование других форм движения материи. Поэтому «в историческом развитии естествознания раньше всего разрабатывается теория простого перемещения, механика небесных тел и земных масс...» [1]

Главнейшим приобретением естествознания этого времени явился экспериментальный метод исследования. При достигнутом в XVII—XVIII вв. уровне развития производства прежнее, натурфилософское рассмотрение природных явлений в аспекте общего процесса развития, без изучения частностей, деталей, уже не отвечало требованиям практики. Задача передовых естествоиспытателей теперь состояла в изучении подробностей, в анализе, в мысленном расчленении природы на отдельные части и экспериментальном исследовании отдельных вещей и процессов, в разделении их на классы, в открытии конкретных законов движения материи в отдельных областях природы.

Применение метода анализа важно для экспериментального исследования природы и обусловило великие успехи естествознания XVII—XVIII вв. Однако метод анализа, сыгравший плодотворную роль в истории естествознания XVII—XVIII вв., за известными пределами своего применения стал обнаруживать свою односторонность, ограниченность. Исследование учеными явлений природы и их составных частей только аналитически,

---

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1955, стр. 44.

без синтеза, привело их к привычке рассматривать вещи и процессы в их отрыве друг от друга, вне их всеобщей связи и взаимодействия, т. е. не диалектически, а метафизически.

Так в естествознании, а вслед за ним и в философии XVII и XVIII вв. стал господствовать метафизический способ рассмотрения природы. Преимущественное развитие из всех наук механики и математики, метафизический подход к явлениям природы обусловили специфическую форму материализма XVII—XVIII вв.— его *механистический* и *метафизический* характер.

Передовые мыслители XVII—XVIII вв., опираясь на достижения современного им естествознания, идеологически подготавливали революционное преобразование общественной жизни и продвинули вперед философскую науку. Борьба материализма и идеализма, науки и религии в этот период приобрела еще более острый характер, чем в древности. В XVII — XVIII вв. борьба против религии как господствующей идеологии изживавшего себя феодально-абсолютистского строя, борьба против духовной диктатуры папства отвечала самым насущным задачам прогрессивного развития общества.

Уже в период ранних буржуазных революций (XVI—XVII вв.) в наиболее развитых странах Западной Европы был выдвинут ряд материалистических теорий, развивавшихся в борьбе против реакционной идеологической надстройки феодального общества — против теологии и схоластики. В конце XVI — начале XVII в. в Англии возникло сильное материалистическое направление, которое плодотворно развивалось на протяжении всего XVII и отчасти XVIII столетия. Английский материализм XVII в. представлен философскими теориями Фрэнсиса Бэкона, Томаса Гоббса и Джона Локка.

Большую историческую роль в критике средневековой идеологии, в борьбе материализма против идеализма сыграло философское учение одного из самых выдающихся мыслителей Англии XVII в.— *Фрэнсиса Бэкона* (1561—1626), жившего в период подготовки английской буржуазной революции. Бэкон справедливо утверждал, что в интересах науки прежде всего необходимо устранить распространенные среди людей заблуждения, которые он назвал «призраками» или «идолами». К их числу он относил схоластику и древние идеалистические учения, в том числе идеализм Пифагора и Платона. «Призраками театра» он назвал ложные взгляды, укоренившиеся благодаря вере в старые авторитеты и предстающие перед умственным взором людей наподобие театральных представлений. Он выступал также против «призраков рынка» — заблуждений, вызванных употреблением бессодержательных слов (как это бывает на рынке), и против «призраков пещеры» — ошибок, свойственных тому или иному отдельному человеку или группе людей (как бы сидящих в пещере). Наконец, Бэкон считал, что существуют заблуждения, свойственные всему человеческому роду,— «призраки рода», вызываемые неточными

свидетельствами чувств или логическими ошибками. Для того чтобы устранить все эти заблуждения и способствовать развитию науки, необходим правильный метод познания.

Свои философские взгляды Бэкон излагал красочным, образным языком. Почему до нас дошли от древности целые собрания сочинений идеалистов, а произведения материалистов погибли? Это произошло потому, остроумно заявляет английский мыслитель, что при крушении корабля ценный груз идет на дно, а пустые бочки всплывают на поверхность моря. Схоластика, говорит Бэкон, так же бесплодна, как девственница, посвященная богу. Людям нужна философия, которая научила бы их познавать природу, ибо знание есть сила. Для господства над природой следует повиноваться ей — исследовать ее «формы», т. е. силы и закономерности. Для того чтобы стать властителями природы, люди должны создать «новую науку», изучающую вселенную такой, какова она в действительности. Истинной задачей науки, по Бэкону, является изучение материального мира. «Человек, слуга и истолкователь Природы, столько совершает и понимает, сколько постиг в порядке Природы делом или размышлением, и свыше этого он не знает и не может» [1].

Материю Бэкон признавал активной, обладающей различными свойствами, внутренним напряжением и движением, принимающей различные виды в различных явлениях природы. Научное познание материального мира, согласно Бэкону, опирается на опыт и представляет собой рациональную обработку данных опыта. Опыт, эксперимент является критерием истины. Таким образом, по своим теоретико-познавательным взглядам Бэкон — эмпирик. Ученых-догматиков, пренебрегающих опытным знанием, он сравнивает с пауками: они из самих себя ткут паутину абстрактных рассуждений. Узких эмпириков, ограничивающихся собиранием отдельных фактов, он уподобляет муравьям. Истинный же ученый, подобно пчеле, собирает соки — опытные данные и, теоретически перерабатывая их, создает мед науки.

Глубокую характеристику основных черт философии Бэкона и его исторической роли в развитии науки дал Маркс: «Настоящий родоначальник *английского материализма* и всей *современной экспериментирующей* науки — это *Бэкон.* Естествознание является в его глазах истинной наукой, а *физика*, опирающаяся на чувственный опыт,— важнейшей частью естествознания. *Анаксагор* с его *гомеомериями* и *Демокрит* с его атомами часто приводятся им как авторитеты. Согласно его учению, *чувства* непогрешимы и составляют *источник* всякого знания. Наука есть *опытная наука* и состоит в применении *рационального метода* к чувственным данным. Индукция, анализ, сравнение, наблюдение, эксперимент суть главные условия рационального метода» [2].

[1] *Ф. Бэкон,* Новый органон, М., 1938, стр. 33.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 2, 1955, стр. 142.

Главное сочинение Бэкона — «Новый органон» — посвящено разработке научного метода. Особое значение Бэкон придавал индукции (наведению) как методу восхождения от частного к общему, от частных эмпирических данных к научному обобщению. Индуктивный метод, разработанный Бэконом путем философского обобщения достижений естествознания, сыграл большую роль в развитии экспериментальной науки.

Продолжателем и систематиком бэконовского материализма и в то же время создателем новой, оригинальной философской системы был *Томас Гоббс* (1588—1679). Философское учение Гоббса—характерный образец материализма XVII в. Оно систематически изложено в трех его сочинениях: «О теле» (1655), «О человеке» (1658) и «О гражданине» (1642); к числу его основных сочинений относится также «Левиафан» (1651). Природа в понимании Гоббса — это совокупность тел, обладающих протяженностью и фигурой; движение имеет механический характер и сводится к перемещению в пространстве. Философия, по мысли Гоббса, есть познание неизвестных следствий из известных причин или познание неизвестных причин из известных следствий. Понимание Гоббсом материи и движения, его определение научного метода как сложения и вычитания свойств изучаемых тел говорят о механистической и метафизической ограниченности его философских взглядов.

Большой заслугой Гоббса в истории философии было то, что он защищал от религии материалистическое понимание мира в целом. Выдающийся английский мыслитель сделал атеистические выводы из своих материалистических убеждений и отверг религию как несовместимую с наукой. Согласно Гоббсу, религия порождается страхом невежественных людей перед неизвестным будущим. Однако Гоббс не был воинствующим атеистом, он даже считал, что религия полезна для государства как средство для обуздания масс.

Дальнейшее развитие английский материализм XVII в. получил в философии *Джона Локка* (1632—1704), который особое внимание уделял вопросам теории познания. Главный труд Локка — «Опыт о человеческом разуме» (1690). Историческая заслуга Локка состоит в обосновании материалистического сенсуализма и эмпиризма. Локк аргументированно доказывал, что источником идей (теоретического мышления) являются ощущения («внешний опыт»). «Нет ничего в интеллекте,— писал Локк,— чего прежде не было в чувстве». Впечатления вызываются воздействием вещей материального мира на органы чувств человека. Сознание людей при их рождении, согласно учению Локка, есть «чистая доска» (tabula rasa), на которой постепенно накопляемый опыт запечатлевает свои письмена.

Кроме «внешнего опыта» (ощущений) источником знания Локк признавал также «внутренний опыт» (рефлексию), имеющий своим предметом внутренние переживания. По вопросу, каково же

отношение «внутреннего опыта к внешнему», высказывания Локка не отличаются ясностью и последовательностью; он даже говорит иногда о «саморождающей» силе ума, делая тем самым уступку идеализму.

Процесс познания Локк понимал метафизически. «Идеи» (представления и понятия) он делил на простые и сложные; простые идеи возникают непосредственно из ощущений и рефлексий, сложные порождаются умом путем сочетания, сложения и разложения простых.

Метафизический характер носит и локковская теория «первичных» и «вторичных» качеств. «Первичные качества», по Локку, объективно свойственны телам; таковы протяженность, фигура, непроницаемость, движение, покой. А такие качества, как цвет, звук, запах, вкус, по Локку, «вторичны», объективно не свойственны телам, имеют чисто субъективный характер. Метафизическое разделение качеств вещей и явлений на объективные и субъективные составляло слабую сторону философии Локка и вообще материализма XVII в.

Однако историческая заслуга Локка в разработке, материалистической теории познания несомненна. Философия Локка оказала плодотворное влияние на развитие французского материализма XVIII в., явилась одним из идейных источников взглядов Дидро, Гельвеция, Гольбаха.

Слабые стороны философии Локка послужили исходным пунктом для идеалистических воззрений Беркли.

Блестящим представителем передовой научной мысли во Франции XVII в. был выдающийся естествоиспытатель, математик и философ *Рене Декарт* (1596—1650). Если Бэкон обобщал по преимуществу достижения физики, то Декарт самой совершенной наукой признавал математику и считал необходимым все остальные науки построить по ее образцу. В соответствии с этим главную роль в познании истины он отводил не опыту, что характерно для *эмпиризма* Бэкона, а теоретическому мышлению, разуму. В противоположность Бэкону Декарт был *рационалистом*. Главные философские сочинения Декарта — «Рассуждение о методе» (1637), «Метафизические размышления» (1641) и «Начала философии» (1644).

В философской системе Декарта имеется расхождение между «физикой» (учением о природе), где он был материалистом, и «метафизикой» (учением «о сущностях»), где он был дуалистом. В своей метафизической системе Декарт признавал существование двух самостоятельных субстанций — материальной и духовной. Так как под *субстанцией* он понимал «вещь, которая существует независимо от существования другой вещи», то из этого следует, что он признавал природу, материю первичной и непроизводной от духа, сознания. Одновременно он считал и дух, сознание первичным и непроизводным от природы, материи. При этом он полагал, что атрибутом (неотъемлемым свойством) материальной

субстанции является протяжение, а атрибутом духовной субстанции — мышление. «Физика» Декарта, в противоречии с его «метафизикой», построена на признании одной материальной субстанции.

Маркс следующим образом характеризует материализм Декарта: «В своей *физике Декарт* наделил *материю* самостоятельной творческой силой и *механическое* движение рассматривал как проявление жизни материи. Он совершенно отделил свою *физику* от своей *метафизики. В границах* его физики *материя* представляет собой единственную *субстанцию*, единственное основание бытия и познания» [1].

Материалистическое мировоззрение, изложенное в «физике» Декарта, основывалось на механистическом понимании материи и движения. Согласно его теории, материя состоит из делимых частиц (корпускул) трех родов: элементов огня, воздуха и земли. Корпускулы различаются размером и формой и сплошь заполняют пространство. Атрибутом материи, ее неотделимым существенным свойством является протяженность. Движение материи есть перемещение ее частиц. Количество движения равно произведению массы на скорость. Эта механистическая теория была направлена Декартом на борьбу со схоластикой, со средневековым аристотелизмом.

Теория познания Декарта и разработанный им метод научного исследования положили начало рационализму XVII в. Декарт не отрицал значения опыта и с уважением отзывался о Бэконе, но он не считал опыт единственным источником знания и критерием истины. Если эмпиризм односторонне преувеличивал значение первой ступени познания — чувственного опыта, то рационализм не менее односторонне преувеличивал значение второй ступени познания — теоретического мышления. Исходное положение теории познания Декарта: Cogito ergo sum (Я мыслю, следовательно, я существую). Основные понятия и принципы логики и математики Декарт считал *врожденными* людям и не имеющими опытного происхождения. Критерием истины он признавал интеллектуальную интуицию — ясное и отчетливое представление о предмете.

Исходя из этих теоретико-познавательных положений, направленных против эмпиризма, Декарт построил свое учение о методе, изложенное в «Рассуждении о методе» и в «Правилах для руководства ума». Метод, разработанный Декартом, сводится к следующим четырем основным правилам: 1) принимать за истинное только то, что мыслится вполне ясно и отчетливо; 2) делить каждую из исследуемых проблем на столько частей, сколько это возможно и нужно для лучшего ее разрешения; 3) начинать исследование предметов наиболее простых и легко познаваемых и восходить постепенно к познанию наиболее

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 2, 1955, стр. 140.

сложного; 4) составлять перечни столь полные и обзоры столь общие, чтобы быть уверенным в отсутствии упущений.

При сопоставлении декартовского метода с бэконовским обнаруживается различие, состоящее в том, что для Бэкона, ориентировавшегося на физику, исходным пунктом знания является опыт, а для Декарта, опиравшегося на математику,— теоретическое мышление. У Бэкона на первый план выступает индукция, наведение, умозаключение от частного к общему, у Декарта — дедукция, выведение, умозаключение от общего к частному. Критерий истины для Бэкона — опыт, эксперимент, для Декарта — ясность и отчетливость мышления. Таким образом, ни Бэкон, ни Декарт еще не понимали роли общественной практики как критерия истины.

Почетное и выдающееся место среди передовых мыслителей XVII в. принадлежит голландскому философу *Бенедикту Спинозе* (1632—1677). Главное сочинение Спинозы «Этика, доказанная в геометрическом порядке» является классическим произведением материалистической мысли XVII в. Отправляясь от учения Декарта и преодолев его дуализм, Спиноза обосновал монистическое материалистическое понимание природы. Согласно учению Спинозы, существует лишь одна — материальная субстанция, бесконечная, вечная и неделимая, составляющая основу всех природных явлений. Атрибутами материи Спиноза считал протяжение и мышление.

Глубокий философский смысл заключается в положении Спинозы о том, что мир должен быть объяснен из самого себя, что он является причиною самого себя (causa sui). «Под *причиною самого себя*...— писал Спиноза,—я разумею то, сущность чего заключает в себе существование, иными словами, то, чья природа может быть представляема не иначе, как существующею» [1]. По учению Спинозы, субстанция — это природа в целом: субстанция существует сама по себе; представление субстанции не нуждается в представлении другой вещи. Что же касается многообразных природных явлений, то они, по учению Спинозы, являются модусами субстанции, ее состояниями.

Спиноза называет субстанцию природой, но вместе с тем он называет ее и богом. Субстанция — это бог или природа. Как видим, материализм Спинозы выступает еще в теологической оболочке. Однако Спиноза придает природе ту творческую силу, которую теологи приписывали богу. Признав природу причиной самой себя, причиной всего существующего, Спиноза устранил из своей материалистической системы какое бы то ни было сверхприродное, сверхъестественное существо и пришел к атеизму. Церковники, в том числе служители иудейской религии, правильно увидели в Спинозе атеиста. Раввины предали благороднейшего мыслителя Спинозу анафеме, проклятию.

[1] *Б. Спиноза*, Избранные произведения, т. I, Госполитиздат, 1957, стр. 361.

В XVII в. сказать о ком-нибудь, что он спинозист, значило назвать его атеистом. Реакционеры, ненавидя Спинозу как безбожника, хотели предать забвению не только идеи, но даже имя великого философа. Но атеистическое учение Спинозы пробило себе путь сквозь все преграды и имело большое значение для критики религиозного мировоззрения и для дальнейшего развития материалистической философской мысли.

Материализму Спинозы свойственна ограниченность, объясняемая историческими условиями его времени. Как мы уже видели, материализм Спинозы выступал в теологической оболочке. Теологический привесок к материалистическому мировоззрению был данью той эпохе. Характерной особенностью спинозовского материализма является также *гилозоизм* — признание того, что не только органической природе, но и всей природе в целом, а следовательно, и неорганической ее части присущи жизнь, сознание. По учению Спинозы, сознание является атрибутом субстанции и наряду с протяжением выражает ее сущность. В то же время Спиноза считал, что субстанция не обладает атрибутом движения; движение он понимал лишь как бесконечный модус, т. е. как состояние, а не неотъемлемое свойство субстанции, материи.

Созерцательный характер спинозовского материализма сказался в том, что абстрактная субстанция является лишь предметом созерцания; познание ее Спиноза рассматривал вне связи с практической деятельностью человека. Спинозовская субстанция, по характеристике Маркса, есть метафизически переряженная природа в ее оторванности от человека.

Рационалистическая теория познания Спинозы различает три рода познания. Познание первого рода — мнение или воображение — имеет своим источником или беспорядочный опыт (чувственное познание отдельных вещей), или воспоминание о том, что мы слышали от других людей. Познание второго рода — разум, рациональное познание — возникает из общих понятий о свойствах вещей. Познание третьего рода — интуитивное познание сущности вещей; лишь этим путем, полагал Спиноза, мы познаем субстанцию; интуицию, которую Спиноза вслед за Декартом понимал как способность интеллекта, он считал наивысшим родом познания и критерием истины. Спиноза довел рационализм до крайней противоположности эмпиризму, и его система является ярким образцом умозрительной, метафизической в своей основе философии XVII в.

При общем метафизическом характере философии XVII в. некоторые ее выдающиеся представители, например Декарт, Спиноза, Лейбниц, высказали ряд глубоких и блестящих диалектических положений.

Материалистическая мысль эпохи ранних буржуазных революций, рассмотренная нами в лице ее самых выдающихся представителей, опиралась на успехи естествознания. Она подняла

материалистическое мировоззрение на более высокую ступень в сравнении с древним материализмом, опиралась на достижения науки, двигала науку и подрывала устои религиозного мировоззрения.

В конце XVII — начале XVIII в., после завершения цикла ранних буржуазных революций, против передового, материалистического мировоззрения и атеизма в странах Западной Европы поднялась реакционная волна религии и идеализма. Какие же аргументы были выдвинуты церковниками и философами-идеалистами против материализма? Какую общественную роль играла идеалистическая философия в этот период?

Одним из наиболее активных противников материалистического мировоззрения в эту эпоху был епископ *Джордж Беркли* (1684—1753). С враждебным чувством наблюдая широкое распространение материалистических и атеистических учений и видя их успехи в борьбе против теологии и схоластики, Беркли задумал «по-новому» обосновать религию. Это по сути дела являлось попыткой приспособить ее к условиям укрепившегося в Англии буржуазного строя.

Христианская религия, возникшая еще в условиях рабовладельческого общества и затем вошедшая в состав идеологической надстройки феодального общества, усилиями идеологов господствующих классов превращалась в идеологическую надстройку над капиталистическим базисом. Этот исторический процесс преемственной связи идеологии эксплуататорских классов нашел отражение в идеалистической философии Беркли. В борьбе против материализма и атеизма Беркли стоял на позиции субъективного идеализма, в чем заключается основное отличие его философских взглядов от античного платонизма и от средневековой философии томизма, представлявших собой видоизменения объективного идеализма. Главное сочинение Беркли — «Трактат о принципах человеческого познания» (1710).

Если Локк считал субъективными «вторичные» качества, то Беркли объявил субъективными не только «вторичные», но и «первичные» качества, используя слабость локковского учения о «первичных» и «вторичных» качествах вещей. По Беркли, вещи, явления природы представляют собой лишь собрания ощущений («коллекции идей», так как ощущения наряду с понятиями он называл идеями).

Гносеологические корни субъективного идеализма Беркли состоят в абсолютизировании первой ступени познания — ощущений и восприятий, в отрыве их от объективного мира. Ощущения в действительности являются образами, отражающими реальные, объективно существующие вещи с их свойствами. Беркли же не хотел видеть объективный источник ощущений, не считал их отражением вещей и их свойств, не признавал за ощущениями никакого объективного содержания.

Лишив материальную субстанцию каких бы то ни было свойств и качеств, Беркли объявляет ее бессмыслицей; объективное существование вещей он сводит к их восприятию сознанием. По его утверждению, для вещей быть, существовать (esse) — значит быть воспринимаемыми (percipi). В противоречии с действительностью и с данными естествознания и успехами материалистической философии Беркли отрицал объективное существование материального мира [1]. При последовательном проведении подобной точки зрения он должен был бы прийти к *солипсизму*, т. е. к явно абсурдному утверждению, что существует только один он, субъект, а весь мир, в том числе и все остальные люди,— это лишь его личные, субъективные ощущения, восприятия. Беркли не делает этого крайнего вывода, а с позиции субъективного идеализма переходит на позицию объективного идеализма. Он верит в существование духовной субстанции в виде мирового духа — бога и утверждает, что для вещей существовать — значит быть воспринимаемыми, но вещи существуют и тогда, когда они не воспринимаются людьми, ибо они воспринимаются богом. Так он пытался придать вещам видимость существования вне сознания людей, а вместе с тем отрицал их материальность.

Но все попытки Беркли и других идеалистов остановить распространение материалистических и атеистических идей оказались напрасными. В XVIII в. борьба материализма против религии и идеализма приобрела еще более острый характер. Основным центром этой борьбы в Западной Европе стала Франция.

Французский материализм XVIII в. был боевым мировоззрением, идеологически подготавливавшим французскую буржуазную революцию. Французские материалисты решительно выступили против религиозного мировоззрения, против господствовавшей католической церкви, против основ феодального строя. Они смело разоблачали религиозное мракобесие, решительно выступали против абсолютизма и крепостничества.

«Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции,— писал Энгельс,— сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный порядок — все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать пред судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него» [2].

Выдающимся представителем французского материализма и атеизма начала XVIII в. был революционно-демократический просветитель *Жан Мелье* (1664—1729), сын ткача, ставший

[1] Субъективно-идеалистические взгляды Беркли впоследствии послужили одним из теоретических источников ряда направлений реакционной буржуазной философии: махизма, прагматизма, неореализма и др.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения в двух томах, т. II, М., 1955, стр. 107.

деревенским священником. «Завещание» Мелье отображает интересы и чаяния беспощадно эксплуатируемой крестьянской бедноты и призывает народные массы к свержению ига эксплуататоров. Мелье обосновывает материалистическую философию, дает острую критику религии и идеализма, развивает идеи утопического коммунизма.

Единой основой всех явлений природы Мелье признает вечную и бесконечную материю, состоящую из атомов, образующих своими движениями и сочетаниями все многообразные природные явления. Материя, пространство, время, движение, закономерность природы, согласно материалистической теории Мелье, вполне объяснимы естественнонаучным образом и не нуждаются для своего понимания в признании существования бога. Он защищал то положение, что материя является причиной как своего бытия, так и своего движения.

Мелье решительно отвергал существование какого-либо божественного перводвигателя. Он считал невозможным, чтобы материя получила силу двигаться от существа, не являющегося материей, и свое материалистическое понимание природы непосредственно связывал с атеизмом. Спор между атеистами и богопоклонниками, говорит Мелье, идет по вопросу о том, что такое непроизводная первопричина всех вещей. Атеисты утверждают, что этой непроизводной первопричиной является природа, материя. Мир существовал и будет существовать вечно; он есть бытие материальное и чувственно воспринимаемое. Богопоклонники причиной всего признают бога, но их доводы не выдерживают критики. «...Все, что мы видим,— говорит Мелье,— все, что мы чувствуем и познаем, есть бесспорно только материя. Отнимите у нас глаза. Что мы увидим? Ничего. Отнимите у нас уши. Что мы будем слышать? Ничего. Отнимите у нас наши руки, что будем мы осязать? Ничего, разве только очень несовершенно другими частями тела. Отнимите у нас голову и наш мозг, что мы будем мыслить? Что будем мы познавать? Ничего» [1].

Революционные демократические идеи Мелье были неприемлемы даже для передовых идеологов французской буржуазии. Однако борьба против идеологии феодально-абсолютистского строя, проводимая философами французской буржуазии, стоявшей в XVIII в. во главе всего третьего сословия, сближала их со многими материалистическими и атеистическими высказываниями Мелье, и его философские идеи оказали известное влияние на последующее развитие французского материализма.

К середине XVIII в. французский материализм стал ведущим направлением просветительской философии во Франции. Главными его представителями были: *Жюльен Ламетри* (1709—1751), *Дени Дидро* [2] (1713—1784), *Клод Адриан Гельвеций* (1715—1771) и *Поль Анри Гольбах* (1723—1789).

[1] Ж. *Мелье*, Завещание, т. III, М., 1954, стр. 277.

[2] Дидро испытал значительное влияние учения Спинозы.

Теоретическими источниками французского материализма XVIII в. были «физика» Декарта, английский материализм XVII в., а также физическое учение Ньютона.

Главные сочинения французских материалистов: *Ламетри* «Человек-машина» (1747); *Дидро* «Мысли к объяснению природы» (1754), «Разговор Даламбера и Дидро» (1769), «Философские основания материи и движения» (1770); *Гельвеций* «Об уме» (1758), «О человеке» (1773); *Гольбах* «Система природы» (1770).

Французский материализм XVIII в. в сравнении с материализмом XVII в. представлял собой более высокую ступень развития философской мысли. Материалисты XVII в. подвергли критике средневековую теологию и схоластику, но в период идеологической подготовки французской революции XVIII в., которую буржуазия проводила уже без всякого религиозного знамени, их критика религии оказалась недостаточно последовательной и глубокой. Материалисты XVII в., выступая против феодального мировоззрения, еще не дошли до боевого атеизма, до безоговорочного отрицания религии и до революционного ниспровержения всех устаревших идеологических догм феодального общества. Главная историческая задача, поставленная самой общественной жизнью перед французскими материалистами XVIII в., состояла в решительном наступлении на феодальное мировоззрение в целом. В этих условиях материализм и атеизм органически соединились в одно боевое антирелигиозное мировоззрение.

Французский материализм был самым передовым философским направлением XVIII в. в Западной Европе. Выступая в качестве непримиримых, воинствующих противников теологии, французские материалисты XVIII в. подвергли религию не только боевой беспощадной критике, но и остроумному сатирическому осмеянию. В борьбе против религии они опирались на прочный фундамент материалистического понимания природы. Реакционная общественная роль религии была раскрыта ими ярко и убедительно. Они умело разоблачали религию как средство угнетения и эксплуатации народа феодалами, раскрывали тесную связь между церковью и абсолютизмом, стремились подорвать религию как идеологическую опору абсолютистско-феодального строя.

В сочинении «Здравый смысл, или Естественные идеи, противопоставленные идеям сверхъестественным» Гольбах пишет: «Религия, по-видимому, только для того и выдумана, чтобы порабощать народы и отдавать их во власть неограниченных повелителей. Как только люди чувствуют себя на земле непомерно несчастными, их заставляют молчать, угрожая божьим гневом; их глаза приковывают к небу, чтобы они не заметили истинных причин своих страданий и не вздумали бороться с ними теми средствами, которые предоставляются людям природой» [1].

Атеистическая пропаганда французских материалистов XVIII в. сыграла большую прогрессивную роль в истории Франции. И в наши дни она не поте-

---

[1] *П. Гольбах*, Письма к Евгении. Здравый смысл, изд. Академии наук СССР, М., 1956, стр. 369.

ряла своего значения. Для пробуждения людей от религиозного сна, как отмечает В. И. Ленин, может оказаться полезной «бойкая, живая, талантливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину публицистика старых атеистов XVIII века...»[1]

Прогрессивная историческая роль французского материализма состояла не только в борьбе против религии, но и в развитии материалистического мировоззрения. Французские философы XVIII в. сделали значительный шаг вперед по сравнению с материалистами XVII в. прежде всего в самом понимании материального мира, природы. Материя для них — это бесконечная совокупность реальных вещей, это весь материальный мир в его многообразии.

Проблема движения материи также получила у них более глубокое разрешение, чем у материалистов XVII в. Движение они признали вечно присущим материи. Хотя движение они понимали в соответствии с тогдашним естествознанием по преимуществу лишь как простое перемещение, их несомненная заслуга состояла в том, что они тесно связали движение с материей и все предметы рассматривали как изменяющиеся, необходимо связанные друг с другом.

В книге «Система природы» Гольбаха дана великолепная картина материального мира как бесконечной совокупности предметов и явлений, как непрерывной цепи причин и следствий: «Вселенная, это колоссальное соединение всего существующего, представляет нам повсюду лишь материю и движение; ее совокупность раскрывает перед нами лишь необъятную и непрерывную цепь причин и следствий... часто очень удаленных от своих первопричин.

Разнообразнейшие вещества, сочетаясь на тысячи ладов, непрерывно получают и сообщают друг другу различные движения. Различные свойства этих веществ, их различные сочетания, их разнообразные способы действия, являющиеся необходимыми следствиями этого, составляют для нас *сущность* всего существующего, и от различия этих сущностей зависят различные порядки, категории или системы, занимаемые этими существами, совокупность которых составляет то, что мы называем *природой*»[2].

Большим достижением философской мысли явилось определение французскими материалистами XVIII в. движения, пространства и времени как способа существования материи. Ценный вклад в науку внесли они постановкой вопроса о сознании как о свойстве высокоорганизованной материи. Французские материалисты правильно указывали на зависимость сознания от телесной, материальной организации.

Значительных успехов достигли французские материалисты XVIII в. и в области теории познания. Особое внимание, которое они уделяли теоретико-познавательным вопросам, было связано с задачей критики религиозного мировоззрения и с новыми запросами науки и общественной жизни. Французские материа-

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 33, стр. 204.

[2] *П. Гольбах*, Система природы или о законах мира физического и мира духовного, М., 1940, стр. 12.

листы отстаивали возможность познания мира и выступали против пренебрежения разумом, теоретическим мышлением. Средневековому мраку они противопоставляли «век разума». В то же время в отличие от рационалистов XVII в. они высоко ставили познавательную роль ощущений, чувственных восприятий действительности. Опираясь на научный опыт материалистов XVII в., они уже в известной степени преодолевали односторонность как эмпиризма, так и рационализма. Познавательное значение ощущений и разума значительно глубже характеризуется ими, чем философами XVII в.

В своей работе «Мысли к объяснению природы» Дидро следующим образом характеризует научный путь познания природы: «Мы располагаем тремя главными средствами исследования: наблюдением природы, размышлением и экспериментом. Наблюдение собирает факты; размышление их комбинирует; опыт проверяет результат комбинаций. Необходимы прилежание для наблюдения природы, глубина для размышления и точность для опыта» [1].

Французский материализм XVIII в., как и материализм XVII в., носил по преимуществу механистический и метафизический характер. «...Из всех естественных наук,— говорит Энгельс,— к тому времени достигла известной законченности только механика, и именно только механика твердых тел (земных и небесных), короче — механика тяжести. Химия имела еще детский вид, в ней придерживались еще теории флогистона. Биология была еще в пеленках: растительный и животный организм был исследован лишь в самых грубых чертах, его объясняли чисто механическими причинами» [2]. Ограниченность материализма XVIII в. состояла также в неспособности подняться до материалистического понимания общественной жизни. В своей теории общества философы XVIII в. придерживались идеалистического взгляда: «мнения правят миром».

Основные черты ограниченности французского материализма были указаны Энгельсом в книге «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и сведены в одну обобщающую характеристику Лениным в труде «Материализм и эмпириокритицизм».

«Первая ограниченность: воззрение старых материалистов,— писал Ленин,— было «механическим» *в том смысле*, что они «применяли исключительно масштаб механики к процессам химической и органической природы»... Вторая ограниченность: метафизичность воззрений старых материалистов в смысле «*антидиалектичности их философии*»... Третья ограниченность: сохранение идеализма «вверху», в области общественной науки, непонимание исторического материализма» [3]. Маркс, отмечая недо-

---

[1] *Дени Дидро*, Избранные философские произведения, Госполитиздат, 1941, стр. 98.

[2] *Ф. Энгельс*, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, М., 1955, стр. 20—21.

[3] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 227—228 (В кавычках Ленин приводит слова Ф. Энгельса. — *Ред.*).

статки, ограниченность всего старого материализма, подчеркивает его созерцательность, непонимание роли общественной практики. Этот недостаток присущ и французскому материализму XVIII в., несмотря на революционную роль, которую он сыграл в идейной подготовке французской революции XVIII в. При общем метафизическом характере французского материализма XVIII в. во взглядах некоторых его представителей, например Дидро, встречаются элементы диалектики.

В целом французский материализм XVIII в. явился одним из основных этапов в развитии материалистического мировоззрения. Он имел большое значение в истории передовой философской мысли.

Развитию материалистической философии XVIII в. много способствовал великий русский ученый *М. В. Ломоносов* (1711—1765). Положения о материальности мира и его познаваемости были основными в учении Ломоносова. Главную задачу науки он видел в познании сочетаний и свойств мельчайших материальных частиц, составляющих «чувствительные тела», в изучении законов движения материи, в выяснении причин явлений природы. В основу объяснения всех явлений природы Ломоносов положил атомно-корпускулярную (молекулярную) теорию: материя состоит из атомов, или элементов, находящихся в вечном движении; наука может и должна проникать в «сокровенные внутренности» природы. Пространство и время, по учению Ломоносова, объективны и неотделимы от материи. В материальности природных явлений, в закономерности природы Ломоносов видел единство мира. В его учении имелись элементы диалектики, догадки о развитии природы. Ломоносову принадлежит открытие закона сохранения вещества. Этот закон лег в основу естественнонаучного обоснования материализма.

Философский спор между эмпириками и рационалистами XVII в. был заново пересмотрен Ломоносовым. Ломоносов избег односторонности как эмпиризма, так и рационализма. Опытное обоснование науки он противопоставляет ложным измышлениям воображения и в то же время подчеркивает значение теоретической мысли. «Достоверное искусство», т. е. правильный научный метод, представляет собой, по мысли Ломоносова, сочетание опыта и рассуждения. Теоретическое мышление он понимал как обобщение опытных данных и как метод построения научных гипотез, в свою очередь проверяемых опытом.

Материалистическая теория познания Ломоносова рассматривает идеи как изображения в уме «подлинных», т. е. реальных, вещей и их движения. Простая идея есть представление — изображение в уме одной реальной вещи или ее движения; «сложная» идея есть соединение нескольких простых идей.

Материалистические взгляды Ломоносова были тесно связаны с его исследованиями в области физики, химии, геологии, географии и других наук, которые он стремился поставить на

службу практическим целям — делу ликвидации технической отсталости России.

После Ломоносова материалистические идеи в России в конце XVIII в. развивал *А. Н. Радищев* (1749—1802), стремившийся обосновать необходимость уничтожения крепостничества, деспотизма и духовного господства церкви.

Таким образом, к концу XVIII в. материалистическая философия, опираясь на тесный союз с передовым естествознанием, значительно укрепила свои позиции в борьбе против идеализма и религии. Философы-материалисты XVIII в. убедительно раскрыли реакционность и бесплодность религиозного мировоззрения и подвергли критике идеалистические теории.

3. Идеалистическая диалектика Гегеля и материализм Фейербаха

Материализм XVII—XVIII вв. при всей его прогрессивной исторической роли, как мы выяснили, отличался тем недостатком, что, несмотря на некоторые блестящие образцы диалектики у Спинозы и Дидро, рассматривал явления природы метафизически.

В конце XVIII и начале XIX в. передовые представители естествознания, философии и общественной мысли уже стали в той или иной мере преодолевать метафизический способ мышления. Все более пробивала себе путь идея развития природы и общества. В критике метафизических воззрений и в теоретической подготовке диалектического метода сыграли значительную роль представители классической немецкой философии Кант, Фихте, Шеллинг (в молодости) и в особенности Гегель.

В сравнении с Голландией, Англией и Францией, где к тому времени уже произошли буржуазные революции, Германия конца XVIII — начала XIX в. была страной экономически и политически отсталой. Все же, проделывая долгий и мучительный путь экономического и политического развития, Германия приближалась к своей буржуазной революции. «Подобно тому как во Франции в XVIII веке, в Германии в XIX веке философская революция служила введением к политическому перевороту» [1].

Промышленный переворот в Англии и великая французская буржуазная революция 1789—1794 гг. показали, что общество не неизменно, а находится в процессе прогрессивного развития. Французская революция оказала огромное влияние на умы современников и на развитие философской мысли. Классическая немецкая философия от Канта до Гегеля развивалась как под влиянием общественной жизни Германии, так и под воздействием французской буржуазной революции и событий, ею вызванных.

[1] *Ф. Энгельс*, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, М., 1955, стр. 5.

К началу XIX в. во многих отношениях изменился и характер естествознания, которому стало тесно в рамках метафизического метода мышления. Практика научных исследований с каждым новым открытием все более раскрывала ограниченность и односторонность метафизического истолкования природы.

Математика, обогащенная великими открытиями Декарта, Лейбница, Ньютона, Эйлера и многих других выдающихся ученых XVII—XVIII вв., первой среди других специальных наук стихийно подошла к диалектике. Это понял Гегель, усердно занимавшийся изучением математики и опиравшийся на нее при разработке своей диалектики.

Не следует, конечно, преувеличивать диалектические тенденции, характерные для тогдашней науки. Несмотря на появление диалектических тенденций в естествознании, оно в основном рассматривало природу все еще метафизически. Тем не менее назревавшая задача критического пересмотра метафизики и разработки диалектики уже выкристализовывалась в сознании передовых мыслителей.

Родоначальник классической немецкой философии *Иммануил Кант* (1724—1804) в ранний период своей деятельности много занимался вопросами естествознания и выдвинул теорию происхождения и развития солнечной системы. Космогоническая теория Канта показала несостоятельность взгляда на солнечную систему как на неизменную и пробила значительную брешь в метафизическом естествознании. В философских взглядах Кант стоит преимущественно на метафизических позициях, хотя у него имеются элементы диалектики. Главные философские произведения Канта — «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788) и «Критика способности суждения» (1790). В своем философском учении Кант главное внимание уделял вопросам теории познания. Критическое исследование познавательной способности он считал основной задачей своей философии.

Для философской системы Канта характерен компромисс между двумя взаимно друг друга исключающими тенденциями— материалистической и идеалистической. Материалистическая тенденция в философии Канта сказывается в том, что он признает существование объективной реальности; Кант учит, что существуют «вещи в себе», независимые от познающего субъекта. Если бы Кант последовательно проводил этот взгляд, то пришел бы к материализму. Но в противоречии с этой материалистической тенденцией он одновременно утверждал, что «вещи в себе» непознаваемы. Агностицизм приводит его к идеализму. Идеализм Канта выступает в форме априоризма [1], учения о том, что

[1] A priori (лат.) — прежде; в философском смысле — прежде опыта. Соответственно a posteriori — после, в философском смысле — после опыта, из опыта.

основные положения всякого знания являются доопытными, не зависимыми от опыта — априорными формами сознания.

Характеризуя философское учение Канта, Ленин пишет: «Основная черта философии Канта есть примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе разнородных, противоположных философских направлений. Когда Кант допускает, что нашим представлениям соответствует нечто вне нас, какая-то вещь в себе,— то тут Кант материалист. Когда он объявляет эту вещь в себе непознаваемой, трансцендентной, потусторонней,— Кант выступает как идеалист. Признавая единственным источником наших знаний опыт, ощущения, Кант направляет свою философию по линии сенсуализма, а через сенсуализм, при известных условиях, и материализма. Признавая априорность пространства, времени, причинности и т. д., Кант направляет свою философию в сторону идеализма. За эту половинчатость Канта с ним беспощадно вели борьбу и последовательные материалисты и последовательные идеалисты...» [1]

Пространство и время, по Канту, являются не объективными формами существования материи, а формами человеческого сознания, априорными формами чувственного созерцания, до всякого опыта заложенными в сознании.

Кант ставил вопрос о характере основных понятий (категорий), при помощи которых люди познают природу [2], но этот вопрос он также решал с позиций априоризма. Так, причинность он считал не объективной связью, закономерностью природы, а априорной формой человеческого рассудка. Все категории рассудка Кант объявил априорными формами сознания.

Очень своеобразно, идеалистически Кант представлял предмет познания. Согласно учению Канта, предмет познания конструируется человеческим сознанием при помощи априорных форм пространства, времени, категории причинности и других категорий. Этот конструируемый сознанием предмет Кант называет природой.

Формально Кант признает, что познание имеет своим предметом природу, но по существу он противопоставляет природу объективному миру. Природа, по Канту,— это не вещи в себе, не объективная реальность, а то, что конструируется сознанием. Отсюда и получается разрыв между вещами в себе, которые Кант считал непознаваемыми, и природой, которая у него познаваема, но не существует объективно, вне сознания человека. Когда мы говорим о явлении природы, мы имеем в виду вещь или процесс материального мира. Кант же противопоставляет явления и вещи в себе, полагает между ними непроходимую грань. Этот

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 184—185.

[2] Пространство и время Кант не относил к числу категорий.

отрыв явлений от их сущности, от вещей в себе, составляет метафизическую черту кантовской философии.

Но в идеалистической философии Канта имеются и ценные образцы диалектики. Заслуга Канта в теории познания состоит в том, что он установил недостаточность аналитического метода для науки и поставил вопрос о познавательной роли синтеза в научном исследовании. Кант отверг распространенный среди метафизиков взгляд, будто научный метод сводится исключительно к анализу, исходящему из формально-логического принципа недопустимости противоречия. Выдающийся немецкий философ защищал плодотворную мысль о фундаментальном значении синтетического метода для математики, естествознания и философии.

Диалектический характер имела критика Кантом рассудочного мышления. Кант различал рассудок и разум; он считал, что рассудочное познание природы (метафизика) недостаточно, что разумное познание выше и что оно по природе своей диалектично.

В этом отношении интересно его учение о противоречиях («антиномиях») разума. Согласно Канту, разум, решая вопрос о конечности или бесконечности мира, о его простоте или сложности и т. п., впадает в противоречия. Диалектика, по Канту, имеет негативный, отрицательный характер. С одинаковой убедительностью можно доказывать, что мир конечен во времени и пространстве (тезис) и что он бесконечен во времени и пространстве (антитезис). Равным образом можно доказывать, что все в мире просто (тезис) и что все в мире сложно (антитезис). Как агностик Кант ошибочно полагал, что эти вопросы неразрешимы. Тем не менее его учение об антиномиях разума было направлено против метафизики и самой постановкой вопроса о противоречии способствовало развитию диалектического метода.

Высшей ступени своего развития диалектика в идеалистической форме достигла в философии *Георга Вильгельма Фридриха Гегеля* (1770—1831). Гегель является представителем философии объективного идеализма. Главные его произведения — «Феноменология духа» (1806), «Наука логики» (1812—1816), «Энциклопедия философских наук» (1817) из трех частей: «Логика», «Философия природы» и «Философия духа», «Философия права» (1821), посмертно изданы «Лекции по истории философии» (1833—1836), «Философия истории» (1837), «Лекции по эстетике» (1836—1838). Согласно гегелевской идеалистической системе, основой всех явлений природы и общества является мировой дух. Этот «мировой дух» Гегель называет абсолютной идеей, абсолютным духом, а также богом.

Гегелевская система объективного идеализма состоит из трех основных частей. В первой части своей системы — в «Науке логики» — Гегель изображает мировой дух (называемый им здесь «абсолютной идеей») таким, каким он был, по его мысли,

до возникновения природы, т. е. признает дух первичным, непроизводным. Идеалистическое учение Гегеля о природе изложено им во второй части системы — в «Философии природы». Природу Гегель как идеалист считает вторичной, производной от абсолютной идеи; в этом смысле он называет природу «инобытием духа». Гегелевская идеалистическая теория общественной жизни составляет третью часть его системы — «Философию духа». Здесь «абсолютная идея» становится, по Гегелю, «абсолютным духом». Философскую систему Гегеля Маркс назвал, «спекулятивной конструкцией», т. е. умозрительным построением.

Объективный идеалист, Гегель превращает общее понятие, идею, выработанную людьми как отражение действительности, в самостоятельную, оторванную от человека и от действительности сущность, в таинственную духовную «субстанцию» и называет ее абсолютной идеей, абсолютным духом, а затем из этого духа выводит природные явления.

«Когда я из действительных яблок, груш, земляники, миндаля,— говорит Маркс,— образую общее представление «*плод*»; когда я иду дальше и *воображаю*, что моё, выведенное из действительных плодов, абстрактное представление «п л о д» [«*die* Frucht»] есть вне меня существующая сущность, мало того — *истинная* сущность груши, яблока и т. д., то этим я, выражаясь *спекулятивным языком*, объявляю «п л о д» «*субстанцией*» груши, яблока, миндаля и т. д. Я говорю, следовательно, что для груши несущественно то, что она — груша, для яблока несущественно то, что оно — яблоко. Существенное в этих вещах, говорю я, есть не их действительное, чувственно созерцаемое наличное бытие, а абстрагированная мною от них и подсунутая под них сущность, сущность в моём представлении, «п л о д»» [1]. Так Маркс раскрыл гносеологические корни идеализма Гегеля.

Существенная особенность идеалистической философии Гегеля состоит в том, что абсолютная идея, абсолютный дух рассматривается им в движении, в диалектическом развитии. Учение о «становлении» (Werden), идея развития составляют ядро гегелевской идеалистической диалектики [2] и целиком направлены против метафизики. Особенное значение в диалектическом методе Гегеля имели три принципа развития, идеалистически понимаемого им как движение понятий, а именно: переход количества в качество, противоречие как источник развития и отрицание отрицания. В этих трех принципах Гегель вскрыл, хотя и в идеалистической форме, действительные всеобщие законы развития. Впервые в истории философии Гегель учил, что источником, душою развития является внутренне присущее явлениям

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 2, 1955, стр. 63.

[2] Диалектический метод специально рассматривается Гегелем в двух сочинениях — подробно в «Науке логики» и кратко в первой части «Энциклопедии философских наук», в так называемой малой «Логике».

противоречие. Мысль Гегеля о внутренней противоречивости развития была драгоценным приобретением философии.

Выступая против метафизиков, рассматривавших понятия вне связи друг с другом, абсолютизировавших анализ, расчленение, Гегель выдвинул диалектическое положение о том, что понятия не только отличаются друг от друга, но и «опосредствуют» друг друга, т. е. взаимосвязаны.

Характеризуя особенности гегелевского метода, Ленин говорит, что в диалектике понятий Гегель гениально угадал диалектику вещей, и добавляет: «Именно *у г а д а л*, не больше» [1]. Метод Гегеля — это диалектика понятий в идеалистическом их понимании. Но, говоря о том, что понятия «опосредствуют» друг друга, Гегель угадывает взаимосвязь вещей, явлений природы. Его учение об «опосредствовании» понятий заключает в себе гениальную догадку о том, что явления природы взаимосвязаны.

Таким образом, Гегель обогатил философию разработкой диалектического метода. В его идеалистической диалектике заключалось глубокое рациональное содержание. Рассматривая основные понятия философии и естествознания, он в известной мере диалектически подходил к истолкованию природы, хотя в своей системе он отрицал развитие природы во времени.

«У Гегеля,— пишет Энгельс,— природа, как простое «отчуждение» идеи, не способна к развитию во времени; она может лишь развертывать свое многообразие в пространстве, и, таким образом, осужденная на вечное повторение одних и тех же процессов, она выставляет одновременно и одну рядом с другой все заключающиеся в ней ступени развития» [2].

Тем не менее в «Философии природы» Гегель выдвинул целый ряд замечательных диалектических идей: о единстве материи и движения, о противоречивости категорий пространства, времени и движения, о зависимости химических качеств от количественных изменений и др. Чтобы доказать диалектический характер идеалистически понимаемой им действительности, он приводит примеры из природы.

В гегелевской философии существует противоречие между метафизической системой и диалектическим методом. Метафизическая система Гегеля отрицает развитие в природе. А его диалектический метод признает развитие, смену одних понятий другими, их взаимодействие и движение от простого к сложному. Развитие общественной жизни Гегель видел лишь в прошлом. Он считал, что история общества завершится на конституционной сословной прусской монархии, а венцом всей истории философии он объявил свою идеалистическую систему объективного идеализма. Так система Гегеля в конечном итоге возобладала над

---

[1] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 169.

[2] *Ф. Энгельс*, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, М., 1955, стр. 21.

его методом. Однако в гегелевской идеалистической теории общества — в «философии духа» содержится много ценных диалектических идей о развитии общественной жизни. Гегель поставил вопрос о закономерности исторического процесса. Гражданское общество, государство, правовые, эстетические, религиозные, философские идеи, согласно гегелевской диалектике, прошли длинный путь исторического развития.

«Свое завершение... новейшая немецкая философия,— говорит Энгельс,— нашла в системе Гегеля, великая заслуга которого состоит в том, что он впервые представил весь естественный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. в беспрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии, и пытался раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития. С этой точки зрения история человечества уже перестала казаться нелепым клубком бессмысленных насилий, в равной мере достойных — перед судом созревшего ныне философского разума — лишь осуждения и скорейшего забвения; она, напротив, предстала как процесс развития самого человечества, и задача мышления свелась теперь к тому, чтобы проследить последовательные ступени этого процесса среди всех его блужданий и доказать внутреннюю его закономерность среди всех кажущихся случайностей.

Для нас здесь безразлично, что гегелевская система не разрешила этой поставленной перед собой задачи; ее историческая заслуга состояла в том, что она поставила эту задачу» [1].

Идеалистическая и метафизическая система Гегеля являлась философской основой его реакционных социально-политических взглядов. Он считал войну вечным и необходимым явлением в истории. Он придерживался европоцентристской теории, согласно которой восточные народы не способны к культурному развитию. Шовинистические идеи Гегеля в дальнейшем были подхвачены идеологами империалистической буржуазии. Одно из наиболее реакционных направлений буржуазной философии эпохи империализма — неогегельянство воспроизводит все отрицательное, что имелось в системе Гегеля.

Наоборот, диалектический метод Гегеля оказал могучее и благотворное влияние на дальнейшее развитие философии, в том числе русской философии, и, что особенно важно, явился одним из теоретических источников марксизма.

Таким образом, историческая роль философских учений выдающихся немецких философов конца XVIII — начала XIX в., в особенности Гегеля, состояла в развитии диалектического метода. Маркс и Энгельс высоко ценили роль и значение гегелевской философии, несмотря на ее идеализм и противоречие между диалектическим методом и философской системой.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения в двух томах, т. II, М., 1955, стр. 123.

Все же идеалистические умозрительные системы немецких философов в значительной мере являлись пустоцветом на могучем плодоносном дереве человеческого познания. В интересах дальнейшего развития философской мысли требовалось преодолеть эти системы, удержав то ценное, рациональное, что содержалось в идеалистической диалектике. Исторически назревшая задача критики немецкого идеализма конца XVIII — начала XIX в. в значительной мере была выполнена завершителем классической немецкой философии *Людвигом Фейербахом* (1804—1872). Идеолог радикальных демократических кругов немецкой буржуазии в период подготовки и совершения революции 1848 г., Фейербах восстановил материализм в его правах.

Прежде чем стать материалистом, Фейербах прошел школу гегелевской философии. Однако он вскоре обнаруживает ее ограниченность и несостоятельность. В сочинении «К критике философии Гегеля» (1839) Фейербах выступил на стороне материализма, против гегелевского идеализма. Материалистическая философия Фейербаха была обоснована им в произведениях «Сущность христианства» (1841), «Предварительные тезисы к реформе философии» (1842), «Основные положения философии будущего» (1843), «Сущность религии» (1845) и др. Фейербах решительно боролся против идеализма Гегеля и против идеалистической философии в целом. Он возродил материалистические традиции XVII—XVIII вв. и творчески обогатил материалистическое мировоззрение. Старая, идеалистическая философия, говорит Фейербах, состояла в ложном союзе с теологией, новая философия вступила в плодотворный союз с естествознанием. Природа — основа всего сущего, учил Фейербах.

Особенность материализма Фейербаха состоит в *антропологическом* понимании философии. Критикуя гегелевскую философию за ее пренебрежение живым человеком, за игнорирование чувств как источника познания, Фейербах за исходный пункт своего материалистического учения принимает человека. В этом и состоит, по мысли Фейербаха, его антропологический подход к философии (от греческого «антропос» — человек). Если идеалистическая философия, говорит Фейербах, исходила из положения, что субъект есть абстрактное, только мыслящее существо, что тело не относится к сущности человека, то антропологическая философия начинает, напротив, с положения, что субъект есть материальное, чувственное существо, что именно тело в совокупности всех его свойств и есть субъект, сущность человека. Антропологическая философия, рассматривая человека вместе с природой как единственный предмет философии, превращает, по мысли Фейербаха, антропологию, включая физиологию, в универсальную науку.

Фейербах отверг идеалистическое учение о приоритете, первичности мышления по отношению к бытию. Он доказывает, что сознание человека является особым свойством мозга. Материа-

листически решая основной вопрос философии, Фейербах утверждает, что «действительное отношение мышления к бытию таково: *бытие — субъект, мышление — предикат*» [1]. Начав с рассмотрения человека, Фейербах переходит к природе. Показав необоснованность и ложность религиозного и идеалистического понимания человека как двойственного существа, состоящего из тела и души, он аргументированно излагает свое материалистическое учение. Антропологизм Фейербаха был острым оружием материалистической критики идеализма и религии. При помощи этого оружия он раскрыл фантастичность религиозного учения о душе и выяснил оторванность от действительности, абстрактность идеалистической философии.

Однако антропологизм Фейербаха имел и свою отрицательную сторону: человек понимается Фейербахом как физиологическое, биологическое, а не как общественное существо. Между тем реальный человек не может рассматриваться вне общества, вне общественных отношений. Поэтому, как только Фейербах подходит к вопросам общественной жизни, обнаруживаются идеализм в его понимании общества и абстрактность его так называемого «конкретного» человека.

В понимании же природы Фейербах был последовательным материалистом. Философия, по Фейербаху, должна начинать не с бога, не с мирового духа или с человеческого сознания, а с природы и человека как ее части. Выдающийся немецкий материалист возражает против идеалистического понимания природы как чего-то вторичного, производного от духа, сознания. Отвергнув учение Канта о том, что природа конструируется человеческим сознанием, и учение Гегеля о том, что она является «инобытием» мирового духа, Фейербах защищает и обосновывает материалистическое положение о первичности материи, о том, что природа существует сама по себе и объяснять ее можно лишь из нее самой.

Философское учение Фейербаха не только было направлено против идеализма и религии, не только защищало материалистические традиции XVII—XVIII вв., но и преодолевало некоторые черты ограниченности механистической формы материализма. Фейербах отказался от абстрактного механистического понимания материи как чего-то однородного. Природа, по Фейербаху, обладает качественным многообразием, воспринимаемым всеми чувствами человека.

Много плодотворных и новых идей высказал Фейербах и по теоретико-познавательным вопросам. В этой области он также выступил против немецких идеалистов, против Гегеля в особенности. Критикуя гегелевскую систему объективного идеализма, Фейербах с основанием говорил о том, что в ней объекты мышле-

[1] *Л. Фейербах*, Избранные философские произведения, т. I, М., 1955, стр. 128.

ния не отличаются от сущности мышления, что поэтому система объективного идеализма не выходит за пределы мышления и остается чуждой действительности.

Согласно антропологической философии Фейербаха, познает мир, т. е. является субъектом познания, не логическая абстракция, а реальный человек; человек видит только в качестве видящего, чувствует только в качестве чувствующего существа. Не может быть познания без человека и вне человека. Для философии, игнорирующей значение чувств, недоступно правильное понимание процесса познания. Зрительное ощущение невозможно без предмета зрения, без света; зрение есть ощущение или восприятие света.

Реабилитация чувств в теории познания Фейербаха являлась защитой материалистического понимания ощущений. Подвергнув критике «физиологический идеализм» немецкого естествоиспытателя Мюллера, отвергавшего объективное содержание в ощущениях, Фейербах обосновал материалистический сенсуализм, согласно которому ощущения, будучи отражением предметов материального мира, являются источником теоретического мышления. Первой ступенью познания являются чувства. «Тайна *непосредственного* знания сосредоточена в *чувственности*» [1].

Поднимаясь в процессе познания на ступень мышления, человек, по Фейербаху, вовсе не достигает, как это утверждают идеалисты, какого-то иного, надземного мира, какого-то особого надмирового царства, он остается на единственно реальной почве земли и чувственности.

Для мировоззрения Фейербаха характерна вера в силу человеческого разума. Он последовательно защищал мысль о познаваемости мира, выступал против агностицизма и мистики. В кантианском агностицизме Фейербах видел отрыв субъекта от объекта, мышления от бытия. Обоснованные Фейербахом положения о возможности познания мира, о природе как объекте познания, о живом человеке как субъекте познания, о связи чувств и разума, об их познавательной роли образуют в своей совокупности единую, глубоко содержательную материалистическую теорию познания.

При всех заслугах Фейербаха в развитии материалистической философии и в критике идеализма его философское учение страдало тем существенным недостатком, что в нем не было учтено прогрессивное значение гегелевской диалектики. Преодолев гегелевский идеализм, Фейербах вместе с тем отверг и гегелевскую диалектику. Энгельс говорит по этому поводу о Фейербахе, что он вместе с водой выплеснул из ванны и ребенка.

Значительную роль в истории передовой философской мысли сыграла критика Фейербахом теологии, религии. Он справед-

---

[1] *Л. Фейербах*, Избранные философские произведения, т. I, 1955, стр. 187.

ливо утверждал, что богов создали сами люди, абстрагируя и приписывая божеству свою человеческую сущность; они абсолютизируют, обожествляют человеческие свойства. Фейербах отмечал связанные с представлением о богах человеческие чувства зависимости, страха, любви, благодарности, почтения и приближался к правильному пониманию гносеологических корней религии.

Однако, отвергнув прежние религии, Фейербах провозгласил новую религию — «без бога», религию любви. Низводя теологию до степени антропологии, он, по его собственным словам, хотел антропологию возвести на степень теологии.

Будучи материалистом в понимании природы, Фейербах был идеалистом в понимании общества. Так, различные периоды истории человечества, утверждал он, отличаются друг от друга лишь переменами в религии. «Поскольку Фейербах материалист, история лежит вне его поля зрения; поскольку же он рассматривает историю — он вовсе не материалист. Материализм и история у него полностью оторваны друг от друга...» [1]

Материализм Фейербаха в целом оставался в рамках метафизического образа мышления. Основным недостатком фейербаховского материализма, как и всего прежнего материализма, являлась созерцательность. «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский,— говорит Маркс в «Тезисах о Фейербахе»,— заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берётся только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно» [2].

Материалистическое мировоззрение Фейербаха при всей своей ограниченности оказало плодотворное влияние на дальнейшее развитие философии не только в Германии, но и во многих других странах, в том числе и в России. Философия Фейербаха содействовала формированию материализма русских революционных демократов — Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова и других. Материализм Фейербаха наряду с диалектикой Гегеля явился одним из теоретических источников марксистской философии.

4. Материализм и диалектика революционных демократов XIX в.

Диалектика Гегеля и материализм Фейербаха были высшей ступенью развития философии в Западной Европе к середине XIX в. В 40-х годах XIX в. великие основоположники марксизма К. Маркс и Ф. Энгельс, критически переработав лучшие

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 3, 1955, стр. 44.
[2] Там же, стр. 1.

достижения человеческой мысли и совершив революционный переворот в философии, положили начало высшей форме материалистического мировоззрения — диалектическому материализму.

В это время в России в силу ее своеобразных исторических условий (господство докапиталистических общественных отношений, пролетариат еще только формировался) было создано материалистическое мировоззрение крестьянской революционной демократии. В сравнении с философскими теориями французских материалистов XVIII в. и Фейербаха это мировоззрение представляло собой новый, более высокий этап в развитии материалистической философии.

Начиная с 40-х годов XIX в. в России ширилось и крепло революционно-демократическое движение против крепостничества и царизма. Материалистическое мировоззрение русской революционной демократии было представлено в 40-х годах Белинским, Герценом, Огаревым, петрашевцами. В 50—60-е годы XIX в., в период падения крепостного строя в России и перехода страны к промышленному капитализму, материалистическое мировоззрение русской революционной демократии достигло вершины своего развития в философской теории Чернышевского, Добролюбова и их соратников.

Материалистическое мировоззрение революционных демократов в значительной мере преодолело созерцательный характер прежнего материализма. Революционные демократы видели в философии идейное оружие для политической борьбы против самодержавия и крепостничества. Философия и политика были у них тесно связаны: революционные демократы стремились поставить материалистическую теорию на службу революционной практике.

Русские революционные демократы XIX в. опирались на культурное наследство своей страны, но, помимо этого, они были превосходно знакомы с достижениями передовой западноевропейской философской и социологической мысли: с английской политической экономией, с французским утопическим социализмом, с диалектикой Гегеля и материализмом Фейербаха. Испытав на себе их плодотворное влияние, они вместе с тем не были рабами их философских систем, а, творчески овладев их передовыми идеями, развивали материализм дальше.

Преимущество материализма революционных демократов перед метафизическим и механистическим материализмом XVII—XVIII вв. в значительной мере объясняется и более высоким уровнем развития естествознания в XIX в. Русские материалисты имели возможность опереться не только на достижения механических наук, но и на успехи физики, химии, биологии, общественных наук. Поэтому им чуждо стремление истолковывать все естественные и общественные явления по образцу механики и все многообразие форм движения сводить к механическому пе-

ремещению. В отличие от прежних материалистов русские революционные демократы, опираясь на приобретения гегелевской философии, творчески разрабатывали диалектику как метод познания и как «алгебру революции» (*Герцен*).

Главная философская работа *А. И. Герцена* (1812—1870) — «Письма об изучении природы» — является одним из самых ценных приобретений передовой философской мысли первой половины XIX в. Характеризуя философские взгляды Герцена, Ленин писал в 1912 г.: «В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя «алгебру революции». Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из «Писем об изучении природы»,— «Эмпирия и идеализм»,— написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуидеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом» [1].

Основным положением материализма Герцена является утверждение о «самобытности» материи, т. е. о ее первичности по отношению к сознанию. Явления природы, по словам Герцена, «носят в себе характер независимой самобытности от человека; они были, когда его не было; им нет до него дела, когда он явился; они без конца, без пределов; они беспрестанно и везде возникают, появляются, пропадают» [2].

Материалистическая теория познания Герцена направлена против «схоластического мистицизма» и одновременно против «одностороннего эмпиризма», игнорирующего роль «умозрения», теоретического мышления. Опыт и «умозрение» Герцен сравнивал с неотделимыми друг от друга магдебургскими полушариями. Герцен признавал значение ощущений как основы познания истины и в то же время высоко ставил теоретическое мышление; если опыт наращивает факты, то «умозрение», опираясь на них, углубляется в их смысл; отсюда вытекало требование союза между философией и естествознанием, отсюда — борьба Герцена против агностицизма и скептицизма.

Защищая материализм, Герцен подверг критике ряд идеалистических теорий, распространенных в его время. Так, он показал реакционный характер идеалистической системы Шеллинга, боролся против идеалистического учения славянофилов.

Герцен принадлежал к числу тех передовых мыслителей XIX в., которые уже догадывались, что исторически назрела задача соединения материалистического мировоззрения с диалектическим методом. Разрабатывая диалектический метод, он исходил из той мысли, что идеалисты в принципе ошибаются,

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 18, стр. 9—10.

[2] *А. И. Герцен*, Собрание сочинений, т. III, изд. Академии наук СССР, М., 1954, стр. 130.

выводя природу и историю из мышления, что, наоборот, логика должна выводиться из природы и истории. «Логика хвастается тем, что она a priori выводит природу и историю. Но природа и история тем велики, что они не нуждаются в этом: еще более — они сами выводят логику a posteriori» [1].

Критикуя метафизический материализм за механистическое понимание движения, Герцен показал, что источник движения находится в самой материи, что нельзя сводить материю к недеятельному, пассивному наполнению пространства. Выдающийся русский материалист и диалектик требовал рассматривать природу такой, какова она есть, изучать ее в движении и развитии. «Если вы,— говорит Герцен,— на одно мгновенье остановили природу как нечто мертвое,— вы не токмо не дойдете до возможности мышления, но не дойдете до возможности наливчатых животных, до возможности поростов и мхов; смотрите на нее как она есть, а она есть в движении; дайте ей простор, смотрите на ее биографию, на историю ее развития — тогда только раскроется она в связи. История мышления — продолжение истории природы: ни человечества, ни природы нельзя понять мимо исторического развития» [2].

Жизнь, по мысли Герцена, содержит в себе диалектику, ибо в ней происходит непрерывное и безостановочное движение, вечная борьба и взаимодействие противоположностей, прогрессивное развитие от низших форм к высшим. Материалистически перерабатывая диалектику Гегеля, Герцен пришел к выводу, что категории диалектики производны от «диалектики физического мира».

Заслуга Герцена в развитии философии состояла в обогащении материализма диалектикой, в понимании диалектики как «алгебры революции». Однако он не раскрыл основных законов диалектики, он лишь вплотную подошел к диалектическому материализму. Оставаясь идеалистом в понимании общественной жизни, он не мог вскрыть закономерности общественной жизни; он остановился перед историческим материализмом.

Самым выдающимся представителем материализма революционной демократии был *Н. Г. Чернышевский* (1828—1889). Характеризуя мировоззрение Чернышевского, Ленин писал, что он «сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы» [3].

Обострившийся к середине XIX в. кризис феодально-крепостнического строя в России привел страну к революционной ситуации 1859—1861 гг. Но в России тогда не было организован-

[1] *А. И. Герцен*, Избранные философские произведения, т. I, Госполитиздат, 1948, стр. 327.

[2] *А. И. Герцен*, Собрание сочинений, т. III, изд. Академии наук СССР, М., 1954, стр. 128.

[3] *В. И. Ленин*, Соч., т. 20, стр. 224.

ного класса, который мог бы встать во главе движения народных масс против феодально-крепостнического строя. Российский пролетариат еще не сложился как революционный класс, а крестьянство, угнетенное помещиками и самодержавной властью царя и представлявшее в тех исторических условиях единственный революционный класс в стране, не было организационно объединено. Крестьянское движение не имело ясных политических целей, выступления крестьян против крепостнических порядков носили стихийный характер.

Задачу теоретического обоснования революционного движения и выработки его политической программы взяла на себя наиболее передовая часть русской разночинной интеллигенции во главе с Н. Г. Чернышевским. Материалистическая философия Чернышевского и его соратников служила идеологической подготовке крестьянской революции в России. Полные глубокого идейного содержания произведения Чернышевского «Антропологический принцип в философии», «Эстетические отношения искусства к действительности», «Очерки гоголевского периода русской литературы» и др. обогатили материалистическое мировоззрение русской революционной демократии.

В отличие от материалистов-метафизиков Чернышевский считал, что философия не может ограничиться лишь созерцанием действительности. Ее задача — служить интересам «простолюдинов», раскрывать перед ними перспективы революционной борьбы, освещать им путь к лучшей жизни, к социализму. Такой философией, по убеждению Чернышевского, может быть только научно обоснованное материалистическое мировоззрение. Материалистическая философия Чернышевского являлась теоретической основой его утопического социализма и революционного демократизма.

Чернышевский материалистически понимал мир. «То, что существует,— материя,— писал он.— Материя имеет качества. Проявления качеств — это силы. То, что мы называем законами природы, это способы действия сил» [1]. Природа подчиняется объективной закономерности — Чернышевский был последовательным детерминистом. Исходный пункт своей материалистической теории познания он формулировал так: «Ощущение по самой натуре своей непременно предполагает существование двух элементов мысли, связанных в одну мысль: во-первых, тут есть внешний предмет, производящий ощущение, во-вторых, существо, чувствующее, что в нем происходит ощущение...» [2] Чернышевский подчеркивал, что наше знание есть знание предметов, реальной жизни. Он вел смелую идейную борьбу против реакционных философов второй половины XIX в., отрицавших объективную истину, возможность познания мира.

[1] *Н. Г. Чернышевский*, Избранные философские сочинения, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 707.

[2] Там же, стр. 236.

Глубокое изучение истории философии позволило Чернышевскому прийти к обоснованному выводу, что с древних времен и до нашего времени в философии происходила и происходит борьба двух основных направлений — материализма и идеализма. При этом Чернышевский видел связь философской борьбы с политической и вплотную подошел к пониманию партийности философии.

Чернышевский вслед за Фейербахом придерживался «антропологического принципа», боролся против религиозного и идеалистического учения о дуализме человека, якобы состоящего из души и тела. Характеризуя свое понимание человека, он писал: «Философия видит в нем то, что видят медицина, физиология, химия; эти науки доказывают, что никакого дуализма в человеке не видно, а философия прибавляет, что если бы человек имел, кроме реальной своей натуры, другую натуру, то эта другая натура непременно обнаруживалась бы в чем-нибудь, и так как она не обнаруживается ни в чем, так как все происходящее и проявляющееся в человеке происходит по одной реальной его натуре, то другой натуры в нем нет» [1].

Из приведенных слов Чернышевского видно, что его «антропологический принцип» близок антропологизму Фейербаха; однако было бы крупной ошибкой полностью отождествить философские взгляды обоих мыслителей по этому вопросу. В отличие от Фейербаха Чернышевский при характеристике человека уже принимал во внимание роль общественной жизни, «материального быта», зависимость умственных и нравственных качеств отдельного человека и целых народов от исторически меняющихся обстоятельств их жизни.

В отличие от Фейербаха Чернышевский достиг замечательных успехов в разработке вопросов диалектики. Он подверг глубокой критике Гегеля за идеализм, но в то же время оценил значение гегелевской диалектики и стремился переработать ее материалистически. В природе и обществе, по мысли Чернышевского, происходит вечная смена форм; при этом развитие действительности происходит так, что «количественное различие переходит в качественное различие» [2]. Чернышевский материалистически истолковал и гегелевский принцип «отрицания отрицания». Он писал, что все явления мировой жизни, от ее общих состояний до мельчайших подробностей, проходят в своем развитии целый ряд состояний, причем «высшая степень развития по форме сходна с его началом...»[3]

Требование *конкретности* мысли, рассмотрения каждого факта в его связи с другими фактами, с обстоятельствами места и

---

[1] *Н. Г. Чернышевский*, Избранные философские сочинения, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 185.

[2] Там же, стр. 188.

[3] *Н. Г. Чернышевский*, Избранные философские сочинения, т. II, Госполитиздат, 1950, стр. 457.

времени, является одним из наиболее ценных положений диалектического метода Чернышевского. Отвлеченной истины нет, говорил Чернышевский, истина всегда конкретна, т. е. «определительное суждение можно произносить только об определенном факте, рассмотрев все обстоятельства, от которых он зависит» [1]. На простом примере он поясняет, что такое конкретная истина: «...«благо или зло дождь?» — это вопрос отвлеченный; определительно отвечать на него нельзя: иногда дождь приносит пользу, иногда, хотя реже, приносит вред; надобно спрашивать определительно: «после того как посев хлеба окончен, в продолжение пяти часов шел сильный дождь,— полезен ли был он для хлеба?» — только тут ответ ясен и имеет смысл: «этот дождь был очень полезен».— «Но в то же лето, когда настала пора уборки хлеба, целую неделю шел проливной дождь,— хорошо ли было это для хлеба?» Ответ так же ясен и так же справедлив: «нет, этот дождь был вреден»» [2].

Велика заслуга Чернышевского и в истории эстетических учений. Основные положения его материалистической эстетики: «прекрасное есть жизнь», «жизнь выше искусства», искусство есть воспроизведение жизни. Задачей искусства, по Чернышевскому, является верное воспроизведение всего, что интересно для человека в жизни, объяснение жизни и приговор над ней. Реализм, революционный демократизм и гуманизм — вот характерные черты эстетики Чернышевского.

В своей теории общественной жизни Чернышевский большое значение придавал экономике, однако до материалистического понимания истории он не поднялся. Он подверг критике буржуазную политическую экономию и вплотную подошел к пониманию роли классов и классовой борьбы в истории общества. Маркс высоко оценил значение работ Чернышевского по вопросам политической экономии.

Чернышевский, таким образом, сыграл большую роль в развитии материализма и диалектики; ему принадлежит заслуга последовательной борьбы против различных школ и школок идеалистической философии. Характеризуя историческое значение философии Чернышевского, Ленин писал: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» [3].

---

[1] *Н. Г. Чернышевский*, Избранные философские сочинения, т. 1, 1950, стр. 666.

[2] Там же, стр. 666—667.

[3] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 346.

Философия революционных демократов России и других стран явилась новым шагом в развитии материалистической мысли в сравнении с метафизическим материализмом, но революционные демократы не дали, да и не могли дать строго научного ответа на важнейшие вопросы, поставленные перед философией всем развитием науки, общественной жизни, революционного движения масс. Ответить на эти назревшие вопросы можно было лишь с позиций революционного пролетариата, с позиций последовательного диалектико-материалистического понимания природы, общества и познания. Эту великую историческую задачу разрешила лишь марксистская философия — диалектический и исторический материализм.

ГЛАВА III

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

1. Исторические условия возникновения марксистской философии. Маркс и Энгельс — великие творцы диалектического и исторического материализма

В 40-х годах XIX в. в развитии философской мысли произошел великий революционный перелом: возникла марксистская философия — диалектический и исторический материализм. Марксистская философия, которую мы с полным правом считаем истинным и единственно научным мировоззрением современности, является, как и всякое философское учение, продуктом конкретной исторической эпохи. Если раньше философы не дали и не могли дать такого учения, то это объясняется не их слабостью, а прежде всего историческими условиями, в которых они выступали.

Середина прошлого столетия стала временем рождения диалектического и исторического материализма по той причине, что весь ход общественного развития, а также накопление знаний о природе и все предыдущее развитие философии закономерно, необходимо подвели к этому поворотному моменту. Марксизм в целом и марксистская философия как его составная часть возникли в силу назревшей исторической потребности как ответ на те запросы, которые выдвинуты были объективным развитием общества и развитием человеческих знаний.

«История философии и история социальной науки,— писал Ленин,— показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, закостенелого учения, возникшего *в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма»[1].

Эти прекрасные ленинские слова характеризуют как внутреннюю связь, преемственность, существующую между марксизмом, марксистской философией и всем предшествующим

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 19, стр. 3.

развитием человеческой мысли, так и то новое, что делает возникновение марксизма рубежом, революционным переворотом в духовной истории человечества. Без критического освоения и переработки того, что дала передовая философская мысль прошлых лет, невозможно было возникновение диалектического и исторического материализма. Марксистская философия является итогом и завершением длительного развития философской мысли, законной преемницей всего лучшего, созданного на сложном и полном противоречий пути выработки научного мировоззрения. Но марксистская философия глубоко отличается от всех предыдущих учений тем, что она сумела дать ответы на вопросы, которые были поставлены, но не были и не могли быть решены прежней философией в силу ее исторической и классовой ограниченности. Марксизм сумел это сделать потому, что он явился теоретическим выражением новых исторических условий, новых общественных сил, выступивших на социальной арене в первые десятилетия XIX в.

В конце XVIII и начале XIX столетия произошло крушение старого, феодального строя и победил новый, капиталистический строй в ряде стран, прежде всего в Англии и Франции. Капитализм развивался и в других странах. Буржуазная революция назревала в Германии. Капитализм принес с собой невиданное ранее развитие производительных сил общества, на основе которых началось быстрое развитие естествознания. Но новое, буржуазное общество принесло с собой и новые, небывалые по своей силе и остроте социальные противоречия. Эти противоречия нашли свое самое глубокое выражение в борьбе между буржуазией и пролетариатом.

Классовые противоречия имели место и в феодальном обществе. Но эти противоречия и их разрешение не таили еще в себе возможностей создания общества без эксплуатации человека человеком. Капиталистический способ производства впервые в истории действием собственных экономических законов создает объективные предпосылки для уничтожения всякой эксплуатации, всякой формы социального рабства. Он создал и пролетариат — ту общественную силу, которая способна осуществить глубочайший революционный переворот в жизни человечества и построить новое общество, основанное на сотрудничестве и взаимопомощи свободных от эксплуатации людей. Классовая борьба пролетариата в отличие от классовой борьбы в прежних формациях имеет своей целью не смену одной формы эксплуатации другой, а уничтожение эксплуатации вообще, социальное освобождение человека и человечества.

С первых шагов существования буржуазного общества начинается борьба пролетариата против буржуазии. В 30-х и 40-х годах XIX в. она развертывается очень интенсивно. Одно за другим в разных странах вспыхивают крупные выступления

пролетариата. Лионские восстания французских рабочих, мощное чартистское движение английского пролетариата, восстание силезских ткачей в Германии — эти и другие события явились серьезными предвестниками нараставшей освободительной борьбы рабочего класса против буржуазии.

Но в этой борьбе рабочие еще не имели ясной программы. Они боролись за свое существование, за право на жизнь, за смягчение жестокой и бесчеловечной эксплуатации, но еще не видели и не понимали всемирно-исторического смысла рабочего движения, не имели своей организации, которая возглавила бы их борьбу и направила ее по правильному пути. Их выступления еще не были освещены научной революционной теорией, без которой не может быть успешного революционного движения.

Как отражение кричащих противоречий буржуазного общества, противоположности между нищетой трудящихся масс и богатством господствующих классов возникали системы утопического социализма. Наиболее яркими представителями *утопического* социализма в начале XIX в. были Анри Сен-Симон, Шарль Фурье и Роберт Оуэн. Их социалистические взгляды стали одним из теоретических источников марксизма. Сильными сторонами утопического социализма были критика буржуазного строя, глубокое изображение противоречий и пороков капитализма. Социалисты-утописты непоколебимо верили в лучшее будущее человечества, они гениально уловили некоторые черты грядущего общества, самоотверженно пропагандировали идеи социализма. Но это был еще не научный социализм. Они не поняли социальной природы пролетариата, не сумели увидеть в нем ту историческую силу, которая осуществит социалистическое преобразование общества. Социалисты-утописты совершенно не знали путей и средств уничтожения капиталистического строя и создания социалистического общества. Своими проповедями они обращались не к народу, не к трудящимся массам, а ко всем классам, к политическим деятелям, к буржуазии, к «просвещенным монархам», надеясь с их помощью осуществить свои планы. Понятно, что при всех своих положительных качествах утопический социализм не мог помочь пролетариату в его борьбе против буржуазии. Более того, поскольку утописты не понимали, что без классовой борьбы пролетариата социализм останется недостижимой мечтой, их теории стали со временем тормозить разрешение насущных вопросов революционного движения рабочего класса.

Создание *научного* социализма стало исторически назревшей задачей новой эпохи, наступившей с победой капитализма и развертыванием классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Всем ходом истории эта задача была выдвинута, и она была решена идеологами пролетариата — Марксом и Энгельсом.

Создание научного социализма было делом величайшей сложности и трудности. «Чтобы превратить социализм в науку,— отмечал впоследствии Энгельс,— необходимо было прежде всего поставить его на реальную почву»[1]. Поставить же его на реальную почву значило научно доказать, что социализм есть не случайное открытие того или иного гениального ума, как думали социалисты-утописты, а неизбежный и закономерный результат экономического развития капитализма и борьбы классов. Для этого нужно было раскрыть сущность капиталистического способа производства, познать законы его развития, вскрыть механизм капиталистической эксплуатации, обусловливающий борьбу двух основных классов буржуазного общества — пролетариата и буржуазии.

Важнейшей предпосылкой создания теории научного социализма была разработка научного философского мировоззрения. Без этого невозможно было и шага сделать от утопического социализма к научному. Утопический социализм не имел под собой реальной почвы помимо прочего и по той причине, что он стоял на позициях господствовавшего в то время идеалистического понимания истории, что он, несмотря на отдельные гениальные проблески диалектики, в целом метафизически подходил к общественной жизни.

С позиций идеализма и метафизики невозможно было создать и *научную экономическую теорию*, объясняющую сущность капиталистического способа производства.

Нельзя сказать, что до Маркса и Энгельса не было попыток осознать сущность и законы капитализма. Большая заслуга в этом отношении принадлежала крупнейшим представителям английской политической экономии — А. Смиту и Д. Рикардо, которые положили начало трудовой теории стоимости. Их экономическая теория, как и утопический социализм, была одним из теоретических источников марксизма. Создавая свою политическую экономию, Маркс критически использовал учение Смита и Рикардо. Но эти экономисты как выразители интересов буржуазии не могли увидеть преходящего характера капитализма, они метафизически рассматривали его как вечную, неизменную и абсолютную форму человеческого общества. Это мешало им вскрыть сущность капиталистического способа производства.

Чтобы превратить социализм из утопии в науку, необходимо было преодолеть идеализм в целом и особенно идеалистическое понимание истории, которое разделяли все прежние философы, даже и те, кто стоял на материалистических позициях в объяснении природы. Нужно было покончить и с метафизическим способом мышления, мешавшим взглянуть на действительность в ее развитии и изменении, в переходах от старых, отжив-

[1] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1957, стр. 20.

ших форм к новым. Нужно было разработать научный философский метод познания действительности. Короче говоря, возникновение марксизма, марксистского социализма невозможно было без переворота в господствовавших в то время философских взглядах. Эту революцию в философии совершили Маркс и Энгельс, создав диалектический и исторический материализм.

Только благодаря диалектическому и историческому материализму основоположники марксизма сумели дать научный анализ капитализма, показать, что социализм есть неизбежное, закономерное следствие развития общества, выяснить всемирно-историческую роль пролетариата как могильщика капитализма, указать рабочему классу путь к завоеванию политической власти и созданию нового, т. е. социалистического, общества. Марксистская философия возникла, следовательно, в неразрывной связи с общим процессом формирования марксизма как идеологии пролетариата. Наряду с политической экономией и научным социализмом диалектический и исторический материализм является составной частью марксизма, его философской основой.

Если Маркс и Энгельс произвели революцию в философии и создали философское учение, дающее правильную и глубоко научную систему взглядов на мир, то это объясняется не только тем, что они были гениальными мыслителями, но и тем прежде всего, что к их времени появились все необходимые для этого предпосылки. Развитие науки, особенно естествознания, уже достигло такого уровня, когда можно было создать подлинно научное философское мировоззрение. Оценивая итоги развития науки о природе, Энгельс отмечал, что новое воззрение на природу, враждебное как идеализму, так и метафизике, было подготовлено естествознанием примерно в середине XIX в.

Нельзя понять процесса возникновения и формирования диалектического материализма, не учитывая органической связи этого процесса с развитием естествознания. Основоположники марксизма с первых шагов своей деятельности до конца жизни внимательно следили за успехами науки и техники. Коренные принципы диалектического материализма — учение о материальной сущности мира, о материи и формах ее существования, о наиболее общих законах развития бытия, о соотношении. материи и сознания — могли быть выработаны лишь на твердом фундаменте знаний о природе. Революция в области философии, которая была осуществлена Марксом и Энгельсом и означала возникновение диалектического материализма, явилась продуктом гениального обобщения развития естествознания и общественно-исторической практики. Научное исследование капитализма, его противоречий, классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией давало возможность изгнать идеализм из последнего его убежища — из области общественной науки, из истории — и создать исторический материализм.

Но одних объективных условий для создания диалектического материализма было недостаточно. Нужны были такие идеологи, которые могли бы дать анализ и обобщить новые данные науки, новые противоречия капитализма; нужен был анализ правдивый, не знающий страха перед фактами, не связанный корыстными интересами буржуазии. Это можно было сделать только с позиций рабочего класса, наиболее революционного класса капиталистического общества. Историческая заслуга Маркса и Энгельса и состоит в том, что они смело перешли на позиции пролетариата и совершили великий научный подвиг.

Германия, в которой жили Маркс и Энгельс, находилась накануне буржуазной революции. Хотя она была экономически отсталой страной, вступившей на путь капиталистического развития позже Англии и Франции, в ней был уже сравнительно развитый пролетариат. Центр революционного движения в ту эпоху перемещался в Германию, и это объясняет, почему именно она стала родиной марксизма.

Возникнув на социальной почве Германии, марксизм явился вместе с тем результатом обобщения всемирно-исторического опыта развития всего человечества. Особенно важное значение для формирования марксизма имело изучение общественной жизни самой развитой в то время капиталистической страны — Англии.

Маркс и Энгельс не сразу, не с первых шагов своей деятельности встали на сторону рабочего класса, не сразу сформулировали принципы нового мировоззрения. Когда будущие основоположники марксизма выступили на общественной арене, в Германии господствовала идеалистическая философия Гегеля. Эта философия сыграла большую роль в эволюции и формировании взглядов Маркса и Энгельса. Они всегда высоко оценивали значение Гегеля в развитии философской мысли вообще, а также в их собственном развитии. Как показано в предыдущей главе, гегелевская философия противоречива. Если ее диалектический метод в сущности своей революционен, то ее идеалистическая система консервативна. Создавая научное мировоззрение, Маркс и Энгельс критически переработали гегелевскую диалектику, взяв ее рациональное зерно, идею развития через противоречия и скачки. Процесс становления их философских взглядов заключался в решительном освобождении от гегелевского идеализма и переходе на позиции материализма. В конце 30-х годов Маркс и Энгельс принадлежали к числу так называемых младогегельянцев. Младогегельянцы составляли левое крыло гегелевской философии и были выразителями идей поднимавшейся радикальной буржуазии, стремившейся к искоренению феодализма в стране. На первых произведениях Маркса и Энгельса (1841—1842 гг.) лежит печать гегельянства. Но особенность их тогдашних взглядов заключалась в том, что они были проникнуты духом революционно-демократической борьбы в защиту прав наро-

да. Это отличало с самого начала позиции Маркса и Энгельса от позиций остальных младогегельянцев, которые третировали народ, боялись народа и которых Маркс и Энгельс вскоре подвергли беспощадной критике.

Большое значение в развитии философских и политических взглядов Маркса имел период его работы в «Рейнской газете» — органе буржуазной антифеодальной оппозиции. Маркс придал газете боевое революционно-демократическое направление. Работая в «Рейнской газете», Маркс сталкивается с социальными противоречиями, с рядом экономических вопросов и видит, что гегелевская идеалистическая философия при встрече с жизнью терпит одно поражение за другим. Так, подходя идеалистически к одному из актуальных вопросов того времени — к вопросу о свободе печати, рассматривая последнюю как выражение «свободного духа», Маркс убеждается, что печать на деле защищала интересы одних классов против других, интересы эксплуататоров против интересов народа. Точно так же не выдержало проверки жизнью идеалистическое понимание государства как олицетворения всеобщего духа, общих интересов всех классов. Маркс убеждается, что в действительности прусское государство, его законы, право отстаивают лишь интересы богатых, а «бедняк приносится в жертву узаконенной лжи». Маркс начинает говорить от имени трудящегося народа. «Мы требуем для бедноты *обычного права*...— пишет он в одной из ранних своих статей.— Мы идём ещё дальше и утверждаем, что обычное право по своей природе может быть *только* правом этой самой низшей, обездоленной, неорганизованной массы»[1]. Шаг за шагом Маркс убеждается в приоритете, первенстве, материальных отношений в обществе над отношениями идеальными. В ряде статей он показывает, что прежде всего материальные интересы определяют поведение классов и социальных групп. В статьях по поводу закона о краже дров он ярко вскрывает роль прусского государства как орудия защиты экономических интересов лесовладельца. «...Интерес лесовладельца,— пишет Маркс, — должен стать направляющей душой всего механизма»[2]. С беспощадной смелостью вскрывает он противоречие между господствующими классами и трудящимися массами: «...если в природном животном мире рабочие пчёлы убивают трутней, то в духовном животном мире, наоборот, трутни убивают рабочих пчёл — убивают их, изнуряя работой». Вскоре «Рейнская газета» была запрещена из-за ее революционного направления. Маркс продолжает интенсивно работать над пересмотром гегелевской философии и формированием своих материалистических воззрений.

По этому же пути самостоятельно шел Энгельс. В развитии взглядов Энгельса большое значение имело его пребывание в

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 1, 1955, стр. 125.
[2] Там же, стр. 142.

Англии. Впоследствии, вспоминая путь своего развития, Энгельс писал: «Живя в Манчестере, я, что называется, носом натолкнулся на то, что экономические факты, которые до сих пор в исторических сочинениях не играют никакой роли или играют жалкую роль, представляют, по крайней мере для современного мира, решающую историческую силу...»[1]

Огромное влияние на формирование философских взглядов Маркса и Энгельса оказала философия Фейербаха. Яркая и страстная критика Фейербахом гегелевского идеализма помогла им разделаться с философским идеализмом и прочно встать на путь материализма. О книге Фейербаха «Сущность христианства», в которой изложена его материалистическая философия, Энгельс в своем сочинении «Людвиг Фейербах...» писал: «Надо было пережить освободительное действие этой книги, чтобы составить себе представление об этом», т. е. о роли Фейербаха в освобождении от гегелевского идеализма. Материализм Фейербаха Энгельс называет «посредствующим звеном» между гегелевской философией и марксистской философией. Но в отличие от Фейербаха Маркс и Энгельс не отбросили ценную сторону философии Гегеля — диалектику, учение о развитии, а переработали диалектику в материалистическом духе. Таким образом, немецкая классическая философия, особенно диалектика Гегеля и материализм Фейербаха, была одним из важнейших теоретических источников формирования марксизма, марксистской философии.

1844 год стал для Маркса и Энгельса рубежом, завершившим переход от старых взглядов к новым. Оба они, идя каждый собственным путем, выработали свои основные материалистические философские воззрения и стали пролетарскими революционерами. В 1844 г. в журнале «Немецко-французский ежегодник» Маркс и Энгельс одновременно опубликовали статьи, в которых изложили свои новые взгляды.

Это был волнующий момент в истории человеческой мысли. На протяжении веков философия была далека от народа, от производителей материальных благ, труд которых во все времена составляет самую глубокую основу для общественного прогресса. Более того, большинство философских систем прошлого видело в труде народных масс наименее плодотворную для развития общества форму человеческой деятельности. И вот наступил момент, когда философия спустилась с неба на землю. Марксистская философия увидела решающую роль труда народных масс в жизни общества. В противовес идеалистической традиции именно людей труда она объявила «солью земли». В статье «К критике гегелевской философии права» Маркс показывает несостоятельность философского идеализма, идеалистического понимания истории и провозглашает всемирно-истори-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 326.

ческую роль пролетариата как единственной силы, способной принести свободу трудящемуся человечеству. Он заявляет, что «философия находит в пролетариате своё *материальное* оружие... пролетариат находит в философии своё *духовное* оружие...»[1] По удачному выражению немецкого марксиста Ф. Меринга, это означало, что философия разобралась в пролетариате, а пролетариат — в философии.

В 1842 г. состоялась первая, а в 1844 г.— вторая встреча Маркса с Энгельсом, и с тех пор они рука об руку совместно разрабатывают диалектико-материалистическое мировоззрение. В написанных в 1844—1846 гг. произведениях «Святое семейство» и «Немецкая идеология» они подвергают обстоятельному разбору философию Гегеля и Фейербаха, вскрывают их сильные и слабые стороны, дают критику младогегельянцев, разбивают их идеалистическую теорию о том, что «критически мыслящая личность» в истории — это все, а народ — ничто, дают первый очерк исторического материализма[2].

Важным шагом в разработке марксистского учения в целом и диалектического и исторического материализма в частности было произведение Маркса «Нищета философии». В этом труде Маркс разбивает мелкобуржуазную утопию Прудона и разрабатывает принципы научного социализма, основы диалектического материализма и материалистического понимания истории.

Маркс и Энгельс не только трудятся над выработкой своего нового мировоззрения. Их главная цель состояла в том, чтобы соединить научный социализм с рабочим движением, направить стихийную борьбу рабочих в сознательное революционное русло. В 1847 г. при их активном участии возникает первая пролетарская организация — Союз коммунистов.

В 1848 г. появляется «Манифест Коммунистической партии», написанный Марксом и Энгельсом по поручению Союза коммунистов. В этом знаменитом произведении содержится не только программа пролетарской партии, но и изложено новое мировоззрение, созданное Марксом и Энгельсом. Здесь, писал Ленин, «с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемир-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 1, 1955, стр. 428.

[2] Некоторые современные ревизионисты превозносят ранние работы Маркса и Энгельса, принижая их основные, зрелые труды. Они пытаются трактовать эти ранние работы в духе абстрактного идеалистического «гуманизма», замалчивая и вытравляя из них революционное содержание. Но это попытка с негодными средствами, потому что уже в этих ранних произведениях основоположники марксизма твердо стояли на позициях революционного пролетариата.

но-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»[1].

До 1848 г. Маркс и Энгельс закладывали основы своего учения, в том числе и философии. После 1848 г. начинается глубокая и всесторонняя разработка и развитие этого учения. Исторической вехой на этом пути был главный труд Маркса — «Капитал», над которым он работал всю свою жизнь и который является основным произведением научного социализма. «Капитал», будучи экономическим произведением, имеет и несравненное философское значение. Маркс применил в нем к анализу капиталистической социально-экономической формации диалектико-материалистический метод, раскрыл основные принципы этого метода, разработал на материале исследования капитализма материалистическую теорию познания и логику. Ленин писал, что если Маркс, в отличие от Гегеля, не оставил «Логики» с большой буквы, т. е. специальный труд по диалектике, то он оставил логику «Капитала». Ленин указывал, что до «Капитала» исторический материализм был гипотезой, а благодаря «Капиталу», в котором дано материалистическое объяснение такой сложной формации, как капитализм, со всеми ее сторонами, исторический материализм стал проверенной и неопровержимой, единственно научной общественной теорией.

Ряд трудов, специально посвященных обоснованию и разработке диалектического и исторического материализма, написал Энгельс. Таковы его знаменитые книги «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах...», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и другие произведения, в которых на основе обобщения естествознания и исторической практики, на основе критики враждебных марксизму философских течений дано глубокое и яркое освещение всех сторон марксистской философии — материализма, диалектики, теории познания, материалистического понимания истории. В ряду этих произведений важное значение имеет незаконченный труд Энгельса «Диалектика природы». В этом труде Энгельс предпринял грандиозную попытку на материале современной ему науки — математики, физики, химии, биологии, космогонии и т. д. — показать диалектический характер развития природы, обосновать материалистическую диалектику как единственно верный философский метод современного естествознания.

Разработку своей теории основоположники марксизма осуществляют в тесной и неразрывной связи с организаторской революционной деятельностью, на основе обобщения практики рабочего движения.

В 1864 г. Маркс и Энгельс организуют «Международное товарищество рабочих» — I Интернационал. На протяжении всей своей деятельности они ведут борьбу за очищение рабочего

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 21, стр. 32.

движения от мелкобуржуазных идей, от оппортунизма, за победу научного социализма.

В чем же сущность революционного переворота, совершенного Марксом и Энгельсом в философии? Каковы те новые основные черты, которые возвышают марксистскую философию над всей прежней философией и определяют ее коренное, качественное отличие от старых философских взглядов и систем?

2. Сущность революционного переворота, совершенного марксизмом в философии

Решающую особенность диалектического и исторического материализма выразил Маркс в одном из первых набросков своего нового мировоззрения — в «Тезисах о Фейербахе»: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его».

В этом тезисе показано одно из коренных отличий марксистской философии от всей предшествующей философии. Нельзя, конечно, эти слова Маркса истолковать в том смысле, что все старые философы лишь пассивно взирали на мир и что среди них не было революционных борцов, стремившихся к изменению общественных порядков. Выше мы видели блестящую плеяду французских материалистов XVIII в., которые вели беспощадную войну против феодального закрепощения человека. Они добивались социальных изменений, и идеи, возвещавшиеся ими, были философским введением к одной из самых крупных буржуазных революций, нанесших удар по феодализму. И тем не менее тезис Маркса точно определяет сущность старой философии. Даже те из прежних философов, в том числе и французские материалисты, которые хотели общественных преобразований, полагали, что источник социальных зол — бесправия человека при феодализме, войн, нищеты, религиозного дурмана и т. п.— коренится в неправильном понимании мира, природы человека и т. д. По их взглядам, стоило только отказаться от ложных воззрений и правильно объяснить мир, правильно понять естественную и вечную, с их точки зрения, природу человека, чтобы положение в обществе можно было изменить. Они не знали, что не только общественные порядки, но и те ложные идеи, которые они подвергали критике, глубоко коренятся в объективных исторических условиях материальной жизни общества и что поэтому лишь изменение этих условий есть единственный реальный путь социального прогресса.

Например, французские материалисты резко критиковали религию, боролись за освобождение человека от религиозных взглядов, правильно видя в этом один из способов раскрепощения человека. Но они думали, что уничтожить религию, освободить человека из ее плена можно одним лишь правильным

объяснением мира, без преобразования тех материальных социальных условий, которые являются питательной почвой религии.

Поэтому в центре прежних философских систем находилась не *практика*, не революционно-практическая деятельность человечества, единственно способная преобразовать мир, а главным образом духовная деятельность, созерцание, объяснение мира. В этом марксизм видит главный недостаток всего предшествовавшего материализма. Действительность, предметы, указывается в тех же «Тезисах о Фейербахе», берутся только в форме созерцания, а не в связи с практической деятельностью.

В противоположность этой философии марксистская философия придает решающее значение практически преобразующей деятельности людей. Это не значит, что марксизм принижает роль духовной деятельности человечества. Именно Марксу, основоположнику идеологии пролетариата, принадлежит замечательное положение, вскрывающее великое значение идей в развитии общественной жизни. В упоминавшейся выше работе «К критике гегелевской философии права», в которой Маркс изложил свои новые взгляды, он указал, что «и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»[1].

Но теория становится материальной силой, когда она связана с практикой, подчинена практике и опирается на нее как на свою основу.

Критикуя в своих ранних работах гегелевскую философию, признававшую человеческой деятельностью лишь духовную, умственную деятельность, Маркс и Энгельс вскрыли классовые корни этой ограниченности. Придавая главное значение в развитии общества духовной деятельности, идеалистическая философия отвлекает взоры трудящихся масс от материальных основ их рабства. Идеализм даже может позволить себе роскошь подвергнуть критике социальное рабство, угнетение. Но, как показали Маркс и Энгельс, это «мнимый критицизм»: реальная вещь превращается идеализмом в мыслительную вещь и критикуется как духовное явление. Поэтому и преодоление угнетения также не выходит за пределы чистой мысли.

Например, Гегель утверждал, что «в основе рабства вообще лежит то, что человек еще не сознает своей свободы...» Несомненно, осознание человеком своей порабощенности есть шаг к свободе. Но в рамках одного сознания реальные оковы не могут быть разбиты. Последователи Гегеля — младогегельянцы много говорили о «свободе», об «эмансипации» человека, но единственным способом освобождения человека они считали философскую критику религии и моральное самосовершенствование людей. Критикуя их, Маркс указывал, что они научились у Гегеля «одному искусству — превращать *реальные, объективные, вне меня* существующие цепи в *исключительно идеальные*, исклю-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 1, 1955, стр. 422.

чительно *субъективные*, исключительно *во мне* существующие цепи и поэтому все *внешние*, чувственные битвы превращать в битвы чистых идей»[1].

В действительности реальные цепи рабства могут быть уничтожены реальным же путем, т. е. практической деятельностью, борьбой. Материальная сила угнетения может быть преодолена материальной же силой. Пролетариат самими условиями своего бытия вынуждается к различению *реальной* и *воображаемой* жизни, *действительности* и *сознания*. «...*Массовые* коммунистические рабочие, занятые, например, в мастерских Манчестера и Лиона,— писал Маркс,— не думают, что можно *«чистым мышлением»*, при помощи одних только рассуждений, избавиться от своих хозяев и от своего собственного практического унижения. Они очень болезненно ощущают *различие* между *бытием* и *мышлением*, между *сознанием* и *жизнью*. Они знают, что собственность, капитал, деньги, наёмный труд и тому подобное представляют собой далеко не призраки воображения, а весьма практические, весьма конкретные продукты самоотчуждения рабочих и что поэтому они должны быть упразднены тоже практическим и конкретным образом для того, чтобы человек мог стать человеком не только в *мышлении*, в *сознании*, но и в массовом *бытии*, в жизни»[2].

Марксизм является такой философией, которая, поставив в центр всех вопросов практику, указала истинный, реальный путь *изменения* мира, изменения ради освобождения человечества от социального гнета. Поэтому марксистскую философию отличает ее действенность, ее направленность на революционно-практическое преобразование общества. Она также объясняет мир, но не ограничивается этим: весь смысл ее объяснения состоит в том, чтобы люди поняли, что мир, основанный на эксплуатации и угнетении, должен быть не только объяснен, но и преобразован. Главным средством революционного преобразования общества марксизм считает установление диктатуры пролетариата.

Марксизм и марксистская философия вооружает миллионы людей рабочего класса и всех трудящихся, их авангард — коммунистическую партию знанием законов революционного изменения мира. Раньше философия была достоянием узкого круга людей. Марксистская философия стала и с каждым днем становится достоянием все более широких масс, борющихся за социализм. В наш век всемирная история движется к коммунизму, а диалектический и исторический материализм есть философская, теоретическая основа этого движения.

Всемирно-историческое значение возникновения марксистской философии состоит, далее, в том, что она принесла

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 2, 1955, стр. 90.
[2] Там же, стр. 58.

решающую победу материалистическому, единственно научному направлению в философии и создала высшую форму материализма — диалектический материализм.

Возникновение диалектического материализма было закономерным результатом многовековой борьбы между материализмом и идеализмом, а также между метафизикой и диалектикой. Материализм домарксовской эпохи сыграл огромную роль в борьбе против философского идеализма и религии, в защите позиций науки. Идеи материалистов не только теоретически обобщали достигнутые знания своего времени, но и давали естествознанию мощные стимулы развития. Однако историческая ограниченность домарксовского материализма помешала ему выиграть решающее сражение с философским идеализмом и окончательно утвердить принципы материализма. То был материализм метафизический, механистический, неизбежно оставлявший лазейки для идеализма. С позиций метафизического метода, рассматривающего природу как совокупность застывших, неизменных вещей, невозможно было объяснить единство мира, закономерную связь и переход от неорганической природы к органической, возникновение сознания и многие другие вопросы, имеющие первостепенное значение для научного мировоззрения. Этим пользовались идеалисты, чтобы утвердить веру в бога, в сверхъестественную силу, якобы управляющую природой и человеком.

Между тем развитие естествознания все больше и больше вступало в противоречие с метафизическим методом мышления. Характерной чертой нового периода естествознания с конца XVIII и начала XIX в. было проникновение в науку идеи развития, связи и взаимодействия явлений природы, идеи единства мира. Энгельс указывал, что если раньше естествознание было наукой о законченных вещах, то в XIX в. оно стало «наукой о процессах, о происхождении и развитии этих вещей и о связи, соединяющей эти процессы природы в одно великое целое» [1].

Особенное значение для победы идей развития в науке о природе имели три великих открытия в естествознании: открытие растительной и животной клетки, закона сохранения и превращения энергии и дарвиновская теория происхождения и развития видов растений и животных. Эти открытия раскрывали диалектический характер развития природы. Опираясь на развитие естествознания, Маркс и Энгельс преодолели метафизическую ограниченность старого материализма, придали материализму диалектический характер.

Это была великая победа в истории человеческой мысли: возникло философское учение, рассматривающее всю природу,

---

[1] *Ф. Энгельс,* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, М., 1955, стр. 38.

от ее простых до самых сложных проявлений, как единое целое и научно объясняющее все процессы и явления закономерным развитием материи, ее собственными переходами из одного состояния в другое, из низших форм в высшие. Это означало полное поражение философского идеализма, паразитировавшего на еще не решенных проблемах науки и слабостях метафизического материализма.

В создании высшей, диалектической формы материализма выдающуюся роль сыграло использование ценных сторон диалектического метода Гегеля. Маркс и Энгельс переработали его диалектику на материалистической основе и создали новый, последовательно научный, диалектический метод, являющийся руководством научного познания и революционного преобразования действительности. Подобно тому как применение диалектики к материализму позволило преобразовать материализм и придать ему современный научный вид, так материалистическая переработка диалектики позволила создать высшую и единственную научную форму диалектики — диалектики материалистической, марксистской.

«Мой диалектический метод,— отмечал Маркс,— не только в корне отличен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург (т. е. творец.— *Ред.*) действительного, которое представляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»[1].

Идеалист Гегель отрицал развитие в природе, полагая, что развиваться может не материя, которую он считал косной, а лишь дух, абсолютная идея. Марксистская философия неопровержимо доказала диалектический характер природы. Материалистическая диалектика, писал Энгельс, «становится абсолютной необходимостью для естествознания, покинувшего ту область, где достаточны были неподвижные категории...»[2]

В наше время на позиции марксистской диалектики переходят всё новые и новые представители естествознания. Это прекрасно подтверждает мысль Энгельса.

По-своему, на идеалистический манер применяя идею диалектического развития к обществу, Гегель полагал, что развитие, достигнув какой-то ступени, прекращается. Этой ступенью он считал тогдашнее прусское феодальное государство, которое он хотел подновить на буржуазный лад.

Марксистская диалектика не ставит никаких границ развитию общества, как и развитию природы. Она обращена не только к прошлому, но и к настоящему и будущему и раскрывает без-

---

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. 1, 1955, стр. 19.

[2] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1955, стр. 160.

граничные возможности развития человечества. Эта особенность материалистической диалектики, свободной от ограниченности идеалистической гегелевской диалектики, является выражением точки зрения самого революционного класса — пролетариата.

Применив материалистическую диалектику к области человеческого мышления, марксизм разработал глубокое и последовательно научное учение о познании, теорию познания и логику диалектического материализма.

Заслугой предшествовавшего марксизму материализма было признание мышления, познания отражением объективно существующего внешнего мира. Но старый материализм не понимал диалектической сущности познания, не подходил к познанию как к процессу развития, не видел сложной переработки в мышлении данных действительности, мыслил неподвижными понятиями и категориями, не ставил в центр гносеологии (теории познания) общественную практику.

Марксистская философия, диалектико-материалистическая логика впервые в истории философской науки раскрыла на материалистической основе все богатство процесса и форм познания, выдвинула практику в качестве основы и единственно достоверного критерия истинности познания. Теория познания диалектического материализма — одно из самых замечательных достижений человеческой мысли.

Марксизм принес решающую победу философскому материализму не только тем, что он преобразовал его в высшую форму — в диалектический материализм, но и тем, что он распространил его на объяснение общественной жизни. До Маркса и Энгельса область общественных явлений считалась неприступной крепостью идеализма. Все философы были убеждены, что в жизни общества определяющее значение имеют идеи, человеческие мнения, их борьба. Конечно, отдельные элементы материалистического подхода к обществу можно найти во взглядах ряда предшественников марксизма: и у французских материалистов, и у французских историков начала XIX в.— Тьерри, Гизо, Минье, и у передовых английских экономистов, и у Фейербаха и Гегеля, и у социалистов-утопистов. Но это были догадки, не менявшие общего положения — полного господства идеализма в области истории.

Маркс и Энгельс победили идеализм и в этой области, применив диалектический материализм к общественной жизни, создав теорию исторического материализма. Основное значение этой теории состоит в том, что она превратила учение об обществе, о его законах в науку, способную, как и другие науки, давать точные знания и предвидение.

Важную роль в создании теории исторического материализма сыграло исследование капиталистического общества. Как никакая другая формация, капитализм и классовая борьба между про-

летариатом и буржуазией обнажили противоположные *материальные* интересы, лежащие в основе антагонизма всякого классового общества. Буржуазная эпоха, писали Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте», «упростила классовые противоречия»; «эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой». Глубокий объективный анализ капиталистического строя опровергал идеалистическое понимание истории и приводил к непререкаемому выводу о том, что не разум и не идеи, а материальные потребности, производство материальных благ являются главной движущей силой развития общества.

Исследование движущих сил капиталистического общества пролило свет и на всю прошлую историю. Анатомия буржуазного строя стала в известной мере ключом к анатомии всего предыдущего общественного развития.

Маркс и Энгельс доказали, что в развитии общества, как и в природе, действуют объективные, независимые от сознания и воли людей законы. Они открыли общие законы всякого общественного процесса, составляющие содержание исторического материализма.

Создав диалектический материализм, марксизм изменил характер философии, ее предмет. Он навсегда покончил с претензиями философии быть «наукой наук», т. е. включать в себя все науки, все отрасли знания на правах отдельных сторон и частей философии. Диалектический материализм раскрывает материальную сущность мира, дает учение о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления, теорию познания и метод, вооружающие правильным подходом к объяснению мира и революционно-практическому преобразованию действительности.

Таковы вкратце основные черты революции, совершенной Марксом и Энгельсом в философии и приведшей к возникновению диалектического и исторического материализма — единственного научного мировоззрения нашего времени.

3. Творческий характер марксистской философии и ее развитие В. И. Лениным

Одной из основных особенностей созданной Марксом и Энгельсом философии — диалектического и исторического материализма — является ее творческий характер. Отражая с наибольшей точностью объективный мир, его развитие и изменение, она сама развивается, обогащается, конкретизируется с изменением исторических условий, с возникновением новых данных науки. Нет ничего более чуждого марксизму и марксистской философии, чем представление о теории как сумме догм, застыв-

ших истин. Догматизм и духовное окостенение противоречат марксистской диалектике с ее принципом вечного и беспрерывного движения.

Диалектический и исторический материализм основан на изучении и обобщении данных всех конкретных областей человеческого знания и всего исторического опыта развития общества. Понятно, что марксистская философия не может проходить мимо новейшего развития науки и общественно-исторической практики. Чтобы с успехом выполнять свою роль мировоззрения и метода исследования действительности, инструмента познания и практической деятельности, марксистская философия должна учитывать новые достижения науки и практики, постоянно обобщать их и на их основе конкретизировать, обогащать свои принципы и положения.

Известное изречение Гете: «Теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни древо» — верно постольку, поскольку оно выражает приоритет, первенство жизни перед теорией, действительности перед ее духовным отражением. Но и теория способна ни на мгновение не утратить своей силы и свежести, если она учитывает никогда не прекращающееся развитие жизни и вместе с ней сама развивается. Именно такова марксистская теория, марксистская философия.

После смерти Маркса и Энгельса марксизм в целом и диалектический и исторический материализм как его составная часть и философская основа получили свое творческое развитие в трудах В. И. Ленина. С именем Ленина связана новая эпоха в развитии марксизма, начавшаяся на рубеже XIX и XX столетий. Капитализм вступил в свою последнюю, империалистическую стадию развития. В эту новую эпоху происходит процесс крушения капитализма и становления нового, социалистического общества. Сравнительно медленное, эволюционное развитие общества, происходившее в эпоху Маркса — Энгельса, сменилось быстрым, конфликтным, революционным развитием. По-новому встали задачи пролетариата и его партии, проблемы стратегии и тактики революционного движения. Оппортунистические вожди II Интернационала не учитывали всех этих коренных изменений в новый исторический период и вместо революционной борьбы вели политику соглашения с буржуазией, притупления, смазывания обострившихся противоречий капитализма.

Усиление политической реакции, характерное для империализма, нашло свое выражение и в области буржуазной философии. Идеологи империализма стремятся сокрушить материализм, реставрируя самые реакционные формы идеализма, имевшие место в прошлом. Проповедуя, по словам Ленина, в тысячу раз более мелкий и пошлый идеализм, чем гегелевский, они ведут борьбу против ненавистной им диалектики, этой «алгебры революции», пытаясь любыми способами укрепить метафизику. В хво-

сте буржуазной философии тащится ревизионизм, представители которого борются против диалектического материализма и беспринципно считают возможным соединить марксизм с той или иной разновидностью идеализма.

Философские проблемы в новый период выдвинулись на передний план не только в связи с обострением социальных противоречий, но и в связи с быстрым развитием науки, особенно физики. С конца XIX столетия физика переживает настоящую революцию. Открытие электронов, радиоактивности, превращения химических элементов и другие великие открытия произвели переворот в господствовавших до этого представлениях о материи и ее свойствах. Ломка старых взглядов на материю, покоившихся на механистическом материализме, вызвала идеалистические шатания среди физиков. Этими шатаниями не преминули воспользоваться идеалисты. Идеализм паразитирует не только на «белых пятнах», пробелах человеческого знания. Он пытается и достижения науки, подтверждающие диалектический материализм, истолковать в своем духе. Махизм — одно из распространенных течений субъективного идеализма конца XIX и начала XX в.— попытался идеалистически истолковать новейшие открытия физики. Свой субъективный идеализм махисты выдавали за некую «нейтральную» философию, стоящую якобы над борющимися между собой лагерями в философии — материализмом и идеализмом. Необходимо было дать бой идеализму с позиций научной философии, диалектико-материалистически обобщить новейшие открытия в физике, в современном естествознании вообще.

Таким образом, как экономические и политические условия в новый исторический период, так и новые достижения естествознания требовали дальнейшего творческого развития марксизма и марксистской философии. Эта работа выпала на долю Ленина и его учеников. Ленин развил все три составные части марксизма — философию, политическую экономию, научный социализм, поднял их на высшую ступень, ответив на насущные и животрепещущие вопросы, возникшие в новое время. Как отметил И. В. Сталин, ленинизм есть прямое продолжение марксизма в новых исторических условиях — в эпоху империализма и пролетарских революций[1], в эпоху крушения капитализма и строительства социалистического мира. Марксизм-ленинизм — единое неразрывное целое, великое современное учение рабочего класса и его коммунистической партии.

Не случайно, а закономерно родиной ленинизма явилась Россия. С начала XX в. Россия стала центром мирового революционного движения. Уже в 80-х годах XIX в. марксизм в России был одним из сильных опорных пунктов международного марксизма. Большая заслуга в этом принадлежит Плеха-

[1] См. *И. Сталин,* Вопросы ленинизма, 1953, стр. 2.

нову, который внес ценный вклад в защиту, пропаганду и развитие марксистского учения, особенно марксистской философии. Плеханов мастерски разоблачал философский идеализм всех оттенков, в том числе и субъективно-идеалистическую теорию русских народников, расчищая место в освободительном движении России марксистскому учению. Его работы по истории философии, диалектическому и историческому материализму, хотя и несвободные от ряда недостатков и ошибок, составляют одну из наиболее ярких страниц истории развития марксистской философии. Но Плеханов не смог развить марксизм в соответствии с условиями эпохи империализма, с требованиями русского и международного революционного рабочего движения. Между тем в России назревала буржуазно-демократическая революция, имевшая тенденцию перерасти в революцию пролетарскую. Рабочий класс России первым прорвал цепь империализма и в 1917 г. совершил социалистическую революцию, положившую начало новой исторической эры. На основе обобщения всего богатейшего опыта русского революционного движения и международного движения пролетариата в новый исторический период и вырос ленинизм.

Подобно Марксу и Энгельсу, Ленин развивал марксистскую философию в тесной связи с потребностями движения рабочего класса, в борьбе против врагов марксистского мировоззрения. Ленин основал в России марксистскую партию нового типа — коммунистическую партию. Под руководством этой партии рабочий класс России совершил величайшую социалистическую революцию, создал первое в мире социалистическое государство. Ленин всесторонне развил дальше марксизм на основе теоретического обобщения гигантского опыта борьбы народных масс за социализм.

То новое, что сделал Ленин для развития диалектического и исторического материализма, вкратце можно охарактеризовать следующими чертами. Обобщив с позиций марксистской философии великие достижения науки, особенно физики конца XIX и начала XX в., Ленин не только разоблачил идеалистическую, махистскую фальсификацию этих открытий, но и развил учение диалектического материализма в свете новых достижений естествознания. Ленин выполнил ту задачу, о которой говорил Энгельс, а именно, что материализм должен принимать новый вид в связи с новыми великими открытиями естествознания. В своем труде «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин конкретизировал и на основе новых достижений науки дал дальнейшее развитие всех коренных вопросов диалектического материализма. Таковы вопросы о материи и движении, о пространстве и времени, о причинности, свободе и необходимости, о диалектическом характере развития, теория отражения и другие проблемы. Ленин дал руководящие философские идеи, освещающие путь современному естествознанию. Доста-

точно указать хотя бы на ленинское определение материи и на положение о том, что электрон так же неисчерпаем, как и атом. Это положение, высказанное Лениным до экспериментального доказательства изменчивости и превращаемости электронов, впоследствии блестяще подтвердилось и ныне является одним из краеугольных камней физики.

В новое время со всей остротой встали вопросы гносеологии, теории познания. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин указывал, что Маркс и Энгельс «обращали наибольшее внимание на достраивание философии материализма доверху, т. е. не на материалистическую гносеологию, а на материалистическое понимание истории»[1]. Развитие новейшего естествознания, ломка старых физических взглядов на материю потребовали разработки теории познания, решения ряда гносеологических проблем. Это было тем более важно, что, как указывал Ленин, буржуазная философия стала «специализироваться» на гносеологии и «преимущественное внимание обращала на защиту или восстановление идеализма внизу, а не идеализма вверху»[2].

В своем труде «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин всесторонне разработал теорию познания диалектического материализма как теорию отражения объективно существующего мира. Он показал сложный диалектический характер исторического процесса развития познания, обосновал диалектику абсолютной и относительной истины. Показывая, что диалектика есть теория познания, Ленин дал образец анализа и обобщения новых данных науки с позиций марксистского метода, раскрыл его новые грани и оттенки, богатство его подходов к явлениям природы.

Дальнейшему развитию марксистского диалектического метода Ленин всегда уделял исключительное внимание. И это естественно. Только на базе материалистической диалектики и ее творческого применения можно было осознать и отразить в политике, в стратегии и тактике пролетарской партии новые особенности эпохи — эпохи бурной ломки старого и рождения нового. Ленин вел последовательную борьбу против вульгарно-эволюционистских теорий реформистов и оппортунистов, ревизовавших марксистскую диалектику. Не только его специальные философские работы, но и труды, посвященные экономическим, политическим, тактическим проблемам, представляют собой драгоценную сокровищницу идей, мыслей по вопросам диалектики (положение о соотношении *общего* и *особенного* в историческом развитии, об *основном звене* в цепи развития и т. д.).

В канун и в период первой мировой войны Ленин специально занялся исследованием материалистической диалектики, диа-

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 315.

[2] Там же, стр. 316.

лектической логики. В исследовании диалектики Ленин искал и находил методологические подходы к решению сложнейших вопросов того времени. Результатом этой работы явились ленинские «Философские тетради», посвященные преимущественно проблемам диалектики. Хотя «Философские тетради» не являются законченным произведением, трудно переоценить их значение для творческого развития материалистической диалектики. В них не только сформулирован ряд глубоких положений марксистского метода, но и намечена целая программа дальнейшего развития диалектики как науки. Особенно важное значение имеют ленинские указания о необходимости разработки диалектики как логики и теории познания.

Подлинным философским шедевром является небольшой набросок «К вопросу о диалектике», в котором в сжатой форме Ленин обобщил результаты своей работы над вопросами диалектики.

Большой вклад внес Ленин в развитие марксистской социологии, теории исторического материализма. Он считал исторический материализм Маркса величайшим завоеванием научной мысли. Сам Ленин не только отстаивал и защищал от разномастных врагов марксизма это завоевание, но и умножал его богатство, используя материалистическое понимание истории для исследования новых вопросов общественного развития. В его работах обобщены все стороны сложного общественного процесса в эпоху грандиозных социальных конфликтов и переворотов и сделаны великие научные открытия, освещающие путь миллионам людей, борющихся за новую жизнь. Особенно много внимания Ленин уделял вопросу о роли народных масс и коммунистической партии как их авангарда в эпоху пролетарской революции и социалистических преобразований.

После Ленина философию марксизма развивали дальше его ученики, в том числе выдающийся марксист Сталин. Несмотря на ряд недостатков и ошибок, связанных с культом личности в последний период жизни Сталина, его труды составляют ценное приобретение марксистской мысли. Марксистская теория творчески развивается руководителями Коммунистической партии Советского Союза. В выступлениях руководителей партии, в докладах Н. С. Хрущева на XX и XXI съездах КПСС, в материалах пленумов ЦК Коммунистической партии Советского Союза по вопросам строительства коммунизма, по вопросам экономики, политики, культуры, в работах теоретических кадров партии обобщен всемирно-исторический опыт революционного движения и социалистического преобразования общества.

Творческое развитие марксизма и марксистской философии осуществляется и другими коммунистическими и рабочими партиями, их руководителями и деятелями путем обобщения исторического опыта великой китайской революции и строительства социализма в странах народных демократий, современного

опыта борьбы за социалистическую революцию в странах, где буржуазия является еще господствующим классом.

Фальсификацией действительного положения и клеветой на марксизм являются утверждения современных ревизионистов различных оттенков, будто за последние десятилетия марксизм остановился в своем развитии и чуть ли не окостенел. Подобные заявления, маскирующиеся заботой о развитии марксизма, на деле продиктованы чуждыми марксизму целями. Ревизионизм стремится приспособить марксизм к вкусам и потребностям буржуазии, вытравить из марксизма его революционное содержание — учение о социалистической революции и диктатуре пролетариата. А так как философской основой марксистско-ленинского учения о социалистической революции и диктатуре пролетариата является диалектический материализм, то, естественно, современные ревизионисты так же, как и Э. Бернштейн, К. Каутский, А. Богданов и др., пытаются пересмотреть марксистское философское мировоззрение. Хотя ряд современных ревизионистов на словах и признают диалектику, на деле они изменяют ей, сводят ее к софистике. При анализе явлений современности ревизионисты наших дней затушевывают основное противоречие современной эпохи — противоречие между мировой системой капитализма и мировой системой социализма, а внутри капиталистических стран — противоречие между пролетариатом и буржуазией. Ревизионисты сползают на позиции реформизма, революционную диалектику заменяют плоской теорией эволюции. Вот почему борьба за революционный марксизм в современных условиях требует неуклонной борьбы с философским ревизионизмом — проводником буржуазных идей в области философского мировоззрения.

Сила и жизненность всякого философского учения проверяется тем, насколько оно подтверждается практикой и способно творчески развиваться, обобщать, впитывать в себя и перерабатывать новый опыт и тем самым служить потребностям общественного прогресса. С момента возникновения диалектико-материалистического миросозерцания прошло немногим более ста лет. По своему значению эти сто с лишним лет равны многим столетиям развития в прошлом. За это время произошли грандиозные исторические события, изменившие лик общества. Наука сделала гигантские успехи, совершив множество открытий. Сколько буржуазных «теорий» и философских школок за этот период возникло и бесславно кануло в Лету! А марксистское учение, мировоззрение рабочего класса, не только не потерпело ущерба от величайших изменений времени, а, напротив, подтвердилось и беспрерывно обогащалось новыми знаниями и практическим опытом, не переставая ни на мгновение быть могущественным идейным двигателем современного развития.

Марксизм-ленинизм как творчески развивающееся учение никогда еще не переживал такого триумфа, как в современную

историческую эпоху. Это относится и к марксистскому философскому мировоззрению.

В чем же секрет этой неиссякаемой жизнеспособности марксизма? Ленин дал краткий, но исчерпывающий ответ на этот вопрос:

«Учение Маркса всесильно, потому что оно верно».

Истинность диалектического и исторического материализма, как и марксизма-ленинизма в целом, неопровержимо доказана всемирно-исторической практикой победоносной борьбы рабочего класса за социализм.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

ГЛАВА IV

МАТЕРИЯ И ФОРМЫ ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ

В предыдущих главах определен предмет марксистской философии и показано, как исторически подготовлялась, возникла и развивалась эта философия. Теперь необходимо перейти к систематическому изложению основ марксистской философии, диалектического материализма. Исходным пунктом диалектического материализма является признание объективного существования вечно движущейся и развивающейся материи, природы. Поэтому мы рассмотрим сначала, что такое материя и каковы формы ее существования.

1. Материя

Нас окружает бесчисленное множество тел, обладающих самыми разнообразными свойствами. Одни из этих тел относятся к числу живых существ, другие совсем не имеют никаких признаков жизни; одни тверды, другие мягки или текучи; одни ничтожно малы и легки, другие обладают гигантскими размерами и невообразимо тяжелы; некоторые тела электрически заряжены, а другие нет и т. д. и т. п. Все это в своей совокупности образует то, что называется природой. Как бы ни отличались друг от друга тела природы, всем им свойственно то, что они существуют вне и независимо от сознания, ощущения, духа. О том, что это действительно так, говорит жизненный опыт каждого человека, практика всего человечества, данные науки.

Естествознание неоспоримо доказало, что наша планета не всегда была такой, какова она теперь. Много времени назад Земля была в таком состоянии, при котором полностью исключалась возможность существования не только человека с его ощущениями и сознанием, но и каких бы то ни было других живых существ. Этот факт и означает, что Земля, Солнце, солнечная система, природа вообще существуют вне и независимо от какого-либо сознания. Сознание человека возникло только на определенной ступени развития природы как ее продукт. Никакого

же иного, «надчеловеческого сознания», «абсолютного сознания» или «абсолютного духа» нет и быть не может. В соответствии с этим материалистическая философия учит, что природа, материя — первична, а дух, сознание — вторично. Когда тела окружающего нас мира так или иначе воздействуют на наши органы чувств, они вызывают соответствующие ощущения — светлого или темного, теплого или холодного, шероховатого или гладкого, сладкого или кислого и т. д.

Обобщая итоги долгого исторического развития философии и естествознания, данные практики, философский материализм постепенно вырабатывал понятие *материи*.

Обычно определение какого-нибудь понятия дается путем подведения его под какое-то другое, более широкое. Например, когда мы говорим: одуванчик — это растение, мы подводим более узкое понятие — «одуванчик» под более широкое понятие — «растение». Иначе обстоит дело, когда речь идет о таких предельно широких понятиях теории познания, как материя и сознание. Здесь, указывает Ленин, «нельзя, по сути дела нельзя дать иного определения двух последних понятий гносеологии, кроме как указания на то, которое из них берется за первичное» [1].

Научное определение понятия материи дал В. И. Ленин в своем труде «Материализм и эмпириокритицизм»: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [2].

В этом определении выражена суть материалистического мировоззрения, противоположность материализма идеализму, а также агностицизму.

Возьмем, например, субъективный идеализм. Хотя субъективные идеалисты много и охотно говорят о различии субъективного и объективного, психического и физического, сущностью субъективного идеализма является *отождествление* всего реального, объективного, физического с ощущениями, *сведение* всего к ощущениям: ощущения субъекта признаются единственно существующим. Соответственно этому Беркли, Мах и другие субъективные идеалисты утверждали, будто все вещи окружающего нас мира — это «комбинации» или «комплексы» ощущений; что объективное есть то, что является постоянным в ощущении человека, или то, что является общим в ощущениях ряда людей, что является «общезначимым».

В противоположность этому фундаментальной основой определения материи, данного В. И. Лениным, является принципиальное *разграничение* внешнего мира, всех его вещей, окружающей нас действительности, с одной стороны, и ощущений — с другой. Вещи не тождественны ощущениям, сознанию, не сводимы к нему. Объективное — это не наиболее устойчивое

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 133.
[2] Там же, стр. 117.

в ощущениях человека и не то, что одинаково в ощущениях ряда людей, как утверждают субъективные идеалисты, а то, что существует *вне* каких-либо ощущений. Четкое и ясное различение объективной реальности и ощущений субъективные идеалисты объявляют «удвоением мира», «дуализмом», отступлением от монистического взгляда на мир. Но это обвинение в дуализме, в отступлении от монистического взгляда на мир совершенно несостоятельно. Хотя в данном определении четко и решительно разграничиваются материя и ощущения, в нем совсем не утверждается, что материя и ощущения представляют собой два каких-то совершенно независимых «начала» или две «сущности», образующие основу двух отгороженных друг от друга классов явлений, двух миров. Ощущения — не противостоящая материи самостоятельная, независимая «сущность», а копия, фотография, отражение материи. Это отражение существует в материи и благодаря материи. Тем самым устанавливается, что материя — *источник ощущений*.

Субъективные идеалисты проводят свой идеалистический «монизм», объявляя материю сведенной к ощущениям. Это мнимый, словесный монизм, так как в действительности свести материю к ощущениям невозможно. В практической жизни субъективные идеалисты вынуждены молча допускать не только существование своих собственных ощущений, но и существование других людей, существование окружающего нас материального мира. А так как подлинный характер отношения между ощущениями и материальным миром при этом остается нераскрытым, то в воззрениях субъективных идеалистов возникает вопиющее противоречие, опрокидывающее весь их надуманный «монизм».

Определение материи, данное В. И. Лениным, является точным выражением последовательного материалистического монизма, дающего правильный и цельный взгляд на мир.

Субъективные идеалисты отрицают существование Земли, природы, физического мира без человека. Объективные же идеалисты хотя и придерживаются того взгляда, что природа, физический мир существует без человека, без его личных ощущений, но остаются также идеалистами, потому что считают весь мир, природу полностью зависимой от некоей «абсолютной идеи», от духа «как такового» и т. п., как чего-то, что *производит* природу. Но дух «как таковой», «абсолютная идея» и т. п.— это, как указывал В. И. Ленин, те же самые ощущения человека, его мысль, сознание, только оторванные от человека и превращенные в фантастическую абстракцию. Таким образом, положение о *независимости* объективной реальности от ощущений, сознания, духа, составляющее ядро данного В. И. Лениным определения материи, направлено и против субъективного и против объективного идеализма.

Свой отказ от признания объективной реальности идеалисты пытаются обосновать ссылкой на то, что человеку даны только

его собственные ощущения. Говорить же о чем-либо лежащем за пределами ощущений — значит, по их мнению, покидать почву реальных фактов, допускать выход за пределы опыта. Таким образом, мы будто бы знаем только наши собственные ощущения, дальше их идти недопустимо. Отсюда и делается вывод, будто ощущения представляют собой единственную реальность. Утверждение, будто человеку даны только ощущения, т. е. человек ощущает лишь свои собственные ощущения, составляет основную исходную посылку идеализма, принимаемую чисто догматически. Определение понятия материи, данное В. И. Лениным, отвергает эту догму идеализма. В этом определении подчеркивается та исключительно важная мысль, что человек ощущает и воспринимает *не* ощущения и восприятия, а вещи и явления материального мира, т. е. в ощущениях человеку дана *материя.*

Положение о том, что материя *дана* человеку в его ощущениях, кладет также конец вечным сомнениям агностиков в том, существует ли внешний мир или нет, так как этим самым выясняется ошибочность той исходной посылки, будто нам даны только ощущения, которую агностик принимает вместе с идеалистом и от которой он не делает окончательного шага ни к идеализму, ни к материализму, колеблясь между ними. Подчеркивая, что объективная реальность в ощущениях копируется, фотографируется, отображается, В. И. Ленин в своем определении показал беспредельные возможности познания материи.

Это определение отличается еще одной глубокой особенностью: оно всеобще и всеобъемлюще и не связано с признанием только каких-то определенных видов материи, известных в данный момент и обладающих лишь определенными физическими или химическими свойствами. Такое обобщение стало возможным в результате длительного развития естествознания и философии. Как указывалось в главе II, древнегреческий философ Фалес материю отождествлял с водой, Анаксимен началом всего считал воздух. Демокрит видел первооснову в атомах. Подобно этому рассматривали материю и многие философы и естествоиспытатели XVIII и XIX вв., считавшие атомы неизменными, неделимыми и непроницаемыми частицами. Но шаг за шагом выяснялась необходимость освободить понятие материи от ограничений, связанных с исторически преходящим уровнем знания строения материи и ее физических свойств.

Рано или поздно стремление наделить материю «абсолютными», раз и навсегда данными физическими свойствами (например, неделимостью, неизменностью) должно было вступить в резкое противоречие с тем, что есть на самом деле в природе. Это и случилось на рубеже XIX и XX вв., когда физика переживала период бурного революционного развития. Благодаря открытию радиоактивности, свидетельствующему о распаде атомов, рухнуло веками господствовавшее представление о неизмен-

ности и неделимости атомов. Открытие электрона — мельчайшей электрически заряженной частицы, входящей в состав атома и существенно отличающейся от атома, с которым метафизические материалисты только и связывали понятие материи, дало идеалистам повод говорить, будто атом «дематериализуется».

Именно в эту пору, в обстановке острой борьбы с идеализмом, Ленин и дал приведенное выше определение материи. В этом философском определении общее понятие материи оказалось свободным от обязательной связи с теми или иными конкретными физическими свойствами, присущими материальным объектам только в определенных условиях, в определенных состояниях. Благодаря этому стало ясно, что вопросы о том, состоит ли атом только из электронов или из каких-либо других частиц, меняется ли его масса в различных условиях или остается постоянной и т. п., не могут затронуть философского понятия материи, «ибо,— как подчеркивал Ленин,— *единственное* «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью*, существовать вне нашего сознания»[1].

Разработка этого важнейшего положения сыграла исключительно большую роль не только в развитии марксистской философии, но и в развитии естествознания.

Обнаружение того факта, что в состав атомов входят электроны, свойства которых весьма отличаются от свойств атома, поставило естествоиспытателей в затруднительное положение перед натиском идеалистов, утверждавших, что «материя заменяется электричеством», что «материя исчезает». В. И. Ленин полностью устранил это затруднение и своим определением материи как объективной реальности показал несокрушимость материализма. Похож или не похож электрон по своим физическим свойствам на обычное вещество, неизменны его свойства в данных условиях или нет — все это не имеет значения для решения основного вопроса философии. Коренным вопросом, который разделяет все философские направления и от решения которого зависит их отношение к тому или иному философскому направлению, является вопрос о том, являются ли электроны или другие частицы объективной реальностью, существуют ли они вне и независимо от сознания. На этот вопрос естествознание дает твердый и окончательный ответ: да! А раз это так, то заявления о «дематериализации» атома, о «замене» материи электричеством и т. п. просто бессмысленны, ибо электрон есть лишь особый вид материи, обладающий особыми свойствами.

После открытия превращения электрона и позитрона в фотоны (частицы света) идеалистически мыслящие физики заговорили об «аннигиляции материи» («превращении материи в

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 247.

ничто»). Но это открытие, как в свое время и открытие электрона, не только не опровергло материализм, но вновь блестяще продемонстрировало правоту диалектико-материалистического понятия материи. Разве фотоны, в которые превращаются электрон и позитрон,— это ничто? Разве они не объективная реальность, существующая вне и независимо от сознания?

На эти вопросы современная физика дает ясный и определенный ответ: частицы света, фотоны — это частицы материи, хотя они и отличаются от электронов и позитронов рядом физических свойств. Подобно всем другим видам материи они существуют вне и независимо от сознания. Как выяснилось, существует и обратный процесс: превращение фотонов в пары частиц: электрон — позитрон. Таким образом, перед нами не «исчезновение материи», а процесс взаимопревращения различных видов материи друг в друга. Так еще и еще раз наука подтвердила истину диалектического материализма о вечности, неуничтожимости материи.

Однако может возникнуть вопрос: хотя каждый из электронов и фотонов существует вне и независимо от сознания, но ни один из них в отдельности не воспринимается нашими органами чувств; можно ли поэтому считать их «данными в ощущении» и можно ли, таким образом, распространять на них определение материи, сформулированное Лениным? Да, безусловно можно и нужно. Дело заключается в следующем. Это определение никак не связано с тем, *каким* именно *способом* тот или иной материальный объект должен воздействовать на наши органы чувств, возбуждая в нас соответствующее ощущение. Это воздействие может быть и непосредственным и опосредованным через какие-либо другие материальные объекты, преобразующие действие таких видов материи в формы, непосредственно воспринимаемые нашими органами чувств. В практической жизни мы постоянно прибегаем к таким материальным объектам-посредникам, которые соединяют наши органы чувств с другими телами, воздействие которых мы намереваемся воспринять, но которые почему-либо не находятся или не могут находиться в контакте с нашим телом. Так, когда мы смотрим на Солнце и чувственно воспринимаем его, оно воздействует на нас через посредство того материального объекта, который называется светом. Когда мы слышим голос человека, находящегося от нас на некотором расстоянии, он дан нам через находящийся между нами воздух, приходящий в состояние колебательного движения. Так же обстоит дело и в случае с электронами и фотонами. Они могут быть восприняты через посредство специальных приборов, назначение которых состоит в том, чтобы преобразовывать воздействие исследуемых нами объектов, непосредственно не воспринимаемое нашими органами чувств, в форму, доступную восприятию. По выполняемой ими роли эти приборы являются продолжением и усовершенствованием наших природных органов

чувств — продолжением, связывающим воспринимающего субъекта со все новыми и новыми областями мира.

В противоположность метафизическому материализму диалектический материализм отвергает представление о какой-либо «конечной», «неизменной сущности вещей», об «абсолютно простой субстанции», к «окончательным» свойствам и проявлениям которой сводится все существующее. Никакой неизменности, никакой абсолютно простой субстанции в природе не существует. Каким бы простым ни казался нам тот или иной материальный объект, он в действительности *бесконечно* сложен и неисчерпаем. Материя *неисчерпаема и вглубь*.

Разработанное Лениным представление о неисчерпаемости материи вглубь, о ее бесконечности является одной из существеннейших черт диалектико-материалистического учения о материи. Вся история науки дает неоспоримые подтверждения этого представления. Сложность таких тел, как человеческий организм с присущей ему высшей нервной деятельностью, бросается в глаза, и доказывать ее нет необходимости. Но возьмем так называемые «элементарные» частицы материи — электроны, протоны, нейтроны и т. п., из которых состоят все другие материальные образования и которые являются наиболее простыми из всех ныне известных материальных объектов.

Когда был открыт электрон, то первоначально считалось, что он имеет только массу и электрический заряд. Эти свойства казались неизменными и первоначальными, ни от чего не зависящими, присущими ему «самому по себе». Однако потом было установлено, что масса электрона изменяется при его движении и что она связана с электромагнитным полем — материальным объектом, окружающим электрон. Но дело этим не ограничилось. Открыты волновые свойства электрона, благодаря чему электрон предстал перед нами как очень сложный объект, обладающий не только свойствами частиц (корпускул), но и свойствами волн. Открытие способности электронов при взаимодействии с позитронами превращаться в фотоны было еще одним шагом на пути познания сложности мельчайших частиц материи.

Тот факт, что электроны при взаимодействии с позитронами могут исчезать, превращаясь в фотоны, и возникать за счет последних, особенно наглядно показал, как далек электрон от того идеала «абсолютно простой и неизменной субстанции», «последней субстанции», о которой мечтали метафизически мыслившие ученые. Современная физика открыла и другие свойства электрона. Ясно, что нет оснований думать, будто теперь уже известны все свойства электрона и что его природа раскрыта полностью и исчерпана до конца.

То, что было сказано здесь об электроне, полностью относится и к другим «элементарным» частицам. Число открытых «элементарных» частиц возрастает; ныне их известно уже около трех десятков, включая совсем недавно открытые так называемые

античастицы — антипротоны, антинейтроны и т. п., отличающиеся от своих частиц-антиподов противоположным знаком электрического заряда. Будучи качественно своеобразными видами материи, «элементарные» частицы не существуют как нечто изолированное друг от друга, застывшее и неизменное. Напротив, при соответствующих условиях все они так или иначе изменяются. Замечательной особенностью их является то, что любая из «элементарных» частиц может превратиться в любую другую. Так, протон и антипротон при взаимодействии друг с другом могут превратиться в фотоны с очень большой энергией и, напротив, два фотона с очень большой энергией могут превратиться в протон и антипротон.

При исследовании «элементарных» частиц шаг за шагом раскрывается все возрастающее многообразие их свойств, каждое из которых не только не является чем-то простым, но, напротив, ставит перед наукой очень сложные познавательные задачи. Характеризуя эти новые свойства «элементарных» частиц, не сводимые ни к каким ранее известным свойствам материи, физики вводят такие понятия, как «изотопический спин», «четность», «странность», «ядерный заряд» («барионный заряд»), «нейтринный заряд» («лептонный заряд»), «спиральность». Появление этих новых понятий свидетельствует о том, сколь сложны в действительности эти самые простые из ныне известных материальных объектов[1]. Перед наукой раскрываются ничем не ограниченные перспективы дальнейшего углубления внутрь материи.

50 лет назад, вскоре после открытия электрона, В. И. Ленин писал: «Электрон так же *неисчерпаем*, как и атом, природа бесконечна...»[2] Нельзя не поражаться смелой прозорливости этого замечательного предсказания. Это предсказание — не случайная догадка, а закономерное следствие диалектико-материалистических представлений о материи, в разработку которых Ленин внес так много нового.

Нельзя смешивать вопрос о том, существуют ли тела природы вне и независимо от нашего сознания, с вопросом о том, каково строение этих тел, из каких физических элементов они состоят, каковы физические свойства последних. Первый вопрос— философский, гносеологический. Решение второго вопроса — задача естествознания, в частности физики. Естествознание изучает реальный мир, многообразные тела этого мира, их строение, свойства, их связи друг с другом, присущие им закономерности. Но наука не может существовать без признания объективной реальности окружающего нас мира. Отражением этой

[1] Ввиду этого термин «элементарные» частицы очень условен. Он может наводить на мысль, будто эти материальные объекты абсолютно просты. На самом деле «элементарные» частицы просты только в том смысле, что каждая из них не состоит из каких-либо других ныне известных частиц.

[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 249.

объективной реальности является понятие материи. Вот почему понятие материи, выработанное марксистской философией, так важно для естествознания.

Пожалуй, никакое другое понятие материалистической философии не вызывало так много нападок со стороны идеалистов, как понятие материи. Это и не удивительно. Оно является краеугольным камнем материалистического мировоззрения и потому подвергается постоянным атакам противников материализма. Бесчисленное количество раз идеалисты объявляли понятие материи, обозначающее объективную реальность, опровергнутым или устаревшим, но развитие науки и данные практики неоспоримо свидетельствуют о том, что его нельзя опровергнуть.

Уступая прогрессу естествознания, идеалисты вынуждены признать существование атомов, электронов, фотонов и т. п. «Единственное», что они отрицают,— это то, что все эти частицы являются объективной реальностью, что они материальны. Но это-то «единственное» и разделяет коренным образом материалистов и идеалистов. Поэтому идеалисты всеми силами борются против понятия материи. Многие из них по существу идут по пути епископа Беркли, взгляды которого подвергнуты критике Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Беркли писал: «Что те вещи, которые я вижу своими глазами, трогаю своими руками, существуют,— реально существуют, в этом я нисколько не сомневаюсь. Единственная вещь, существование которой мы отрицаем, есть то́, что *философы* называют материей или телесной субстанцией»[1]. Беркли этим хочет сказать, что люди ничего не теряют, если будут отрицать существование материи. Но это уловка субъективного идеалиста. Когда он говорит, что вещи реально существуют, то под этим он понимает существование их в нашем сознании, в ощущениях. Напротив, для материализма, который полностью согласуется со всей практикой людей, реальное существование вещей означает их материальность, т. е. независимость от сознания субъекта.

Одним из аргументов, с помощью которых современные идеалисты пытаются обосновать отрицание материи как объективной реальности, является следующий. Предположим, физик хочет очень точно определить положение и скорость микрообъекта в данный момент. Для этого физик должен использовать соответствующие экспериментальные установки. При этом для точного измерения положения (координаты) нужен один тип установки, а для измерения скорости — другой. Использование установки первого типа приводит микрообъект в такое состояние, в котором скорость не может быть строго определенной, а применение установки второго типа приводит его в иное состояние, в котором не будет определенным его положение. Из этого делается идеалистический вывод: значит, нельзя говорить о микрообъекте «самом по себе», а можно говорить о нем только в неразрывной связи с определенными условиями его наблюдения, в связи с наблюдателем, а значит, объект не существует без субъекта. Но признание существования объекта в «неразрывной связи» с субъектом означает отрицание материи как объективной реальности.

[1] Цит. по книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», Соч., т. 14, стр. 17.

В сущности все эти соображения есть попытки в иной форме возродить идеалистическую теорию «принципиальной координации» субъекта и объекта, выдвинутую Р. Авенариусом. Согласно этой теории объект (природа) якобы не может существовать без субъекта. В. И. Ленин доказал полнейшую несостоятельность теории Авенариуса. Столь же несостоятелен и ее «современный» вариант. Если бы «неразрывная связь» объекта с субъектом действительно имела место, то это вело бы к нелепому выводу, будто объект не может существовать без воспринимающего его сознания, без ощущений. В рассматриваемом здесь случае экспериментальная установка, применяемая для исследования микрообъекта, определенным образом воздействует на микрообъект. Но экспериментальная установка, хотя ее и использует наблюдатель, не есть сам наблюдатель и тем более не его сознание или его ощущения; это объективно существующее реальное физическое тело (или совокупность физических тел), взаимодействие которого с микрообъектом материально, существует объективно. Эта реальная связь материальных вещей между собой — связь, существующая, как и сами эти вещи, вне и независимо от какого-либо сознания,— совсем не то, что вымышленная «неразрывная связь» вещей с сознанием.

Некоторые позитивисты, не настаивая на отождествлении экспериментальной установки с субъектом, указывают, что микрообъект принципиально связан с экспериментальной установкой именно как с физическим телом, поскольку, заключает эта разновидность позитивистов, установка определяет, каким будет состояние микрообъекта. Таким образом, говорить о микрообъекте в отрыве от прибора, вне наблюдений, производимых с его помощью, даже с чисто физической точки зрения бессмысленно. А так как приборы, эксперименты, наблюдения создаются и производятся наблюдателем, то отсюда и вытекает, что без наблюдателя нет микрообъекта; иначе говоря, без субъекта нет объекта.

Здесь, как и выше, с вопиющим нарушением законов логики производится подмена одного положения другим: положения о том, что «состояние микрообъекта, существующего в условиях экспериментальной установки, определяется этой экспериментальной установкой», совсем другим, не тождественным ему и не вытекающим из него: «микрообъект существует только в связи с экспериментальной установкой, только благодаря наблюдению».

Конечно, *когда* микрообъект находится в экспериментальной установке, его действительно нельзя рассматривать вне связи с ней, вне ее воздействия на него. Но дело в том, что микрообъект существует *не только* в экспериментальной установке, *не только* в связи с ней. Экспериментальная установка, прибор — лишь одно из бесчисленного множества тел, с которыми микрообъект может вступать во взаимодействие, определяющее его состояние. К тому же, во-первых, только ничтожная доля всех микрообъектов, реально существующих в мире, вступает в эту связь и, во-вторых, длительность этой связи в общем чрезвычайно мала. Утверждение, будто микрообъект принципиально существует *только* в экспериментальной установке, будто он *всегда* должен рассматриваться лишь в связи с прибором, будто он существует *только* благодаря наблюдению, производимому с его помощью, наделяет прибор какой-то фантастической силой, отрывающей его от всего остального мира реальных вещей. Фактически оно означает отказ от признания реального существования всех тел материального мира, кроме приборов и того, что происходит в них. Это своего рода «приборный идеализм», который, хотя и претендует на то, что он будто бы опирается на современную квантовую механику, в действительности просто догматически выдает желаемое за доказанное.

Существование микрообъектов не связано и не может быть связано с экспериментальной установкой, с прибором, с актом наблюдения. Приборы и наблюдения применяются в науке вовсе не потому, что ими обусловлено существование микрообъектов и микрообъекты реальны только в этих условиях и только в те моменты, когда идет наблюдение. Приборы создаются для того, чтобы исследовать то, что существует вне прибора и независимо от наблюдений, хотя *путь* к этому неизбежно лежит через исследование того, что происходит в приборе.

В литературе по квантовой механике можно встретить мнение, будто всякое вообще макроскопическое тело, взаимодействующее с микрообъектом, яв-

ляется «прибором», а их взаимодействие — «измерением». Это ошибочная точка зрения, совершенно запутывающая сущность дела и открывающая возможность для идеалистических спекуляций, чисто умозрительных построений. Прибор есть не просто физическое тело, а физическое тело, помещенное человеком между его органами чувств и предметами внешнего мира для исследования последних. Только в связи с этим положением и этой ролью в познании физическое тело может рассматриваться как прибор. Подобно этому и само по себе физическое взаимодействие между телами, без его отношения к процессу познания, не является измерением в точном значении этого слова.

Некоторые современные «физические» идеалисты (Джинс и др.) для опровержения представления о материи как объективной реальности пытаются использовать наличие у электрона и у других частиц материи волновых свойств. Они объявляют волновые свойства не материальными, а духовными — чисто умственными конструкциями, «волнами нашего знания». А так как, например, пространственное распределение микрообъектов после их прохождения через экран с близко расположенными щелями (дифракционная решетка) определяется свойствами волн, то идеалисты делают вывод: «Духовное управляет материальным».

Но волновые свойства микрообъектов вовсе не являются духовными. Они, как и другие свойства материи, в частности и корпускулярные свойства, существуют вне и независимо от сознания. Связь между различными свойствами микрообъекта — это материальная связь, и нет ничего удивительного в том, что одни из этих свойств влияют на другие и оказываются более существенными для течения процесса в данных конкретных условиях.

Ни одна из материальных вещей не является неизменной, и все они конечны. Но там, где исчезает одна вещь, на смену ей приходит другая и притом так, что ни одна частица материи не исчезает бесследно и не превращается в ничто, а вместе с тем ни одна мельчайшая частица не возникает из ничего. Там, где кончаются границы одного материального объекта, начинаются границы другого материального объекта, и нет конца этому беспредельному чередованию и взаимодействию материальных объектов. Материя, природа — вечна, бесконечна, безгранична.

Материя не есть нечто единообразное и однокачественное. Она существует в форме бесчисленно разнообразных тел, объектов, качественно и количественно отличающихся друг от друга. Они образуют группы родственных по своим свойствам объектов, которые мы называем различными видами материи.

Различные виды материи отличаются большей или меньшей сложностью и являются объектами исследования различных наук: физики, химии, биологии и т. д. Относительно простыми являются «элементарные» частицы материи — фотоны, электроны, позитроны, мезоны, протоны, антипротоны, нейтроны, антинейтроны и т. п. Большей сложностью обладают атомы и молекулы. На следующей ступени по своей сложности стоят газы, жидкости и твердые тела, с которыми мы имеем дело в нашей повседневной жизни, а также различные небесные тела — планеты, звезды, звездные системы. Значительно более сложными оказываются тела органической природы и особенно высший продукт ее — человек. Особым материальным объектом является человеческое общество, различные стороны и проявления кото-

рого исследует целый ряд наук, среди которых можно назвать исторический материализм, историю, политическую экономию, экономическую статистику и т. д.

2. Движение материи

В окружающем нас мире все находится в движении, изменении, начиная от мельчайших «элементарных» частиц материи и кончая гигантскими планетами и звездными системами. В живых организмах происходит постоянный обмен веществ, они реагируют на воздействия окружающей их среды. Земля, на которой мы живем, вращается вокруг своей оси и совершает движение вокруг Солнца. Но и Солнце не является неподвижным. Вместе со всей системой планет, обращающихся вокруг него, оно движется в мировом пространстве; вещество же, из которого состоит Солнце, подобно неукротимому, постоянно бушующему огненному вихрю. В каждом теле атомы, образующие его, находятся в беспрестанном движении, а каждый из атомов также полон внутреннего движения: во внешней оболочке атомов движутся электроны, а протоны и нейтроны совершают интенсивные движения в ядре, причем они не просто перемещаются из одной части ядра в другую, а превращаются друг в друга с поразительной частотой.

Движение является неотъемлемым, всеобщим, вечным свойством материи, способом ее существования. Именно благодаря присущему им движению вещи и являются тем, что они есть. Солнечная система является специфическим материальным объектом именно потому, что все планеты, образующие ее, обладают определенным движением, присущим каждой из них. Прекратите специфический обмен веществ в живом организме, а также между организмом и средой — и организма больше не будет; перед нами окажется мертвое тело, хотя в нем и будут происходить физические и химические процессы. Если бы электроны, находящиеся в оболочке атома, прекратили присущее им движение, то атом, как качественно определенный объект, перестал бы существовать. Физика показывает, что если бы в атомном ядре не было постоянного движения протонов и нейтронов, выражающегося в их взаимном превращении друг в друга, то атомного ядра не было бы; ядерные силы, соединяющие эти частицы в прочное атомное ядро, обязаны своим существованием именно этому движению.

Нет и не может быть материи без движения. Материя неотрывна от движения. Иными словами: *движение — это вечная форма бытия материи.*

Под *движением* диалектический материализм понимает не только механическое перемещение тел в пространстве, но всякое изменение вообще. Ф. Энгельс писал: «Движение, рассмат-

риваемое в самом общем смысле слова, т. е. понимаемое как форма бытия материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собою все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением»[1].

Соответственно многообразию явлений природы существует и множество различных видов движения материи. Но среди этого многообразия можно выделить несколько *основных форм движения*, каждая из которых охватывает более или менее широкий круг явлений, родственных в определенном отношении.

Во-первых, это механическая форма движения, пространственное перемещение тел относительно друг друга. Во-вторых, группа таких форм движения, изучаемых физикой, как тепловые и электромагнитные процессы, в том числе и световые явления; гравитационные взаимодействия; внутриатомные и внутриядерные процессы и превращения частиц. В-третьих, химическая форма движения (химические процессы). В-четвертых, биологическая форма движения (органическая жизнь). В-пятых, социальная форма движения (социальные процессы, история человеческого общества).

Не следует думать, будто каждая из этих форм движения есть нечто простое. Хотя мы и говорим, например, о механической форме движения как о чем-то едином, но за этим единством кроются различные частные виды механического движения, например движения прямолинейные и криволинейные, равномерные и переменные, вращательные и поступательные и т. д. Химическая форма движения включает в себя огромное число химических реакций и процессов усложнения вещества, вплоть до тех, которые ведут к возникновению белковых соединений.

Неразрывность материи и движения выражается не только в том, что материя не может быть без движения, но также в том, что между каждой из форм движения и теми материальными объектами, формой существования которых они являются, имеется вполне определенное соответствие, определенная внутренняя связь. Жизнь есть форма движения, присущая белковым телам; в неорганических телах нет и не может быть жизни. Химическая форма движения свойственна химическим элементам и их соединениям, но ее нет у таких материальных объектов, как фотоны, электроны, позитроны, мезоны, и у других подобных частиц, изучаемых физикой.

Связь между видами движения и типами материальных объектов прослеживается и у относительно простых тел, называемых «элементарными» частицами. Фотонам, например, присущ специфический вид движения, основные особенности которого выражаются в электродинамических уравнениях Максвелла. Движение электронов и позитронов подчиняется законам, выражаемым уравнением Дирака, существенно отличающимся от уравнений Максвелла. Движение более тяжелых частиц — мезонов управляется другими законами.

---

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1955, стр. 44.

Поскольку имеется эта внутренняя связь между видами движения и типами материальных объектов, постольку изучение движения есть вместе с тем и путь к познанию самих материальных объектов.

Подобно тому как материя неисчерпаема, так неисчерпаемо и многообразие видов ее движения и их свойств. Как не существует какой-то «наипростейшей материи», «конечной сущности вещей», так не существует какой-либо «наипростейшей», «конечной» формы ее движения. «Простота» наиболее простых из ныне известных форм движения относительна. Идя в глубь материи, наш разум будет открывать все новые и новые формы движения и вместе с тем все новые и новые их особенности.

Материя не может существовать иначе, как в движении, но это не исключает того, что в общем, никогда не прекращающемся потоке материальных изменений могут быть моменты покоя, моменты равновесия. Однако *покой* и *равновесие* являются относительными: они имеют место лишь по отношению к тем или иным отдельным материальным объектам, но не ко всей материи в целом; по отношению к тому или иному отдельному виду движения, но не по отношению ко всем видам движения, присущим данным объектам.

Примеры относительности покоя и равновесия мы видим в окружающей нас действительности на каждом шагу. Когда, например, пассажир отдыхает на диване быстро мчащегося поезда, он вместе с поездом *движется* относительно поверхности земли, но в то же самое время он *покоится* относительно вагона и всех предметов, находящихся в вагоне. На этом же примере мы видим, что покой имеет место не только по отношению лишь к определенной совокупности тел, но и по отношению лишь к определенному виду движения. В то время как тело пассажира не меняет своего положения относительно вагона, т. е. не находится в механическом движении относительно него, в самом теле совершается множество самых различных процессов (движений), благодаря которым пассажир и существует как живой организм.

Тот факт, что материальные объекты могут находиться в относительном покое и равновесии, играет огромную роль в развитии природы. Как указывал Ф. Энгельс, «возможность относительного покоя тел, возможность временных состояний равновесия является существенным условием диференцирования материи и тем самым существенным условием жизни»[1]. Именно благодаря этому возникают и более или менее длительно существуют качественно определенные вещи, отличающиеся друг от друга. Так, тела имеют определенную форму только потому, что их составные части находятся в покое относительно друг друга.

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1955, стр. 195—196.

Относительный покой проявляется не только в сохранении положения тел относительно друг друга и не только в отсутствии у каких-либо материальных тел движения в той или иной конкретной форме. Одной из важнейших форм относительного покоя служит устойчивость процессов, сохранение телами присущего им движения, относительное постоянство форм движения, существующих в данных условиях. Так, качественно своеобразные живые организмы существуют только потому, что в них постоянно происходит один и тот же тип обмена веществ, один и тот же характер взаимодействия с внешней средой. В относительной неизменности, в постоянстве типа жизнедеятельности находит выражение момент относительного покоя, равновесия. Но за этим покоем, равновесием кроется беспрестанное движение, изменение, самообновление организма. Это, по словам Энгельса, «живое единство движения и равновесия».

Покой и равновесие не только относительны, но и временны. Рано или поздно в каждом из объектов они нарушаются, устраняются, снимаются универсальным движением. Однако само же движение рано или поздно, но неизбежно порождает покой и равновесие в той или иной форме, в других условиях. И это открывает возможность появления качественно новых вещей, дифференцирования материи.

Рассмотрим несколько подробнее соотношение между относительно простыми и более сложными формами движения. Когда мы говорим, что тому или иному высокоорганизованному объекту присуща определенная форма движения, то означает ли это, что в данном объекте нет других, более простых форм движения? Нет, не означает. Так, если мы, например, утверждаем, что жизнь — форма движения, присущая белку, то это совсем не значит, что в белковых телах нет химических и физических процессов или механических перемещений вещества. Этим мы выражаем только ту мысль, что именно высшей из имеющихся в этом теле форм движения характеризуется органическая форма. Но органическая жизнь, как специфическая форма движения, обязательно включает в себя в снятом и подчиненном виде более простые формы движения.

Вместе с тем органическая жизнь, хотя и складывается на основе более простых форм движения, не сводится к ним. Это нечто особое, качественно отличное от каждой из них, но без них не существующее, неотрывное от них. Это своеобразное единство, где разные формы движения связаны в некую нераздельную целостность, «ибо,— писал Ф. Энгельс,— организм есть, несомненно, *высшее единство, связывающее в себе в одно целое механику, физику и химию*, так что эту троицу нельзя больше разделить»[1]. Это единство, покуда оно существует, накладывает определенные ограничения на протекание в организме

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1955, стр. 199.

физических и химических процессов, подчиняет их определенному порядку и темпу. Так, во многих видах организмов поддерживается определенная температура тела, создаются условия, противодействующие процессам, вредным для организма, и т. п.

Единство биологических, физических и химических процессов, составляющее сущность жизни, создает условия для поддержания организма, в частности создает условия для синтеза сложных белковых соединений, нужных живому организму. Если разорвать единство более простых форм движения, отчленить их друг от друга, то мы «сведем» жизнь к этим формам, но только перед нами будет уже не живой организм, а мертвое тело с происходящими в нем физическими и химическими явлениями.

В каждой более высокой форме движения обязательно включены все более простые формы движения, в частности механическое перемещение, но к ним более высокая форма движения не сводится и не может быть сведена.

В силу несводимости более высоких форм движения к более простым и существует, например, химия как особая наука, хотя химическая форма движения невозможна без физических процессов. Именно потому, что жизнь несводима к другим формам движения, и нужна особая наука о жизни — биология, хотя жизнь не может существовать без физических и химических процессов. Также необходимы и социальные науки, изучающие жизнь человеческого общества, хотя общественная жизнь невозможна без механической, физической, химической и биологической форм движения.

Признание качественного своеобразия каждой из форм движения, их несводимости к более простым формам является одной из главных черт диалектико-материалистического взгляда на движение материи в отличие от механистического материализма.

Материя не может быть без движения, но не может быть и движения без материи. Героем одной из английских сказок является кот, который может исчезать так, что, несмотря на его отсутствие, остается его улыбка. Конечно, это возможно только в сказке. Однако, как ни нелепо представление об улыбке отсутствующего кота, нечто подобное провозглашается идеалистической философией, когда она утверждает, будто движение может существовать без материи.

Если нет материи, то вообще ничто не может происходить, тогда вообще ничего не существует. Мысль о том, что движение может существовать без материи, есть мистика, нелепость, переход на позиции идеализма, отказ от науки. Вообразим невозможное — что материя исчезла — и будем думать, что движение осталось. Сделав такое допущение, мы предполагаем, во-первых, что движение нематериально, во-вторых, что мысль возможна без материи. Но представле-

ние о существовании мысли, сознания без материи и есть отход от естествознания, от науки, которая убедительно доказала, что мысль, сознание невозможны без материи. Не важно, как при этом рассматривается мысль, оторванная от материи: как мысль какого-нибудь отдельного субъекта (субъективный идеализм) или как некая абстрактная «мысль» или «идея» (объективный идеализм). «Существенно то,— указывает Ленин,— что попытка *мыслить* движение без материи протаскивает *мысль*, оторванную от материи, а это и есть философский идеализм» [1].

Одной из попыток мыслить движение без материи была так называемая «энергетика» В. Оствальда — крупного химика и мелкого философа, как его назвал Ленин. К концу XIX в. в физике значительных успехов достигла термодинамика, позволившая на основании теоретического анализа условий превращения энергии в тепловых процессах найти закономерности многих физических и химических явлений. При выводе этих закономерностей ученые могли не принимать во внимание атомного строения материи. А так как метафизически мыслившие естествоиспытатели отождествляли атомы с материей вообще, то был сделан поспешный вывод: «материи нет», есть одна превращающаяся энергия; последняя и является основой, «субстанцией мира». «Устранив» материю, сторонники энергетизма оторвали движение от материи. В этом и состоит коренной порок энергетизма.

Конечно, в ряде проблем науки, где существенным является анализ энергетической стороны процессов, можно (и порой нужно) абстрагироваться от атомистической структуры материи, но это не дает никаких оснований для того, чтобы вообще отбрасывать материальный носитель энергии, материю как объективную реальность. Энергия есть только выражение того движения, которым обладает материальный объект, и обособленно от материи она не существует и существовать не может. Естествознание рассматривает энергетические превращения как объективный процесс, происходящий вне и независимо от сознания. Это означает, что энергия есть свойство материи. Поэтому бессмысленно утверждать, как это делают философы-энергетики, будто энергия «устраняет» материю.

Ошибка сторонников энергетизма состоит в том, что они отвергают объективную реальность, существующую вне и независимо от сознания, а энергию трактуют как «чистый символ», как нечто такое, что определяется сознанием, духом, волей и т. п. Именно так трактовал энергию В. Оствальд, развивая свою «энергетику». Он утверждал, будто физические явления могут быть изображены как процессы между энергиями и что это обусловлено свойством сознания. Но, как писал В. И. Ленин, «это — чистый идеализм: не наша мысль отражает превращение

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 255.

энергии во внешнем мире, а внешний мир отражает «свойство» нашего сознания!»[1] Впрочем, Оствальд часто, решая конкретные научные проблемы физики и химии, отступал от этой точки зрения и вместе с другими естествоиспытателями рассматривал энергетические процессы как объективно реальные, не зависящие от сознания.

В этих отступлениях — одно из наглядных свидетельств бесплодности идеализма. Когда перед ученым стоит естественнонаучная проблема, требующая точного и ясного решения, он самим ходом исследования вынуждается покидать позиции идеализма и фактически (сознательно или бессознательно) переходить на сторону материализма.

Попытку возродить «энергетику» В. Оствальда предприняли некоторые современные физики. При этом они пытались опереться на такие новые факты, открытые современной физической наукой, как превращение электрона и позитрона в фотоны и закон, связывающий массу и энергию материальных объектов, согласно которому энергия (E) материального объекта равна его массе (M), умноженной на квадрат скорости света (C). В первом случае они отождествляют фотоны с «чистой энергией» без какой-либо материи, на основании чего и объявляют: материя (электрон и позитрон) исчезает, превращается в энергию (фотоны). Во втором случае они отождествляют материю с массой и на основании соотношения $E=MC^2$ утверждают: материя «превращается» в энергию, она есть «сгусток» энергии.

Но, как мы уже видели, фотоны не есть «чистая энергия» — это материальные объекты, обладающие энергией, так же как электроны и позитроны. Здесь имеет место взаимопревращение различных материальных частиц друг в друга. Совершенно несостоятельно и утверждение, будто материя «превращается» в энергию, «тождественна» или «эквивалентна» ей. Во-первых, нельзя отождествлять материю с одним из ее свойств — массой. Следовательно, закон $E=MC^2$ связывает не материю с энергией, а массу с энергией. Во-вторых, из того факта, что какой-либо физический закон связывает друг с другом две физические величины, вовсе не следует, что сами эти величины тождественны друг другу или что одна величина сводится к другой. Никаких фактов, свидетельствующих о «превращении» материи в энергию, не существует. Материя не может превращаться ни в какое из своих свойств и притом так, что это свойство оставалось бы без материального носителя. Смысл закона взаимосвязи массы и энергии состоит в том, что материальный объект, обладающий в данных условиях определенной массой, обладает и определенной энергией, соответствующей этой массе.

Нет никаких оснований говорить и о превращении массы в энергию или энергии в массу. Это ясно уже из самой формулы

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 258.

данного закона: он показывает, что, когда растет масса, растет и энергия, а когда масса убывает, энергия также убывает. Если бы эти величины превращались друг в друга, то подобного соотношения между ними не могло бы существовать: увеличение одной из них неизбежно вело бы к уменьшению другой.

Итак, нет и не может быть движения без материи. Движение неотрывно от материи. И, поскольку вечна, неуничтожима и несотворима сама материя, постольку вечно, неуничтожимо и несотворимо движение материи. Положение о неуничтожимости и несотворимости материального движения является одним из коренных положений диалектического материализма и современного естествознания.

Естественнонаучным выражением неуничтожимости движения материи является закон сохранения и превращения энергии. Ф. Энгельс назвал его «великим основным законом движения» [1]. Энергия является мерой движения. Какие бы процессы во внешнем мире ни происходили, какие бы превращения форм движения ни совершались, всегда общее количество энергии остается неизменным. Энергия не творится и не исчезает, а только видоизменяется, превращаясь из одного вида в другой и переходя от одного материального объекта к другому. Каждый множество раз наблюдал, как покоившееся тело приходит в движение, приобретая некоторое количество энергии. Если внимательно изучать все обстоятельства, связанные с возникновением этого движения, то оказывается, что всегда существует какое-то другое материальное тело или система материальных тел, за счет движения которых и началось движение данного тела. Сколько энергии приобрело данное тело, столько же энергии потеряли те тела, взаимодействие с которыми привело к возникновению движения рассматриваемого тела. Только за счет материального взаимодействия движущихся тел совершаются изменения их движения и притом так, что общее количество энергии тел, участвующих в этих процессах, остается постоянным.

Неуничтожимость и несотворимость движения количественно выражаются в том, что между различными формами энергии существуют постоянные соотношения эквивалентности. Так, например, при каких бы условиях ни происходило превращение механического движения в теплоту, всегда и всюду 426,9 килограммометра энергии механического движения породят 1 большую калорию теплоты. Подобные постоянные отношения эквивалентности существуют и при превращениях тепловой и электрической энергии и т. д. Ничто, никакое «чудо» не может породить, скажем, за счет 426,9 килограммометра работы количество тепла большее или меньшее 1 большой калории — больше или меньше того количества, которое определяется законом сохранения и превращения энергии.

[1] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1957, стр. 13.

Но неуничтожимость движения материи не следует понимать лишь в *количественном* смысле — в смысле постоянства количества энергии. Ф. Энгельс, глубоко проанализировавший содержание закона сохранения и превращения энергии, подчеркнул и другую важную сторону этого закона, отражающую *качественную* неуничтожимость движения. Под неуничтожимостью движения в качественном смысле Ф. Энгельс понимает никогда не утрачиваемую способность материального движения ко все новым и новым превращениям из одной формы в другую. Закон *сохранения и превращения* энергии выражает обе эти стороны положения о неуничтожимости движения в их неразрывной связи друг с другом.

Игнорирование качественной стороны неуничтожимости движения неизбежно приводит к противоречию с законом сохранения и превращения энергии. Наглядным свидетельством этого явилась теория так называемой «тепловой смерти вселенной», выдвинутая некоторыми естествоиспытателями во второй половине XIX в. Эта теория утверждала, будто все формы движения неизбежно должны превратиться в теплоту, а теплота, равномерно рассеявшись по всей вселенной, достигнет равновесия и навсегда потеряет способность к дальнейшим превращениям, вследствие чего все процессы природы прекратятся. Но если процессы прекратятся, то, значит, утратится первоначально имевшееся движение, ибо, как указывал Ф. Энгельс, «движение, которое потеряло способность превращаться в свойственные ему различные формы, хотя и обладает еще dynamis (возможностью.— *Ред.*), но не обладает уже energeia (действенностью.— *Ред.*) и, таким образом, частично уничтожено. Но и то и другое немыслимо»[1].

Ф. Энгельс подверг глубокой критике теорию тепловой смерти вселенной. Он показал, что она решительно противоречит закону сохранения и превращения энергии, что ее сторонники, настаивая на своей точке зрения, в конце концов будут вынуждены отказаться даже от представления о чисто количественной неуничтожимости движения и таким образом окончательно порвут с наукой. Действительно: если движение во вселенной в конце концов утратилось, то откуда оно взялось первоначально? Используя сравнение вселенной с «мировыми часами», Ф. Энгельс следующим образом раскрывает неизбежную для сторонников тепловой смерти вселенной цепь рассуждений: «Мировые часы сначала должны быть заведены, затем они идут, пока не придут в состояние равновесия, и только чудо может вывести их из этого состояния и снова пустить в ход. Потраченная на завод часов энергия исчезла, по крайней мере в качественном отношении, и может быть восстановлена только путем *толчка извне*. Значит, толчок извне был необходим также и вначале; значит, коли-

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1955, стр. 17.

чество имеющегося во вселенной движения, или энергии, не всегда одинаково; значит, энергия должна была быть сотворена; значит, она сотворима; значит, она уничтожима. Ad absurdum! (До абсурда! — *Ред.*)»[1]. Так своей критикой Энгельс в корне опроверг теорию тепловой смерти вселенной. Современные нам попытки возродить вновь эту теорию не содержат никаких новых, хоть сколько-нибудь серьезных аргументов в ее пользу. А физические науки принесли новые доказательства положения о качественной неуничтожимости движения, новые доказательства всеобщности и универсальности закона сохранения и превращения энергии.

Последовательно научное материалистическое мировоззрение неразрывно связано с признанием неуничтожимости движения. Там, где имеется то или иное отступление от признания качественной или количественной неуничтожимости движения, появляются антинаучные заявления о «первоначальном толчке», который является не чем иным, как псевдонимом для «мирового творца». Вот почему этот закон, как говорил В. И. Ленин, является установлением основных положений материализма[2].

В том, что движение вечно, т. е. неуничтожимо и несотворимо, что материя никогда и нигде не может существовать без движения, ни при каких обстоятельствах не утрачивая способности ко все новым и новым изменениям, выражается *абсолютность* движения. Но движение существует в виде определенных конкретных процессов, преходящих, не вечных, сменяющих друг друга. В этой неизбежности смены отдельных процессов, видов движения, в их превращении друг в друга выражается *относительность* движения. Иными словами: движение абсолютно по своей природе, но относительно по своему конкретному проявлению.

Положение о том, что движение и абсолютно и относительно, отражает важный факт — его *внутреннюю противоречивость*. Движение противоречиво: оно по своей сущности есть изменение, но в самом этом изменении есть моменты неизменности, устойчивости, постоянства. Например, между различными физическими формами движения есть постоянные отношения эквивалентности, не нарушающиеся никогда и нигде; каждой из форм движения присущ определенный тип изменения состояний материальных объектов, определенный закон. Поэтому-то каждая данная форма движения и обладает специфическими особенностями, отличающими ее от других форм.

Движение противоречиво и в том смысле, что оно включает в себя моменты непрерывности и прерывности (дискретности). Прерывность движения выражается в том, что оно существует не как нечто единообразное, а как совокупность качественно

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1955, стр. 229.
[2] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 318.

различных форм, не сводимых друг к другу. Но при всем различии этих форм движения они не оторваны друг от друга, а переходят друг в друга, одни из них порождают другие. В этой органической внутренней связи всех качественно своеобразных форм движения выражается непрерывность движения.

Соотношение прерывности и непрерывности движения можно видеть на примере внутриатомного движения. Современная физика показала, что внутренняя энергия атомов имеет не непрерывный, а прерывистый ряд значений. Отсюда следует, что во внутриатомных процессах движение имеет дискретные степени возбуждения. Но то же самое движение, переданное атомом во внешнюю среду, например путем испускания электромагнитного излучения, может распределяться по другим материальным объектам совершенно непрерывным образом.

3. Пространство и время

Какой бы материальный объект мы ни взяли, он всегда обладает той или иной протяженностью: он длинен или короток, широк или узок, высок или низок. Не существует вещей, не имеющих протяженности в длину, ширину и высоту, не обладающих тем или иным объемом. Каждая из вещей окружающего нас мира находится среди других вещей в том или ином месте — ближе по отношению к одним из них и дальше по отношению к другим; направо от одних и налево от других; выше одних и ниже других и т. п. Тела обладают протяженностью, объемом, находятся в том или ином месте, так или иначе расположены относительно друг друга, обладают той или иной внешней формой — во всем этом находит выражение тот факт, что тела существуют в пространстве.

Одно и то же тело может нам казаться бо́льшим или меньшим, в зависимости от того, как далеко оно находится от нас. Но это совсем не значит, что пространственная протяженность вещей субъективна. Нет, она является объективным свойством вещей и не зависит от наших ощущений, восприятий, сознания. Восприятия размеров одних и тех же объектов бывают различны потому, что мы от них удалились и по отношению к нам они уже стоят в объективно ином отношении, но протяженность тел, их объем, их форма не зависят от наших ощущений. Расстояния между телами и положение их относительно друг друга также являются объективными характеристиками реальных отношений между телами. Издали нам кажется, будто расстояние между телами меньше, чем в действительности. Но если между ними могло поместиться какое-то третье тело (или группа тел), то последнее расположится между ними независимо от того, как мы воспринимаем промежуток между ними — находясь вблизи или вдали от них.

Каждая из форм движения материи необходимо связана с пространственным перемещением больших или малых тел. Из этого следует, что пространство является коренным условием движения материи.

Таким образом, *пространство — это объективно реальная форма существования движущейся материи.* Понятие пространства выражает сосуществование и отделенность вещей друг от друга, их протяженность, порядок их расположения относительно друг друга.

Материальные процессы совершаются не только в различных местах пространства, но и один раньше или позже другого. В том, что материальные процессы происходят в некоторой последовательности (один раньше или позже другого), различаются своей длительностью и имеют отличающиеся друг от друга фазы или стадии,— во всем этом находит выражение тот факт, что тела существуют во времени.

Один и тот же промежуток времени между двумя какими-либо событиями может казаться разным людям коротким или длинным — в зависимости от их настроения, интереса к наблюдаемым событиям, психологического состояния и т. п. Но это вовсе не значит, что промежуток времени, временна́я длительность есть нечто субъективное. Временна́я длительность процессов объективна, т. е. не зависит от наших ощущений, от нашего сознания. Об этом свидетельствует тот факт, что, каким бы ни казался временно́й промежуток между явлениями — коротким или длинным,— в этом промежутке в данных условиях всегда укладывается временна́я длительность одного и того же объективного процесса, не зависящего от нашей воли и сознания.

То, что различные фазы, стадии процессов разновременны, т. е. отделены друг от друга каким-то временны́м промежутком, является коренным условием существования этих процессов. Не будь этой длительности, не будь разновременности разных стадий одного и того же процесса, не существовало бы самих этих стадий, а значит, не было бы никаких закономерных изменений, переводящих явления от одних стадий к другим, невозможно было бы развитие явлений, процессов, переход их от низших форм к высшим. Это означает, что вне времени движение материи невозможно.

Таким образом, *время — это объективно реальная форма существования движущейся материи.* В этой форме существования материи выражаются последовательность развертывания материальных процессов, отделенность друг от друга разных стадий этих процессов, их длительность, их развитие.

«В мире нет ничего, кроме движущейся материи,— писал В. И. Ленин,— и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени» [1].

Философы-идеалисты отрицают объективную реальность пространства и времени. Они считают их чем-то, что существует в сознании или благодаря сознанию, порождением духа, мышления. Так, Беркли утверждал, что пространство и время —

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, стр. 162.

формы субъективных переживаний. Кант, как мы уже отмечали, рассматривал пространство и время как некие априорные (внеопытные) формы нашего созерцания, обусловленные природой нашего сознания. Для Маха пространство и время — всего лишь нами, людьми, упорядоченные системы рядов ощущений. В философии Гегеля пространство и время суть порождения «абсолютной идеи», причем они создаются «идеей» только на определенной ступени ее развития и притом так, что сначала появляется пространство и лишь затем возникает время; таким образом они оказываются оторванными друг от друга.

Идеалистические представления о пространстве и времени опровергаются всем жизненным, практическим опытом людей, всем естествознанием. Как можно согласиться с утверждением, что пространство и время порождены сознанием, духом, идеей или существуют в сознании, если, как учит естествознание, за многие миллионы лет до возникновения человека с его сознанием, духом, идеями Земля существовала в пространстве и развивалась во времени? Этот факт имеет решающее значение для разоблачения несостоятельности идеалистических взглядов на пространство и время. Ленин указывал: «Существование природы *во времени*, измеряемом миллионами лет, *до* появления человека и человеческого опыта, показывает нелепость этой идеалистической теории»[1].

Хотя и пространство и время в равной мере есть формы существования материи, но это — разные формы существования материи. Они имеют ряд общих свойств, но вместе с тем значительно отличаются друг от друга. Общим, во-первых, является то, что они объективны, существуют вне и независимо от сознания. Во-вторых, поскольку вечно существует материя, постольку вечны пространство и время. Они всегда были, есть и будут, ибо материя может существовать не иначе, как только в пространстве и во времени. В-третьих, пространство и время безграничны и бесконечны.

В какую бы сторону мы ни двигались в пространстве и на какое бы расстояние мы при этом ни переместились от начального пункта, нигде и никогда не будет границы, дальше которой двигаться было бы нельзя. Безграничность и бесконечность — разные характеристики пространства. Чтобы пояснить это, укажем на поверхность шара. Передвигаясь по ней, мы никогда не обнаружим никаких границ, дальше которых нельзя было бы двигаться. Но поверхность шара конечна, и мы можем заполнить, исчерпать ее, например, покрывая кусочками бумаги. Конечен и объем шара. Пространство же вселенной не только безгранично, но и бесконечно. Наука проникает все дальше и дальше в бесконечную вселенную. Совсем недавно астрономическая техника позволяла заглянуть на такие расстояния, которые свет, пробегаю-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 165.

щий за одну секунду 300 000 километров, проходит за миллиард лет. Теперь радиотелескопы дали возможность обнаруживать еще более далекие звездные системы, свет от которых доходит до нас только за 10 и более миллиардов лет. Эти грандиозные расстояния невозможно себе представить наглядно. Но, конечно, и они не предел. Как ни далеки от нас эти звездные системы, за ними лежат все новые и новые гигантские небесные тела и необозримые протяженности материальных объектов.

Время также безгранично и бесконечно. Как бы много ни прошло времени до какого-либо события, время будет длиться и дальше, никогда не достигая предела, после которого уже не будет никакой длительности, не будет бесконечного числа процессов, идущих один за другим и в целом составляющих бесконечную длительность. Подобно этому, каким бы давно прошедшим ни было некоторое событие, ему предшествовало неисчислимое множество других событий, в совокупности обладающих бесконечной длительностью.

Отказ от признания бесконечности пространства и времени ведет к отходу от материализма. Если время не бесконечно, если мир существует не вечно, то, значит, был когда-то момент, когда мира не было, значит, он создан кем-то, существующим вне времени. Если пространство не бесконечно, если материальный мир конечен, то, значит, за его пределами существует нечто внепространственное, нематериальное. Но и то и другое — бессмыслица. Никакое бытие вне времени и пространства невозможно.

Одной из попыток опровергнуть представление о бесконечности пространства, бесконечности мира, является идеалистическая теория «расширяющейся вселенной». Астрономические наблюдения показали, что спектры туманностей, находящихся вне пределов нашей галактики, несколько смещены в сторону больших длин волн (так называемое красное смещение). Подобное смещение спектров может происходить, в частности, из-за того, что источник света и прибор, воспринимающий этот свет, удаляются друг от друга с некоторой скоростью. При этом, чем больше скорость, с которой источник света и приемник удаляются друг от друга, тем больше смещение спектра. По величине смещения можно судить о скорости движения источника света относительно приемника. Так как никаких других объяснений красного смещения спектров туманностей не было найдено, то ученые в общем склоняются к объяснению этого смещения спектров удалением туманностей от центра нашей галактики, причем скорость, с которой удаляется каждая из туманностей, принимается приблизительно пропорциональной ее расстоянию от Земли. Таким образом, чем дальше находится туманность, тем быстрее она удаляется.

Исходя из этого, идеалисты философы и астрономы сделали вывод, что когда-то вся вселенная была сосредоточена в чрезвычайно малом конечном объеме, своего рода «первоатоме», но в какой-то момент времени она стала внезапно расширяться, вместе с чем началось и «расширение пространства», первоначально бывшего бесконечно малым. К этому присоединилось заявление, будто этот «первоатом» был создан богом и по его воле он и начал свое расширение.

Эта реакционная, откровенно фидеистская теория «расширяющейся вселенной», «расширяющегося пространства» не выдерживает критики. Во-первых, нет совершенно никаких оснований отождествлять наблюдаемую нами совокупность внегалактических туманностей со всей вселенной вообще. Это только неизмеримо малая часть ее. Во-вторых, нет никаких оснований думать, что повсюду движение всех вообще внегалактических туманностей происходит

подобным же образом — только в сторону от «центра» и что не существует каких-то встречных или еще более сложных движений других внегалактических туманностей. В-третьих, нет оснований полагать, что даже в наблюдаемой нами части вселенной движение туманностей оставалось тем же самым во все времена. Таким образом, местное, локальное явление, имеющее место лишь в весьма ограниченной части вселенной, наблюдаемое всего лишь в сравнительно незначительном интервале времени, нет оснований выдавать за всеобщий закон движения бесконечной вселенной в целом. К тому же объяснение красного смещения внегалактических туманностей их разлетанием, строго говоря, не является единственно возможным и окончательным, так как еще могут быть открыты и другие факторы, могущие вызвать тот же эффект.

Таким образом, теория «расширяющейся вселенной» ни в коей мере не является научной теорией. Она не в состоянии поколебать положение о бесконечности вселенной в пространстве и времени.

Остановимся теперь на различиях между пространством и временем. Как отметил Ф. Энгельс, быть в пространстве — значит существовать «в форме расположения одного подле другого», между тем как быть во времени — значит существовать «в форме последовательности одного после другого»[1]. Важной особенностью пространства является то, что пространство имеет три измерения, тогда как время имеет одно измерение. Трехмерность пространства означает следующее. Если в любой точке пространства проводить две как угодно направленные прямые линии, то всегда можно провести к этим двум прямым третью линию, перпендикулярную к ним. При этом указанная третья прямая будет единственной: других прямых, перпендикулярных к ним обеим, существовать не может. Трехмерность пространства выражается также и в том, что положение любой точки в пространстве полностью определяется указанием трех расстояний этой точки до трех любых пересекающихся плоскостей, выбранных в качестве системы отсчета. Эта особенность принадлежит объективному пространству.

Любое материальное тело обязательно трехмерно. Оно обладает большим или меньшим объемом. Но вполне законной научной абстракцией является понятие о плоскости, линии и точке, первая из которых характеризуется только двумя измерениями, а вторая — лишь одним; геометрическая точка не имеет ни одного измерения. Абстрактные понятия плоскости, линии, точки — отражения пространственного существования не всего материального объекта, а лишь определенных его сторон; они выражают отношение между элементами нераздельной объемной структуры реальных материальных тел.

Когда речь идет о бесконечности пространства, в первую очередь имеется в виду бесконечность объема всей неисчислимой совокупности материальных тел вселенной.

В отличие от пространства время — одномерно. В понятии одномерности времени выражается тот факт, что любой момент времени, соответствующий началу, концу или промежуточной

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1955, стр. 8.

стадии какого-либо процесса, определяется одним числом, выражающим величину промежутка времени, протекшего до этого момента от какого-то другого момента, принятого за начало отсчета. Все события текут только в одном-единственном направлении — от прошлого к настоящему и от него к будущему. Эта направленность процессов является их объективной чертой и не зависит от ощущений, сознания людей, воспринимающих эти процессы. В пространстве можно перемещать тела справа налево и слева направо, сверху вниз и снизу вверх и т. д. Но нельзя обернуть во времени причинно связанные процессы, заставить их идти от будущего к прошлому. Время необратимо. Этим оно также существенно отличается от пространства.

Нередко в теоретической физике и математике вводится представление о так называемых «многомерных пространствах», обладающих 4, 5, 6 и т. д. измерениями и даже бесконечным числом измерений. Это представление плодотворно для исследования многих научных проблем. Не противоречит ли оно положению о трехмерности пространства? Нет, не противоречит. Действительным, реальным пространством, в котором существуют все тела и мы сами, является обычное пространство с тремя измерениями. Многомерное же «пространство» — это абстракция, мысленно охватывающая совокупность большего или меньшего числа величин, характеризующих не обязательно протяженность, но и всякие другие свойства исследуемых объектов.

Введение в науку представления о «многомерных пространствах» используется идеалистами для борьбы с материализмом, отрицающим всякую возможность внепространственного существования каких-либо тел. Идеалисты объявили, будто наука доказала существование четвертого и других измерений пространства и что, в то время как люди и все обычные тела находятся в трехмерном пространстве, бестелесные, «духовные сущности», «духи», располагаются в четвертом или других измерениях пространства, недоступных обычным существам. Оттуда «духи» якобы могут воздействовать на материальные процессы, управлять ими, оставаясь вне наших восприятий. Но на самом деле никакого «четвертого измерения» у пространства не существует. Спекуляция идеалистов на представлении о «многомерных пространствах» для опровержения материализма лишена всякого основания. Научные представления о «многомерных пространствах» всегда исходят из того факта, доказанного практикой человечества, что в действительности нет никакого иного пространства, кроме объективного, реального пространства трех измерений.

В современной научной и научно-популярной литературе часто говорится о «четырехмерном мире». Это представление также не дает никаких оснований для идеалистических воззрений. Под «четырехмерностью» мира в физике понимается тот простой и непреложный факт, что мир существует не только в пространстве

(имеющем три измерения), но и во времени (имеющем одно измерение) и что все реальные процессы нужно рассматривать так, чтобы была учтена связь обеих форм существования материи, общая сумма измерений которых равна четырем. Ничего мистического, таинственного в представлении современной физики о «четырехмерном мире» нет и не может быть.

Наши представления об объективно реальных пространстве и времени постепенно изменяются, развиваются и углубляются. Это, в частности, выразилось и во введении представления о «четырехмерном мире», в котором отражена внутренняя связь пространства и времени, и в открытии новых законов геометрии, и т. д. Но изменение наших представлений о пространстве и времени нельзя смешивать, как подчеркивал Ленин, «с неизменностью того факта, что человек и природа существуют только во времени и пространстве, существа же вне времени и пространства, созданные поповщиной и поддерживаемые воображением невежественной и забитой массы человечества, суть больная фантазия, выверты философского идеализма, негодный продукт негодного общественного строя»[1].

Как показывает квантовая механика, микрообъекты не могут находиться в таких состояниях, в которых они одновременно обладали бы и точно определенной координатой, какой обладает точка, и точно определенным количеством движения (или скоростью). Для них возможны либо состояние с определенной координатой, либо состояние с определенным количеством движения (возможен и третий случай: состояния с неопределенным количеством движения и неопределенной координатой, но его здесь для простоты не будем рассматривать). В каком из двух указанных состояний будет микрообъект, зависит от материальных условий.

Современные идеалисты, стремясь обосновать представление о внепространственном и вневременном бытии, используют эти данные квантовой механики и рассуждают так: если микрообъект находится в состоянии с определенной координатой, то он существует в пространстве и времени, если же он переходит в состояние, в котором он не обладает определенной координатой, то он существует «вне пространства и времени». А так как состояние микрообъекта зависит от типа применяемой наблюдателем экспериментальной установки, выбор же последней зависит от воли наблюдателя, то наблюдатель будто бы может по своему желанию отменять или делать действительным пространство и время.

Эти рассуждения совершенно неправильны. Во-первых, отсутствие у микрообъекта определенной координаты — такой, как у материальной точки классической механики,— совсем не означает, что микрообъект не существует в пространстве и времени. Тот факт, что микрообъект может находиться в состоянии,

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 173.

в котором он не имеет определенной координаты, подобной координате материальной точки, означает лишь то, что микрообъект — сложное тело, а не точка классической механики. Недопустимо смешивать вопрос о том, может ли быть охарактеризовано состояние какого-либо объекта точечной координатой, с вопросом о том, существует ли он в пространстве и во времени. Во-вторых, изменение состояния микрообъекта определяется действием объективных материальных причин, реальной физической обстановкой, а не волей наблюдателя, не его произволом. Человек, например, может подняться на самолете вверх и лететь в нем, а может спрыгнуть с парашютом вниз. Действуя *по своей воле*, человек не отменяет земного притяжения, когда он поднимается вверх в самолете, и не включает его в действие по своему усмотрению, когда он прыгает вниз. Так и в случае с микрообъектами: никакое применение физических приборов не может отменить пространственное и временное существование вещей и вывести микрообъекты за их пределы. Как сами приборы, так и исследуемые с их помощью микрообъекты существуют в пространстве и времени. И никто, никогда, никакими средствами не может изменить этого фундаментального факта.

Мы говорим, что пространство и время — формы существования материи. Это положение означает не только то, что пространство и время — объективно реальны, но и то, что они находятся в неразрывной связи с движущейся материей. Как нет материи вне пространства и времени, так нет и не может быть пространства и времени без материи.

Из этой неразрывной связи пространства и времени с движущейся материей следует, что, как бы ни изменялись явления и материальные объекты, существование пространства и времени не зависит от этих изменений, ибо материя при всех своих изменениях вечно существует.

Факт независимости объективного существования пространства и времени от смены явлений, от любых изменений в материальных вещах является выражением *абсолютности* пространства и времени. Но свойства пространства и времени изменяются, будучи обусловленными свойствами изменяющейся материи. В зависимости от материальных условий изменяются пространственные формы, протяженность объектов, изменяется характер геометрических законов, становится иной длительность явлений, по-иному течет время. В этом выражается *относительность* пространства и времени.

Признанием неразрывной связи пространства и времени с материей диалектический материализм существенно отличается от материализма метафизического. Последний, признавая объективную реальность пространства и времени, считает пространство и время самостоятельными сущностями, независимыми от материи пустыми вместилищами для материальных тел и процессов. Как образно выразился немецкий математик Вейль, это был

взгляд на пространство, как на «наемную казарму», которая может быть занята какими-либо жильцами или, если их нет, оставаться совершенно пустой. Подобного взгляда придерживался Ньютон — выдающийся английский ученый, создатель классической механики. Ньютон считал, что пространство и время объективны, но они существуют независимо от движущейся материи, совершенно неизменны и друг с другом не связаны. Так понимаемые пространство и время он назвал «абсолютными». Ньютоновские представления об «абсолютном пространстве» и «абсолютном времени» держались в науке вплоть до начала XX в., когда, наконец, естествоиспытателям в связи с созданием теории относительности стала ясна неправильность отрыва пространства и времени от движущейся материи и друг от друга. К сожалению, им были неизвестны взгляды диалектического материализма, задолго до этого указывавшего на связь пространства и времени с материей и друг с другом.

В известных границах при изучении проблем, связанных с сравнительно медленными движениями обычных земных и небесных тел, связью пространства и времени с материей и друг с другом можно пренебречь. Подобно этому, например, в ряде случаев пренебрегают пространственной протяженностью материальных тел, считая их непротяженными материальными точками. Но как на этом основании нельзя делать вывода о том, будто бы тела вообще непротяженны, так нельзя делать вывода и о принципиальной независимости пространства и времени от движущейся материи, об отсутствии связи между ними самими и об их неизменности. Только потому, что во многих случаях связь пространства и времени с материей, на самом деле имеющаяся всегда, не сказывается существенным образом на течении процессов, ньютоновское представление об «абсолютных» пространстве и времени содержит рациональное зерно и могло быть использовано при формулировке законов классической механики. Но именно потому классическая механика оказалась неприменимой к движениям, происходящим с огромными скоростями, сравнимыми со скоростью света, что она связана с вышеуказанным ограничением.

В тех случаях, когда реальная связь пространства и времени с материей и друг с другом не существенна для исследуемых явлений, можно ее не учитывать. В этом нет никакой метафизики. Здесь — законная научная абстракция. Метафизика состоит в утверждении, что пространство и время принципиально, по самой своей сути будто бы не связаны с материей и друг с другом и поэтому всегда и везде остаются неизменными. Принципиальный отрыв пространства и времени от материи и друг от друга чреват серьезными последствиями. Он так или иначе ведет к отступлению от материализма.

Пространство и время существуют только в материальных вещах, только через материальные вещи, только благодаря им. «Ра-

зумеется,— указывал Ф. Энгельс,— обе эти формы существования материи без материи суть ничто, пустые представления, абстракции, существующие только в нашей голове»[1]. Кто отрывает пространство и время от материи и при этом настаивает на их обособленном от материи существовании, тот приписывает самостоятельное, независимое существование тому, что содержится лишь в мышлении. Но это и есть переход на позиции идеализма, согласно которому продукты нашей мыслительной деятельности объявляются самостоятельными сущностями. Вот почему В. И. Ленин отметил: «Время вне временных вещей=бог»[2].

Огромный вклад в разработку научных представлений о связи пространства и времени с движущейся материей внес Н. И. Лобачевский — великий русский математик, творец неевклидовой геометрии. Основная мысль Лобачевского при разработке проблем геометрии состояла в том, что свойства пространства не являются неизменными, всегда и везде одинаковыми, а изменяются в зависимости от свойств материи, от происходящих в материальных телах физических процессов. В своей работе «Новые начала геометрии с полной теорией параллельных» Лобачевский писал: «...в нашем уме не может быть никакого противоречия, когда мы допускаем, что некоторые силы в природе следуют одной, другие своей особой Геометрии»[3]. И, как это ни казалось невероятным его современникам, Лобачевский создал совершенно новую геометрию, отличную от той, которая была создана Евклидом. Одной из особенностей неевклидовой геометрии Лобачевского является то, что в ней сумма углов треугольников не остается постоянной и равной 180°, а меняется в зависимости от изменения длины их сторон и при этом всегда оказывается меньше 180°. Позже Риманом была создана еще одна неевклидова геометрия, в которой сумма углов треугольника больше 180°.

Создание неевклидовой геометрии вскрыло глубокую связь пространства с материей, обусловленность свойств пространства свойствами материи. Этим был нанесен удар по идеалистическим взглядам на пространство. Исходя из того, что геометрия Евклида, созданная еще в древней Греции, на протяжении многих веков оставалась неизменной, Кант объявил пространство присущей нашему сознанию, внеопытной, априорной формой созерцания, в которой познающий субъект «упорядочивает» расположение явлений. Геометрия потому и неизменна, полагал Кант, что пространство принадлежит сознанию субъекта, а не изменчивым явлениям вне его. Когда Лобачевский доказал, что геометрия Евклида — не единственная, что в зависимости от материальных условий в пространстве осуществляются законы совершенно

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1955, стр. 187.
[2] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 48.
[3] *Н. И. Лобачевский*, Полное собрание сочинений, т. 2, М.—Л., 1949, стр. 159.

различных геометрий, априористические представления Канта были опровергнуты.

Современная физика еще дальше углубила и развила материалистические идеи Лобачевского. Теория относительности, созданная А. Эйнштейном, открыла конкретные формы связи пространства и времени с движущейся материей и друг с другом, выразив эти связи математически в определенных законах. Одним из выражений связи пространства и времени с движением материи является тот факт, отмеченный впервые теорией относительности, что одновременность событий является не абсолютной, а относительной. События, одновременные по отношению к одной из материальных систем, т. е. в одних условиях движения, не являются одновременными по отношению к другой материальной системе, т. е. в других условиях движения. С этим фундаментальным фактом связаны другие важные положения. Оказывается, расстояние между какими-либо телами, находящимися в пространстве на конечном удалении друг от друга, не одинаково в различных движущихся материальных системах; с возрастанием скорости расстояние (длина) сокращается. Подобно этому промежуток времени между какими-либо событиями различен в различных движущихся материальных системах; с возрастанием скорости он уменьшается. Указанные изменения пространственной протяженности (длин) и временных промежутков в зависимости от скорости движения происходят в строгом соответствии друг с другом. В этом проявляется внутренняя связь между пространством и временем. Ее отражением являются так называемые преобразования Лоренца.

Исследование гравитационного поля (поля тяготения) в общей теории относительности привело к еще более глубокому раскрытию зависимости пространства и времени от движущейся материи. Было установлено, что реальные свойства пространства тем сильнее отклоняются от тех свойств, которые выражаются в геометрии Евклида, чем больше масса тел, находящихся в этом пространстве, и чем сильнее, следовательно, гравитационное поле. Это отклонение свойств пространства от свойств, выражаемых законами геометрии Евклида, в физике называют «искривлением» (или «кривизной») пространства. Кривизна пространства определяется, таким образом, величиной, распределением и движением материальных масс, напряженностью поля тяготения. С изменением гравитационного поля меняются не только свойства пространства, но и свойства времени. Поле тяготения изменяет течение времени, его ритм. Чем больше материальные массы, чем сильнее гравитационное поле, тем медленнее течение времени. При этом пространство и время изменяются не независимо друг от друга, а в тесной связи друг с другом по вполне определенному закону.

Вскрытая теорией относительности органическая связь пространства и времени с материей, с движением материи дает новое

естественнонаучное доказательство объективной реальности пространства и времени, их независимости от сознания, от познающего субъекта.

Не учитывая связи пространства и времени друг с другом и с движущейся материей, нельзя понять сущности огромной области физических явлений, связанных с движениями, скорости которых сравнимы со скоростью света, а также процессов, связанных с большими значениями энергии; невозможно также понять движение тел в сильных полях тяготения. Положение о связи пространства и времени с материей и друг с другом стало одной из руководящих идей современной науки.

О зависимости свойств пространства от материи говорят не только данные физики, но и данные других наук, в частности биологии. Например, изучение пространственных форм тел органической природы показывает, что живой материи присущи свои, особые виды симметрии, не свойственные телам неорганической природы. Если, скажем, кристаллы обладают такими пространственными свойствами, что в их симметрию входят оси 1, 2, 3, 4, 6, ∞ порядков, то у живого вещества встречаются такие виды симметрии, в которые входят оси 5, 7, 8, 9, 10 и т. д. (исключая ∞) порядков. В то время как среди тел неживой природы имеет место симметрия с одним центром симметрии, в живых организмах такая симметрия не встречается вовсе.

Молекулы, входящие в состав живой протоплазмы и имеющие одинаковый состав, могут существовать в двух различных формах — «левой» и «правой»,— отличающихся друг от друга так же, как отличается, например, левая рука от правой. «Левые» и «правые» формы молекул существуют и в неорганической природе. Но внутренняя пространственная структура живых организмов отличается той ярко выраженной особенностью, что в ней всегда превалирует какая-нибудь одна из этих двух форм — либо «левая», либо «правая». В противоположность этому в телах неживой природы подобного преобладания какой-либо из указанных форм молекул не существует.

Можно было бы указать и на ряд других особенностей пространственных форм органической материи. Эти особенности столь значительны, что дали основание выдающемуся советскому естествоиспытателю В. И. Вернадскому притти к выводу о существовании специфической геометрии пространства живой материи, отличной от геометрии Евклида.

Так как материя, развиваясь, порождает все новые и новые формы с присущими им своеобразными закономерностями, то соответственно этому в природе возникают новые пространственные и временные отношения. Таким образом, *пространство и время, как и сама материя, подчинены великому всеобщему закону бытия — закону развития.*

Раскрытие связи пространства и времени с материей, их обусловленности материей приводит к выводам, имеющим весьма существенное значение для понимания природы бесконечности пространства и времени.

Бесконечность пространства — это бесконечность ничем не ограниченной последовательности примыкающих друг к другу протяженностей (линейных и объемных) сосуществующих материальных объектов. Но качественное различие между материальными объектами имеет следствием различие в свойствах, во внутренней структуре тех пространственных элементов, которые

принадлежат данным материальным объектам. Поэтому бесконечность пространства не есть результат простого накопления или прибавления друг к другу совершенно тождественных элементов. Вместе с тем, как бы ни отличались эти пространственные элементы друг от друга, все они обладают одним общим свойством — линейной и объемной протяженностью. В целом, в своей совокупности они и образуют бесконечное пространство материального мира.

Подобно этому и бесконечность времени не есть результат накопления или прибавления совершенно тождественных элементов длительности. Обусловленность свойств времени материей имеет следствием изменение внутренних свойств (скорости течения, «ритмики») элементов длительности, соответствующих качественному различию материальных объектов. Но при всех различиях указанные элементы не могут утратить основного своего свойства: иметь ту или иную длительность. Вследствие этого в целом, в своей совокупности они и образуют бесконечное время, в котором существует все неисчислимое многообразие материальных объектов, изменение их состояний.

Из сказанного следует, что пространству и времени свойственна внутренняя противоречивость. Эта противоречивость находит свое выражение, во-первых, в том, что пространство и время по своей природе и абсолютны и относительны. Во-вторых, противоречием является то, что бесконечность пространства складывается из конечных протяженностей отдельных материальных объектов, а бесконечность времени — из конечных длительностей отдельных материальных процессов. В-третьих, пространство и время и непрерывны и в то же время прерывны (дискретны). Пространство непрерывно в том смысле, что между двумя любыми произвольно взятыми (большими или малыми, очень близкими или удаленными) элементами пространственной протяженности всегда реально существует такой элемент протяженности, который соединяет оба указанных элемента в единую пространственную протяженность; между элементами пространственной протяженности нет никакой абсолютной раздельности, отчлененности; они переходят друг в друга. Подобно этому время непрерывно в том смысле, что между двумя любыми промежутками времени всегда реально имеется такая временна́я длительность, которая соединяет эти промежутки времени в единый поток временно́й последовательности. Вместе с тем пространство и время прерывны. Их прерывность заключается в том, что они состоят из элементов, различающихся по своим внутренним свойствам, по структуре соответственно качественному различию материальных предметов.

4. Единство мира

Есть немало людей, которые не возражают против того, что вся окружающая нас природа реально существует вне и независимо от нашего сознания, но которые утверждают, что кроме этого всем известного материального мира есть какой-то иной, нематериальный мир — обиталище «духов», «верховного разума», «высшей воли» и т. п. Представление об этих двух мирах («мир земной» и «мир небесный») сложилось еще в глубокой древности и под влиянием религии господствовало в течение долгого времени.

Наука шаг за шагом пришла к доказательству неправильности представления о двух различных мирах. Мир един. Тот реальный материальный мир, к которому принадлежим и мы сами, с нашим сознанием, с нашими чувствами, ощущениями, есть единственный действительно существующий мир.

Некоторые философы прошлого, стремившиеся быть материалистами и отвергавшие представления о потустороннем мире, пытались доказать единство мира, исходя либо из утверждения, что мир потому един, что мы *мыслим* его единым, либо из того, что мир един потому, что он *существует*. Такую позицию занимал в этом вопросе Е. Дюринг, взгляды которого за отступления от материализма подвергнуты глубокой критике Ф. Энгельсом в труде «Анти-Дюринг». Энгельс показал, что и тот и другой аргументы неправильны. В самом деле, если мир един только потому, что наша мысль о нем едина, то, значит, мысль является определяющей по отношению к миру. Но не мир отражает свойства мысли, а, наоборот, мысль отражает свойства мира. Наша мысль может связать в «единство» сапожную щетку и млекопитающее, но от этого, как говорит Энгельс, у сапожной щетки еще не появятся молочные железы. Точно так же из утверждения о существовании мира еще не следует, что он един, ибо понятие существования (бытия) может иметь самые различные толкования — как материалистические, так и идеалистические. Признать существующим можно и то, что содержится лишь в сознании (таково представление о «существовании» потустороннего мира), а не только то, что имеется вне и независимо от него. Таким образом, простым признанием существования мира нельзя выдержать последовательную философскую линию и правильно понять действительное содержание положения о единстве мира.

«Единство мира,— подчеркивает Ф. Энгельс,— состоит не в его бытии, хотя его бытие есть предпосылка его единства, ибо сначала мир должен *существовать*, прежде чем он может быть *единым*... Действительное единство мира состоит в его материальности, а эта последняя доказывается не парой фокуснических фраз, а длинным и трудным развитием философии и естествознания»[1].

---

[1] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1957, стр. 42.

Одной из важнейших вех на пути к познанию материального единства мира было создание Коперником гелиоцентрической системы. До Коперника господствовало представление, будто бы центром вселенной является Земля, вокруг которой располагается «небесная сфера» с ее «идеальными» небесными телами — Солнцем, планетами, Луной и звездами, проявлением совершенства которых является строгая сферичность их формы и абсолютная чистота поверхности. На Земле все преходяще, тленно, в небесной сфере все вечно и неизменно. Созданием гелиоцентрического учения Коперник опроверг эти представления. Он доказал, что Земля — вовсе не центр вселенной, а лишь одна из таких же планет, которые прежде относили к идеальной небесной сфере. Таким образом, противопоставление «мира земного» «миру небесному» оказалось совершенно беспочвенным.

Дело, начатое Коперником, продолжил Галилей. Когда Галилей построил первый телескоп и обратил его на небо, он сделал открытие, поразившее всех его современников: Луна, считавшаяся одним из «идеальных небесных тел», вовсе не обладает совершенной сферической формой. Она покрыта впадинами, долинами и горами, подобными тем, которые имеются на поверхности Земли. Галилей открыл также, что на поверхности Солнца имеются темные пятна самой неправильной формы. Богословы не хотели примириться с мыслью, что небесные тела не имеют той чистоты и совершенства, которые они им приписывали. Они жестоко расправились с великими мужами науки, учившими людей видеть мир таким, каков он есть на самом деле. На костре инквизиции погиб Д. Бруно за свои смелые идеи. Он доказывал, что в бесконечном пространстве вселенной — там, где, по уверению богословов, находится лишь идеальный «небесный мир»,— рассеяны в бесчисленном множестве такие же материальные миры, как наш земной мир. Галилей за свои великие открытия попал в застенок инквизиции. Религия и церковь мешали развитию науки, но не могли убить истину: нет никакого иного мира, кроме мира материального.

Открытие законов механики и закона всемирного тяготения принесло новые доказательства этой истины. Сторонники представления о двух различных мирах утверждали, будто движение земных и небесных тел подчиняется принципиально различным законам. Они считали кощунственной мысль не только о тождестве, но даже о сходстве этих законов. Великим научным подвигом Ньютона было доказательство того, что законы механики земных и небесных тел те же самые; что та же по своей природе сила, которая заставляет падать на землю все тела, лишенные опоры, заставляет двигаться Луну вокруг Земли, а все планеты, в том числе и Землю, вокруг Солнца. Все без исключения тела бесконечного мира оказались связанными единым по своей сущности материальным взаимодействием, не знающим никакого деления на земной и небесный миры.

Важный шаг в доказательстве материального единства мира наука сделала в результате спектрального анализа — способа изучения химического состава тел по характеру света, испускаемого ими, когда они находятся в раскаленном газообразном состоянии. Атомы каждого химического элемента, находящегося в раскаленном газообразном состоянии, испускают лучи света вполне определенных длин волн, воспринимаемых в так называемом спектроскопе в виде большего или меньшего числа узких цветных полосок (спектральных линий). Каждый химический элемент испускает свою особую группу линий (спектр). Раскаленное Солнце, бесчисленные звезды и кометы, рассеянные по всему бесконечному пространству вселенной, посылают лучи света, по которым можно определить химический состав Солнца, звезд и комет. Исследования показали, что небесные тела состоят из тех же самых элементов, что и Земля. Конечно, относительные количества этих элементов у различных небесных тел и в их различных частях различны. Так, на Солнце обнаружено около 60 известных химических элементов, среди которых первое место по числу атомов занимает водород; гелия — в 4—5 раз меньше, а число атомов остальных элементов составляет всего около 0,001 доли числа атомов водорода.

Поучительна история открытия химического элемента — гелия. Первоначально он был найден с помощью спектрального анализа только на Солнце. Поэтому его и назвали гелием, что значит «солнечный». На Земле его долго не находили, и казалось, что наконец-то обнаружено нечто, присущее только Солнцу, но не Земле. Но прошло время, и гелий был найден и на Земле, причем он не такой уж редкий элемент. Гелий теперь широко используется в науке и технике для многих практических целей[1].

Из глубины мирового пространства на Землю долетают более или менее значительные осколки небесных тел, называемые метеоритами. Многие из них, раскалившись от трения о воздух, сгорают, не долетев до земной поверхности. Некоторые же не успевают сгореть и, упав на поверхность Земли, открывают возможность изучить их состав и свойства. Исследования показали, что главной составной частью метеоритов является железо и что в них нет никаких элементов, которых не было бы на Земле.

---

[1] Во второй половине XIX в. в спектрах газовых туманностей были обнаружены спектральные линии, которые не совпадали со спектральными линиями химических элементов, существующих на Земле. В связи с этим была выдвинута гипотеза о существовании в газовых туманностях специфического элемента, названного «небулий». Эта гипотеза просуществовала до 1927 г., когда было точно установлено, что эти линии принадлежат не какому-то особому небесному элементу, а ряду существующих на Земле элементов, испускающих эти линии только в условиях очень большого разрежения вещества (так называемые запрещенные линии). Существование таких спектральных линий у земных элементов было доказано не только теоретически, но и экспериментально. Таким образом, гипотеза «небулия» как особого «небесного вещества» отпала.

Эти данные о химическом составе тел на Земле и в окружающем ее космическом пространстве, полученные путем долгой, кропотливой работы ученых, прочно укрепили великую идею материального единства мира.

Но представим себе, что когда-нибудь на каком-либо из небесных тел будет найден элемент, которого нет в земных условиях. Означало бы это, что материальное единство мира нарушено? Конечно, нет. Это так же не противоречило бы ему, как не противоречит представлению о материальном единстве растительного мира Земли тот факт, что так называемая «альпийская растительность» (т. е. растительность, существующая в высокогорных условиях) совершенно не встречается во многих районах земного шара. Дело не в том, чтобы на всех телах солнечной системы, на всех звездах и во всех галактиках существовали те же самые химические элементы, а в том, что все элементы — независимо от того, распространены ли они повсеместно или нет,— являются теми или иными видами материи, обладающими одинаковыми фундаментальными свойствами и подчиняющимися объективным естественным законам. Доказательство этого как раз и составляет одно из величайших завоеваний естествознания.

Атомы всех химических элементов представляют собой материальные системы, состоящие из «элементарных» частиц одного и того же типа (протонов, нейтронов и электронов) и имеющие одинаковую по своему типу структуру, главные черты которой выражаются в наличии у них: а) центрального ядра, состоящего из более тяжелых «элементарных» частиц и потому несущего бо̀льшую часть массы атома; б) окружающей его слоистой оболочки, состоящей из более легких «элементарных» частиц; в) противоположных электрических зарядов у ядра и оболочки. Таким образом, атомы химических элементов едины по своему составу и своему строению. С этим связано то, что все их многообразие представляет собой не какое-то скопление случайно сосуществующих тел, а единую совокупность внутренне взаимосвязанных материальных объектов, объединенных единой периодической системой, единым периодическим законом Д. И. Менделеева. В этом смысле акад. А. Е. Ферсман говорил, что окружающий нас мир — это «менделеевский мир» [1].

Противопоставляя «земному миру» «мир небесный», богословы утверждают, что на Земле все преходяще, изменчиво и рано или поздно приходит к своему концу, тогда как на небе все «неизменно, непреходяще, вечно». Но где же вечность и неизменность

[1] В бесконечной вселенной могут быть и такие тела, которые не состоят из обычных атомов химических элементов. Современная физика, открывшая существование так называемых античастиц, предсказывает возможность образования из них более или менее сложных систем, подобных атомам, но все же существенно отличающихся от обычных атомов. Их существование не только не нарушает материального единства мира, но приносит еще новые подтверждения этого единства: атомы и они связаны друг с другом процессами взаимных превращений.

тел небесного мира? Естествознание доказало, что та система небесных тел, которая называется солнечной системой, вовсе не всегда была такой, какова она сейчас. Она имеет свою историю. Тела солнечной системы не сразу приобрели тот вид и те свойства, которыми они обладают сейчас. Наука в настоящее время еще не может во всех подробностях нарисовать весь этот процесс, но бесспорен тот факт, что вся история солнечной системы — это естественный, материальный процесс, в котором нет места ни для каких чудес, ни для какого вмешательства «потусторонних сил». Многие изменения Солнца можно наблюдать даже в простой телескоп. Время от времени с поверхности Солнца вздымаются на сотни тысяч километров протуберанцы, свидетельствующие о гигантских перемещениях раскаленного вещества; возникают и исчезают темные пятна, представляющие собой относительно более холодные части солнечной материи. В недрах Солнца, скрытых от нашего взора, безостановочно идут сложные процессы преобразования водорода в гелий, в силу чего постепенно меняется химический состав Солнца; часть материи выбрасывается Солнцем в мировое пространство. Звезды также не остаются неизменными. Многие из них вспыхивают, увеличивая во много раз свою яркость, меняют свои размеры, распадаются и т. д. Гибнут и возникают целые звездные системы.

Вечное движение, изменение свойственно всему, что где-либо существует. И нет никакого особого мира, не подчиняющегося этому закону бытия. Однако там, где исчезают одни формы материи, неизбежно возникают новые, начинающие свою собственную историю.

Ни одна мельчайшая частица материи не исчезает бесследно и не появляется из ничего: материя только преобразуется из одной формы в другую, никогда не утрачивая своих основных свойств. Если, например, исчезает материальный объект с определенной массой, то обязательно появляется одно или несколько других материальных тел с массой, в точности равной массе исчезнувшего тела. Во всех процессах превращения остается неизменным суммарный электрический заряд. В этом, как и в других подобных законах природы, выявляется вечность материи.

Огромную роль в подтверждении положения о материальном единстве мира играет закон сохранения и превращения энергии, говорящий о неуничтожимости и несотворимости движения материи. Благодаря этому закону, указывал Ф. Энгельс, «стирается последнее воспоминание о внемировом творце»[1]. Ничто не может сообщить никакого движения материальному телу, даже самому мельчайшему, кроме как реальное воздействие какого-то другого материального тела, передающего полностью или частично свое собственное движение. Сколько движения приобретается одним телом, столько теряется другим. Нет ни одного случая, когда этот

[1] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1957, стр. 13.

великий закон природы был нарушен. И ничто не может его нарушить. Все, что существует в мире, подчинено ему.

Благодаря этому закону все процессы образуют единую взаимосвязанную цепь, в которой нет и не может быть ничего, что не было бы порождено материей. Вся практика человечества, все данные науки свидетельствуют об истинности закона сохранения и превращения энергии во всех без исключения процессах.

Ни в чем, нигде, ни в каких явлениях природы и общества нет и не может быть действий, исходящих из какого-то таинственного «нематериального мира» и свидетельствующих о его существовании. Все имеет свои естественные причины, коренящиеся в тех или иных материальных телах, их действиях и свойствах. Если в данный момент наука не дает исчерпывающего ответа на тот или иной вопрос, то она рано или поздно даст его, не прибегая ни к каким таинственным «сверхъестественным сущностям», стоящим над материальным миром. Наука объясняет материальный мир из него самого.

Было время, когда люди не знали, в чем состоит сущность жизни. Особенности живых организмов, столь резко отличающие живое от неживого, дали некоторым мыслителям повод утверждать, будто основой жизни является некая нематериальная «жизненная сила», которая направляет все процессы в живых организмах. В частности, превращение неорганической материи в органическую, происходящее в животных и растениях, идеалисты объявляли результатом деятельности этой «жизненной силы». Но естествознание доказало, что сущностью жизни является особым образом протекающий материальный процесс обмена веществ, подчиняющийся законам сохранения массы и энергии, действующим и во всей остальной природе. Огромное значение в доказательстве этого имели классические исследования К. А. Тимирязева по фотосинтезу, происходящему в зеленых листьях растений. В результате фотосинтеза неорганические вещества, усвояемые растением из окружающей среды, превращаются в органические. К. А. Тимирязев доказал, что фотосинтез происходит под влиянием материальной причины — воздействия солнечного света, причем интенсивность фотосинтеза точно определяется количеством солнечной энергии, поглощаемой листьями растений.

«Зеленый лист, или, вернее, микроскопическое зеленое зерно хлорофилла,— писал К. А. Тимирязев,— является фокусом, точкой в мировом пространстве, в которую с одного конца притекает энергия солнца, а с другого берут начало все проявления жизни на земле. Растение — посредник между небом и землею. Оно истинный Прометей, похитивший огонь с неба. Похищенный им луч солнца горит и в мерцающей лучине, и в ослепительной искре электричества. Луч солнца приводит в движение и чудовищный маховик гигантской паровой машины, и кисть художника, и перо поэта» [1].

[1] *К. А. Тимирязев*, Избранные сочинения, т. II, М., 1948, стр. 382—383.

Было время, когда оставалось неизвестным, как возник человек. И в этом случае временная трудность в решении научной проблемы дала повод для представления о действии каких-то нематериальных сил, якобы посредством «чуда» создавших человека. Но пришло время, и эта проблема нашла подлинно научное решение, совершенно исключившее религиозные представления. Решение дала трудовая теория антропогенеза Ф. Энгельса, опирающаяся на эволюционную теорию Ч. Дарвина. Так и из этой области явлений было изгнано представление о нематериальных силах и таинственном сверхъестественном мире.

Явления сознания по своему характеру резко отличаются от всех материальных явлений. Это отличие используется идеалистами для того, чтобы объявить несостоятельной идею материального единства мира. Но, как об этом будет подробно сказано в следующей главе, сознание, не будучи материальным, является всего лишь свойством особым образом организованной материи, ее продуктом и без материи не существует. Никакого особого мира, стоящего *вне* и *над* материальным миром, явления сознания не образуют. Таким образом, явления сознания никоим образом не нарушают материального единства мира. Они только показывают, как многогранно и сложно это единство, включающее в себя многообразие форм движущейся материи, обладающей бесконечно различными качествами и свойствами.

Жизнь человеческого общества, его историю, деятельность людей, социальный прогресс нередко объявляют результатом предначертаний «божественной воли» или результатом действия якобы стоящих над материальной действительностью и господствующих над ней идей, сознания. Исторический материализм показал ошибочность таких взглядов, вскрыв материальные причины развития общества. Общественная жизнь является не чем иным, как особой формой движения материального мира, которая подчиняется своим, особым закономерностям. Она исторически возникла из более простых форм материального движения и на их основе.

Установление универсального характера генетической связи всех качественно различных форм материи, как и соответствующих им форм движения, является решающим в обосновании положения о единстве мира. Эта связь различных форм материи, а также различных форм движения существовала, существует и будет существовать всегда и везде — в прошлом, настоящем и будущем, во всех без исключения областях бесконечного пространства. Таким образом, *в мире никогда и нигде не существовало, не существует и не будет существовать ничего, что не было бы движущейся материей или что не было бы порождено движущейся материей.* В этом и состоит единство мира.

Все более расширяющееся и углубляющееся познание конкретной взаимной связи форм материи и движения находит свое специфическое выражение в факте возникновения за последние десятилетия многих новых «промежуточ-

ных» наук. Их предметом являются как раз те сферы материальной действительности, которые лежат на «стыке» между качественно различными областями явлений, изучавшихся прежде различными, более или менее обособленными друг от друга науками. Таковы, например, биофизика и биохимия, из которых первая исследует пограничную область между биологическими и физическими процессами, а вторая — между биологическими и химическими процессами, а также геохимия, соединяющая геологию с химией, и биогеохимия, связывающая в одно целое биологию, химию и геологию. Совсем недавно возникла так называемая кибернетика. Она раскрыла глубокие связи (но, конечно, не тождество) между рядом логических операций, совершающихся в мышлении, и физическими процессами, происходящими в «управляющих системах», в частности в электронных счетно-решающих машинах.

Если сверхъестественного, нематериального мира нет нигде — ни в глубинах вселенной, ни в прошлом, ни в настоящем, ни в большом, ни в малом, ни в живом, ни в неживом — и ничем не обнаруживает он себя ни в одном из звеньев явлений природы и общества, то где же он? Он существует лишь в воображении тех, кто не хочет признать очевидные факты, кто в соответствии с предвзятым мнением обрекает себя на отказ от научного, истинного понимания всего того, что происходит в нем самом и в мире вокруг него.

Мир материален. Он един, вечен и бесконечен. И сам человек, высшее порождение, цвет материального мира, есть часть великого целого, называемого природой.

ГЛАВА V

МАТЕРИЯ И СОЗНАНИЕ

Мы уже знаем, что материя первична, а сознание вторично. Это положение является исходной посылкой материалистической философии. После того как мы разобрали вопрос о материи и формах ее существования, перейдем к более подробному рассмотрению того, что такое сознание и каковы его особенности.

1. Сознание — свойство высокоорганизованной материи

Вопрос о происхождении сознания и об его сущности является одним из самых трудных вопросов науки. Каким образом и на какой ступени своего развития материя порождает сознание, как возникают ощущения, восприятия, представления и мышление человека, как совершается переход от ощущений и восприятий к мышлению — все эти вопросы долгое время оставались не раскрытыми наукой. Это послужило поводом для распространения в корне неправильных взглядов, согласно которым сознание считается свойством или деятельностью нематериальной субстанции — «души». Последняя якобы совершенно не зависит от материи, от человеческого тела и может помимо него вести самостоятельное существование; в то время как материальное тело рано или поздно умирает, нематериальная «душа» с ее сознанием будто бы остается жить «вечно». Подобные взгляды появились еще у первобытных людей, объяснявших сновидения или смерть человека тем, что «душа» временно или навсегда покидает тело. Эти фантастические представления не только не были устранены идеалистической философией, но, напротив, теоретически «обосновывались», закреплялись различными системами этой философии. Каждая идеалистическая система так или иначе провозглашала сознание (или «дух») самостоятельной сверхъестественной сущностью, не только не зависящей от материи, но и — больше того — творящей материю.

Не легкой эта проблема оказалась и для материалистической философии. Наряду с правильным объяснением сущности сознания как особого свойства материи были и серьезные ошибки. Так, некоторые философы-материалисты, остановившись в затруднении перед проблемой возникновения сознания, объявили сознание атрибутом материи, ее вечным свойством, присущим всем ее формам. Некоторые же из материалистов, не сумев правильно понять принцип материального единства мира, по сути приходили к отрицанию сознания. Они объявляли сознание особой разновидностью материи, якобы выделяемой мозгом подобно тому, как, например, печень выделяет желчь. Это были *вульгарные материалисты*. На основе развития научных знаний эти ошибки были преодолены. Материализм постепенно, шаг за шагом, опираясь на данные естествознания, шел к правильному, все более глубокому пониманию сущности сознания.

Трудность исследования психических процессов, явлений сознания заключается в том, что они непосредственно не воспринимаются ни одним из наших органов чувств. Ощущение, восприятие, представление, мысль нельзя ни видеть, ни слышать, ни обонять, ни осязать. Можно видеть орган мышления — мозг, можно при помощи микроскопа разглядеть мозговые клетки, можно при помощи соответствующих приборов изучать электрические токи, которые образуются в нервной ткани и в веществе мозга, и т. д., но никогда и нигде мысль нельзя ни увидеть в самый совершенный микроскоп, ни взвесить, ни измерить линейкой. Сознание, мысль не обладает физическими свойствами, какими обладают материальные тела. Однако из этого вовсе не следует, что оно принадлежит какому-то сверхъестественному миру, принципиально отличному от материального мира, и не зависит от материи. Из этого также не следует, что сознание вообще нельзя изучать строго научными объективными методами.

Хотя мы непосредственно чувствами не воспринимаем самого сознания других людей, но мы воспринимаем реальные действия людей, их поступки, речь, в которых проявляются их взаимоотношения и связи с окружающей обстановкой. В деятельности личности, в характере ее взаимоотношений и связей с окружающей средой раскрываются все существенные особенности того сознания, которым данная личность обладает. Недаром говорится: «Чтобы узнать человека, надо посмотреть на дела его». Тщательное изучение практической деятельности человека, его взаимоотношений и связей с окружающей общественной и природной средой (а все это доступно объективному изучению) дает для изучения сознания человека неизмеримо больше, чем его самонаблюдение за тем, что происходит в его сознании. Правильно поставленное самонаблюдение за явлениями, протекающими в нашем собственном сознании, приносит много ценного материала для изучения психики, и недооценивать этот метод нельзя. Но наука о сознании, о психической деятельности сделала особенно

значительные успехи именно с той поры, как она нашла объективные методы исследования сознания. Особенно значительными достижениями в этом отношении наука обязана выдающимся русским ученым И. М. Сеченову и И. П. Павлову, создавшим на основе применения естественнонаучного метода стройную теорию высшей нервной деятельности животных и человека.

Психика является результатом материальной деятельности мозга. Об этом говорит прежде всего тот факт, что психические явления имеют место только в нормально функционирующих живых организмах, обладающих нервной системой. При этом наиболее сложные виды психических процессов (к числу которых относится и логическое абстрактное мышление), образующие в своем внутреннем неразрывном единстве и взаимообусловленности то, что мы называем сознанием, связаны с наличием наиболее высоко организованной нервной системы и ее высшего отдела — головного мозга. А чем ниже стоят животные на ступенях эволюционной лестницы и чем проще организована их нервная система, тем психические явления более элементарны. У самых простых существ, не обладающих центральной нервной системой, нет психических явлений.

Зависимость сознания от определенным образом организованной материи легко обнаруживается в тех случаях, когда нарушается нормальная деятельность мозга вследствие каких-либо травм или заболеваний. Если у человека повреждены большие полушария головного мозга, то его психика, его сознание полностью или частично расстраивается; устранение повреждений мозга или ликвидация мозгового заболевания ведут к восстановлению нормально действующего сознания. То, что сознание зависит от состояния мозга, видно уже из таких известных фактов, как усыпление людей и возбуждение у них галлюцинаций с помощью различных наркотиков.

Решающее значение для сознания человека имеет кора головного мозга. Это чрезвычайно сложное материальное образование, различные части которого обладают различными свойствами и различной структурой. Кора головного мозга разделяется на ряд полей — зрительное поле, слуховое поле, двигательное поле и т. д. Каждое из них характеризуется особым микроскопическим строением — формой клеток, расположением клеточных слоев — и играет определенную функциональную роль в деятельности всей коры головного мозга. Однако в строении этих областей вместе с тем есть и общие черты; головной мозг является единым целым. Поля коры головного мозга представляют собой корковые концы зрительных, слуховых, двигательных и других анализаторов [1]. Корковые части анализаторов (ядра анализаторов) не отделены друг от друга какими-либо резкими границами; они заходят друг за друга, сцепляются друг с другом посредством особых невронных образований. Корковые части анализаторов выполняют наиболее высокие функции — анализ и

[1] Анализаторы — сложные нервные механизмы, в которые входят кроме указанных корковых частей еще воспринимающие приборы, или рецепторы (концевые образования чувствительных нервных волокон, воспринимающих раздражение и преобразующих его в нервное возбуждение), и проводники, передающие возбуждение из рецепторов в кору головного мозга.

синтез поступающих в мозг раздражений. Части коры, рассеянные между собственно анализаторами, представляют те же рецепторы и могут выполнять некоторые функции того же типа, что и сами корковые анализаторы, но только более элементарные. Вследствие этого нарушение деятельности какой-либо корковой части анализатора (в силу операции, травмы и т. п.) делает невозможным выполнение наиболее высоких функций, свойственных данному полю мозга, но рассеянные части анализаторов еще способны осуществлять элементарные функции, связанные с теми же рецепторами. И. П. Павлов показал это на следующих опытах: собака без затылочных долей полушарий (т. е. области зрительных восприятий и их высшего анализа и синтеза) не могла отличить предмет от предмета, но различала степени освещения и упрощенные формы; собака без височных долей (т. е. области слуховых восприятий и их высшего анализа и синтеза) не различала сложных звуков вроде клички, но различала отдельные звуки, их тона. И. П. Павлов видел в этом решающее доказательство первостепенного значения структуры коры головного мозга в процессах высшей нервной деятельности. Опираясь на тщательные экспериментальные исследования, И. П. Павлов указывал, что, сделав больным тот или иной отдельный участок коры головного мозга животного, сохранив здоровыми остальные, можно вызвать у животного определенный вид расстройства высшей нервной деятельности.

Подчеркивая, как чрезвычайно важный, факт соответствия между деталями структуры головного мозга и динамикой нервных процессов, Павлов считал одним из основных принципов учения о высшей нервной деятельности «приурочение динамики к структуре». Этим самым он развивал положение диалектического материализма о психике как свойстве *особым* образом организованной материи, о психике как функции мозга.

Кора головного мозга не просто совокупность рядом сосуществующих, лишь внешне связанных отдельных структурных образований. Он подчеркивал их органическую взаимосвязь, единство. «Если, с одной точки зрения,— писал И. П. Павлов,— кору больших полушарий можно рассматривать как мозаику, состоящую из бесчисленной массы отдельных пунктов с определенной физиологической ролью в данный момент, то с другой — мы имеем в ней сложнейшую динамическую систему, постоянно стремящуюся к объединению (интеграции) и к стереотипности объединенной деятельности» [1]. Это диалектическое понимание органической связи целого и частей в работе коры головного мозга является одной из важнейших отличительных черт учения И. П. Павлова. Он преодолел благодаря этому две ошибочные крайности в подходе к работе головного мозга: с одной стороны, так называемого локалистического направления, сторонники которого превращают в абсолют специфику деятельности отдельных участков головного мозга, игнорируя единство мозга; с другой стороны, направления, которое полностью игнорирует значение отдельных структурных образований мозга, видя только его единство.

Итак, сознание является продуктом мозга, продуктом высокоорганизованной материи, функцией мозга; мозг же является органом сознания, органом мышления.

Называя сознание продуктом материи, мы не хотим сказать, что сознание, порождаемое материей и зависимое от нее, существует как нечто внешнее ей, наряду с ней, подобно тому, как, например, на ветке яблони существует порожденное ею и зависимое от нее яблоко. Физиологические процессы в мыслящем мозгу и мышление, сознание — не два параллельных процесса, *а один единый процесс*, внутренним состоянием которого и является сознание. В. И. Ленин подчеркивал, что «сознание есть внутреннее

[1] *И. П. Павлов*, Полное собрание трудов, т. IV, М.—Л., 1947, стр. 195.

состояние материи...»[1] Таким образом, сознание никак нельзя отделить от материи, которая мыслит.

В то же время неправильно рассматривать мысль, сознание как материю, как нечто материальное (эту ошибку делают вульгарные материалисты). Если считать сознание материей, то «теряет смысл гносеологическое противопоставление материи духу, материализма идеализму» (Ленин). В пределах гносеологических исследований такое противопоставление сознания материи необходимо. Но «за этими пределами оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой» [2].

Современная наука, достигнув значительных успехов в познании деятельности мозга, в изучении психических явлений, процессов сознания, ставит своей задачей не только объяснить эти явления, но и овладеть ими, управлять ими. «Можно быть уверенным,— писал И. П. Павлов,— что на пути, на который выступила строгая физиология мозга животных, науку ждут такие же поражающие открытия и с ними такая же чрезвычайная власть над высшей нервной системой, которые не уступят другим приобретениям естествознания» [3].

Как ни очевидны данные естествознания, философы-идеалисты пытаются оспаривать, что сознание — продукт, функция, свойство определенным образом организованной материи, что человек мыслит при помощи мозга. Так, Ф. Паульсен[4] заявлял, будто бессмысленно говорить, что мышление совершается в мозгу; по его мнению, с тем же правом можно утверждать, что мысли находятся в желудке или на Луне. Это «возражение» против материализма настолько нелепо, что один врач-психиатр заметил: только от сумасшедших и слабоумных я слышал, что их душа попала в желудок или на Луну.

Положение о том, что мысль, ощущение есть функция, свойство мозга, категорически отвергал субъективный идеалист Р. Авенариус, философские взгляды которого В. И. Ленин подверг глубокой критике в труде «Материализм и эмпириокритицизм». Свою точку зрения Р. Авенариус пытался обосновать ссылкой на то, что никто непосредственно не видел, как в мозгу порождаются ощущения. По его мнению, ощущения существуют всегда, только они не всегда осознаются нами; когда происходит передача материального движения (раздражения) в субстанцию, которую мы считаем ощущающей, то одновременно — но якобы не вследствие этого! — ранее существовавшие ощущения «освобождаются» и становятся осознанными. Ощущения, мысль, по Авенариусу, не являются функцией, продуктом мозга.

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 74.
[2] Там же, стр. 233.
[3] *И. П. Павлов*, Полное собрание сочинений, т. III, кн. 1, изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1951, стр. 289.
[4] См. *Фридрих Паульсен*, Введение в философию, М., 1904, стр. 138.

Согласимся на минуту с Авенариусом и допустим, что процессы в мозгу не порождают ощущения, а только как-то «освобождают» их. Тогда мы должны будем прийти к выводу, что, например, ощущение боли, которое я получил при порезе пальца ножом сегодня, у меня уже было накануне, до пореза; что ощущение запаха розы, которую я буду нюхать лишь завтра, уже есть у меня, только еще неосознано мной и т. д.

Можно ли, не порывая с самыми элементарными нормами научного, логического мышления, согласиться с Авенариусом? Конечно нет. Любой человек буквально на каждом шагу наблюдает тот очевидный факт, что его ощущения порождаются воздействием внешнего материального мира на его органы чувств. Только благодаря этому он и имеет возможность правильно ориентироваться в явлениях внешнего мира, преодолевать встающие перед ним препятствия, избегать неблагоприятных условий, находить благоприятные для своего существования и для своей деятельности. Авенариус и его сторонники возвращают нас к платоновской теории воспоминания души об идеях, виденных ею в «идеальном царстве».

Р. Авенариус упрекал естествоиспытателей, считающих мысль, ощущение функцией мозга, в том, что они совершают недопустимую «интроекцию», т. е. вкладывание в мозг мыслей и ощущений, которых там нет. Он утверждал, что якобы тем самым совершается отход от «естественного понятия о мире», ведущий к идеализму. Себя же Авенариус объявлял противником идеализма на том основании, что признавал одинаковую реальность и «я» и среды. Но в действительности Авенариус воевал с подлинно «естественным понятием о мире», т. е. с материализмом, и защищал идеализм, так как и «я» и среда для него по сути дела лишь комплексы ощущений. В конце концов Р. Авенариус не доказывал, а просто постулировал то, что он хотел бы доказать: будто ощущения существуют без мыслящей материи, без мозга. «Так как мы еще не знаем всех условий ежеминутно наблюдаемой нами связи ощущения с определенным образом организованной материей,— указывает В. И. Ленин,— то поэтому признáем существующим одно только ощущение,— вот к чему сводится софизм Авенариуса»[1].

Некоторые современные идеалисты «не отрицают» того, что сознание связано с мозгом. Но эту связь они понимают так, что мозг есть лишь «инструмент» для проявления сознания, само же сознание считают независимым от мозга. Легко видеть, что это только иная формулировка ошибочной теории Авенариуса.

По-другому, чем Авенариус, подошел к вопросу о связи сознания и мозга субъективный идеалист Э. Мах. Чтобы не вступать в прямое противоречие с данными естествознания, свидетельствующими о неразрывной связи сознания, ощущения с материаль-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 40.

ными процессами в мозгу и нервной системе, Э. Мах пытался эти данные приспособить к своей философской доктрине, согласно которой тела суть комплексы ощущений. Но, как показал В. И. Ленин, эта попытка также привела к плачевным результатам. Так как мозг есть тело, значит, согласно Маху, он — комплекс ощущений. Но мозг принадлежит мне, а я также — комплекс ощущений; следовательно, когда мы что-нибудь ощущаем, мы должны сказать: один комплекс ощущений («я») с помощью другого комплекса ощущений (мозг) ощущает третий комплекс ощущений! Как ни запутано это нагромождение «комплексов ощущений», мы можем разобраться в нем, начав с исходного пункта. Легко видеть полнейшую ошибочность и эклектичность теории Э. Маха: сначала он объявляет, что все есть ощущения, а потом признает противоположные взгляды, согласно которым ощущения связаны с процессами, представляющими собой обмен материальным движением между организмами и внешним миром.

Особым способом отрицают положение о сознании как функции мозга, положение о том, что мозг является материальной основой психики, так называемые локалистические теории. По внешней видимости сторонники этих теорий рассуждают как будто правильно, выдвигая задачу найти те места в мозгу, в которых возникают психические процессы. Но по сути дела их взгляды противоречат данным современного естествознания и философски несостоятельны. Сторонники локалистического направления, поддерживаемого рядом современных зарубежных физиологов и неврологов, доходят до того, что утверждают, будто каждой точке головного мозга отвечает своя особая, абсолютно изолированная психическая функция: в одной из них якобы находится центр «узнавания чисел», в другой — «понимания фраз», в третьей — «узнавания букв», в четвертой — «образования образов одушевленных предметов», в пятой — «узнавания неодушевленных предметов», в шестой — личного «я», в седьмой — религиозного «я» и т. д. без конца. И хотя эти психические функции сопоставляются с особыми участками мозга, приверженцы локалистических теорий по существу отрицают внутреннюю связь между психикой и мозгом, отрывают психику от мозга. Расчленив мозг на обособленные частицы, оторванные друг от друга и от внешних воздействий, сторонники локалистических теорий утратили всякую возможность понять, как же головной мозг может осуществлять единую синтетическую деятельность. Поэтому они приходят к представлению о психических функциях как о совершенно самостоятельных, только совпадающих по месту и времени с физиологической деятельностью коры головного мозга и протекающих по своим особым законам, ничего общего не имеющим с законами деятельности головного мозга. Фактически эти взгляды есть не что иное, как возрождение давно оставленного наукой дуализма, теории психофизического параллелизма, согласно которой мир представляет собой два ряда совершенно независимых процес-

сов — физических и психических,— разыгрывающихся в двух принципиально различных субстанциях (материальной и духовной) и идущих как бы параллельно друг другу.

К этому же приходят и сторонники представления о мозге как о недифференцированной, бесструктурной массе. Не видя источника деятельности мозговых анализаторов в воздействии внешней среды, не видя специфики их работы, обусловленной различием внешних материальных воздействий, они пытаются истолковать психику как результат некоей единой, как бы разлитой по всему мозгу «активности мозга», «спонтанной энергии мозга», противостоящей его материальной основе. Таким образом, и они становятся на точку зрения психофизического параллелизма.

Работами И. П. Павлова и многих других ученых по исследованию высшей нервной деятельности все эти дуалистические теории полностью опровергнуты. Все возражения против важнейшей посылки материализма, доказанной естествознанием, что сознание есть свойство высокоорганизованной материи, остаются— и не могут не остаться! — тщетными потому, что они в самой своей основе противоречат данным естествознания.

На этом примере видно, как важен всесторонний, диалектический подход к изучаемым явлениям для получения правильных выводов, к каким серьезным ошибкам ведет односторонний, метафизический подход.

2. Сознание — отражение материального мира

Итак, сознание есть продукт деятельности мозга. Но оно возникает и формируется в мозгу только благодаря материальной связи мозга с внешним миром. Мозг связан с внешним миром через периферические органы чувств: глаз, ухо, слизистые оболочки носа, сосочки языка, нервные окончания кожи и т. д.

Ощущения возникают в мозгу только тогда, когда до мозга доходит нервное возбуждение, вызванное раздражающим действием на органы чувств тех или иных материальных факторов. Так, слуховые ощущения вызываются действием звуковых волн на орган слуха; обонятельные ощущения — действием частиц веществ на обонятельные клетки, расположенные в носовой полости, и т. д.

Источником ощущений, таким образом, является внешний мир, материя, материальная среда, явления и предметы, ее составляющие.

Ощущения служат той основой, на которой строятся все явления сознания. Без ощущений сознание невозможно. Только через ощущения сознание приобретает все свое содержание, все свое богатство. Чем обширнее, разнообразнее связь сознания с окружающим материальным миром, тем более оно содержательно.

Известны случаи, когда люди от рождения бывают одновременно слепыми, глухими и немыми. Если не предпринимаются специальные меры помощи этим людям, то их существование в основном сводится к отправлению чисто физиологических функций и их сознание оказывается чрезвычайно бедным. Когда же благодаря помощи врачей удается восстановить хотя бы некоторые из утраченных органов чувств, сознание человека расширяется и обогащается, эти люди становятся полноценными членами общества, могущими вести активную творческую жизнь. Если бы мозг вообще не имел связи с внешним миром посредством органов чувств, то в нем не могли бы возникнуть ощущения, а значит, человек не обладал бы сознанием. «Когда человек, сильно утомившись физически, засыпает *мертвым сном*,— писал И. М. Сеченов,—то психическая деятельность такого человека падает, с одной стороны, до нуля — в таком состоянии человек не видит снов,— с другой, он отличается чрезвычайно резкой бесчувственностью к внешним раздражениям: его не будит ни свет, ни сильный звук, ни даже самая боль. Совпадение бесчувствия к внешним раздражениям с уничтожением психической деятельности встречается далее в опьянении вином, хлороформом и в обмороках. Люди знают это и никто не сомневается, что оба акта стоят в причинной связи. Разница в воззрениях на предмет лишь та, что одни уничтожение сознания считают причиной бесчувственности, другие — наоборот. Колебание между этими воззрениями, однако, невозможно. Выстрелите над ухом мертво-спящего человека из 1, 2, 3, 100 и т. д. пушек, он проснется и психическая деятельность мгновенно появляется; а если бы слуха у него не было, то можно выстрелить теоретически и из миллиона пушек — сознание не пришло бы. Не было бы зрения — было бы то же самое с каким угодно сильным световым возбуждением; не было бы чувства в коже — самая страшная боль оставалась бы без последствий. Одним словом, человек мертво-заснувший и лишившийся чувствующих нервов продолжал бы спать мертвым сном до смерти.

Пусть говорят теперь, что без внешнего чувственного раздражения возможна хоть на миг психическая деятельность и ее выражение — мышечное движение»[1].

Одно и то же свойство какой-либо определенной вещи в тех же самых условиях возбуждает в нашем мозгу то же самое ощущение. Не бывает так, чтобы при тех же самых условиях один и тот же биллиардный шар, например, вызывал у нас в один момент ощущение белого цвета, а в другой момент — черного, потом зеленого или синего, затем снова белого и т. д.; или сейчас он вызвал бы ощущение гладкости, а вслед затем шероховатости; сначала возбуждал ощущение твердости, а спустя мгновение — мягкости и т. д. Свойства материальных объектов возбуждают в нас не какие-то случайные, хаотически сменяющиеся ощущения, а вполне определенные — такие, какие соответствуют их объективной природе. Если мы ощущаем запах некоторого вещества, то это значит, что данное вещество обладает способностью выделять в окружающее пространство свои мельчайшие частички, отличающиеся некоторыми физико-химическими свойствами, каких нет

---

[1] *И. М. Сеченов*, Избранные философские и психологические произведения, Госполитиздат, 1947, стр. 178.

В клинике знаменитого ученого С. П. Боткина находилась больная, не имевшая зрения и слуха, у которой была утеряна чувствительность кожи на всем теле, за исключением одной из рук. Эта больная обычно находилась в состоянии сна. Она пробуждалась только при прикосновении к руке, сохранившей чувствительность.

у частичек непахучих веществ. Пахучесть — объективное свойство. Наличие в воздухе частичек пахучего вещества может быть обнаружено, помимо органа обоняния, физическими и химическими способами.

Именно потому, что определенные свойства материальных объектов вызывают у нас определенные ощущения, мы и имеем возможность отличать эти свойства друг от друга. Одинаковые свойства тел, отличающиеся по их степени или интенсивности (большая или меньшая нагретость, больший или меньший вес и т. п.), вызывают в общем однотипные ощущения, отличающиеся, однако, особенностями, которые связаны с интенсивностью этих свойств. В сходстве и различии ощущений, вызываемых действиями материальных объектов, выражается сходство и различие свойств, принадлежащих этим объектам.

Материальные объекты обладают не одним, а многими свойствами: формой, весом, цветом, запахом, твердостью или мягкостью, гладкостью или шероховатостью и т. д. Наши органы чувств одновременно передают в мозг многообразные воздействия, источниками которых служат эти свойства. На основе этого в мозгу создается единое, цельное *восприятие* предметов. Восприятие — это совокупность ощущений, связанных друг с другом соответственно тому, как связаны друг с другом свойства предмета, вызывающего данное восприятие. Каждому материальному объекту соответствует определенное его восприятие субъектом; в особенностях восприятия выражается особенность материальных объектов, их сходства и различия.

Ощущения и восприятия соответствуют внешним предметам не так, как условные знаки или метки соответствуют обозначаемым ими вещам, а так, как копии предметов соответствуют самим предметам. Ощущения и восприятия представляют собой *изображения, снимки, образы* материальных объектов. Это положение является одним из краеугольных камней диалектико-материалистической теории познания. Естествознание дало бесспорные доказательства его правильности.

Обоснованию положения о том, что ощущения суть правильные изображения, образы, фотографии предметов внешнего мира, много содействовал И. М. Сеченов. Пользуясь тем методом доказательства, который дал Сеченов, убедимся в том, что зрительные ощущения действительно дают правильные изображения предметов, на которые мы смотрим.

Когда глаз обращен на какой-либо внешний предмет, на дне глаза — на так называемой сетчатке — образуется изображение этого предмета. Изображение по законам оптики строится хрусталиком, имеющим форму двояковыпуклой линзы. Но это физическое изображение не есть еще тот зрительный образ, который существует в сознании: оно лишь промежуточное звено между внешним предметом и образом в сознании, и мы не знаем, не трансформирует ли сознание изображение на сетчатке, создавая свой образ. Следовательно, мы имеем ряд из трех членов, связанных между собой: 1) внешний предмет, 2) изображение на сетчатке, 3) образ в сознании. Нас интересует вопрос: сходен ли образ в сознании (3) с внешним предметом (1)? Сложность вопроса состоит в том, что мы не знаем, каков предмет сам по себе, вне его образа в соз-

нании; непосредственно нам дан только этот образ. Чтобы получить ответ на поставленный вопрос, необходимо идти обходным путем.

Возьмем обычную двояковыпуклую линзу. С ее помощью образуем на экране изображение того предмета, который мы рассматриваем. Изображение на экране и внешний предмет сходны между собой. Это сходство обеспечивается законами оптики. В их сходстве мы, кроме того, убеждаемся и непосредственно, сравнивая их друг с другом: и изображение на экране и рассматриваемый предмет для нашего глаза являются в равной мере внешними предметами; из сходства ощущений от обоих из них мы имеем право заключить, что они сходны между собой. Так как хрусталик глаза действует, как обычная линза (это можно доказать опытами), то, значит, и изображение, даваемое им на сетчатке, сходно с внешним предметом. Когда мы смотрим на экран, мы фактически видим то же, что имеется на сетчатке, ибо оба эти изображения получены одинаковыми физическими процессами. Когда же наши глаза устремлены на внешний предмет, наш мозг имеет дело с образом в сознании. Следовательно, глядя на экран и внешний предмет, мы по существу сопоставляем изображение на сетчатке с образом в сознании. Что же дает это сравнение? И. М. Сеченов так резюмирует его результаты: «Треугольник, круг, серп луны, оконная рама и т. п. на сетчатке чувствуются в сознанием, как треугольник, круг, серп луны и т. д. Расплывчатый образ на сетчатке дает расплывчатый образ и в сознании. Неподвижная точка рисуется неподвижной, летящая птица кажется движущейся; слабо освещенные места изображения сознаются отененными, блестящие точки светятся и т. д. Словом, в отношении образов на сетчатке сознание является не менее верным зеркалом, чем сетчатка с преломляющими средами глаза в отношении внешнего предмета. Если же 1-й член в ряду сходен со 2-м, а 2-й с 3-м, то и 3-й сходен с 1-м. Значит, *неизвестный внешний предмет, или предмет сам по себе, сходен с его оптическим образом в сознании*»[1].

Зрительные ощущения дают правильный образ не только каждого отдельного предмета, но и групп воспринимаемых предметов. Чтобы проверить это, можно применить то же рассуждение, что и выше, считая только всю группу одним сложным предметом, состоящим из разнородных частей.

Но верно ли глаз отражает взаимное расположение предметов в пространстве? И на этот вопрос наука отвечает утвердительно. Для оценки расположения предметов в пространстве, их удаленности от нас мы по очереди переводим глаза с одного предмета на другой и при этом больше или меньше сводим оси глаз к носу; если предмет расположен близко, глаза сводятся сильнее, если дальше — они сводятся меньше. Чувство, связанное с сокращением мышц, производящих поворот глаз, позволяет оценивать углы поворота, а с этим непосредственно связано ощущение удаленности предмета от нас. В сущности человек, окидывая взглядом окружающий его ландшафт, проделывает глазами те же геометрические операции, какие проделывают топографы, производящие топографическую съемку местности. И как геометрические построения топографов дают верную картину взаимного расположения предметов в пространстве, так же в общем верную картину этого расположения дают зрительные ощущения. Конечно, оценка углов угломерными инструментами производится более точно, чем мышцами, поворачивающими глаз. Вследствие этого

[1] *И. М. Сеченов*, Избранные философские и психологические произведения, 1947, стр. 333.

и точность глазомерной съемки ландшафта будет меньшей; особенно это сказывается на значительно удаленных предметах. Но в общем и в этом отношении глаз верно воспроизводит действительность. Можно также показать, что глаз дает приблизительно верное отражение и относительной величины предметов.

Общим подтверждением правильности отражения внешнего мира в зрительных ощущениях может служить следующее. Человек, двигаясь даже на большой скорости между окружающими его предметами, нередко обладающими очень сложной формой и размещенными на его пути самым запутанным образом, успешно преодолевает все препятствия, руководствуясь показаниями глаз. Этот успех может быть достигнут только при том условии, что глаза дают верное и притом чрезвычайно быстро образующееся изображение предметов внешнего мира.

Отражениями, образами внешнего мира являются и другие ощущения. Можно поэтому говорить о световой и о звуковой «фотографии» процессов внешнего мира. Наши звуковые ощущения верно отражают звуковые движения тел. О том, что это действительно так, мы можем судить по показаниям физических приборов, точно регистрирующих звуковые движения тел. Когда начинается звучание тела, тогда же возникает и ощущение звука. С прекращением звуковых движений кончается и звуковое ощущение. В тот момент, когда звуковые движения меняются по интенсивности, частоте и продолжительности, звуковые ощущения изменяются по громкости, тону и длительности. Различию в тембре воспринимаемого звука отвечает объективное различие в характере звукового движения и т. п.

Ощущению (и восприятию) как форме отражения мира присущи две важные особенности: 1) ощущение есть *непосредственное* отражение материального мира (между ощущением как элементом сознания и отражаемой им объективной реальностью нет никаких промежуточных звеньев); 2) ощущение есть отражение определенных свойств *конкретных* материальных объектов: не цвета вообще, а цвета данного предмета в данный момент, при данных обстоятельствах; не веса вообще, а веса данного тела в данный момент, при данных обстоятельствах.

Человек представляет собою не только биологическое, но и общественное существо. Органы чувств человека являются продуктом не только биологического, но и общественного развития. Трудясь, воздействуя на природу, человек одновременно изменялся сам, изменялись его органы чувств. Глаз орла видит дальше, чем невооруженный глаз человека, но орел не различает и сотой доли того, что способен видеть человеческий глаз. Зрение, как и слух, осязание, обоняние, есть результат исторического развития человека. Способности ощущать, воспринимать свойственны всем людям, однако художник способен различать больше оттенков цветов, чем другие люди. Слух многих зверей способен уловить еле заметный шорох, но музыкально развитый

человек способен слышать неизмеримо большее число звуков, чем самое чувствительное ухо животного, например собаки.

Восприятие мира человеком не пассивно созерцательное, не мертвенно-зеркальное, а активное. Человек ощущает, воспринимает предметы и явления окружающего мира в процессе труда, общественной преобразующей деятельности. Это дает ему возможность глубже познавать мир. В процессе восприятия человеком окружающего мира играют роль не только воспринимаемые объекты и органы чувств, но и весь накопленный человеком и человечеством исторический опыт.

С многими предметами окружающей нас среды мы имеем дело часто. Благодаря многократно повторяющемуся восприятию одних и тех же предметов наш мозг приобрел способность воссоздавать цельные образы предметов не только тогда, когда они непосредственно возбуждают всю совокупность тех ощущений, которые они вообще способны вызывать у нас, но и тогда, когда они фактически вызывают только некоторые из группы этих ощущений. Когда я, например, смотрю на знакомый металлический подсвечник, то я его воспринимаю не как предмет, имеющий только определенную внешнюю форму, но как предмет твердый, холодный и тяжелый. Непосредственно подсвечник в данный момент не вызывает у меня ни осязательных, ни температурных ощущений, ни ощущений веса, так как я не прикасаюсь к подсвечнику. Но в прошлом такие ощущения возникали, когда я не только смотрел на подсвечник, но и брал его в руки, ощупывал, движениями руки оценивал его вес. Вследствие этого в моем сознании образовался прочный комплекс ощущений, дающий образ предмета в целом, *представление* о нем. Теперь, когда я только вижу подсвечник, получаю только зрительные ощущения, у меня по ассоциации возникает представление также о других свойствах этого тела.

Таким образом, мозг обладает способностью давать *представления* — образы таких предметов, которые в данный момент не вызывают в нас ощущений. Такие образы кажутся продуктом самопроизвольной деятельности сознания. Но это не так. Представления могут быть только о таких объектах, которые когда-либо реально вызывали в нас ощущения, следы которых и запечатлелись в мозгу. Подобно ощущениям и восприятиям, на основе которых они возникают, представления являются отражениями, образами материального мира.

Но как объяснить такие продукты психической деятельности мозга, как образы кентавра — получеловека-полулошади или русалки — полуженщины-полурыбы? Кентавров и русалок никто никогда не видел и не осязал, никаких ощущений кентавры и русалки не вызывали, поскольку их нет в природе. Тем не менее их умственные образы существуют. Не опровергается ли этим материалистическое положение, что ощущения, восприятия и представления суть образы, отражения объективной реально-

сти, материального мира? Нет, не опровергается. Об этом ясно свидетельствуют те элементы, из которых созданы образы кентавра и русалки. Люди, которые никогда не видели лошади и рыбы, не могли бы создать образы кентавра и русалки.

Поскольку представления не связаны с наличием ощущений в данный момент, они обладают относительной самостоятельностью и могут быть в уме соединены друг с другом произвольно. Воображение человека может сочетать элементы самых разнообразных представлений, созданных на основе когда-то имевшихся ощущений и восприятий, но в конечном счете все эти элементы есть отражения объективной реальности.

Даже самая безудержная фантазия имеет дело с материалом, который доставили ощущения, отражая внешний мир. Продукты человеческой фантазии, какими бы удаленными от действительности они ни казались, являются правильным или искаженным отражением реальности. К числу превратных, искажающих действительность представлений относятся бог, черт и т. п.; но и в этих фантастических образах ясно видны земные, человеческие черты: богу и черту приписываются те или иные человеческие свойства, только в преувеличенном виде.

В отличие от ощущений и восприятий в представлении предметы и явления внешнего мира отражаются не со всем многообразием индивидуальных особенностей, а без ряда деталей; в представлении выдвигаются на первый план некоторые *общие, типические* черты сходных предметов и явлений.

Мышление, оперирующее *понятиями*, тоже является отражением внешнего мира. Эта форма отражения мира также невозможна без ощущений. Но в отличие от ощущений, восприятий и представлений мышление не имеет конкретно-чувственного характера и отражает не только отдельные вещи и явления, а главным образом *общее* в вещах и явлениях, их внутреннюю сущность, свойственные им связи, закономерности. Это обобщенное отражение действительности осуществляется абстрактным мышлением с помощью *понятий*.

Возьмем, иапрнмер, понятие «масса». По своему содержаиию оио является отраженнем того объектнвиого свойства, общего для всех без исключення матернальных тел (будь оии большими нлн малеиькими, гладкнми нлн шероховатымн, чериыми нлн белыми, холодными нлн горячнми, пахучимн нли ие обладающими запахом и т. д. н т. п.), что для определениого измеиеиия их скоростн за данный промежуток времеии к ним требуется прилoжить определениую снлу. При этом не имеют зиачения ие только особенностн тел, но и различня тех сил, которые прнкладываются к этнм телам. Но, чтобы привести к поиимаиию того, что в телах есть это общее для них свойство, отражаемое в понятни «масса», ощущения должиы были отразить в мозгу человека миллионы конкретных случаев нзменеиия скорости тел под воздействием сил.

Правильным отражением материального мира являются и все подлинно *научные теории*, какими бы отвлеченными и абстрактными по своей форме они ни были. Возьмем теорию движения «идеальной жидкости» в гидродинамике. Идеальная жидкость—

такая жидкость, которая не обладает внутренним трением (вязкостью) и теплопроводностью. Жидкости, в точности обладающей такими свойствами, в природе нет. Значит ли это, что теория движения такой жидкости не отражает ничего реального? Нет, не значит. В определенных условиях у некоторых жидкостей вязкость так мала, что она не оказывает существенного влияния на характер их движения; несущественной оказывается и их малая теплопроводность. Понятие идеальной жидкости является отражением реальной жидкости именно в таких условиях, а теория движения идеальной жидкости — отражение течения реальной жидкости.

«Теория физиков,— отмечал Ленин,— оказывается отражением существующих вне нас и независимо от нас тел, жидкостей, газов, причем отражение это, конечно, приблизительное, но «произвольным» назвать это приближение или упрощение неправильно»[1]. То же относится и ко всем научным теориям в других отраслях знания.

Отражение мира в абстрактном мышлении не является непосредственным, ибо между мыслью и объективной реальностью стоят ощущения, восприятия и представления.

Правильное и всестороннее познание достигается долгой и трудной работой ума; эта работа может сопровождаться и ошибками. К таким ошибкам, например, относятся существовавшие некогда понятия «теплорода» — невесомой тепловой материи, а также «флогистона». Но даже и в этих ошибочных понятиях отражались некоторые особенности реальных явлений. Так, в понятии «теплорода» отразились некоторые свойства тепловых потоков, что позволило создать теорию теплопроводности, основные положения которой сохранили свое значение до сих пор.

Как можно отличить верное знание, объективное отражение материального мира от ошибок и заблуждений? Имеется ли в распоряжении человечества надежное средство для проверки правильности отражения действительности сознанием? Да, такое средство имеется. Это — практическая деятельность людей. В главе X мы специально остановимся на вопросе о критерии истины и выясним диалектику познания, законы его развития.

«Основное отличие материалиста от сторонника идеалистической философии,— подчеркивал Ленин,— состоит в том, что ощущение, восприятие, представление и вообще сознание человека принимается за образ объективной реальности. Мир есть движение этой объективной реальности, отражаемой нашим сознанием. Движению представлений, восприятий и т. д. соответствует движение материи вне меня»[2].

Способность мозга отражать внешний мир в ощущениях, представлениях и понятиях, конечно, поразительна. Это и дало

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 53.

[2] Там же, стр. 254.

идеалистам повод поставить сознание в исключительное положение по отношению ко всем явлениям мира, по сути дела обожествить его, наделив сверхъестественной силой. Но ничего сверхъестественного в нем нет. Сознание — одно из свойств материи. Правда, оно присуще только особым образом организованным материальным телам. Но это не значит, что сознание возникает в организованной материи совсем внезапно, не имея основания в каких-то других, более простых свойствах материи.

Ощущение закономерно вырастает из развития и совершенствования способности отражения, присущей всей материи. Ленин указывал, что неправильно думать, будто вся материя «сознательна», но «логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения...»[1]

Что же это за свойство? Все без исключения материальные тела так или иначе взаимодействуют друг с другом. Простейшая форма отражения, присущая всей материи, есть такое реагирование одних материальных объектов на воздействия других, при котором особенности внешних воздействий как-то воспроизводятся, запечатлеваются в материальных объектах. Хорошо известна такая форма отражения в неорганической природе, как отражение предметов в зеркале. Сущностью его является перераспределение лучей светового потока под воздействием предметов и зеркала. Пространственное перераспределение лучей — это реакция светового потока на воздействия предметов и зеркала, а в особенностях перераспределения лучей запечатлеваются особенности отраженных предметов. Изменение свойств железа под действием магнитного поля есть тоже своеобразное отражение. Изменение свойств железа является его реакцией на внешнее воздействие, а в его намагниченности запечатлеваются особенности последнего.

Характер отражения, являющегося результатом внешних воздействий, определяется как природой воздействий, так и особенностями, качественной спецификой отражающего тела. Возникновение все более сложных материальных объектов, могущих вступать во все более сложные связи и взаимодействия с другими телами, ведет к появлению новых, более сложных форм отражения. Наиболее простым из известных материальных объектов соответствует *физическая форма отражения*, выражающаяся в таком изменении физического состояния этих объектов и появлении таких физических реакций, которые стоят в закономерном отношении к этим внешним воздействиям. Так, электрон отвечает на воздействующее на него внешнее электрическое поле изменением скорости (ускорением), изменением структуры собственного поля, испусканием электромагнитного излучения. В этих изменениях определенным образом запечатлеваются особенности воздействующего поля.

С появлением белковых тел возникла новая, присущая им форма отражения — *чувствительность*. Белки обладают необычайной пластичностью и глубоко реагируют на воздействия внешней среды. При одних воздействиях происходит более или менее резкое изменение физических и химических свойств белка (необратимая или обратимая «денатурация белка»); при других имеют

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 81; см. так же стр. 34.

место очень тонкие изменения структуры, адекватные новым условиям среды, и появление новых каталитических свойств (т. е. свойств резко ускорять или замедлять течение химических реакций), обладающих приспособительным характером по отношению к изменившимся внешним условиям. Одним из проявлений чувствительности белковых тел является их способность изменять свои размеры и форму под действием внешних факторов, связанная с наличием в структуре белка особых частей — реактивных или функциональных групп.

Возникновение живого вещества сопровождалось появлением еще более сложной *биологической формы отражения — раздражимости*, по отношению к которой чувствительность белков является только своего рода «химическим предшественником». Раздражимость есть способность всего живого отвечать на внешние воздействия ускорением или ослаблением обмена веществ, изменением скорости роста, пространственным перемещением и т. п., в результате чего достигается приспособление организма к изменившимся условиям среды. Развитие жизни шаг за шагом вело к усложнению этой формы отражения. У простейших организмов раздражимость в равной степени присуща всем участкам тела, и они могут реагировать на внешние воздействия только при непосредственном контакте с источником этих воздействий. При этом размер области раздражения соответствует размеру той области, в которой сосредоточено внешнее воздействие. В ходе эволюции происходила дифференциация, специализация различных тканей тела живых организмов. Наиболее пластичные ткани и части тела, лучше всего воспринимающие внешние воздействия, становились постепенно как бы посредниками между всем организмом и средой, превращались в особые органы отражения. В дальнейшем в них постепенно формировались различные, еще более дифференцированные элементы, приспособленные к выполнению строго определенных функций в едином процессе биологического отражения. В первую очередь формировались элементы, обладающие особой способностью передавать раздражение из области, в которой раздражитель действует непосредственно, в другие участки тела, где действие внешнего раздражителя отсутствует. Благодаря этому раздражение стало свойством не статическим, местным, а распространяющимся. При такой специализации раздражение возникает значительно быстрее после начала действия раздражителя, чем прежде, и по мере усовершенствования организмов стало обладать все большей скоростью распространения. Таким образом, отражение организмом внешних воздействий стало значительно совершенней, адекватней внешним воздействиям. К тому же самому вело образование и других специализированных тканей (мышечная ткань, железы и т. п.), выполняющих вполне определенные, свойственные им функции. Существенно новые особенности раздражимости дифференцированных тканей дали основание выделить ее особо, назвав *возбудимостью*, под которой подразумевается реагирование специализированных тканей на внешние воздействия специфическим образом: нервные ткани — возникновением распространяющегося нервного импульса; мышечные ткани — сокращением или расслаблением; железы — выделением соответствующего секрета и т. д.

На основе углубляющейся специализации функций различных тканей и частей тела организмы в ходе их эволюции достигали все большего совершенства в отражении условий внешней среды. Вместе с тем происходило и изменение строения самих организмов, совершающееся соответственно условиям окружающей среды. Как подчеркивал И. В. Мичурин, «каждый орган, каждое свойство, каждый член, все внутренние и наружные части всякого организма обусловлены внешней обстановкой его существования. Если организация растения такова, какова она есть, то это потому, что каждая ее подробность исполняет известную функцию, возможную и нужную только при данных условиях. Изменись эти условия — функция станет невозможной или ненужной, и орган, выполняющий ее, постепенно атрофируется» [1]. Таким образом, функции и строение органов живых существ являются адекватным биологическим отражением условий внешней среды.

[1] *И. В. Мичурин*, Соч., т. 1, М., 1948, стр. 590.

Организм и среда — единство. Это составляет важнейшее положение мичуринского учения о развитии живой природы. Оно позволяет рассматривать биологическое отражение с очень широкой точки зрения. Биологическим отражением следует считать не только те или иные конкретные реакции организмов на данные воздействия внешней среды в данный момент времени, но и весь бесконечный эволюционный процесс развития организмов, в ходе которого они адекватно приспосабливаются к изменяющимся условиям внешней среды.

С возникновением у организмов развитой нервной системы, выросшей из тех тканей, которые специализировались в передаче раздражений, биологическое отражение приобрело новые черты, имеющие принципиальное значение. Конечно, сущность биологического отражения не изменилась — оно по-прежнему состоит в установлении такой связи организма со средой, при которой особенности организма, его действия приводятся в соответствие со средой. Но при наличии центральной нервной системы связи организма со средой устанавливаются не только через посредство таких факторов среды, которые имеют для животного прямое биологическое значение (так называемые биотические факторы), но и через посредство множества факторов, не имеющих непосредственного биологического значения (абиотические факторы). Эти последние служат лишь предвестниками, сигналами появления факторов, имеющих для животного прямое биологическое значение. Подобные связи устанавливаются в процессе индивидуального развития животных в тех случаях, когда действие некоторого абиотического фактора по тем или иным причинам непосредственно предшествует действию на животное некоторого биотического фактора. Если такое совпадение имело место достаточное число раз, то даже тогда, когда биотический фактор будет отсутствовать, наличие одного второго, абиотического, фактора вызовет у животного ту же реакцию, какую вызывал первый фактор, имеющий непосредственное жизненное значение. Так, если перед кормлением собаки у нее на глазах где-то поблизости зажигается лампочка, то после ряда таких совпадений появления пищи и зажигания лампочки у собаки будет выделяться слюна даже тогда, когда лампочка загорается, а пища отсутствует. Зажигание лампочки, не имеющее непосредственного биологического значения и являющееся само по себе для собаки совершенно безразличным, при этих условиях стало служить для нее *сигналом* появления пищи — фактора, имеющего биологическое значение. Этот сигнал вызывает ту же реакцию, что и сигнализируемый светом лампочки фактор. Ответные реакции животных не на биотические факторы, а на их сигналы, вырабатываемые каждым животным в процессе его индивидуальной жизни, на основе его опыта существования в данных условиях, были впервые открыты И. П. Павловым, который назвал их *условными рефлексами*. До открытия Павлова были известны только так называемые *безусловные рефлексы*, представляющие собой ответные реакции животных на непосредственные биотические факторы, реакции, которые выработаны в процессе эволюционного развития животных данного вида, прочно закреплены и передаются по наследству из поколения в поколение. К безусловным рефлексам относятся, например, выделение слюны у животных при приеме пищи, моргание при внезапном появлении какого-то предмета перед глазами и т. п. Наиболее сложные безусловные рефлексы называются инстинктами. Названием «условный» подчеркивается то обстоятельство, что та же самая реакция животного могла бы при соответствующих условиях вызываться любым другим абиотическим фактором, если бы его действие совпадало по времени с действием фактора биологического. Условные рефлексы подвижны и изменчивы. Одни из них могут пропадать, если условия, при которых они возникли, не повторяются, а другие возникать соответственно изменяющимся условиям жизни животного. И именно с их помощью происходит наиболее совершенное приспособление высокоразвитых организмов к окружающей среде. Безусловные же рефлексы, очень устойчивые и характерные для всего данного вида животных в целом, являются той основой, на которой формируются рефлексы условные. Между рефлексами обоих типов нет абсолютной непереходимой грани. Как указывал И. П. Павлов, существует возможность превращения условных рефлексов в безусловные.

Совокупность безусловных и условных рефлексов животных есть не что иное, как наиболее высокая форма отражения ими условий их существования; в безусловных рефлексах отражено то, что является почти совсем не меняющимся на протяжении жизни вида; в условных рефлексах запечатлено многообразие меняющихся факторов, воздействующих на животное, и многообразие его связей со средой. Отражение мира в рефлексах подчиняется особым закономерностям, раскрытым в учении И. П. Павлова об условных рефлексах, о высшей нервной деятельности, являющемся великим достижением современного естествознания.

Особое значение условного рефлекса в ряду других форм отражения, присущих различным по своей сложности видам материи, состоит в следующем: во-первых, условный рефлекс является видом деятельности высшего отдела центральной нервной системы животных — их головного мозга; во-вторых, условный рефлекс уже не есть чисто физиологический процесс, но является вместе с тем и *психическим явлением.* Это — наиболее элементарное психическое явление.

В ходе развития животного мира условно-рефлекторная деятельность головного мозга постепенно усложнялась и совершенствовалась. Однако она не была лишь пассивным следствием биологического эволюционного процесса. Раз возникнув, она стала действенной силой этого процесса. Наличие отражения действительности в условных рефлексах создало чрезвычайно благоприятные условия для ускорения эволюции животного мира, так как благодаря этому отражению обеспечивалась быстрая и адекватная перестройка функций и строения организма в соответствии с условиями среды. Тем самым приближалось наступление той эпохи, когда на Земле впервые появился человек с присущей ему специфической *человеческой формой отражения* действительности.

Рассмотрим характерные черты этой новой формы отражения. Животные отражают внешнюю среду только в связи с их чисто биологическими потребностями — в первую очередь то, что непосредственно относится к основным биологическим условиям их существования, и из остального многообразия явлений окружающего мира то, что стало сигналами этих биологических условий. Это отражение не является осознанным. Главную роль в нем играет отражение с помощью сигналов. Сигналами действительности служат для животных явления абиотического характера, вступившие во временную связь с биотическими явлениями. Совокупность таких сигналов, выражающую все богатство связей животного с внешними условиями, И. П. Павлов назвал *первой сигнальной системой.* У животных она является единственной. Так как сигналами этой системы служат лишь конкретные тела и явления, то и складывающаяся на ее основе психика животных, даже в самых ее наивысших формах, оказывается конкретно-чувственным отражением — «конкретно-чувственным мышлением».

Первая сигнальная система свойственна не только животным, но и человеку. У детей в самые ранние годы их жизни она является основной; у взрослых людей она также занимает существенное место. Но у человека она является не единственной и да-

леко не исчерпывает всего содержания человеческой формы отражения действительности. Решающую роль у человека играет *вторая сигнальная система*, которая коренным образом отличает свойственный ему способ отражения от отражения даже у самых высших животных. Вторую сигнальную систему образуют слова — слышимые и видимые, человеческая речь. Слова — такие же реальные раздражители, как и все другие внешние раздражители, но их особенность в том, что они служат обозначением, сигналами тех тел или явлений, которые образуют первую сигнальную систему. Следовательно, они являются сигналами сигналов.

«В человеке,— писал И. П. Павлов,— прибавляется... другая система сигнализации, сигнализация первой системы — речью... Этим вводится новый принцип нервной деятельности — отвлечение и вместе обобщение бесчисленных сигналов предшествующей системы...— принцип, обусловливающий безграничную ориентировку в окружающем мире и создающий высшее приспособление человека — науку...»[1]

Уже из той роли, которую играет слово, речь по отношению к первой сигнальной системе (это сигналы сигналов), следует, что обе сигнальные системы функционируют не изолированно, а в тесной связи и взаимодействии друг с другом. Вторая сигнальная система вырастает только на основе первой и несет на себе следы ее особенностей; первая в силу наличия второй сигнальной системы формируется как осознанное чувственное отражение.

То, что отражено в первой сигнальной системе и что затем сигнализируется словом, становится *осознанным*. Осознанный характер человеческого отражения является главной его особенностью, отличающей его от отражения, свойственного животным. Подчеркивая эту особенность, его и называют *сознанием*.

Человеческая форма отражения (сознание) имеет еще одну важнейшую черту: сознание оказывается чрезвычайно активным фактором в трудовом воздействии человека на природу. Благодаря труду человек устанавливает соответствие между собой и внешними условиями не только путем изменения себя, своих действий, но и путем изменения внешних, природных условий. Животные же только приспосабливаются к внешней среде. Сознание человека, явившееся продуктом исторических, общественных условий его существования, его общественной практики, само становится могучим фактором в практической деятельности.

Осознанность отражения людьми внешнего мира делает их поведение контролируемым их собственным разумом. Человек не является каким-то автоматом, подчиняющимся действию ка-

[1] *И. П. Павлов*, Собрание сочинений, т. III, кн. 2, изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1951, стр. 214—215.

ких-то «подсознательных», «иррациональных» сил, «слепых инстинктов», как это стремятся представить, например, фрейдисты. Разум и воля играют огромную роль во всем поведении человека. Это отличает его от животных и возвышает над всей остальной природой, частью которой он является. Но человек — не только природное, а прежде всего социальное существо. Поэтому в его поведении, как мы увидим ниже, решающее значение приобретают именно условия его социального бытия. Эти условия определяют его разум, сознание и волю (см. об этом в разделе «Исторический материализм»).

Рассмотрение исторического пути развития того свойства материи, которое В. И. Ленин назвал свойством отражения, приводит нас, таким образом, к выводам: 1) сознание появилось только на определенном этапе развития материи; 2) сознание неразрывно связано с наиболее высокоорганизованным видом материи — головным мозгом человека, является его функцией; 3) по самому своему происхождению, по своему содержанию, по своей роли сознание является не чем иным, как наиболее совершенным отражением материального мира; 4) как сам человек, так и его сознание являются результатом труда.

Эти выводы служат подтверждением глубокой правильности решения основного вопроса философии, даваемого марксистской философией; из них вытекает, что материя первична, а сознание вторично.

Это надо понимать не только в том смысле, что сознание порождается материей, но и в том, что содержание сознания определяется той материальной действительностью, которую оно отражает.

История развития свойства отражения вместе с тем дает ответ и на вопрос о познаваемости мира. Если с самого начала сознание возникало и формировалось как свойство отражения мира, как средство ориентировки в окружающей материальной действительности, то самый факт надежности ориентировки говорит о том, что сознание, проверенное практикой, представляет собой *верное* отражение действительности.

3. Критика „теории символов". Объективная истина

Положение о том, что сознание есть отражение материального мира, является основой материалистической теории познания. Если сознание есть отражение внешнего мира, то, значит, оно вторично по отношению к этому миру, а мир существует объективно, независимо от сознания. Ибо отражение не может существовать без того, что отражается, а отражаемое существует независимо от своего отражения. Признать это — значит отвергнуть точку зрения идеализма и стать на точку зрения материализма.

Одним из аргументов, при помощи которых идеалисты пытаются опровергнуть *теорию отражения*, служит тот факт, что, например, световые ощущения порождаются не только действием света на глаз, но и другими воздействиями, в частности ударом по глазу или электрическим током. На основании этого немецкий физиолог И. Мюллер создал теорию, согласно которой ощущения зависят не от воздействий предметов внешнего мира, а от самих органов чувств, от присущей им «специфической энергии». Каково бы ни было воздействие на глаз, он всегда отвечает одним и тем же — световым ощущением; подобное относится и к другим органам чувств. Значит, заключил Мюллер, наши ощущения не являются отражениями окружающего нас материального мира. Эти взгляды Л. Фейербах назвал «физиологическим идеализмом». Соображения, выдвинутые «физиологическими идеалистами», не могут быть признаны убедительными.

Правильно подчеркивая специфичность реакции органов чувств, И. Мюллер, однако, ошибочно трактовал эту их специфичность как некое изначально данное свойство. В действительности эта их способность не независима от внешних воздействий, а обусловлена природой внешних раздражителей. Она сложилась в долгом эволюционном процессе на основе приспособления функций органов чувств к действию определенных внешних раздражителей. Глаз, например, приспособился к восприятию воздействий световых лучей; он воспроизводит на сетчатке структуру световых пучков, и на основе возбуждения в мозгу рождается зрительное ощущение — образ, сходный с рассматриваемым предметом. Конечно, различные раздражители, действующие на один и тот же орган чувств, в частности на глаз, вызывают ощущения одинакового типа. Но нельзя игнорировать огромную разницу между тем световым ощущением, которое мы получаем, разглядывая, скажем, развернувшийся перед нами пейзаж, и тем ощущением, которое возникает при ударе по глазу. Первое — определенная осмысленная картина, полная гармонии красок и форм, обладающая четко выраженной структурой, закономерным соподчинением всех частей. Второе — нечто неопределенное и бесформенное, не имеющее ясного образа, структуры и индивидуальности. По своей основе световые ощущения, полученные от рассматривания предметов и от удара по глазу, как будто сходны. Нервная система и мозг в обоих случаях имеют дело с одинаковым по типу, по природе материалом, подобно тому как одинаковы краски и на палитре и на картине. Но этот материал имеет совершенно различную форму (хаос цветовых пятен на палитре и картина), и это-то различие как раз и имеет решающее значение. Благодаря соответствующей форме световые ощущения и создают образы предметов внешнего мира.

Выдающийся естествоиспытатель XIX в. *Г. Гельмгольц*, будучи сторонником взглядов Мюллера, считал, что, хотя ощу-

щения и возникают от действия внешних предметов на органы чувств, они тем не менее никакого сходства с этими внешними предметами не имеют, а являются всего лишь их символами или знаками. Гельмгольц в своем труде «Физиологическая оптика» писал: «...Я обозначил ощущения как *символы* внешних явлений и я отверг за ними всякую аналогию с вещами, которые они представляют» [1]. Это была очень серьезная ошибка, подрывающая исходную материалистическую посылку Гельмгольца о существовании предметов вне наших ощущений.

В одной из своих работ *Г. В. Плеханов*, излагая в целом правильные материалистические взгляды, назвал ощущения не отражениями, не образами, не копиями материальных предметов, а их как бы иероглифами. Ввиду исключительной важности этого вопроса В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» специально разобрал теорию символов, или иероглифов.

Теория символов, или иероглифов, вносит в теорию познания недоверие к показаниям органов чувств. Она ведет к сомнению в существовании предметов вне нас, так как символы, знаки или иероглифы возможны и по отношению к тому, чего на самом деле нет. Примером таких символов мнимых предметов являются изображения богов в различных религиях.

Органы чувств открывают нам объективную реальность; с их помощью мы познаем ее — это признает каждый человек, не сбитый с толку идеалистической философией. «Теория символов,— писал Ленин, — не мирится с таким (всецело материалистическим, как мы видели) взглядом, ибо она вносит некое недоверие к чувственности, недоверие к показаниям наших органов чувств. Бесспорно, что изображение никогда не может всецело сравняться с моделью, но одно дело изображение, другое дело символ, *условный знак*. Изображение необходимо и неизбежно предполагает объективную реальность того, что́ «отображается». «Условный знак», символ, иероглиф суть понятия, вносящие совершенно ненужный элемент агностицизма» [2].

Таким образом, нельзя быть до конца последовательным в теории познания материализма, не защищая той точки зрения, согласно которой ощущения — это отражения, образы, копии предметов и явлений материального мира, а не их условные знаки или иероглифы. Считать ли ощущения образами, копиями предметов внешнего мира или их символами, это спор не о словах, не о терминах, а о са́мом существе теории познания.

---

[1] Цит. по книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», Соч., т. 14, стр. 220.

[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 223.

Пытаясь посеять недоверие к показаниям органов чувств, ведущее, как мы видели, к сомнению в существовании объективной реальности и даже к ее прямому отрицанию, противники материализма очень часто ссылаются на так называемые «обманы чувств».

Возьмите, говорят они, такой факт: в одной и той же комнате, в одних и тех же условиях находятся металлический и деревянный предметы. Вы прикасаетесь рукой сначала к одному из них, а затем к другому и ясно ощущаете, что металлический предмет холоднее деревянного. Но вы берете термометр и убеждаетесь в том, что на самом деле температура обоих предметов одинакова. Чувства явно обманули вас! Более того, органы чувств могут дать в одно и то же время прямо противоположные показания об одном и том же предмете. Подержите правую руку в горячей воде, а левую — в холодной, после чего опустите их в сосуд с водой комнатной температуры. Правая рука будет свидетельствовать, что эта вода холодная, а левая — что вода теплая. Что же правильно? Можно ли в таком случае положиться на показания органов чувств?!

Но действительно ли показания нормально функционирующих органов чувств обманывают нас и не дают правильного отражения объективной реальности? Рассмотрим названный пример. Температура нашей руки около 36° С, температура же рассматриваемых предметов комнатная, т. е. 18—20° С. Когда мы прикасаемся к ним, то теплота переходит от руки к этим предметам, так как по законам физики теплота переходит от более нагретых тел к менее нагретым. Но в случае деревянного предмета отток тепла с руки идет медленно, потому что дерево проводит тепло плохо и в основном нагревается только та его часть, с которой рука находится в прямом контакте. В случае же металлического предмета отток тепла с руки идет интенсивно, так как металл хорошо проводит тепло и оно распространяется по всему металлическому предмету. То, что показывают кожные ощущения руки, соприкасающейся с деревянным и металлическим предметами, как раз и отражает разницу в скорости тепловой отдачи. Эти ощущения не только не обманывают нас, но, наоборот, отражают нам новую сторону действительности — различную теплопроводность дерева и металла и наталкивают нас на необходимость тщательного изучения действительности.

Так же разъясняется и противоречивость показаний органов чувств. Они не обманывают нас, а отражают то, что процессы в телах идут по-разному в зависимости от того, что происходило с телами раньше, какова была их предыдущая «история», до начала данного процесса. В нашем случае правая рука была нагрета, а левая — охлаждена. Когда же мы их погрузили в одну и ту же воду, правая рука стала охлаждаться, а левая — нагреваться. Именно это и показывают наши ощущения. Заме-

ните руки двумя термометрами, один из которых вынут из кипятка, а другой принесен с мороза, и опустите их в один и тот же сосуд с водой. Что покажут они? На одном из них температура будет понижаться, а на другом повышаться. Вы можете задать тот же вопрос: какому же из них верить? Но разве не ясно, что верить надо им обоим. То же самое и с нашими ощущениями. Если обе руки пробудут в воде достаточно долго и влияние резкого различия в их начальных состояниях перестанет сказываться, то тепловые ощущения в обеих руках станут одинаковыми. И в этом случае также можно спокойно положиться на их показания: через определенное время оба термометра станут показывать одну и ту же температуру.

Из сказанного следует, что показания органов чувств, являющиеся источником всех наших знаний о мире, надо *уметь* правильно читать и анализировать, и тогда окажется, что они отражают гораздо больше и правильнее, нежели мы думали первоначально. Пусть это не удивляет нас. Фактически в нашей жизни мы постепенно учимся раскрывать смысл того, что дают нам показания органов чувств. Ребенок в раннем детстве не воспринимает различия в удаленности предметов; Луна ему кажется не более далекой, чем мячик, и он с одинаковым старанием хочет схватить и то и другое. Взрослый слепорожденный, которому с помощью операции восстановили зрение, в первое время после операции не воспринимает удаления предметов; ему кажется, будто все вещи находятся вблизи от него, и он боится наткнуться на предметы, от которых он находится далеко. Только постепенно он приобретает умение правильно пользоваться органом зрения и с его помощью открывает все новые и новые стороны действительности. Но «уметь пользоваться» органами чувств — значит связывать их деятельность с деятельностью мышления. Только в неразрывном единстве ощущений и мышления достигается правильное отражение действительности.

Итак, не может быть и речи о принципиальном недоверии к показаниям органов чувств. Но это не означает, что ощущения создают совершенно точный образ объективной реальности в тот самый момент, как только она становится предметом восприятий наших органов чувств. Первоначально возникший образ материальных предметов постепенно уточняется, обогащается, совершенствуется на основе многократно повторяющихся восприятий, работы мысли и ее проверки различными органами чувств, на основе многосторонней практической деятельности человека.

Отражение вещей в нашем сознании не есть однократный мгновенный акт, не есть неподвижный мертвый слепок, а *процесс*, проходящий различные стадии, активный процесс исканий, проб, иногда приводящий к отлету мысли от реальности. Как художник, вооружившийся холстом и красками, не может

создать картину, если он будет пассивно сидеть около них, не работая кистью, так и другие люди не смогут глубоко отразить в сознании внешний мир, если они не будут активными и деятельными, ставя вещи в различные отношения друг к другу. О том, как именно происходит процесс познания, какова его диалектика, будет сказано в главе X.

В. И. Ленин указывал, что «ощущение есть субъективный образ объективного мира...» [1] Это значит, что образ (отражение) существует в сознании субъекта, что он не материален, а *идеален*. Он существует в формах, обусловленных строением и природой деятельности нервной системы, мозга. Но этот субъективный образ есть отражение *объективного* мира. Отражение материального мира в сознании объективно по своему происхождению, по своему источнику, по своему содержанию. В наших ощущениях, в сознании есть то, что не зависит от субъекта, не зависит от сознания человека и человечества. Такие представления и мысли, содержание которых соответствует объектам, отражаемым сознанием, и потому не зависит ни от человека, ни от человечества, называются *объективной истиной*.

Признание объективной истины является одним из основных положений материализма. «Быть материалистом,— писал Ленин,— значит признавать объективную истину, открываемую нам органами чувств» [2].

Тот факт, что существует объективная истина, означает, что мир не только материален, но и познаваем, ибо познаваемость мира и есть возможность постижения объективной истины. Признанием объективной истины материализм дает правильное решение и второй стороны основного вопроса философии и опровергает агностицизм.

То, что сознание дает правильный образ действительности не сразу, а лишь шаг за шагом, вводит агностика в бездну сомнений. Он недоумевает: можем ли мы в таком случае познать объективную реальность? А раз сомнительно, познаем ли мы ее правильно, то как же мы можем знать, существует ли сама эта объективная реальность?

Но все эти сомнения — плод метафизического, антидиалектического подхода к процессу познания. Из того, что действительность не познается нами сразу вся, не вытекает вывод, будто то, что известно о ней теперь, неправильно. Агностики отрицают объективную истину. Но ее существование выражается уже в том, что, исходя из наших знаний о вещах, о внешнем мире, мы на практике получаем в общем те результаты, которые мы ожидаем. Если же этого не получается, мы рано или поздно находим ошибки в наших знаниях и рассуждениях и исправляем их.

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 106.
[2] Там же, стр. 120.

Остроумно высмеял бесплодную скептическую схоластику агностицизма Н. Г. Чернышевский в статье «Характер человеческого знания» на примере рассуждений агностика о том, имеет человек руки или нет. Чернышевский писал: «...человеку, которому кажется, что обе руки у него целы, кажется, что у него две руки; и если б ему было известно, что у него есть руки, то у него было бы две руки; но есть у него руки или нет, это не известно ему и не может быть известно ни ему, ни кому из людей. Мы знаем только наши представления о предметах, а самих предметов не знаем и не можем знать. Не зная предметов, мы не можем сличать с ними наши представления о них; потому не можем знать, походят ли наши представления о предметах на предметы. Быть может, походят; но, быть может, не походят... Мы имеем представление о руке. Следовательно, существует нечто, возбуждающее в нас представление о руке. Но мы не знаем и не можем знать, сходно ли наше представление о руке с этим «нечто», возбуждающим его. Быть может, сходно: в таком случае, то, что мы представляем себе как руку, действительно рука, и у нас действительно есть руки. Но, быть может, наше представление о руке не сходно с действительно существующим нечто, к которому мы относим его; в таком случае, то, что мы представляем себе как руку, не существует, и у нас нет рук; вместо рук у нас есть какие-то группы чего-то, какие-то, непохожие на руки, группы чего-то неведомого нам, но рук у нас нет...» [1]

Объективная истина такова, что она, во-первых, не зависит от того, признает ее мало или много людей. Очень часто, особенно если речь идет о сложных вопросах науки, вначале ее признают совсем немногие. Во-вторых, рано или поздно она завоевывает умы, преодолевая предрассудки и заблуждения, даже если последние поддерживаются силой. Вспомним учение Коперника. Преследование церковью сторонников этого учения не смогло остановить его распространения. Возьмем марксизм. Сто лет назад его признавала лишь горстка людей. Теперь марксизм стал учением миллионных масс, завоевавшим их умы и сердца. В-третьих, объективная истина, если она правильно применяется, приводит к успешным результатам в практической деятельности.

Пожалуй, на свете нет философов, которые утверждали бы, что истины вообще нет. Такие философы сразу потерпели бы фиаско, запутавшись в безвыходных противоречиях. Они не смогли бы даже сказать, что истинно их отрицание истины, ибо тем самым они уже признали бы, что существует хотя бы одна истина и, следовательно, вся их позиция рушится. Многие противники материализма отрицают не истину вообще, а «только» объективную истину. Толкуя на свой лад истину, одни из них (махисты) объявляют истинным то, что «общезначимо», а другие (прагматисты) — то, что приносит успех.

В объективности — сущность истины. Без объективности истины просто нет. Поэтому попытки махистов и прагматистов сконструировать «истину» без признания ее объективности ничего общего не имеют с реальным всесильным, могучим познанием. Конечно, объективная истина рано или поздно становится «общезначимой», т. е. общепризнанной, но не в этом ее

[1] *Н. Г. Чернышевский*, Избранные философские сочинения, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 536—537.

сущность. Важно не то, сколько людей признает ее (ибо она не зависит ни от человека, ни от человечества), а то, что она правильна, соответствует объективной реальности. Известно, что ложные учения, например религиозные верования, нередко завоевывали умы чрезвычайно большого количества людей, но от этого они не становились правильными. То или иное положение является истиной не потому, что оно общезначимо, а потому, что правильно отражает действительность и подтверждается практикой.

Верно, что истина, правильно примененная на практике, приводит к успеху. Но далеко не все, что вообще приносит успех, есть истина. Тот факт, что ложь и фальшь приносят порой «успех» нечестным людям, доказывает это.

Объективная истина — вот то бесценное сокровище, ради достижения которого неустанно работают, дополняя друг друга, наши чувства и наше мышление и благодаря которому человеческое познание поднимается с одной ступени на другую.

4. Речь и мышление

Обобщенное, абстрактное мышление в понятиях, выражаемых с помощью слов, свойственно только человеку. Биологическая эволюция довела развитие животного мира до того пункта, у которого мы находим непосредственных предшественников людей — обезьяноподобных предков человека с высокоорганизованной нервной системой, способной к дальнейшему совершенствованию. Но превращение предков человека в человека было делом уже новых, не биологических факторов, а результатом общественного труда, ставшего исходным пунктом развития, невиданного в остальной природе. Труд в известном смысле создал человека, писал Энгельс. И именно благодаря трудовой деятельности у человека появились речь и мышление.

Уже первые применения естественных предметов природы в качестве орудий труда и в особенности сознательное изготовление орудий необычайно расширили кругозор первобытного человека, открыв ему новые свойства окружающих его предметов. В дальнейшем в процессе общественного труда люди делали все новые и новые открытия, обогащавшие круг их чувственных восприятий и представлений и постепенно развивавшие их мышление. В свою очередь мышление давало новые возможности для развития трудовой деятельности, и людям становились все более ясными преимущества совместного труда. «Коротко говоря,— отмечает Ф. Энгельс,— формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась *потребность что-то сказать* друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции,

а органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим»[1]. Так родилась членораздельная речь, язык, а с нею вместе мышление. Речь и мышление не могли возникнуть в качестве какой-то личной особенности того или иного индивидуума. По своему источнику и содержанию речь и мышление носят ярко выраженный общественный характер. Как указывали Маркс и Энгельс, «сознание... с самого начала есть общественный продукт и остаётся им, пока вообще существуют люди»[2].

Возникнув, речь оказывает огромное влияние на всю трудовую деятельность. Без языка невозможно рационально налаженное общественное производство в сколько-нибудь значительных масштабах. Речь воздействует и на самих людей, пользующихся ею. Труд и членораздельная речь становятся двумя главными факторами, под влиянием которых совершенствуется мозг. А это сопровождается совершенствованием всех органов чувств. Как сильно трудовая деятельность влияет на развитие органов чувств, можно судить хотя бы на основании следующих примеров[3]. Опытные текстильщики, специализирующиеся на выработке черных тканей, различают до 40 оттенков черного цвета, в то время как другие люди видят в них 2—3 оттенка. Мельники, обладающие большим опытом работы, могут с помощью осязания точно определять как качество муки, так и область, где выросло смолотое зерно. Необычайной тонкости и чувствительности достигают и обонятельные ощущения человека, если существует практическая потребность в этом. Так, африканские бушмены по запаху выслеживают львов, жирафов или зебр лучше, нежели охотничьи собаки; есть люди, которые по запаху определяют местоположение змей.

Человеческая мысль выражается в словах, она, как правило, существует в языковой оболочке. Когда кто-либо сообщает другому свою мысль, он выражает ее в словах, произносимых вслух, чтобы его слышали. Некоторым людям кажется, что слова, речь нужны только для того, чтобы сделать мысль доступной другому человеку, но для самого себя человек якобы не нуждается в выражении мысли словами. Это ошибочное мнение. Подобно тому как картина, нарисованная художником, существует потому, что есть краски, положенные на холст, так и мысль у нормальных людей существует потому, что есть слова, есть речь. Одно без другого невозможно. По выражению К. Маркса, язык есть непосредственная действительность сознания. Это природная материя мысли.

Причиной того ошибочного мнения, будто мысли могут существовать без слов, является то, что человек, думая про себя, фактически не произносит ни вслух, ни про себя всех тех слов, которые ему были бы нужны для сообщения

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1955, стр. 134.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 3, 1955, стр. 29.
[3] См. *Б. М. Теплов*, Психология, Госполитиздат, 1946, глава II.

данной мысли другим людям. Порой мы даже испытываем значительную трудность в подборе нужных слов и выражений, «не находим слов», чтобы выразить другим свою мысль, сделать ее понятной для них, тогда как нам самим эта мысль совершенно ясна: слова здесь кажутся не только не выражающими мысль, а, наоборот, затрудняющими ее понимание.

Однако это вовсе не означает, что для нас самих данная мысль существует без словесной оболочки. Думая про себя, мы также очень часто не даем детального словесного выражения своим мыслям. Но если при этом нет *всех* слов, которые нужны для детальной, развернутой формулировки мысли, то те или иные слова всегда имеются. Преодолевая затруднения в подборе нужных слов, мы вырабатываем саму мысль.

Когда мысли дается развернутое словесное выражение, она приобретает ясность, последовательность и точность. В этой детализированной словесной оболочке она приобретает наибольшее совершенство не только по форме, но и по своему содержанию.

Из того, что мысль и язык нераздельны, не следует, что они тождественны друг другу. Разница между мыслью и словом состоит в том, что мысль есть отражение объективной реальности, в то время как слово — это способ выражения, закрепления мысли и вместе с тем средство передачи мысли другим людям. Именно благодаря слову мысли других людей могут быть восприняты нами. Но если нет мысли без слов, то и слова без мысли, без того, что мысль отражает,— пустой звук. Мышление и язык тесно взаимосвязаны друг с другом, взаимообусловливают друг друга.

Предметы, явления окружающего нас мира непосредственно отражаются в ощущениях, которые они вызывают. Это — чувственное отражение конкретных предметов и явлений со всеми оттенками их индивидуальных, частных особенностей. Однако на основе ощущений, как мы видели, возникает и такая форма отражения, при которой отражается и то, что в данный момент непосредственно не действует на органы чувств, но что представлено другим сигнализирующим его предметом или явлением. Это тоже конкретно-чувственное отражение действительности, но здесь уже имеется шаг вперед по пути отвлечения, обобщения. Возможность отвлечения обусловлена тем, что сигнал, воспринимаемый органами чувств, есть нечто совершенно отличное от того, что он своим появлением представляет, а также тем, что одно и то же явление может сигнализироваться в разных условиях различными сигналами. Вместе с тем каждый из сигналов подобного рода, будучи совершенно определенным предметом или явлением, служит представителем вполне определенного явления. Это конкретные сигналы конкретных предметов и явлений.

Возникновение у человека второй сигнальной системы действительности открыло поистине безграничные возможности для развития все более отвлеченного и обобщенного отражения — отражения в понятиях. Слово, являющееся сигналом сигналов, служит представителем не одного какого-либо сигнала, а огромного множества однотипных сигналов, хотя и различающих-

ся в деталях, но сходных в главном, существенном. Таким образом, в нем отражается не один какой-либо конкретный предмет, а множество однотипных предметов или явлений, множество их связей.

Так, слово «циркуль» обозначает не единичный предмет с присущими ему индивидуальными особенностями, а циркуль «вообще» — определенный *тип* или *род* предметов — все равно, имеет ли он в длину 15, 16 или 14 сантиметров, сделан он весь из металла или некоторые его части изготовлены из пластмассы и т. д. Подобны этому и другие слова.

Отсюда следует тот чрезвычайно важный вывод, что слово, речь является отвлечением от действительности и представляет собой орудие абстрагирования, обобщения. Как заметил В. И. Ленин, «всякое слово (речь) уже *обобщает*» [1].

С этой особенностью слов связана присущая человеку форма психической деятельности — образование понятий, оперирование ими, т. е. теоретическое мышление. Именно благодаря речи наше сознание приобрело возможность оперировать не только тем, что дают ощущения в данный момент, но и тем, что они давали раньше и могут дать в будущем. Благодаря этому появилась возможность мысленно отделить свойство от предмета, который этим свойством обладает, одни свойства тел отвлечь от других свойств и т. п. Это очень расширило сферу познания.

Слово является сигналом сигналов только в том случае, если оно сложилось на основе ощущений, отражающих соответствующие материальные предметы. Если последних нет, то слово пусто, лишено смысла и не имеет значения.

Предположим, что чертежник посылает за циркулем какого-то человека, сказав ему: «Прошу Вас принести мне циркуль». Слово «циркуль» само по себе не возбудит у этого человека тех ощущений, которые вызывает циркуль, когда на него смотрят или берут в руки; это слово будет только указателем того, какие ощущения человек должен испытать, когда он найдет циркуль. Однако если человек, к которому обратился чертежник, никогда не видел циркуля и не ассоциирует с этим словом на основе собственного чувственного опыта вполне определенную совокупность ощущений, то слово «циркуль» не сможет играть роль сигнала сигналов.

Из сказанного не следует, что ощущения не отражают общего, имеющегося в конкретных явлениях и вещах. Если бы было так, то и в мысли, в слове общее никогда не отразилось бы. Когда мы ощущаем, например, запах различных цветов, мы можем чувственно воспринять и то общее, что присуще запаху цветов одного и того же вида. Но в ощущении это общее неразрывно связано с частным. В слове же общее отделено, абстра-

[1] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 256.

гировано от частного. Однако, прежде чем совершилось это абстрагирование с помощью слова, постепенно совершенствовалась способность выделять общее в частном посредством ощущений.

Ту широту обобщений, которая имеется в речи, в словах современного культурного человека, привыкшего к абстрактному мышлению, люди приобрели далеко не сразу с возникновением слова. Способность первобытного человека к обобщенному мышлению была еще очень невелика, несмотря на то что он уже начал говорить. Его язык содержал мало общих понятий, да и общность последних была ограниченной. Об этом мы можем судить хотя бы по тому языку, которым владеют некоторые современные отсталые племена, причем и они неизмеримо далеко ушли вперед по сравнению с первобытными людьми. Так, в языке одного из племен содержится 75 слов для обозначения процессов хождения, чем-либо отличающихся друг от друга, и более 10 слов для обозначения варки, но нет общих понятий «ходить» и «варить». Некоторые северные племена отдельными словами обозначают «снег на земле», «падающий снег», «снежную вьюгу», «снег в сугробе» (таких слов у них существует более 40) и в то же время не имеют общего слова «снег». У некоторых племен нет общего слова «морж», но есть слова, обозначающие «морж на льдине», «морж в воде», «морж, вылезающий на льдину». Однако какой бы недостаточно обобщенной ни казалась нам такая речь, она в действительности далеко ушла от первой сигнальной системы и даже от первых зачатков речи. В ней уже содержатся огромные обобщения, благодаря которым, например, снег во всех сугробах обозначается одним и тем же словом или одним словом называется морж, лежащий на льду, несмотря на многие частные отличия моржей друг от друга. В этом зафиксирован огромный путь, который отделяет данный уровень развития человеческого сознания от того уровня, на котором оно было у первобытного человека.

Речь состоит прежде всего из слов, а слова — из отдельных членораздельных звуков. В каком отношении эти звуки стоят к обозначаемым ими предметам и явлениям? Это условные знаки, установленные народом в многовековой практике общения людей друг с другом. Никакой таинственной связи между этими звуками и обозначаемыми ими предметами нет и быть не может. Представление о существовании скрытой связи между звуками слов и предметами вымышлено и свойственно магии; при этом сторонники магии полагают, что у предметов и людей есть некие «настоящие» имена, произнося которые можно воздействовать на эти предметы и на людей, определять их судьбу. Что в действительности никакой магической, таинственной связи между предметами и их словесными обозначениями не существует, видно из того, что один и тот же предмет у разных народов называется по-разному, с помощью различных звуков.

Так, тот предмет, который русскими называется «стол», немцами именуется «der Tisch», англичанами «the table» и т. д.

Но если условно и случайно то, из каких звуков состоят слова, то не условно и не случайно то, *что* именно обозначают эти слова и сочетания слов. В своей практической деятельности люди имеют дело с предметами и явлениями. Поэтому в языке обязательно должны быть те слова, которые обозначают жизненно необходимые для людей предметы и явления. Люди используют многообразные свойства предметов и явлений. Отсюда с неизбежностью вытекает, что в языке должны быть и слова, обозначающие эти свойства. Точно так же должны появиться и слова, выражающие движение предметов, действия одних предметов на другие, их связи друг с другом, поскольку все это важно для людей. Практическая деятельность людей привела и к созданию слов, обозначающих пространственные и временные отношения вещей. Неизбежно также появление слов, обозначающих отношение людей к окружающим их явлениям и друг к другу. Потребности развития наук привели к возникновению новых слов, выражающих не только чувственно воспринимаемые вещи и их свойства, но и скрытые в их глубине связи, закономерности, их сущность; появляются такие слова, которые обозначают свойства отношений и связей вещей, а также слова, которые обозначают другие слова и связи между словами.

Таким образом, *что* именно получит словесное обозначение и в виде слов войдет в состав языка, это не случайно и не условно, а необходимо определено жизненно важными практическими потребностями народа и нуждами развивающегося мышления для более точного отражения в нем объективной реальности. В языке и мышлении отражается то, что люди знают о внешнем мире и о самих себе, а также о том, каковы средства познания, имеющиеся в данный момент в их распоряжении.

ГЛАВА VI

ЗАКОНОМЕРНАЯ СВЯЗЬ ЯВЛЕНИЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

1. Взаимосвязь явлений. Причина и следствие

Выше было показано, что атрибутом материи, ее неотъемлемым свойством является движение в его многообразных формах. Первое, что бросается в глаза при рассмотрении движущейся материи, это универсальная, всеобщая взаимосвязь и взаимная обусловленность явлений, бесконечное сплетение их.

Признание и глубокое истолкование всеобщей связи и взаимообусловленности явлений — важнейший момент диалектического метода познания.

Взаимозависимость и связь различных явлений, всех сторон каждого явления, связь, дающая единый мировой процесс движения, доказана всем ходом развития научного знания. Наука показала, что мир — единое целое, где отдельные части, явления и процессы неразрывно связаны между собой. Различные формы движения материи переходят друг в друга. Органическая природа связана с неорганической и произошла из нее. Жизнь людей невозможна без взаимодействия с природой. Человеческое общество существует не вне природы, а представляет собой ее специфическую часть, особую форму движения материи, подчиненную не только общим, но и особым, только обществу присущим законам. Различные стороны общественной жизни связаны между собой.

Задача науки состоит в том, чтобы вскрыть эту универсальную связь изучаемых явлений. Постичь предмет — это значит изучить его во всем многообразии его связей, опосредований.

Причинность (каузальность) — одна из форм всеобщей закономерной связи явлений. Все науки стремятся при изучении явлений вскрыть причины их возникновения, развития, преобразования и гибели. Знание явлений, процессов есть прежде всего знание причин их возникновения и развития. Образуя понятия «причина» и «следствие», человек изолирует те или иные стороны единого объективного процесса. «Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно, а *в таком случае* сменяющиеся

движения выступают перед нами — одно как причина, другое как действие...»[1]

Причина и следствие — соотносительные понятия. Явление, которое вызывает к жизни другое явление, выступает по отношению к нему как причина. Результат действия причины есть следствие. *Причинность* — это такая необходимая связь между явлениями, при которой всякий раз, когда существует одно, за ним неизбежно следует другое. Например, нагревание воды является причиной ее превращения в пар, ибо всякий раз, когда происходит нагревание, возникает процесс парообразования.

Понятия о причине и следствии выработались в процессе общественной практики и познания мира. Например, в труде человек познал, что трение порождает теплоту.

Категории причины и следствия имеют огромное значение; в них мышление отразило важнейшую закономерность объективного мира, знание которой необходимо для практической деятельности людей. Познавая причины возникновения явлений и процессов, человек, общество получают возможность воздействовать на них, искусственно воссоздавать их, вызывать к жизни или, наоборот, предотвращать их возникновение.

Чтобы уничтожить или предотвратить зло, бедствие (болезнь, засуху, войну и т. п.), надо знать причину его появления. Незнание причин, условий, вызывающих явления, делает человека бессильным, беспомощным перед этими явлениями. И, наоборот, знание причин открывает перед людьми, перед обществом возможность действовать со знанием дела.

Связь между предметами носит различный характер: одни явления непосредственно связаны друг с другом, другие — через ряд опосредствующих звеньев, но всегда она выступает как взаимосвязь, взаимозависимость, взаимодействие. Взаимосвязь предметов универсальна, каждое явление связано с каждым другим. Как писал Ф. Энгельс, «Вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы понимаем здесь под словом тело все материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом...»[2]

Материалистическая диалектика не занимается придумыванием, искусственным изобретением связей, она ставит перед наукой задачу открывать их в самом объективном мире.

Причина во времени предшествует следствию и вызывает его. Но это не значит, что всякое предшествующее явление находится в причинной связи с последующим. Ночь предшествует утру, но она не является причиной утра. Нельзя смешивать причинную связь с временно́й последовательностью явлений. Суеверный человек склонен считать причиной войны появившую-

---

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, 1955, стр. 184.
[2] Там же, стр. 45.

ся перед ее началом комету, солнечное затмение или другое предшествующее ей явление.

Причину нужно отличать от *повода.* Повод — это событие, которое непосредственно предшествует другому событию, развязывает его появление, но не порождает его. Связь между поводом и следствием существует, но она внешняя, несущественная. Так, поводом для восстания матросов на броненосце «Потемкин» в июне 1905 г. послужила выдача матросам щей из тухлого мяса. Причиной же восстания было обострение противоречий между прогнившим царским строем и народом, рост революционных настроений в армии и флоте. Выдача матросам недоброкачественного мяса явилась поводом, толчком к восстанию, но она связана с восстанием внешне, случайно. Если не это событие, то другое развязало бы восстание.

Причинная связь явлений носит универсальный, всеобщий характер. Все явления в мире, все изменения возникают в результате действия причин. Нет беспричинных явлений. Человек с различной степенью точности познает причинную связь явлений; причины некоторых явлений нам до сих пор неизвестны, но они объективно существуют. Так, медицина еще не открыла причину раковых заболеваний, но эта причина существует и будет в конце концов обнаружена. Можно давать различные определения причинности, иметь разные мнения о допустимости математической или иной формулировки закона причинности. Но не это разделяет материализм и идеализм в понимании причинности.

Между материализмом и идеализмом идет борьба вокруг причинности потому, что они по-разному решают вопрос об источнике наших знаний о причинности. Материализм признает объективную, не зависящую от воли и сознания причинную связь явлений и более или менее верное отражение ее в голове человека. Идеалисты или отрицают причинную обусловленность всех явлений действительности, или выводят причинность не из объективного мира, а из сознания, из разума.

Положение, что все явления в мире причинно обусловлены, выражает закон причинности. Философы, признающие объективность этого закона, распространяющие его действие на все явления, называются *детерминистами* (от латинского determino — определяю). Философы, отрицающие закон причинности, называются *индетерминистами.* Закон причинности требует естественного объяснения всех явлений и исключает возможность объяснения явлений природы и общества с помощью сверхъестественных, потусторонних сил. Последовательно проведенный материалистический детерминизм не оставляет места для бога, чудес и т. п.

В истории философии с отрицанием объективности причинной связи выступил *Д. Юм.* Положение Юма о том, что знание о причинной связи явлений мы получаем из опыта, верно, но дальнейший ход его рассуждений и понимание самого опыта

ошибочны. Он сводил опыт к субъективным ощущениям и отрицал в нем объективное содержание. В опыте мы наблюдаем, что одно явление следует за другим, но Юм полагал, что, во-первых, у нас нет оснований считать, что предшествующее может быть причиной последующего, во-вторых, что нет оснований заключать от прошлого и настоящего опыта к будущему. Вывод Юма сводится к следующему: причинность — это только привычная связь ощущений, а предвидение на ее основе есть ожидание этой связи. Наш прошлый опыт дает нам основание ожидать, что и в будущем трение будет порождать тепло, но у нас нет и не может быть никакой уверенности в объективности и необходимости этого процесса. Причинность, по Юму,— это только определенная последовательная связь ощущений и идей.

Диалектический материализм, опираясь на данные науки, утверждает, что доказательством объективности причинности служит практика. Ф. Энгельс писал: «...уже одно правильное чередование известных явлений природы может породить представление о причинности — теплота и свет, появляющиеся вместе с солнцем,— однако здесь еще нет доказательства, и постольку юмовский скептицизм был бы прав в своем утверждении, что регулярно повторяющееся post hoc [после чего-нибудь] никогда не может обосновать propter hoc [по причине чего-нибудь]. Но деятельность человека *производит проверку* насчет причинности. Если при помощи вогнутого зеркала мы концентрируем в фокусе солнечные лучи и вызываем ими такой же эффект, какой дает аналогичная концентрация лучей обыкновенного огня, то мы доказываем этим, что теплота получается от солнца»[1].

Тот факт, что при наличии причины не всегда следует ожидаемое действие, не опровергает объективности причинности, а подтверждает ее. Ружье с капсюлем, зарядом и пулей не всегда производит выстрел. Но в каждом случае, когда выстрел при спуске курка не происходит, мы можем вскрыть объективную причину, почему он не произошел (сырость пороха, повреждение капсюля и т. д.).

Кант не был согласен с Юмом, что причинность является только привычной связью ощущений. Он признавал существование причинности, но не в объективном мире, а в нашем рассудке. По мнению Канта, опыт не дает нам причинной связи; причинность существует как априорная, врожденная категория рассудка, на основе которой различные восприятия связываются в суждение.

Идеалистические взгляды Юма и Канта на причинность повторяются в различных вариациях позитивистами, махистами, неокантианцами. *Мах* писал: «В природе нет ни причины,

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1955, стр. 182.

ни следствия», а «все формы закона причинности вытекают из субъективных стремлений» [1].

С попыткой обосновать индетерминизм выступил астрофизик *А. Эддингтон*. В своей речи «Крах детерминизма» он пытается убедить слушателей, что упразднение детерминизма не является отказом от научного метода, а увеличивает глубину и точность анализа наблюдаемых явлений [2]. Может быть, Эддингтон приводит какие-либо новые аргументы в защиту индетерминизма? Нет, он повторяет то, что давно сказал Юм. Вот ход рассуждений Эддингтона. Все выводы, которые мы делаем на основании ощущений, относятся к некоторому предшествующему моменту. Например, мы исследуем химическими методами состав какой-либо соли. Вывод, который мы делаем, по существу относится не к данному веществу (соли), а к тому, которое было до обработки. От следствия мы заключаем к причине (ретроспективное заключение), по настоящему судим о прошлом, но этого якобы делать нельзя. Если Юм опровергал существование закономерности, в частности причинности, главным образом на том основании, что якобы недопустимо заключать от прошлого и настоящего к будущему, то взгляды Эддингтона являются видоизмененным юмизмом: он отрицает закономерность в природе потому, что якобы недопустимо заключать от настоящего к прошлому.

Конечно, когда мы заключаем от настоящего к прошлому, то возможны и ошибки, как и во всяком другом умозаключении. При химическом анализе вещества можно прийти к выводу, что элемент A получен из вещества K, в то время как он получен из другого вещества, участие которого в реакции нами не было предусмотрено. Но практика исправляет эти ошибки, она позволяет нам достоверно выяснить, из каких материалов добыт тот или иной элемент. Например, многократно повторяемые опыты не оставляют у нас никакого сомнения в том, что натрий и хлор получаются химическим путем из поваренной соли. Практикой проверяется и истинность умозаключений, касающихся выяснения причинных связей.

Современные философы-идеалисты настойчиво подчеркивают мысль, что слово «причина» надо исключить из философской

---

[1] Юмистский взгляд на причинность проводит и Б. Рассел, который считает понятие причины донаучным обобщением, служащим лишь некоторым руководством к действию. Различие между Юмом и Расселом в понимании причинности состоит разве лишь в том, что, согласно Расселу, закон причинности основывается не на привычке, как у Юма, а на животной вере, которая глубоко укоренилась в языке: «Вера во внешнюю причинность определенного рода опыта,— пишет Рассел, — является примитивной и в определенном смысле присуща поведению животного» (*Б. Рассел*, Человеческое познание, ИЛ, М., 1957, стр. 489). Закон причинности, с точки зрения идеалистов, не отражает никаких объективных связей, а выражает лишь временную последовательность в смене ощущений.

[2] Eddington A., The decline of determinism, Washington, 1933, p. 141.

терминологии. Причинность будто бы изжила себя, подобно монархии. Закон причинности идеалисты заменяют законом *функциональной связи*: нельзя говорить, что явление *А* порождает явление *Б*, а надо указывать, что *А* и *Б* находятся в зависимости друг от друга (*А* всегда сопровождается *Б*, предшествует ему или следует за ним).

Понятие функции, функциональной связи является одним из основных в математической науке. Это понятие отражает объективно существующую связь явлений. Две величины могут находиться в следующей связи: если величина X принимает разное значение и если по определенному правилу при этом меняет свое значение величина Y, то эти две величины находятся в функциональной зависимости: Y является функцией от X по формуле $Y = f(X)$. Одна величина — зависимая переменная, другая — независимая. Например, пройденный путь есть функция от времени, поэтому при движении с заданной скоростью с течением времени пройденное расстояние увеличивается.

Некоторые буржуазные философы, в особенности представители марбургской неокантианской школы (Наторп, Кассирер), распространяют идеалистически интерпретированное математическое понятие о функциональной связи на все связи в природе и обществе. Каузальность, т. е. причинность, как объективная связь явлений, растворяется ими в чисто логическом понятии отношения между величинами, а у некоторых философов-идеалистов — между понятиями или ощущениями.

Конечно, отношение между причиной и следствием можно представить в форме функциональной зависимости: следствие есть функция от причины, но при этом затушевывается главное в причинности: причина как реальное явление порождает и обусловливает следствие — другое реальное явление. В форме функциональной связи можно представить самые различные зависимости, в том числе внешние, малосущественные и даже произвольные. Идеалист растворяет причинность в функциональной зависимости под предлогом, что для науки якобы не имеет значения вопрос о том, как возникают явления, имеют ли они причину своего существования, а важно только то, что есть какая-то зависимость между явлениями (или величинами), которую можно выразить определенной формулой. Но эта точка зрения неправильная. Знание реальной причинной связи служит основой практической деятельности людей. Зная причины и действуя на них, мы можем вызывать желаемые для общества явления и, наоборот, противодействовать, бороться с явлениями нежелательными, вредными.

Некоторые идеалисты подменяют причиииую связь логической связью основаиия и следствия. Но причиниую связь явлеиий иеобходимо отличать от связи основаиия и следствия. Осиоваиием в формальиой логике иазывается мысль, из которой следует какая-либо другая мысль. Например, суждеиие «в комиате нормальиая температура» вытекает как следствие из другой мысли, что термо-

метр показывает 20° С. Показание термометра — это не причина нормальной температуры в комнате, а основание для нашего заключения о температуре в ней.

Причинность (каузальность) — это связь не мыслей в умозаключении, а связь реальных явлений, при которой одно явление вызывает другое. Логическая связь мыслей в нашем рассуждении (связь основания и следствия) есть отражение отношений вещей в действительности, в том числе и причинной обусловленности их. Конечно, из различия между причиной и основанием отнюдь не следует, что в сфере мышления нет каузальности, что там якобы действуют только чисто логические связи, что принцип причинности в мышлении заменяется принципом достаточного основания. Любая мысль причинно обусловлена.

Принцип причинности подвергается нападкам со стороны некоторых зарубежных физиков, которые утверждают, что современная физика опровергла представление, согласно которому все явления имеют причину своего существования, а зная причину явления и условия ее действия, можно определить вызванные ею следствия. По их мнению, в микропроцессах нет причинной обусловленности. Ни одна микрочастица, например электрон, не подчиняется закону причинности, а свободно выбирает среди разных возможностей путь своего движения.

Но никаких действительных фактов, опровергающих причинность в микроявлениях, нет и быть не может. Физики, отрицающие действие закона причинности в микроявлениях, обычно ссылаются на соотношение неопределенности, о котором мы говорили в IV главе. Но из принципа соотношения неопределенности в явлениях микромира не вытекает отрицания причинности. Закон причинности утверждает только одно: все явления причинно обусловлены. Как выступает причинность в отдельных конкретных случаях, можно ли одновременно с неограниченной точностью определить и координату и скорость частицы — это уже другой вопрос, решая который нужно учитывать конкретные свойства объектов. В макропроцессах можно определить одновременно и положение и скорость тела, а в микроявлениях — нельзя.

Положение и импульс частицы нельзя одновременно определить с неограниченной точностью. Эта открытая физиками закономерность в движении микрообъектов не укладывается в то представление о причинности, которое было характерно для науки XVII и XVIII столетий и вошло в историю под названием лапласовского детерминизма.

Лапласовская (по имени французского ученого Лапласа), или механическая, форма детерминизма, возникшая на базе изучения механического движения макрообъектов, предполагает возможность одновременного точного знания координаты и импульса. При описании атомных процессов мы сталкиваемся с особыми свойствами частиц (электрон обладает одновременно и корпускулярными и волновыми свойствами), для которых прежние понятия координаты и импульса, выработанные

для макрообъектов, не применимы в той мере, как к макротелам.

Современная физика дает богатый фактический материал, подтверждающий универсальность закона причинности и многообразие форм его проявления. Так, например, зная угол, под которым сталкиваются электрон и позитрон (а они при соответствующих условиях превращаются в 2 фотона), и скорости их движения, можно определить (предсказать) направление движения двух образовавшихся фотонов. Это ли не доказательство причинности в микроявлениях? Если бы в микроявлениях не действовал закон причинности, если бы движение микрочастиц происходило как угодно, произвольно, то в одном случае электрон и позитрон порождали бы 2 фотона, а в другом при этих же условиях 1 фотон или 2 протона. Но микропроцессы подчинены законам, в них есть определенная последовательность. Как можно говорить о произволе в движении «элементарных» частиц, когда при определенных условиях два образовавшихся фотона движутся в определенном направлении, которое можно заранее предвидеть, зная угол столкновения электрона и позитрона и скорости их движения?

Объективный характер причинной связи всех явлений действительности обосновывали и защищали материалисты до Маркса и Энгельса, но они ограничивались рассмотрением *механической формы причинности*, где причина выступает всегда внешне по отношению к следствию.

Признание причинности механической формы движения материи единственным видом закономерной связи явлений в мире приводит к метафизическому пониманию причинности. А в действительности формы причинной связи многообразны. Например, причинность в биологии нельзя свести к причинности в механике, физике и химии. Еще более сложный характер имеет причинность в явлениях общественной жизни.

Материалистическая диалектика преодолела ограниченность метафизического понимания причинности. Она показала, что связь причины и следствия носит характер взаимодействия: не только причина порождает следствие, но и следствие активно действует на причину и изменяет ее. В процессе взаимодействия причина и следствие меняются местами. «То, что́ здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот» [1]. Например, развитие капитализма в России послужило причиной отмены крепостного права, но отмена крепостного права в свою очередь явилась причиной дальнейшего развития капитализма.

Взаимодействие причины и следствия означает постоянное влияние их друг на друга, в результате чего происходит изменение как причины, так и следствия. Например, наука и про-

[1] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1957, стр. 22.

изводство развиваются в результате непрерывного взаимодействия друг с другом: изменения в производстве являются причиной коренных изменений в науке, а научные открытия приводят к перестройке техники и технологии производства. Взаимодействие выступает внутренней причиной (causa sui — причиной самого себя) изменений явлений действительности. Мир, как взаимодействие различных явлений, для своего движения, развития не нуждается ни в каком первом толчке, ни в какой потусторонней силе вроде бога и т. п. Вот почему Ф. Энгельс считал верным положение Гегеля, что взаимодействие является истинной конечной причиной (causa finalis) всех вещей. Наше знание не может пойти дальше взаимодействия.

Конечно, взаимодействующие силы, факторы не равнозначны. В системе взаимодействующих сил наука обязана раскрывать определяющие причины.

На взаимодействие причины и следствия оказывают влияние окружающие их явления, совокупность которых носит название *условий*. Среди условий могут быть такие, которые способствуют порождению следствия, а могут быть и такие, которые предотвращают действие причины. Знание причин и условий их действия дает возможность человеку предвидеть процессы и управлять ими. Расщепление ядра урана в зависимости от разных условий может привести и к взрыву огромной мощности и к медленным, постепенным излучениям. Это используется людьми в практической деятельности. Медленные, постепенные излучения применяются в медицине для лечения некоторых болезней, в сельскохозяйственной науке и других исследованиях.

В зависимости от условий одно и то же явление может порождаться различными причинами, и, наоборот, одна и та же причина может приводить к различным следствиям. Так, огромная энергия может быть получена и в результате расщепления ядер урана и в результате синтеза ядер водорода в ядра гелия.

Причинными взаимосвязями явлений, несмотря на их многообразие, не исчерпывается все богатство закономерных связей в мире. Как писал В. И. Ленин, «Каузальность, обычно нами понимаемая, есть лишь малая частичка всемирной связи, но... частичка не субъективной, а объективно реальной связи» [1]. Явления вступают друг с другом в различные отношения: временные, пространственные, атрибутивные и т. д., которые связаны с каузальностью, но не сводятся к ней. Наука не может ограничиться изучением только причинных взаимосвязей явлений, она призвана изучать явления во всем многообразии их закономерных связей.

---

[1] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 136.

2. Закон как форма существенной связи явлений. Единичное, особенное и всеобщее

Мы рассмотрели закон причинности и его значение. Но что такое закон, какие связи носят название закономерных?

В самой общей форме *закон* есть определенное необходимое отношение между вещами, явлениями или процессами, вытекающее из их внутренней природы, из их сущности. Понятие закона является одной из ступеней познания человеком единства, связи и взаимозависимости явлений объективного мира. Оно выработалось в результате длительного развития науки и философии.

Не всякая связь между явлениями есть закон. Закон есть такая внутренняя связь, которая носит *существенный* характер. Закон есть существенное в движении явлений. Понятия *закон* и *сущность* — однопорядковые, одностепенные. Например, периодический закон Менделеева вскрывает существенную внутреннюю связь между атомным весом (теперь зарядом) элемента и его химическими свойствами. Под сущностью разумеются внутренние, устойчивые связи. Сущность как внутреннее противопоставляется внешней, изменчивой стороне действительности. Когда говорится, что *явление* — это внешнее, а *сущность* — внутреннее, то внешнее и внутреннее противопоставляются друг другу не в пространственном смысле, а в отношении значимости для характеристики предмета.

Далее. Закон есть *необходимое* отношение между явлениями. Закономерные связи при определенных условиях действуют обязательно, с необходимой силой. Закон падения тел, открытый Галилеем, потому является законом, что не одно тело и не случайно падает на землю с ускорением 9,8 *м/сек*, а все тела и всегда. Закон не может не действовать, если имеются все требуемые им условия [1].

Закономерные связи являются результатом причинной обусловленности явлений. Если бы явления не были причинно

[1] Термины «закон» и «закономерность» выражают отношения одного порядка, поэтому они часто употребляются в одном и том же значении. Но в употреблении этих терминов имеется и некоторое различие. Законом называют конкретную необходимую связь между явлениями. Например, закон трудовой стоимости гласит, что стоимость товара определяется количеством общественно необходимого труда. Термин «закономерность» употребляется прежде всего для характеристики известной правильности, последовательности явлений. Например, в смене времен года наблюдается определенная правильность: за летом следует осень, за осенью — зима и т. д. В этой правильности, последовательности проявляется закономерность. То же можно сказать о периодичности солнечных и лунных затмений. Термин «закономерность» употребляется и тогда, когда необходимо подчеркнуть, что данное явление не случайно. Развитие общества, учит марксизм, есть строго закономерный, необходимый процесс. Здесь мы не указываем конкретно тот или иной определенный закон, а отмечаем существование необходимой связи. Закономерность рассматривается нами как необходимый, обусловленный определенными причинами процесс, в котором могут действовать не один, а целая совокупность законов.

обусловлены, то ни о какой закономерности и речи быть не могло. Могла ли быть строгая последовательность в смене времен года, если бы не существовали ее причины — движение Земли вокруг Солнца и наклон земной оси к плоскости ее орбиты?

Но причинность не исчерпывает всех закономерных связей. Причинность, как мы выше отмечали, является лишь частичкой объективной взаимосвязи, многообразные формы которой раскрываются наукой.

Существенность и необходимость закономерной связи определяют и другие особенности закона. Закон есть *всеобщее* в явлениях. Это значит, что определенная необходимая связь, выражаемая законом, присуща не отдельным единичным явлениям, а всем явлениям или процессам данного рода. Закон природы или общества потому и называется законом, что он выражает всеобщность: если есть определенные условия и причины, они везде и всегда с железной необходимостью вызывают соответствующие явления, следствия. Закон всемирного тяготения отражает такое свойство, которое присуще всем без исключения телам в природе. Закон Бойля — Мариотта выражает свойство, присущее не всем, а только разреженным газам, находящимся в условиях, далеких от сжижения. Но он выражает существенное свойство газов. Связь, которую он устанавливает, носит для этих условий необходимый характер, она всеобща для этих газов, потому что всякий раз, когда газы находятся в таких условиях, между их объемом и давлением существует строго определенное отношение.

В зависимости от того, насколько обширный круг явлений ими охватывается, законы могут быть более или менее общими. Есть законы, действующие во всех явлениях природы (закон сохранения и превращения энергии), а есть и такие, которые присущи отдельным формам движения материи, например биологической. Законы общественной жизни по степени общности также различны: одни действуют во всех формациях, другие присущи той или иной формации. Наиболее общие законы, присущие и природе, и обществу, и мышлению, изучаются философией.

Закон как всеобщее существует не помимо единичных явлений, не вне их, а только в связи с единичными явлениями, процессами и т. д.

Всеобщее есть объективно существующая общность реальных предметов. Эта общность выражается в единстве их свойств, признаков и черт. Под *единичным* (или отдельным) разумеются отдельные предметы, явления, процессы, события, происходящие в природе и обществе. В качестве единичного может выступать и целая группа предметов, явлений, когда она рассматривается по отношению к другой, более общей группе, объединенной определенной общностью.

Наряду с категориями всеобщего и единичного наукой выработано понятие *особенного*, которое является как бы связующим звеном между единичным и всеобщим. По отношению к единичному особенное является всеобщим, а по отношению к всеобщему — единичным. Например, пшеница — единичное, злак — особенное, растение — всеобщее. Злак как особенное является всеобщим по отношению к пшенице и единичным в отношении к растению.

Всеобщее и его отношение к единичному по-разному истолковываются различными философскими направлениями. Для объективного идеализма характерна абсолютизация всеобщего: всеобщее предшествует единичному и творит его. Так, например, Гегель писал: «...Всеобщее есть основание и почва, корень и субстанция единичного» [1]. По Гегелю, плод вообще и минерал вообще существуют независимо и раньше единичных плодов и минералов.

Другие философы, наоборот, отрицали объективность всеобщего и признавали реальное существование только единичного. Всеобщее они рассматривали как результат деятельности мысли человека. Так, например, Д. Локк писал: «Общее и универсальное не принадлежит действительному существованию вещей, но изобретено и создано разумом для собственного употребления и касается только знаков, слов или идей» [2]. Точку зрения, что всеобщее выражает то, что в действительности не существует и никогда не происходит, поддерживают феноменалисты и позитивисты.

Как объективному идеализму, так и феноменализму и позитивизму свойствен метафизический отрыв всеобщего от единичного, который приводит либо к мистическому представлению о творческой силе и всемогуществе всеобщего, либо к субъективно-идеалистическому взгляду, рассматривающему всеобщее (в том числе и закономерности природы и общества) как результат творчества человеческого сознания.

Материалистическая диалектика признает объективность как единичного, так и всеобщего, причем реально они существуют только в неразрывной связи между собой. Ленин отмечал, что «отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого ***рода*** отдельными (вещами, явлениями, процессами)» [3].

---

[1] *Гегель*, Соч., т. I, 1929, стр. 283.

[2] *Джон Локк*, Опыт о человеческом разуме, М., 1898, стр. 408.

[3] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 329.

Связь единичного и общего обнаруживается всюду. Химик, изучая какой-либо химический элемент, например водород, устанавливает его связи с другими элементами. Он находит, что водород есть газ. Общее (газообразность) существует только в единичном (водороде, кислороде, азоте и т. д.). Оно есть только одно свойство единичного (водорода) и не исчерпывает всего богатства предмета. Водород, как и любое другое единичное, обладает бесчисленным количеством свойств. Единичное явление имеет свойства и общие с другими явлениями и специфические, особенные, присущие только этому явлению и отличающие его от других явлений. При этом общее и особенное существуют в нем в неразрывной связи. Общее есть момент, сторона, свойство единичных явлений.

Познать всеобщее можно только путем изучения и сопоставления большого числа единичных предметов. Познание есть восхождение от единичного через особенное к всеобщему.

В процессе объективного развития единичное может превращаться во всеобщее, единичное явление может стать общей закономерностью развития. Переход от единичного через особенное ко всеобщему можно видеть в обществе на примере развития форм стоимости. Простая форма стоимости (при которой стоимость одного единичного товара получает свое выражение в стоимости другого единичного товара) была первоначальной формой обмена, когда он носил характер единичных и случайных актов. С развитием общества обмен становится более регулярным и простая форма стоимости переходит в развернутую, когда стоимость товара получает свое выражение в стоимости нескольких товаров, играющих роль эквивалента. И, наконец, обмен из единичных актов превращается во всеобщность, появляется всеобщая форма стоимости: все товары обмениваются на один, выступающий в роли всеобщего эквивалента. Простая, развернутая и всеобщая формы стоимости относятся друг к другу как единичное, особенное и всеобщее.

Понимание взаимосвязи и взаимопереходов единичного, особенного и всеобщего имеет огромное познавательное и практическое значение. Вместе с тем оно помогает борьбе против догматизма и ревизионизма в оценке явлений общественной жизни.

Ревизионист игнорирует всеобщее в явлениях, абсолютизируя единичное и особенное. Но всякое единичное включает в себя как момент всеобщее, которое реально существует. Единичные явления объединены общей закономерностью, познание которой необходимо для понимания развития явлений и практического руководства. Марксизм-ленинизм дает знание общих закономерностей движения к социализму. Задача коммунистических партий различных стран состоит в творческом применении всеобщей истины марксизма-ленинизма к конкретным условиям своей страны. Только такое сочетание общего и еди-

ничного ведет к научному пониманию действительности и обеспечивает правильное руководство в грандиозном деле социалистического переустройства общества.

Догматик обращает внимание только на общее в различных явлениях, игнорирует единичное и особенное. В силу этого все явления он стремится подогнать под одну схему, отвлекающуюся от условий, конкретной обстановки и специфических особенностей развития явлений в той или иной стране, в ту или иную эпоху. Но без знания этих особенностей нельзя понять и действие общих закономерностей. Игнорирование специфики единичного и особенного приводит к тяжелым ошибкам и извращениям. Как можно правильно руководить строительством социализма в какой-либо стране, не учитывая специфических особенностей этой страны (ее истории, традиций, национальных особенностей и т. д.)?

Коммунистическая партия Советского Союза в своей деятельности показала образцы правильного понимания и решения проблем общего и особенного. Блестящие образцы такого понимания дают и другие марксистские партии.

Поскольку закон отражает всеобщее в явлениях, а не все свойства явлений, постольку единичное явление богаче закона. Закон социальной революции, устанавливающий неизбежность перехода на определенном этапе развития от одной общественно-экономической формации к другой, не исчерпывает всего богатства содержания социальных революций в различные эпохи в различных странах. Любая отдельная социальная революция богаче, многообразнее этого закона.

Закон есть *прочное, устойчивое, повторяющееся, тождественное* в явлениях. Явления одновременно и сходны и различны. Всегда можно найти одну или несколько сторон, по которым сходны самые различные предметы действительности. Диалектика отрицает абсолютное *тождество* явлений, но она признает относительное тождество (совпадение явлений по каким-то отдельным сторонам, свойствам). Закон отражает то, в чем многообразные явления тождественны между собой. Так, закон стоимости выделяет такое свойство товаров, по которому они все сходны. Это свойство повторяется во всех товарах независимо от их природных качеств и от того, кто, когда и где их производил.

Тождественное существует только в различном, а различное не исключает тождества, единства явлений по каким-либо сторонам, свойствам. Наука, открывая закономерные связи явлений, устанавливает тождество в различном, различие в тождественном. Так, биология, открыв клеточную структуру живых организмов, установила их единство, но она же одновременно указывает, что это тождественное в организмах — клетки — различно по своей структуре в разных типах организмов. Или, например, историческая наука открыла закон, что все общества,

где частная собственность на средства производства является основой общества, развиваются путем классовой борьбы, но сама классовая борьба на различных ступенях общественного развития различна. Не всякое сходное, тождественное является законом, а только такое, которое выражает сущность явлений.

Законы объективны. Они не создаются сознанием и волей людей, а существуют независимо от них. Признание объективного характера закономерностей — существеннейшая черта философского материализма. «Мир,— писал В. И. Ленин,— есть закономерное движение материи, и наше познание, будучи высшим продуктом природы, в состоянии только *отражать* эту закономерность» [1]. Законы науки являются отражением объективных законов природы и общества.

Диалектический материализм стоит на позициях последовательного детерминизма. Все предметы и явления движутся, изменяются, развиваются по определенным объективным законам, каждое событие имеет причины.

Философы-индетерминисты отрицают объективность закономерностей. С точки зрения индетерминизма, явления не определяются причинами и необходимостью, а зависят от бога, «высшего разума», воли или цели. Индетерминизм выступает в различных формах, но в конечном счете он ведет к замене научного взгляда на мир религиозным. Как писал Ленин, «изгнание *законов* из науки есть на деле лишь *протаскивание законов религии*» [2].

Теология (от греческого «теос» — бог) открыто говорит о том, что явления природы возникли и движутся по велению бога, порядок в мир вносится «творцом». Этот религиозный взгляд в разных вариациях пропагандируется философами-идеалистами. Так, например, одно из направлений современной философии — *персонализм* исходит из того, что первоосновой бытия является «верховная личность», «творец мира», бог; все законы природы и общества считаются проявлениями божественной воли.

Отрицают объективный характер закономерностей и кантианцы. Они считают, что законы природы устанавливаются нашим рассудком. В самой природе, в мире явлений нет необходимости, существенности и общности, опыт нам не дает их. Суждения о внешнем мире приобретают всеобщий характер якобы потому, что в основе их лежат всеобщие априорные категории рассудка.

Идеалистический взгляд, согласно которому разум диктует законы природе, нашел широкое распространение в позитивистской философии. Так, махист *Пирсон* писал: «...закон в научном смысле слова есть, по существу, продукт человече-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 156.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 20, стр. 182.

ского духа, не имеющий смысла помимо человека. Он обязан своим существованием творческой мощи его интеллекта. Имеет больше смысла утверждать, что человек дает законы Природе, чем, обратно, что Природа дает законы человеку» [1].

Неопозитивист *Витгенштейн* утверждает, что закон причинности — это только форма закона, родовое название, а не выражение объективной связи явлений: «События будущего,— пишет он,— не могут быть выведены из событий настоящего. Вера в причинную связь есть суеверие» [2]. Суждения, которые в науке называются законами, являются якобы лишь лингвистическими предложениями и не отражают поведение самих физических объектов [3].

Отрицая объективность законов, философы-идеалисты иногда рассуждают так. Закон есть существенное в явлениях, но ведь сам человек, исходя из своих потребностей, одно делает существенным, а другое несущественным. Как мы можем знать, говорит прагматист *Шиллер*, что составляет сущность человека? Для богослова существенно в человеке то, что он имеет душу, для врача — что он имеет тело, для повара — что он имеет желудок, а для прачки — что он носит белье [4]. С разных точек зрения все это существенно для человека в такой же мере, как и то, что он зарабатывает деньги. Вывод из этих рассуждений делается такой: сущность предмета определяется субъектом, нашим взглядом на предмет. Что существенно для самого предмета, мы знать не можем, да и сама постановка вопроса о сущности предмета якобы бессмысленна. А раз не признается объективная сущность, то не признается и объективная закономерность.

Но в действительности сущность предмета не определяется мнением или практическими интересами людей. Например, человек, как любой другой объект познания, имеет множество сторон, свойств, которые могут привлекать к себе интерес исследователя. Однако каждый из этих интересов не определяет сущности человека. Последняя может быть понята лишь в том случае, если мы выясним особенности человека, выделившие его из мира животных. Тогда окажется, что человек обладает таким существеннейшим качеством, которое отличает его от всех других животных: человек делает орудия производства, трудится, сущность человека определяется совокупностью исторически определенных общественных отношений.

---

[1] *К. Пирсон*, Грамматика науки, «Шиповник», Спб., стр. 111.

[2] *L. Wittgenstein*, Tractatus Logico-Philosophicus, London, 1949, p. 109.

[3] Некоторые современные позитивисты связывают законы природы с воспоминаниями. По их мнению, законы являются такими эмпирическими обобщениями, которые носят вероятный характер и оправдываются некоторыми воспоминаниями о наблюдавшихся фактах.

[4] *F. C. S. Schiller*, Formal Logic, London, 1912, p. 54.

Конечно, предмет подчиняется действию многих законов, ибо он находится в многочисленных связях, отношениях с другими предметами. Разные отрасли научного знания изучают разные законы, которым подчинен один и тот же предмет. В воде химика интересует ее химическое строение и реакции с другими веществами, физик же изучает воду с другой стороны: изменения ее агрегатных состояний, теплопроводность, электропроводность и т. д. Поэтому физика и химия открывают разные законы, действующие в одном предмете. Но ни химия, ни физика не создают закономерностей, а только изучают их. Наличие многих закономерностей у одного и того же предмета не может служить аргументом для доказательства их субъективности, зависимости от человека, от его потребностей и мышления.

Законы природы и общества не проявляются в чистом виде, а в своем проявлении осложняются многими обстоятельствами. Действие того или иного закона наталкивается на целый ряд противодействующих сил и тенденций, через которые он пробивает себе дорогу. Например, экономический закон капитализма о тенденции нормы прибыли к понижению вытекает из относительного уменьшения переменного капитала по отношению к постоянному. Это уменьшение в свою очередь вытекает из технического прогресса, из роста органического состава капитала. Но одновременно с ростом совокупного капитала растет масса прибыли, и в силу этого падение нормы прибыли выступает лишь как господствующая тенденция.

То же можно сказать и о законе обнищания пролетариата в капиталистических странах. Действию этого закона противостоит действие другого закона — закона классовой борьбы пролетариата, а также борьба двух систем — капитализма и социализма. В силу этого закон обнищания пролетариата проявляется неравномерно в различных странах. Ограбление народов колоний и подкармливание за их счет верхушки рабочего класса в метрополиях также оказывает влияние на неравномерность действия закона обнищания пролетариата.

Объективную закономерность в природе и обществе некоторые идеалисты подменяют *целесообразностью*, метафизически противопоставляя закон и цель друг другу. Еще в древнегреческой философии существовал взгляд, согласно которому все явления возникают ради какой-то конечной цели, целевой причины (causa finalis), якобы независимой от действующих причин. Этой целью будто бы определяются и деятельность людей, и жизнь общества, и все движения в природе. Сама вселенная устроена ради какой-то высшей цели (бога). Объяснение мира, исходящее из конечных целей, к которым якобы стремятся все явления природы, носит название *телеологии*.

Телеология возникла как оправдание теологии. Богословами и философами-идеалистами было выдвинуто даже специаль-

ное физико-телеологическое доказательство существования бога. Целесообразное, разумное устройство природы, говорят сторонники этого доказательства, свидетельствует о разумности породившей ее причины, т. е. доказывает существование мыслящего и разумного существа, бога. Немецкий философ Лейбниц учил, что в мире существует предустановленная богом гармония, согласованность, а сам наш мир является лучшим из всех возможных миров [1].

Поэт Г. Гейне в произведении «Путешествие по Гарцу» едко высмеял телеологию, согласно которой в природе все до такой степени разумно и целесообразно устроено, что деревья «зелены оттого, что зеленый цвет полезен для глаз... бог также сотворил рогатый скот потому, что мясные супы подкрепляют человека, ослов сотворил затем, чтобы они служили людям для сравнений, а самого человека — чтобы он ел мясные супы и не был ослом».

Телеологический взгляд на природу был подвергнут критике материалистами. Демокрит, Эпикур, Лукреций, Бэкон, французские и другие материалисты противопоставили телеологии принцип причинной обусловленности явлений в природе. При этом материалисты XVII и XVIII вв. телеологическому объяснению мира противопоставляли механистическое понимание причинности, в чем сказалась ограниченность метафизического материализма. Так, плотность предохраняющей тело животного кожи они объясняли сокращением пор под действием холодного воздуха. Неразвитость биологической науки не давала возможности правильно объяснить факты относительной целесообразности в живой природе.

Материалистическая диалектика, опровергнув телеологический взгляд на мир, дала правильное, рациональное объяснение цели и ее отношения к объективным закономерностям. Природа не ставит целей. Правда, в органическом мире мы сталкиваемся с так называемой целесообразностью, с приспособленностью растений и животных к окружающей среде и органов друг к другу, с «целесообразной» структурой органов. Так, животные меняют окраску в зависимости от времени года: заяц зимой белый, а летом — серый. Но «целесообразная» приспособленность не тождественна сознательной, целенаправленной деятельности. Ни животные, ни тем более растения не ставят себе никаких целей. «Целесообразность» в органическом мире — это приспособленность к среде, являющаяся закономерным результатом стихийного действия физических, химических и биологических факторов.

Правильное объяснение «целесообразности» в природе дал Дарвин, показавший относительность и односторонность целесообразного строения живых организмов. Приспособленность

[1] В грубой форме телеология стала встречаться реже. Сейчас телеологический взгляд на мир чаще выступает в форме имманентной телеологии, согласно которой явления подчинены скрытой внутренней цели. Но телеология остается телеологией независимо от того, действием какой цели (внешней или внутренней) заменяются объективные законы природы или общества.

животных и растений к среде возникла в результате естественного отбора: все неприспособленное погибает в борьбе за существование. Целесообразная приспособленность растений и животных есть результат взаимосвязи организма и условий его существования. Она относительна и вне этих конкретных условий теряет значение. Белая окраска зайца целесообразна и полезна в условиях зимы, но без снежного покрова земли она становится вредной для него.

Последовательно проводя детерминизм, материалистическая диалектика не исключает ни целей, ни свободы действий человека. Больше того, только при детерминистском взгляде возможна строгая и правильная оценка роли цели и целенаправленной деятельности людей. В природе действуют друг на друга слепые, бессознательные силы, а общие законы проявляются путем взаимодействия таких сил. В природе нет сознательной цели. Общество развивается в результате действия людей, одаренных сознанием, ставящих себе цели. Человек производит изменения в природе не просто в силу своего присутствия; своим трудом он заставляет природу служить его целям. Эта особенность деятельности человека абсолютизировалась идеалистами, которые отрывали сознательную цель в человеческой деятельности от породивших ее объективных закономерностей, распространяли понятие цели на природу.

Цели, которые ставит человек в своей практической деятельности, могут соответствовать, а могут противоречить закономерностям объективного мира. По мере того как человек все более точно познает законы природы и общества, он ставит все более правильные, научно обоснованные цели.

Так, целью своей революционной борьбы пролетариат ставит свержение капитализма и установление справедливого строя— коммунизма. Эта цель классовой борьбы пролетариата причинно обусловлена, она вытекает из познанных объективных закономерностей развития общества.

Когда цели человека вытекают из познанных законов развития материального мира, тогда практическая деятельность по достижению этих целей успешна. При этом знание законов дает человеку возможность предвидеть как близкие, так и отдаленные последствия своего активного вмешательства в естественный ход процесса. Если же цели человека покоятся на знании только внешних, несущественных связей, то практическая деятельность может оказаться безуспешной. Правильная, научная постановка цели и правильный выбор средств для ее осуществления дают возможность людям использовать объективные законы для достижения господства над силами природы и общества.

Признание объективного характера законов, таким образом, отнюдь не означает бессилия человека перед силами природы и общества. Фатализм так же чужд материалистической диа-

лектике, как и субъективизм. Законы природы и общества нельзя уничтожить, но это не значит, что люди бессильны изменить условия, на почве которых возникают те или иные законы, и тем самым вместе с изменением условий изменить и действие законов. Так, вместе с уничтожением условий существования капиталистического общества прекращается действие законов капитализма. Вместо них на почве новых условий возникают новые законы, законы социализма.

В зависимости от различных условий меняется форма проявления закона. Одни и те же законы проявляются в самых различных формах. Существуют вечные законы природы, но и они в зависимости от различных условий меняют форму своего проявления. Ф. Энгельс писал: «*Вечные законы природы* также превращаются все более и более в исторические законы. Что вода при температуре от 0 до 100° *C* жидка — это вечный закон природы, но, чтобы он мог иметь силу, должны быть налицо: 1) вода, 2) данная температура и 3) нормальное давление. На луне вовсе нет воды, на солнце имеются только составляющие ее элементы, и для этих небесных тел указанный закон не существует» [1].

Многие физические, химические и биологические законы имеют силу только для условий, имеющихся на Земле. На других небесных телах существуют другие условия и, следовательно, действуют другие законы. «Если мы желаем говорить о всеобщих законах природы, применимых одинаково ко *всем* телам, начиная с туманности и кончая человеком, то у нас остается только тяжесть и, пожалуй, наиболее общая формулировка теории превращения энергии... Но сама эта теория превращается, если последовательно применить ее ко всем явлениям природы, в историческое изображение изменений, происходящих одно за другим в какой-нибудь мировой системе от ее возникновения до гибели, т. е. превращается в историю, на каждой ступени которой господствуют другие законы, т. е. другие формы проявления одного и того же универсального движения,— и, таким образом, абсолютно всеобщим значением обладает одно лишь *движение*» [2].

Итак, действие законов зависит от условий. Формы проявления законов меняются в различных конкретных условиях. Человек, познав законы и многообразные формы их проявления, может изменять условия и использовать законы для своих практических нужд. Он может обуздать стихийные силы природы и общества, овладеть ими. Он может создавать одни условия действия закона и устранять другие, получая таким образом различные результаты. Практическое значение познания человеком законов природы и общества в том и состоит,

---

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1955, стр. 189.

[2] Там же, стр. 190.

чтобы овладеть ими, использовать их в интересах и целях общества, господствовать над силами природы и общества, целесообразно управлять ими.

Познание и практическое использование законов природы и общества сталкиваются со многими трудностями. Закон нельзя увидеть или осязать, он не постигается непосредственно чувствами. Как говорят, законы небесной механики не начертаны на небе. Открытие закона — результат длительного процесса абстрагирующей деятельности человеческого мышления, результат познания.

В науке существует понятие так называемой *статистической закономерности*, которая действительна только для целого ансамбля явлений, а не для каждого отдельного элемента этого ансамбля, как в динамической закономерности. При статистической закономерности среди массы явлений хаотически распределен какой-либо общий признак. Эта закономерность проявляется и может быть обнаружена в большом числе случаев, в массовом потоке фактов. Суммирование большого числа случаев, единичных явлений приводит к тому, что исчезают их случайные отклонения в ту или иную сторону: случайности погашают и уравновешивают друг друга. Так, например, сумма стоимости товаров совпадает с суммой цен их. Но эта закономерность не может быть обнаружена в каждом отдельном товаре, цена которого то выше, то ниже его стоимости: «... вполне естественно,— пишет Ленин,— что в обществе разрозненных товаропроизводителей, связанных лишь рынком, закономерность не может проявляться иначе как в средней, общественной, массовой закономерности, при взаимопогашении индивидуальных уклонений в ту или другую сторону» [1]. Подобно этому давление газа на стенку сосуда подчинено определенной закономерности и имеет постоянную величину. Однако движение каждой отдельной молекулы внутри сосуда носит случайный характер, на основе знания статистической закономерности нельзя предсказать точное направление движения каждой молекулы газа в сосуде.

Статистический закон имеет все признаки закона: объективность, необходимость, всеобщность, он распространяется на все ансамбли одного и того же типа и выражает существенную и необходимую связь явлений. Чтобы вскрыть статистическую закономерность, надо изучить большую массу случайностей. Существует *закон больших чисел*, выражающий диалектику связи необходимости и случайности. В силу этого закона совокупное действие большого числа случайных факторов приводит к результату, не зависящему от отдельного случая.

Среди ряда зарубежных философов и естествоиспытателей имеется тенденция отрыва статистической закономерности от

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 21, стр. 50.

динамической. Этот отрыв выражается прежде всего в утверждении, что явления, в которых действует статистическая закономерность, не подчинены никаким динамическим закономерностям. Законы квантовой механики носят статистический характер. Поэтому, говорят физики-индетерминисты, поведение отдельного электрона не детерминировано никакими объективными закономерностями.

Статистическая закономерность отнюдь не означает, что отдельное явление ансамбля не подчинено вообще никаким объективным законам. Движение каждой отдельной единицы ансамбля в том или ином направлении, ее отклонение в ту или другую сторону причинно обусловлено. Цена какого-либо товара может быть значительно выше его стоимости, но это превышение имеет свои причины, например большой спрос и отсутствие конкурента в данный момент.

В мире нет таких явлений, которые подчинялись бы либо только статистическим, либо только динамическим закономерностям. В каждом явлении переплетается действие многочисленных и различных законов, ибо явления находятся в многочисленных связях с другими явлениями: с одними явлениями они связаны статистической закономерностью, а с другими — динамической. Динамическая закономерность не исключает статистической, а статистическая не исключает динамической. Например, движение молекулы газа в сосуде связано с другими молекулами статистической закономерностью, но эта же молекула вместе с другими, находящимися в сосуде, подчинена той динамической закономерности, которая определяет положение сосуда в пространстве. Связь явлений, устанавливаемая статистически, причинно обусловлена. Поэтому всякий статистический закон основан на динамической закономерности.

3. Необходимость и случайность

Последовательное проведение принципа детерминизма связано с правильным решением проблемы соотношения необходимости и случайности. Не уяснив этого соотношения, нельзя понять действия объективных законов.

Как было уже ранее сказано, закономерные связи объективно обусловлены, существенны и необходимы. *Необходимо* то, что вытекает из сущности, из внутренней связи вещей и неизбежно должно произойти. Противоположностью необходимости является случайность. *Случайность* неустойчива, она внутренне, необходимо не связана с сущностью процесса. Случайное явление может быть, а может не быть, может произойти так, а может произойти иначе. Необходимость имеет причину в самой себе, случайность — в другом. Например, победа нового общественного строя, социализма,— явление необходи-

мое, вытекающее из сущности всего предшествующего общественного развития, оно обязательно произойдет во всем мире, причина этого явления кроется во внутренних закономерностях развития общества. Случайно, что семя какого-либо растения было занесено в такую область, куда раньше семена этого вида растений не попадали. Случайно, что это семя нашло там условия для своего произрастания. Причина этих явлений находится вне семени: ход развития семени не заключает в себе причин перенесения его в ту или иную область; не от семени зависит, в какие условия оно попадает, какие помехи оно встретит на месте своего произрастания. Совсем не обязательно, чтобы данное семя попало в данную область, чтобы оно нашло там благоприятные условия и т. п. Когда семя какого-либо растения созреет, его дальнейшее существование зависит от многих случайностей.

Метафизики рассматривают случайность и необходимость как взаимоисключающие друг друга: необходимое не имеет отношения к случайности, а случайность абсолютно исключает необходимость. Для метафизического материализма характерно отрицание случайности и признание господства в природе и обществе чистой, абсолютной необходимости. Еще Демокрит говорил, что все свершается только по необходимости: «*Люди измыслили идол* [*образ*] *случая, чтобы пользоваться им как предлогом, прикрывающим их собственную нерассудительность*» [1]. Субъективной категорией считали случайность и французские материалисты XVIII в. Так, Гольбах писал, что в природе, обществе и человеческом мышлении все подчинено абсолютной необходимости. Ничего иного по сравнению с тем, что существует, быть не может: «...Все, что мы наблюдаем, *необходимо* или не может быть иначе, чем оно есть...» [2] Ни одно живое существо не может действовать иначе, чем оно действует, ни один атом случайно не встречается с другим. Говорить о случайности, по мнению Гольбаха, значит не знать законов природы. Отрицание случайности аргументировалось тем, что в мире объективно существует причинность, которая якобы исключает всякую случайность. Случайным явление может-де считаться лишь до тех пор, пока не вскрыта причина его существования. Как только обнаружится причина явления, случайности якобы приходит конец. Отсюда вывод: случайность — субъективная категория, выражающая наше незнание предмета. Материалисты прошлого неправильно полагали, что признание объективности случайности неизбежно приведет к идеалистическому взгляду на мир, к индетерминизму.

Крайности сходятся, и в данном случае отрицание случайности фактически приводит к низведению необходимости до

---

[1] «Материалисты древней Греции», 1955, стр. 69.
[2] *П. Гольбах*, Система природы, Соцэкгиз, 1940, стр. 35.

степени случайности. Сказать, что все абсолютно необходимо, равносильно противоположному утверждению: все одинаково случайно. Объявить все необходимым — значит растворить необходимость как специфическую форму связи явлений в массе случайностей. Если все необходимо, то число листьев на этом дереве — явление столь же неотвратимое, как и закон всемирного тяготения.

Французские материалисты XVIII в., отрицая случайность, в действительности все события в истории общества объясняли случайными обстоятельствами. Гольбах писал: «Мы должны быть уверены, что нет столь малой или отдаленной причины, которая не оказывала бы иногда на нас огромнейшего и неожиданнейшего влияния. Может быть, в бесплодных равнинах Ливии собираются первые зародыши бури, которая, уносимая ветрами, прибудет к нам, сгущая нашу атмосферу и воздействуя на настроение и страсти человека, а человек в силу сложившихся обстоятельств может влиять на множество других людей и по своему произволу решать судьбу многих народов» [1]. Так, случайное обстоятельство (песчинка из Ливийской пустыни) может определить ход общественного развития, вызвать войны, бедствия народов. Французские материалисты случайные причины возводили до степени необходимых и вследствие этого сами впадали в идеализм и фатализм.

Метафизический материализм, отрицающий случайность, бессилен в борьбе против фатализма, воспитывающего покорность перед стихийными силами природы и общества, как перед волей мистического рока, судьбы. Если в природе и обществе все совершается с абсолютной необходимостью, то человек ничего не может изменить, и ему остается только ждать благоприятной необходимости или счастливого случая, что, как мы видели, с точки зрения метафизиков, равнозначно.

Существование необходимости в природе и обществе отрицают современные позитивисты. Витгенштейн утверждает, что нет такой необходимости, в силу которой должно произойти одно, потому что произошло другое. По его мнению, существует только логическая необходимость — необходимость следования одного суждения из другого; эта необходимость не отражает никакой объективной закономерности, а возникает из природы языка.

Однако практическая деятельность людей доказывает объективное существование как необходимости, так и случайности в природе и обществе. Но недостаточно просто признать объективное существование необходимости и случайности. Ведь можно так рассуждать: необходимость существует сама по себе, а случайность — сама по себе; одни связи и события только необходимы, а другие только случайны; науке нет никакого дела до

[1] *П. Гольбах*, Система природы, стр. 36.

случайностей, хотя они и существуют, она изучает только существенное, устойчивое, обязательное. Такого взгляда придерживался метафизик *Х. Вольф.*

Но необходимость сама проявляет себя через бесчисленные случайности, как общее проявляется через единичные явления. И задача науки состоит в том, чтобы в кажущемся хаосе случайностей открыть, обнаружить скрытую необходимость, закономерность.

Материалистическая диалектика глубоко и всесторонне раскрывает взаимосвязь случайности и необходимости, их переход друг в друга в процессе развития материи. Случайность есть форма проявления необходимости и дополнение к ней. «...То,— пишет Энгельс,— что утверждается как необходимое, слагается из чистых случайностей, а то, что считается случайным, представляет собой форму, за которой скрывается необходимость...» [1]

Представим себе, что какой-либо мелкий собственник, скажем, владелец кондитерской лавки в капиталистической стране, разорился, стал пролетарием. Это часто бывает. Сам кондитер думает, что это событие чисто случайное, не имеющее никакого отношения к необходимости. Да и действительно случайно, что этот, а не другой кондитер разорился; ведь в другом месте при несколько иных обстоятельствах другой кондитер до конца своей жизни может прожить владельцем лавки. Можно найти целый ряд случайных обстоятельств, которые вызвали разорение именно этого кондитера, например то, что по соседству открылся большой кондитерский магазин с более дешевыми товарами, вследствие чего наш кондитер лишился своих покупателей, и т. п. Но за этим событием, как за всякой случайностью, скрывается необходимость. Разорение мелких собственников (торговцев, ремесленников, крестьян) в условиях капиталистического общества с развитой индустрией — необходимый, неизбежный процесс, закон капитализма. Эта необходимость пробивает себе дорогу через массу случайностей (разорение тех или иных отдельных мелких собственников). Без этих единичных и, следовательно, случайных по отношению к общему ходу экономического развития явлений не может проявиться экономическая необходимость.

Случайность не есть беспричинность. Все случайности имеют свои причины. Кондитер разорился потому, что появился серьезный конкурент. Когда имеется причина и условия для ее действия, то следствие необходимо вытекает из нее. Причинность — всеобщая форма связи явлений. Но условия для действия данной причины могут быть, а могут не быть. Сами при-

---

[1] *Ф. Энгельс,* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, 1955, стр. 38.

чины различны: есть такие, которые вытекают из внутренней логики процесса развития и являются, следовательно, необходимыми; есть и причины случайного характера, которые могли и не иметь места.

Естественная смерть в результате старости и одряхления не случайна. А смерть здорового человека в результате удара автомобиля могла и не иметь места при ином стечении обстоятельств, если бы человек вышел из дому на минуту раньше или позже или по дороге встретил бы товарища и задержался с ним. Случайность появляется в точке пересечения разных причинно обусловленных явлений. Пересечение этих явлений именно в данной точке необязательно; оно — результат стечения многих обстоятельств. Отсутствие одного из них исключило бы его возможность.

Случайность и необходимость в процессе развития переходят друг в друга. Например, отдельные случаи превращения пленников в рабов встречались и до существования рабовладельческого строя, но они не были характерными и необходимыми, не вытекали из внутренних потребностей родового строя. Но когда производительные силы развились до такого уровня, что возникло производство прибавочного продукта, обращение в рабство стало не единичным, а общим явлением, господствующим экономическим отношением античного общества.

Широко распространено положение: «Наука — враг случайности». Это положение нужно понимать не в том смысле, что наука отрицает существование случайности. Случайность объективно существует и изучается наукой. Но наука не должна останавливаться на этом: обязанность науки за случайностями раскрыть необходимость, закономерность, проявляющуюся в случайностях. В этом смысле наука есть враг случайности.

Случайность не только объективно существует, но и оказывает влияние на ход развития явлений. Необходимость проявляется в случайностях, в чистом виде она не существует. Но одна и та же необходимость может проявиться в различных случайностях, и если она пробивает себе дорогу через эту, а не другую случайную форму, то эта случайность окажет влияние на ход процесса. В истории общества, как и в развитии природы, много случайностей. Историю делают люди, обладающие различными способностями и стремлениями. Когда созревает какая-либо общественная необходимость, то всегда найдутся люди, которые будут ее претворять в жизнь. Но как они будут ее осуществлять, это зависит и от многих случайных обстоятельств: от способностей, наклонностей, характера деятелей, ставших во главе движения. По отношению к общему историческому процессу случайно, что именно эта личность возглавила данное движение, но поскольку она уже встала во главе этого движения, она окажет влияние на него, наложит свой отпечаток на те или иные события.

Случайности по-разному оказывают влияние на нашу жизнь: одни благоприятны, другие пагубно действуют, одни ускоряют ход развития процесса, другие осложняют и замедляют. На разных ступенях развития общества жизнь людей в различной степени зависела от случайностей природы. Жизнь первобытного человека почти всецело зависела от случайностей природы; добывание средств к жизни во многом зависело от случайных обстоятельств: удачной охоты и т. д. Одно какое-либо стихийное бедствие (засуха, ливень, вторжение других племен) могло привести к гибели племени. С развитием производительных сил общества и науки люди все больше и больше выходили из-под власти случая.

При социализме впервые в истории люди получают возможность все больше и больше управлять общественными процессами, сознательно использовать законы в интересах всего общества. В руках народа при социализме находятся все средства производства и наука, которые дают возможность устранить пагубное действие некоторых случайностей природы. При социализме познанные законы развития природы и мощная техника производства служат господству человека над стихийными силами, используются в интересах народа.

4. Возможность и действительность

Чтобы глубже понять действие законов природы и общества, проявление необходимости через случайности, пути и средства использования человеком объективных законов для своих практических целей, нужно рассмотреть проблему возможности и действительности, условия превращения, перехода первой во вторую.

Категория *возможность* выражает способность материи в процессе движения принимать различные формы. Любое явление при известных условиях может изменить форму своего существования, перейти, превратиться в другое явление (например, низшие формы переходят в высшие). Эта возможность определяется тем, что все вещи, явления, процессы находятся в непрерывном движении, изменении, которое происходит по определенным от сознания и воли людей не зависящим законам. Одно явление может стать другим, оно содержит в себе эту объективную возможность.

Но в каком направлении может произойти изменение данного предмета, каким другим он может стать? Это зависит от определенных условий, обстоятельств.

Обнаружить, вскрыть возможности, таящиеся в явлениях природы и общества, и условия превращения их в новую действительность — это важнейшая задача науки и практической деятельности людей. Возможность в силу заложенной в бытии

необходимости, закономерности превращается в действительность.

Действительность [1] есть осуществленная возможность. Возможность выражает тенденцию закономерного движения бытия (природы и общественной жизни).

В зависимости от различных условий одна и та же возможность может осуществляться в разных формах. Так, развитие капитализма в ряде стран пошло по прусскому или по американскому пути.

Формы осуществления возможностей зависят от многих обстоятельств. Например, возможность сбора хорошего урожая зерна в каком-либо районе в текущем году основана на многих закономерных факторах (сортовые семена, улучшенная обработка почвы и др.), но эта возможность связана и с многими случайными обстоятельствами (количество осадков и солнечных дней в этом году, состояние погоды во время уборки и т. д.). Поэтому при выявлении возможностей надо учитывать как необходимые, так и случайные факторы, определяющие эту возможность. Возможность мирного перехода от капитализма к социализму зависит от наличия или отсутствия буржуазно-демократических учреждений, от бо́льших или меньших возможностей для организации и политической деятельности рабочего класса и его партии, от поведения буржуазии и т. д.

Возможность противоположна невозможности.

Излюбленной манерой современных идеологов буржуазии, волюнтаристически [2] подходящих к истолкованию мира, является попытка выдать невозможное за возможное и, наоборот, возможное за невозможное. Так, например, игнорируя закон конкуренции и анархии производства при капитализме, они стараются доказать возможность «планируемого», «организованного», «бескризисного» капитализма. Невозможное выдают за возможное. С другой стороны, они отрицают возможность сосуществования двух систем (капитализма и социализма), которая выражает историческую закономерность.

Возможность и невозможность надо рассматривать конкретно. В зависимости от изменений условий и возникновения новых законов невозможное может стать возможным и наоборот. Социалистическая революция в Китае XIX в. была невозможной, но потом, с развитием капитализма в XX в., она стала возможной, а возможность превратилась в действительность.

Возможность и действительность относительно противоположны как две стороны развития: как исходный момент и резуль-

---

[1] Термин «действительность» употребляется и в другом, более широком смысле: как весь окружающий нас мир со всеми возможностями, которые в нем имеются. Здесь мы рассматриваем действительность в ее соотношении с возможностью.

[2] Волюнтаризм — разновидность идеализма. Основой всего существующего волюнтаристы считают волю.

тат развития. А так как развитие представляет собой цепь событий, то каждое звено в ней является исходным моментом по отношению к одному и результатом по отношению к другому: и возможность и действительность. Феодальный строй на определенной ступени своего развития содержит возможность капиталистического, а капиталистический — социалистического строя.

Хотя возможность и действительность переходят друг в друга, их надо строго различать. Принять возможное за действительное — значит впасть в грубую ошибку, ввести в заблуждение себя и других. Если бы все возможное было одновременно и действительным, то не существовало бы никакого развития в природе и обществе. Смешение возможного и действительного в политике приводит к самообману и серьезным ошибкам.

Если последовательно рассуждать вслед за субъективистами, то пришлось бы признать все возможным. В мире существуют случайности; поэтому, рассуждают субъективисты, все может случиться, все возможно: если сегодня Земля вращается вокруг Солнца, то завтра возможно, что Солнце будет вращаться вокруг Земли. Поэтому и все желаемое возможно. Субъективистское понимание возможности несостоятельно, оно противоречит фактическому развитию явлений природы и общества.

В практической деятельности надо опираться не на то, что все возможно («все может случиться»), а на *реальную возможность*, которая вытекает из существующей и действующей закономерности и из наличных условий. Существование объективной закономерности необходимо, но еще недостаточно для возникновения той или иной реальной возможности. Нужны условия, которые способствовали бы проявлению этой закономерности именно в данной форме.

Существуют разные возможности. Не следует смешивать два рода возможностей: абстрактную (формальную) и реальную. Наличие определенной закономерности обусловливает лишь *абстрактную, формальную возможность*, которая в данной конкретно-исторической обстановке еще не может превратиться в действительность, потому что отсутствуют необходимые предпосылки для ее реализации. Например, возможность экономического кризиса перепроизводства заложена в противоречиях товара вообще — в разделении акта купли и продажи во времени и пространстве, в раздвоении товара на товар и деньги, в развитии функции денег как средства обращения. Но в условиях простого товарного хозяйства возможность кризиса перепроизводства носит абстрактный, формальный характер. Хотя и в условиях простого товарного производства можно продавать, не покупая, но реальной угрозы экономического кризиса не возникает. Если даже какой-либо мелкий собственник (или группа их) будет продавать, не покупая, то ощутимой задержки в сбыте товаров не произойдет; рынок не будет переполнен товарами, производителю не придется увольнять рабочих, ибо у него их нет. Возможность

экономического кризиса перепроизводства становится реальной в условиях капиталистического общества, где деньги превращаются в капитал, а труд становится наемным. Здесь производство носит общественный, а присвоение — частный характер, и разделение акта купли и продажи и возникающие на этой основе задержки в сбыте товаров приводят к кризису и потрясению капиталистического общества: к расстройству торговли, к сокращению производства, к росту безработицы, к разорению мелких собственников, к банкротству промышленных, торговых и банковских фирм и т. д.

Многие буржуазные идеологи, приукрашивая империализм, пишут о богатых возможностях, которые таит в себе капитализм для простых людей. Они говорят, что в капиталистическом обществе любой человек может стать миллионером, которому все доступно. Но эта возможность — чисто формальная. Рабочему нужна не формальная возможность стать капиталистом, а реальная возможность освободиться от эксплуатации, иметь работу, хорошее жилище, питание, возможность культурного развития и быть полноправным хозяином своей страны. Для успешной практической деятельности человек, передовой общественный класс должны обнаружить нужную им реальную возможность, определить пути ее претворения в жизнь и действовать согласно этим путям.

Возможность не есть нечто застывшее и неизменное. Развитие возможности есть результат действия законов. Так, возможность победы социалистической революции в странах капитала развивается в связи с развитием капитализма и обострением его противоречий.

Как известно, всякий закон в природе и в обществе не выступает в чистом виде, а проявляется как тенденция. Действие того или иного закона наталкивается на целый ряд противодействующих сил и тенденций. Поэтому явления действительности таят в себе противоречивые возможности, каждая из которых опирается на определенные тенденции закономерного развития. Среди борющихся возможностей в конце концов побеждает, превращается в действительность какая-либо одна. Например, современная международная обстановка таит в себе возможность новой мировой войны и возможность предотвращения этой войны. Возможность войны вытекает из того, что империализм порождает войны, она заложена в экономической сущности империализма. Возможность предотвращения войны основывается на другой закономерности: империализм перестал быть всеохватывающей мировой системой, возникли, развились и окрепли социалистические страны, изменилось соотношение классовых сил на мировой арене в пользу социализма, расширяется зона мира, выросло движение борцов за мир. Все это говорит о том, что нет фатальной неизбежности войны. Обе возможности (и возможность войны и возможность ее предотвращения) реальны, но противоположны.

Превращение одной из них в действительность означает ликвидацию другой. При этом одна возможность (предотвращение войны) выражает основную тенденцию прогрессивного развития, растет и развивается, а другая опирается на реакционные агрессивные силы капиталистического общества, которые встречают все большее сопротивление со стороны прогрессивных сил, борющихся за мир и демократию.

Какая же из существующих и борющихся возможностей станет действительностью? Это зависит от многих обстоятельств. Чтобы возможность прочного мира превратилась в действительность, чтобы предотвратить новую войну, необходимы бдительность и организованность сил мира, демократии и социализма, их активная и решительная борьба единым фронтом против агрессии.

Если не будет всех необходимых условий, то и реальная возможность не превратится в действительность. Семя содержит в себе возможность превращения в растение, но для этого в определенное время года его надо бросить в разрыхленную почву, нужны тепло и влага. Из многих семян не вырастают растения по причине отсутствия необходимых условий.

Среди возможностей имеются такие, которые носят необходимый характер и рано или поздно неизбежно реализуются (например, победа социалистической революции во всех странах обязательно произойдет). Но и такие возможности превращаются в действительность лишь когда созреют все необходимые условия (для победы революции необходимы определенные объективные и субъективные факторы). Наука вскрывает таящиеся в природе и обществе возможности, изучает условия, при которых они реализуются, и тем самым указывает пути устранения неблагоприятных для человека возможностей, содействует превращению желательных возможностей в действительность.

Возможность может превращаться в действительность и без вмешательства человека. Так обычно происходит в природе, где необходимые для реализации возможности условия складываются независимо от деятельности людей.

В общественной жизни превращение возможностей в действительность осуществляется через практическую деятельность людей. Познав лежащую в основе возможности закономерность человек своей практической деятельностью может ускорить превращение этой возможности в действительность, направить развитие по желаемому пути. Изучение возможностей, таящихся в существующем положении вещей, нахождение среди них той, которая отвечает потребностям передовых сил общества, во многом определяют успех практической деятельности.

Объективный подход к явлениям окружающего мира, выявление всех условий, необходимых для реализации возможностей,— это важнейшие элементы диалектического научного анализа явлений.

Когда созрела та или иная возможность в обществе, то ее реализация зависит от практической деятельности людей. Так, СССР имеет возможность в кратчайшие исторические сроки решить основную экономическую задачу — догнать и превзойти США по производству на душу населения. Эта возможность заложена в социалистическом способе производства. Но, чтобы эта возможность реализовалась, превратилась в действительность, необходима активная деятельность народа и всех партийных, государственных и общественных организаций. XXI съезд КПСС наметил конкретный путь реализации этой возможности— путь крутого подъема всех отраслей социалистического хозяйства на основе всестороннего технического прогресса, повышения производительности труда, материального и культурного уровня жизни трудящихся СССР.

ГЛАВА VII

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ ДИАЛЕКТИКИ. ЗАКОН ПЕРЕХОДА КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КАЧЕСТВЕННЫЕ

1. Диалектическая теория развития

Из предыдущего изложения видно, что важнейшей чертой марксистской философии является признание не только материальности мира, но и того, что материя, природа находится в состоянии вечного беспрерывного и закономерного изменения и развития. Теперь мы должны рассмотреть наиболее общие законы развития.

Законы объективного мира — это законы движения, развития. Предметы и явления могут быть правильно поняты и объяснены только при условии, если они рассматриваются в процессе их возникновения и развития. Шаг за шагом, в одной области действительности за другой наука доказывала развитие всего окружающего нас мира. К концу XIX в. идея развития получила широкое распространение и всеобщее признание.

Однако одного признания принципа развития недостаточно. Важно еще правильно понимать, каковы характер и источник этого развития, каковы те общие законы, по которым совершается всякое развитие. Можно признавать движение, но тем не менее остаться метафизиком. Под влиянием успехов науки, особенно со второй половины XIX в., стали возникать вульгарно-эволюционистские теории, на словах признававшие развитие, но по существу отстаивавшие старый, метафизический взгляд на природу, несколько подкрашенный в соответствии с новыми веяниями времени. Ленин писал, что такое признание идеи развития опошляет истину [1].

И действительно, одно дело понимать развитие лишь как такой процесс, который вносит в существующее только какие-то небольшие, частные, чисто количественные изменения, и другое дело под развитием понимать сложный процесс, в котором существующее претерпевает не только количественные, но и глубокие качественные изменения и превращения, когда со временем устаревают, исчезают отживающие формы, уступая место новым, бо-

[1] См. *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 239.

лее высоким и совершенным формам. Ясно, что это две прямо противоположные теории развития.

Первая теория — метафизическая, так как с ее точки зрения движение, развитие не ведет к уничтожению, отмиранию старого и возникновению нового. Она отрицает внутренние противоречия в явлениях и вещах, борьбу противоположностей как источник развития. Развитие она понимает только как плавный, постепенный количественный процесс, отрицая качественные скачки, наступающие на известном этапе развития.

Вторая — диалектическая теория, являющаяся единственно научной, так как в соответствии с объективно существующей действительностью она понимает развитие как смену старого новым, как отмирание старого и возникновение нового, вскрывает внутренние противоречия изменяющихся предметов и в развертывании и разрешении этих противоречий видит главную двигательную силу развития.

В наброске «К вопросу о диалектике» Ленин дает яркое и глубокое сопоставление этих двух теорий, двух концепций развития. «Две основные... концепции развития (эволюции),— пишет Ленин,— суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, *и* развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними). При первой концепции движения остается в тени *само*движение, его *двигательная* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *во вне* — бог, субъект etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание *источника* «*само*»движения. Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая — жизненна. *Только* вторая... дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового» [1]. В этих положениях Ленина показано коренное, принципиальное различие между метафизическими, вульгарно-эволюционистскими представлениями о развитии и марксистской диалектической теорией развития. Раскрывая развитие как закономерную смену старого новым, диалектика имеет великое революционное значение. Недаром Герцен назвал ее алгеброй революции.

Видеть принципиальное различие этих двух теорий развития очень важно для научного миропонимания и практической деятельности. Метафизическая концепция развития не способна правильно ориентировать науку, научное познание. Если бы развитие было лишь движением без смены старого новым, без внутренних противоречий и перехода из одного состояния в другое, то невозможно было бы объяснить богатейшее, поражающее своей сложностью и красочностью великое многообразие развивающегося мира. Невозможно было бы правильно решить вопросы

[1] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 327, 328.

о том, как из одних частиц материи возникают другие, как происходит превращение химических элементов, как в течение многих миллионов лет на Земле из неорганической материи возникла органическая материя, жизнь, как затем одни виды растений и животных превращаются в другие, как из неощущающей материи возникает материя ощущающая, способная мыслить и т. д.

Диалектическая теория развития указывает правильный путь познания, а следовательно, и верный путь к овладению законами и силами природы. Если развитие есть процесс возникновения нового и исчезновения старого, то задача науки состоит в том, чтобы исследовать, как сама природа, материя в своем собственном движении превращается из одних форм в другие, из низших в высшие, из простых в сложные, творя все многообразие окружающего нас объективного мира. Именно на пути такого объяснения наука достигла поразительных успехов в изучении природы. Современная наука, решая сложнейшие вопросы атомной физики, космогонии, биологии, социологии и т. д., приносит все новые и новые подтверждения истинности диалектической теории развития.

Марксистская диалектика дает ключ к объяснению сложности и многогранности развития объективного мира, показывает богатство его содержания и форм. Она исследует наиболее общие законы развития, процесс отмирания старого и возникновения нового, процесс вечного обновления мира.

Основными законами диалектики являются: закон перехода количественных изменений в качественные, закон единства и борьбы противоположностей, закон отрицания отрицания. Каждый из этих законов отражает какую-то существенную сторону, грань, форму, момент объективного развития.

Закон перехода количественных изменений в качественные объясняет, благодаря каким процессам и как предметы претерпевают качественные изменения и превращения; он показывает, что развитие наряду с формой постепенного, плавного нарастания незаметных количественных изменений включает в себя форму перерыва постепенности, скачка от старого качественного состояния к новому. *Закон единства и борьбы противоположностей* вскрывает *источники* всякого развития, его *внутренний импульс*, двигательную силу, заключающуюся в борьбе противоположных сторон, сил, тенденций, свойственных предметам. *Закон отрицания отрицания* отражает и характеризует преемственную связь между различными стадиями развития, *основное направление*, основную тенденцию развития, заключающуюся *в поступательном движении* от простого к сложному, от низшего к высшему, сложную, «спиралевидную» форму этого движения.

Указанные законы — это только наиболее важные, существенные, основные законы диалектики, которая ими не исчерпывается. Помимо этих законов существует целый ряд категорий, каковы, например: *содержание* и *форма*, *случайность* и *необходимость*,

сущность и *явление* и др. Некоторые из этих категорий уже рассмотрены в VI главе в связи с вопросом о закономерном характере развития действительности.

Законы и категории диалектики не выдуманы, а извлечены из самой природы и общественной жизни, они отражают объективные законы, существующие независимо от сознания людей. Именно вследствие этого марксистская диалектика дает нам возможность глубже раскрыть и понять сложные и многогранные процессы развития бытия и познания.

Революционная сущность марксистской диалектики неприемлема для защитников старого, для эксплуататорских классов. Один из приемов борьбы противников марксизма заключается в отрицании объективного характера диалектики. Реформисты, мелкобуржуазные социалисты, многие представители различных течений буржуазной философии пытаются доказать, что объективной действительности чужда диалектика, что в лучшем случае лишь в области мышления проявляется действие некоторых ее принципов. Например, французский буржуазный философ М. Мерло-Понти в книге «Приключения диалектики» нападает на диалектический материализм за то, что последний обнаруживает «в объекте, в бытии то, что менее всего способно там находиться,— диалектику». Идеалисты противопоставляют законы бытия законам мышления. В действительности же именно потому, что законы диалектики являются законами объективного бытия, они выступают и как законы «субъективной диалектики», т. е. познания, мышления.

Подлинный научный метод познания, как уже было сказано,— это не сумма каких-то произвольных правил, конструируемых человеческим умом. Так понимают метод лишь идеалисты. Научный метод есть аналог самой действительности, и потому он есть правильный способ изучения, исследования явлений объективного мира. Чтобы правильно, научно подходить к действительности, изучать и практически изменять ее, нужно опираться на ее собственные законы. Марксистская диалектика и дает знание наиболее общих законов развития всей действительности: природы, общественной жизни, а также мышления. Эти законы проявляются и действуют всюду и везде, начиная с движения мельчайших частиц материи и кончая сложными общественными процессами. Вот почему материалистическая диалектика является всеобщим и единственно правильным методом познания и руководством для практической деятельности.

При этом было бы ошибочно сущность диалектического метода видеть в том, чтобы подводить те или иные факты под диалектические законы и понятия. Это вульгарное понимание диалектики. Классики марксизма неоднократно предупреждали, что диалектика не простое орудие доказательства готовых истин, а руководство для исследования реальных явлений и процессов, метод познания объективной истины.

Как показано в предыдущей главе, всякий закон охватывает и выражает сущность, внутреннюю связь огромной массы однородных явлений, то существенно общее, что характеризует всю эту массу явлений. Но каждое отдельное явление имеет свои особые свойства, и действие закона преломляется через эти особые свойства единичного. Поэтому в каждом отдельном процессе, отдельном явлении закон получает специфическое выражение.

Если это относится к любому закону науки, то тем более это нужно принять во внимание, когда мы имеем дело с наиболее общими законами развития. Законы диалектики действуют в любой области: в неорганической и в органической природе; в органической природе они действуют и в царстве растений и в царстве животных; они действуют и в обществе в любую историческую эпоху, они являются и законами мышления в любой области познания: в математике, физике, химии, биологии, политической экономии, эстетике и т. д. Ясно, что, будучи общими для развития столь разных явлений и процессов, законы диалектики проявляются в них по-разному, в зависимости от особой природы каждого из них.

Это очень важно, чтобы не делать ошибочного вывода, будто одно знание общих законов диалектического развития автоматически обеспечивает успех в познании и практической деятельности. Только конкретное применение диалектики как метода к конкретным явлениям с учетом их своеобразия, только тщательное изучение конкретных фактов и условий развития обеспечивает успех познания и практики. Поэтому требование конкретного анализа действительности является одной из важнейших и решающих особенностей марксистской диалектики. Именно поэтому важнейший принцип диалектики гласит: абстрактной истины нет, *истина всегда конкретна.*

Диалектика чужда всякого схематизма, втискивающего живое разнообразие конкретного развития в одну или несколько форм. Указывая наиболее общие законы всякого развития, марксистская диалектика требует вскрывать и принимать во внимание неисчерпаемое богатство конкретных форм выражения этих законов в действительности.

Это значит, что общие законы и принципы диалектического развития нужно рассматривать в неразрывном единстве с особенным и единичным, свойственным каждому явлению и процессу. Нужно учитывать бесконечное богатство конкретных форм проявления законов диалектики в действительности.

Поэтому Ленин определял диалектику, отражающую это бесконечное богатство форм развития, как «живое, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности...»[1] «Вечно увеличивающееся число сторон» диалектики, «бездна

[1] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 330.

оттенков» ее подхода к действительности — это и есть отражение сложности развивающейся материи, неиссякаемого многообразия ее форм.

Перейдем теперь к изложению основных законов диалектики. Начнем с закона перехода количественных изменений в качественные, затем рассмотрим закон единства и борьбы противоположностей и в заключение перейдем к закону отрицания отрицания. Такой порядок изучения законов диалектики дает возможность понять их внутреннюю связь и взаимозависимость: от характеристики развития как процесса изменения и возникновения нового в результате перехода количественных изменений в качественные мы переходим к выяснению источников этого процесса, заложенных во внутренних противоречиях явлений, в борьбе противоположностей; это в свою очередь позволит нам понять характер и роль диалектического отрицания как силы, которая обусловливает общую тенденцию поступательного развития.

2. Количественные и качественные изменения и переход их друг в друга

Уже издавна философия и естественные науки пытались дать ответ на вопрос о том, чем объясняется качественное многообразие природы, как связаны между собой такие качественно различные явления, как, скажем, неорганическая и органическая (живая) природа, одни виды растений и животных с другими, животные и человек и т. д. Но правильный ответ на этот вопрос не сразу был получен. И это не удивительно, так как неразвитое состояние науки долго не позволяло найти истинный подход к столь сложной и трудной проблеме.

Одни философы и ученые считали, что качественное разнообразие природы есть нечто само собой разумеющееся и его нужно принять как факт. Они или не пытались объяснить этот факт, или полагали, что мир был создан в таком виде высшей «творческой» силой — богом — либо каким-то другим сверхъестественным путем. Другие философы и ученые стали на путь отрицания качественного различия между явлениями природы и сводили все к чисто количественному различию. Они признавали развитие, но понимали его как количественные изменения, как количественную группировку и комбинацию каких-то качественно неизменных тел. Этот взгляд на развитие возник еще в древности и наиболее широкое распространение получил в XVII и XVIII вв.

Так, древнегреческий философ Анаксагор (V в. до н. э.) учил, что природа состоит из бесконечного количества качественно различных «семян» (гомеомерий). Развитие он представлял как количественно различное соединение и разъединение гомеомерий. Один предмет отличается от другого тем, что в нем скапливается больше или меньше однокачественных «семян» вещей. Этот наивный взгляд обосновывался тем, что, например, у человека, употребляющего пищу, растут кости, волосы, ногти и т. п.; следовательно, в пище уже в готовом, но малом виде содержатся кости, волосы, ногти и пр.

Французский философ XVIII в. Робинэ, в силу слабого развития биологии не имея возможности научно объяснить переход от неживой материи к жизни, объявил все существующее проявлением органичности, т. е. живого. Он полагал, что между камнем, дубом, лошадью и человеком нет качественного

различия. «В камне и в растении,— писал он,— можно найти те же самые существенные для жизни принципы, что и в человеческом организме; вся разница заключается в комбинациях этих признаков, в числе, пропорции, порядке и форме органов» [1].

Несомненно, у названных Робинэ предметов есть общее, однако общие свойства не снимают глубокого качественного различия и тех особых законов, по которым каждый из этих предметов возникает и существует. Мы ничего не поймем, например, в человеке, в его жизни и деятельности, если возьмем лишь то общее, что объединяет его с камнем или деревом (что они состоят из некоторых общих химических элементов, существуют в пространстве и времени и т. д.). Только выяснение качественных отличий человека от камня, от растения и животного может помочь нам понять его место и роль в общей цепи развития природы.

Количественная теория развития имела свое историческое оправдание в том, что в XVII—XVIII вв. из всех наук наиболее разработаны были механика и математика. Механический, количественный подход к природе неизбежно приводил философов, ученых к пренебрежению качественными различиями предметов, к сведению всего богатства форм движения к простейшей механической форме, к пониманию развития как чисто количественной комбинации каких-то качественно неизменных «кирпичей» мироздания. Количественная теория тогда имела прогрессивное значение в борьбе с религией, так как в противоположность последней стремилась найти естественное объяснение многообразия мира. Однако сведение качественного разнообразия предметов и развития к чисто количественным различиям и изменениям глубоко ошибочно.

Сложным и противоречивым путем, медленно, но верно шла наука к истине, подготовляя возникновение единственно правильного объяснения качественного многообразия мира, устанавливая действительное отношение между количественной и качественной сторонами явлений, процессов. Развитие физики, химии, биологии и других наук помогло человеку проникнуть в сущность явлений, понять развитие как качественные превращения одних предметов в другие в результате количественных изменений. Особенно большое значение имели в этом отношении успехи химии. Энгельс указывал, что «химию можно назвать наукой о качественных изменениях тел, происходящих под влиянием изменения количественного состава»[2].

Развитие физики за последние десятилетия и открытие превращения элементов, радиоактивности, превращения одних «элементарных» частиц в другие снова и снова подтверждают диалектическое понимание развития в природе и вместе с тем обогащают это понимание новыми знаниями.

Учение марксистской диалектики о переходе количественных изменений в качественные есть обобщение данных наук о природе, обобщение опыта мировой истории человечества, раскрывающее один из важнейших объективных законов развития.

Чтобы лучше понять закон перехода количественных изменений в качественные, необходимо прежде всего разобраться в понятиях *качество* и *количество*. Когда мы исследуем какой-нибудь предмет, нам прежде всего бросается в глаза определен-

[1] *Ж. Робинэ*, О природе, 1935, стр. 508.
[2] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1955, стр. 41.

ность предмета, отличающая его от других предметов. Эта определенность и составляет его качество. Природа представляет собой единство многообразных предметов, явлений, процессов. Это многообразие природы есть выражение качественного различия между предметами. Например, имеется качественное различие между неорганической природой и органической: живое может существовать лишь при условии беспрерывного обмена веществ с окружающей его средой, неживое не нуждается в таком обмене. В свою очередь между различными частями органической природы, например растениями и животными, имеются также качественные различия. А человек по сравнению с ними есть уже иное качество.

Качественная определенность присуща и всем общественным явлениям. Капитализм, например, есть определенное качество, совокупность ряда существенных для него свойств, черт и сторон: наличие класса владельцев средств производства и класса наемных рабочих, эксплуатация капиталистами рабочих и т. д. Социализму как качественно новой общественной формации свойственны другие черты: общественная собственность на средства производства, отсутствие наемного труда и эксплуатации человека человеком.

Приведенные примеры позволяют понять, что качество — это прежде всего определенность предметов и явлений, единство их существенных черт, сторон, делающих их данными предметами и явлениями. Нет явлений и предметов, которые были бы лишены качественной определенности. Бытие, лишенное качественной определенности, невозможно. Луг, озеро, скала, дерево, звезда, животное и т. п.— все это разные предметы благодаря своей качественной определенности.

Но качество есть не просто определенность. Это определенность, внутренне присущая предмету, в силу чего изменение качества означает изменение данного предмета. Если живой организм перестанет осуществлять обмен веществ с окружающей средой, то он погибнет, утратит качество живого организма, так как в обмене веществ состоит сущность его бытия, жизни.

Качество обнаруживается через *свойства*. Хотя понятия «качество» и «свойство» употребляются часто как равнозначные, между ними имеется различие. Свойство — это качество в его внешнем выражении, в отношении данного предмета к другим предметам. О качестве, т. е. о внутренней определенности предмета, мы можем узнать только по тому, как оно проявляется в присущих ему свойствах. Так, о том или ином человеке, о его человеческих качествах мы можем судить лишь на основании его отношения к другим людям.

Качественно определенная вещь проявляется во многих свойствах. Например, химический элемент находит свое выражение в таких свойствах, как принадлежность к группе металлов или металлоидов, определенный атомный вес, валентность и т. п.

Металл проявляется в таких свойствах, как плотность, сжимаемость, температура плавления, теплопроводность, электропроводность и др.

Вещь характеризуется не одним каким-нибудь свойством, а множеством свойств; качество есть то, что связывает все свойства вещи воедино, что выражает *целостность* вещи. Различая качество и свойство, было бы неправильно разделять их абсолютной гранью. Качеством вещи можно считать ее наиболее существенные свойства, которые определяют все остальные ее свойства и без которых вещь перестает быть самой собой.

Не все свойства предмета проявляются одновременно. Какие из множества его свойств выступают на первый план, зависит от его конкретных связей с другими предметами. В одних связях проявляются одни свойства предмета, в других связях — иные свойства. Свойства предмета могут меняться в зависимости от изменения его связей с окружающим миром.

Отдельные свойства предмета могут возникать и исчезать без того, чтобы изменилась вещь, ее коренное качество. Изменение отдельных свойств вещи, конечно, означает, что она претерпевает какие-то качественные изменения, но изменения эти не касаются ее коренной качественной определенности, в силу которой она есть данная, а не иная вещь. Это следует иметь в виду, чтобы, с одной стороны, не сложилось неправильное представление, будто на всем протяжении своего существования вещь остается тождественной, не испытывает абсолютно никаких качественных изменений, и, с другой стороны, чтобы изменение отдельных сторон, свойств предмета не принимать за коренное изменение его существа, его качественной определенности. Например, некоторые свойства капитализма на высшей, империалистической стадии его развития изменились: свободная конкуренция превратилась в свою противоположность — в монополию. Без учета этого важнейшего изменения невозможно понять современный капитализм. Но коренное, существенное качество капиталистического строя, в силу которого он является капитализмом, не исчезло, хотя идеологи империализма и ревизионисты стараются выдать современный капитализм за некое новое, не буржуазное общество. Только ликвидация тех главных черт, которые определяют капитализм как определенное социально-экономическое качество (частная собственность на средства производства, система наемного труда, эксплуатация рабочих), может означать его уничтожение, переход в новое качество.

В отличие от свойств, которые в рамках данного предмета могут изменяться, не будучи постоянными, качество выражает относительную устойчивость, постоянство предмета. Благодаря качеству предмет есть то, что он есть. Время существования предмета определяется его бытием как определенного качества. Качественное изменение означает прекращение существования данного предмета, превращение его в иной предмет.

Качество есть, употребляя выражение Гегеля, граница, благодаря которой одни предметы отличаются от других; это граница не внешняя, не пространственная, а внутренняя, выражающая специфику, своеобразие предметов. Эта граница не навязана предметам человеческим сознанием, а объективно присуща самим предметам. Если бы ее не существовало, все слилось бы в одну неразличимую массу.

Таким образом, понятие качества отражает чрезвычайно важную сторону всех предметов, явлений и процессов объективного мира. Подытоживая сказанное, *качество* можно определить как неразрывно связанную с самим предметом определенность, как совокупность всех существенных черт, придающих предмету относительную устойчивость и отличающих его от других предметов.

Качество предметов не существует вне связи с их количественной стороной. Понятие *количества* есть также всеобщая категория, отражающая одну из важных сторон любого предмета, явления или процесса. Количество также выступает как определенность предмета, но в отличие от качества оно характеризует предмет со стороны степени развития его свойств: величины, объема, числа, скорости движения, интенсивности цвета и т. д. Например, стол может быть большой или маленький, звук может быть продолжительный или короткий, высокий или низкий и т. д.

Количественная определенность общественных явлений не всегда выразима в столь точных величинах, как у явлений неорганической природы, но и здесь каждое явление, каждый процесс имеет не только качественную, но и количественную сторону. Например, уровень развития производительности труда, производительных сил, темпы развития производства и других сторон общественной жизни, количество людей, занятых производительным трудом, степень эксплуатации рабочих капиталистами, размеры национального дохода, его распределение и т. д.

Количество, количественная определенность предмета имеет по сравнению с качеством ряд особенностей, которые очень важно знать, чтобы понять сущность закона перехода количественных изменений в качественные. Предмет перестает быть тем, чем он был, когда он теряет свое качество; следовательно, качество тождественно с самим предметом. Этого нельзя сказать о количественной стороне предмета. Количество можно увеличивать или уменьшать, но при этом предмет не утрачивает своего качественного состояния. Так, агрегатное состояние меди не изменится, если ее температура повысится до 600° или даже до 1000° *С*. Количество есть более внешняя, на первый взгляд как бы безразличная к качеству предмета определенность, не столь тесно связанная с предметом, как качество. Предмет, количественно изменяясь, до известного предела не перестает быть самим собой.

Но присмотримся ближе к количественным изменениям и их значению в процессе развития. Когда мы утверждали, что нечто можно увеличивать или уменьшать без того, чтобы оно утратило

свое качество, то мы не принимали во внимание границы, пределы этого количественного изменения. В действительности же, рассматривая приведенный выше пример, если температуру меди повысить до 1083°, то медь начнет плавиться. Это показывает, что безразличие предмета к количественным изменениям имеет место лишь до известного предела: наступает такой момент, когда дальнейшее изменение числа, величины, объема или иного количества становится совсем небезразличным для судьбы предмета. Очень хорошо эту особенность количества, количественных изменений выразил Гегель: «Когда происходит количественное изменение, оно кажется сначала совершенно невинным, но за этим изменением скрывается еще и нечто другое, и это кажущееся невинным изменение количественного представляет собой как бы хитрость, посредством которой уловляется качественное» [1].

Выходит, таким образом, что количество, количественные изменения *внутренне* связаны с качеством, с предметом, но эта связь не сразу проявляется и обнаруживается. Количество, как и качество, есть граница предмета, но характер, природа этой границы иные. «Нарушение» качественной границы предмета влечет за собой изменение самого предмета. Количественная же граница предмета более эластична, она раздвигается в ту или другую сторону; количественные изменения могут колебаться, быть бо́льшими или меньшими, и это не сразу влечет за собой изменение качества предмета. Но то, что количество есть также граница предмета, об этом мы узнаем при нарастании количественных изменений. В процессе количественных изменений закономерно наступает такой момент, когда малейшее изменение количества ведет к коренному, качественному изменению, к возникновению нового качества. Иначе говоря, количественные изменения имеют предел, выход за который уже не остается безнаказанным для предмета.

Наука о природе дает массу доказательств этой взаимосвязи количественных и качественных изменений. Если делить неживое тело на все меньшие частицы, то неизбежно достигается граница, за которой количественные изменения вызывают качественные. Тело делится на молекулы, молекулы — на атомы. Атомы по своему качеству и свойствам отличаются от молекул, а молекулы — от физического тела. Атомы тоже не есть предел делимости, они состоят из других, более малых частиц — протонов, нейтронов и электронов, имеющих свои специфические законы движения. При взаимодействии и столкновении атомов, движущихся с энергией в несколько электроновольт, атомы остаются теми же, не утрачивают своего качества; можно увеличить энергию в тысячи раз — результат будет тот же. Но когда энергия вырастает до миллионов электроновольт, тогда происходят уже качественные изменения ядер атомов, одни атомы превращаются в другие.

---

[1] *Гегель*, Соч., т. I, 1929, стр. 186.

Для того чтобы стала возможна цепная реакция расщепления ядер с целью атомного взрыва, требуется количественно определенная масса урана. Минимальное количество урана, необходимое для нормального протекания цепной реакции (около килограмма), называется критической массой. Если количество урана меньше критической массы, то цепной реакции, а стало быть, и взрыва не произойдет.

Яркие примеры того, как количественные изменения, достигая известной границы, превращаются в изменения качественные, дает химия. Соединяя одни и те же элементы в разных количественных пропорциях, мы получаем качественно различные вещества. На переходе количественных изменений в качественные основан открытый Д. И. Менделеевым периодический закон. Менделеев считал, что свойства химических элементов зависят от величины их атомного веса. Достижения современной науки позволили уточнить это положение и доказать, что место каждого химического элемента в таблице Менделеева определяется величиной заряда его ядра. Количественное изменение этой величины ведет к качественным превращениям элементов. Подобные примеры можно найти в любой области науки.

В этой зависимости качественных изменений предметов от количественных изменений нет ничего таинственного. Количественная сторона вещи не отделена от качества. Количество — это количество данного качества: величина, объем, интенсивность, степень развития предмета. Количественные изменения — это лишь относительно самостоятельный процесс: продолжаясь далее определенной для каждого предмета границы, количественные изменения вступают в резкое противоречие с качеством, становятся несовместимыми с ним. И тогда изменяется предмет, качество.

Итак, качественная и количественная определенности предметов находятся в тесной связи между собой. Изменения одной вызывают закономерные изменения другой. Количественные изменения, достигая определенной для каждой вещи границы, вызывают качественные изменения. Но связь между количеством и качеством не односторонняя. Не только количественные изменения переходят в качественные, но и наоборот. Каждый процесс перехода количественных изменений в качественные означает одновременно и переход качественных изменений в новые количественные изменения. Это и естественно, ибо новое качество органически сочетается с новым количеством, с новыми количественными пропорциями. Проиллюстрируем это на примерах.

Кооперация труда, т. е. объединение разрозненных производителей, есть качественно новая форма производства. Количественные изменения здесь переходят в новое качество. В свою очередь это новое качество, т. е. кооперация труда, создает более высокую производительность труда, чем способны развивать разрозненные работники. Благодаря кооперированию труда повы-

шается также производительная сила каждого отдельного работника, труд которого составляет часть целого. Это значит, что качественные изменения вызывают новые количественные изменения.

Известно, что социалистическая экономика развивается такими темпами, которые не под силу капитализму даже в лучшую пору его истории. Это объясняется преимуществами социализма перед капитализмом. Иначе говоря, переход к качественно новой, социалистической, системе хозяйства порождает новые темпы развития: качество переходит в количество.

Значит, не только качественная определенность предметов зависит от количества, но и, напротив, количество, количественная определенность предметов обусловлена их качественной спецификой. Единство, взаимосвязь и взаимозависимость качества и количества выражаются в понятии *мера*. Каждый предмет есть мера в том смысле, что в основе его качественной особенности лежит определенное количество и, наоборот, его количественная граница зависит от его качественной стороны. Гегель называл меру «качественным количеством». С равным правом меру можно назвать и «количественным качеством». *Мера* есть единство и взаимодействие качества и количества. Предмет как качественная определенность может существовать в связи не со всяким, а с известным, хотя и колеблющимся в известных границах, количеством, а количественные границы его изменений обусловлены качественной определенностью предмета.

Мера — одна из важных категорий материалистической диалектики. С ее помощью мы схватываем предмет в единстве, синтезе его качества и количества. Мера есть граница бытия предмета. Нарушение меры делает невозможным данное бытие, данный предмет. Поскольку предмет существует, ему присуща своя мера. Нарушение меры того или иного явления или процесса ведет к уродливостям и извращениям.

Очень важна мера в искусстве. Вне меры невозможно выразить красоту природы и человека. Это относится и к моральным понятиям и принципам. Безобидные в начале проступки против принципов социалистического общежития могут за известной границей перерасти в преступление. Басня Крылова «Демьянова уха» хорошо иллюстрирует необходимость меры и в гостеприимстве.

Из сказанного, однако, не следует, что естественный выход за меру есть нечто противное природе вещей. Речь шла лишь о том, что каждый предмет имеет свои границы связи и взаимообусловленности качественной и количественной определенности, которые нельзя нарушать безболезненно для предмета, ибо за пределами этой границы, за пределами меры он перестает быть данным предметом, превращается в нечто иное. Мера как раз и определяет, до каких пор, до какого предела количественные изменения не ведут к качественным изменениям. Когда же количественные изменения переступают этот предел, мера перестает

быть мерой данного предмета, происходит его качественное изменение.

Выход количественных изменений за меру предмета есть закономерное явление и условие развития объективного мира. В силу выхода за меру количественные изменения приводят к коренным, качественным изменениям. Старое качество исчезает, возникает новое качество. Вместе с этим возникает и новая мера. В рамках новой меры опять-таки будут совершаться количественные изменения, которые на определенной ступени приведут к новым качественным изменениям, к смене старых, отживших форм новыми формами. Так происходит бесконечное развитие.

Сказанное выше позволяет сформулировать сущность рассматриваемого закона. *Закон перехода количественных изменений в качественные есть закон, в силу которого мелкие, в начале незаметные, количественные изменения, постепенно накапливаясь, на какой-то ступени нарушают меру предмета и вызывают коренные, качественные изменения, вследствие чего предметы изменяются, старое качество исчезает, возникает новое качество.*

Будучи одним из важнейших законов развития и изменения объективного мира, этот закон имеет большое значение для познания. Выше было уже сказано, что законы диалектики являются как законами бытия, так и законами познания. Закон перехода количественных изменений в качественные требует прежде всего изучения качественной специфики, определенности вещей, без чего нельзя ничего узнать о вещи. Изучение качественной определенности той или иной группы или класса явлений есть единственно правильный путь, позволяющий установить особые закономерности развития этих явлений, не сводимые к законам других явлений. Так, только приняв во внимание качественную специфику микрообъектов (протонов, электронов, нейтронов и т. д.), можно понять, почему законы классической механики Ньютона непригодны для объяснения их движения. Здесь действуют законы квантовой механики. Живая природа существует и развивается по своим законам, отличным от законов неорганической природы. Человеческим обществом управляют иные законы, нежели законы природы. Вот почему марксизм ведет борьбу против теорий, стирающих качественное различие между законами общества и законами природы и пытающихся свести первые к вторым, объяснить жизнь общества биологическими особенностями человеческих рас, борьбой за существование и т. п.

Современные ревизионисты, например, стараются стереть коренное качественное различие между социализмом и капитализмом, чтобы приукрасить капитализм и очернить социализм, навязать трудящимся ложный взгляд, будто можно без революционного преобразования капиталистического строя изменить его природу.

Но качество вещи, как мы видели, не существует вне ее количественной стороны. Поэтому изучению количества, количествен-

ных отношений вещей диалектика также придает большое значение. Предмет, качество, не может быть понят без учета его количественной определенности.

Изучение количественной определенности вещей — сложный процесс, предполагающий способность абстрагирования от качественной пестроты предметов. Исследование количественной стороны явлений есть ступень углубления познания, способствующая раскрытию их законов. Например, когда физики, разложив белый свет на его составные части, установили, что в основе качественного различия между разными цветами — красным, фиолетовым, зеленым и т. п.— лежат электромагнитные волны разной длины, стал возможным научный анализ света. Выдающийся советский физик С. И. Вавилов писал по этому поводу: «Прихотливая, субъективная область цветовых явлений, в течение тысячелетий ускользавшая от упорядочивающего стремления ученых, вдруг обнаружила свою количественную сущность и отныне стала вполне подчиненной точному научному анализу» [1]. Известно также, что химия стала прочно на ноги благодаря введению количественного метода изучения вещества; это позволило установить такие важные химические законы, как закон постоянства состава, закон кратных отношений и др.

Вместе с тем закон перехода количественных изменений в качественные как закон познания предостерегает от преувеличения количественного метода изучения, требует видеть его ограниченность и исследовать количественные процессы в их тесной связи с качественной определенностью вещей. Конечно, в разных сферах познания дело обстоит по-разному. Например, в математике, имеющей дело с чисто количественными отношениями, мы правомерно отвлекаемся от качества предметов. Но, чем сложнее изучаемая форма материального движения, чем выше на лестнице природы она находится, тем более важно при исследовании количественных отношений не упускать из виду качественной специфики вещей и процессов, брать их в неразрывной связи и взаимодействии. Особенно важное значение это имеет при изучении общественных явлений.

Ленин неоднократно показывал, как буржуазные социологи и экономисты в целях искажения действительности использовали, например, статистику. Статистика изучает количественную сторону общественных процессов. Без нее невозможно исследовать, скажем, экономические явления. Но так как она оперирует количественной стороной сложных общественных явлений, ее при желании можно из орудия научного исследования превратить в орудие доказательства ложных идей. Так, для того, чтобы опровергнуть марксистское положение о том, что и в земледелии при капитализме происходит процесс вытеснения мелких производителей и рост крупного капиталистического хозяйства, чтобы

---

[1] *С. И. Вавилов*, Глаз и Солнце, 1956, стр. 22.

защитить ложную идею об устойчивости мелких хозяйств, буржуазные экономисты и социологи сознательно в своих статистических выкладках классифицируют хозяйства по одному лишь признаку — по количеству земли. При этом они игнорируют такие качественные процессы, как применение наемного труда в земледелии, вложение капиталов в землю и т. п., т. е. то, что характеризует развитие капиталистического по своему качеству земледелия. «Одним учетом количества земли,— писал В. И. Ленин,— всех этих, сложных и разнообразных, процессов нельзя выразить, а именно из этих процессов и складывается общий процесс развития капитализма в земледелии» [1].

Руководствуясь диалектическим законом перехода количества в качество и обратно, мы должны в своем познании учитывать как качественные, так и количественные процессы, видеть их связь и взаимообусловленность, их единство и противоречие, переходы друг в друга. Только такой подход составляет одно из важнейших условий истинного познания.

3. Единство эволюционной и революционной форм развития. Скачки

Анализ количественных и качественных изменений предметов показывает, что это два хотя и связанных между собой, но все же различных вида движения, каждый из которых имеет свои особенности. Количественные изменения есть *эволюционная* [2] форма развития. Качественные изменения, напротив, представляют собой *революционную* форму развития. А так как количественные и качественные изменения взаимно связаны между собой, то необходимо сделать вывод, что развитие есть единство эволюционного и революционного изменения. Это имеет большое принципиальное значение и составляет одну из важнейших сторон диалектической теории развития.

Эволюционным называется такое изменение, при котором происходит постепенное количественное изменение существующего. *Революционным* считается коренное, качественное изменение существующего. Революционное изменение есть *скачок*, перерыв в постепенности количественных изменений, переход от одного качества к другому. Всякое качественное изменение осуществляется в форме скачка.

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, стр. 47.

[2] Термин «эволюция» часто употребляется в двояком смысле. Во-первых, понятие эволюции отождествляется с понятием «развитие»; например, дарвиновское учение о происхождении видов называют эволюционным, так как оно исходит из того, что органические виды не неизменны, а развиваются. Во-вторых, под эволюцией понимают одну из форм развития, именно постепенные количественные изменения в отличие от революционного качественного, скачкообразного изменения предметов. Здесь это понятие все время употребляется в последнем смысле.

Поскольку развитие, как мы установили, есть переход количественных изменений в качественные и наоборот, оно не может протекать лишь эволюционно или лишь революционно. Между тем в истории философии и науки существовали теории, односторонне признававшие или эволюционную форму развития, или скачкообразную. Такие теории существуют и ныне. Согласно вульгарно-эволюционистской точке зрения, развитие имеет вид сплошной непрерывной линии постепенных количественных изменений без всяких качественных изменений, скачков. Преформистская теория в биологии выражает эту точку зрения. Своеобразным выражением преформизма в современной биологии является вейсманистская теория.

Хорошо показал несостоятельность этого взгляда Г. В. Плеханов. Когда метафизики, писал он, «говорят о *возникновении* какого-нибудь явления или общественного учреждения, они представляют дело так, как будто это явление или учреждение было когда-то очень маленьким, совсем незаметным, а потом постепенно подрастало. Когда речь идет об *уничтожении* того же явления и учреждения, предполагается, наоборот, постепенное его уменьшение, продолжающееся до тех пор, пока явление станет совсем незаметным в силу своих микроскопических размеров. Понимаемое таким образом развитие ровно ничего не объясняет; оно предполагает существование тех самых явлений, которые оно должно объяснить, и считается лишь с совершающимися в них *количественными изменениями*» [1].

Особенно широкое распространение вульгарно-эволюционистские взгляды получили в объяснении общественной жизни. Буржуазная философия использует эти взгляды для защиты капиталистического строя. Она утверждает, что общество развивается лишь эволюционно, без коренных изменений, без революционных потрясений и переворотов. Революционные скачки в развитии она считает противоестественными, нарушением «нормального» и плавного движения.

На этой же метафизической теории основывается реформизм в рабочем движении, ревизующий марксистский научный социализм. Реформисты считают, что переход от капитализма к социализму может быть достигнут без революции, лишь в результате мелких реформ, не выходя за рамки буржуазного общества и без завоевания пролетариатом политической власти. «Ревизионисты,— писал Ленин, имея в виду реформистов,— считают фразами все рассуждения о «скачках» и о принципиальной противоположности рабочего движения всему старому обществу. Они принимают реформы за частичное осуществление социализма» [2]. Современные ревизионисты, как и во времена

---

[1] *Г. В. Плеханов*, Избранные философские произведения, т. I, 1956, стр. 569.

[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 16, стр. 319.

Бернштейна, утверждают, что социализм или элементы социализма будто бы растут всюду, в том числе и в капиталистических странах. И эти повторения бернштейнианства они пытаются выдать за новый вклад в марксизм. Ревизионисты смешивают материальные предпосылки социализма, создаваемые и созданные современным капитализмом, с самим социализмом. Реформисты и ревизионисты ведут борьбу против революционного марксизма, раскалывают рабочее движение и сбивают его на путь примирения с буржуазией, с капиталистическим строем.

Таким образом, суть вульгарно-эволюционистской точки зрения заключается в одностороннем выпячивании постепенности, плавности развития и в отказе от признания скачка и его значения в развитии.

Менее широкое распространение получил другой, столь же односторонний и ошибочный взгляд, согласно которому развитие есть цепь одних скачков, переворотов без всякой постепенности. Известное отражение он нашел как в естествознании, так и в общественных теориях. Были, например, попытки объяснить изменения органического мира внезапными катастрофами, время от времени возникавшими и приводившими к изменению флоры и фауны. Такова теория катаклизмов известного французского ученого XIX в. Кювье. Подобных взглядов придерживались и некоторые другие естествоиспытатели. Голландский биолог Гуго де Фриз считал, что растения существуют столетия и тысячелетия в абсолютно неизменном виде, но вдруг благодаря действию какой-то «творческой силы» происходит, как он выражается, «толчок»: растение качественно изменяется. Развитие живой природы имеет, с его точки зрения, «толчкообразный» характер. Но откуда эти толчки, чем, какими процессами они подготовлены? Гуго де Фриз отвечает, что они чисто случайны.

Представителями подобного взгляда на развитие общественной жизни являются анархисты, анархо-синдикалисты. Они полагают, что общественные перевороты совершаются неожиданно, без подготовительного периода, без постепенного собирания сил, без медленной эволюции, создающей предпосылки для революции.

Оба эти взгляда односторонни и не соответствуют действительному развитию объективного мира. «Жизнь и развитие в природе,— указывает Ленин,— включают в себя и медленную эволюцию и быстрые скачки, перерывы постепенности» [1]. Каждый из этих видов движения есть закономерная и необходимая стадия в развитии всего существующего.

Эволюционное развитие — та стадия, на которой предмет претерпевает постепенные количественные изменения. Эти изменения сами по себе не могут дать нового качества, а лишь подготовляют качественное изменение. Чтобы последнее произошло, требуется перерыв постепенных количественных изменений,

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 16, стр. 319.

скачок, посредством которого и осуществляется переход от старого к новому. Качественные изменения, скачки играют большую роль в развитии. Поэтому необходимо подробнее рассмотреть эту философскую категорию.

Понятие *скачок* выражает закономерную стадию в процессе развития — стадию перелома в постепенных количественных изменениях, наступление качественных перемен. Скачок завершает эволюционную стадию.

По сравнению с постепенным, эволюционным движением скачок, революционное изменение отличается рядом важных черт. В то время как эволюция вносит в предмет лишь *частные* изменения, оставляя нетронутыми его качество, его основу, скачок — это форма *коренных* изменений предмета, переход предмета из одного качества в другое. Конечно, и эволюция есть форма изменений предмета, но это изменения не коренные, хотя они могут быть и важными. Например, развитие капитализма, особенно в период империализма, подготовляет материальные предпосылки для перехода к социализму. Однако количественный, эволюционный рост этих предпосылок сам по себе не означает перехода к новому обществу, к уничтожению буржуазного строя. К этому может привести только социалистическая революция, революционный скачок.

«Капитализм,— писал Ленин,— сам создает своего могильщика, сам творит элементы нового строя, и в то же время, без «скачка», эти отдельные элементы ничего не изменяют в общем положении вещей, не затрагивают господства капитала» [1].

Огромное общественное значение учения диалектики о переходе количественных изменений в качественные состоит в том, что оно обосновывает закономерность, необходимость социальных революций при переходе от отжившего общественного строя к новому, более прогрессивному, например от феодализма к капитализму, от капитализма к социализму.

Скачок, далее, означает перерыв постепенности, перерыв непрерывности развития. Перерыв непрерывности нужно понимать, конечно, не в том смысле, что прекращается развитие. Прекращается на определенной ступени лишь один вид изменений данного предмета — эволюционный, характеризующийся постепенностью, непрерывностью количественных изменений в пределах старого качества. Скачок есть переход от одного качества к другому. Это и означает, что в развитии произошел «перерыв»: возникло нечто новое, старое ушло в небытие, в процессе движения завязался новый «узел», возникла новая веха, новая мера. Скачок поэтому не только не прекращает развития, а, напротив, является формой *наиболее интенсивного* изменения, высшим, кульминационным моментом развития, когда происходит ломка отжившего, тормозящего дальнейшее движение и расчищается

[1] *В. И. Ленин*. Соч., т. 16, стр. 318.

путь более прогрессивным и жизнеспособным формам. Ярким подтверждением великого значения скачка в развитии общества служат социальные революции.

Скачок отличается от постепенности количественных изменений как форма сравнительно более быстрого изменения предметов. Количественные изменения обычно протекают медленно, в то время как скачок осуществляется в значительно более короткие промежутки времени.

Это не означает, будто скачки всегда и во всех случаях происходят мгновенно. Бывают скачки, совершающиеся в течение длительного времени; они могут составлять целую эпоху в развитии общества (например, социалистическая революция).

В отличие от постепенных количественных изменений, часто незаметных, неуловимых и скрытых от взора, скачок — форма открытых изменений.

Но при всех различиях эволюционного и революционного, непрерывного и скачкообразного движения они друг друга обусловливают и представляют собой моменты единого процесса развития: количественные изменения подготовляют скачок, перерыв постепенности количественных изменений, этот последний создает условия для дальнейших количественных изменений.

Вот почему развитие природы, общества и человеческого мышления имеет вид не сплошной непрерывной линии, где одно незаметно, нечувствительно переходит в другое, а линии, в которой постепенные изменения прерываются скачками, узлами, переходами от старого к новому, возникновением качественно новых образований. Крупнейшими скачками, перерывами постепенности в истории развития природы были возникновение жизни, возникновение сознания как свойства высокоорганизованной материи. Периодическая система элементов — яркий пример единства непрерывности и прерывности в развитии природы. Качественное различие между атомами элементов основано на количественном различии зарядов их ядер. Переход от одного элемента к другому совершается скачкообразно. Каждый новый элемент есть качественный узел в цепи развития, качественно новое звено, новая мера. Гегель образно назвал развитие, в процессе которого совершается переход от одной меры к другой, «узловой линией мер». Каждая новая мера представляет собой как бы «узел», новое качественное образование, созданное природой на бесконечном пути ее развития.

Такой же «узловой линией мер», где постепенные изменения прерываются скачком, возникновением качественно новых форм, является органическая жизнь. Когда совершился великий скачок и из неживой материи естественно возникла жизнь, то дальнейшее развитие живой материи не было постепенным количественным нарастанием возникших первоначальных форм. Хорошо по этому поводу писал советский биолог академик В. Л. Комаров: «Если бы жизнь на земле, раз возникнув, возрастала затем

только количественно, то поверхность земли покрылась бы толстым слоем студени, подобной той, которую и теперь вырабатывают бактерии, амёбы и другие близкие к ним организмы. Но количество имеет свойство переходить в качество. При этом массы вещества, находящиеся в различных взаимоотношениях (химических, физических и пр.) с внешней средой, приобретают различные качества или, как говорят, дифференцируются. Однообразная масса становится разнородной» [1].

Виды растений и животных — это и есть качественно различные «узлы», выражающие дифференциацию органической материи, превращение однородного в разнородное, разнообразное. Линия развития растений и животных — не непрерывная цепь, а непрерывность, скачкообразно прерываемая возникновением новых органических форм, видов.

Сказанное о единстве количественной постепенности и качественных скачков в природе целиком относится и к развитию общества. Каждая новая общественно-экономическая формация рождалась в результате предшествующего постепенного развития старой формации и знаменовала собой крупный скачок, перелом в развитии общества.

Развитие человеческих знаний также совершается через перерывы постепенности. Великим открытиям в науке предшествуют периоды медленного накопления фактов, наблюдений, формулирования отдельных частных положений и принципов; все это затем позволяет «вдруг», «внезапно» совершить быстрый скачок вперед. Примером таких скачков в развитии науки являются обоснование Коперником гелиоцентрической системы, открытие законов механики Галилеем и Ньютоном, открытие Ломоносовым закона сохранения вещества и движения, теория происхождения видов Дарвина, возникновение марксизма, явившееся величайшим революционным переворотом в истории человеческого мышления, дальнейшее развитие Лениным марксизма, разработка им теории империализма, новой теории социалистической революции, теории строительства коммунистического общества, многочисленные открытия науки XX в. (теория относительности, квантовая механика, ядерная физика, мичуринское учение в биологии, запуск первого искусственного спутника Земли и т. д.).

Не только вся история мышления, но любой процесс познания являются единством непрерывности и прерывности, постепенности и скачков. Требуется постепенное накопление фактов, наблюдений на ступени чувственного познания, чтобы перейти к обобщениям, означающим скачок от одной ступени познания к другой — от живого созерцания к абстрактному мышлению. Этот скачок означает углубление познания, переход от изучения внешних проявлений предметов к их сущности.

---

[1] *В. Л. Комаров*, Происхождение растений, 1943, стр. 44.

Вся система многочисленных наук отражает единство непрерывности и прерывности природы. Каждая из наук — физика, химия, биология, общественные науки — изучает отдельные формы движения, качественно отличающиеся друг от друга. Все науки вместе с тем связаны между собой в единую систему наук, ибо они отражают отдельные стороны единой, бесконечно разнообразной природы, движущейся материи. Подобно тому как природа и непрерывна и дискретна (т. е. прерывна), так и науки едины, непрерывны (т. е. связаны друг с другом) и дискретны (т. е. разделены).

4. О многообразии форм перехода от старого качества к новому

Материалистическая диалектика не ограничивается положением о том, что переход от одного качества к другому совершается посредством скачка. Понятие «скачок» дает только общее указание, как осуществляются качественные превращения. Диалектика требует учитывать *многообразие* форм перехода одного в другое, разнообразные формы скачков. Это требование диалектики имеет огромное методологическое значение. Оно ориентирует на конкретный анализ конкретных форм переходов, проявляющихся по-разному в разных явлениях и процессах в зависимости от разных обстоятельств.

В этом отношении показателен подход Ленина к вопросу о скачках в обществе. Он подверг критике тех социалистов, которые, зная, что переход от одной формации к другой совершается скачкообразно, глубокомысленно заявляли, что между капитализмом и социализмом находится «скачок», и дальше этого не шли. Главное же, по Ленину, состоит в том, чтобы найти, схватить, выразить *конкретную форму* скачка, перехода, и в зависимости от этого действовать.

Формы скачков, переходов от старого качества к новому определяются природой развивающихся предметов и явлений и конкретными условиями, в которых они развиваются. Втиснуть эти многообразные формы в какую-нибудь схему невозможно. Задача состоит в том, чтобы, руководствуясь общим законом диалектики, что всякий переход от одного качественного состояния к другому есть скачок, выяснить конкретные формы этого перехода в каждом данном случае. Приведем примеры, показывающие, сколь многообразны формы качественных превращений.

Есть объекты, качественные изменения которых происходят лишь в форме такого скачка, который сразу, целиком меняет объект. Именно так качественно изменяются химические элементы, что нашло научное выражение в таблице Менделеева. Кстати отметим, что и количественные изменения, вызывающие качественные превращения элементов, протекают своеобразно. При переходе от одного элемента к другому, скажем от кислорода

к фтору, нет постепенного нарастания количественных изменений в заряде ядра: последний увеличивается сразу на единицу, и это порождает скачок, переход к новому элементу. Заряд ядра кислорода равен 8, фтора — 9. Следовательно, не только качественные изменения, скачки, но и количественные изменения протекают своеобразно, в зависимости от характера явлений и процессов.

На это обращал внимание Энгельс, отмечая своеобразие перехода одной формы энергии в другую, например теплоты в механическое движение и наоборот. При этом переходе нет количественного уменьшения или увеличения энергии; количество энергии остается одним и тем же, а качество тем не менее изменяется. Значит ли это, что в данном примере нарушается закон перехода количественных изменений в качественные и последние возникают без предварительных количественных изменений? Нет, и здесь количественные изменения вызывают качественные, но своеобразно. Как показал Энгельс, переход из одной формы движения в другую всегда является процессом, «происходящим по меньшей мере между двумя телами, из которых одно теряет определенное количество движения такого-то качества (например теплоту), а другое получает соответствующее количество движения такого-то другого качества (механическое движение, электричество, химическое разложение)» [1]. Значит, и в данном случае количественные и качественные изменения взаимно связаны между собой.

Бывают скачки, которые не сразу изменяют предмет, качество, а частями, отдельными сторонами. В таких случаях качественные изменения предметов совершаются путем постепенного отмирания элементов старого и нарастания элементов нового качества. Например, в развитии растений и животных наиболее типичной формой, обусловленной сложностью процессов превращения одних видов в другие, являются постепенные качественные преобразования, хотя и здесь встречаются резкие переходы одного в другое. Такой сложный процесс, как переход от животного мира к человеку, возникновение и формирование человека, не мог осуществиться сразу, а состоял из ряда этапов, включая в себя переходные формы.

То же мы наблюдаем и в общественной жизни. Великая Октябрьская социалистическая революция является примером скачка, который одним мощным ударом изменил природу политической власти: 25 октября 1917 г. в России вместо диктатуры буржуазии установлена диктатура пролетариата. Но если взять весь процесс качественного преобразования общества, то в разных областях социальных отношений изменения произошли не одновременно и имели место другие формы скачков. Например, революционный переход крестьянства к социализму (коллекти-

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1955, стр. 39.

визация) был осуществлен не сразу, не мгновенно, а постепенно, по мере подготовки материальных условий и осознания крестьянами выгод социалистического хозяйства. Еще более сложный процесс перехода от старого качества к новому представляет собою освобождение сознания широких масс трудящихся от пережитков капитализма и воспитание социалистического сознания. Было бы нелепо полагать, что этот переход может быть осуществлен сразу. Он мог произойти лишь путем постепенного исчезновения элементов, черт старой психологии, нарождения и развития элементов новой, социалистической психологии.

Важно не смешивать постепенность *количественных* и постепенность *качественных* изменений. Количественные изменения *всегда* совершенствуются постепенно, качественные изменения — только в некоторых процессах. Но не это главное. Главное и существенное в том, что постепенные количественные изменения только подготовляют качественные изменения предметов, в то время как постепенность качественных изменений означает, что предмет или явление изменяется коренным образом, становится качественно иным, причем этот процесс совершается не сразу, а растягивается на более или менее длительное время. Здесь переход от старого качества к новому происходит в виде многих небольших скачков, меняющих качество предмета частями. В результате этих многих небольших скачков осуществляется большой скачок, т. е. качественное изменение предмета в целом. Вот почему понятие постепенности качественных изменений нельзя отождествлять с понятием постепенных количественных изменений.

Однако как бы ни отличались скачки (переходы от одного качества к другому) по своей форме, сущность их одна: в любой форме они выступают как перелом в развитии, как коренное изменение, преобразование предмета, как уничтожение старого и возникновение нового. Говоря о форме постепенного перехода от одного качества к другому, Энгельс подчеркивал: «При всей постепенности, переход от одной формы движения к другой всегда остается скачком, решающим поворотом» [1].

Иногда думают, что скачок обязательно совершается в виде мгновенного акта. Как уже было сказано, по сравнению с периодами эволюционного развития скачки, несомненно, являются формой более быстрого и интенсивного развития. Но отсюда не следует, что скачки связаны с какими-то точно фиксированными сроками. Ленин в статье «Очередные задачи Советской власти» (1918 г.), указывая на задачу строительства новой, социалистической жизни, советского демократизма и вовлечения широчайших масс в управление государством, предупреждал, что ее невозможно решить мгновенно. Критикуя тех, кто думал, что скачки такого рода могут осуществиться в один присест, Ленин писал:

[1] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1957, стр. 63.

«О том, что «скачком» учителя социализма называли перелом под углом зрения поворотов всемирной истории и что скачки такого рода обнимают периоды лет по 10, а то и больше, об этом не умеет подумать большинство так называемых социалистов, которые про социализм «читали в книжке», но никогда серьезно в дело не вникали» [1].

Называя весь период социалистического преобразования общества эпохой «больших скачков», Ленин показал, что в рамках этого большого скачка одни скачки могут быть осуществлены быстро, другие же требуют терпеливой и кропотливой работы, значительного времени.

Таким образом, сроки, время протекания того или иного скачка определяются особенностями процесса, сущностью совершаемых изменений, и здесь невозможен никакой шаблон.

Вопрос о многообразии форм перехода от старого к новому приобрел в современных условиях большое теоретическое и практическое значение. На путь строительства социализма встал уже целый ряд стран с различным уровнем экономического, политического и культурного развития, с разнообразными историческими традициями. На этот путь рано или поздно встанут и остальные страны мира. Положение марксистской диалектики о скачке как обязательном этапе, необходимом моменте всякого развития философски обосновывает закономерность, необходимость социальных революций. Марксистская философия вооружила пролетариат и его партию сознанием необходимости подготовки и осуществления социалистической революции, без которой невозможен переход от капитализма к социализму. Но каковы конкретные формы осуществления этого величайшего революционного скачка, это зависит от совокупности многих обстоятельств. XX съезд КПСС в 1956 г. указал на закономерность многообразных форм революционного перехода от капитализма к социализму. Этот вопрос будет специально рассмотрен в XVI главе.

При социализме скачки, переходы количественных изменений в качественные, соотношение между эволюционной и революционной формой развития имеют ряд важных особенностей, отличающих их от развития в условиях антагонистического общества. Самой важной особенностью является то, что в отличие от антагонистических формаций, где революционные скачки, крупные переломы в развитии общества имеют форму политических революций, резких социальных конфликтов и столкновений классов, в социалистическом обществе политические революции навсегда исчезают. Здесь уже нет враждебных общественному прогрессу классов, и для того, чтобы проложить путь новым, более прогрессивным формам, нет уже необходимости в свержении существующей политической власти. Социалистическое государство, бу-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 27, стр. 243.

дучи действительным представителем всего общества, в силу этого кровно заинтересовано во всестороннем развитии общества.

Далее, в старом обществе периоды эволюции, в которые вызревали условия для революционного скачка, обнимали, как правило, большие, нередко очень длительные промежутки времени. Это объяснялось стихийностью развития общества в прошлом, а также тем, что господствующие классы не были заинтересованы в изменении существующего порядка вещей. В социалистическом обществе развитие, переход к новым формам совершается сознательной деятельностью масс под руководством коммунистической партии, в соответствии с осознанными объективными законами. Вследствие этого периоды эволюции, подготовки крупных изменений становятся короче, темпы развития убыстряются.

В силу того, что в антагонистическом обществе господствующие классы сопротивляются назревшим переменам в общественных порядках, периоды эволюции и периоды революции резко разделены. До какого-то времени идет накопление сил нового, способных сломить сопротивление реакционных сил, отстаивающих отжившее, и только тогда, когда этот процесс завершается, наступает момент уничтожения старого, скачок, революция, осуществляющая качественное изменение.

Напротив, в социалистическом обществе уже нет такого резкого разделения периодов эволюционных и скачкообразных форм развития. И здесь, разумеется, эволюция подготовляет скачок, и здесь качественные изменения невозможны без подготовительных количественных изменений. Но так как здесь уже нет тех серьезных преград на пути назревающих качественных изменений, как в антагонистическом обществе, то эти изменения осуществляются по мере возникновения предпосылок, в порядке постепенного отмирания элементов старого и нарастания элементов нового качества. Вследствие этого наиболее типичным для социалистического общества (как и для будущего коммунистического общества) является постепенность качественных изменений, что не исключает, конечно, резких, одноразовых изменений, например в области техники, науки и т. п.

Как видим, закон перехода количественных изменений в качественные проявляется своеобразно в различных процессах и в разных исторических условиях и его методологическое значение состоит в том, что он, во-первых, указывает общий для всех явлений объективного мира путь развития и, во-вторых, требует это общее найти в конкретном, уловить, понять в каждом отдельном случае особые формы перехода, чтобы действовать наиболее успешно.

ГЛАВА VIII

ЗАКОН ЕДИНСТВА И БОРЬБЫ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Закон перехода количественных изменений в качественные, как мы видели, отражает одну из важнейших сторон развития, вскрывает «механизм» процесса качественных превращений предметов. Однако положение о переходе количественных изменений в качественные не дает ответа на вопрос о том, что является источником всякого развития, в том числе и перехода количественных изменений в качественные. На этот вопрос отвечает другой закон диалектики — закон единства и борьбы противоположностей, закон о противоречиях как источнике развития. Настоящая глава посвящена рассмотрению этого закона.

Ленин называет учение о противоречиях «ядром» марксистской диалектики, дающим ключ к пониманию всех сторон и моментов развития. Знание закона единства и борьбы противоположностей помогает проникнуть в самую глубокую сущность вещей и процессов и познать противоречивые связи и отношения, существующие как между различными сторонами отдельных предметов, так и между разными предметами. Рассмотренный нами закон перехода количественных изменений в качественные есть также одно из выражений развития через противоречия. Мы видели, что нарастание количественных изменений вызывает противоречие между количественной и качественной определенностью предмета. Разрешение этого противоречия требует выхода за пределы старого качества, образования нового качества, без чего невозможно дальнейшее развитие. Скачок и есть разрешение этого противоречия. Как будет показано в следующей главе, без закона единства и борьбы противоположностей невозможно понять и сущность закона «отрицания отрицания». Он лежит в основе взаимоотношения содержания и формы предметов, сущности и явления, случайности и необходимости и т. д.

Вот почему закон единства и борьбы противоположностей занимает такое важное место в марксистской диалектике. Его роль и значение определяются тем, что он вскрывает внутренние источники и импульсы развития. Поэтому отношение к данному закону

является оселком, на котором проверяется научность и жизненность той или другой теории развития. Не случайно как старые, так и современные враги марксизма, стремясь опровергнуть диалектику, вели и ведут атаки прежде всего против диалектического учения о противоречиях как источнике и движущей силе развития.

Рассмотрим основные положения марксистской диалектики о законе единства и борьбы противоположностей.

1. Предметы, явления как единство противоположностей. Борьба противоположностей — источник развития

Характерной и главной чертой метафизического мировоззрения является отрицание внутренних противоречий явлений и процессов объективного мира. Метафизики признают, конечно, что между разными предметами могут существовать и существуют различия и противоречия. Но они категорически отвергают возможность *внутренних* противоречий в одном и том же предмете, явлении, процессе. Положение о том, что данный предмет в силу присущих ему противоположных сторон и тенденций содержит в себе и нечто иное, метафизики считают непоследовательностью мысли. С их точки зрения, только мысль, субъективное понимание предметов, может быть внутренне противоречивой, но тогда мысль является ложной, непоследовательной.

Древнегреческий философ Аристотель обосновал формально-логический закон противоречия, согласно которому невозможно о предмете, взятом в одном и том же отношении и в одно и то же время, высказывать противоречивые суждения. Это положение, несомненно, правильно. Человека, который утверждает, что данная река существует и не существует, мы с полным правом называем путаником.

Но тот же Аристотель, который правильно выразил этот принцип последовательного, непротиворечивого мышления, сделал ошибочный вывод, будто в объективно существующих вещах невозможны внутренние противоречия. Если, заявлял он, «нельзя говорить верно, вместе утверждая и отрицая что-нибудь, то невозможно также, чтобы противоположные определения вместе были даны <в чем-нибудь>» [1].

С этим, конечно, нельзя согласиться. Из того, что одновременное признание существования данного предмета и отрицание его существования было бы непоследовательностью мысли, вовсе не следует, что реально существующему предмету не присущи внутренне противоречивые свойства. Отражение в нашем суждении этого внутреннего противоречия было бы неверно считать непоследовательностью мысли. Напротив, чем глубже отражает

[1] *Аристотель*, Метафизика, Соцэкгиз, 1934, стр. 75.

человеческое мышление внутренние противоречия явлений и процессов, тем лучше и полнее оно их познает. Не удивительно поэтому, что уже с первых шагов развития философской мысли высказывается идея о внутренней противоречивости явлений природы. Как показано в главе II, эту идею в древности развил греческий философ Гераклит. И у Аристотеля, у которого было много гениальных примеров диалектики, имеются отдельные догадки о внутренней противоречивости предметов. Идея эта нашла свое отражение и в философии древнего Китая, Индии и других стран.

В XVII—XVIII вв., в период господства механического и метафизического мировоззрения, утвердилось положение о том, что предметы и явления природы абсолютно тождественны сами себе и свободны от внутренних противоречий. Этот недостаток тогда обусловливался состоянием естествознания. В дальнейшем теория, отрицающая внутренние противоречия в предметах вопреки данным науки, получила широкое распространение в буржуазной философии, так как подкрепляла классовые интересы буржуазии. Идеологам капитализма выгодно изображать дело так, будто буржуазное общество свободно от внутренних противоречий и представляет собой идиллию классовой гармонии и мира.

Современные буржуазные философы изо всех сил стараются опровергнуть учение диалектики о противоречиях. Характерной чертой их нападок на диалектику является отрицание противоречий в самих вещах и перенесение их в область сознания, мысли. Такова, например, теория *неогегельянства* — одного из реакционных течений буржуазной философии эпохи империализма. Неогегельянцы подвергают критике Гегеля за признание противоречивости бытия и называют противоречия вещей «иллюзорными». С их точки зрения, противоречия могут существовать лишь в мышлении. Один из современных представителей прагматизма, реакционный американский философ Сидней Хук, в статье, направленной против марксистского диалектического метода, пишет: «Это весьма странное употребление термина «противоречие», потому что еще со времени Аристотеля теория логики считала, что противоречивыми могут быть суждения, утверждения, доказательства, а отнюдь не вещи и явления» [1]. Буржуазный философ страшится признать внутренние противоречия в самих явлениях и вещах, ибо именно диалектика развития внутренних противоречий общества порождает борьбу классов и социальные революции.

Если же некоторые буржуазные философы и вынуждены признать реальность противоречий, то они стараются доказать, что противоположности и антагонизмы, имеющие место, например, в общественной жизни, вечны и неразрешимы, что в непреодо-

[1] *Sidney Hook*, Dialectical Materialism and Scientific Method, p. 7.

лимости социальных противоречий будто бы и заключается сущность взаимоотношений между классами.

Другие, видя противоречия и даже подчеркивая их значение, переносят их разрешение в область религии. «Противоречия,— заявляет один из сторонников подобного взгляда,— не могут быть разрешены в живой действительности, но только познаны в их связи. По-видимому, только религиозному чувству дано преодолеть их на некоей высшей иррациональной основе»[1].

Наиболее типично для буржуазных философов стремление затушевать противоположности и борьбу между ними, отстаивание идеи о примирении противоречий.

Метафизическому взгляду на мир, отрицающему противоречия как источник развития в объективном мире, марксистская диалектика противопоставляет свое учение о единстве и борьбе противоположностей. Исходя из объективных данных науки и исторического опыта человечества, она утверждает, что всем предметам и явлениям свойственны внутренние противоречия, что каждый предмет есть единство противоположностей, единство противоположных сторон, свойств, тенденций. Если предмет воспринимается нами как абсолютное тождество, то задача науки состоит в том, чтобы преодолеть эту ошибку сознания и вскрыть внутренние противоречия предмета. И, как показывает история науки, рано или поздно эти противоречия обнаруживаются. Только через раскрытие внутренних противоречий можно познать предметы, их сущность, законы их развития.

Марксистская диалектика исходит из того, что всем предметам и явлениям «свойственны внутренние противоречия, ибо все они имеют свою отрицательную и положительную сторону, своё прошлое и будущее, своё отживающее и развивающееся, что борьба этих противоположностей, борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, между отживающим и развивающимся, составляет внутреннее содержание процесса развития, внутреннее содержание превращения количественных изменений в качественные»[2].

Успехи науки в последние десятилетия дают поразительные примеры, подтверждающие правоту диалектики. Чем глубже наука проникает в сущность явлений природы, тем явственнее выступает их внутренне противоречивый характер. Особенно показательны в этом отношении достижения атомной и ядерной физики. В главе IV мы уже говорили об атоме как единстве противоположно заряженных частиц. Между частицами атома, а также внутри атомного ядра действуют силы притяжения и отталкивания. Взаимодействие этих противоположных сил объясняет процессы, протекающие внутри атомов и их ядер. Это доказывает правильность утверждения Энгельса о том, что «притяже-

[1] «Dialectica», Zürich (Neuchâtel), vol. 2, 1948, № 1, p. 20—21.
[2] *И. В. Сталин*, Вопросы ленинизма, 1953, стр. 578.

ние и отталкивание столь же неотделимы друг от друга, как положительное и отрицательное...»[1] Современная физика твердо установила, что по своей структуре свет и вещество (например, электроны) представляют собой внутреннее единство таких противоположностей, как корпускулярные и волновые свойства. Это подлинный триумф диалектики.

Следует различать *внутренние* и *внешние* противоречия. Внешнее противоречие — это противоречие между различными предметами или между различными процессами, между различными сущностями. Внутреннее же противоречие — это противоречие в самой сущности данного предмета, процесса, наличие в одном и том же предмете противоположных сторон и тенденций. Но дело не только в том, что в предмете имеются противоположности, но и в том, каковы связи и взаимоотношения между ними. Под внутренним противоречием нужно понимать такое взаимоотношение между противоположными сторонами предмета, когда они одновременно взаимно предполагают, обусловливают и вместе с тем отрицают, исключают друг друга; в рамках целого одна сторона противоречия не может существовать без другой, и в то же время в силу их противоположного характера они отрицают друг друга.

Вот эта взаимная зависимость и взаимное отрицание есть главная черта внутреннего противоречия. Это можно видеть на любом примере противоположных явлений и понятий: положительное и отрицательное, северный полюс и южный полюс, свет и тень, притяжение и отталкивание, плюс и минус, добро и зло, прекрасное и безобразное и т. п.— между всеми этими понятиями существует отношение взаимной связи и взаимного исключения. Каждое из них есть иное другого, отрицание его, и в то же время его собственное существование обусловлено этим другим.

Внутреннее противоречие можно видеть на примере простейшего вида движения — перемещения тела в пространстве. Движение есть явное противоречие. О движущемся теле невозможно сказать, что оно находится в какой-нибудь момент времени только в данной точке.

Конечно, не будет никакой ошибки утверждать, что, например, движущийся поезд находится в данное время в таком-то пункте, в другое время — в другом пункте. Этого утверждения достаточно, чтобы понять такую простую вещь, как местонахождение поезда, но его недостаточно, чтобы выразить сущность движения. Это утверждение описывает *результат* движения, а не сущность самого движения. Когда же мы пытаемся понять движение, то мы наталкиваемся на противоречие: движущееся тело в один и тот же момент времени находится в данной точке пространства и уже не находится в ней, т. е. находится и в данном и в другом месте.

---

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1955, стр. 193.

Критики диалектики неоднократно пытались опровергнуть этот противоречивый характер движения. Они указывали, что на самом деле движущееся тело в один момент времени находится в данном месте, в другой момент времени — в другом месте. Иначе говоря, они брали лишь одну сторону движения (прерывность) и абсолютизировали ее: пространство, проходимое телом, они делили на ряд изолированных друг от друга отрезков, пунктов и доказывали, что движущееся тело находится то в одном пункте пространства, то в другом.

Но это, конечно, заблуждение. Движение не только прерывно, но и непрерывно, иначе невозможен был бы переход движущегося тела из одной точки в другую. Отдельные точки пространства не только отделены друг от друга (прерывность), но и связаны между собой, и эта связь есть не что иное, как непрерывность пространства. Каждая из двух противоположностей — прерывность и непрерывность — предполагает другую и существует лишь в единстве с ней. «Движение,— писал Ленин,— есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства). Движение есть противоречие, есть единство противоречий» [1].

Положение о том, что движущееся тело в каждый момент времени находится лишь в данной точке пространства, омертвляет движение. Последнее превращается в сумму состояний покоя. В действительности же движение есть единство покоя и изменения: движущееся тело, несомненно, находится в данном месте, и в то же время оно в нем не находится. Эти две противоположности (покой и движение) и связаны между собой и отрицают друг друга. Вне этого единства противоположностей невозможно было бы даже простейшее — механическое — движение, перемещение тел в пространстве.

Сказанное относится к любому предмету, явлению и процессу объективного мира — каждому из них присущи свои внутренние противоречия, каждый из них есть «единство противоположностей».

Внутреннее противоречие, единство противоположных сторон, тенденций в предмете необходимо обусловливает *борьбу* между ними. Борьба противоположностей есть естественное, закономерное следствие того, что противоположности внутри предмета одновременно взаимно обусловливают и отрицают друг друга. Если бы противоположные стороны только обусловливали и предполагали, но не исключали друг друга, тогда невозможна была бы борьба между ними. Если бы они только исключали, отрицали друг друга, не находясь в единстве, не будучи связаны и зависимы друг от друга, то опять-таки между ними не могло бы быть состояния борьбы.

---

[1] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 241.

Буржуазные философы, экономисты, даже если они и вынуждены говорить о противоречиях капитализма, подчеркивают только один момент, одну сторону взаимоотношения между противоположностями — их единство, тождество, замалчивая другую сторону — их взаимоотрицание, противоречие между ними. При таком подходе противоположности изображаются как существующие друг подле друга, не исключающие друг друга, не ведущие между собой никакой борьбы. Тем самым остается в тени та сила, которая двигает развитие вперед, которая является источником всякого развития,— борьба противоположностей, противоположных сил, направлений, стремлений и т. п.

В гегелевской диалектике при наличии гениального положения о том, что противоречие движет вперед, существует тенденция к примирению противоположностей. В этой тенденции, несомненно, сказался буржуазный характер гегелевской философии, нежелание Гегеля делать все социальные выводы из диалектики, этой «алгебры революции».

Внутренне противоречивые стороны предмета не равнодушно относятся друг к другу. Каждая из сторон противоречия воплощает какую-то тенденцию — положительное или отрицательное, действие или противодействие, революционное или консервативное, отживающее или нарождающееся и т. п. И так как эти противоположные тенденции находятся в единстве, совмещаются в одном и том же предмете, в самой его сущности, то они не безразличны друг к другу, а ведут между собой борьбу.

Противоречие, имеющееся между ними, должно быть так или иначе, рано или поздно разрешено. Каким же образом оно разрешается? Марксистская диалектика отвечает: путем борьбы противоположностей.

Отсюда вытекает огромное значение борьбы противоположностей в развитии. Ее роль состоит в том, что именно в борьбе и путем борьбы решается «спор» между противоположными тенденциями, заключенными в явлениях и предметах. Подобно тому как в споре, в столкновении различных точек зрения, мнений, идей рождается и выкристаллизовывается истина, так и в столкновении, борьбе противоположных сторон, сил, тенденций, присущих предмету, развитие пробивает себе дорогу вперед: терпит поражение то, что мешает развитию, и в конечном счете побеждает то, что является носителем развития. Это и значит, что борьба противоположностей есть движущая сила развития.

Если бы не было внутренних противоречий в предметах и явлениях, если бы не было борьбы между противоположными сторонами, тенденциями, то предметы и явления остались бы тождественными себе, неизменными; невозможно было бы развитие, качественное изменение, все находилось бы в состоянии застоя. Если бы, например, передовые классы общества не вступали в борьбу с отживающими классами, то противоречия между ними не разрешались бы, и общество не могло бы двигаться впе-

ред, развиваться. Поэтому марксизму чужды оппортунистические представления о гармонии враждебных классов. Коммунисты являются последовательными сторонниками классовой борьбы, потому что классовая борьба — объективная закономерность общества, разделенного на противоположные классы, и иным путем не может происходить развитие этого общества, смена старого, отжившего новым, передовым.

Вот почему, давая характеристику сущности развития, Ленин указывал: «Развитие есть «борьба» противоположностей» [1]. Этим определением схватывается главное в развитии — его источник, его двигательная сила.

Борьба противоположностей есть сложный процесс возникновения, развития и разрешения противоречий. Этот процесс имеет свои ступени, этапы, свой особый характер на каждой из этих ступеней. Иначе говоря, конкретные противоречия проделывают более или менее длительный путь, имеющий начало, продолжение и конец.

Это не значит, конечно, что предмет на какой-то ступени своего развития может представлять абсолютное тождество, т. е. быть свободным от всяких противоречий. Нельзя считать, что сначала предмет есть чистое тождество, а затем в нем возникают противоречия. В действительности предметам всегда свойственны скрытые или выявившиеся, притом многообразные противоречия. Ленин указывал, что предмет есть «сумма противоположностей». Если в предмете еще нет данного конкретного противоречия, если оно еще не возникло, то в нем имеются другие противоречия. Абсолютным, мертвым тождеством предмет никогда не может быть. Но каждое конкретное противоречие возникает и проходит определенный путь развития, и его нужно рассматривать в динамике, а не в статике.

Не всегда противоречие сразу выражено резко. Обычно на первых порах оно имеет характер лишь *различия*, которое есть начальная форма противоречия. В процессе развития различие превращается в *противоположность*, т. е. в более развитое противоречие, когда обе стороны противоречия резко отрицают друг друга. Например, Маркс в «Капитале» исследует двойственный характер товара. Товар есть единство противоположностей — потребительной стоимости и стоимости. Но эта противоположность не возникла сразу в развитом виде. В первобытной общине производились не товары для обмена, а продукты для собственного потребления. Лишь тогда, когда случайно общины обменивались между собой излишками своих продуктов, последние становились товарами с присущим товару противоречием между потребительной стоимостью и стоимостью. Маркс показывает, что в этот период указанное противоречие еще не выражено ярко, здесь нет еще, как он говорит, «полярной противоположности»: две стороны противоречия только начинают свой путь обособления друг

[1] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 327.

от друга, единое еще не раздвоено резко на противоположности. Но с развитием товарного обмена то, что раньше было лишь различием, становится резкой противоположностью. Потребности обмена требуют возникновения самостоятельной формы стоимости. «Борьба» между стоимостью и потребительной стоимостью завершается раздвоением товара на товар и деньги. Стоимость в форме денег отделяется от потребительной стоимости товаров и получает самостоятельное существование. Говоря о противоречии в товаре между потребительной стоимостью и стоимостью, Маркс указывает, что это двойное существование «должно развиться в *различие*, различие — в *противоположность* и в *противоречие*» [1].

Понятия различия и противоположности выражают один и тот же факт — внутреннюю противоречивость явлений, но каждое из них выражает эту противоречивость явлений на разных ступенях, стадиях ее развития, нарастания борьбы.

Возникновение капитализма означало возникновение противоречия между буржуазией и пролетариатом. Однако пролетариат сначала не сознавал свою коренную классовую противоположность буржуазии. Рабочие боролись против машин, думая, что их враг — машины, а не капиталисты. Они боролись также против врагов своих врагов, т. е. против феодалов. И только со временем они осознали себя как особый класс, находящийся в непримиримом противоречии с противоположным им классом буржуазии. Борьба между этими классами на основе растущих противоречий капиталистического производства становится интенсивнее, противоположность их делается все глубже. Следовательно, и тогда, когда противоречия с самого начала имеют характер резкой, полярной противоположности, происходит тот же закономерный процесс развития, развертывания, нарастания противоречий.

Рост противоречия на основе борьбы противоположностей имеет своим результатом все большее раздвоение единого (предмета), и, наконец, достигается такая ступень в развитии противоречия, когда противоположности уже не могут существовать в единстве. Тогда наступает момент разрешения противоречия.

Противоречия разрешаются лишь в борьбе и путем борьбы. Противоречия не примиряются, а преодолеваются. Процесс развития, развертывания, нарастания противоречий есть процесс борьбы, который закономерно подготовляет необходимую стадию их разрешения.

Разрешение, преодоление коренных, существенных противоречий означает уничтожение старого и возникновение нового. Так преодоление противоречий между старой наследственностью животного или растения и новыми признаками, возникающими в процессе приспособления к среде, приводит к смене старой нас-

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, 1935, стр. 67.

ледственности новой. Разрешение коренных противоречий капиталистического способа производства означает уничтожение этого способа и возникновение нового, социалистического способа производства.

Стадия (момент) разрешения противоречий чрезвычайно важна в развитии. Когда старое исчерпывает себя и становится тормозом, препятствием на пути нового, противоречие между ними должно быть разрешено путем отмирания старого и победы нового. В сложных процессах противоречие не может быть сразу разрешено, как только оно возникнет. Может ли, например, сразу разрешиться противоречие между наследственностью и приспособлением? Конечно, нет. Требуется известное нарастание противоречий, создающее предпосылки для их разрешения.

Развитие, нарастание противоречий, как видно из приведенных примеров, завершается уничтожением, отмиранием старого и возникновением нового. Отсюда следует вывод, что всякое единство противоположностей, как указывает Ленин, относительно, временно, преходяще, а борьба противоположностей абсолютна. Единство противоположностей в каком-нибудь предмете существует до тех пор, пока в границах данного предмета происходит рост, нарастание противоречий, подготовляющее момент разрешения, преодоления противоречий. Разрешение противоречий есть качественное превращение данного предмета, исчезновение старого и возникновение нового. Старое явление, бывшее единством определенных противоположностей, уступает место новому, являющемуся единством других противоположностей. Так, феодализм как единство противоположных классов — феодалов и крестьян сменился капитализмом, являющимся единством иных противоположностей — буржуазии и пролетариата.

Каждое данное единство противоположностей, следовательно, временно, преходяще, как временен, относителен, преходящ всякий момент покоя, равновесия. Борьба же противоположностей не может быть временным фактором, она — постоянно действующий фактор, иначе прекратилось бы развитие. Она — та творческая сила, которая вносит «беспокойство» в явления, не позволяет им быть мертвыми, неподвижными, дает им стимулы к изменению и развитию, обусловливает вечную смену старых форм новыми.

Если бы момент единства противоположностей был постоянным, неизменным фактором, тогда невозможно было бы развитие, качественное превращение предметов. Относительность *единства* противоположностей есть выражение того, что постоянство предмета временно, что предмет имеет свое начало и свой конец. Абсолютность *борьбы* противоположностей есть выражение того, что движение ни на минуту не прекращается, что оно разрушает постоянство предмета, подготовляя его закономерное качественное изменение. Это объясняет известную диалектическую формулу о том, что *противоречия движут вперед*.

Мы теперь можем сформулировать сущность закона единства и борьбы противоположностей. *Единство и борьба противоположностей есть закон, в силу которого всем вещам, явлениям, процессам свойственны внутренне противоречивые стороны, тенденции, находящиеся в состоянии борьбы; борьба противоположностей дает внутренний импульс к развитию, ведет к нарастанию противоречий, разрешающихся на известном этапе путем исчезновения старого и возникновения нового.*

Как и всякий закон диалектики, закон единства и борьбы противоположностей является не только законом объективного мира, но и законом познания, законом диалектической логики. Ленин критиковал Плеханова за то, что он в своих работах по диалектике не раскрыл единство, тождество противоположностей, *как закон познания* (см. «К вопросу о диалектике»). Главное значение этого диалектического закона познания состоит в том, что он требует отражения, воспроизведения в понятиях, категориях, законах науки объективных противоречий развития действительности. Только при этом условии мышление может быть адекватным действительности, правильным. Ленин указывает: «Условие познания всех процессов мира... в их живой жизни, есть познание их, как единства противоположностей» [1]. Человеческие понятия должны быть подвижными, гибкими, как сами явления, которые они отражают. Понятия, говорит Ленин, должны быть «едины в противоположностях, дабы обнять мир»[2], т. е. правильно познавать его.

Даже в простейших понятиях и суждениях выражаются внутренние противоречия явлений. Когда мы говорим: «Эта роза есть цветок», мы оперируем такими противоположными понятиями, как единичное (эта роза) и общее (цветок). Роза есть единство, тождество единичного и общего, ибо она как единичный цветок имеет общее, свойственное всем цветам. Но это не мертвое тождество, а тождество (единство) в различии, так как роза содержит в себе и отличительные от других цветов свойства. Следовательно, в суждении «роза есть цветок» выступает то требование к человеческим понятиям, о котором говорит Ленин: эти понятия («роза» и «цветок») едины в противоположностях, и данное суждение правильно отражает предмет.

В еще большей мере это относится к сложным научным понятиям и суждениям, теориям. Возьмем, например, вопрос о делимости атома. По современным представлениям, на вопрос о том, делим атом или нет, нужно ответить: «И да, и нет», т. е. по правилам диалектического мышления. Атом делим, поскольку он состоит из более элементарных частиц; он неделим, поскольку он является наименьшей частицей *химических* элементов.

---

[1] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 327.
[2] Там же, стр. 122.

По представлениям буржуазных экономистов, капитал — это деньги, средства производства, и понятие «капитал» не выражает никаких противоречий капиталистического производства. Маркс опроверг подобное метафизическое представление о капитале. Он показал, что, во-первых, капитал — не вещь, а выражение определенных общественных отношений; во-вторых, что капитал воплощает в себе внутренне противоречивые общественные отношения — отношения между капиталистами и рабочими. Марксово понятие капитала, таким образом, диалектично, ибо правильно отражает жизненные противоречия.

Наши понятия должны отражать не только объективные противоречия предметов, явлений, но и динамику развития этих противоречий, переходы явлений в их противоположность, превращение противоположностей друг в друга. Например, исследуя процесс становления социалистических форм труда в СССР, мы должны проследить, как единичные проявления социалистического отношения к труду в виде коммунистических субботников закономерно превращаются в общее явление, становятся социалистическим отношением народа к труду. Единичное превращается в общее, т. е. в свою противоположность.

Диалектика учит, что между противоположностями (положительное и отрицательное, благо и зло и т. п.) нет непреодолимой стены и они могут превращаться друг в друга. Правдивость есть положительное качество человека, но если во имя «правды» человек раскрывает военную тайну врагу своего народа, то такая «правдивость» превращается в свою противоположность, в отрицательное, вредное качество.

А так как между противоположностями, даже самыми крайними, нет абсолютной грани и они могут превращаться друг в друга, то и наше мышление, наши понятия должны быть гибкими, следуя за всеми переходами и превращениями реальной действительности. Это одно из важнейших требований марксистской диалектической логики, одно из существенных следствий, вытекающих из применения закона единства и борьбы противоположностей к мышлению.

Но дело не только в том, что закон единства и борьбы противоположностей требует воспроизвести в мышлении объективную диалектику противоречий развития вещей. Сам процесс познания, логика движения мышления от незнания к знанию, от знания менее глубокого к знанию законов объективного мира чрезвычайно противоречив, и только понимание этой противоречивости процесса отражения действительности в человеческих понятиях позволяет правильно видеть путь познания. Процесс познания состоит из таких противоположно направленных способов и приемов отражения действительности, как чувственное и рациональное, конкретное и абстрактное, анализ и синтез, индукция и дедукция, относительная и абсолютная истина и т. д. Одна сторона каждой из этих противоположностей не-

мыслима без другой, они взаимно дополняют друг друга, переходят друг в друга. В этом находит свое яркое выражение действие закона единства и борьбы противоположностей в сфере познания (подробнее об этом сказано в X главе).

2. Внутренние и внешние противоречия

Сказанное о развитии путем возникновения и преодоления внутренних противоречий в предметах дает возможность сделать важный вывод о характере движения, развития. Движение, развитие есть *самодвижение*, *саморазвитие* материи. Речь идет не о том, что, скажем, в общественной жизни развитие происходит само по себе, без вмешательства людей, без их активной деятельности, или что природа может быть преобразована в интересах людей без их воздействия на нее. Понятие «самодвижение» означает, что предметы и явления содержат в самих себе импульсы, источники своего развития. Понятие «саморазвитие» направлено против механистического понимания развития, которое законы одной из форм движения (механической), предполагающей внешний толчок как причину движения, переносит на всякое движение и развитие. Распространив механистическое воззрение на материю в целом, метафизики изображают материю как нечто косное, инертное, ошибочно полагая, что только какая-то сверхприродная сила (дух, бог) приводит ее в движение.

Диалектическое понятие самодвижения, напротив, отражает тот объективный факт, что материя, природа и общественная жизнь сами в себе содержат стимулы, причины, источники развития. Природа сама, по собственным законам развивается от низших форм к высшим. Неживая природа в порядке «самодвижения» породила свое иное, свою противоположность — живую природу. Также происходит и развитие общества. Не внешние силы, а собственные законы капитализма, развитие, происходящее на основе этих законов, порождает его противоположность— социализм. Иными словами, «самодвижение» капиталистического общества создает объективные и субъективные предпосылки для возникновения социалистического общества. Причиной, источником этого самодвижения являются внутренние противоречия, их развитие, разрешение и снятие их на основе борьбы противоположностей; «...развитие противоречий известной исторической формы производства,— говорит Маркс,— есть единственный исторический путь её разложения и образования новой» [1].

Итак, диалектика требует понимать движение, развитие как самодвижение, саморазвитие, происходящее в силу борьбы и развития внутренних противоречий. Диалектика, однако, ни-

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, 1955, стр. 493.

сколько не игнорирует важной роли *внешних противоречий* в процессе развития. Каждый предмет связан с множеством других предметов и находится во взаимодействии с ними. Из этого вытекает необходимость учета и внешних противоречий и их роли в развитии. Можно ли пренебрегать взаимоотношениями растений и животных с внешними условиями их существования? Без учета этих взаимоотношений нельзя понять развития организмов. В биологии существует так называемая автогенетическая теория, которая развитие животных и растений всецело выводит из внутренних причин, игнорируя в их формировании роль внешних условий существования, роль обмена веществ между организмом и внешней средой. Эта теория приводит к антинаучным, идеалистическим выводам. Мичуринское учение в биологии разбило эту теорию, раскрыв все значение обмена веществ для развития и изменения органического мира.

Далее. Человеческое общество развивается по собственным внутренним законам, в порядке развития и разрешения внутренних противоречий. Но было бы нелепостью не учитывать роли внешнего противоречия между обществом и природой. Вне природы общество не существует и не могло бы существовать ни одного дня. Чтобы существовать, люди должны трудиться, а труд есть воздействие человека на природу с целью производства необходимых средств существования. От уровня развития производительных сил зависит характер взаимоотношений между обществом и природой, степень подчинения стихийных сил природы человеку. Общество ведет борьбу с природой, и эта борьба есть также форма «борьбы противоположностей». Процесс разрешения противоречий между обществом и природой, который есть по существу процесс бесконечный, составляет один из важных источников развития общества.

Однако между внутренними и внешними противоречиями существует объективное различие, которое нельзя не учитывать. Внутреннее противоречие — это противоречие в самой сущности предмета, так что предмет не может существовать без обеих противоположностей. Внешнее противоречие — это противоречие между разными предметами, разными сущностями. Так, растение и солнце, дающее растению тепло,— это разные сущности, каждое из них имеет свои внутренние противоречия. Общество и природа — также противоречие разных сущностей. Внешние противоположности, как и внутренние, связаны между собой, но между ними нет той тесной взаимообусловленности, как во внутреннем противоречии. Одна сторона этого противоречия — природа может существовать и без общества, солнце — без растения и т. д.

Различать противоречия — внутренние и внешние — чрезвычайно важно, так как их роль в развитии неодинакова. Конечно, это различие не абсолютное, а относительное: то, что в одной связи является внешним противоречием, в другой связи

может быть внутренним противоречием. Например, противоречие между двумя какими-нибудь видами растений выступает как внешнее противоречие по отношению к каждому из них. В то же время это есть одно из внутренних противоречий мира растений в целом. Противоречие двух социальных систем — капиталистической и социалистической — является внешним противоречием для каждой из этих систем. В то же время это внутреннее противоречие мирового исторического процесса. Внешнее противоречие часто является выражением и формой существования внутренних противоречий. Так, противоречие между товаром и деньгами Маркс называет «внешней противоположностью», «в которой товары выражают имманентную им (т. е. внутренне присущую им. — *Ред.*) противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью» [1].

Между внутренними и внешними противоречиями существует связь, и при рассмотрении причин развития предметов нужно учитывать как внутренние, так и внешние противоречия. Внутренние противоречия не существуют и не действуют вне связи с внешними противоречиями, а влияние внешних противоречий на развитие предмета невозможно понять без учета его внутренних противоречий.

Не игнорируя нисколько значение внешних противоречий, материалистическая диалектика вместе с тем утверждает, что внутренние противоречия играют главную, первенствующую роль в развитии, а внешние противоречия — не главную, второстепенную роль. Внутренние и внешние противоречия в процессе развития находятся в единстве, в связи, но было бы грубой ошибкой подменять первые, ведущие вторыми.

Вот почему диалектика борется против широко распространенной в буржуазной и реформистской философии *теории равновесия*. Сущность этой теории состоит в отрицании внутренних противоречий развития, в признании решающего значения внешних противоречий и уравновешивания противоположностей. Теория равновесия возводит в ранг всеобщего закона развития простейший, механический вид движения — столкновение, взаимодействие внешних сил. Главным состоянием материи эта теория считает не движение, а равновесие, покой. Между двумя телами, например, существует состояние равновесия. Если сила одного из них превышает силу другого, то между ними начинается борьба, которая нарушает равновесие. Борьба внешних противоположностей затем приводит к новому равновесию. Один из наиболее ревностных защитников теории равновесия, А. Богданов, так формулировал сущность этой теории: «От равновесия через нарушающую его борьбу двух сил к новому равновесию» [2]. Как видим, теория раповесия полностью отвлекается от внутренних противоречий предметов.

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, 1955, стр. 111.
[2] *А. Богданов*, Философия живого опыта, М., 1920, стр. 197.

Конечно, было бы нелепо отрицать момент равновесия. Равновесие так или иначе имеется во всяком движении, в том числе и в обществе. Но равновесие есть лишь момент движения, оно относительно, временно. А движение абсолютно. «...Отдельное движение,— указывает Энгельс,— стремится к равновесию, а совокупное движение снова уничтожает отдельное равновесие» [1].

Применяя теорию равновесия к жизни общества, сторонники ее считают, что главный источник общественного развития — не внутренние противоречия общества, а противоречие между обществом и природой. Такое понимание теоретически совершенно несостоятельно, а политически приводит к реакционным выводам. Несомненно, без процесса разрешения противоречий между обществом и природой невозможно общественное развитие. Но все дело в том, что влияние и роль внешних противоречий преломляются и опосредствуются внутренними противоречиями общества. Чем прогрессивнее строй общества, тем успешнее разрешаются противоречия между обществом и природой. Например, современный капитализм оказывает сковывающее влияние на развитие производительных сил общества, а следовательно, и на подчинение природы интересам человечества. Теория равновесия бессильна объяснить это, ибо дело здесь не в «нарушении» равновесия между природой и обществом, а всецело во внутренних противоречиях буржуазного общества. Только разрешение *внутренних* противоречий капитализма открывает новые, небывалые возможности развития производительных сил общества, о чем свидетельствует опыт социалистического общества. Иначе говоря, разрешение внешних противоречий зависит от решения главных, внутренних противоречий общества.

Теория равновесия используется и для защиты идеи о примирении враждующих классов. Трудно в век обостренной борьбы классов капиталистического общества отрицать внутренние противоречия этого общества. Используя теорию равновесия, буржуазные и реформистские философы утверждают, что различные классы находятся не в состоянии борьбы, а в состоянии равновесия, что каждый класс выполняет-де свою функцию и что покушение на это равновесие опасно для жизни общества.

Поскольку теория равновесия отрицает решающую роль классовых противоречий в развитии антагонистического общества, она служит интересам реакционных сил. Она отвлекает трудящихся капиталистических стран от революционной классовой борьбы, мешает им бороться за новый, прогрессивный, социалистический строй.

Положение материалистической диалектики о главной, ведущей роли внутренних противоречий нельзя понимать догматически. Бывают условия, когда внешние противоречия выдви-

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1955, стр. 196.

гаются на первый план, и их решение приобретает первостепенное значение. Например, в национально-освободительной войне какой-нибудь страны против внешнего врага могут объединиться и, как показывает исторический опыт, нередко объединяются самые разнородные социальные силы. Противоречия между противоположными классами внутри страны, ведущей национально-освободительную войну, не исчезают, но они на некоторое время отодвигаются на задний план, не играют главной роли. Основное значение для дальнейшего развития страны имеет в этот период разрешение внешних противоречий. Следовательно, было бы неправильно на основании общего положения о внутренних противоречиях как решающих игнорировать возможность в тех или иных конкретных условиях превращения внешних противоречий в главные.

Если брать весь современный исторический процесс в целом, то противоречие между системой социализма и системой капитализма — это внутреннее антагонистическое противоречие мирового общественно-исторического развития. Единая мировая система капитализма распалась, раздвоилась на противоположности. Возник антипод капитализма — социализм, который ныне стал мировой системой, пришедшей на смену отживающему обществу. Но межгосударственные отношения и противоречия между социалистическими и капиталистическими странами — это внешние антагонистические противоречия, и они имеют важнейшее значение для всего хода мировой истории. Мирное сосуществование и экономическое соревнование двух противоположных систем — социализма и капитализма — это тоже своеобразная форма разрешения противоречий.

Опыт истории свидетельствует, что новое, передовое всегда в конце концов побеждает старое. Этого боится буржуазия. Она видит, что в мирном соревновании все преимущества у социализма. Чтобы продлить свой век, век капитализма, наиболее агрессивные силы империализма уповают на силу, на войну.

Разрешение внешнего противоречия между двумя мировыми системами зависит прежде всего от внутреннего развития стран социализма и стран капитализма. Чем успешнее будет происходить строительство социализма внутри каждой социалистической страны, тем быстрее социализм выиграет соревнование с миром капитализма. Переход капиталистических стран к социализму будет происходить не в результате «экспорта» революции, а в результате закономерного разрешения внутренних социальных противоречий между трудящимися классами и буржуазией этих стран в пользу трудящихся масс.

Марксистская диалектика требует не ограничиваться общим положением о противоречиях как движущей силе развития, а применять его конкретно, творчески, видеть особенности действия общего закона в каждом явлении, в разных исторических условиях. Вопрос о специфичности противоречий в различных

процессах является существенной стороной закона единства и борьбы противоположностей и требует специального рассмотрения.

3. Особенности различных противоречий

Закон единства и борьбы противоположностей, как и всякий закон, проявляется в самых разнообразных процессах, развитие которых протекает специфично, соответственно их природе и условиям их существования. В превосходной, глубокой и интересной работе Мао Цзэ-дуна «Относительно противоречия», являющейся выдающимся вкладом в теорию марксистской диалектики, правильно подчеркивается мысль о том, что в каждом отдельном случае нужно вскрыть специфичность противоречия. Общее неизбежно модифицируется, видоизменяется в разных сферах объективного мира. Одно дело — развитие и борьба противоположных тенденций в природе, где действуют слепые, стихийные силы, и другое дело — развитие и борьба противоположностей в обществе, где действуют обладающие сознанием и преследующие свои цели люди, классы, партии. В свою очередь, в каждой из этих областей объективного мира имеется многообразие процессов, в которых по-разному выражается действие законов диалектики. Различна, например, природа противоречий и по-разному протекает «борьба» противоположностей в физических и химических процессах. Недопустимо брать за одну скобку и общественные противоречия, поскольку разные социальные формации существенно отличаются друг от друга. Своеобразно протекает процесс борьбы противоположностей в мышлении, в развитии науки, искусства.

Все это показывает, как важно видеть не только общее, но и особенное в противоречиях. Специфический характер различных противоречий обусловлен качественно особой природой форм движения материи. Каждой форме движения — механической, физической и т. д.— присущи свои противоречия. В наброске «К вопросу о диалектике» Ленин отметил некоторые специфические противоречия, исследуемые различными науками:

«В математике + и —. Дифференциал и интеграл.
» механике действие и противодействие.
» физике положительное и отрицательное электричество.
» химии соединение и диссоциация атомов.
» общественной науке классовая борьба».

К этим специфическим противоречиям можно добавить ряд других, например: ассимиляция и диссимиляция, наследственность и изменчивость в биологии, возбуждение и торможение в физиологии, анализ и синтез, индукция и дедукция, чувственное и рациональное в теории познания и логике и т. д.

Неорганической природе более свойственны такие формы противоречий, как единство положительного и отрицательного, действия и противодействия, притяжения и отталкивания.

Здесь почти неприменимы такие характеристики противоречий, как старое и новое, отмирающее и нарождающееся, тем более такие, как революционное и консервативное, реакционное и прогрессивное.

Более высоким формам движения материи (органическая природа, общественная жизнь) свойственны противоречия в форме борьбы между старым и новым, отмирающим и нарождающимся, консервативным и революционным и т. п. Конечно, и в высших формах движения имеют место противоречия низших форм. Органическая жизнь невозможна без физико-химических процессов с их специфическими противоречиями. Но не эти противоречия являются главными, определяющими развитие органической жизни, они здесь — побочные противоречия, подчиненные главным, характерным для жизни (обмен веществ, ассимиляция и диссимиляция, наследственность и изменчивость и т. д.). Общественную жизнь совершенно невозможно понять, подходя к ней с такими специфическими для неорганической природы противоречиями, как, скажем, притяжение и отталкивание.

Характер, природа противоречий обусловливает особые пути и способы их разрешения, особые законы развития предметов. Возьмем для примера притяжение и отталкивание, без взаимодействия которых невозможны физические явления. В силу того, что это противоположно направленные процессы, между ними происходит «борьба». Термин «борьба» здесь имеет иной смысл, чем в общественных процессах, и тем не менее сущность взаимодействия между притяжением и отталкиванием заключается в столкновении противоположных, взаимоисключающих тенденций, объективно направленном на преодоление, разрешение противоречия между ними. В твердом теле берут верх силы притяжения, и связь молекул прочна. Но теплота усиливает колебательные движения молекул твердого тела, связь их ослабляется, и тело из твердого состояния переходит в жидкое. Дальнейшее нагревание ускоряет движение молекул, сила отталкивания возрастает, и из жидкого состояния тело переходит в газообразное. «Борьба» противоположностей завершается в данном случае тем, что изменяется соотношение между ними в пользу отталкивания.

Взаимодействие этих противоположностей лежит и в основе ядерных превращений. Чтобы освободить огромную энергию, заключенную в ядрах атомов, нужно на них воздействовать с помощью ядерных «снарядов», например альфа-частиц. Если при бомбардировке атома у альфа-частицы достаточно энергии, чтобы преодолеть так называемый «потенциальный барьер», в данном случае силу отталкивания, то она проникнет в ядро атома и вызовет расщепление ядра. Для того чтобы альфа-частица могла вырваться из ядра, ей нужно изнутри преодолеть тот же барьер, но уже силу притяжения, действующую на малых расстояниях вблизи ядра.

Совсем другой характер имеет взаимодействие противоположностей в органическом мире. Растения и животные приспособляются к изменяющимся условиям их существования, у них возникают новые свойства, которые вступают в противоречие со старой наследственностью, происходит «борьба» между изменчивостью и наследственностью, завершающаяся изменением старой наследственности, возникновением нового органического вида.

Специфический и еще более сложный характер имеет борьба противоположностей в развитии общества. Здесь противоречия порождаются развитием основы общества — материального производства. Противоречия способа производства в классовом обществе выражаются в борьбе классов. Борьба противоположностей в этом обществе имеет форму экономической, политической и идеологической борьбы. Идеологическая борьба выражается в форме борьбы философских, экономических, политических, правовых, религиозных, этических теорий и взглядов и т. д. Ни в какой области природы противоречия не выступают в такой многообразной форме.

Но дело не только в том, что общественные противоречия отличаются от противоречий природы. Каждой общественной формации наряду с общими законами и противоречиями свойственны свои противоречия, а значит, и свои особые законы развития. В общественном развитии, особенно в связи с теми всемирно-историческими преобразованиями, которые происходят в современную эпоху, важно различать два вида противоречий — *антагонистические* и *неантагонистические*.

Вопрос об антагонистических и неантагонистических противоречиях — это специфически общественный вопрос, хотя нечто подобное этим противоречиям можно наблюдать и в органической природе. Например, существует антагонизм между некоторыми видами микроорганизмов: одни микробы угнетают или убивают другие (антибиотики). Этот антагонизм используется в медицине для лечения болезней. Существует антагонизм между различными видами животных, а также растений, выражающийся в уничтожении или подавлении одними животными и растениями других в борьбе за существование. Признавая некоторое сходство между подобными противоречиями в природе и обществе, было бы, однако, ошибочно отождествлять их, не видеть существенного различия между ними.

Антагонистический или неантагонистический характер социальных противоречий определяется структурой общества.

Антагонистические противоречия — это такие непримиримые противоречия враждебных общественных сил, интересов, целей, тенденций, которые ведут к конфликтам и столкновениям и преодоление которых осуществляется, как правило, в ожесточенной борьбе. Примером антагонистических противоречий является отношение между помещиками и крестьянами, между

буржуазией и пролетариатом, между буржуазией и трудящимся крестьянством, между колониями и империалистическими странами. Антагонистичны также противоречия между империалистическими государствами в их борьбе за передел мира, за сферы влияния и рынки сбыта. Как видно из этого, антагонистические противоречия многообразны, в силу чего и степень остроты их различна. Сильнее всего антагонизм между эксплуататорами и эксплуатируемыми, особенно между буржуазией и пролетариатом.

История дает немало примеров того, что враждующие между собой эксплуататорские классы или империалистические государства объединяются для борьбы против угнетенных трудящихся классов. В таких случаях даже острые противоречия между ними отходят на задний план, и с особой силой наружу выступает основное противоречие — между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Бывает, однако, и такое положение, когда эксплуатирующие, но не стоящие у власти классы и трудящиеся классы объединяются для борьбы против их общего и главного на определенном историческом этапе, всех их угнетающего врага. Например, в буржуазной революции 1789 г. буржуазия и трудящиеся классы выступали как единое третье сословие против феодалов — светских и духовных. В современных национально-освободительных движениях народов колоний против империализма национальная буржуазия выступает часто вместе со всем народом. Нужно всегда принимать во внимание конкретную историческую обстановку и учитывать, каковы главные противоречия на каждом этапе общественного развития.

Общей закономерностью развития антагонистических противоречий является их рост и обострение, доходящие до резкого конфликта между противоположными сторонами и тенденциями. Антагонистические противоречия, как правило, имеют тенденцию в процессе развития не сглаживаться, не смягчаться, а, напротив, углубляться, принимая все более острые формы. Отсюда и специфические формы разрешения антагонистических противоречий: поскольку существуют классы, всеми средствами отстаивающие старое, отжившее и сопротивляющиеся установлению новых общественных порядков, антагонистические противоречия преодолеваются путем социальных революций, путем острой классовой борьбы.

Нужно иметь в виду эту основную тенденцию развития и разрешения антагонистических противоречий, но нельзя отвлекаться от исторических условий, в которых этот процесс протекает. Опыт строительства социализма в Китае показывает, что при известных внутренних и внешних условиях диктатура пролетариата вполне может осуществить постепенное преобразование капиталистической промышленности и торговли в социалистическую мирным путем, без гражданской войны, посредством экономических и политических мер, посредством перевоспитания основной части буржуазии и подавления лишь тех ее групп,

которые оказывают противодействие социалистическому строительству.

Неантагонистические противоречия в отличие от антагонистических выражают противоречия не враждебных противоположностей, а таких социальных сил и тенденций, которые наряду с противоречиями имеют общее в главном, коренном. Таковы, например, противоречия между рабочим классом и крестьянством, между передовыми и отсталыми элементами социалистического общества. Иная социальная природа этих противоречий обусловливает иные по сравнению с антагонистическими противоречиями пути и способы их разрешения. Здесь нет неизбежной, как в капиталистическом обществе, тенденции к обострению и углублению противоречий и перерастанию их во враждебную противоположность. Основной тенденцией развития неантагонистических противоречий является постепенное их смягчение и преодоление. Так разрешаются в период строительства социализма противоречия между крестьянством и рабочим классом. Так преодолеваются противоречия между передовыми и отсталыми элементами и другие противоречия социалистического общества.

Общая закономерность разрешения неантагонистических противоречий, разумеется, не означает, что эти противоречия в силу конкретных причин, например в случае неправильной политики или ошибок при ее осуществлении, не могут временно обостряться. Ленин, как известно, предупреждал, что неправильная политика марксистской партии по отношению к крестьянству могла бы привести даже к расколу между рабочим классом и крестьянством. Поэтому КПСС всегда уделяла и уделяет особое внимание политике укрепления союза рабочего класса и крестьянства и давала решительный отпор троцкистам.

В неантагонистических противоречиях не заложены объективные причины для их углубления и обострения; это позволяет благодаря правильной политике постепенно смягчать и вместе с тем преодолевать подобные противоречия. Поэтому в условиях социализма огромное значение приобретает деятельность ведущей силы социалистического общества — коммунистической партии по раскрытию и преодолению противоречий развития.

Коммунистическая партия, руководствуясь методом материалистической диалектики, своевременно обнаруживает возникающие в ходе развития социалистического общества противоречия, организует народ и направляет его усилия на их разрешение, на обеспечение движения общества к коммунизму. Иначе говоря, партия не допускает, чтобы противоречия разрослись до враждебной противоположности, и выбирает момент, когда созрели условия для их разрешения. Следует при этом учесть, что влияние сознательной силы на процесс развития и разрешения противоречий нельзя понимать в духе субъективизма. И при социализме, прежде чем возникает объективная возможность

разрешения противоречий, требуется время, требуется известное нарастание предпосылок и средств для успешного преодоления данных противоречий. Все дело лишь в том, что это уже не стихийный, не слепо действующий процесс, а процесс, развивающийся в соответствии с объективной диалектикой, но находящийся под контролем коммунистической партии и народа.

Как ни отличаются неантагонистические противоречия от антагонистических, они также разрешаются в борьбе и путем борьбы нового против старого, борьбы передового, прогрессивного против отжившего, консервативного, косного, бюрократического, отсталого. Было бы грубой ошибкой принимать особенности разрешения неантагонистических противоречий за примирение их.

Ошибочное понимание сущности неантагонистических противоречий проявилось в антимарксистской «теории бесконфликтности» в области литературы и искусства. Эта теория изображала дело так, будто в социалистическом обществе развитие совершается гладко, плавно, без борьбы и конфликтов между старым и новым. Сторонники этой теории упустили из виду, что если бы новое, передовое в социалистическом обществе не боролось против отжившего, то не было бы движения вперед, а был бы застой или движение вспять.

Всякие противоречия разрешаются лишь путем борьбы. В зависимости от природы противоречий меняются лишь формы борьбы. Одной из новых форм борьбы, рожденных на почве специфических противоречий строительства социалистического общества, является критика и самокритика. «Работа настоящего строительства,— указывал Ленин,— это есть применение критики и ее содержание» [1], т. е. положительный, деловой, практический характер критики, ее направленность на преодоление противоречий, на устранение недостатков и ошибок. Коммунистическая партия придает важнейшее значение критике и самокритике как инструменту борьбы нового против старого, как средству выявления и разрешения противоречий, возникающих в ходе развития социалистического общества. Критика и самокритика есть одна из форм сознательного активного участия народных масс в строительстве коммунизма, в управлении своим социалистическим государством.

Различие между антагонистическими и неантагонистическими противоречиями показывает, насколько важно исследовать особенности общественных противоречий. Только приняв во внимание неантагонистический характер противоречий при социализме, можно понять закономерности развития общества после уничтожения капитализма.

Некоторые буржуазные философы в признании специфичности противоречий социалистического общества видят... изме-

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 398.

ну диалектике. Так, современные французские философы Мерло-Понти, Жан Ипполит и другие заявляют, что антагонизм противоборствующих общественных сил, классов неистребим, вечен и что в этом якобы состоит сущность диалектики. Противоречия определенного исторического периода, противоречия антагонистического общества они возводят в абсолют, игнорируя то, что характер действия общего закона развития путем борьбы противоположностей в новых исторических условиях изменяется. Такую «диалектику» некоторые неогегельянцы назвали «трагической», так как из нее следует неизбежность и вечность классовых коллизий, войн и т. п. На деле «трагическая диалектика» есть прием, посредством которого пытаются доказать непреходящий характер капитализма и его антагонистических противоречий. Но победа коммунизма означает полное уничтожение подобных противоречий.

Опыт коммунистического строительства в СССР вскрыл такую форму разрешения противоречий, оставшихся в наследство от старого, антагонистического общества и веками наслаивавшихся друг на друга: постепенное превращение противоположности в различие, а затем и ликвидация всяких остатков былой противоположности. Таким путем преодолеваются, например, противоположность между городом и деревней, противоположность между физическим и умственным трудом.

Различие между противоречиями состоит не только в том, что разные противоречия имеют разную природу, а отсюда и разные пути и способы разрешения. Важно различать также в сложной сети противоречий основные и неосновные, главные и неглавные противоречия. Любой простой предмет, тем более сложные явления и процессы содержат в себе не одно, а много противоречий, находятся в многоразличных противоречивых связях и отношениях с другими явлениями и процессами. Поэтому очень важно — особенно это относится к общественной жизни, к стратегии и тактике борьбы общественных классов и партий — не смешивать основные и производные, главные и неглавные противоречия, а видеть различие между ними, выделять именно те противоречия, которые в данный исторический момент играют решающую роль, и соответственно этому строить практическую деятельность.

Основное противоречие — это такое, которое выражает противоречивый характер самой *сущности* предмета и характеризует развитие предмета от начала его существования до конца. Например, основным противоречием капиталистического способа производства является противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим характером присвоения. Это противоречие остается основным на всех этапах развития капитализма. Оно определяет все остальные его противоречия, являющиеся производными от основного противоречия. Так, противоречие между ростом производства в буржуаз-

ном обществе и отстающей покупательной способностью широких масс населения есть противоречие, производное от основного противоречия, оно выступает как проявление и выражение основного противоречия капитализма.

Основным противоречием современного мирового общественного развития является противоречие между двумя социально-экономическими системами — социализмом и капитализмом.

Выделение главных и неглавных противоречий важно для правильной характеристики отдельных этапов, отрезков процесса развития. В зависимости от изменяющихся объективных потребностей развития и от меняющейся обстановки на первый план может выступить в качестве главного то одно, то другое противоречие. То, что в одних условиях выступает как главное противоречие, в других условиях становится неглавным и наоборот. Например, в первый период существования Советской власти в нашей стране главным было противоречие между самой передовой в мире политической властью и отсталой технико-экономической основой, слабым развитием тяжелой индустрии в первую очередь. Когда это противоречие было разрешено, главным противоречием в последующий период стало противоречие между передовой социалистической индустрией и отсталым, раздробленным на много миллионов мелких хозяйств земледелием. Это противоречие также было успешно разрешено.

В нынешних международных условиях решающее значение приобретает недопущение новой мировой войны. Одно из главных противоречий современности — это противоречие между наиболее реакционными кругами империалистов, стремящимися разжечь новую войну, и подавляющим большинством человечества, кровно заинтересованным в том, чтобы ее предотвратить. Поэтому в современных международных условиях важнейшая задача состоит в объединении всех сил, заинтересованных в борьбе за прочный мир.

Учет главных и неглавных противоречий позволяет коммунистическим партиям определять задачи рабочего класса, выдвигать истинные лозунги борьбы, мобилизующие массы на решение назревших задач, приближающих к конечной цели. Именно поэтому Ленин называл диалектику душой марксизма.

Ленин учил, что подлинный диалектик лишь тот, кто в общей массе задач способен на каждом этапе развития выделить очередное, *решающее звено*, овладение которым позволяет вытащить всю цепь остальных задач. Различение главных и неглавных противоречий, умение видеть процесс нарастания новых противоречий, превращение главных противоречий в неглавные и наоборот дает возможность ухватиться за решающее звено в данных конкретных условиях.

4. Содержание и форма, возникновение и разрешение противоречий между ними

Одним из наиболее существенных и всеобщих выражений развития путем борьбы противоположностей является возникновение, развитие и преодоление противоречий между содержанием и формой предметов. Перечисляя элементы диалектики, Ленин пишет в «Философских тетрадях»: «борьба содержания с формой и обратно. Сбрасывание формы, переделка содержания» [1].

Категории *содержание* и *форма* имеют важное значение для понимания процессов развития. Каждый предмет имеет свое содержание и свою форму, которые могут быть поняты лишь в тесной связи между собой. *Содержание* — это основа, главная сторона предмета, определяющая его качественную особенность и проявляющаяся во всех его элементах. Например, каждому живому организму свойственны определенный тип обмена веществ с окружающей его средой, определенные функции, выполняемые им в процессе этого обмена; это и есть содержание живого существа, которое проявляется в его строении, в форме его органов. Содержанием художественного литературного произведения являются его идеи, отражающие какую-то сторону действительности, жизнь людей; это содержание пронизывает все произведение: его сюжет, фабулу, образы, язык и т. д. Содержание способа производства — это его производительные силы, определяющие производственные отношения как свою общественную форму.

Содержание не существует вне формы. *Форма* есть способ существования содержания, внутренняя организация, структура содержания, делающая возможным его существование. Вне определенной морфологической структуры организм не может существовать. Самая лучшая идея сама по себе еще не дает произведения искусства, если она не выражена в художественной форме, в художественных образах и если произведение не доставляет эстетического наслаждения. Производительные силы не могут существовать без определенных производственных отношений, являющихся формой их развития.

Не следует смешивать *внутреннюю* форму предмета с его *внешней* формой. Для поэмы или романа полиграфическое оформление (формат книги, кожаная или картонная обложка, мелкий или крупный шрифт и т. д.) — это *внешняя* форма, не имеющая значения для содержания художественного произведения. А художественные образы, язык, сюжет, композиция и т. д. есть та внутренняя форма, которая дает выражение идейному содержанию и без которой содержание не существует. Поэтому форма предмета есть форма его бытия.

Как и все другие категории диалектики, содержание и форма не есть что-то застывшее, окостеневшее. Они могут переходить

[1] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 193.

друг в друга. Между ними нет абсолютной грани, и то, что в одних связях и отношениях является содержанием, в других связях и отношениях становится формой. Например, производственные отношения в связи с производительными силами есть форма, а по отношению к порождаемой ими политической надстройке, к праву, к идеологическим формам они выступают как их содержание. Художественные образы, язык, поэтическая рифма являются формой произведения искусства, но они могут быть предметом, содержанием научного исследования.

Между формой и содержанием существуют сложные диалектические взаимоотношения. Как мы видели, связь между ними заключается прежде всего в том, что они находятся в единстве: одного нет без другого, в любом предмете, в любом процессе всегда есть содержание и форма. Но в этом единстве содержание — главная и определяющая сторона. Содержание определяет форму, порождает свою форму, форма зависит от содержания. Форма не произвольна, она есть форма определенного содержания. И хотя само содержание перестает быть данным содержанием, не облекаясь в определенную форму, все же оно — основа взаимодействия между ними. Та важная роль, которую выполняет форма, определена требованиями содержания предметов. Нельзя, скажем, трагическую по содержанию идею выразить в форме комедии или, наоборот, комическую идею — в форме трагедии. Экономический строй капитализма обусловливает соответствующую надстройку, коренным образом отличающуюся от надстройки социалистического общества, являющейся формой совсем иного содержания — экономического строя социализма.

Находясь в зависимости от своего содержания, форма не пассивна. Она активно воздействует на содержание, и ее роль в развитии огромна. Форма может играть двоякую роль: она может способствовать развитию предмета и, наоборот, тормозить это развитие. Может показаться странным: если форма находится в единстве со своим содержанием и обусловлена этим содержанием, будучи способом его существования, то как она может мешать содержанию, препятствовать его развитию? Но это возражение неосновательно, так как оно учитывает лишь одну сторону взаимосвязи содержания и формы — их единство. В действительности же это не мертвое, а диалектическое единство, т. е. единство противоположностей. Как ни тесно связаны содержание и форма предметов, они различны по своему существу, представляют собой различные стороны предметов. Из существующего между ними различия вытекают неодинаковые свойства и тенденции этих двух сторон в процессе развития предметов. Изменение, развитие предметов начинается всегда с изменения их содержания как главной стороны, основы предметов. Содержание — наиболее подвижный и изменчивый по сравнению с формой элемент. Форма более устойчива, менее подвижна.

Будучи зависимой от содержания, форма изменяется на основе изменения содержания, но ее бо́льшая устойчивость приводит к противоречию. В то время как содержание непрерывно изменяется, форма некоторое время не претерпевает коренных изменений. Устойчивость формы не следует понимать так, что она совершенно неподвижна. Даже тогда, когда она в целом до поры до времени остается одной и той же, могут изменяться ее отдельные свойства, элементы. Поэтому она лишь относительно устойчива по сравнению с беспрерывно изменяющимся содержанием. Учет этого различия и различных тенденций содержания и формы в процессе развития позволяет понять диалектическое взаимоотношение между содержанием и формой и двоякую роль формы.

Взаимодействие содержания и формы предметов и явлений проходит различные этапы. Было бы заблуждением думать, что относительная устойчивость формы есть фактор всегда и во всех условиях консервативный. В начале процесса форма находится в соответствии со своим содержанием и способствует развитию содержания. В периоды соответствия формы содержанию ее определенность и устойчивость есть сила, двигающая развитие. Если бы форма мгновенно изменялась, то она не могла бы выполнять эту роль. Например, новые производственные отношения как форма, находящаяся в соответствии со своим содержанием — производительными силами, в течение длительного периода остаются устойчивыми и способствуют развитию производительных сил общества. Но по мере того как изменяется содержание, возникает и растет противоречие между ним и формой. Пока эти изменения незначительны, форма продолжает способствовать развитию предмета. Нарастание противоречия приводит к тому, что форма перестает соответствовать содержанию и из фактора развития превращается в фактор, тормозящий дальнейшее развитие. На этом этапе развития устойчивость формы становится элементом консервативным. Как писал Маркс, производственные отношения на известном этапе из формы развития производительных сил превращаются в их оковы. Это же можно видеть на других примерах. Известно, что Коммунистическая партия время от времени вносит изменения в свой Устав, в котором зафиксированы организационные формы ее деятельности. Новое содержание, новые задачи, встающие перед партией, приходят в противоречие с некоторыми устаревшими организационными формами, которые в других условиях играли положительную роль.

Противоречие между новым содержанием и старой формой вызывает борьбу между ними, являющуюся одним из наиболее важных проявлений действия закона борьбы противоположностей в природе, обществе и мышлении. Эта борьба не прекращается до тех пор, пока старая форма не будет заменена новой формой, соответствующей изменившемуся содержанию.

Борьба эта нередко имеет очень упорный и затяжной характер. Поскольку форма не автоматически сбрасывается, когда возникает новое содержание, а обладает относительной самостоятельностью, так что старая форма может еще продолжительное время существовать, несмотря на изменившееся содержание, она имеет большую силу инерции и сопротивляется изменению. В общественной жизни за отжившими формами стоят классы, партии, группы, заинтересованные в их сохранении и отстаивающие их. Но как бы ни сопротивлялась старая, отжившая форма, она необходимо, неизбежно с развитием содержания уступает место новой форме. Поэтому борьба между старой формой и новым содержанием является источником развития. Она способствует смене старого новым, вечному движению и обновлению. Очень хорошо значение диалектики развития формы и содержания выразил великий русский революционер-демократ Н. Г. Чернышевский:

«Вечная смена форм, вечное отвержение формы, порожденной известным содержанием или стремлением, вследствие усиления того же стремления, высшего развития того же содержания,— кто понял этот великий, вечный, повсеместный закон, кто приучился применять его ко всякому явлению,— о, как спокойно призывает он шансы, которыми смущаются другие... он не жалеет ни о чем, отживающем свое время, и говорит: «пусть будет, что будет, а будет в конце концов все-таки на нашей улице праздник!»» [1]

Чернышевский правильно делал революционные выводы из диалектики развития содержания и формы явлений. Общественная жизнь в своем неудержимом движении вперед сметает все отжившие и ставшие препятствием формы, заменяя их новыми, более прогрессивными.

Соответствие формы содержанию не следует понимать так, что содержание может выражаться обязательно в одной какой-нибудь форме. Одному и тому же содержанию может соответствовать ряд форм. Известно, что диктатура буржуазии существует и в форме парламентарной республики, и в форме конституционной монархии, и в форме фашистской террористической диктатуры. Одно и то же содержание, преломляясь через конкретные исторические условия развития разных стран, облекается в неодинаковые формы. Это же можно видеть и на примере диктатуры пролетариата, которая ныне существует и развивается как в форме Советов, так и в форме народной демократии.

Непонимание диалектики содержания и формы ведет, с одной стороны, к опасности абсолютизации старой формы, порождает боязнь расстаться с привычными формами, хотя они уже тормозят развитие. Коммунистическая партия в своей практической дея-

[1] *Н. Г. Чернышевский*, Избранные философские сочинения, т. II, 1950, стр. 492.

тельности руководствуется указанием Ленина о том, что всякий перелом в развитии «неизбежно ведет к несоответствию старой формы с новым содержанием» [1]. Она борется против всякой косности, боязни, нежелания изменять устаревшие формы в экономической, политической, духовной жизни общества, добивается таких форм, которые максимально ускоряют движение вперед. С другой стороны, было бы ошибкой нигилистически относиться ко всякой старой форме лишь на том основании,что она старая. Новое содержание не всегда требует новой формы. Оно может использовать и старую форму, приспособив ее к своим потребностям. Среди старых форм есть такие, которые и в изменившихся условиях еще могут служить новому содержанию. Коммунистическая партия учитывает это в своей деятельности. Так, сломав старый государственный аппарат помещичье-буржуазной России, партия сохранила ряд старых по форме институтов старого строя — банки, почту и т. п., влив в них новое, социалистическое содержание.

Неправильное понимание взаимоотношений содержания и формы может вести к чрезмерному раздуванию, уродливому выпячиванию одной из этих сторон целого. Так, сущность такого уродливого явления, как *формализм*, состоит в абсолютизации формы и пренебрежении сущностью, содержанием дела.

Бюрократизм превращает форму в самоцель и отрывает ее от содержания, от интересов общества. Бюрократические элементы, гнездящиеся в порах социалистического общества, игнорируют творческую активность масс, заглушают критику снизу, выхолащивают революционное содержание многообразных форм общественной деятельности людей. Борьба против бюрократизма способствует развитию творческой самодеятельности строителей коммунистического общества.

Преувеличение роли формы в искусстве также ведет к формализму, к извращению великого общественного назначения искусства. Художественная форма — не самоцель. К тому же она может быть совершенной лишь при условии, если она подчинена содержанию, выражает важные общественные идеи.

С другой стороны, и недооценка формы наносит ущерб сущности дела, его содержанию, ибо содержание находит свое выражение лишь через форму. Пренебрежение формой в жизни социалистического общества ведет к нарушению установленных государством законов и правил социалистического общежития, порождает анархистские тенденции, недисциплинированность и т. п. Понятно, что это не менее вредное явление, чем формализм.

Игнорирование художественной формы в искусстве ведет к снижению силы его воздействия, его общественной роли. Некоторые ревизиониствующие элементы, выступавшие в отдельных странах народной демократии против социалистического

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 21, стр. 392.

реализма, заявляли, что не форма, а содержание решает, реалистично ли произведение искусства. Такое противопоставление содержания форме и пренебрежение к реалистической художественной форме отражения жизни ничего общего не имеет с марксизмом. Нормальному человеку, со здоровыми художественными вкусами, чужды абстракционизм и прочие выкрутасы в современном буржуазном искусстве именно из-за отрицания ими реалистической формы воспроизведения действительности. Вне реалистической художественной формы не может быть и реалистического по содержанию искусства.

Коммунистическая партия Советского Союза в своей деятельности придает огромное значение своевременному изменению форм организации, форм и методов руководства, приведению их в соответствие с новыми потребностями коммунистического строительства. Об этом свидетельствуют осуществленные партией изменения форм и методов руководства промышленностью и сельским хозяйством, улучшение системы планирования развития народного хозяйства СССР, предоставление союзным республикам более широких возможностей для самостоятельного решения вопросов экономического и культурного строительства. Развитие форм общественной жизни и организации производства имеет важнейшее значение, потому что без этого невозможно успешное развитие самого содержания, т. е. решение задач дальнейшего строительства коммунистического общества.

Таким образом, в самых различных областях практической деятельности следует учитывать диалектику содержания и формы и находить правильное соотношение между содержанием и формой.

ГЛАВА IX

ЗАКОН ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ

Анализ законов перехода количественных изменений в качественные, единства и борьбы противоположностей показывает, что в результате их действия совершается бесконечный процесс смены одних явлений и предметов другими, переход противоположностей друг в друга. Имеется ли какая-нибудь объективная тенденция, какое-то направление в этой бесконечной смене одного другим, в беспрестанной борьбе нового и старого, нарождающегося и отмирающего? И если существуют объективные тенденции развития, то каковы они?

Вокруг этого вопроса также шла и идет борьба различных взглядов и теорий. Особенно острый характер эта борьба приобрела в вопросе о направлении общественного развития. В период восходящего развития капитализма многие представители буржуазной философии выступали с идеей общественного прогресса. Философы верили в человека и его способности, в возможность создания справедливого и разумного мира. Правда, разумным они считали буржуазный мир, шедший тогда на смену феодальной деспотии и бесправию человека. Все же это были передовые убеждения, значение которых нельзя умалять. Но уже в тот период возникали пессимистические теории, доказывавшие ограниченность прогресса, неизбежную деградацию человека. В последующем развитии буржуазной философии, особенно в период империализма, все сильнее становятся мотивы пессимизма и отчаяния. Неизбежную гибель отживающего капитализма идеологи буржуазии воспринимают как крах культуры и человеческого общества, как «путешествие на край ночи». Философы типа Ницше и Шпенглера выступают с теориями, предвещающими «закат Европы». Распространяются идеи «вечного круговорота» и «ракообразного» процесса истории, т. е. движения вспять. Эти пессимистические взгляды переносятся и на природу. Широко пропагандируется теория «тепловой смерти» вселенной. В книге «Движение миров» известный английский астрофизик Джинс так выразил эту психологию упадочничества: вселенная «живет своей жизнью и идет по дороге от рождения

к смерти так же, как и все мы, так как наука не знает другого изменения, кроме перехода к старости, и никакого другого прогресса, кроме движения к могиле».

Марксистская диалектика, обобщающая реальное движение в природе, обществе и человеческом мышлении, весь ход научного познания, опровергает эти антинаучные представления об основном направлении развития. Диалектический материализм утверждает, что через все сложное и нередко запутанное движение, кажущееся беспорядочным и хаотическим, пробивает себе дорогу основная линия поступательного развития от простого к сложному, от низшего к высшему. Эта сторона развития, вытекающая в значительной мере из уже рассмотренных выше законов диалектики, находит свое наиболее глубокое выражение в законе отрицания отрицания. Место и значение этого закона в системе законов и категорий материалистической диалектики и определяется тем, что он дает наиболее обобщенное понятие о характере развития, вскрывая внутреннюю связь, последовательность и преемственность основных ступеней развития, связь, обусловливающую поступательный ход движения, сложную «спиралевидную» форму развития. В чем же состоит закон отрицания отрицания?

1. Сущность и роль диалектического отрицания в процессе развития

При анализе процесса перехода количественных изменений в качественные и борьбы противоположностей мы видели, что развитие включает в себя как обязательный и закономерный момент — *отрицание*. Качественное изменение означает отрицание старого качества. Без отрицания невозможен был бы переход одного в другое. Борьба противоположностей завершается победой одной противоположности над другой, что также означает отрицание одного и утверждение другого. Отрицание, следовательно, не посторонний момент, навязываемый процессу развития извне; оно закономерно обусловливается самой сущностью развития. Отрицание есть результат развития путем раздвоения единого и возникновения взаимоисключающих частей, тенденций, сил в явлениях и предметах. Энгельс указывает, что истинное диалектическое отрицание есть «разделение на противоположности, их борьба и разрешение» [1].

В самом деле, как было показано в предыдущей главе, внутренняя противоречивость вещи означает наличие в ней такой стороны, тенденции, которая ведет к отрицанию. Например, пролетариат и его борьба есть отрицание буржуазии и отстаиваемого ею буржуазного строя, притом такое отрицание, которое

[1] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1957, стр. 328.

не извне приходит в капиталистическое общество, а свойственно его сущности. Отрицание — это имманентный, т. е. внутренне необходимый, момент развития. Борьба противоположностей развертывается как борьба одной стороны (момента отрицания) против стороны, которая утверждает, защищает существующее. В приведенном примере пролетариат борется против буржуазии как носительницы капиталистического способа производства. Борьба противоположностей завершается гибелью одного и победой другого, т. е. отрицанием того, что существовало ранее, но отжило свое время. Отрицание есть поэтому необходимая, закономерная стадия в развитии. Гегель был глубоко прав, когда он «внутреннюю отрицательность» называл движущей силой развития. Характеризуя материалистическую диалектику, Маркс также подчеркивал значение момента отрицания в развитии. В «Капитале» он писал о материалистической диалектике, что в «позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществлённую форму она рассматривает в движении, следовательно также и с её преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» [1].

Отрицание играет важную роль во всех процессах природы, общества и мышления. При этом в разных процессах оно проявляется по-разному. Радиоактивное превращение урана в радий есть вид «отрицания» одного химического элемента, образование из него другого химического элемента. Отрицание почки цветком, а цветка плодом есть необходимые моменты произрастания растений. История общества немыслима без отрицания отживших социальных порядков новыми. Белинский хорошо сказал, что без момента отрицания общество превратилось бы в стоячее болото. История науки показывает, что и движение познания осуществлялось через отрицание неоправдавшихся гипотез, через отрицание теорий и формул, пришедших в противоречие с развивающейся практикой.

Но мало признать момент отрицания в развитии. Нужно правильно понять природу отрицания, его диалектический характер. Только при этом условии будет ясна основная закономерная линия, тенденция в развитии.

Из приведенных выше примеров легко заметить, что отрицание как момент развития нельзя понимать как абсолютное отрицание, т. е. как отрицание, не содержащее в себе ничего положительного. Если бы это было так, то стало бы невозможным развитие. Если бы отрицание почки в цикле произрастания растения было только отрицанием, то не было бы перехода от почки к цветку. Можно, конечно, сорвать почку и сжечь ее; это тоже будет отрицание, но такое, которое разрушит, а не создаст условия для

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, 1955, стр. 20.

нормального роста растения. Такое отрицание не есть *условие развития*. Когда гитлеровцы уничтожали веками созданную культуру, то это тоже было отрицание, но такое, которое отбрасывало человечество назад, в мрак средневековья. А когда пролетариат путем социальной революции уничтожает капиталистический строй, то такое отрицание утверждает новый, несравненно более жизнеспособный общественный строй, создающий безграничные возможности развития.

Диалектический закон отрицания отрицания — это закон *развития*. Поэтому, когда диалектика говорит об отрицании, она имеет в виду не всякое отрицание, а лишь такое, которое служит предпосылкой, условием развития. «В диалектике,— пишет Энгельс,— отрицать не значит просто сказать «нет», или объявить вещь несуществующей, или уничтожить ее любым способом» [1]. Образно выражаясь, диалектически понимаемое отрицание есть такое «нет», которое одновременно содержит в себе «да», т. е. единство отрицания и утверждения.

Диалектическое понимание отрицания ничего общего не имеет со скептицизмом и нигилизмом, которые подвергают все сомнению и не видят ничего положительного в том, что было и что есть, а все рисуют мрачными красками. Ленин называл такое отрицание «голым», «зряшным», «скептическим». Такого рода отрицание является субъективным мнением, а не отражением объективного хода развития. Не такое отрицание, указывал Ленин, «характерно и существенно в диалектике,— которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент,— нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики» [2].

Мировое искусство в ярких образах отразило два разных по своей природе вида отрицания: отрицание как разрушение, как скептицизм и абсолютное сомнение во всем и отрицание как предпосылка к лучшему, совершенному, как источник прогресса. В «Фаусте» Гете образ Мефистофеля, его рассуждения, вся его философия служат примером «голого» отрицания, отрицания во что бы то ни стало.

Я отрицаю все — и в этом суть моя,
Затем, что лишь на то, чтоб с громом провалиться,
Годна вся эта дрянь, что на земле живет.
Не лучше ль было б им уж вовсе не родиться!
Короче, все, что злом ваш брат зовет,—
Стремленье разрушать, дела и мысли злые,
Вот это все — моя стихия.

Мефистофель высказывает немало верных критических мыслей о старом мире. Свойственный ему дух отрицания имеет и положительное значение, поскольку Мефистофель зло высмеивает все застойное, окостенелое. Но он полон неверия в возможность лучшего. Фауст также отрицает, но он отрицает отжившее, тормозящее прогресс, он верит в человека, в разум человеческий, в нем неистребима жажда к совершенному, прекрасному.

[1] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1957, стр. 133.
[2] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 197.

Будучи условием развития, отрицание есть вместе с тем выражение беспрерывности, преемственности развития, связи между различными стадиями и моментами развития, между тем, что отрицается, и тем, что отрицает. Это важнейшая сторона отрицания. Диалектическое отрицание нельзя понимать как разрыв в развитии, отрицание связи между старым и новым. Связь между ними имеется уже в силу того, что новое рождается не из ничего, а только из старого. Связь заключается и в том, что новое удерживает все положительное, что содержалось в старом. Старое, таким образом, в своем движении, порождающем новое, не просто отбрасывается, а «снимается» новым. Философское понятие *снятие* означает одновременно отрицание и сохранение, отрицание предыдущего состояния и сохранение в новом всего положительного, что достигнуто предыдущим развитием.

Например, человек и человеческое сознание есть, несомненно, отрицание того состояния, которое свойственно животному с его чисто биологическим приспособлением к природе и инстинктивной психической деятельностью. Переход от мира животного к человеческому миру был величайшим скачком в развитии природы, но история животного мира была необходимой предысторией человека. Человеческое сознание в преобразованном виде содержит в себе результат всего предыдущего развития психики животных. Диалектический процесс «снятия», т. е. отрицания и сохранения, имеется и в познании. Идя от чувственно созерцаемого к абстрактному, от единичного к общему, познание не теряет на новой ступени приобретенное ранее, а сохраняет его в себе, обогащает, возводя его на высшую ступень. В знании общего содержится знание единичного, но в «снятом» виде. Например, в понятии «материя» отражены все многообразные предметы материального мира, но отражены в «снятом» виде, со своей наиболее общей стороны — как объективные реальности.

Насколько важно для практической деятельности учитывать диалектическое отрицание в развитии как выражение преемственности и внутренней связи между отрицаемым и отрицающим, показывает следующий пример. Перед обществом, приступающим к социалистическим преобразованиям, встает задача строительства новой, социалистической культуры. Было бы опасным заблуждением полагать, что новая культура строится на голом отрицании всей предшествующей культуры. А между тем бывают защитники и такого взгляда. Социал-демократ махист В. Шулятиков в книге «Оправдание капитализма в западноевропейской философии» утверждал, что все философы XVII—XVIII вв. стремились лишь к тому, чтобы обосновать справедливость капиталистического строя, что в их взглядах никаких элементов объективной истины не содержится. Из этого следовало, что пролетариату нечего делать с этой философией, что никакой связи, преемственности между старой и марксистской философией нет и не

может быть. Ленин и другие марксисты высмеяли подобные представления, «шулятиковщина» стала синонимом вульгарного, анархистского, недиалектического понимания отношений между старым и новым, отрицаемым и отрицающим. В первые годы Советской власти руководители так называемого «Пролеткульта» объявили всю старую культуру культурой эксплуататоров и утверждали, что пролетарская культура должна строиться в полной изоляции от всего многовекового развития культуры прошлого. Эти анархистские взгляды нашли свое отражение в философии, литературе, музыке и других областях науки и искусства. Вульгаризаторы объявляли крупных писателей прошлого корыстными идеологами дворянства, купечества и т. п., не видя элементов общечеловеческого содержания в их искусстве. Подменяя марксистский классовый анализ творчества этих писателей упрощенческим социологизированием, они приносили вред, изолируя рабочий класс от великого культурного наследия прошлого.

Коммунистическая партия во главе с Лениным отвергла пролеткультовские идеи. Пользуясь методом марксистской диалектики, Ленин вскрыл закономерности развития социалистической культуры и показал, что она решительно отрицает все то в старой культуре, что выражало эксплуататорское, преходящее содержание, но вместе с тем она есть продолжение всего предшествующего развития культуры. Социалистическая культура критически переоценивает и перерабатывает культуру прошлого, сохраняя, удерживая все ценное, прогрессивное.

Марксистская философия возникла как отрицание предшествующей философии, но, преодолев все ошибочное, не выдержавшее испытания временем, она сохранила все то истинное, что содержалось в ней.

Понимание сущности диалектического отрицания важно и в повседневной деятельности. Критика, несомненно, есть отрицание. Но мы притупили бы остроту этого оружия и ослабили бы его, если бы понимали критику как абсолютное отрицание старого. Критика есть отрицание отжившего, неправильного, рутинного и вместе с тем укрепление всего положительного, ценного, что есть в старом. Настоящая критика не только отрицает негодное, но и помогает освободиться от него, указывает критикуемому путь вперед. Иначе говоря, критика как отрицание должна быть и утверждением: утверждением не только в смысле удержания положительного, но и в смысле указания способов преодоления недостатков.

Материалистическая диалектика придает первостепенное значение отрицанию, видя в нем условие развития и момент, выражающий закономерную связь между различными ступенями развития. Это позволяет правильно решить вопрос об основном направлении развития в природе, обществе и мышлении. Перейдем к рассмотрению этого вопроса.

2. Поступательный характер развития и его формы

Уже анализ роли отрицания подводит к выводу о прогрессивном, поступательном развитии действительности. В самом деле, если природа диалектического отрицания такова, что оно не просто уничтожает старое, а снимает его, сохраняя все положительное, то ясно, что новая ступень приносит с собой значительно большие возможности развития, чем предыдущая ступень. Поступательное развитие есть закономерный результат того, что каждое новое отрицание впитывает в себя достигнутое ранее и делает его основой для дальнейшего движения. Поэтому новая ступень, каждый новый цикл развития не повторяет старый, а представляет собой новый круг, возвышающийся над старым, использующий старое, приобретенное предыдущим развитием как трамплин для дальнейшего развития.

Так, капиталистический способ производства начал свое развитие с использования той технической основы, которая ему досталась от феодального строя. Опираясь на эту основу, капитализм сделал огромный шаг вперед, создав крупную машинную промышленность с высокоразвитой техникой. На смену капитализму закономерно и необходимо идет социализм. Отрицая капитализм, социализм опирается уже на более высокую техническую основу, чем в свое время капитализм. Теперь уже не ремесленное производство является исходным пунктом развития, а крупная машинная промышленность. Благодаря сохранению технических достижений капитализма социализм, используя свои преимущества, имеет возможность еще более быстро двигать вперед производство. Образно выражаясь, от прошлого человечество перенимает не пепел, а огонь, поддерживающий жизнь, позволяющий подниматься выше. В примитивном орудии, изготовленном первобытным человеком, в возможности содержалось дальнейшее развитие орудий производства. От него движение могло идти только вперед. От современных машин нет и не может быть движения к каменному веку.

Таким образом, диалектическая природа отрицания и его важная роль в развитии объясняют нам причину поступательного, прогрессивного движения, развития от низшего к высшему, от простого к сложному.

Может возникнуть вопрос: почему же рассматриваемый закон называется законом отрицания отрицания? Нельзя ли ограничиться одним понятием отрицания? Не усложняем ли мы искусственно картину развития, выдвигая понятие двойного отрицания, отрицания отрицания? На эти вопросы нужно ответить, что само объективное развитие содержит в себе это двойное отрицание, а понятие «отрицание отрицания» лишь отражает совершающиеся независимо от нашего сознания процессы.

Мы уже видели, что то, что выступает в качестве отрицания, в свою очередь само со временем изменяется, превращается в новое качество, т. е. отрицается. И эта цепь отрицаний бесконечна. Но было бы ошибочно думать, что это развитие протекает гладко, без противоречий. В действительности поступательное развитие путем отрицания происходит противоречиво, и сущность отрицания отрицания, необходимость двойного отрицания в каждом отдельном цикле развития как раз и вытекает из противоречивого характера развития, из действия закона единства и борьбы противоположностей.

Чтобы это стало ясным, представим себе спор между двумя сторонами по какому-нибудь вопросу науки. Одна сторона выдвигает определенное положение (тезис). Другая сторона выступает с отрицанием этого положения (антитезис). В каждом из этих двух противоборствующих мнений могут быть элементы истины, но они односторонне противопоставляются друг другу как взаимоисключающие. Между спорящими развертывается борьба мнений, завершающаяся в итоге возникновением нового положения, которое отрицает оба предыдущих, боровшихся между собой взгляда. Но отрицая их, снимая спор, борьбу противоположных мнений, оно не отбрасывает те элементы истины, которые односторонне содержались в каждом из них, а является известным *синтезом*, использующим положительные моменты развития спора. При этом синтез нужно понимать не как механическое соединение того, что раньше существовало раздельно, не как внешнее сочетание двух противоположностей, а как совершенно новую ступень в развитии. На этой новой ступени благодаря борьбе противоположностей преодолеваются те односторонности, которые были свойственны каждой ступени, и достигается высшая истина, в которой сохраняется все положительное, что было раньше, и вместе с тем исчезает то, что было неистинным, преходящим. Вот эта новая ступень и выступает как *отрицание отрицания*. Следовательно, отрицание отрицания есть закономерное следствие разрешения борьбы противоположностей.

Мы привели в качестве примера спор (борьбу двух противоположных мнений), разрешающийся достижением истины. История науки полна примерами такого рода движения человеческих знаний к объективной истине.

В XVII в. господствовала теория, утверждавшая, что свет состоит из мельчайших частиц и распространяется по законам движения частиц. В этот же период возникла теория о том, что свет имеет волновую природу и распространяется по законам волн. В XIX в. в трудах Френеля и Юнга эта теория получила блестящее подтверждение. Казалось, что в борьбе двух противоположных взглядов победу одержала вторая теория. Но в XX в. была открыта и доказана квантовая природа света, причем оказалось, что дифракция и интерференция свидетельствуют о волновой природе света, а фотоэлектрический эффект, химические действия света и другие явления говорят, что он в то же время обладает свойствами частиц.

В качестве отрицания отрицания современная теория света вобрала в себя и синтезировала положительные элементы прежних теорий, освободив их от

односторонности. Вместе с тем как высшая ступень, как известный итог она невозможна была бы без связи со старыми теориями, без опоры на них и их использования.

Развитие всюду происходит так, что высшая ступень того или иного цикла развития выступает как синтез всего предшествующего движения. Это можно видеть на следующем примере из истории общества. До мануфактурного и машинного производства отдельный работник выполнял все или почти все операции по изготовлению продукта. Производитель в этом смысле выступал как универсальный работник, выполняющий весь процесс производства. В мануфактуре и особенно в машинной промышленности процесс производства дробится на многие отдельные операции, и каждый рабочий выполняет лишь часть всего процесса. Универсальный работник «отрицается» рабочим, прикрепленным к отдельной операции. Но в условиях социализма благодаря автоматизации производства возникает новый тип рабочего, выполняющего уже не отдельные операции (это за него делают механизмы), а управляющий всем процессом или значительной его частью. Рабочий снова становится в известном смысле универсальным работником, знатоком всего производственного процесса, но уже на более высокой технической основе. Эта новая ступень, являющаяся отрицанием отрицания, выступает в качестве «синтеза» всего предыдущего развития, преодолевшего однобокость и вобравшего ценные стороны первых двух ступеней: универсальность старого работника и высокий технический уровень нового производства.

Приведенные примеры показывают, почему развитие того или иного конкретного процесса не завершается на первом отрицании, а требует в свою очередь отрицания этого отрицания. Старое, отрицаемое новым, и новое, отрицающее старое, суть противоположности. Каждой из этих противоположностей присущи и такие элементы, свойства, которые не могут быть утрачены в последующем развитии, и такие, которые исчезают, уничтожаются. Эти противоположности представляют собой как бы односторонности, которые исчезают в дальнейшем развитии. Это и происходит на ступени отрицания отрицания.

Таким образом, развитие проходит ступень утверждения (существования) явления, затем ступень его отрицания и, наконец, ступень отрицания отрицания. Благодаря тому, что на этой высшей ступени «синтезируется», осваивается, перерабатывается ценное, что было на первых двух ступенях, и исчезают, уничтожаются отжившие элементы этих первых ступеней, развитие в целом идет по восходящей линии, от простого к сложному, от низшего к высшему. Вот почему закон отрицания отрицания имеет важное значение для объяснения основной тенденции развития.

Основная тенденция к поступательному движению легко обнаруживается даже при самом беглом обзоре развития при-

роды, общества и мышления. В переходе от неорганической материи к органической сказалось действие этой тенденции в природе. Вместе с тем и та и другая части природы имеют свои ступени развития, каждая из которых сложнее и выше предыдущей. Особенно ярко это видно в органической природе. От простейших и низших форм организации к все более сложным и высшим формам, от одноклеточных к многоклеточным организмам, от низших видов растений и животных к сложным и высшим — таков путь развития органической материи.

В обществе каждая новая социально-экономическая формация представляет собой более высокую ступень развития. Процесс восхождения от низшего к высшему проделывает не только общественное устройство в целом, но и каждая из отдельных сторон общества: техника, производство, наука, искусство, быт людей и т. д. От первых робких и во многом еще фантастических представлений о мире до поистине сияющих вершин, достигнутых современной наукой,— таков путь развития познания.

Какую бы область мы ни взяли, всюду действует одна и та же основная тенденция — развитие по восходящей линии. Ясно, что это результат действия объективной диалектики развития.

Поступательность движения — сложный процесс, который нельзя понимать упрощенно. Поступательное развитие природы или общества на нашей планете реализуется в массе сменяющих друг друга форм, явлений, каждое из которых конечно и преходяще. Дело обстоит не так, что, скажем, один и тот же отдельный вид растений или животных все время развивается по восходящей линии. Поступательно развивается органический мир в целом, отдельные же виды возникают и исчезают, одни виды превращаются в другие. Способность одних органических форм приспособляться к изменяющимся условиям существования сочетается с неспособностью приспособиться и вследствие этого гибелью других форм. В общественной жизни одни формации и социальные порядки отживают свой век, сменяясь другими формациями и порядками. В силу самой сущности диалектического отрицания восходящее развитие отдельных предметов закономерно сменяется их нисходящим развитием, ибо собственным развитием они подготовляют условия своего отрицания. Рост, развитие одного имеет в качестве своей противоположности старение, отмирание другого.

При общей прогрессивной тенденции движения отдельные отрезки линии развития могут быть направлены не вперед, а назад, выражать моменты движения вспять, регресса. В обществе, например, новые, передовые силы не сразу побеждают. Нередко они терпят поражение от сил старого, которые сначала более прочны, чем только что возникшее, новое. Отсюда неизбежные зигзаги в развитии, временные отступления. Ленин любил по-

вторять слова Чернышевского о том, что история — не тротуар Невского проспекта, широкого, ровного и прямого. В обществе идет борьба между противоположными классами, партиями, и исход этой борьбы зависит от соотношения сил. Так, в революции 1905 г. в России соотношение сил сложилось не в пользу рабочих и крестьян, и они потерпели поражение. Но каждый такой зигзаг в общем ходе развития имеет временный, относительный характер, ибо в поражениях передовые силы закаляются, крепнут и на новых этапах борьбы неизбежно берут верх, одерживают победу. Поэтому через все сложные перипетии борьбы между старым и новым, через все зигзаги и изломы пробивает себе дорогу основная линия восходящего развития, имеющего не временное, не относительное, а постоянное и абсолютное значение. Потерпев поражение в 1905 г., рабочий класс и крестьянство России одержали победу в 1917 г.

В условиях антагонистического общества каждый шаг прогресса стоит человеческих жертв. Эксплуататорские классы используют технический прогресс не для облегчения труда, а для угнетения трудящихся. Такое великое достижение науки, как открытие атомной энергии, они используют не столько для мирных целей, сколько для подготовки войны. Буржуазные философы и социологи, видя этот противоречивый характер развития, отрицают прогресс.

Вот одно из таких высказываний о прогрессе. «Несмотря на то,— пишет профессор Чикагского университета Анатоль Рапопорт,— что технологический прогресс является доказуемым фактом (по количеству киловатт на человека), несмотря на то, что организованное медицинское исследование побеждает многие клинические болезни... несмотря на распространение грамотности... достигли ли мы чего-нибудь? И если да, то в чем? Естественно сомневаться в ценности сверхзвуковых исследований, если они приводят к созданию ракет с атомной бомбой. Законно сомневаться в ценности колоссальной печатной продукции, если 85% американской молодежи не читает ничего, кроме комиксов... Короче говоря, если даже несомненно, что большие перемены, внесенные технологическим прогрессом, неустранимы, возникает серьезный вопрос о том, желательны ли они» [1].

Такие взгляды на прогресс основываются на непонимании того, что иначе, без подобных противоречий не может осуществляться движение вперед в обществе, разделенном на враждебные классы. Существование противоречий не может служить опровержением прогресса, поступательного движения. Нужно учитывать всю сложность прогресса и бороться против регрессивных, реакционных сил.

Против положения диалектики о поступательном характере развития буржуазные философы выдвигают и тот аргумент, что наша планета не всегда будет поддерживать жизнь и что прогресс не может быть на ней бесконечным. Но этот аргумент бьет мимо

---

[1] *Anatol Rapoport*, Howe relative are values? Журнал «Е. Т. С.», 1951, vol. VIII, № 3, Chicago, p. 182.

цели. Как и всякая отдельная форма существования материи, планета, на которой возникли благоприятные условия для дифференциации материи и появления живых существ, вплоть до мыслящего человека, несомненно преходяща, не вечна. Однако если конечны и погибают отдельные планеты со всем богатством развившихся на них материальных форм, то не может погибнуть материя и законы ее движения, а следовательно, и способность материи к дифференциации, способность ее где-нибудь в другом месте, на другой планете воспроизвести все многообразие своих форм, включая и высшие проявления жизни. Материя, указывал Энгельс, во всех своих превращениях остается вечно собой, и потому «с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время» [1].

Теперь рассмотрим вопрос о формах поступательного развития. Движение от низшего к высшему, от простого к сложному образно можно изобразить не в форме прямой линии или круга, а в форме спирали. Понятие «отрицание отрицания» отражает эту спиралевидную форму развития. Как показывают многочисленные факты, взятые из истории природы, общества и мышления, развитие обычно включает в себя момент возврата на высшей ступени к исходному моменту, но возврата на новой, более высокой основе. Это и есть форма развития, сходная со спиралью: конец каждого витка или круга спирали смыкается с началом, но в пределах уже не старого, а нового витка, круга, расположенного над старым. Высшая ступень в развитии, выступающая в качестве отрицания отрицания, завершает определенный — большой или малый — цикл развития, и в ряде случаев оказывается, что высшая точка развития есть как бы возврат к начальному, исходному пункту развития, но на более высокой основе.

Поясним это на примерах. В «Капитале» Маркс показывает, что капиталистическая форма собственности возникла в результате экспроприации массы мелких производителей, добывавших себе средства существования с помощью находившихся в их собственности средств производства. Крупная капиталистическая собственность явилась отрицанием мелкой собственности. Но в свою очередь капитализм отрицается высшей, социалистической формой собственности. «Экспроприаторов экспроприируют». Это — отрицание отрицания. Развитие как бы возвращается к исходному пункту, но уже на высшей основе. Непосредственные производители, трудящиеся снова становятся владельцами средств производства, но уже не в форме индивидуальной, а в форме коллективной собственности. Стало быть, отрицание отрицания не просто повторяет исходный момент, а вбирает, «синтезирует» все достижения предыдущих ступеней развития,

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1955, стр. 19.

воспроизводя на высшей ступени цикла некоторые черты первоначальной ступени.

Спиралевидная форма поступательного развития проявляется и в истории мышления. В главе II показано, что древняя философия начиналась с материализма, проникнутого стихийной диалектикой. Позже, особенно в XVII—XVIII вв., преобладает метафизический метод мышления. Метафизический материализм был отрицанием наивного диалектического подхода древних материалистов к природе. В середине XIX в. возник диалектический материализм, явившийся отрицанием отрицания. Он как бы завершил многовековую цепь развития философии в том же пункте, с которого она началась, но на несравненно более высокой основе.

Та же форма развития наблюдается часто и в природе, особенно в органической. Например, из семени вырастает растение, которое затем снова дает семя. Последнее в новом жизненном цикле производит новое растение, которое не будет простым повторением предыдущих, а включает в себя изменения, приобретенные в процессе приспособления к изменяющейся среде.

Многочисленные факты из самых разнообразных областей природы, общества и мышления показывают, что развитие на высшей ступени включает в себя момент возврата к исходному пункту, но уже на новой, более высокой основе. Эти факты говорят о том, что такая форма развития не случайна, а тесно связана с сущностью процесса, который мы и называем отрицанием отрицания. Ведь когда второе отрицание «снимает», отрицает первое, то тем самым закономерно восстанавливаются некоторые черты, свойства исходного состояния, в свое время отрицавшиеся первым отрицанием.

Иначе говоря, двойное отрицание дает утверждение, т. е. воспроизводит на новой, высшей основе отдельные черты исходного момента развития. Следует еще раз подчеркнуть, что возврат к старому нужно понимать не как буквальное воспроизведение того, что уже было, а как повторение лишь некоторых свойств, сторон старого. Это, выражаясь ленинскими словами, «возврат якобы к старому», т. е. такой «возврат», который осуществляет движение не назад, к изжитым, пройденным уже ступеням, а вперед, к новым, высшим формам, конденсирующим в себе все то ценное и положительное, что было раньше.

Было бы, однако, неправильно рассматривать «троичность» как некую априорную схему, которую нужно навязывать всем процессам. Развитие какого-нибудь предмета может проходить и часто проходит не обязательно три, а больше или меньше ступеней. В одних процессах явственно наблюдается возврат на новой, высшей основе к исходной форме, в других процессах это происходит менее явственно, лишь отчасти.

Закон отрицания отрицания, как и любой другой закон диалектики, указывает лишь самое общее направление и тенденцию

развития. Подобно любому закону, он модифицируется, видоизменяется в своем осуществлении в зависимости от природы предмета и условий, в которых происходит развитие предмета. Энгельс специально предупреждал, что способ отрицания «зависит от особой природы каждого отдельного случая» [1].

Энгельс и Ленин высмеяли тех, кто обвинял марксизм в том, будто он с помощью отрицания отрицания и «триад» [2] доказывает неизбежность гибели капитализма и победы социализма. Маркс исследовал горы реальных фактов, открыл законы развития капитализма и только на основании объективных процессов сделал вывод о неизбежности гибели капитализма и победы социализма. Диалектика же, в том числе и закон отрицания отрицания, была лишь методом исследования этих фактов.

Знание общих диалектических законов развития и категорий диалектики вооружает нас научным методом, предпосылкой правильного подхода к действительности как при ее изучении, так и в практической деятельности. Зная законы и категории диалектики и руководствуясь ими, мы должны находить, схватывать, устанавливать те особенные формы, в которых в каждом отдельном явлении, процессе, событии, в разных исторических условиях, при решении разных практических задач выражается действие общих законов.

В этом состоит главное значение диалектического способа мышления, позволяющего, говоря словами Ленина, устанавливать «связь с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории» [3].

Закон отрицания отрицания имеет свои специфические проявления в условиях социалистического общества. Главная особенность его действия здесь состоит в том, что процесс отрицания утрачивает тот разрушительный характер, который свойствен ему в антагонистическом обществе, где силы отжившего, старого строя всеми средствами цепляются, чтобы сохранить этот строй. Можно сказать, что творческий, созидательный, положительный характер диалектического отрицания находит в социалистическом обществе свое наиболее яркое и полное выражение. В этих новых условиях, когда ликвидированы эксплуататорские классы, общество сознательно осуществляет назревшие и исторически необходимые «отрицания», которые позволяют без колоссальных издержек заменять устаревшие формы развития новыми. Социалистическое общество развивается планомерно, руководствуясь знанием общественных законов; оно решительно и без колебаний,

---

[1] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1957, стр. 133.

[2] «Триада» — развитие по схеме: тезис — антитезис — синтез. В гегелевской философской системе «триада» как форма развития мысли часто служит искусственной схемой, в угоду которой приносится реальный процесс развития бытия. Гегелевская «триада» была подвергнута критике основоположниками диалектического материализма.

[3] *В. И. Ленин*, Соч., т. 17, стр. 20.

без затяжек осуществляет такого рода отрицания, не давая отжившим формам тормозить движение. При этом руководящая сила социалистического общества — коммунистическая партия на каждом этапе развития сознательно и мудро сочетает новые формы со всем ценным, что имелось на предыдущих этапах.

Итак, закон отрицания отрицания есть закон, действием которого обусловливается связь, преемственность между отрицаемым и отрицающим, вследствие чего диалектическое отрицание выступает не как голое, зряшное отрицание, отвергающее все прежнее развитие, а как условие развития, удерживающего и сохраняющего в себе все положительное предшествующих стадий, повторяющего на высшей основе некоторые черты исходных ступеней и имеющего в целом поступательный, прогрессивный характер.

Как и рассмотренные уже законы диалектики, закон отрицания отрицания является одним из важных законов познания. Самое главное здесь состоит в том, что в движении познания, в его логике с огромной силой проявляется момент диалектического отрицания как отрицания с удержанием положительного, как условия поступательного развития человеческих знаний. В «Философских тетрадях» Ленин с одобрением приводит выдержку из «Науки логики» Гегеля, в которой ярко показано значение диалектического отрицания в ходе познания. Каждый новый шаг в познании, указывал Гегель, связан с предыдущими ступенями. «...На каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу его предшествующего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения (познания.— *Ред.*) и не оставляет ничего позади себя, но несет с собою все приобретенное, и обогащается и уплотняется внутри себя» [1].

Таков закон как исторического процесса развития мышления, так и индивидуального процесса познания. Именно в силу этого закона научные истины все более и более обогащаются, «сгущаются», и познание идет к все более глубокому охвату истины.

Процесс познания особенно ярко иллюстрирует также ту сторону закона отрицания отрицания, согласно которой развитие совершается в виде кругов, причем на высшей точке каждого нового круга происходит как бы возврат к началу, но на более высокой основе. Так, например, познание человеком предметов идет от чувственно-конкретного к абстрактному и от него снова возвращается к конкретному, но уже в более глубоком его понимании, достигнутом благодаря процессу научной абстракции.

Еще пример. Практика выступает как начало, исходный пункт теории: теория отвечает на запросы и потребности практики.

---

[1] Цит. по кн.: *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 202.

Но, возникнув на основе практики, теория снова обращается к практике. Только практика может доказать истинность теории, и только в практической деятельности людей реализуются достижения теории. Развитие познания идет от практики к теории и от теории снова к практике, но уже обогащенной теоретическим знанием действительности. Конец отдельного цикла — практика — является вместе с тем началом нового цикла развития познания. Новый цикл будет состоять из тех же звеньев, но это будет уже новый, более высокий круг спирали и т. д.

Специально эти вопросы рассматриваются в следующей главе, к которой мы сейчас переходим.

ГЛАВА X

ДИАЛЕКТИКА ПРОЦЕССА ПОЗНАНИЯ

Рассмотренные в предшествующих главах законы диалектики являются законами развития не только бытия, но и мышления, познания. Процесс познания так же диалектичен, как и сама объективная действительность.

Настоящая глава посвящена коренным вопросам диалектики процесса познания. В ней рассматриваются взаимоотношения диалектики, логики и теории познания, связь чувственного и рационального в познании, роль абстракций, вопросы об отношении между относительной и абсолютной истиной, вопрос о критерии истинности наших знаний.

1. Диалектика как теория познания. Диалектическая и формальная логика

Познание есть отражение действительности. Оно является сложным диалектическим процессом проникновения ума в сущность вещей. Познание идет через возникновение и разрешение противоречий и носит активный, творческий характер: оно, раскрывая закономерности объективного мира, указывает пути преобразования, изменения его.

Материалистическая диалектика, будучи наукой и о мышлении, изучает свой предмет исторически, вскрывает происхождение и развитие познания. «В теории познания,— писал Ленин,— как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным» [1].

Многие мыслители прошлого изучали познание и его формы вне зависимости от выяснения их объективного содержания; они полагали, что законы мышления не имеют никакого отношения к

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 91.

законам самого бытия. Примером тому может служить гносеология (теория познания) *Канта*, который пытался анализировать познание человека и его формы до и независимо от реального процесса познания. Основной задачей гносеологии Кант считал выяснение априорных (доопытных) условий и форм познания. В отрыве форм мышления от их объективного содержания состоит формализм теории познания Канта.

Действительные законы познания можно понять только в том случае, если анализировать объективное содержание знания. *Гегель* считал формы мышления формами живого, реального содержания, связанными с объективным миром. И это правильно. Но в философии Гегеля не законы и формы мышления отражают законы природы, а, наоборот, законы природы являются бледной копией законов развития духа.

Марксистская философия исходит из того, что так называемая субъективная диалектика (развитие нашего мышления) является отражением объективной диалектики (развития явлений материального мира): «...Законы мышления и законы природы,— пишет Энгельс,— необходимо согласуются между собою, если только они правильно познаны» [1].

Единство законов мышления и законов бытия не означает, что между ними нет никакого различия. Они едины по содержанию, но различны по форме своего существования: одни существуют объективно, а другие — в сознании человека как отражение первых. «Законы логики,— пишет Ленин,— суть отражения объективного в субъективном сознании человека» [2]. А раз законы природы и законы мышления едины по своему содержанию, то *диалектика*, как глубокое и всестороннее учение о развитии, включает в себя *теорию познания (гносеологию)* и *логику*, которые изучают законы развития мышления, познания.

Способность человеческого познания носит исторический характер и зависит от развития человека и его органа мышления — мозга. В становлении ее, как специфически человеческой деятельности, решающую роль сыграло общество. Процесс познания носит общественно-исторический характер и развивается в соответствии с развитием общества. Конечная *цель познания* состоит в удовлетворении общественно необходимых практических потребностей.

Материалистическая теория познания до Маркса субъектом познания считала человека как изолированного индивида. Она пыталась вскрыть сущность ощущений и мышления отдельных людей как чисто природных существ, не понимая их общественной сущности. В действительности же познание осуществляется не изолированными индивидами (таких людей нет), а людьми как членами общества и для удовлетворения их потребностей.

---

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, 1955, стр. 187.
[2] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 158.

Диалектика изучает законы развития познания на основе обобщения всей истории знания. Чтобы вскрыть эти законы, нужно проанализировать историю философии, историю отдельных наук, историю умственного развития ребенка, предысторию человеческого мышления (развитие психики у животных), историю языка, данные психологии и физиологии высшей нервной деятельности. Каждая из этих отраслей научного знания проливает свет на ту или иную сторону процесса познания. История философии и история отдельных наук показывают процесс развития человеческого знания, его движение от незнания к знанию, от знания неполного к знанию всестороннему и глубокому. Изучение поведения высших животных, умственного развития ребенка и истории языка дает возможность понять возникновение и развитие познавательных способностей человека (чувственного знания и мышления). Психология дает материал для понимания того, как протекает процесс ощущения, восприятия, представления, мышления. Физиология высшей нервной деятельности вскрывает материальные основы ощущений и мышления.

Не только диалектика изучает законы и формы мышления. Этим занимается также формальная логика. Поэтому возникает вопрос об отношении диалектики к формальной логике, об их различии в подходе к изучению мышления.

Формальная логика — это наука о формах мышления, правилах и формах следования одного суждения из других. Она изучает формы мышления со стороны их строения, описывает простейшие приемы мышления, используемые в познании действительности, формулирует правила выведения одного суждения из других. Формальная логика, в частности, решает такие вопросы: из каких частей состоит умозаключение, каким образом связаны отдельные мысли в нем, в каком случае из них следует достоверный вывод, а в каком нет, и т. д. Важнейшей частью формальной логики является учение о доказательстве, его строении, видах и возможных ошибках в нем. Умение правильно связывать мысли в рассуждении — непременное условие элементарно грамотного мышления.

Характерной особенностью формальной логики является то, что она при изучении структуры форм мышления отвлекается от их возникновения и развития. Формальная логика берет сформировавшиеся суждения, понятия, умозаключения и описывает их со стороны формы, структуры. При этом она исходит из определенных законов: закона тождества, закона противоречия, закона исключенного третьего и закона достаточного основания, которые формулируют условия определенности, последовательности и доказательности мышления.

Закон тождества говорит о том, что одна и та же мысль в пределах некоторого рассуждения должна быть тождественна самой себе. *Закон противоречия* запрещает логические противоречия в мышлении: два суждения, из которых в одном

утверждается нечто о предмете, а в другом о том же предмете в то же время и в том же отношении это же самое отрицается, не могут быть одновременно истинными. *Закон исключенного третьего* устанавливает, что два противоречащих суждения, из которых одно отрицает другое, не могут быть одновременно ложными. И, наконец, *закон достаточного основания* утверждает, что всякое суждение может считаться истинным только тогда, когда приведены достаточные основания его истинности.

Все эти законы формальной логики необходимо соблюдать в мышлении о любом предмете. Нарушение их ведет к ошибкам и делает наше мышление нелогичным, несостоятельным. В частности, нарушение закона противоречия ведет к путанице, неясности, непоследовательности в мышлении. Например, мы можем встретить два таких противоречащих утверждения: 1) «Механицизм в философии — прогрессивное явление» и 2) «Механицизм в философии — не прогрессивное, а реакционное явление». Каждое из этих двух противоположных суждений правильно, если речь идет о роли механицизма в различные эпохи. Механицизм в XVII—XVIII вв. имел прогрессивное значение, он был шагом вперед по сравнению с теологией и схоластикой, а в современных условиях он мешает развитию философии и науки, тянет их назад. Но эти два суждения логически несовместимы, если речь идет о механицизме в одну и ту же эпоху, т. е. в одних и тех же условиях и в том же самом отношении. Если про современный механицизм в отношении его к диалектическому материализму будут утверждать, что он и реакционен и прогрессивен, то это рассуждение будет сбивчивым, логически противоречивым, в нем одна мысль не согласуется с другой. Ленин писал, что логической противоречивости «при условии, конечно, правильного логического мышления — не должно быть *ни* в экономическом *ни* в политическом анализе» [1].

Правильно понятый логический закон противоречия вполне совместим с признанием существования противоречий в объективном мире и в развитии нашего мышления. Он является законом связи сформировавшихся мыслей и отвлекается от их становления, развития. В процессе развития познания понятие может менять свое содержание, углубляться, развиваться; оно, как будет показано дальше, может приходить в противоречие с самим собой.

Противоречия в познании, которые отражают противоречия объективного мира и противоречивый характер процесса его отражения, нельзя смешивать с формально-логическими противоречиями, которые возникают в результате непоследовательности, путаницы мышления того или иного человека. Первые — закономерны, они необходимы для всестороннего познания мира во всей его сложности, со всеми его противоречиями; вторые —

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 23, стр. 29.

затрудняют наше движение к истине, не отражают объективных противоречий. Поэтому логические противоречия надо устранять, добиваясь ясности и последовательности мышления.

Законы мышления, описываемые формальной логикой, отражают простейшие отношения вещей. Например, закон тождества отражает сходство явлений действительности, относительную устойчивость и определенность предметов. Мысль в рассуждении должна быть ясной и определенной потому, что сам предмет, несмотря на его изменчивость, качественно устойчив.

Законы формальной логики отражают определенную сторону предметов — момент их устойчивости и относительного постоянства. И поскольку эти законы отражают какую-то сторону явлений действительности, они могут служить, хотя и ограниченным, методом для достижения новых знаний. Энгельс писал: «Даже формальная логика представляет прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному; то же самое, только в гораздо более высоком смысле, представляет собой диалектика, которая к тому же, прорывая узкий горизонт формальной логики, содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения» [1].

При изучении предмета приходится отвлекаться от каких-либо сторон его и фиксировать внимание на одной стороне. Так происходит во всех отраслях науки. Например, математика отвлекается от качественной определенности предметов и рассматривает их со стороны их количественных и пространственных отношений. Такое отвлечение необходимо для глубокого понимания мира. Но при этом никогда не надо забывать, что существуют другие стороны предмета.

То же относится и к формальной логике. При изучении форм мышления можно абстрагироваться от их развития, но закономерности, отражающие одну сторону действительности — относительную устойчивость вещей и их отражений в голове людей, нельзя считать единственными. Превращение формальной логики в единственную науку о мышлении, а ее законов — во всеобщий метод познания явлений действительности приводит к метафизике, к отрицанию развития и противоречий в объективной действительности и в нашем познании ее.

Диалектическая логика, не отрицая значения формальной логики, указывает ее место в изучении законов и форм мышления и выступает против превращения формальной логики в единственную науку о законах и формах мышления. Развитие, от которого отвлекается формальная логика при изучении мышления, глубоко и всесторонне изучает диалектика. Поэтому диалектика дает возможность понять значение и той стороны мышления, которую изучает формальная логика. Законы связи

[1] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1957, стр. 126—127.

готовых форм мышления, его строения могут быть поняты только на основе знания законов развития мышления, познания.

Сущность диалектической логики и ее отличие от формальной определил В. И. Ленин. «Логика,— писал он о диалектической логике,— есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира» [1].

Диалектическая логика своим содержанием имеет изучение отношений, переходов, противоречий понятий, в которых отражены отношения, взаимопереходы, противоречия явлений объективного мира. Диалектика не ограничивается перечислением различных форм движения мышления (суждений, понятий, умозаключений), а устанавливает их субординацию и показывает, как в процессе развития познания одна форма переходит в другую.

Главным вопросом диалектической логики является вопрос об истине; она рассматривает формы мышления содержательными, она показывает, каким образом в формах мышления достигается истинное знание о мире.

Диалектическая логика требует, чтобы предмет и его отражение в сознании людей рассматривались всесторонне: в развитии, самодвижении, в существенных связях с другими предметами, через возникновение и разрешение противоречий, в количественных и качественных изменениях и т. д.

Диалектическая логика не имеет особых законов, отличных от законов диалектики. Все законы диалектики являются законами диалектической логики. В то время как законы формальной логики отражают простейшие отношения вещей, отдельные стороны материального мира — момент покоя, устойчивости, законы диалектической логики отражают существеннейшие закономерности явлений действительности, которые рассматриваются в развитии, включающем в себя относительный покой и устойчивость.

Сущность диалектической логики, ее основные методологические требования в изучении своего предмета сформулированы В. И. Лениным следующим образом:

«Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения. Это во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении... В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку.

[1] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 66.

В-4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна»» [1].

Применение законов диалектики к изучению мышления создает все условия для проникновения в сущность его. Диалектическая логика раскрывает диалектику познания, т. е. законы его развития, в том числе и развития форм мышления. А это означает, что она является всесторонним и глубоким учением о развитии человеческого знания как отражения развития материального мира.

2. Соотношение чувственного и рационального в познании. Сущность и явление

Одной из важнейших проблем диалектики как теории познания является выяснение места, значения и соотношения чувственного и рационального в познании действительности. Наукой давно было установлено, что в познании принимают участие и ощущения и разум, но на вопрос о месте и значении их философы разных направлений отвечали различно.

Как уже отмечалось во II главе, одни философы считали, что чувственного познания достаточно для достижения истины, а роль мышления состоит якобы только в простом суммировании данных чувств. Стоит только мышлению несколько уйти от ощущений и восприятий, как оно впадает в заблуждение, отрывается от действительности. Философское направление, которое познание сводит к опыту, называется *эмпиризм*. На позициях эмпиризма стояли и некоторые материалисты (Бэкон, Локк) и некоторые идеалисты (Беркли, Юм, махисты). При этом материалисты правильно считали, что за ощущениями и восприятиями находится объективная действительность, отражением которой они являются. Идеалисты же отрицали, что источником ощущений является объективный мир; первичным они считали ощущения, а объективный мир — производным от них.

Эмпирики правы, когда говорят, что до опыта, до чувственных данных, у человека нет и не может быть никакого знания о внешнем мире. Они обобщали, правда односторонне, данные возникшего и быстро развивающегося опытного естествознания. Слабую сторону эмпиризма составляет умаление роли абстрактного мышления в познании, отрицание качественного своеобразия мышления по сравнению с ощущениями и восприятиями.

Позицию эмпиризма в его худшей, идеалистической форме разделяют многие направления современной буржуазной философии: *прагматизм*, *логический позитивизм* и др. Для современного *позитивизма* характерно, во-первых, идеалистическое истолкование опыта, «очищение» его от объективного содержания,

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 32, стр. 72.

во-вторых, сведение всего научного познания к простому регистрированию и описанию идеалистически понимаемых фактов. Под флагом борьбы с «абстрактностью» и «чистым умозрением», за позитивное (положительное) знание позитивисты ведут поход против научных абстракций, с помощью которых познается сущность вещей. По мнению некоторых современных эмпириков, нет реальных объектов, соответствующих понятиям «человечество», «стоимость», «труд» и т. п. Они рассуждают так: понятие, например, «работа вообще» нельзя представить в форме чувственного образа, нельзя сфотографировать. Можно видеть, как один человек копает картошку, другой работает у станка, третий сидит за столом и пишет и т. д. Но кто видел работу вообще и как можно ее чувственно представить? Действительно, понятия лишены чувственной наглядности, но эмпирик из этого делает неправильный вывод, что они не отражают единичных предметов. Эмпирик упускает из виду, что понятие отражает общее, присущее единичным предметам. Ползучему эмпиризму чуждо теоретическое мышление. А фактически даже для того, чтобы связать два факта, необходимо мышление с помощью понятий [1].

Нельзя сказать, что современные позитивисты отрицают значение всех понятий, научных абстракций. Они признают роль понятий логики и математики, но считают их результатом свободного творчества субъекта. По их мнению, понятия математики хороши тем, что они не претендуют на отражение объекта и не связаны с чувственным опытом человека. Такие же общие понятия, как «материя», «причина» и т. д., позитивисты считают фикциями, пустыми выдумками, подлежащими устранению из науки. Эти понятия не подлежат проверке в личном опыте, для них нельзя найти референта (предмета, которому бы они соответствовали). Научно значимыми неопозитивисты считают только такие понятия, которые служат выражением единичных фактов, непосредственных данных опыта. Но и понятия послед-

---

[1] Ползучий эмпиризм, отрицающий роль теоретического мышления в познании, очень живуч. Его пропагандируют некоторые современные философы-идеалисты. Так, семантик Стюарт Чейз пишет: «Физик должен стоять на точке зрения чистого эмпиризма, не признающего никаких априорных принципов или абсолютов, которые определяют или лимитируют новый опыт: *опыт порождается только опытом*» (*Stuart Chase*, The Tyranny of Words, N. Y., 1938, p. 126).

Под априорными принципами или абсолютами Чейз разумеет научные понятия, категории, которыми руководствуются ученые в своем исследовании. Таким образом, Чейз предлагает отбросить все научные понятия как ложные, не имеющие смысла, и руководствоваться только «чистым» опытом. Но, как хорошо известно каждому ученому, всякий опыт в науке связан с предшествующими ему теоретическими выводами. Опыт не ставится случайно, неизвестно для чего, он служит проверкой одних теоретических положений и основой для других. Только путем взаимодействия опыта и теоретического мышления достигается прогресс в развитии научных знаний.

него рода, по их мнению, не являются отражением действительности, они только удобные сокращения речи.

Эмпирик думает, что он находится в области опыта, чувственного восприятия фактов, даже тогда, когда оперирует с различными абстракциями. Он воображает, что имеет дело только с бесспорными фактами, а в действительности под видом фактов и данных «чистого опыта» часто выступают традиционные и устаревшие представления, иногда даже спиритуалистические.

Человек, который не утруждает себя тем, чтобы обобщить данные опыта, склонен к всевозможным суевериям. Не случайно некоторые естествоиспытатели, стоявшие на почве эмпиризма, попадали в плен к шарлатанам-спиритам и всерьез принимали спиритические «опыты» [1].

Ползучий эмпиризм идеалистического толка не только уживается с религией, но и пытается обосновать ее необходимость. Пример — философия *прагматизма*. Один из основателей этого направления, *В. Джемс*, говоря о многообразии опыта, включает в него и религиозные переживания людей (чувства верующих во время молитв, жертвоприношений и т. п.). Джемс считал религиозный «опыт» таким же истинным, если он приносит пользу, как и научный. «Согласно принципам прагматизма,— пишет В. Джемс,— гипотеза о боге истинна, если она служит удовлетворительно в самом широком смысле слова» [2]. Но вера в бога служит не истине; она служит эксплуататорам как средство угнетения народа.

В истории философии, как читателю уже известно, против эмпиризма выступали *рационалисты*, которые полагали, что мышление непосредственно, минуя опыт, постигает сущность вещей. Представителями рационализма были Декарт, Лейбниц, Спиноза и др. Сильной стороной рационализма было признание активной, творческой роли субъекта, разума, мышления в познании. Рационалисты развивали положение о способности мышления проникнуть в тайны вещей. Однако эту активность субъекта и его мышления некоторые рационалисты крайне преувеличивали и считали, что мышление не зависит от опыта.

Основной порок рационализма состоит в отрыве мышления от чувственного опыта, от ощущений и восприятий. Рационалисты источником познания считают интеллектуальную интуицию, под которой они разумеют непосредственное, минуя ощущения и восприятия, усмотрение разумом истины. Всякий из нас, говорили они, может интуитивно (без опыта) понять, что он мыслит и существует, что шар имеет только одну поверхность, что треугольник ограничивается тремя линиями и т. д.

Это рассуждение рационалистов несостоятельно, ибо, прежде чем понять, что треугольник ограничивается тремя линиями,

---

[1] См. *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1955, стр. 36.

[2] *В. Джемс*, Прагматизм, СПб., 1910, стр. 182.

а шар имеет одну поверхность, человек много раз чувственно наблюдал предметы шарообразной и треугольной формы. Рационализм так или иначе приводит к признанию существования врожденного или априорного (доопытного) знания. Например, Декарт считал, что наиболее общие и важные идеи математики и логики врождены человеку.

Эмпиризм и рационализм — две односторонние, метафизические концепции познания. Представители этих направлений критиковали друг друга. Локк выступал против теории врожденных идей Декарта, односторонний эмпиризм Локка был предметом критики со стороны Лейбница. Но ни эмпиризм не мог преодолеть недостатков рационализма, ни рационализм — пороков эмпиризма. Это была критика внутри метафизического истолкования познания, с позиции отрыва одной способности познания от другой.

Многие современные буржуазные философы в решении вопроса о пути познания действительности разделяют точку зрения *мистицизма*, согласно которому истина достигается таинственным, не всем людям доступным способом при особых условиях.

На точке зрения мистицизма стоят философы-*интуитивисты*, основой нашего знания и высшей формой познания считающие интуицию, доступную только исключительным личностям в определенное время (момент «озарения» или «духовного просветления»). Они утверждают, что обыкновенный человек в обычных условиях не может познать сущность вещей. Согласно французскому интуитивисту *Бергсону*, интуиция требует особого болезненного усилия, чтобы получить мгновенное озарение. Интуиция противопоставляется разуму, логическому мышлению. Разум путем огромных усилий может достичь только знания внешней определенности вещи, интуиция мгновенно проникает в сущность. Интуицию отличают и от чувственного познания, считают ее близкой к инстинкту, поскольку он дает бессознательное знание, не сопровождающееся мышлением. Но инстинкт носит утилитарный характер, в то время как интуиция якобы характеризуется полной независимостью от практической значимости (бескорыстное знание).

Эти рассуждения возвращают буржуазную философию к средневековому мистицизму. Если в период своего зарождения и расцвета буржуазная идеология выступала против мистики, против религии, под флагом борьбы за разум, то нынешняя борьба идеологов буржуазии против разума является свидетельством деградации, упадка буржуазной философии.

Материалистическая диалектика в соответствии с данными науки исходит из того, что никакого мистического, сверхъестественного, интуитивного знания, о котором говорят интуитивисты, не существует. Все знания мы получаем из внешнего мира посредством чувственного опыта и развивающегося на основе

ощущений и восприятий мышления. Нет и врожденных идей. Знание люди получают в процессе их жизни в общественной среде. Биологически наследуются не представления и понятия, не готовое знание законов внешнего мира, а механизм нервной деятельности, который служит физиологической основой процесса познания. Результаты познания, идеи биологически не наследуются. Человек наследует опыт предшествующих поколений путем обучения и воспитания, через усвоение языка и форм мысли.

Источником всех наших знаний являются ощущения и восприятия, отражающие объективный мир. Идеалисты утверждают, что положения математики, в особенности ее аксиомы, имеют априорный (независимый от опыта) характер, что в математике разум имеет дело с продуктами своего собственного свободного творчества. В действительности же содержание понятий математики взято из реального мира, и все математические понятия в конечном счете опытного происхождения. Сама математика возникла на основе практики измерения площадей земельных участков и вместимости сосудов, исчисления времени и т. п.

Абсурдно было бы думать, что все свои знания о реальном мире каждый индивид получает из собственного опыта. Человек использует опыт рода (опыт людей вообще). Непосредственный опыт отдельного человека, каким бы он ни был наблюдательным и проницательным, очень ограничен. Наши современные знания есть результат опыта всех людей прошлого и настоящего. Когда говорят, что все наше знание в конечном счете из опыта, то субъектом этого опыта является человечество.

Данные органов чувств составляют только фундамент нашего знания, но не все здание его. Мышление идет дальше по пути объективной истины, достигая знания законов движения явлений, что недоступно непосредственно чувствам. Мышление связано с чувствами, но в то же время качественно отлично от них.

Величайшим достижением философской мысли является включение практики в теорию познания. Практика — основа человеческого познания и критерий его истинности. Только выяснив роль практики в процессе познания, можно понять, на какой основе происходит связь мышления с природой.

Путь познания объективной истины Ленин охарактеризовал следующим образом: «От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности» [1].

Развитие познания происходит в результате взаимодействия этих трех моментов: живого созерцания, мышления и практики. Каждый из них необходим, каждый дает то, что другие не могут дать. Это взаимодействие пронизывает весь процесс

---

[1] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 146—147.

познания от начала до конца, причем основой и решающим моментом в этом взаимодействии выступает практика.

Движение нашего познания от живого созерцания к абстрактному мышлению, а потом к практике нельзя понимать в том смысле, что одно играет роль только в начале процесса познания, другое — в середине, а третье — только в конце. К живому созерцанию человек возвращается и тогда, когда он создает теории. В процессе опытного познания принимает участие мышление. Что же касается практики, то она пронизывает процесс познания от начала до конца. Положение марксистской теории о движении познания от чувственного к рациональному и к практике вскрывает путь, основную линию движения нашего знания от познания явлений к познанию сущности, от сущности первого рода к сущности более глубокой и т. д.

Сущность и явление. Сущность — это внутренняя, относительно устойчивая сторона объективной действительности, определяющая природу данного явления. В отличие от сущности явление — внешняя, более подвижная и изменчивая сторона объективной действительности; явление — конкретное обнаружение сущности. Например, сущность парламентской республики капиталистических стран составляет диктатура буржуазии, которая определяет природу политической власти в буржуазном обществе. Эта сущность обнаруживается, проявляется в том, что все органы политической власти контролируются буржуазией, все государственные институты служат укреплению господства буржуазии. Отдельные проявления диктатуры буржуазии изменяются, но при этом остается неизменной сущность государственной власти в капиталистическом обществе — диктатура буржуазии.

Понятия о сущности и явлении возникли с самого начала существования научного знания. Логика развития познания и потребности практической деятельности привели человека к необходимости различать то, что составляет существо вещи или предмета, от того, какими они нам вначале являются.

Для метафизики характерен отрыв явления от сущности. Этот отрыв выражается различно. Одни философы считают, что сущность — это особое идеальное начало и существует отдельно от явлений, которые не содержат сущности. Такой взгляд разделяется многими представителями объективного идеализма. Другие философы признавали, что сущность существует в самих вещах, но она недоступна человеку: человеческое познание — это мир явлений, не выражающих объективной сущности вещей; между сущностью и явлением лежит пропасть, которая создается человеческим познанием. Это точка зрения Канта и его последователей.

Материалистическая диалектика показывает внутреннюю, неразрывную связь, единство явления и сущности: «Тут тоже,— говорит В. И. Ленин о сущности и явлении,— мы видим переход,

перелив одного в другого: сущность является. Явление существенно» [1].

Сущность является — это означает, что нет чистых сущностей, которые не обнаруживались бы в каких-либо явлениях. Всякая сущность проявляется в конкретных процессах, событиях, отношениях и т. д. Сущность капитализма обнаруживается в таких явлениях, как экономические кризисы, безработица, обнищание трудящихся и т. д.

Явление существенно — это означает, что во всяком явлении обнаруживается сущность. Любое явление так или иначе связано с сущностью, есть проявление ее. Так, пена на поверхности реки есть также выражение сущности — глубокого течения внизу.

Познавая отдельные проявления сущности, мы тем самым идем по пути познания самой сущности. Агностицизм считает, что человеку доступны явления, но не сущность вещей. На деле, как отмечает В. И. Ленин, «решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе нет и быть не может. Различие есть просто между тем, что познано, и тем, что́ еще не познано, а философские измышления насчет особых граней между тем и другим, насчет того, что вещь в себе находится «по ту сторону» явлений (Кант), или что можно и должно отгородиться какой-то философской перегородкой от вопроса о непознанном еще в той или иной части, но существующем вне нас мире (Юм), — все это пустой вздор... выверт, выдумка» [2].

Сущность и явление не только едины, но и противоположны, они никогда полностью не совпадают друг с другом. Их противоположность — это одно из выражений внутренних противоречий предметов, которые вступают в различные отношения между собой, проявляя свою сущность. Ярким примером противоречия между сущностью и явлением служит видимость.

Видимость — это тоже проявление сущности, но одностороннее, неадекватное, а иногда даже искаженное. Например, сущность капиталистических производственных отношений (отношений между капиталистом и рабочим) выступает в виде отношений между вещами: кажется, что капиталисту, вложившему в дело капитал в виде определенной суммы денег, прибыль приносят его деньги, а не рабочие, создающие своим трудом прибавочную стоимость. Марксистская политическая экономия за отношением вещей (товаров, денег как материальных предметов) вскрыла сущность капитализма — общественное отношение людей в капиталистическом обществе, эксплуатацию рабочих капиталистами.

Единство явления и сущности и их различие составляет объективную основу единства чувственного и рационального

---

[1] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 237.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 90—91.

в познании, основу необходимости движения знания от чувственного к рациональному. В ощущениях и восприятиях (в чувственных образах) отражаются прежде всего отдельные явления и вещи, сущность же недоступна непосредственному чувственному восприятию. Если бы сущность и явление совпадали, то наука была бы излишня. Вот почему процесс познания не может остановиться на живом созерцании, а переходит к теоретическому мышлению, которое на основе знания явлений постигает сущность вещей. «...Задача науки,— пишет К. Маркс,— заключается в том, чтобы видимое, выступающее на поверхности явлений движение свести к действительному внутреннему движению» [1].

Так как то, что лежит на поверхности явлений, доступно чувствам, а сущность постигается мышлением, и вследствие того, что чувственное знание служит источником в конечном счете всех наших понятий, живое созерцание составляет первую ступень процесса познания, а мышление — вторую. А поскольку практика является не только исходным моментом и основой познания, но и критерием его истинности, постольку она является необходимой ступенью и завершением процесса познания.

Отношения между живым созерцанием, мышлением и практикой сложны. Различие между ними относительно, граница их различия смещается в связи с развитием нашего знания. У современного человека не может быть чувственного опыта, не связанного с процессом мышления. Эта связь чувственного познания с мышлением особенно характерна для научного опыта. Современный эксперимент в физике бывает трудно отличить от теоретической деятельности. Но, несмотря на эту относительность, различия между живым чувственным созерцанием, мышлением и практикой остаются: это качественно своеобразные ступени в движении познания.

Чувственный опыт человека отличается от ощущений, восприятий и представлений животного прежде всего тем, что человеческий опыт основывается на общественно-исторической практике. Люди воспринимают действительность не как созерцатели, а в труде, активной деятельности, как преобразователи. Чувственный опыт человека богаче, разнообразнее и глубже чувственного опыта животного, потому что с помощью орудий производства и наблюдения человек проникает в такие области, которые недоступны животным. Человек создал орудия, которые служат продолжением его органов чувств и мозга: звукоуловители, телескоп, микроскоп, счетные машины и т. п. Свои чувственные знания (как и мышление) человек выражает в речи, языке, а это превращает их из индивидуального отражения, каким они являются у животных, в общественное явление, ибо формы языка общезначимы, общеприняты.

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. III, 1955, стр. 324.

У человека пять внешних органов чувств, и каждый из них воспринимает только определенные раздражители. Например, наш глаз воспринимает световые волны только в пределах от 380 до 780 миллимикрон. Возникает вопрос: лучше бы знал человек мир, если бы он имел большее количество органов чувств и с более широким диапазоном? Этот вопрос задавали себе мыслители прошлого, причем некоторые считали, что с увеличением количества органов чувств интеллектуальная жизнь стала бы более богатой и разнообразной.

Вольтер в своей философской повести «Микромегас» в диалоге жителя Сириуса с жителем Сатурна высмеял мыслителей, которые считали, что у человека недостаточно органов чувств для глубокого и разностороннего познания мира: «...Для начала скажите мне, например, сколько чувств у жителей вашей планеты?» — «У нас их семьдесят два,— сообщил академик,— и не проходит дня, чтобы мы не горевали о том, что их так мало. Наше воображение превосходит наши потребности... Мы находим, что наших семидесяти двух чувств, нашего кольца и наших пяти лун нам недостаточно, и, несмотря на любопытство и страсти, порождаемые нашими семидесятью двумя чувствами, у нас еще остается много времени для скуки». — «Оно и немудрено,— сказал Микромегас,— у жителей нашей планеты около тысячи чувств, и все же мы ощущаем какое-то неопределенное стремление, какое-то безотчетное недовольство самими собою, которое постоянно напоминает нам о том, что мы ничего собою не представляем и что есть существа значительно совершеннее нас».

Прогресс человеческого знания связан не с увеличением количества органов чувств и не столько с их совершенствованием, сколько с развитием общественной практики и мышления. Практика требует, чтобы люди знали больше того, что нам непосредственно дают органы чувств, практика же вместе с мышлением удовлетворяет эту потребность. Труд и мышление безгранично расширили познавательную возможность наших органов чувств, сделали нашу интеллектуальную жизнь многогранной, красочной и содержательной.

У человека столько органов чувств, сколько ему необходимо, и они воспринимают то, что нужно ему в жизни. Практика человека порождает потребность в знании и таких свойств явлений, которые нашими органами чувств непосредственно не воспринимаются. Но естественная ограниченность органов чувств ни в какой мере не является препятствием познания таких явлений. Человек не видит ультрафиолетовых и инфракрасных лучей, но их свойства он знает лучше, чем некоторые животные, которым непосредственно доступны эти лучи.

Живое созерцание в различных отраслях науки выступает различно. В естественных науках обычно применяются лабораторные наблюдения, включающие эксперимент. Специфика предмета общественных наук ограничивает, а иногда просто исключает применение эксперимента. Исследователь природы почти всегда имеет возможность наблюдать изучаемые им явления, которые повторяются много раз и продолжительное время. Историк лишен этой возможности, поэтому он в своих обобщениях в большей

мере использует опыт, зафиксированный в различных исторических источниках.

Одна из особенностей чувственного опыта человека состоит в том, что он связан с мышлением. Человек наблюдает явления природы и общества, руководствуясь определенными понятиями, теориями. Одни и те же факты, в особенности из общественной жизни, по-разному воспринимаются и изображаются различными людьми. Поэтому к опыту людей нужно подходить критически, чтобы отделить факт, наблюдаемое явление от его субъективной интерпретации тем или иным лицом, воспринимавшим его.

Данные непосредственного чувственного наблюдения дают знание тех фактов, из которых потом исходят при построении теории. Никакая теория не может считаться правильной, если она противоречит фактам. Но нередко в процессе познания принимается за достоверный факт то, что в действительности не является фактом. Возможны ошибки в наблюдениях, в экспериментах. Науке известны случаи, когда некоторые ученые строили целые теории, опровергали прежние научные представления, основываясь на сомнительных, недостаточно проверенных фактах. Это нанесло ущерб развитию науки. Академик И. П. Павлов образно назвал факты «воздухом ученого». Их нужно тщательно собирать, постоянно заботясь об их доброкачественности. Но одно собрание достоверных фактов, добытых многолетним опытом людей, еще не составляет науки. Наука начинается там, где раскрывается сущность явлений, законы их движения, развития.

Чувственный опыт ограничен. Единичное и общее, случайное и необходимое, сущность и явления в нем не расчленены. Например, люди давно наблюдали молнию, различные формы ее, но они долгое время не знали сущности этого процесса. Только в результате успехов физики, в частности учения об электричестве, на основе обобщения многочисленных фактов было установлено, что молния — это электрический разряд. Этот вывод явился результатом работы мышления людей.

Живое чувственное созерцание непосредственно отражает явления действительности. Мышление же опосредовано ощущениями и восприятиями и является новым, качественно своеобразным этапом в развитии познания. Мышление направлено на познание внутренних, закономерных связей явлений. Сущность теоретического мышления состоит в том, что оно восходит к познанию всеобщего в явлениях. Этого не может сделать чувственное созерцание, познающее единичные явления и их отдельные свойства. Все это говорит о том, что переход от чувственного знания к абстрактному мышлению, составляет качественный скачок в развитии познания.

Мышление отражает действительность в форме *абстракций* (отвлечения отдельных сторон предмета), оно отходит от непосредственных представлений о предмете, выделяя главное, су-

щественное в нем. Так, в мышлении мы имеем точки, лишенные измерений, линии, лишенные ширины, в то время как в самой действительности таких точек и линий нет.

Но отход мысли от конкретного предмета не означает отход от истины. «Мышление,— писал Ленин,— восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное* (NB) ...*о т* истины, а подходит к ней. Абстракция *материи*, *закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *п о л н е е*» [1].

Абстракция выделяет какую-либо одну сторону предмета в «чистом виде», в каком она не существует в действительности. Так, нет «производства» вообще, «закона» вообще, а есть конкретные виды производства и конкретные законы. Но без абстракции «производства» нельзя глубоко понять ни одну конкретную форму производства. Чтобы понять сущность капиталистического способа производства, надо знать, что такое производство вообще, из каких элементов оно складывается, какое место в жизни общества оно занимает. С помощью абстракции человек постигает самые тончайшие процессы в природе и обществе.

Абстракция тогда ценна, когда она отражает существенную сторону предмета. Она становится пустой, неразумной, вздорной, если выделять несущественные стороны, акцентировать внимание на несущественных моментах. Так, изучая человека, можно по примеру древних образовать абстракцию: человек — это двуногое животное, лишенное шерсти и перьев. Эта абстракция никакой научной ценности не имеет, потому что отражает несущественные стороны и не способствует пониманию места человека в природе.

3. Диалектика абстрактного и конкретного, логического и исторического

Многостороннее знание предмета есть конкретное знание. Познание одной какой-либо стороны предмета есть абстрактное знание. Конкретное знание возможно потому, что сам предмет является единством многообразного: различных сторон, свойств и т. д. Например, слово в языке имеет фонетическую сторону (определенный звуковой комплекс), семантическую (слово что-то значит, имеет смысл), грамматическую (в предложении оно связывается с другими словами по определенным правилам) и т. д. Задача науки состоит в том, чтобы раскрыть многообразие сторон предмета в их единстве.

[1] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 146.

Абстрактное познание возможно потому, что отдельные стороны, свойства предмета относительно самостоятельны, специфичны, поэтому в процессе познания можно выделить одно свойство, сторону и отвлечься от других. При изучении слова можно фиксировать внимание на его смысловом значении. Так поступает отрасль языкознания, которая называется семасиологией.

Живое чувственное созерцание дает конкретное знание о предмете, ибо постигает предмет в многообразии его свойств, сторон. Но чувственно-конкретное знание не вскрывает сущности предмета, поэтому от него познание идет к отдельным абстракциям. Образованием этих абстракций не заканчивается процесс познания. Необходимо получить конкретное, многостороннее знание. От отдельных абстракций наука снова движется, восходит к конкретному. Но это не возвращение к чувственно-конкретному, а воспроизведение конкретного в мышлении — высшая форма знания. «Конкретное,— писал К. Маркс,— потому конкретно, что оно есть сочетание многочисленных определений, являясь единством многообразного. В мышлении оно поэтому представляется как процесс соединения, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собою исходный пункт в действительности и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление испаряется до степени абстрактного определения; при втором же абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного путем мышления» [1].

Метафизики считали выделение отдельных абстрактных определений концом научного исследования; весь процесс абстрактного мышления они сводили к образованию тощих абстракций. Политическая экономия до Маркса в анализе явлений исходила из живого целого, конкретного, данного нам в ощущениях и восприятиях. Анализируя это конкретное, она выделила отдельные абстракции: труд, разделение труда, меновая стоимость и т. д. Ограниченность ее исследований состояла в том, что выделение отдельных абстракций считалось конечным пунктом познания. Она занималась преимущественно анализом, разложением живого, конкретного, целого на отдельные стороны, а потому не давала знания о предмете в его конкретной целостности.

То, что предшествующие экономисты считали конечным результатом исследования, К. Маркс использовал для своих дальнейших исследований. Подвергнув анализу и обобщив огромный фактический материал, Маркс выделил простейшие абстракции, отражающие самые простые, обычные, основные, миллиарды раз встречающиеся отношения в буржуазном обществе: обмен товаров. От этого абстрактного и простейшего Маркс восходит к более конкретному и сложному. Первый том «Капитала» по-

[1] *К. Маркс*, К критике политической экономии, 1953, стр. 213.

священ в основном исследованию капиталистического процесса производства в общем виде. Маркс начинает с исследования простейших экономических категорий: товара, денег — и далее, во втором томе переходит к выяснению процесса обращения, без которого не может быть капиталистического производства. И, наконец, в третьем томе Маркс исследует капиталистические производственные отношения в целом, как единство производства и обращения. Здесь капитализм выступает как конкретное целое со всеми противоречиями, ведущими его к гибели. При этом конкретное выступает не как результат только живого чувственного созерцания явлений капитализма, а как совокупность многочисленных абстрактных определений его основных черт.

Теоретическое мышление дает конкретное, многостороннее знание об империализме, как высшей стадии в развитии капитализма. В. И. Ленин вскрыл следующие существенные признаки империализма: 1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой степени развития, что возникли монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банковского капитала с промышленным и господство финансового капитала; 3) огромное значение вывоза капитала; 4) образование международных монополистических союзов капиталистов, делящих мир на сферы влияния; 5) завершение раздела территории земного шара между крупнейшими капиталистическими державами. Каждая из этих абстракций в отдельности выражает одну существенную сторону империализма, а все вместе дают многостороннее знание его.

Конкретное знание о предмете возникает не в результате механического соединения абстракций, образованных в разное время и по разным случаям, а путем развития абстрактного, обогащения его новым содержанием, все более многосторонне и глубоко отражающим предмет. В результате движения от абстрактного к конкретному образуются новые абстракции, являющиеся логическим продолжением предыдущих. Отдельные абстракции в конкретном знании объединены общим принципом, единой идеей, отражающей главную закономерность в движении предмета. Так, в характеристике империализма главное то, что он есть монополистический капитализм; все другие признаки империализма вытекают из этой его сущности, объединены и могут быть поняты только в связи с ней.

Восхождение познания от абстрактного к конкретному совершается не только в политической экономии. Это всеобщий закон развития человеческого познания. Так, наши знания о происхождении Земли и других планет солнечной системы развиваются также от абстрактного к конкретному в мышлении. Первые космогонические гипотезы, которые выдвигались наукой нового времени, носили крайне абстрактный характер, ибо находили и абсолютизировали какую-то одну сторону в сложном и многостороннем процессе происхождения планет. Например,

гипотезы Канта и Лапласа исходят только из законов механики. Современные космогонические гипотезы дают более конкретное представление о процессе происхождения Земли. Основываясь на знании, добытом астрономией, механикой, физикой, химией, геологией и т. д., они пытаются путем органического синтеза многочисленных абстракций всесторонне, в целом осветить сложный процесс происхождения планет, воспроизвести конкретное во всей его полноте.

Конечно, абстракции создаются как обобщение чувственного познания. Возникновению абстракции предшествует чувственно-конкретное знание.

Материалистическая диалектика рассматривает абстрактное и конкретное как два момента в постижении сущности предмета. Абстрактное — средство для постижения конкретного. Ленин писал, что общее мертво, неполно, «но оно только и есть *ступень* к познанию *конкретного*, ибо мы никогда не познаем конкретного полностью. *Бесконечная* сумма общих понятий, законов etc. дает *конкретное* в его полноте» [1].

Конкретное в мышлении является самым глубоким и содержательным знанием о предметах. Оно превосходит абстрактное знание потому, что отражает в предмете не какую-то одну существенную сторону, а различные существенные стороны в их связи, т. е. берет предмет многосторонне. Оно также превосходит и чувственно-конкретное знание, ибо отражает не поверхностные, не внешние определенности предмета в их непосредственной связи, доступной чувственному созерцанию, а существенные стороны в их столь же существенных связях.

Идеалист Гегель мистифицировал процесс восхождения от абстрактного к конкретному, полагая, что в результате этого процесса рождается сам конкретный предмет. Если для Гегеля восхождение от абстрактного к конкретному есть возникновение самого предмета, то для Маркса оно «...есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно как конкретное». В движении познания от абстрактного к конкретному создается не сам конкретный предмет (он существует до и независимо от процесса познания), а конкретное понятие о существующем предмете. Это восхождение для материалиста означает движение к всестороннему познанию сущности предмета, в результате чего изменяется, обогащается познавательный образ, а не сам предмет.

Таким образом, диалектическая логика считает, что конкретное является и исходным и конечным пунктом процесса познания. Чувственно-конкретное есть исходное в познании, конкретное, воспроизведенное мышлением,— результат познания, а отдельные абстракции — средство для достижения этого результата.

---

[1] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 261.

Чтобы понять законы развития познания, его диалектику, необходимо выяснить взаимоотношение *исторического* и *логического* в процессе достижения конкретного знания о предмете. Под *историческим* разумеется развитие самого реального предмета; *логическое* есть отражение исторического. Историческое первично, а логическое вторично. Не история следует за логикой, как у Гегеля, а логика отражает основные вехи истории. В развитии предмета имеются случайности, зигзаги, отклонения от основного пути в ту или иную сторону. Логическое не повторяет историческое во всех деталях, а воспроизводит главное, его сущность в абстракциях на основе изучения всего богатства реального процесса развития. Логическое и историческое едины, но не тождественны; они совпадают в главном, существенном. Логическое есть то же историческое, но освобожденное от случайностей исторической формы. Так, например, в «Капитале» Маркса в логических категориях раскрывается процесс становления, т. е. возникновения и формирования, капиталистических производственных отношений; при этом Маркс абстрагируется от особенностей возникновения и развития капитализма в отдельных странах.

Задача науки состоит в том, чтобы отразить основную, ведущую историческую связь явлений в развитии изучаемого предмета. «Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений,— самое важное,— пишет В. И. Ленин,— чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [1].

Материалистически понятое единство логического и исторического является руководящим принципом для построения науки, системы ее категорий. Последовательность и движение понятий науки должны отражать основную историческую связь изучаемых этой наукой явлений.

Логическое является обобщенным, исправленным отражением исторического в том смысле, что оно отражает действительность в ее закономерном развитии, объясняет необходимость этого развития. А для этого оно может и должно иногда отойти от реальной истории какого-либо одного предмета, ибо в том или ином отношении этот предмет может быть не типичным. Например, вскрывая сущность и основные этапы социали-

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 29, стр. 436.

стической революции, теория может отойти в каких-то пунктах от последовательности моментов ее в той или иной стране, поскольку эти моменты являются выражением особенностей революции в данной стране. Но этот отход логического отражения от буквального следования за историей происходит в соответствии с законами истории, на основе обобщения развития многих однородных явлений и раскрытия их сущности. Опыт революций в России, в Китае и в других странах народной демократии дает возможность лучше и точнее выяснить общее, главное в социалистической революции, отделить всеобщее от специфичного для той или другой страны.

Исторический подход без логического слеп, а логический без исторического — беспредметен. Так, изучая историю становления человека, можно описать реальный исторический процесс изменения ушей, челюстей, зубов, ноги, походки и т. д. наших предков. Все эти явления имеют связь с процессом формирования человека, но простое описание этих изменений не вскроет действительной истории происхождения человека. Без понимания того, что такое человек, нельзя понять истории возникновения человека. Подобно этому, не вскрыв сущность капитала, нельзя воспроизвести историю буржуазных производственных отношений. Но вместе с тем нельзя вскрыть сущность предмета, пренебрегая его реальной историей. Логический подход основан на изучении реального процесса развития предмета и имеет своей целью вскрыть его сущность. Чтобы этого достичь, надо взять явления в том пункте развития, где, как выражается Ф. Энгельс, «процесс достигает полной зрелости и классической формы». Например, сущность человека лучше всего можно понять, анализируя современного человека, а не дикаря. Сущность капитализма постигается путем изучения зрелых капиталистических отношений. Конечно, изучение предшествующего помогает изучению последующего, но не в меньшей мере знание результата развития позволяет глубже познать предшествующие моменты. В зрелой форме можно ясно и отчетливо увидеть то, что ранее выступало только в зародыше. Высшая форма развития включает в себя в том или ином виде все низшее. Анализируя сущность высшей формы движения, мы так или иначе вскрываем предшествующие моменты, т. е. историю. Так, зрелые капиталистические отношения резюмируют всю историю своего возникновения и развития.

Принцип единства логического и исторического необходимо применять и к изучению процесса познания. Теория предмета включает в себя и историю этой теории. Без знания сущности современной научной теории предшествующая история научной мысли кажется собранием сплошных ошибок великих мыслителей, и основную нить исторического развития нельзя понять. Действительную историю физики можно написать, только став на уровень современной науки, а научную историю философии

можно создать только с позиций высшего достижения философии — диалектического и исторического материализма.

Из того, что изучение сущности предмета в какой-то мере вскрывает и историю этого предмета, не следует, что логическое исключает, делает излишним изучение истории. Наоборот, диалектический метод необходимо требует изучения реальной истории предмета со всеми подробностями. Без изучения истории предмета нет и теории его. Вскрытие истории, т. е. развития предмета,— это задача всякого научного исследования. Диалектический взгляд есть подлинно исторический. Без изучения истории невозможно логическое отражение сущности процесса. «...Логическое развитие,— писал Энгельс,— вовсе не обязано держаться только в чисто абстрактной области. Наоборот, оно нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью» [1].

Вскрытие логикой, мышлением сущности того или иного процесса в его зрелой форме не является концом научного исследования. Логическое — это только средство познания исторического. Оно дает принцип для всестороннего изучения. Когда в основу изложения истории предмета кладется знание сущности, то становятся понятными, находят объяснение все исторические подробности, случайности и отклонения, выясняется их роль в необходимом развитии предмета, знание истории становится живым и полнокровным. А без объединяющего их начала исторические подробности превращаются в скопление случайностей, в груду сырых фактов. Только сочетание логического и исторического дает возможность всестороннего и глубокого понимания закономерного и богатого содержанием движения, развития явлений в природе, обществе и мышлении.

4. Формы мышления и их роль в познании

В. И. Ленин, вскрывая диалектику процесса познания, писал: «Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов... Тут *действительно*, объективно ***три*** члена: 1) природа; 2) познание человека, = *м о з г* человека (как высший продукт той же природы) и 3) форма отражения природы в познании человека, эта форма и есть понятия, законы, категории...» [2]

Формы мышления являются одним из важнейших моментов, средств познания, в них человек отражает универсальную закономерность вечно движущейся природы. Логический процесс создания научной картины мира осуществляется в

---

[1] См. *К. Маркс*, К критике политической экономии, 1953, стр. 238.
[2] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 156—157.

суждениях, умозаключениях, гипотезах, теориях, понятиях, категориях и т. д.

Центральной проблемой диалектической логики является изучение образования и развития форм мышления, выяснение роли практики в движении форм мышления. Диалектика всесторонне исследует формы мышления, вскрывает их объективное содержание, показывает их взаимосвязь в процессе достижения истинного знания о мире.

Одной из форм мышления является суждение, посредством которого познаются различные стороны, свойства, отношения предметов. *Суждение* есть мысль, утверждающая или отрицающая что-нибудь о чем-нибудь. В нем отражается диалектика единичного и общего. Например, «золото — металл»: золото — единичное, металл — общее. В процессе познания совершается переход от одного суждения к другому, от одного уровня познания к другому, более высокому. Различные формы суждения — отдельные звенья, моменты этого процесса.

Познание идет от *единичного* через *особенное* к *всеобщему*. По такому пути идет и развитие суждений: от суждения единичности через суждение особенности к суждению всеобщности. В суждении единичности устанавливается связь каких-либо явлений. Дальнейшее развитие познания приводит к формулированию суждения, в котором отражается закон связи некоторых особых форм движения (суждение особенности), и, наконец, в суждении всеобщности мы познаем всеобщий закон развития. Так, сначала наука установила, что атомы отдельного элемента, например радия, способны распадаться на более простые составные части; это — суждение единичности. Потом было сформулировано суждение особенности: целая группа самых тяжелых из известных нам элементом обладает свойством естественной радиоактивности. В настоящее время наука достигла такого уровня, при котором возможно сформулировать суждение всеобщности: каждый химический элемент при определенных условиях может быть превращен в другой элемент.

Огромное значение в процессе познания имеет умозаключение. *Умозаключением* называется форма мышления, посредством которой на основе имеющегося, ранее установленного знания выводится новое знание. Например, человек непосредственно не измерял расстояние от Земли до других небесных тел, однако он знает эти расстояния на основе процесса умозаключения. Объективной основой возможности перехода от известного к неизвестному является закономерность в природе и обществе. Закономерная связь явлений носит всеобщий характер, поэтому на основе знания ее можно делать выводы о явлениях, непосредственно не наблюдаемых, но подчиненных действию известных законов. Человек чувственно не воспринимает атомов, но он на основании умозаключений из познанных законов знает, что все атомы имеют электроны, протоны и нейтроны.

Формы умозаключения многообразны: одни дают достоверные заключения, другие — в большей или меньшей степени вероятные. В истории философии были попытки представить какой-либо один тип умозаключения единственно надежным и ценным способом получения новых результатов. Так, эмпирики (Бэкон, Локк и др.) таким способом считали *индукцию*, в которой процесс умозаключения идет от частного к общему, от отдельных фактов к общему выводу. Рационалисты (Декарт и др.), наоборот, преувеличивали роль *дедукции*, или умозаключения от общего к частному, когда общее положение распространяется на отдельные частные случаи. Взгляд тех и других односторонен. Нет такой отрасли науки, в которой умозаключали бы посредством только индукции или только дедукции.

Диалектическая логика показывает связь, единство различных форм умозаключения в процессе познания действительности. Индукция и дедукция взаимно дополняют друг друга. «Вместо того,— пишет Энгельс,— чтобы односторонне превозносить одну из них до небес за счет другой, надо стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если не упускать из виду их связь между собою, их взаимное дополнение друг друга» [1].

В процессе познания человек наблюдает отдельные частные случаи, затем обобщает их, формулирует общее положение. Это — индуктивный процесс. Полученное обобщение он распространяет на новые явления, факты, случаи. Это — дедукция. Например, Менделеев, изучая отдельные химические элементы, нашел связь между атомным весом элементов и их химическими свойствами. Это привело к формулированию периодического закона. Из этого закона он сделал ряд частных выводов (дедукция) для отдельных элементов: предсказал свойства новых, еще не открытых элементов, исправил атомные веса некоторых мало изученных элементов и т. д. Так происходит развитие знаний путем взаимосвязи и взаимодополнения индукции и дедукции.

Дедукция не может обойтись без индукции: чтобы выводить из общего, надо это общее получить. Врожденных знаний человек не имеет. Индукция со своей стороны необходимо предполагает дедукцию. На основе одной индукции нельзя получить достоверного знания. Простое наблюдение повторяемости какого-либо свойства у ряда предметов еще не является доказательством необходимости, закономерности этого свойства для всех предметов данного класса. Полученное в результате индукции обобщение надо проверить, вывести из него следствия, проверить эти следствия на практике. Поэтому только взаимосвязь индукции, дедукции и практики ведет к достоверному знанию.

Наука не сразу приходит к достоверному знанию сущности, закона развития явлений. Путь к достоверному знанию лежит через высказывание *гипотез*, предположений, проверку гипотез на практике. Изучая какие-либо явления, ученый дает им объяснения (высказывает предположения о закономерной связи

[1] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1955, стр. 181.

явлений). Дальнейшее изучение приводит к открытию новых фактов, причем среди них могут встретиться и такие, которые противоречат высказанной гипотезе. Тогда возникает потребность в новом способе объяснения (в новой гипотезе). Так, переходя от одного объяснения к другому, более точному, ученый приходит к открытию закона.

В 1896 г. Беккерель открыл факт радиации у урана и его соединений. Вслед за этим была обнаружена радиация у солей других элементов и выделен новый элемент — радий. Эти факты, непонятные вначале, не могли быть объяснены из рансе известных причин. В связи с этим Резерфорд и Содди высказали гипотезу о том, что атомы всех радиоактивных элементов взрываются, распадаясь на части; радиоактивные лучи — это осколки, образующиеся при таком взрыве. Гипотеза радиоактивного распада послужила началом для новых исследований. Проверка ее привела к открытию новых явлений, среди которых были и такие, которые не укладывались в эту гипотезу. Возникли новые гипотезы, дополняющие и исправляющие гипотезу Резерфорда и Содди, пока, наконец, не была создана *научная теория*, в основе которой лежит положение, что каждый элемент при определенных условиях может быть превращен в другой.

Гипотеза выступает как форма развития научного знания по пути к объективной истине. До определенного периода на положении научной гипотезы были теории Коперника, Дарвина, периодический закон Менделеева. Потом практика подтвердила объективную истинность их, превратила эти гипотезы в достоверные научные теории. Современная естественная наука окружена лесами гипотез.

Недооценка творческой роли гипотезы в познании всегда являлась спутником ограниченного эмпирического подхода к изучению действительности. *Позитивисты*, отрицающие возможность проникновения науки в сущность явлений, считают гипотезу ядом науки, чумой разума. По их мнению, не надо строить гипотезы о закономерностях движения явлений,— наука должна только протокольно регистрировать факты.

В действительности же гипотезы делают исследование предмета целеустремленным и приводят к открытию законов природы и общества. Ломоносов сравнивал гипотезы с порывами, дающими возможность «достигнуть знаний, до каких никогда не доходят умы низменных и пресмыкающихся во прахе». Экспериментируя или наблюдая новые факты, исследователь руководствуется гипотезой. При наблюдении надо знать, куда смотреть, что искать. Гипотеза и указывает это направление. Многие гипотезы не подтвердились фактами, но это не может служить аргументом против применения гипотез в познании. Умершие гипотезы сыграли огромную роль в науке, они проложили путь к истине.

На примере гипотезы хорошо видна связь чувственного и рационального моментов в познании: мы исходим из фактов,

наблюдений и восходим к абстрактному мышлению, обобщаем, строим гипотезу, а для проверки гипотезы снова обращаемся к фактам, к наблюдениям и экспериментам. Когда гипотеза доказана, она превращается в достоверную научную теорию, состоящую из системы связанных между собою, объединенных общим принципом понятий.

Понятие как форма мышления отражает сущность явлений: «Понятие,— пишет Мао Цзэ-дун,— отражает уже не внешние стороны вещей, явлений, не отдельные их стороны, не их внешнюю связь; оно улавливает сущность явления, явление в целом, внутреннюю связь явлений. Между понятием и ощущением существует не только количественное, но и качественное различие» [1]. Так, понятия «число», «электрон», «точка», «фигура», «пролетариат» являются отражением общего и существенного в большой группе явлений. Общее, отраженное в наших понятиях, не выводится из разума, а существует объективно в единичных явлениях, вещах. С помощью понятий охватывается множество различных чувственно воспринимаемых вещей. Поэтому, чтобы выработать понятие, надо исследовать массу единичных явлений, событий, вещей. Образование понятия есть результат длительного процесса познания, подведение некоторого итога его развития.

Процесс образования понятий включает в себя не только сравнение различных восприятий и выделение в предметах общего, сходного признака. Выделение просто общего не приведет к образованию научного понятия. Например, путем сравнения пахоты, ковки железа и ловли рыбы и нахождения в этих процессах такого общего признака, как «применение физического усилия», нельзя образовать научное понятие труда. Этот общий признак не является существенно общим для труда. Животные добывают пищу тоже с помощью физических усилий. Труд — это целесообразная деятельность общественного человека по изменению предметов природы с помощью орудий. Сущность предмета вскрывается путем всестороннего определения его связей и опосредований, выяснения его места и роли в той или иной системе.

Для образования понятия используются самые различные приемы научного исследования: наблюдение, эксперимент, разные формы умозаключения в их единстве, построение и проверка гипотез и т. д. Важное место в этом процессе занимает анализ и синтез.

Анализ, или мысленное расчленение предмета на его составные части с целью обнаружения простейших элементов сложного, необходим во всяком научном исследовании. Анализ дает возможность выделить и понять существенные стороны изучаемого явления. Если мы не будем знать, из каких элементов слагается

[1] *Мао Цзэ-дун*, Избранные произведения, т. 1, ИЛ, 1952, стр. 509.

общество, то мы никогда не поймем и его сущности, не выясним отношение различных элементов в нем. Но изучение предмета не ограничивается анализом. Преувеличение роли анализа, превращение его в единственный способ изучения ведет к метафизическому взгляду на мир, к расчленению предметов на отдельные, изолированные, якобы не связанные друг с другом элементы. Понятия, полученные в результате одного анализа, носят односторонний, неглубокий характер. Научное мышление предполагает единство *анализа* и *синтеза*, посредством которого происходит воссоздание конкретного в мышлении. «...Мышление,— пишет Энгельс,— состоит столько же в разложении предметов сознания на их элементы, сколько в объединении связанных друг с другом элементов в единство. Без анализа нет синтеза»[1].

Единство анализа и синтеза — одно из важнейших требований диалектического метода мышления. *Синтез* дает знание об объекте как едином целом. Но это знание, во-первых, достигается на основе предшествующего анализа, во-вторых, в мысли следует соединять только то, что соединено в действительности, объективно. Порочность синтеза в идеалистической философии состоит в том, что там различные элементы объединяются в мысли независимо от того, как они относятся друг к другу в действительности. Отсюда получается произвольность синтеза.

Научное понятие не включает в свое содержание все частные признаки предмета. Ленин в работе «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» возражал против тех, кто пытался «внести в общее понятие все частные признаки единичных явлений». Вместе с тем понятие не оторвано от богатства индивидуального и особенного. Понятие постигает единичное, частное путем всестороннего и глубокого отражения закономерностей его развития. Если бы понятие стремилось охватить все частные, единичные признаки предмета, оно не ушло бы дальше ощущений и восприятий в познании сущности.

Движение, развитие действительности можно отразить только в развивающихся понятиях. «...Человеческие понятия,— писал Ленин,— не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни» [2].

Многие современные философы-идеалисты признают изменчивость, гибкость понятий, но истолковывают ее софистически. У софистов изменчивость понятий является результатом произвола мыслящего субъекта: движение понятий рассматривается независимо от движения вещей. Но зачем нужно изменять понятия, если при этом не достигается более точного отражения движущейся материи? Изменение понятий — не самоцель, а

---

[1] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1957, стр. 40.
[2] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 237.

средство более глубокого проникновения в сущность развивающихся предметов.

Материалистическая диалектика показывает объективный источник движения понятий, она рассматривает гибкость научных понятий как отражение многосторонности и развития материального мира. Движение понятий происходит на основе разрешения противоречий между новыми обнаруженными фактами и существующим понятием. Первое научное понятие об атоме было создано химией XVIII в., которая установила, что атомы одного и того же химического элемента имеют одни и те же свойства и неделимы. Это понятие сыграло огромную роль в науке. Но последующая научная практика обнаружила такие факты (открытие электрона), которые не укладывались в существовавшее понятие об атоме. Эти факты привели к ломке, изменению понятия атома и ряда других физических понятий.

Процесс развития понятий происходит в двух направлениях: 1) прежние понятия углубляются, уточняются и подымаются на более высокий уровень абстракции; 2) возникают новые понятия. Люди не сразу расстаются с прежними, привычными понятиями. Ломка старых понятий нередко приводит ученых к растерянности и даже к ненаучным взглядам.

Изменение содержания старых понятий и возникновение новых приводит к тому, что между различными понятиями, а также внутри одного и того же понятия намечаются расхождения, противоречия.

При этом надо строго различать противоречия в понятиях, являющиеся отражением объективных противоречий, от противоречий, которые являются следствием путаницы, неспособности того или иного человека последовательно и логично мыслить. Первые ведут к развитию знания, вторые мешают истинному познанию.

Наиболее общие понятия, в которых отражаются важнейшие свойства, закономерности мира, называются *категориями*. Каждая наука имеет свои категории. Например, физика оперирует категориями: масса, энергия, вещество, поле и т. д.; политическая экономия имеет свои категории: товар, стоимость, абстрактный и конкретный труд и др.; диалектика имеет свои категории: качество, количество, сущность, явление, противоречие и т. д. Категории диалектики в отличие от категорий других наук отражают наиболее общие законы и свойства явлений природы, общества и мышления. Поэтому умение правильно применять категории диалектики необходимо для исследования любого предмета.

Категория — понятие чрезвычайно большой общности. Каждая категория охватывает огромный круг явления. Так, например, категория материи охватывает все независимо от сознания существующие предметы и явления. Но из этого отнюдь не следует, что категории являются тощими, бедными содержанием

абстракциями. Научные категории, взятые во взаимной связи друг с другом, дают глубокое и всестороннее отражение важнейших закономерностей развития природы, общества и человеческого мышления.

Будучи известным итогом познания, отражая важнейшие свойства и закономерности внешнего мира, категории являются ступенями в развитии знания. «Перед человеком,— писал Ленин,— *сеть* явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» [1]. Например, категории: движение, причина, следствие, противоречие, качество, сущность, закон и др.— являются узловыми пунктами, помогающими ориентироваться в бесконечно сложной и многообразной сети явлений действительности. В категориях обобщен весь предшествующий опыт познания.

Человек использует знание, содержащееся в категориях, для высказывания новых суждений, умозаключений, понятий. Без категорий, указывает Энгельс, человек не сможет связать два простых факта. Так, суждение «этот дом больше другого» высказывается на основе нашего предшествующего опыта, зафиксированного в категории количества. Категории, на основе которых мы связываем данные чувственного созерцания, сами возникли как обобщение чувственного опыта. Нужно научиться правильно оперировать категориями, использовать их для научного познания мира.

5. Практика как основа познания и критерий истины

Познание возникает на основе и для удовлетворения нужд практической деятельности человека. *Практикой* называется чувственно-материальная деятельность людей, изменяющая предметы, явления, процессы действительности. Практика, лежащая в основе познания,— это такое взаимодействие субъекта (человека) и объекта (материального предмета), непосредственным результатом которого является изменение объекта. Так, с помощью орудий труда человек изменяет почву: разрыхляет, удобряет ее и т. д. В результате этого повышается плодородие почвы. Практика изменяет не только объект, но и субъект. Человек развивается в труде.

Практика состоит из многих сторон. Основу ее составляет производство материальных благ: пищи, одежды, орудий труда и т. п. В практику входят и другие формы общественной деятельности, ведущей к изменению материального мира: классовая борьба, национально-освободительное движение, революция; к

[1] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 67.

общественной практике относится также деятельность в области народного просвещения, здравоохранения, научный эксперимент и т. д.

Процесс познания относится к теоретической деятельности людей. Теория — это научное обобщение практики, отражение действительности в сознании человека. Теория сама по себе не изменяет действительности. Мы можем построить идеальные планы преобразования мира, совершать в мысли революции, но от одного этого мир не изменится. Великая активная роль познания, мышления, теории заключается в том, что они могут указать пути преобразования мира. Однако для претворения идей в жизнь нужна практическая деятельность.

Теоретическая деятельность людей не является самостоятельной, автономной: она возникла и развилась на основе практики. Осознание действительности, ее отражение в мозгу человека необходимо для успешной практической деятельности. Практика служит основой и движущей силой развития теории. Запросы практики, в частности потребности производства, указывают направление развития науки, двигают ее вперед. Энгельс писал: «Если у общества появляется техническая потребность, то она продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов» [1].

Наука, теория возникает из потребностей практики и как ее обобщение. Астрономия была вызвана к жизни потребностями торговли и мореплавания, различные отрасли физики возникли для удовлетворения нужд растущей техники производства. Век пара породил учение о теплоте, переход к электрическим двигателям потребовал детальной разработки теории электричества. На основе практики возникают и развиваются понятия, теории. Человек прежде всего фиксирует внимание на тех предметах и тех сторонах, которые практически полезны и необходимы для его жизни. Практика указывает, какую сторону надо выделить в предмете как главную, существенную. Такое важнейшее понятие биологической науки, как *вид*, возникло на основе практической деятельности в области земледелия и животноводства. Люди фиксировали свое внимание прежде всего на практически полезных для них растениях и животных, объединяя отдельные особи, экземпляры в однородные группы по определенным объективным признакам. В дальнейшем стали группировать растения и животных не только на основании их сходства, но и их родства. Так возникло генетическое понятие о виде.

На основе практики возникают и развиваются общественные науки. Теория научного социализма возникла как обобщение практики рабочего движения и для нужд борьбы рабочего класса против буржуазии, против угнетения.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные письма, 1953, стр. 469.

Отрыв естественных и технических наук от практики производства приводит к замедлению технического прогресса и застою науки. В отрыве от своего живительного источника — практики наука хиреет, начинает заниматься мелкими вопросами или схоластическими рассуждениями. Ослабление связи общественных наук с практикой революционного движения и строительства социализма и коммунизма приводит к догматизму, доктринерству, к извращению науки, марксистско-ленинской теории. Вот почему Коммунистическая партия поставила перед советскими учеными задачу — быть ближе к жизни, к потребностям социалистического производства, к практике строительства коммунизма в СССР.

Познание не ограничивается регистрацией результатов практики. Чтобы освещать путь практике, оно должно предвидеть будущее. Основываясь на практике сегодняшнего дня, познание открывает перспективы для развития производства, культуры и т. д. Если бы теория не давала этого, она потеряла бы свое значение. Гениальность Маркса и Ленина как теоретиков состоит в том, что они видели дальше своих современников, как и куда пойдет развитие общества.

Наука может образовывать понятия и о таких явлениях, которые еще не возникли. Так, научное понятие о коммунистической формации возникло задолго до ее появления. Но это отнюдь не означает, что понятие о коммунизме было беспочвенным, не основанным на практике. Вся практика развития общества, основные тенденции развития капитализма, опыт классовой борьбы пролетариата против буржуазии — все это послужило основой возникновения учения о коммунистическом обществе.

Агностики, отрицающие познаваемость мира, ссылались на отсутствие надежного *критерия истины*. Многие философы критерий истинности познания искали в ясности и отчетливости представлений и понятий, в их общезначимости, в коллективном опыте. Но познание не может быть критерием истинности самого себя. Марксизм показал, что критерий истинности знания надо искать вне познания — в практике. В «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс писал: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью,— вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос» [1].

Посредством практики человек доказывает объективную истинность своих понятий. Правильны ли наши представления о строении атома и об энергии, таящейся в нем? Практика науч-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 3, 1955, стр. 1—2.

иых экспериментов н нспользовання атомной эиергии в различных отраслях наукн н техинкн подтверднла объективную истинность учення физнкн о строенни и свойствах атома.

Марксистское понимание практнкн как крнтерня нстины отличается от прагматического. Прагматнзм отрнцает объективиую истниу и выдвинул положение: истнино то, что полезно, что удобно. Каждый человек любое положение может призиать за нстиниое нлн ложное в завнсимости от того, может ои извлечь из него пользу илн нет. Прагматнст Джемс пнсал: «Наша обязаниость нскать нстину проистекает нз нашей общей обязаиности делать то, что́ окупается» [1]. Прагматнст по соображеииям удобства и пользы прнзнает истнниой ндею о существоваини бога, а объектнвно нстиниое положенне о неизбежиости гибели капнталнзма н победе социалнзма отвергает как ложное, нбо оио ие отвечает иитересам буржуазин [2].

Коиечно, зиание полезно, оно представляет большую силу. В наш век огромного техннческого прогресса никто не сомневается в значеннн знання для жизнн людей. Но оно прнносит действнтельную пользу обществу тогда, когда оно нстнино. Не из пользы знания вытекает его нстинность, а нз истнниостн знания, нз того, что оно верно отражает действительность, вытекает его велнкое практнческое значеине. «Познаине,— пншет Леини,— может быть биологнческн полезным, полезным в практике человека, в сохраиенни жизни, в сохраиеиии вида, лишь тогда, если оно отражает объективную нстиину, независящую от человека. Для материалиста «успех» человеческой практики доказывает соответствие иашнх представленнй с объектнвной природой вещей, которые мы восприиимаем. Для солипсиста «успех» есть все то́, что́ *мне* нужно *на практике*...» [3]

Реакциоиным нмпериалнстическнм кругам, организаторам «холодной войны» для нх ннзмеиных, своекорыстных целей выгодна, полезна ложь об агрессивностн стран социалнзма: эта ложь и клевета помогают нм раздувать воеиную промышлеиность и наживать громадные прнбыли. Но народам, человечеству эта ложь прнносит огромный вред, дезорнентнрует умы, ведет к усиленню налогового гнета, тормознт общественный прогресс.

Практнка как крнтерий нстинностн наших зиаиий стоит выше чувственного созерцання и абстрактного мышлеиия, соедння в себе достоинства и того н другого. Чувственное

---

[1] *В. Джемс*, Прагматизм, СПб., 1910, стр. 141.

[2] Излюбленным прнемом критиков диалектического материализма является смешенне марксизма с прагматнзмом. Некоторые зарубежные философы даже утверждают, что прагматизм был впервые провозглашен К. Марксом в 40-х годах XIX в. Это утверждение абсурдно. В понимании сущностн самой практики, ее ролн в познанни марксизм и прагматизм стоят на диаметрально противоположных позициях.

[3] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 127.

познание обладает достоинством непосредственной действительности, ибо оно отражает предмет таким, каким он является. Но оно само никогда не может вскрыть и доказать необходимость, закономерность наблюдаемых связей. Наблюдая какой-либо единичный случай получения пара из воды, нельзя вывести закон, установить необходимость этого процесса. Мышление своей задачей имеет познание необходимости. «Теоретическое познание,— пишет Ленин,— должно дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях» [1]. И научное, теоретическое мышление, основываясь на данных чувственного созерцания, выполняет эту функцию. Оно познает закономерные связи, но достигает этого путем потери непосредственной связи с действительностью, в результате некоторого отвлечения от нее.

Практика соединяет в себе непосредственную действительность, достоверность с познанием необходимости, ибо, с одной стороны, практика — это чувственная, материальная деятельность людей, а с другой стороны, в ней человек проверяет и реализует свои понятия, теории и т. д. «...Человеческое понятие,— указывает Ленин,— эту объективную истину познания «окончательно» ухватывает, уловляет, овладевает ею лишь когда понятие становится «для себя бытием» в смысле практики» [2]. Например, научный эксперимент всегда возникает как практическое воплощение какого-либо теоретического построения, которое он должен проверить.

Научная теория общества ставит определенные задачи, которые осуществляются практической деятельностью масс. Теория пролетарской социалистической революции, научно разработанная марксизмом-ленинизмом, практически осуществилась в 1917 г. в России, и таким образом ее объективная истинность стала доказанной.

Практическое осуществление идей всегда вносит корректив, поправляет и развивает их. Практика, подтверждая или отвергая одни идеи, служит основой для возникновения других. Так и происходит непрерывно процесс развития знания на основе взаимосвязи теории и практики. Взаимность эксперимента и различных теоретических построений в современном естествознании — яркий пример связи теории и практики.

Экспериментальное изучение явлений имеет огромное преимущество перед простым наблюдением. Коротко это преимущество И. П. Павлов сформулировал следующим образом: «Наблюдение собирает то, что ему предлагает природа, опыт же берет у природы то, что он хочет». Эксперимент дает возмож-

---

[1] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 183.
[2] Там же.

ность исследователю активно вмешиваться в ход изучаемых процессов. К эксперименту обычно прибегают для проверки какой-либо гипотезы, которую он может либо подтвердить, либо опровергнуть. Но и в том и в другом случае он ведет к развитию знания. Если эксперимент подтверждает гипотезу, то она укрепляется, а иногда и обогащается новым содержанием; если эксперимент опровергает ее, то он дает материал для новых теоретических построений, более глубоких, на основе которых делаются новые эксперименты. Например, опыт Майкельсона, опровергший гипотезу об эфире, послужил толчком к возникновению специальной теории относительности.

Критерий практики одновременно и абсолютен и относителен. Этот критерий абсолютен, ибо все, что доказано практикой, является объективной истиной. Относительность критерия практики состоит в том, что на каждом данном историческом этапе своего развития практика не может *полностью* подтвердить или опровергнуть существующие теоретические положения. Во всех отраслях научного знания имеется еще немало недоказанных и неопровергнутых гипотез, окончательный приговор которым вынесет практика будущего. То, что практика нынешнего дня подтвердила частично, то дополняет практика последующего времени. Только практика в ее развитии может быть критерием истинности развивающегося познания. Так, практика сегодняшнего дня еще недостаточна для доказательства космогонических гипотез. Мы не можем сказать, что планеты действительно образовались так, как изображается в какой-либо из наиболее признанных гипотез. Но развитие практики, в частности астрономических наблюдений, в конце концов приведет к решению и этого вопроса. Существование гипотез в науке свидетельствует о том, что в нашем познании еще много недоказанного. При этом доказательство или опровержение практикой одних гипотез ведет к возникновению других.

Непрерывное развитие практики не позволяет нашим знаниям застыть, превратиться в абсолют. Абсолютность практики как критерия истинности дает нам возможность отличать знание, идущее по пути объективной истины, от вымыслов. «Этот критерий,— пишет Ленин о практике,— тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма. Если то́, что подтверждает наша практика, есть единственная, последняя, объективная истина,— то отсюда вытекает признание единственным путем к этой истине пути науки, стоящей на материалистической точке зрения» [1].

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 130.

6. Диалектика абсолютной и относительной истины

Выяснение роли практики в процессе познания и ее особенностей как критерия истины служит теоретической основой глубокого и всестороннего понимания сущности истинного знания. В решении вопроса об истине есть две стороны: 1) существует ли объективная истина? 2) как достигается она: сразу в полном объеме или постепенно? Второй вопрос предполагает выяснение взаимоотношения между абсолютной и относительной истиной.

Человеческое познание абсолютно, суверенно, так как оно способно дать объективную истину, дать правильное отражение предметов. Нет границ для нашего познания, нет вещей непознаваемых, а существуют только вещи, еще не познанные, которые могут быть познаны в ходе развития науки. Строение атома и внутриатомная энергия долгое время были непознанной «вещью в себе», но теперь усилиями ученых и инженеров они превратились в «вещь для нас». Совсем недавно людям ничего не было известно о полупроводниках и их свойствах, теперь же знание свойств этих элементов находит широкое применение в технике.

На каждом этапе своего развития у конкретных людей познание относительно, ограничено (не суверенно). Это противоречие между способностью человека все познать и невозможностью осуществить это отдельными людьми на каком-то ограниченном отрезке времени разрешается только в ходе поступательного движения человеческого общества, в ряде последовательных человеческих поколений, который практически для нас бесконечен.

Истина является процессом. «Совпадение мысли с объектом,— пишет Ленин,— есть *процесс*. Мысль (=человек) не должна представлять себе истину в виде мертвого покоя, в виде простой картины (образа), бледного (тусклого), без стремления, без движения, точно гения, точно число, точно абстрактную мысль» [1].

Задачей познания является достижение объективной истины, т. е. такого знания, содержание которого не зависит ни от человека, ни от человечества. Объективная истина в полной и завершенной форме носит название *абсолютной истины*. Абсолютная истина — это знание, которое не может быть опровергнуто последующим ходом развития науки и практики. Существует ли абсолютная истина? На этот вопрос марксизм без колебаний отвечает утвердительно. «Быть материалистом,— писал Ленин,— значит признавать объективную истину, открываемую нам органами чувств. Признавать объективную, т. е. не зависящую от человека и от человечества истину, значит так или иначе признавать абсолютную истину» [2].

---

[1] *В. И. Ленин*, Философские тетради, 1947, стр. 167.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 120.

Абсолютная истина существует не только как предел, к которому стремится наше познание, но которого в действительности никогда не достигает. Во всех областях научного знания имеются абсолютно верные положения, которые не могут быть опровергнуты дальнейшим ходом развития науки. В каждой объективной истине имеются отдельные моменты, стороны абсолютного. Так, в целом наше знание о физическом строении материи не является завершенным, абсолютным, но в нем имеется много абсолютного (например, положения, что атом делим, что электроны, протоны, нейтроны являются элементами атома, абсолютно верны).

Для материалиста-диалектика недостаточно признать существование абсолютной истины. Необходимо вскрыть путь ее достижения. К абсолютной истине человек приходит не сразу, она складывается из относительных истин.

Относительная истина — это знание, которое в основном верно отражает действительность, но не полно, а в известных пределах, в определенных условиях и отношениях. В дальнейшем развитии науки это знание уточняется, дополняется, углубляется, конкретизируется.

Положения науки отражают объект в определенных условиях, которые меняются. Поэтому какое-либо суждение является истинным, поскольку оно точно отражает объект в этих условиях. В других условиях истинным становится другое суждение. Например, суждение «вода кипит при 100° по Цельсию» — истинно, но при условии, что речь идет об обычной воде (H_2O) и при нормальном давлении. Это положение не будет истинным, если взять тяжелую воду или изменить давление. В процессе развития научного знания постоянно происходит процесс уточнения суждений, учет все новых и новых условий их истинности. Так наука приходит к полному, всестороннему, абсолютному знанию. «Человеческое мышление,— писал В. И. Ленин,— по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания» [1]. Относительная истина включает приблизительное, неполное отражение действительности. Например, наше знание о происхождении планет солнечной системы является относительной истиной, поскольку в нем много приблизительного, непроверенного, и в этой области соперничают разные гипотезы.

Абсолютная и относительная истины — два момента объективной истины. Они различаются не по источнику, а по степени

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 122.

точности, адекватности и полноте отражения действительности. Абсолютная истина складывается из относительных, каждая ступень в развитии науки прибавляет зерно в абсолютную истину.

Например, положение физики о том, что в составе атома существует электрон как частица, обладающая отрицательным зарядом, является абсолютной истиной. Это положение твердо установлено экспериментально, но для этого потребовались многолетние усилия ученых, высказывавших смелые гипотезы о существовании электрона.

В. Вебер в конце 60-х и начале 70-х годов XIX в. выдвинул теорию электрических явлений в металлах, в основе которой лежит мысль о положительных и отрицательных электрических частицах. Несколько позже аналогичные взгляды высказывал Дж. Стоней, изучая явления электролиза. Гельмгольц в 1881 г. высказал предположение о прерывности электричества (электричество положительное и отрицательное разделяется на элементарные порции, которые ведут себя как атомы электричества). В 90-х годах наука подвергла изучению катодные лучи. Крукс и другие высказали гипотезу, что катодные лучи являются потоком отрицательно заряженных материальных частиц, движущихся с огромной скоростью. В 1895 г. Перрен экспериментально доказал правильность этой гипотезы. Все эти гипотезы и эксперименты служили подступами к доказательству существования электрона и внесли свой вклад в тот перелом в физике, который произошел в связи с открытием делимости атома.

Метафизики объявляют знание либо только абсолютным, либо только относительным. Признание одной абсолютной истины есть догматизм. Догматик относительное знание не считает истиной. Но нет и не может быть такой науки, которая состояла бы из одних «вечных, абсолютных истин в последней инстанции». Догматизм в науке приводит к застою, к отрыву от жизни, от действительности. Предположение о достижении абсолютных истин о всех явлениях действительности привело бы, во-первых, к выводу о прекращении развития действительности и, во-вторых, к прекращению развития человеческого познания. Подобный догматический подход к познанию привел бы к умственному застою. Что было бы, если бы физика ограничилась теми абсолютными истинами, которыми она располагала к концу XIX в.? Мы не знали бы ничего определенного о ядре атома, о возможности использовать его энергию и т. д.

Догматик не замечает новых явлений в жизни, не изучает их, не обогащает теорию новыми обобщениями. Придерживаясь старых, отживших концепций, которые не соответствуют новому положению вещей, догматик вступает в противоречие с жизнью, сладко почивая на достигнутом. Коммунистическая партия Советского Союза постоянно вела и ведет борьбу против догматизма, имеющего место как вне партии, так и у некоторых ее членов. Коммунист-догматик, какие бы он ни имел в прошлом заслуги, не является подлинным революционером. Служение делу социалистической революции и коммунизму несовместимо с догматизмом в теории и практике.

Метафизики, которые признают только относительную истину называются *релятивистами*. Факт изменчивости наших знаний, перевороты в науке и ломку старых понятий они истол-

ковывают как доказательство субъективности истины. Раз наше знание относительно, рассуждают релятивисты, значит, в нем нет ничего объективно верного, абсолютного. Абсолютное и относительное исключают друг друга. Всякая научная теория относительна, одна теория заменяется другой, поэтому теории науки якобы имеют только инструментальное (подсобное) значение — стимулируют дальнейшие изыскания, но не могут претендовать на объективную истинность. Релятивизм господствует в современной буржуазной философии.

Одной из распространенных форм релятивизма является *конвенционализм*, который рассматривает положения науки как конвенции, соглашения, условные положения. «Если теперь,— пишет один из основоположников конвенционализма *Анри Пуанкаре*,— мы обратимся к вопросу: является ли Евклидова Геометрия истинной? то найдем, что он не имеет смысла. Это было бы все равно, что спрашивать, правильна ли метрическая система в сравнении со старинными мерами? или: вернее ли Декартовы координаты, чем полярные? Одна Геометрия не может быть более истинна, чем другая; она может быть только *более удобна*» [1].

Аналогия между аксиомами геометрии и системой мер, которую проводит А. Пуанкаре, несостоятельна. Действительно, расстояние можно измерять и в метрах и в аршинах. То, что за единицу измерения взят метр, а не другой эталон, носит условный характер и является результатом соглашения. Но аксиомы геометрии не условны, они отражают реальные отношения, существующие в природе. Аксиомы евклидовой геометрии отражают отношения, где кривизна пространства равняется нулю. В условиях, где кривизна пространства положительна или отрицательна, они не точны. Если в этих условиях мы пользуемся ими, то пренебрегаем кривизной пространства и получаем приблизительные результаты. Неевклидова геометрия глубже и полнее отражает действительность, чем евклидова, аксиомы и теоремы которой являются частным случаем аксиом и теорем неевклидовой геометрии. Истины науки не субъективны, не произвольны, не условны, а объективны, они не результат соглашения людей, а отражение объективной действительности.

Релятивист, отрицая объективность знания, ссылается на то, что противопоставление истины и заблуждения относительно. Ведь нередко в науке бывает, что положение, считавшееся истиной, оказывается неверным и, наоборот, что считалось заблуждением, имеет истинную сторону [2]. Но эти факты не

---

[1] *А. Пуанкаре*, Наука и гипотеза, М., 1904, стр. 61.

[2] Современные буржуазные философы-неопозитивисты вообще отрицают возможность достижения неопровержимого, достоверного знания. Так, доктор философии профессор Лондонского университета К. Поппер пишет: «Неопровержимая никаким мыслимым событием теория является ненаучной. Неопровержимость — это не достоинство (как часто полагают) научной тео-

отрицают существования объективной истины, а лишь свидетельствуют о том, что развитие научного знания идет по пути к ней. Путь этот очень труден, он включает и возможность ошибок, но общая линия развития познания одна: на основе практики — к полному и всестороннему отражению сущности явлений, к абсолютной истине.

В первой половине XIX в. Проут выдвинул гипотезу, согласно которой все элементы состоят из атомов водорода, причем количество атомов водорода соответствует атомным весам элементов. Основой для этой гипотезы послужило то, что атомные веса, измеренные Дальтоном, выражались целыми числами. Дальнейшее развитие практики в области химии привело к выводу, что атомные веса многих элементов не являются целыми числами, и гипотеза Проута была оставлена. Но потом ученые убедились в ограниченности этой практики. После открытия изотопов элементов, вскрывшего причину того, что атомный вес многих элементов не является целым числом, гипотеза Проута возродилась, хотя и с существенным видоизменением, обобщившим новую практику. Так сложным путем, с некоторыми зигзагами наука подходит к объективно верному и глубокому знанию природы и общества.

Материалистическая диалектика включает в себя момент релятивизма (признает относительность наших знаний о внешнем мире), но не сводится к нему. Релятивист считает, что относительное знание только относительно. В действительности же оно обязательно включает в себя момент абсолютного. Когда происходит смена теорий в науке, то новая теория не просто отбрасывает старую, а преодолевает ограниченность ее, включая в себя все объективно верное, что было в прежних теориях. Как правильно заметил русский физик Н. А. Умов: «Научные системы падают; но, разрушаясь, они не исчезают бесследно: на их обломках строятся теории более совершенные и долговечные» [1]. И старая и новая физика являются копиями действительности, но одна — приблизительная, схематичная, другая — более точная и глубокая.

Преемственность в развитии теории в различных отраслях науки выступает по-разному. В физике и математике старая теория может быть частным случаем новой, более точной и обширной, подобно тому как евклидова геометрия есть частный случай неевклидовой. Новая физика не отбросила положительные результаты классических теорий, а лишила их абсолютности, указала границы их применимости. Результаты классической физики широко применяются и сейчас при конструировании пароходов, самолетов, строительстве зданий и т. д., но они не-

---

рин, а ее порок» («British Philosophy in the Mid-Century», London, 1957, p. 159). Если последовательно проводить мысли Поппера, то нужно сделать вывод, что ученые должны строить такие теории, которые скорее и легче опровергаются. В таком случае любого дилетанта и даже невежественного человека можно признать в высшей степени ученым, ибо он может построить теорию, которая быстро опровергается. Вот к какому абсурду ведет современный релятивизм.

[1] *Н. А. Умов*, Собрание сочинений, т. III, М., 1916, стр. 61.

применимы в строительстве циклотронов, синхротронов, при расчетах атомных процессов. Физика Ньютона является частным случаем современных физических теорий.

В других науках, в частности в общественных, преемственность выражается в том, что при разработке новой теории учитываются все объективно верные положения, которые выдвигались прежними учеными, развивается дальше то, что только намечалось у предшественников. Так, марксистская политическая экономия взяла все объективно верное, что было у таких мыслителей, как А. Смит и Д. Рикардо, она развила основу их теории трудовой стоимости в целостную и последовательно научную теорию и выяснила источник прибавочной стоимости.

Понимание диалектики *абсолютного* и *относительного* в познании необходимо для правильного подхода к достижениям науки прошлого. Развитие познания — поступательное движение его от относительной истины к абсолютной. Достижения науки прошлого подготовили современный уровень ее. Например, без химии Ломоносова и Дальтона не было бы химии Менделеева. В науке прошлого были и абсолютные и относительные истины; первые вошли в арсенал современной науки, вторые послужили путем к достижению более точного и глубокого знания.

Истина как процесс является конкретно-исторической. Марксизм исходит из того, что абстрактной истины нет, *истина всегда конкретна*. Это означает, что положения науки отражают предмет или какую-либо сторону, свойство его в определенных условиях места и времени.

В. И. Ленин писал: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории» [1].

Забвение принципа конкретности истины, распространение научного положения на такие объекты, к которым оно не применимо (которые оно не отражает), приводит к грубейшим ошибкам. Например, некоторые зарубежные физики выводы из теории относительности, действительные для какого-то определенного участка вселенной, перенесли на всю вселенную и стали говорить о радиусе всей вселенной, о количестве протонов в ней, о расширении и сужении вселенной. Подобные взгляды противоречат данным науки о бесконечности вселенной и играют на руку поповщине, пытающейся цепляться за все те высказывания деятелей науки, где они допускают отход от науки и от последовательно научного диалектико-материалистического мировоззрения.

Конечно, наука может переносить положения, установленные на одних объектах, на другие объекты. Например, успехи

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 35, стр. 200.

физики атомного ядра дали возможность астрономам понять сущность и характер солнечной энергии. Но, перенося знания, полученные при изучении одного объекта, на другой, ученый должен доказать правильность этого переноса. Первоначально только в качестве гипотезы можно распространить какое-либо научное положение на еще не изученные объекты, чтобы затем исследовать и доказать применимость этого положения.

Принцип марксистской теории познания о конкретности истины имеет особо важное значение для общественных наук, объект изучения которых изменяется очень быстро. Вследствие этого то или иное теоретическое положение, выработанное применительно к одним условиям и являвшееся истинным, перестает быть таковым при изменившихся условиях и обстоятельствах. Это относится, например, и к марксистскому положению о неизбежности войн в эпоху империализма. Положение это было правильным, пока империализм был безраздельно господствующей экономической системой, и даже для периода, когда социализм одержал победу лишь в одной стране. Теперь, когда социализм стал мировой системой и когда соотношение сил в мире изменилось в пользу сил мира и социализма, положение о неизбежности войн в современную эпоху перестало быть правильным, хотя империализм еще господствует на значительной части земного шара. Пока существует империализм, остается и возможность и опасность империалистических войн. Но войны перестали быть фатально неизбежными, потому что силы, борющиеся за мир, если они активны и организованны, в состоянии предотвратить войну.

Развитие познания, процесс достижения конкретной истины предполагает постоянное взаимодействие теории и практики. Как справедливо отмечает Мао Цзэ-дун в работе «Относительно практики», необходимо «через практику открывать истины и через практику же подтверждать истины и развивать истины. От чувственного познания активно переходить к рациональному познанию и, далее, от рационального познания к активному руководству революционной практикой, к преобразованию субъективного и объективного мира. Практика — познание, вновь практика — и вновь познание,— эта форма в своем циклическом повторении бесконечна, причем содержание циклов практики и познания с каждым разом поднимается на более высокую ступень» [1].

Применение диалектики к области познания и включение практики в теорию познания дали возможность марксистской философии глубоко, научно осветить развитие познания и показать несостоятельность метафизических концепций позна-

---

[1] *Мао Цзэ-дун*, Избранные произведения, т. 1, ИЛ, 1952, стр. 528.

ния, ведущих к идеализму. Развитие наук, в частности естествознания, подтверждает правильность теории познания диалектического материализма.

Каждое новое великое открытие в науке дает новое подтверждение истинности марксистско-ленинской теории познания, учения о безграничности научного познания.

Новым величайшим триумфом передовой науки в XX в. явился запуск в Советском Союзе первых искусственных спутников Земли, а также запуск космических ракет, из которых первая стала искусственной планетой и вращается вокруг Солнца между Землей и Марсом, вторая с вымпелом Советского Союза достигла Луны, а третья с автоматической межпланетной станцией обогнула Луну. Эти достижения, открывающие путь к проникновению человека в космическое пространство, путь к межпланетным путешествиям, выходят далеко за рамки тех специальных отраслей знания, деятели которых приняли участие в создании космических ракет. Проникновение ракет в космическое пространство имеет и большое мировоззренческое значение. Запуск искусственных спутников Земли и ракет в сторону Луны — это новый мощный удар по мракобесию, по религиозному и идеалистическому мировоззрению.

Идеалисты, проповедуя агностицизм, подобно религии, всегда принижали и принижают силу человеческого разума, его познавательных способностей. Усмири свою гордыню, неуемный человек, не стремись узнать то, что тебе знать не должно. Лишь божественный, сверхъестественный разум вездесущ и всемогущ, а человеческий разум ограничен и ничтожен. Так учит поповщина. Ей вторит агностицизм со своим растлевающим скептицизмом.

А наука в опровержение этих предрассудков в течение XX в. одним открытием за другим раздвигает все дальше и дальше исторически условные границы познания, все глубже и глубже проникает в тайны природы, постигая законы движения и микрочастиц и макротел вселенной. Запуск искусственных спутников Земли и космических ракет в сторону Луны как бы завершает целую полосу предшествующих научных открытий и знаменует новую эпоху в изучении космоса.

Перед лицом этих величайших открытий в науке идеализму и религии все трудней удерживать свои позиции. Передовая наука и человеческий разум, освобожденные от оков идеализма, мистики, побеждают. Диалектико-материалистическая теория познания, подтверждаемая всем ходом развития науки, освещает дальнейший путь поступательному движению науки.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

ГЛАВА XI

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ КАК НАУКА О ЗАКОНАХ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

В предыдущих главах освещены основные проблемы диалектического материализма, т. е. коренные вопросы марксистского философского мировоззрения и диалектико-материалистическая теория познания. Теперь нам предстоит рассмотреть основные проблемы исторического материализма — науки о наиболее общих законах развития человеческого общества, составляющей неотъемлемую часть мировоззрения марксизма.

1. Предмет исторического материализма

Человеческое общество представляет собой часть окружающего нас единого материального мира. Поэтому законы и категории диалектического материализма имеют силу и в применении к обществу. Но человеческое общество представляет собой специфическую, качественно отличную от природы область материального мира. В силу этого законы и категории диалектического материализма выступают здесь в особой, только обществу присущей форме.

Чтобы правильно понять развитие общества, недостаточно знать эти общие законы, как они действуют в природе. Надо еще установить специфическую, именно социальную форму проявления этих общих законов диалектического материализма. Опираясь на эти законы, необходимо также раскрыть и понять особые, только обществу присущие закономерности и движущие силы развития.

Одна из важнейших особенностей развития общества в отличие от природы состоит в том, что в истории общества действуют люди, обладающие сознанием, волей, ставящие перед собой цели, тогда как в природе выступают лишь слепые, бессознательные силы. В природе явления, процессы — результат действия причин, где не участвует воля, разум, сознание. В обществе явления, процессы возникают, складываются в результате действия людей. История природы делается сама собой. История общества

делается людьми. Это обстоятельство в прошлом, до создания подлинной науки об обществе Марксом и Энгельсом, было камнем преткновения для ученых и остается камнем преткновения для современных буржуазных социологов, историков, экономистов. Буржуазная философская и социологическая мысль поэтому выработала даже подразделение наук на «каузальные» — познающие причинность (науки о природе) и «телеологические» — раскрывающие цели (науки общественные).

Все это свидетельствует о том, что человеческое общество представляет собой не только специфическую, но и одну из наиболее сложных областей действительности. Атом, который в прошлом считали простым, элементарным, оказался на деле очень сложным, представляющим собой целый микромир. Но еще более сложной областью материального мира является человек и человеческое общество. Как ни сложны явления природы, но человек, общество раскрывают силы, законы и тайны природы и все больше господствуют над ними, подчиняют их своей власти, заставляют служить своим целям. Возникающие в обществе силы, процессы, отношения, законы в течение веков и тысячелетий господствовали и еще господствуют в капиталистическом мире над людьми. Какова природа этих сил, общественных отношений, законов? Для буржуазной социологии и историографии это и по сей день является тайной.

Задача общественной науки состояла в том, чтобы снять это таинственное покрывало с явлений, процессов, законов общественной жизни, раскрыть и показать их сущность. Это, как увидим ниже, возможно было осуществить только на основе применения к анализу явлений общественной жизни философского материализма и материалистической диалектики, в результате применения к изучению общества диалектического материализма.

Подобно тому как природу, ее многообразные явления и процессы изучают многочисленные специальные отрасли знания, так и человеческое общество, общественные явления изучают многочисленные общественные науки. Например, политическая экономия изучает законы общественно-производственных, экономических отношений между людьми; юридические науки изучают законы возникновения и развития форм государства и права; языкознание изучает язык как специфическое общественное явление, законы его возникновения и развития, его роль в общественной жизни; эстетика изучает искусство, законы его развития, отношение искусства к действительности, его общественную роль и т. д. Каждая из перечисленных отраслей знания изучает тот или иной вид, ту или иную сторону общественных отношений, процессов, явлений. Кроме того, есть наука история, которая всесторонне изучает историю того или иного народа или (всемирная история) историю всего человечества от первобытных времен до наших дней с учетом того, как именно исторические явления происходят в конкретных условиях определенных стран.

Какое же место среди многочисленных социальных наук занимает исторический материализм?

Исторический материализм в отличие от специальных общественных наук изучает не отдельные стороны общественной жизни, не тот или иной вид общественных отношений или явлений (экономических, политических, юридических, идеологических), а общество, его развитие, общественную жизнь в целом, во всей совокупности, внутренней связи и взаимодействии его сторон, отношений, процессов. В отличие от специальных общественных наук исторический материализм изучает не частные и особые законы, которым подчинено развитие экономических, политических или идеологических процессов, а наиболее общие законы общественного развития.

Исторический материализм в отличие от истории изучает не то, чем отличается история жизни одного народа от другого, а прежде всего и главным образом то, что есть общего в жизни, в истории, в развитии всех народов. История как наука, конечно, тоже должна изучать и учитывать не только отличие, специфику, но и то общее, что имеет история данного народа с историей других народов. Если это подлинно научная, марксистская история, то она должна показать прежде всего труд народа, экономическую жизнь страны, историю развития ее производительных сил и производственных отношений, историю политического строя, борьбу классов и национально-освободительную борьбу, историю духовной культуры, идеологическую борьбу как отражение классовой борьбы. Но все это в исторической науке должно быть показано в живой исторической конкретности, в хронологической последовательности, с учетом исторических случайностей. Иначе это будет не история, а абстрактная социологическая схема. Если бы история видела свою главную задачу не в изучении живой, конкретной истории определенных народов, а в установлении общих закономерностей, она перестала бы выполнять свою главную задачу.

Исторический материализм в отличие от истории — это абстрактно-теоретическая, методологическая, философская наука. Если историю сравнить с арифметикой, то исторический материализм больше похож на алгебру. Предмет исторического материализма — человеческое общество; не тот или иной народ, не та или иная страна, а именно общество.

Что же представляет собой человеческое общество как предмет исторического материализма? При научном исследовании общественной жизни ответ на этот вопрос может быть дан лишь после того, как изучены основные социальные отношения, процессы, из которых складывается история общества. В учебном пособии этот вопрос естественно возникает вначале, при определении предмета науки.

Идеалисты рассматривают общество как некую духовную целостность или как сумму составляющих его индивидов; вульгар-

ные материалисты определяют общество как совокупность людей, вещей и идей. Марксисты рассматривают человеческое общество как своеобразный социальный организм, в основе которого лежат материальные производственные связи, экономические отношения между людьми. Общество создается деятельностью людей, вместе с тем человек сам является продуктом истории, продуктом общественных отношений; он мог выделиться из мира животных и стать человеком лишь в общении с себе подобными. Качественная грань, отличающая человеческое общество от биологических сообществ (например, от стада животных), состоит в труде, в общественном производстве. Труд, производство, как целесообразная деятельность, направленная на использование и подчинение природы и ее сил, есть то главное, что отличает человека от животных. Поэтому и особенность общественной связи, соединяющей людей в общество, заключается в том, что это прежде всего производственная связь. Связи и отношения, складывающиеся в процессе производства, лежат в основе всех социальных отношений, в том числе идеологических, а в классовом обществе и политических отношений между людьми. Поэтому Маркс писал:

«*Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что* называют *общественными отношениями, обществом*, и притом образуют общество, находящееся на *определенной ступени исторического развития*, общество с своеобразным отличительным характером. Античное общество, феодальное общество, буржуазное общество представляют собой такие совокупности производственных отношений, из которых каждая вместе с тем знаменует собой особую ступень в историческом развитии человечества»[1].

Таким образом, основу общества и общественной жизни составляют экономические, производственные отношения людей. Только зная характер экономических, производственных отношений, возможно понять характер социальной, политической и духовной жизни данного общества.

Особенность марксистского понимания общества в отличие от метафизического его понимания состоит и в том, что марксизм отвергает абстрактный, антиисторический подход к обществу,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 6, 1957, стр. 442.

Перечисляя общественно-экономические формации, Маркс не указал на доклассовое, первобытное общество, предшествовавшее античному (рабовладельческому) обществу и о котором в то время (в 1849 г.) еще не было научных данных, и на социалистическое общество, которого тогда еще не было. В эпоху, когда жил Маркс, в недрах капитализма лишь создавались материальные предпосылки новой, коммунистической общественно-экономической формации, которая по гениальному предвидению Маркса должна была неизбежно прийти на смену последней общественно-экономической формации, основанной на антагонизме классов,— формации капиталистической. Теперь социалистическое общество, представляющее собой первую фазу коммунистической общественно-экономической формации, уже существует.

взятому вне времени, вне той или иной определенной ступени развития, на которой оно находится. Марксистское определение общества включает в себя единство общего и особенного.

Краеугольным камнем марксистской общественной науки является выдвинутое Марксом понятие *общественно-экономической формации.*

Под общественно-экономической формацией марксизм разумеет общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, определенный тип общественного строя с присущим ему способом производства, с определенными производственными отношениями и возвышающейся над ними надстройкой в виде исторически определенных идей и учреждений.

Отвергая абстрактный, метафизический взгляд на общество с его якобы вечными и неизменными законами, исторический материализм установил, что каждая общественно-экономическая формация имеет свои специфические законы возникновения, развития и перехода к другой, высшей формации. Конечно, как увидим ниже, исторический материализм не только не отвергает, а подчеркивает существование общих законов, которые отражают то общее, что присуще всем общественно-экономическим формациям. Но эти общие законы в каждой общественно-экономической формации проявляются по-особому, специфически.

Открыв специфический характер законов развития каждой общественно-экономической формации, исторический материализм тем самым опроверг вздорную, антинаучную идею буржуазных социологов и экономистов, считающих капитализм, его общественные отношения и законы внеисторическими, вечными, незыблемыми, непреходящими. В действительности капитализм и его законы движения, развития столь же историчны, как и законы рабовладельческого или феодального общества.

Противники пытались критиковать марксистское учение об обществе и об общественно-экономических формациях за то, что оно якобы учитывает лишь экономику и игнорирует тот факт, что в обществе есть государственные, правовые отношения, наука, философия, искусство, мораль, религия, семья, быт. Но исторический материализм отнюдь не игнорирует эти общественные отношения и явления. Приведенное выше определение общества, данное Марксом, вскрывает сущность и основу человеческого общества, тот базис, над которым возвышаются политические и идеологические явления как надстройка; последние, разумеется, также включаются в определение общества. Ленин отмечал, что Маркс, объясняя строение и развитие той или иной общественно-экономической формации, не ограничивался изучением производственных отношений, а «прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекал скелет плотью и кровью»[1]. Образец всестороннего исследования общественно-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., изд. 4, т. 1, стр. 124.

экономической формации Маркс дал в «Капитале». В этом экономическом произведении, посвященном анализу законов возникновения, развития и гибели капиталистического способа производства, Маркс показал «капиталистическую общественную формацию как живую» — с ее бытовыми сторонами, с социальным проявлением присущего капиталистическим производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями, с буржуазными семейными отношениями и т. д.

Коренной порок всей домарксистской и современной буржуазной социологии состоит в том, что она не могла открыть именно эту материальную, экономическую сущность и определяющую основу общества. Не желая и не умея понять эту основу развития общества, буржуазная социология тем самым закрывает себе путь к познанию законов и коренных движущих сил развития общества, а также определяющей основы всех политических и духовных явлений.

Исторический материализм рассматривает человеческое общество, общественно-экономическую формацию как живой, находящийся в постоянном развитии организм, включающий в себя и экономические, и политические, и духовные отношения, взятые в их внутренней взаимосвязи. Исторический материализм, открыв в способе производства материальных благ основу общественной жизни, впервые в истории указал путь к познанию истории общества как строго закономерного процесса, взятого во всей его многосторонности и противоречивости.

Подобно тому как диалектический материализм является философским мировоззрением и в то же время методом, теорией познания для всех наук, так исторический материализм является научной теорией развития общества и вместе с тем методом исследования для всех конкретных общественных наук — методом, являющимся конкретизацией диалектического метода в применении к общественной жизни, к развитию общества. Определяя исторический материализм как научную теорию (иногда Ленин называл исторический материализм единственно научной социологией), мы вместе с тем подчеркиваем значение исторического материализма как метода изучения явлений, процессов и как метода революционного действия рабочего класса и его марксистской партии. Не владея методом исторического материализма, экономист, историк, правовед, искусствовед не в состоянии разобраться в сложном многообразии явлений общественной жизни, в исторических событиях. Только исторический материализм дает представителям всех общественных наук и политическим деятелям рабочего класса руководящую нить исследования и понимания исторических явлений и процессов, законов их изменения, развития.

В каком отношении друг к другу находятся в историческом материализме теория и метод? Это две неразрывно связанные друг с другом стороны исторического материализма. Исторический материализм дает определенное, именно диалектико-материалистическое, решение основного вопроса общественной науки — вопроса об отношении общественного бытия и общественного сознания, дает знание наиболее общих законов развития человеческого общества и потому является научной теорией, наукой. Вместе с тем исторический материализм именно потому, что он дает знание *общих* законов развития общества, является научным методом изучения всех общественных явлений.

Маркс, Энгельс и Ленин указывали, что главное, решающее, что требуется от сторонника исторического материализма,— это не словесное признание, а его правильное применение к анализу действительности. Выступая против наметившегося в 90-е годы XIX в. извращения исторического материализма, Ф. Энгельс писал:

«Вообще, для многих молодых писателей в Германии слово «материалистический» служит просто в качестве фразы, которую они применяют к разным вещам, не давая себе труда заняться дальнейшим изучением, т. е. приклеивают этот ярлычок и считают, что этим все исчерпывается. Но наше понимание истории есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства. Всю историю надо начать изучать заново. Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частно-правовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения. В этом отношении сделано до сих пор очень мало, потому что очень немного людей серьезно этим занималось. В этом отношении нам нужна большая помощь, область бесконечно велика, и тот, кто хочет работать серьезно, может многое создать и отличиться» [1].

Исторический материализм — это не схема и не догма, не сводка абстрактных положений, принципов, которые следует лишь зазубрить. Нет, исторический материализм, как

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 421.

К чести историков-марксистов следует сказать, что они провели огромную работу по изучению всеобщей истории, истории СССР, истории искусства, истории философии. Здесь прежде всего следует указать на труды советских историков по изучению истории крестьянства, истории Киевской Руси, на исследования советских медиевистов, а также на обширное исследование по всемирной истории; первые книги десятитомного труда «Всемирная история» уже вышли и заслуживают высокой оценки как результат плодотворного применения марксистского метода исследования. За пределами СССР — в Китае, в Италии, во Франции, в Англии, в ГДР и других странах — марксистами проводятся большие исторические исследования, дающие серьезные научные результаты.

и марксизм-ленинизм в целом,— это вечно живая, творчески развивающаяся теория и вместе с тем научный метод, указывающий правильный путь и способ исследования, изучения общественной жизни, и руководство к действию.

Коммунистическая партия дает образцы творческого, конкретного применения исторического материализма к анализу явлений современности. Доклад товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС является одним из ярких примеров творческого применения метода исторического материализма при анализе закономерностей перехода от социализма к коммунизму, блестящим образцом умения использовать объективные законы для строительства коммунизма. С развитием общественной практики исторический материализм обогащается, творчески развивается дальше. В этом его действенная сила и значение.

Исторический материализм является неотъемлемой частью марксистской философии. В результате распространения философского материализма и материалистической диалектики на познание общества была преодолена односторонность, ограниченность старого, домарксистского материализма, и философский материализм приобрел действенность, революционность. Марксистско-ленинское учение о неизбежной гибели капитализма и о победе коммунизма опирается на объективные законы развития общества, которые изучает исторический материализм. Поэтому исторический материализм представляет собой научно-историческую основу коммунизма. Чтобы быть сознательным и активным участником великой исторической борьбы за дальнейший прогресс общества, за победу коммунизма, надо знать причины и движущие силы исторических событий, знать законы общественного развития.

Исторический материализм дает знание наиболее общих законов развития общества и тем самым указывает путь, способ познания общественных явлений, дает возможность правильно ориентироваться в происходящих событиях, понять их смысл, ясно видеть направление общественного развития, исторические перспективы и намечать правильные действия передового класса и его союзников.

2. Возникновение исторического материализма — революция в общественной науке

Как указано в III главе, возникновение исторического материализма как науки о законах развития общества и как метода изучения явлений общественной жизни было закономерным результатом развития общества и развития научной и философской мысли. Если раньше внутренняя связь между социальными процессами, между причинами, вызывающими исторические события, и самими этими событиями была запутана, завуалирована

и поэтому трудно было ее обнаружить, то с развитием капитализма эта связь все более и более упрощалась.

«Со времени введения крупной промышленности, т. е. по крайней мере со времени европейского мира 1815 г., в Англии ни для кого уже не было тайной, что центром тяжести всей политической борьбы в этой стране являлись стремления к господству двух классов: землевладельческой аристократии (landed aristocracy), с одной стороны, и буржуазии (middle class) — с другой. Во Франции тот же самый факт дошел до сознания вместе с возвратом туда Бурбонов. Историки периода реставрации, от Тьерри до Гизо, Минье и Тьера, постоянно указывают на него как на ключ к пониманию французской истории, начиная со средних веков. А с 1830 г. в обеих этих странах рабочий класс, пролетариат, признан был третьим борцом за господство. Отношения так упростились, что только люди, умышленно закрывавшие глаза, могли не видеть, что в борьбе этих трех больших классов и в столкновениях их интересов заключается движущая сила всей новейшей истории» [1].

Ускорение хода истории, быстрая смена событий, начиная с английской и особенно с французской буржуазной революции 1789—1794 гг., обострение классовых противоречий и столкновений, выход рабочего класса на историческую арену — таковы социальные предпосылки, сделавшие возможным создание науки о законах и движущих силах развития общества.

Когда история двигалась медленно, например в средние века, трудно было установить существование социального прогресса, поступательного развития общества, смену одних общественных форм другими. Тогда многим казалось, что все «так было и так будет». В лучшем случае наиболее выдающиеся социологи доходили до теории «круговорота», вечного повторения периодов молодости, зрелости и старости в истории народов и государств. К этой мысли, например, пришел в начале XVIII в. итальянец Вико [2].

Бурные события конца XVIII и начала XIX в. показали, что человеческое общество — не застывший кристалл, а изменяющееся и развивающееся явление. Несмотря на отдельные зигзаги в истории, в целом общественное развитие шло и идет по восходящей линии.

До великой французской буржуазной революции ученым казалось, что мнения людей правят миром, что воля королей, завоевателей и законодателей определяет ход и направление истории. Но падение Бурбонов, кратковременное торжество партии

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 373—374.

[2] Только в конце XVIII и в начале XIX в. стали выдвигаться идеи общественного прогресса (в трудах Тюрго, Кондорсе, Сен-Симона), но эти идеи еще не были характерными для всей передовой общественной мысли.

Мирабо, победа якобинцев во главе с Робеспьером и их низвержение, установление господства директории, а затем Наполеона, падение Наполеона и реставрация Бурбонов — вся эта быстрая смена исторических деятелей и событий свидетельствовала о том, что в общественной жизни господствуют более могущественные силы, чем воля королей и законодателей, Мирабо, Робеспьера или Наполеона.

К такому выводу пришел уже Гегель, но он, будучи идеалистом, пытался найти движущую силу истории не в самом обществе, а в «мировом разуме», который он объявил главной движущей силой в истории, носителем скрытой от людей исторической необходимости. Великих людей и народы Гегель считал лишь выразителями воли «мирового духа». Несмотря на мистику и идеализм, высказанная Гегелем идея об исторической необходимости и его попытка применить диалектический метод ко всей предшествовавшей истории были шагом вперед в развитии философской мысли и стали одной из предпосылок возникновения исторического материализма.

Важной идейной предпосылкой возникновения исторического материализма явились учение английской классической политической экономии о труде как субстанции стоимости и попытка найти в экономике основу существования классов. Правда, эту основу английские экономисты видели не в области производства, а в области распределения. В прибыли, земельной ренте и заработной плате — в этих трех источниках дохода — они видели основу существования трех больших классов капиталистического общества. Но и это было все же шагом вперед по сравнению с учениями, видевшими причину возникновения классов в воле бога, в установлениях природы или в завоевании и т. д.

Не менее важной теоретической предпосылкой возникновения подлинной социальной науки явилось учение английских и французских историков 30—40-х годов XIX в. о роли народных масс в истории и о борьбе классов как движущей силе английской и французской революции. К этой же мысли до английских и французских историков пришел социалист-утопист Сен-Симон. Маркс и Энгельс указывали, что учение о борьбе классов не ими открыто, а французскими (а также английскими) историками 30—40-х годов XIX в.

И, наконец, как уже отмечалось во II и III главах, некоторые представители домарксистского философского материализма, для которого в целом характерен идеалистический взгляд на историю, делали известные шаги вперед к правильному пониманию исторического процесса. Здесь особенно следует указать на постановку вопроса французским материалистом XVIII в. Гельвецием о значении общественной среды и обстоятельств для формирования общественного мнения и нравов людей: негодные нравы — результат негодных обстоятельств. Следовательно, чтобы изменить негодные нравы, надо изменить негодные обстоя-

тельства. Эти выводы вытекали из воззрений французских материалистов, что отмечал Маркс.

Приведенные факты свидетельствуют о том, как передовая общественная мысль шаг за шагом пробивала себе дорогу к научному пониманию общественной жизни, истории. Однако то, что было сделано в этой области до Маркса, означало поиски, подходы к правильному, научному пониманию, но это еще не было научной теорией, целостным, стройным взглядом на исторический процесс. Создание исторического материализма — это великий научный подвиг Маркса и Энгельса, подвиг, имеющий всемирно-историческое значение как для теории, так и для революционной практики, для дела борьбы за коммунизм. Открыть, создать исторический материализм, как и марксизм в целом, Маркс и Энгельс могли лишь в качестве идеологов, выразителей интересов самого передового класса — рабочего класса, заинтересованного в истине, в поступательном развитии общества, а не в увековечивании старых, отживающих общественных отношений.

Исторический материализм возник в результате распространения диалектического материализма на общество, в результате применения диалектического материализма к познанию общественной жизни, к изучению истории общества. Поэтому законы и категории исторического материализма не могут быть вполне поняты вне их связи с положениями диалектического материализма. Так, например, изучая открытые историческим материализмом законы движения классовых обществ — закон классовой борьбы, закон социальной революции, нельзя не видеть, что эти законы представляют собой специфическую форму общих диалектических законов единства и борьбы противоположностей, борьбы старого и нового, положительного и отрицательного, перехода количественных изменений в качественные.

Раскрывая внутреннюю связь между диалектическим и историческим материализмом, Ленин пишет:

«Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание *человеческого общества*. Величайшим завоеванием научной мысли явился *исторический материализм* Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий,— из крепостничества, например, вырастает капитализм» [1], а в наше время на смену капитализму в одной стране за другой приходит социализм.

В соответствии с общим материалистическим взглядом на мир исторический материализм исходит из признания первич-

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 19, стр. 5.

ности общественного бытия и вторичности общественного сознания. Не общественное сознание определяет строй и направление развития общественной жизни, а, наоборот, экономический строй общества определяет общественное сознание, общественные идеи. Или: не идеи определяют жизнь, а жизнь, общественное бытие определяет идеи.

Но что же такое *общественное бытие* людей? Это материальная жизнь общества, и прежде всего общественное производство материальных благ и те отношения между людьми, которые складываются в процессе производства. В антагонистическом обществе это классовые отношения. Прежде чем заниматься наукой, искусством, религией, философией и политикой, люди должны пить, есть, одеваться, а для этого они должны производить продукты питания, одежду, строить жилища, создавать орудия производства. Без производства материальных благ общественная жизнь невозможна. Производство и воспроизводство материальных благ составляет жизненную основу общества. С прекращением производства замерла бы вся духовная жизнь людей, общество погибло бы. Поэтому ключ к строению и развитию общества надо искать не в сознании людей, не в их политических, философских, религиозных, нравственных идеях, а в способе производства материальных благ.

Материальная жизнь общества есть определяющая основа, а духовная жизнь есть отражение материальной жизни. Это отнюдь не значит, как ложно утверждают буржуазные критики марксизма, будто марксисты недооценивают или принижают значение духовной жизни общества, роль идей, роль сознания, разума, науки, искусства, а также роль политики в общественной жизни, в истории. Нет, объявляя общественное сознание, общественные, политические теории отражением общественного бытия, марксисты тем самым лишь научно объясняют духовную жизнь общества, происхождение и развитие идей. Что же касается роли общественных идей в жизни и в развитии общества, то марксисты считают ее очень большой. Об этом свидетельствует и великая роль марксистско-ленинских идей в нашу эпоху[1].

[1] Буржуазии в наше время приходится расплачиваться за свое вульгарное, поверхностное представление о марксизме, в частности об историческом материализме. Когда после тысячи вздорных трактатов, в которых критиковался и разносился в пух и прах марксизм за то, что он якобы игнорирует, принижает роль идей, идеалов, духовного начала и т. п., буржуазия в наше время вдруг обнаружила растущее распространение и неодолимую силу влияния марксистских идей, идей коммунизма, буржуазные политики и идеологи завопили о «зловредной» коммунистической пропаганде, о «подрывной» деятельности коммунистов.

В наши дни буржуазии приходится все чаще и чаще говорить о том, что у нее нет великих идей, которые она могла бы противопоставить идеям коммунизма. Полагаясь на грубую политику «с позиции силы», на атомные и водородные бомбы и на их устрашающую роль, империалистическая буржуазия сама впала в вульгаризм, не поняла и недооценила, какую великую силу представляют передовые идеи: идеи коммунизма, идеи национально-освободи-

Классическую формулировку основных положений исторического материализма дал Маркс в предисловии к книге «К критике политической экономии»:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что́ является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что́ сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные

тельной борьбы, идеи мира, идеи подлинной, народной демократии. Что может противопоставить империализм этим великим идеям? Водородные бомбы? Но они перестали быть ее монополией.

В 1947—1949 гг. буржуазия США обильно снабжала клику Чан Кай-ши всеми видами первоклассного оружия. У революционных сил народного Китая, возглавляемых Коммунистической партией и ее вождем Мао Цзэ-дуном, было мало оружия, но у них, на их стороне была великая правда, великие национально-освободительные и социалистические идеи. И эти идеи оказались сильнее грубой военной силы, которую империализм и клика Чан Кай-ши пытались противопоставить великому народу.

условия их существования в лоне самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления» [1].

Эти положения были сформулированы 100 лет тому назад. Весь последующий ход общественного развития, все выдающиеся и великие события современности, прежде всего победа социализма в СССР, народной революции в Китае и в других странах Европы и Азии, успешно строящих социализм, целиком и полностью подтвердили законы развития общества, открытые Марксом и Энгельсом.

Буржуазные и ревизионистские критики исторического материализма указывают, что социалистические революции, совершившиеся в ряде стран Европы и Азии, будто бы произошли не по Марксу, а вопреки взглядам Маркса, не в соответствии с теорией исторического материализма, а в противоречии с ней; события современности будто бы не подтвердили, а опровергли марксизм, исторический материализм. Марксизм, утверждают его критики, учит, что социальная революция должна произойти сначала в наиболее развитых в промышленном отношении странах капитализма, а она произошла в странах сравнительно отсталых.

Любопытно наблюдать, как буржуазия и ревизионисты выступают в роли интерпретаторов исторического материализма! Эта роль им явно не подходит. Чтобы судить о правильности интерпретации исторического материализма, надо его знать и понять. А теоретики, социологи и политические представители буржуазии и ревизионисты далеки от знания и тем более от понимания исторического материализма.

Если брать весь всемирно-исторический процесс в целом, то абсолютно верно, что ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все ее производительные силы, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют в лоне старого общества материальные условия их существования. Социалистические производственные отношения, утвердившиеся в СССР и в других странах социализма, являются не только результатом предшествующего развития производительных сил в этих странах накануне социалистической революции. Они являются неизбежным результатом развития производительных сил в недрах всей мировой системы капитализма. Социалистическая революция есть результат не только внутренних социальных противоречий данной страны, но и результат кризиса всей системы мирового капитализма.

---

[1] *К. Маркс*, К критике политической экономии, 1953, стр. 7—8.

Противоречия, породившие социалистическую революцию в России, в Китае, в Чехословакии, Польше и других странах, есть результат не только конфликта, зревшего внутри этих стран, а результат мирового экономического, социального и политического кризиса. Страны, где раньше всего произошла социалистическая революция, оказались наиболее слабыми звеньями мировой системы капитализма; в этих странах экономические, социальные и политические противоречия приобрели бо́льшую глубину и остроту, чем в наиболее развитых странах капитализма. И здесь раньше созрели политически и идейно те силы, которые оказались способными разрешить эти противоречия революционным путем.

В странах, экономически более развитых, таких, как США и Англия, социальные противоречия в силу целого ряда экономических и политических причин оказались менее зрелыми. И это отнюдь не противоречит приведенным выше положениям исторического материализма. Маркс и Энгельс наблюдали английский колониальный грабеж и процесс обуржуазивания верхушки английского рабочего класса, развращение его сознания буржуазией и реформистами. Поэтому они связывали революционизирование сознания английских рабочих, во-первых, с концом колониального владычества Англии, а во-вторых, с концом монопольного положения ее на мировом рынке. Монопольному положению Англии на мировом рынке конец уже пришел, хотя ее позиции еще довольно крепки, особенно после поражения таких конкурентов, как Западная Германия и Япония; но и они вместе с США снова начинают теснить Англию. Упадок колониального владычества Англии неумолимо совершается на наших глазах. Но экономические позиции Англии в бывших колониях— в Индии, Пакистане, Бирме, Малайе, Цейлоне, в странах Ближнего и Среднего Востока еще сильны. Приток высоких прибылей из этих стран в метрополию еще происходит. Толика этих прибылей перепадает и верхушке английских рабочих.

Все это надо иметь в виду, когда мы рассматриваем перспективы развития противоречий в тех или иных странах. Кто закрывает глаза на эти факты, тот не марксист. Изучая процесс развития внутренних противоречий в США, нельзя забывать о таких фактах, что США фактически превратили многие страны Южной и Центральной Америки в колонии и полуколонии и безжалостно их грабят. Монополии США эксплуатируют, грабят страны Ближнего Востока. Они пытаются укрепить свои позиции на всех континентах. Следует помнить и то, что США на двух мировых войнах, на крови народов разбогатели, баснословно нажились.

Марксист должен учитывать все эти факты, когда рассматривает вопрос о материальных предпосылках социальной революции, об экономической почве, на которой зреют внутренние антагонизмы и социальные конфликты.

В эпоху империализма экономическое и политическое развитие идет крайне неравномерно, и созревание тех или иных стран для перехода к социализму также идет неравномерно. Степень зрелости той или иной страны для перехода к социализму доказывается не только теоретически, но и практически — борьбой рабочего класса, его способностью объединить вокруг себя народные массы и повести их за собой.

3. Характер закономерностей общественной жизни, развития общества

Открыв в производстве, в способе производства материальной жизни основу существования и развития общества, исторический материализм впервые научно установил внутренне необходимую связь между общественными явлениями, объяснил развитие общества как строго закономерный процесс. Тем самым он дал ключ к научному пониманию событий прошлого и настоящего и открыл возможность научного предвидения хода событий, перспективу развития человеческого общества.

«Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними,— так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства... возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»[1].

Естественноисторический — это значит необходимый, закономерный, объективный процесс, не зависящий от воли людей, хотя он и складывается из действий людей, обладающих волей и сознанием.

Современные буржуазные социологи и политические лидеры буржуазии все социальные перевороты, политические революции, национально-освободительные движения современной эпохи нередко объявляют результатом субъективных причин, результатом деятельности коммунистических партий и их вождей, результатом, как они называют, «подрывной» деятельности коммунистов. В действительности социальные, политические и национально-освободительные движения современности есть закономерный результат экономического и политического развития, результат общественного прогресса, подчиненного объективным законам, не зависящим от воли людей.

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 1, стр. 124—125.

Всякий научный закон выражает объективную устойчивую связь, необходимые отношения между явлениями, процессами. Законы, изучаемые историческим материализмом и другими общественными науками, выражают необходимую и устойчивую связь между социальными явлениями, процессами. В противоположность единичному, случайному, лежащему на поверхности общественной жизни, общественный закон выражает всеобщую, существенную, необходимую внутреннюю связь явлений, их повторяемость. Он выражает обусловленность явлений, из которых одни выступают как причина, а другие как следствие. Хотя в ходе развития общества имеет место взаимодействие и явления, выступающие в данной связи как следствие, сами затем выступают как причины и могут оказывать обратное воздействие на породившую их основу, в историческом взаимодействии общественных явлений все же сохраняется примат, первенство, определяющее значение за материальными условиями и материальными движущими силами развития общества.

Социальный, например экономический, закон говорит, что, несмотря на исторические, национальные и другие особенности в разных странах, всюду, где возникал капитализм, капиталистический способ производства, возникали и противоположные классы — пролетариат и буржуазия — и развертывалась борьба между ними. В этом выражается всеобщая, необходимая и повторяющаяся связь явлений капиталистического общества.

Когда возникает конфликт между выросшими производительными силами и отживающими производственными отношениями, то рано или поздно наступает эпоха коренного переустройства общества, социальная революция. Так было в XVII—XVIII и XIX вв., когда совершался переход от феодализма к капитализму. Так происходит в нашу эпоху, когда совершается переход от капитализма к социализму. Этот переход — не случайный, а экономически обусловленный, закономерный и неодолимый процесс.

Законы общественного развития являются объективными законами. Они не только не зависят от воли и сознания людей, но сами определяют волю, сознание и деятельность людей.

«Общество,— пишет Маркс,— даже если оно напало на след естественного закона своего развития,— а конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества,— не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов.

...Моя точка зрения состоит в том, что я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс...» [1]

---

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, 1955, стр. 7—8.

Социальные законы различны: одни из них действуют во всех общественно-экономических формациях, другие присущи только формациям, основанным на антагонизме классов, и, наконец, существуют законы, свойственные только данной общественно-экономической формации.

Такие законы, как закон об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию, об определяющей роли способа производства в строении и развитии общества, закон об определяющей роли производительных сил по отношению к производственным отношениям, закон о зависимости общественной надстройки от экономического базиса и некоторые другие, являются наиболее общими социальными законами и действуют во всех общественно-экономических формациях, хотя и неодинаково проявляют свое действие, в зависимости от конкретно-исторических условий отдельных формаций. Эти наиболее общие, т. е. социологические, законы проявляются в различных конкретно-исторических формах на каждой ступени развития общества. Они открыты, сформулированы Марксом и Энгельсом на основе изучения таких общественных формаций, как первобытнообщинный строй, рабство, феодализм, и особенно на основе всестороннего изучения капиталистической формации.

В отличие от законов, присущих всем общественно-экономическим формациям, закон борьбы классов как движущей силы истории свойственен лишь обществам, основанным на антагонизме классов. Этот закон не действовал в течение сотен тысячелетий существования первобытного общества. Он перестанет действовать, когда исчезнет деление общества на классы.

Многие буржуазные социологи, историки и политические деятели отрицают закон классовой борьбы и считают его выдумкой марксистов. В качестве аргумента они ссылаются на то, что этот закон, по признанию самих марксистов, не является всеобщим, его действие имеет ограниченные исторические рамки, а признаком всякого закона является всеобщность. Но ведь всеобщность бывает разная. Так, законы биологии возникают и действуют лишь там, где есть жизнь. На Солнце эти законы не действуют. Они не действовали и на Земле, когда на ней не было жизни. Но кому же придет в голову на этом основании отрицать реальность биологических законов? То же самое и с законом классовой борьбы: он действует там, где есть враждебные общественные классы и антагонистические противоречия между ними. Он перестанет существовать вместе с исчезновением деления общества на классы.

Среди буржуазных социологов и особенно экономистов распространен взгляд, согласно которому законы капитализма считаются присущими всем ступеням развития общества. Исторически ограниченные условия существования и законы капиталистического общества идеологи буржуазии возводят во всеобщие и вечные. Маркс и Энгельс разоблачили этот ограниченный, антиисторический, т. е. метафизический, взгляд буржуазных со-

циологов и экономистов и доказали, что капитализм есть лишь одна из исторически преходящих форм в развитии человечества. В этой связи Ф. Энгельс писал:

«Для нас так называемые «экономические законы» являются не вечными законами природы, но законами историческими, возникающими и исчезающими, а кодекс современной политической экономии, поскольку экономисты составили его объективно правильно, является для нас лишь совокупностью законов и условий, при которых только и может существовать современное буржуазное общество. Словом, это есть отвлеченное выражение и резюме условий производства и обмена современного буржуазного общества. Поэтому для нас ни один из этих законов, поскольку он выражает *чисто буржуазные отношения*, не старше современного буржуазного общества. Те законы, которые в известной мере имеют силу для всей предшествующей истории, выражают только такие отношения, которые являются общими для всякого общества, покоящегося на классовом господстве и на классовой эксплуатации»[1].

Если Маркс и Энгельс в свое время теоретически доказали исторический характер экономических отношений и законов, свойственных капиталистическому обществу, то с возникновением новой общественно-экономической формации, с победой социализма в СССР и торжеством социалистической революции в ряде других стран Европы и Азии практически доказана историческая ограниченность законов капитализма. Вместе с новым, социалистическим строем вступили в силу новые законы развития общества, присущие этой формации.

В условиях социалистического общества продолжают действовать социологические законы, свойственные всем ступеням развития человечества. Вместе с тем в социалистическом обществе возникают новые, специфические законы, новые стимулы и движущие силы общественного развития, свойственные этому типу общественных отношений, исключающих эксплуатацию человека человеком и обеспечивающих рост материального благосостояния народа и всестороннее развитие каждой личности. Социалистический способ производства порождает отношения морально-политического единства социалистического общества, союз рабочих и крестьян, дружбу и равноправие всех наций и народностей. С победой социалистического общественного строя происходит культурная революция, утверждается господство социалистической идеологии.

Подобно тому как капитализм в разных странах имел свои особенности, связанные с предшествующими историческими условиями развития этих стран, так и социалистические страны имеют свои особенности развития. Но, подобно тому как особенности развития капитализма в разных странах (например, так

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные письма, 1953, стр. 172.

называемый американский или прусский путь) не отменяли общих законов развития капитализма, открытых Марксом, так и особенности развития социализма в разных странах не только не отменяют, а предполагают действие общих законов социалистической формации. Главные закономерности, присущие всем странам, вставшим на путь социализма, указаны в исторической Декларации Московского совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран.

В силу того что общественно-экономические формации подчиняются в своем развитии не только действию специфических, свойственных только данной формации законов, но и общим социологическим законам, образуется связь, преемственность в развитии человеческого общества. Во всемирной истории, в истории общества существует не только прерывность, но и непрерывность, ибо каждая общественно-экономическая формация качественно отличается от другой, но между ними есть связь, единство, определяемые развитием производительных сил и действием общих социологических законов.

Подобно тому как материалистическая диалектика наряду с наиболее общими законами развития содержит категории диалектики, в которых также обобщены и отражены существенные связи между явлениями или процессами, исторический материализм наряду с указанными общими законами развития общества выработал ряд обобщающих понятий, категорий, отражающих общественные явления и процессы, наиболее существенное в них. К числу таких категорий относятся понятия: общественно-экономическая формация, общественное производство, условия материальной жизни общества, общественное бытие, общественное сознание и его формы, способ производства, экономическая структура общества, базис и надстройка общества, общественный класс, государство, революция, идеология и т. п.

Так, например, понятие *общественный класс* обнимает совокупности людей, различающихся по их отношению к средствам производства и по занимаемому в силу этого особому месту в исторически определенной системе общественного производства. Людей можно, конечно, различать и по полу, и по цвету волос или кожи, и по росту, и по образованию или религиозной принадлежности и т. д. Но главное, что характерно для людей, живущих в капиталистическом обществе,— это то, что они имеют различное отношение к средствам производства, т. е. к фабрикам и заводам, к земле и ее недрам. Одни из них являются собственниками средств производства, а другие лишены их. Это самое важное, самое существенное для общественного положения людей.

Многие буржуазные социологи возражают против понятия закона и против общих понятий, категорий; они называют эти понятия фикциями, произвольными созданиями познающего ума. Верно, что понятия выработаны людьми, мышлением. Но

научные категории — не фикции, они отражают, схватывают существенные стороны действительности и дают возможность глубже понять тот или иной процесс. Эти категории вырабатываются в процессе познания, в процессе исторической практики и в практике проверяются и уточняются.

Общественная жизнь бесконечно многообразна. В процессе познания общественной наукой, историческим материализмом будут в дополнение к существующим вырабатываться и новые понятия, категории, чтобы отразить новые явления и процессы.

4. Историческая закономерность и сознательная деятельность людей. Свобода и необходимость

Буржуазные социологи обвиняют сторонников исторического материализма в фатализме. Они утверждают, что исторический материализм, рассматривая общественное развитие как естественноисторический закономерный процесс, отрицает якобы роль активной сознательной деятельности людей и обрекает их на пассивность, сеет фатализм. На самом же деле исторический материализм не имеет ничего общего с фатализмом и квиетизмом. Об этом свидетельствуют как теория, так и практика марксизма. Открыв законы общественной жизни, истории общества, марксизм впервые научно объяснил деятельность больших масс людей, народов, общественных классов. Открыв законы классовой борьбы, законы социальной революции, законы строительства социализма и коммунизма, марксизм, исторический материализм, обеспечил прочную теоретическую, научную основу для сознательной деятельности рабочего класса, вооружил авангард этого класса — марксистские партии знанием этих законов.

Разве объективные законы физики, химии, биологии мешают людям покорять силы природы? Конечно, нет. Наоборот, незнание или игнорирование этих законов сделало бы невозможной целесообразную, достигающую ожидаемых результатов деятельность людей. Законы природы и познание их дают возможность обществу подчинять себе силы природы. Об этом свидетельствуют развитие машинной техники промышленного производства, создание гигантских гидроэлектростанций, использование атомной энергии и т. д. Так и существование объективных законов развития общества и познание их есть условие, дающее возможность успешной сознательной исторической деятельности людей. Люди, народы, общественные классы, не зная законов развития общества, лишь ощупью прокладывали себе дорогу вперед. Во времена прежних социальных революций, когда массы поднимались на борьбу против отживающих общественных форм, отсутствие знания законов развития общества, законов революций приводило к тому, что нередко результаты этих революций

были неожиданными и в некоторых отношениях даже противоположными тем целям, которые массы преследовали в борьбе. Конечно, дело было не только в незнании законов, но и в характере самих объективных процессов развития общества, обусловливавших в то время стихийность экономического развития и невозможность уничтожения всякой эксплуатации. Но бесспорно, что незнание законов общественного развития, темнота и забитость трудящихся масс являлись серьезной преградой на пути их освобождения.

В нашу эпоху многомиллионные массы трудящихся уже сбросили в одних странах или сбрасывают с себя в других странах оковы классового и национального гнета. Ход исторического развития неизмеримо ускорился. Это объясняется рядом причин: высоким уровнем развития производительных сил, дающим материальную возможность освободиться от эксплуатации и эксплуататоров, тем, что в движение пришли гигантские массы людей, что во главе народных масс стоит самый революционный и организованный из всех угнетенных классов — пролетариат, тем, что рабочим классом руководят марксистские партии, вооруженные знанием законов развития общества, законов борьбы за социализм. Коммунистические партии вооружают рабочий класс и всех трудящихся знанием законов развития общества, умением использовать эти законы в борьбе за коммунизм — и это одна из важнейших причин, вследствие которых уровень сознания масс стал неизмеримо выше, чем в прежние эпохи.

Между признанием исторической закономерности, необходимости и признанием значения исторической деятельности людей нет противоречия. Если люди, общественные классы действуют не вопреки закономерностям общества, а в направлении развития общества, то их деятельность плодотворна.

Другое дело, если тот или иной отживающий класс пришел в конфликт с ходом истории, с ее законами и стремится задержать ход истории, «отменить» законы поступательного развития общества, законы исторического прогресса. Как показывает исторический опыт, такие классы всегда в конечном итоге терпят поражение. Так было с защитниками феодального строя — аристократами-помещиками. Так в нашу эпоху происходит дело с отживающей свой век буржуазией, стремящейся повернуть колесо истории вспять, предотвратить развитие сил социализма, победу нового, социалистического общества. Опыт истории говорит, что это безнадежная затея. Исторический процесс, как и время, необратим. Развитие общества всегда шло и идет по восходящей линии, от низших форм к высшим. Победу (если говорить не о временной, а об окончательной победе) одерживают прогрессивные силы, действующие в соответствии с потребностями развития материальной жизни общества.

Буржуазные социологи, критики марксизма утверждают, что марксизм страдает внутренним противоречием: марксисты

говорят, что социализм является следствием действия необходимых законов, и одновременно организуют партию для осуществления социальной революции. Одно исключает другое, говорят критики марксизма. Английский буржуазный социолог Карл Федерн в книге «Материалистическая концепция истории» пишет: «Если бы социализм должен был появиться согласно закону, то не было бы необходимости требовать его. Если бы социализм был действительно неизбежен и являлся следующей стадией в эволюции общества, то не было бы необходимости в социалистической теории и еще менее в социалистической партии. Никто не основывает партии, чтобы осуществить весну и лето» [1]. Этот довод не нов. Еще в конце прошлого века его выдвигал критик марксизма кантианец Штаммлер. Федерну, как и Штаммлеру, кажется, что они своей аргументацией насмерть поразили марксизм и марксистов. На деле же их критика бьет мимо цели.

В природе явления происходят помимо воли и деятельности людей. Хотят люди или не хотят, независимо от их желания день

[1] Любопытно, что и Честер Боулс, автор книги «Новые проблемы мира» (Нью-Йорк, 1955), выдвигает подобный же довод против марксизма. Он пишет: «Осталось неясным также и разрешение другой важной двусмысленности марксистского мировоззрения. Маркс призывал, организовывал и толкал своих последователей на борьбу за социализм и в то же время старался показать, что он немииуем. Но какой же смысл работать и жертвовать собой во имя того, что и так уже предопределено?» (стр. 34).

Честер Боулс, бывший посол США в Индии, крупиый капиталист, совладелец рекламной компании «Бентон энд Боулс», является умным идеологом американской буржуазии. Но он изучал марксизм по популярным пересказам буржуазных профессоров, специализирующихся на «критике» марксизма. «Капитал» Маркса н труды Ленина Боулсу изучать некогда. И так как он диалектическую логику не знает, то он увидел «неразрешимые противоречия» в марксизме. Но эти противоречия существуют не в марксизме, а в голове Боулса и буржуазных профессоров.

Маркс, создавая свои труды — теоретические и пропагандистские, воспитывал, просвещал и организовывал рабочий класс, а не «толкал». Это во-первых. Во-вторых, между учением об исторической неизбежности тех или иных событий (например, революций) и активностью и сознательностью участников этих событий нет противоречия. Чем больше созиают, понимают массы рабочего класса иеизбежность социалистической революции, чем более они оргаиизованы, чем с большим энтузиазмом они борются за наступление этой революции, тем ближе ее победа. И, наоборот, чем меньше рабочие понимают неизбежность и необходимость социалистической революции, тем меньше они организованы, тем слабее их воля и деятельность, тем больше оии находятся во власти чуждых им идей.

Для успеха революции недостаточно одного желания. Для этого необходимы и объективные условия и зрелость рабочего класса — главного субъекта социалистической революции. Маркс открыл законы неизбежности социалистической революции. Он много сделал для ее приближения и страстно желал ее наступления. Но все же она во времена Маркса не наступила. Первая битва рабочего класса за социализм была потоплена «гуманнейшей» буржуазией в крови (Парижская Коммуна 1871 г.). Пока не созрели объективные и субъективные предпосылки социалистической революции, ее не могут вызвать даже такие исполины мысли и революционного дела, как Маркс. А когда эти предпосылки созрели, уже ничто не может помешать торжеству идей социализма. Социалистические идеи, овладев умами масс, становятся несокрушимой силой.

будет сменяться ночью, весна — летом, а лето — осенью. В эти процессы деятельность людей не входит. Иное дело — история. Она делается людьми и только людьми. И разве безразлично, действуют ли люди со знанием законов развития общества или вслепую, разрозненно или организованно, стихийно или сознательно? Стоит только вдуматься в этн вопросы, чтобы стало ясно, что критики марксизма бьют мимо цели. Знание законов общественного развития, овладение этими законами дает возможность слепую, непознанную необходимость превратить в познанную, т. е. в свободу.

«Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека,— два класса законов, которые мы можем отделять один от другого самое большее в нашем представлении, отнюдь не в действительности. Свобода волн означает, следовательно, не что нное, как способность прннимать решения со знанием дела. Таким образом, чем *свободнее* суждение человека по отношению к определенному вопросу, с тем большей *необходимостью* будет определяться содержание этого суждения, тогда как неуверенность, имеющая в своей основе незнание и выбирающая как будто произвольно между многими различными и противоречащими друг другу возможными решениями, тем самым доказывает свою несвободу, свою подчиненность тому предмету, который она как раз должна была бы подчинить себе. Свобода, следовательно, состоит в основанном на познании необходимостей природы (Naturnotwendigkeiten) господстве над нами самими и над внешней природой, она поэтому является необходимым продуктом исторического развития» [1].

То, что сказано Энгельсом о законах прнроды, в полной мере относится и к социальным законам, к отношению свободы н необходимости в общественной жизни. Социальные законы, пока они не познаны и пока люди действуют вопреки им, выступают как враждебные людям стихийные силы. Но после того как эти законы познаны н стали известны их природа, нх действие и направление этого действия, у людей появилась возможность овладеть ими. В условиях социализма народные массы, руководимые марксистской партией, в состоянии все более и более подчинять их своей воле и вследствие этого во все возрастающей мере достигать своих целей.

Так исторический материализм диалектически и в духе строгого детерминизма разрешает старый философский вопрос о свободе и необходимостн.

---

[1] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1957, стр. 107.

Развитие производительных сил в капиталистическом обществе, как известно, сопровождается периодическими экономическими кризисами, которые неизбежны при частной капиталистической собственности на средства производства. Современные производительные силы требуют ликвидации частной собственности на средства производства, планомерного их использования обществом. В условиях социализма в соответствии с познанными законами развития современных производительных сил установлены социалистические производственные отношения, при которых нет экономических кризисов; движение производительных сил в соответствии с экономическими законами планомерно направляется здесь обществом. В этом выразилось превращение слепой необходимости в свободу.

Буржуазные экономисты и политические деятели ищут объяснения «экономического чуда» в СССР — превращения в короткий исторический срок экономически отсталой страны в передовую индустриальную державу, вызвавшую на экономическое соревнование самую развитую страну капитализма — США. Много разных нелепостей наговорили теоретики и политические представители буржуазии. А секрет заключается в социалистической природе хозяйства, в сознательном использовании социалистическим обществом экономических законов, в превращении слепой необходимости, господствующей при капитализме, в царство свободы при социализме. Партия рабочего класса, опираясь на теорию марксизма-ленинизма, на знание законов и движущих сил развития общества, разрабатывает научно обоснованную политику строительства социализма и коммунизма. Эта политика партии направляет творческую деятельность миллионов.

5. Партийность исторического материализма

Важнейший вопрос для развития общественной науки — это взаимоотношение теории и политики, теории и классовых, партийных интересов, теории и практики борьбы классов. Внепартийной, внеклассовой или надклассовой общественной науки, общественной теории нет и не может быть в классовом обществе. Когда заходит речь о таких предметах общественных наук, как прибавочная стоимость, эксплуатация, классовая борьба, государство, право, революция, то какое здесь может быть классовое беспристрастие? Разве в классовом обществе могут быть люди, витающие над классами и не заинтересованные в том или ином решении этих вопросов? Таких людей нет и не бывает.

В нашу великую эпоху классовых битв, эпоху перехода человечества от капитализма к социализму, даже общие теоретические вопросы наук о природе — физики, биологии и др.— являются ареной идеологической борьбы, так или иначе отражающей борь-

бу классов. Это тем более относится к философии и к общественным наукам, в том числе и к социологии.

Странно слышать в наше время рассуждения ревизионистов марксизма об «устарелости» деления философии и социологии на материализм и идеализм. Идеализм и материализм остаются и ныне двумя основными партиями в философии и социологии; эти два основных направления отражают борьбу классов — буржуазии и рабочего класса.

Партийность общественных наук ныне приобрела большее значение, чем в какую-либо другую историческую эпоху. Вся буржуазная социология и историография в наше время ставит перед собой в качестве главной задачи борьбу против марксизма, против материализма, против коммунизма. И в этом явно обнаруживается классовость, партийность буржуазной социологии.

Но не противоречит ли партийность в науке самой цели, задаче науки — объективности исследования, открытию объективной истины, не зависящей от человека и человечества? Нет, конечно.

Партийность партийности рознь. Разная бывает партийность. Партийность реакционных классов исключает возможность объективного научного исследования, особенно тогда, когда речь идет о законах развития общества и выводах, вытекающих из этих законов. Реакционный класс и его теоретики неизбежно вступают в разлад с действительностью, с потребностями и законами развития общества, и потому они не в состоянии объективно оценивать явления, события, тенденции, ведущие этот класс к гибели. Эти события и процессы как бы говорят отживающему классу: помни о своем конце! В этих условиях для представителей реакционных классов объективное исследование законов и движущих сил развития общества невозможно.

Другое дело — класс передовой, восходящий, который в силу своего социального положения идет в ногу с историей. На него работает время, ему принадлежит будущее. Передовой класс не боится объективных законов, ведущих к гибели старого общества и к возникновению нового. У революционного класса нет конфликта с коренными тенденциями и законами общественного развития. Передовой, восходящий класс может смело смотреть истине, правде в глаза. Он заинтересован в объективной истине, в познании законов развития общества, чтобы успешнее преобразовывать его.

Как сказываются положение, интересы и борьба классов на научном исследовании, видно на истории общественной науки.

Познание законов и движущих сил общественного развития долгое время затруднялось рядом причин, в том числе и сложностью самого предмета исследования человеческого общества.

Однако не только в этом состоит причина того, что законы общественного развития были открыты значительно позже, чем многие законы природы. Главным препятствием для позна-

ния этих законов вплоть до первой половины XIX в. была незрелость экономических и классовых отношений буржуазного общества. Когда классовые отношения буржуазного общества и их экономическая основа были еще недостаточно зрелы, их трудно было раскрыть. Поэтому даже такие выдающиеся представители буржуазной экономической науки, как А. Смит и Д. Рикардо, не пошли дальше начальных стадий раскрытия закона стоимости и анализа отношений в области распределения национального дохода. Но все же в то время, когда буржуазия была восходящим классом, ее идеологи, несмотря на трудности познания общественных явлений, шли к открытию некоторых законов общественной жизни, «нащупывали» законы капитализма, не видя его преходящего характера. Когда же история стала обнаруживать преходящий характер капитализма, позиция его идеологов в отношении познания законов общественного развития совершенно изменилась. Хотя экономические и классовые отношения буржуазного общества к этому времени уже созрели, а связи между экономическими причинами и политическими следствиями упростились, представители буржуазной общественной науки сделали громадный шаг назад в их познании. Они стали больше думать не о беспристрастном, ни перед чем не останавливающемся исследовании социальных процессов, а о том, как защитить, сохранить капиталистический строй от нападок созревавших революционных сил. В этот период смелую научную мысль, свойственную таким ранним представителям буржуазной политической экономии, как Смит и Рикардо, заменяет жалкая апологетика, попытки оправдать капитализм. Это особенно характерно для современных буржуазных социологов и экономистов. Самая существенная причина бесплодности современных буржуазных социологов, их неспособности раскрыть закономерности общественной жизни заключается в классовой ограниченности и своекорыстии буржуазии и ее идеологов. Так как законы развития капиталистического общества все более и более обнаруживают себя не только как законы развития капитализма, но и как законы, ведущие его к гибели, то страх буржуазии и ее идеологических представителей перед этими законами сковывает их научную мысль.

В этом заключается главная причина того, что буржуазные социологи не пошли дальше плоских, поверхностных аналогий, ошибочно отождествляющих законы природы и законы общества, жизнь животного организма и историю общества, а в общем остались в плену всевозможных идеалистических истолкований истории, общественной жизни.

Современная буржуазная социология все чаще и чаще обращается к психике отдельной личности, пытаясь через нее разгадать тайны общественного бытия. Субъективизм стал наиболее характерной чертой современной буржуазной социологии и историографии. Даже непреложные исторические факты многими

буржуазными историками взяты под сомнение. Не объективная истина и закон являются для этих историков целью и смыслом исторического познания, а субъективное их истолкование с точки зрения сегодняшнего дня.

Как только законы буржуазного общества стали обнаруживать себя как законы гибели этого общества, буржуазная социология и историография стали питать инстинктивное отвращение к законам социального развития. Если эти законы угрожают существованию капитализма и буржуазии, то долой эти законы! Такова скрытая логика современной буржуазной социологии [1].

Исторический материализм, как и марксизм в целом, возник как теория и мировоззрение революционного пролетариата. Рабочий класс не заинтересован в увековечивании старого, отживающего, реакционного. Поэтому его вожди, теоретики, идеологи являются самыми смелыми, самыми бесстрашными революционерами и в науке и в политике. Партийность исторического материализма заключается в том, что он является научно-исторической основой марксизма, теорией революционной борьбы пролетариата и всех трудящихся за коммунизм. Законы и движущие силы, открытые и изучаемые историческим материализмом, объясняют причины поступательного, прогрессивного развития общества. В нашу эпоху развитие человеческого общества вперед означает движение к социализму, к коммунизму.

Буржуазная партийность ведет к субъективизму, к произволу в социологии, к извращению и фальсификации фактов и выводов в исторической науке, к отказу от подлинной науки.

Партийность пролетарская, коммунистическая идейность обеспечивают наиболее глубокое, наиболее объективное и всестороннее познание действительности, законов общественной

[1] Насколько велика растерянность и беспомощность реакционной буржуазной общественной мысли, видно из книги профессора истории Колумбийского университета Генри Робертса «Россия и Америка» (Нью-Йорк, 1956). Это произведение, видимо, предназначено служить теоретической основой внешней политики США. В подготовке его принимали участие такие деятели, как Дж. Макклой — бывший зам. военного министра, Честер Боулс, Аверелл Гарриман, Дж. Д. Рокфеллер, Гамильтон Фиш и другие. Тем любопытнее признание авторов этого «труда». Автор (или, вернее, авторы) вынужден признать, что коммунизм — это явление, порождаемое глубокими внутренними противоречиями капиталистических стран. «Противоречия,— пишет Робертс,— коренятся в ряде сугубо внутренних явлений, в некоторых слабостях, недостатках и разладе, имеющих место в некоммунистических странах, которые могут в угрожающей степени повысить их уязвимость. При этом труднее всего бороться именно с этими источниками уязвимости и даже трудно их понять. Мы можем строить на этот счет различные гипотезы и частично познать их сущность, *но все же мы не знаем, что определяет развитие человеческого общества.* Мы не уверены, какие показатели являются наиболее важными. Рост и распределение дохода на душу населения? Посещаемость церковных служб? Степень преступности? Процент смертности и состояние здоровья населения? Участие в выборах? Развитие всех искусств? Еще меньше мы знаем о «причинах» изменения этих показателей» (стр. 146).

Можно ли представить себе большую сумятицу и неразбериху в голове, чем та, о которой свидетельствует признание почтенного профессора истории?!

жизни. Интересы рабочего класса совпадают с объективным ходом исторического развития. Пролетариат является последовательно революционным классом и в целях революционного преобразования общества заинтересован в объективном, т. е. истинном, познании. Вот почему подлинная научность и коммунистическая партийность совпадают.

Последовательный материализм в науке, который только и способен дать истинное, самое точное и глубокое познание как природы, так и общественной жизни, не отрицает, а включает в себя партийность. Противопоставляя буржуазному объективизму Струве марксистский материализм, Ленин писал:

«Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость... С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» [1].

В современных условиях, когда мир раскололся на два лагеря — лагерь социализма, возглавляемый Советским Союзом, и лагерь империалистической реакции,— пролетарская, коммунистическая партийность и интересы подлинной науки требуют, чтобы тот, кто изучает общественные явления, рассматривал их с точки зрения борьбы трудящихся за мир, за демократию, за коммунизм [2].

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 1, стр. 380—381.

[2] К чему ведет попытка стать над классами и борющимися партиями в современной политической и идеологической борьбе, видно по произведениям современных ревизионистов. Отход от марксизма и измена марксизму привели ревизионистов к тому, что они затушевывают главное противоречие нашей эпохи — противоречие двух мировых систем: системы социализма и капитализма. А не видя этого главного противоречия, нельзя ничего понять в современной политической и идеологической борьбе, происходящей во всем мире. Отход от пролетарской, коммунистической партийности привел ревизионистов к буржуазным воззрениям на государство, к идеализации капитализма и буржуазной демократии и попыткам перенести закономерности буржуазного общества на социалистические страны. Отход от коммунистической партийности ведет к отказу от истины, к субъективизму.

Исторический материализм дает марксистским партиям и всем трудящимся возможность срывать все и всяческие маски с врагов рабочего класса, с врагов мира, демократии и социализма, обнаруживать за словесной шелухой, за псевдоученой «социологической» схоластикой своекорыстные интересы и цели буржуазии.

Единство науки и практической деятельности в интересах трудящихся, связь теории с практикой являются путеводной звездой для всех марксистских партий. В этом их великое преимущество перед врагами. Марксистско-ленинская наука о законах общественного развития — исторический материализм дает возможность правильно понять не только прошлое и не только то, что имеет место сегодня, но и видеть то, что будет завтра, научно предвидеть ход событий, направление развития и, руководствуясь научным предвидением, плодотворно и успешно действовать.

В марксистско-ленинской науке об обществе коммунистические партии, рабочий класс и все трудящиеся черпают уверенность в победе труда над капиталом, обретают ясность перспективы, находят теоретическое оружие для борьбы за освобождение от всякой эксплуатации и угнетения, за торжество коммунизма.

Важнейшим условием революционной действенности исторического материализма является, как уже отмечалось выше, конкретно-исторический подход к явлениям. Абстрактно-догматический подход к явлениям омертвляет исторический материализм, притупляет его революционное острие. Принцип конкретно-исторического подхода требует творческого развития исторического материализма.

История общества, общественная жизнь есть самый изменяющийся, подвижный предмет научного исследования. Поэтому даже такая общетеоретическая наука, как исторический материализм, изучающая самые общие законы развития общества, не может стоять и не стоит на месте, а развивается. Как и марксизм в целом, она обогащается новыми открытиями, обобщениями на основе изучения новых явлений, процессов, новых событий. Как общефилософский материализм развивается и обогащается в связи с великими открытиями, делающими эпоху в естествознании, так и исторический материализм развивается в связи с развитием общественных наук, данные которых он обобщает, в связи с великими историческими событиями, дающими ценнейший материал для теоретических обобщений.

В эпоху Маркса и Энгельса капитализм шел еще по восходящей линии. В конце XIX и начале XX в. капитализм вступил в полосу нисходящей линии развития. Современный капитализм переживает глубочайший кризис, от которого он уже никогда не сможет оправиться. Великими, всемирно-исторического значения событиями являются Великая Октябрьская социалистическая революция и построение социализма в СССР, победа социали-

стической революции в Китае и в ряде других стран Европы и Азии, превращение социализма в мировую систему.

В. И. Ленин в своих гениальных трудах дал дальнейшее развитие и конкретизацию основных положений исторического материализма на основе анализа и обобщения данных эпохи империализма, на основе анализа закономерностей социалистической революции и первого периода развития советского общества. Понятие общественно-экономической формации, взаимоотношение общих, особенных и частных законов развития общества, законы развития производительных сил и производственных отношений, взаимоотношение базиса и надстройки, учение о государстве и диктатуре пролетариата, о классовой борьбе и национально-освободительном движении, о социалистической революции, соотношение объективных условий и сознательной деятельности людей, объективного и субъективного факторов в общественной жизни, роль передовых общественных идей и теорий в развитии общества, анализ условий возникновения марксизма и внесения идей научного социализма в рабочее движение, взаимоотношение теории и практики, сущность и развитие искусства и литературы, законы взаимоотношения масс, классов, партий и вождей, руководителей, закономерности складывающейся новой, коммунистической общественно-экономической формации — все эти проблемы, законы, категории исторического материализма получили в трудах Ленина дальнейшее обогащение, развитие и обоснование. Поэтому труды Ленина знаменуют собой новый, высший этап в развитии исторического материализма.

В развитии марксизма-ленинизма, а следовательно и исторического материализма, после смерти Ленина, имеют огромное теоретическое значение труды учеников Ленина, вся теоретическая и практическая деятельность КПСС и других братских коммунистических и рабочих партий.

Современные критики марксизма из лагеря буржуазии и ревизионистов стремятся подчеркнуть, что марксизм и исторический материализм созданы Марксом в середине прошлого века, а за это время капитализм изменился. Из этого ревизионисты делают вывод, что марксизм, исторический материализм «устарел», перестал соответствовать действительности.

Верно, что капитализм изменился, но не так и не в ту сторону, как думают теоретики буржуазии и ревизионисты марксизма. Он изменился не в сторону сглаживания своих противоречий, а в сторону их углубления и обострения. Эти изменения были подвергнуты теоретическому анализу в трудах Ленина и его учеников. В работах Ленина были подвергнуты критике буржуазные теории эпохи империализма, взгляды ревизионистов и догматиков. Разве Ленин и ленинцы не вели и не ведут борьбу с догматиками, с теми, кто не видит нового, возникающего в жизни? Но эту борьбу они вели и ведут с позиций последовательного, творческого марксизма. Ревизионисты же под флагом анализа новых

явлений изменяют принципам, революционной сущности марксизма, переходят на сторону буржуазии. Все события, происшедшие за 100 с лишним лет со времени возникновения исторического материализма, целиком подтвердили правоту, истинность, объективность исторического материализма.

Современные ревизионисты, изменяя принципам пролетарской партийности марксистской общественной науки, пытаются пересмотреть важнейшие принципы исторического материализма: теорию классовой борьбы, учение о государстве и диктатуре рабочего класса, материалистическое понимание взаимоотношения базиса и надстройки, принижают роль субъективного фактора в развитии общества. Ревизионисты игнорируют положение Ленина:

«Марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс,— а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами» [1].

Современные ревизионисты марксизма пытаются стереть грань, пропасть, отделяющую марксизм, исторический материализм от буржуазной социологии. Ревизионисты утверждают, что положения марксистской общественной науки получили такое широкое распространение в исторической науке, в социологии, что сейчас будто бы уже нельзя говорить о марксизме, историческом материализме как особом направлении, отличном от буржуазной науки. Такое утверждение не соответствует действительности. Конечно, буржуазные теоретики, критикуя марксизм, в то же время нередко пользуются теми или иными положениями Маркса, в том числе положением о роли экономических отношений в общественной жизни. Но Струве и другие «легальные марксисты» из лагеря русской и немецкой (Зомбарт) буржуазии тоже признавали роль экономики в развитии общества, однако это не помешало им оставаться идеологами буржуазии, противниками марксизма, исторического материализма. Главное, что характеризует всю современную буржуазную социологию,— это ее антимарксистская, антиматериалистическая направленность. И натуралистические, и психологические, и открыто идеалистические направления буржуазной социологии так или иначе защищают капитализм, борются против социализма, против марксизма.

Поэтому смешны и вредны предложения ревизионистов «дополнить», «обогатить» исторический материализм выводами, «приобретениями», «открытиями» современной буржуазной социологии. У буржуазных историков и экономистов могут быть

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 13, стр. 21—22.

ценные исследования по частным, конкретным вопросам. Что же касается теории, то это область мировоззрения, идеологии и здесь не могут не противостоять друг другу два исключающих друг друга взгляда: марксистско-ленинский и буржуазный, революционный и реакционный или в лучшем случае либерально-буржуазный. Об отношении марксистов к буржуазной общественной науке Ленин писал:

«*Ни единому* из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, *нельзя верить ни в едином слове*, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой *ни единому* профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить *ни в одном слове*, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же *партийная* наука в современном обществе, как и *гносеология*. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов.

Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков),— и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов. Вот этого-то и не сумели наши махисты, *рабски* следующие за реакционной профессорской философией»[1].

То, что здесь Лениным сказано о махистах, целиком относится к современным ревизионистам, заигрывающим с буржуазной политической экономией и социологией. Факты, частные конкретные данные, приводимые буржуазными учеными, марксистам можно и нужно использовать, хотя и их следует тщательно проверять. Но в социологических обобщениях, в теории, в учении о закономерностях развития общества марксистам надо проводить свою партийную, последовательно научную, т. е. диалектико-материалистическую линию.

Как и при жизни Ленина, задача марксистов и сегодня состоит в борьбе на два фронта: против догматиков, стремящихся превратить исторический материализм в мертвую схему, и против ревизионистов, извращающих исторический материализм в духе буржуазной социологии.

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 327—328.

ГЛАВА XII

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО — ОСНОВА ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

1. Роль труда в возникновении и жизни общества

Человеческое общество, как уже отмечалось выше, представляет собой специфическую часть материального мира, подчиненную своим особым законам существования и развития. Человек не создан какой-то неведомой, сверхъестественной силой, он произошел из животного царства и поэтому является частью природы, ее высшим порождением. Долгий путь прошло человечество от первобытных каменных орудий до сложнейших исполинских современных машин, от древних стоянок и поселений из хижин и шалашей до нынешних больших городов, от бродячих небольших общин дикарей до великих наций, от скудных знаний древности до глубокого научного проникновения в тайны природы. Основой и определяющей силой поступательного развития общества от первобытных времен до наших дней является труд, материальное производство.

Производство материальных благ — это главное, решающее условие человеческой жизни. Чтобы жить, люди должны иметь пищу, одежду, жилище, топливо и т. д. А чтобы иметь средства существования, нужно их производить. Любое общество погибло бы, если бы оно приостановило работу хотя бы на несколько недель.

Люди выделились из животного мира и достигли успехов в овладении силами природы и в развитии культуры именно благодаря производству материальных благ. Животные, поедая растения или других животных, пользуются средствами существования, которые они находят готовыми в природе. Поэтому животные находятся в полной зависимости от окружающей природы. Изменения в животном мире, пока не сказалось преобразующее воздействие людей, происходили лишь в силу стихийных биологических процессов под влиянием изменения естественных условий существования животных. Человек не пассивно приспосабливается к природе, а активно воздействует на нее, посредством труда он овладевает силами природы и использует их в своих целях. Люди преобразуют вещества природы, изготовляя из них орудия труда и средства своего существования. Этим человек коренным образом отличается от животных.

Труд есть целесообразная деятельность людей, в процессе которой они преобразуют и приспосабливают предметы природы для удовлетворения своих потребностей. Необходимым условием труда является создание орудий производства. Муравьи, пчелы, бобры совершают ряд операций, внешне сходных с трудовыми действиями людей. Человекоподобные обезьяны иередко пользуются камнем или палкой для метания или удара, чтобы сбить плоды с дерева или даже раздробить скорлупу кокосового ореха. Но ни одно животное никогда не создало никакого, даже самого примитивного, орудия производства. Создание и употребление орудий производства составляет характерную особенность человека. Человек есть животное, делающее орудия труда, говорил Франклин. Это определение правильно схватывает ту особенность человека, которая дала ему возможность из раба природы превратиться в существо, подчиняющее себе природу.

При помощи орудий производства человек как бы удлиняет естествеиные размеры своих органов, усиливает их действие. Своеобразным искусственным продолжением и дополнением кулака явился обработанный камеиь, вытянутой руки — палка, зубов и ногтей — ножи и другие режущие орудия, пальцев руки и ладони — грабли и лопата. Общественное производство и начинается с изготовления и употребления орудий труда.

Всякий процесс производства предполагает следующие три момента: 1) целесообразную деятельиость человека, т. е. труд; 2) предмет труда; 3) орудия труда, при помощи которых человек воздействует на предмет труда.

Действуя на природу в процессе производства, преобразуя предметы природы применительно к своим потребностям и целям, человек совершенствует свои навыки к труду, свой производственный опыт, свое умение овладевать силами природы, развивает свои природные способности. Вследствие длительного упражнения организм человека приспособлялся к трудовым операциям, совершенствовались его органы. С первобытных времен в процессе труда рука человека специализировалась на многообразных движениях, развивались его физические и умственные способности, мозг и органы чувств.

Социологи-идеалисты утверждают, что изначальной силой становления человеческого общества явился разум. Так, американский социолог Страус-Хюпе пишет: «...Сознание очеловечивает стадо и превращает его в человеческое общество» [1].

Общеизвестно, что сознание, целесообразность являются важнейшей особенностью деятельности человека, отличающей ее от инстинктивных действий животных. Сознание играет громадную роль в жизни и развитии общества. Но человеческое сознание само является продуктом общественного развития и не может считаться причиной возникновения общества. Человек произошел от самой высокоразвитой породы обезьяноподобных пред-

[1] *R. Strausz-Hupé*, The Zone of Indifference, N.-Y., 1952, p. 15.

ков, но сознание первобытных обезьяноподобных людей было крайне примитивным. Только в труде, в общественном производстве и благодаря производству это сознание развивалось, достигнув той ступени, которая нас восхищает и удивляет.

Совместный труд сплачивал людей, делал их постоянное общение жизненно необходимым. Общение, вызываемое общностью трудовых процессов, породило у людей потребность изъясняться друг с другом, передавать друг другу свои желания, намерения, цели. Общественный труд невозможен без согласованности действий. Средством связи и общения между людьми явился язык. Наряду с развитием речи и вместе с ней под влиянием общественного производства развивалось человеческое мышление. Мышление не получило бы развития, если бы у людей не было необходимости осмыслить совместный производственный процесс, распознать свойства вещей как предметов труда, обдумать, наметить последующие процессы труда. Непрерывно совершающийся процесс производства ставил вопросы, задачи перед мышлением и тем самым побуждал его к развитию. В животном царстве действуют инстинкт и инстинктивное приспособление к окружающей природной среде. У человека в обществе решающее значение приобретает труд, целенаправленная деятельность.

Явившись продуктом общественного развития, мышление и язык оказали могущественное влияние на все общественное развитие. Благодаря мышлению и речи возможны согласованность трудовых действий, передача производственного опыта и навыков, накопление технических достижений, усвоение новыми поколениями успехов своих предков и т. д. Благодаря им раздвинулись рамки общественного производства и общественной жизни.

Таким образом, всеми успехами в подчинении себе природы, в совершенствовании своих физических и умственных способностей, в возникновении и развитии общественных связей люди обязаны труду. Это дает основание утверждать, что в известном смысле труд создал самого человека и человеческое общество. С того времени, когда труд стал источником существования людей, началась история человеческого общества. Материальная производственная деятельность людей явилась основой возникновения и развития общественных связей и отношений, т. е. человеческого общества. Поэтому можно сказать, что труд очеловечил стадо и превратил его в человеческое общество.

Материальное производство, составляющее основу общественной жизни, осуществляется при определенных естественных условиях. Необходимыми условиями материального производства и развития общества являются: 1) окружающая людей природа, представляющая собой постоянное естественное условие создания ими средств существования и средств труда; 2) рост народонаселения, представляющий собой условие воспроизводства самих производителей материальных благ.

2. Географическая среда и развитие общества

Внешняя природа, или географическая среда, представляет постоянное, вечное и необходимое условие процесса производства материальных благ. Доставляемые природой или извлекаемые человеком из природы вещества служат предметом труда. Орудия производства изготовляются также из материалов природы.

Природные условия в зависимости от их роли в процессе материального производства подразделяются на два вида: 1) естественные источники средств жизни (плодородие почвы, обилие диких животных, рыбы и т. п.); 2) естественное богатство средствами труда (металлы, уголь, нефть, дерево, строительный камень, энергия воды, ветра и т. п.).

На различных ступенях истории изменяется значение этих двух видов естественных богатств в жизни и развитии общества. В древние времена сравнительно более благоприятными для развития общества были районы, богатые естественными источниками средств жизни. Плодородные области Египта, Месопотамии, Индии, Китая, Средней Азии, Закавказья, Средиземноморского бассейна были древнейшими центрами цивилизации. С развитием техники, особенно с появлением машинной индустрии, на некоторый исторический период более благоприятными для экономического развития стали районы, богатые металлом, топливом, гидроэнергией и т. п.

Так называемое перемещение центров цивилизации, по видимости вызываемое условиями географической среды, на деле было результатом развития материального производства. Районы Северной Америки и Западной Европы с большими запасами металла, угля, источников электроэнергии были некогда отсталыми, так как люди еще не умели использовать эти естественные богатства. Лишь с развитием и совершенствованием материального производства оживали эти районы. Богатства природы ставятся на службу человеку по мере развития общественных производительных сил.

Воздействие географической среды на развитие общества выражается, во-первых, в том, что природа является как бы естественной кладовой пищи и естественным «арсеналом» орудий труда (камень для удара или метания, дерево и т. п.). Но так обстоит дело лишь на самых ранних ступенях развития общества. Чем дальше, тем больше эта роль естественной кладовой пищи и арсенала орудий труда отходит на задний план и все большее значение приобретает географическая среда в целом как арена труда, как источник материалов для создания все более совершенных средств производства.

Географическая среда влияет на размещение и развитие различных отраслей производства. На плодородных землях развивалось земледелие. В районах, удобных как пастбища, распростра-

нялось скотоводство. Без лесов не могла появиться деревообрабатывающая промышленность. Без металла и топлива нельзя было создать металлургическую индустрию.

Дальше. Природная обстановка либо затрудняет и замедляет материальное производство, либо облегчает и ускоряет его и тем самым оказывает влияние на рост производительности труда. В различных естественных условиях при одинаковой технической вооруженности труда результаты будут разные. «Различные естественные условия труда,— говорит Маркс,— приводят к тому, что то же самое количество труда удовлетворяет в различных странах неодинаковые массы потребностей, следовательно к тому, что при прочих сходных условиях необходимое рабочее время оказывается различным» [1]. При прочих равных условиях та географическая среда, где меньше затрачивается времени на изготовление продуктов, необходимых для жизни, ускоряет развитие производства, ибо здесь больше возможностей для расширения производства; и наоборот, в той географической среде, где человеку приходится затрачивать больше времени и труда для поддержания жизни, развитие производительных сил происходит медленнее.

Люди, воздействуя на природу, развивают свои способности. Борьба за овладение силами природы закаляет людей, делает их более изобретательными, заставляет их совершенствовать технику производства. Если бы люди находили все средства существования в природе в готовом виде, они не имели бы стимулов к развитию. Там, где природа слишком щедра, например в странах тропического климата, она как бы вела человека на помочах. Суровая естественная среда крайнего севера была также неблагоприятной для общественного прогресса. В странах холодного климата люди вынуждены затрачивать слишком много труда, чтобы создать самое необходимое для жизни. Маркс писал: «Не абсолютное плодородие почвы, а её дифференцированность, разнообразие её естественных продуктов составляет естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится вести своё хозяйство человеку, это разнообразие способствует умножению его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда» [2].

На развитие общества оказывают влияние не только естественные ресурсы, но и географическое положение страны. Народы, живущие в стороне от исторически сложившихся экономических и культурных центров, обычно отстают в своем развитии. В таком положении находилась, например, Америка до открытия ее европейцами. Наоборот, благоприятное географическое местоположение для экономических и культурных связей между народами ускоряет прогресс.

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 518.
[2] Там же, стр. 517.

Географическая среда всегда оказывает влияние на развитие общества, но степень этого влияния в различные исторические эпохи не одинакова. Развитие производства в большей мере зависело от природных условий в ранние времена человеческой истории. При высоком уровне развития производительных сил эта зависимость становится менее значительной. Например, при капитализме выросли промышленные центры в районах, отдаленных от источников сырья и потребления. Этому способствовало развитие транспорта и средств связи, передача электроэнергии на большие расстояния.

Чем выше уровень развития производства, тем всестороннее и многообразнее становятся связи человека с природой. Люди ставят себе на службу все новые и новые богатства и силы природы, которые раньше были им недоступны и даже неизвестны. Высвобождаясь из-под власти природы, человек не удаляется от нее, а все глубже познает и все больше использует ее в своих целях. В этом смысле зависимость человека от естественных ресурсов не исчезает, но господство человека над природой неуклонно возрастает. Например, когда не было моторов, двигателей внутреннего сгорания, не было зависимости человека от источников нефти. В то же время овладение этими источниками энергии и сырья дало человечеству новые средства покорения природы. Такова диалектика развития отношения общества к окружающей природе.

Таким образом, географическая среда может либо ускорять, либо замедлять развитие производства, но не может служить причиной, определяющей изменения общественной жизни.

В социологии одним из распространенных направлений явился так называемый географический детерминизм. Представители этого направления объясняли общественное развитие и судьбы народов свойствами географической среды. Особенно широкое распространение географическое направление получило со времени великих географических открытий. Развитие капитализма, расширение торговых связей привело к проникновению европейцев в различные страны мира. Путешественники собрали обширные сведения о климатических и других природных условиях различных стран, о своеобразии быта, культуры и нравов различных народов. Все это послужило толчком для исследования роли географических условий в жизни общества.

Учение о зависимости материальной и духовной жизни народов от условий географической среды настойчиво развивал известный французский философ-просветитель *Монтескье* (1689—1755). В противоположность феодально-церковным представлениям о зависимости жизни людей от божественного провидения Монтескье пытался объяснить общественные явления прежде всего естественными причинами. «Власть климата,— писал он в книге «О духе законов»,— сильнее всех властей». Характер жизни народов, их общественный строй Монтескье выводил прежде всего из особенностей климатических поясов. Самым благоприятным для развития общества он считал северный пояс. В поясе с жарким климатом тело человека расслабляется

и лишается сил. Люди жаркого климата предпочитают выносить наказания, но не принуждать себя к деятельности. «Малодушие народов жаркого климата почти всегда приводило их к рабству, между тем как мужество народов холодного климата удерживало их в свободном состоянии. Все это — следствия, вытекающие из своей естественной причины».

Известный английский социолог *Бокль* (1821—1862) в труде «История цивилизации в Англии» утверждал, что четыре главных физических фактора определяют жизнь и судьбы человечества, а именно: климат, пища, почва и ландшафт, т. е. общий вид местности. В жарких странах природа, по уверению Бокля, отличается проявлением грозных и опасных сил, которые внушают жителям страх, действуют на их воображение, заглушают их рассудок. Поэтому цивилизация в этих странах строится не на рассудке, а на воображении, что ведет к невежеству, предрассудкам и делает подобную цивилизацию неполноценной. В этих странах человек полностью подчинен природе. В европейских странах силы природы проявляют себя более умеренно, не распаляют воображения людей, способствуют развитию рассудка и цивилизации. В жарких странах плодородие почвы выше, а жители потребляют меньше пищи, поэтому там образуется запас пищи и население быстрее размножается. Ввиду дешевизны пищи и быстрого приращения населения заработная плата в этих странах крайне низка. Географические факторы жаркого пояса будто бы неизбежно влекут за собой утверждение рабовладения. Бокль пытался доказать, что в европейских странах в силу особенностей географической среды богатство распределяется более равномерно и разница между классами не так велика, как в жарких странах.

Географическое направление в социологии хотя и отвергало богословско-идеалистические представления о боге, надмировом духе как первоисточнике общественного развития, но само не вышло за рамки идеалистического понимания истории. Признав определяющим такой материальный фактор, как географическая среда, сторонники этого направления все же обычно приходили к идеалистическим выводам о причинах изменения общественной жизни, так как пытались объяснить историю народов особенностями человеческой психики, якобы порожденными свойствами географической среды. Рабство, эксплуатацию и угнетение одних народов другими они считали результатом особых природных условий.

Главная ошибка географического объяснения истории состоит в том, что оно игнорирует внутренние закономерности развития общества, диалектику общественного развития. Оно не замечает, что человек не только живет среди природы, но и активно воздействует на нее, изменяет ее, создает себе новые условия существования. Объясняя развитие общества внешним фактором — географической средой, географическое направление в социологии в своих конечных выводах ведет к фатализму. Оно оказалось не в состоянии раскрыть действительные причины развития общества, движущие силы социальных изменений. Географический детерминизм не может объяснить, почему на одной и той же территории, при одних и тех же природных условиях происходят коренные изменения в общественной жизни? Почему при самых разнообразных географических условиях в разных частях света общество последовательно проходит в общем одинаковые ступени экономического развития, которым соответствуют

определенные формы общественного устройства и общественного сознания?

Во всех странах первоначально существовал бесклассовый первобытнообщинный строй. Со временем появилась эксплуатация человека человеком, произошло разделение общества на классы. Ныне многие страны в разных частях света вступили на путь социализма. При всем громадном различии географической среды этих стран основные черты и главные этапы перехода к социализму у них сходны. Здесь обнаруживается общая историческая закономерность, определяемая, конечно, не географической средой, а социальными причинами, именно — сущностью новой общественно-экономической формации, которая приходит на смену капитализму. Даже своеобразные особенности строительства социализма в разных странах не могут быть выведены полностью из особенностей их географической среды, так как здесь играют несравненно большую роль особенности исторических условий.

Если формы общественной жизни исторически изменяются в сравнительно небольшие сроки, то основные условия природы (рельеф местности, климат, растительный и животный мир) остаются длительное время более или менее постоянными. Медленные и малозаметные естественные изменения географической среды не могли вызвать столь быстрые и столь крупные сдвиги и перевороты в общественной жизни.

Сторонники географического направления утверждали, будто народы Китая, Индии, Индонезии, Вьетнама природными условиями предрасположены к рабской жизни. Но народы этих стран развеяли басни об их покорности угнетателям, проявив величайшее мужество и упорство, неиссякаемую энергию и волю в борьбе за свое освобождение от колониального гнета и эксплуатации. Географическая среда Китая, например, мало изменилась со времени Монтескье и Бокля, а общественные порядки, сознание, взгляды и поведение людей изменились коренным образом.

Наиболее заметные изменения в географической среде в обозримый исторический период вызваны вмешательством человека. Люди вырубили громадные площади леса и приспособили их для земледелия. Трудом людей созданы оросительные системы, бесплодные пространства многих пустынных и полупустынных областей превращены в плодородные поля. Многие животные и растения в своих современных формах являются продуктами не только природы, но и человеческого труда, искусственного отбора и культивирования. Люди переносят полезные растения и животных из одной страны в другую и таким образом изменяют животный и растительный мир целых континентов.

Длительное время люди не могли предвидеть отдаленные последствия своего воздействия на природу. Выкорчевывая леса под пашни, они не знали, что это ведет к обмелению рек и запустению целых областей от засухи. Хищническое хозяйничание вело к тому, что пахотные земли из-за эрозии почвы становились

непригодными для земледелия. Лишь прогресс естествознания дает возможность предвидеть не только непосредственные результаты, но и сравнительно отдаленные последствия вмешательства общества в естественный ход развития природы.

Степень использования естественных богатств зависит, во-первых, от уровня техники и, во-вторых, от характера общественного строя. Известно, что природные богатства России всегда были велики и давали возможность для могучего и быстрого развития производительных сил. Но в условиях феодального и капиталистического строя природные богатства России оставались под спудом, и развитие хозяйства тогда происходило крайне медленно. Лишь в условиях социалистического строя и индустриализации страны рабочие и крестьяне смогли эффективно использовать природные богатства в целях быстрого экономического развития.

Разумеется, и при социализме люди далеко еще не управляют всеми силами природы, не могут, например, регулировать климатические условия, сокращать или увеличивать количество осадков, отодвигать или приближать время их выпадения на больших территориях. Но при социализме чем дальше, тем все в большей мере создаются реальные возможности лучше противодействовать неблагоприятным явлениям природы и всемерно использовать естественные факторы на благо общества.

Географическое направление, проповедующее полную зависимость общественного развития от природной среды, и поныне распространено в буржуазной социологии. В период империализма появилась так называемая геополитика, согласно которой политика определяется географическими факторами. В гитлеровской Германии Гаусгофер и другие глашатаи этой лженауки обосновывали «законность» захватнических войн немецких империалистов, называя эти разбойничьи войны борьбой за «жизненное пространство». Основные идеи американской школы геополитиков изложены в книгах Хантингтона («Движущие силы цивилизации») и Спикмена («Американская стратегия в мировой политике», «География мирового устройства» и др.). В этих и подобных им книгах история человечества изображается как результат изменений в географической среде. Земной шар разделяется на зоны, в центре которых располагаются «развитые» народы, а по краям «примитивные». Колонии объявляются неблагоприятными для умственной активности, а их народы — «примитивными», «неодаренными». Так география «предопределяет», по мнению геополитиков, господство «цивилизованных» народов над «примитивными», «неодаренными», живущими в «периферийных» районах.

Марксизм-ленинизм доказал полную несостоятельность географического направления в социологии и обосновал научное понимание отношения человеческого общества к природе. История всех народов подтверждает, что не географическая среда, а экономическое развитие общества является определяющей силой всех социальных изменений.

3. Значение роста народонаселения в развитии общества

Наряду с географической средой важным условием жизни и развития общества является рост народонаселения. От роста и плотности народонаселения в той или иной мере зависит ускорение или замедление темпов общественного развития. Там, где плотность населения незначительна, при прочих равных условиях медленнее происходит развитие производительных сил. Наоборот, более высокая плотность населения при прочих равных условиях служит одной из важных предпосылок быстрого развития производства.

Но было бы ошибочным сделать отсюда вывод, что плотность населения определяет развитие общественного производства и характер общественного строя. Плотность населения создает лишь некоторые возможности для роста производства, но эти возможности не всегда превращаются в действительность. Например, при низкой плотности населения относительно слабее развивается разделение труда, медленнее растут экономические связи. Наоборот, высокая плотность населения служит предпосылкой разделения труда, обмена и обобществления процесса производства. Но степень разделения и обобществления труда определяется не плотностью населения, а уровнем развития и общественной формой производства. При феодализме даже в густонаселенных районах разделение труда было незначительным, а в капиталистической промышленности даже в слабонаселенных странах оно неизбежно приобрело широкое развитие.

Или возьмем еще такой пример. Известно, что развитие путей сообщения при данном уровне производительных сил прямо пропорционально плотности населения. В любой стране сеть железных и шоссейных дорог или каналов больше развита в густонаселенных районах. Но это не значит, что развитие средств транспорта определяется численностью населения. В странах Азии с многочисленным населением средства сообщения менее развиты в сравнении со странами Европы, где уровень производства намного выше. Стало быть, развитие средств сообщения определяется не численностью населения, а степенью развития материального производства. История знает немало примеров, когда густонаселенные страны отставали в своем развитии от стран с небольшой плотностью населения.

Вопрос о роли народонаселения в развитии общества встал перед общественной мыслью еще в период разложения феодализма и утверждения буржуазного общества. Между защитниками феодальной аристократии и идеологами буржуазии разгорелись тогда ожесточенные споры по этому вопросу.

Идеологи восходящей буржуазии утверждали, что густота населения является решающим условием развития общества, что общество развивается тем быстрее, чем быстрее растет население. Это направление в социологии было тесно связано с теорией трудовой стоимости, выдвинутой буржуазными эко-

номистами. Признавая, что стоимость товаров определяется количеством труда, затраченного на их производство, представители этой теории учили, что благосостояние общества будет тем выше, чем больше труда применяется в производстве товаров. Английский экономист XVII в. *Вильям Петти* считал, что рост народонаселения является основой всех богатств. Редкое народонаселение, писал он,— это настоящая бедность; нация в восемь миллионов человек вдвое богаче нации, которая на такой же площади насчитывает только четыре миллиона человек.

Это учение в то время имело прогрессивное значение, оно выражало идеологию буржуазии в ее борьбе против «непроизводительных сословий» — дворянства и духовенства, против аристократической монархии с ее чиновниками и многочисленной челядью. Идеологи буржуазии ратовали за прогресс науки, промышленности и земледелия. Они заявляли, что улучшение техники производства может обеспечить получение все большего количества продуктов потребления. Французский философ XVIII в. *Кондорсе* в книге «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» писал: «Итак, не только та же земельная площадь сможет прокормить большее количество людей, но каждый из них, занятый менее тяжелым трудом, будет питаться более целесообразно и сможет лучше удовлетворять свои потребности».

Буржуазия, рвавшаяся к власти и старавшаяся тогда привлечь на свою сторону массы, обвиняла земельную аристократию в том, что она довела население до нищеты и неспособна поднять его благосостояние. Идеологи земельной аристократии, оправдывая господство землевладельцев, пытались, наоборот, доказать, что в нищете населения повинны сами массы, так как они слишком быстро размножаются. Появилась школа в социологии, которая считала рост народонаселения злом, приводящим к нищете и ко всяким бедствиям в общественной жизни. Эту антинаучную и реакционную точку зрения развивали некоторые экономисты XVIII в., и особенно ревностно ее проповедовал английский экономист поп *Мальтус*.

В своей книге «Опыт о законе народонаселения» Мальтус утверждал, что средства существования растут в арифметической прогрессии, а население увеличивается в геометрической прогрессии. Увеличивающийся рост населения сверх имеющихся в его распоряжении средств существования является, по Мальтусу, причиной нищеты и всех пороков. «Главная и непрерывная причина бедности,— уверяет Мальтус,— мало или вовсе не зависит от образа правления или от неравномерного распределения имущества; богатые не в силах доставить бедным работу и пропитание; поэтому бедные по самой сущности вещей не имеют права требовать от них работы и пропитания». Книга Мальтуса, вышедшая в 1798 г., предназначена была служить идейным оружием против народного возмущения, возросшего под влиянием французской революции. Отстаивая интересы аристократии, Мальтус в то же время давал идейное оружие буржуазии против поднимавшегося рабочего движения. Мальтузианская теория объясняла «естественными» причинами рост нищеты трудящихся, на самом деле являющийся следствием капиталистического строя. Поэтому буржуазия использует эту теорию в качестве своего идеологического оружия.

Маркс показал полную несостоятельность мальтузианской теории. Он доказал, что так называемое перенаселение вовсе не является каким-то естественным законом природы, что оно порождается определенными историческими условиями, а именно: капиталистическими условиями производства. Чрезмерная ин-

тенсификация труда вместе с развитием машин, расширение эксплуатации женского и детского труда сделали «избыточной» значительную часть рабочего класса.

Капиталистическое производство создает искусственное перенаселение. Происходит это не потому, что производительная сила труда уменьшается, а потому, что она увеличивается, и вследствие этого часть рабочего населения при капитализме становится излишней. Дело в том, что с ростом производительности труда все возрастающая масса средств производства может приводиться в движение все с меньшей и меньшей затратой человеческой силы. Этот закон при капитализме, где производство подчинено не интересам удовлетворения потребностей населения, а интересам увеличения капиталистической прибыли, ведет к безработице, к образованию избыточного рабочего населения. Чем выше производительность труда, тем меньше рабочих требуется для производства данного количества продукции, тем большее число рабочих выбрасывается капитализмом в резервную армию, которая поставляет ему постоянно готовый человеческий материал для эксплуатации.

Заботясь лишь об умножении своих барышей, об увеличении нормы прибыли, капиталисты не считаются с общественными потребностями. Энгельс в свое время сказал, что при капитализме размеры производства определяются не количеством голодных желудков, а количеством способных платить кошельков.

Марксизм доказал, что *каждому исторически определенному способу производства свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения*. Кажущееся перенаселение, которое выступало в различные периоды истории в разных формах, обусловлено не ограниченностью ресурсов природы, а свойствами исторически сменяющихся способов производства. Недостаток средств существования для более или менее значительной части населения обнаруживался и сотни, и тысячи лет назад, когда численность населения была в десятки и сотни раз меньше нынешней. Объяснять недостаток средств существования ограниченностью природных ресурсов — значит утверждать, что земля была перенаселена уже в первобытные времена, когда дикари вследствие недостатка пищи нередко умерщвляли больных и стариков, а в отдельных случаях на почве голода прибегали к людоедству.

В древних государствах, например в Греции и Риме, «перенаселение» вело к тому, что часть населения эмигрировала в другие страны и организовывала там колонии. Объясняется это тем, что недостаточное развитие производительных сил ставило границы росту населения. Единственным выходом для части населения была вынужденная эмиграция.

Тот же «избыток» населения, явившийся результатом слабого развития производительных сил, заставил кочевников с плоскогорий Азии вторгаться в древние культурные государства и вызы-

вал «переселение народов». Способ производства пастушеских племен требовал обширных пространств. Поэтому избыточное население было вынуждено пускаться в те странствования, которые были названы «великим переселением народов».

В докапиталистических общественных формациях рост народонаселения оказывал давление на производительные силы. Недостаток средств существования обусловлен был низким уровнем развития производительных сил. В буржуазном обществе, наоборот, рост производительных сил давит на население, делая значительную его часть избыточной, не находящей применения в производстве и лишенной средств существования. При капитализме относительный избыток народонаселения создается не недостаточным развитием производительных сил, а их ростом. Великие достижения в развитии производительных сил капитализм обращает против человечества, так что прогресс техники приносит с собой не облегчение труда и жизни народных масс, а рост безработицы и нищеты.

В эпоху империализма, когда необычайно усилился гнет капитала над трудом, когда вместе с тем высоко поднялись волны освободительного движения народных масс, идеологи буржуазии стали усиленно распространять реакционные теории народонаселения для оправдания капитализма и империалистической экспансии. Буржуазия старается внушить трудящимся, что рост нищеты является естественным и неизбежным законом жизни, что нищета — не результат капиталистической эксплуатации, а следствие быстрого размножения населения.

Появились трактаты, проповедующие реакционные теории мальтузианства. Таковы вышедшие за последние годы в США книги: Пирсона и Харпера «Мировой голод», В. Фогта «Путь к спасению», Р. Кука «Людская плодовитость — современная дилемма», Э. Пенделла «Безудержный рост населения» и др. В этих сочинениях «доказывается» необходимость сокращения населения более чем в два раза. В неомальтузианских трактатах воспеваются как благотворные факторы война, голод, эпидемии и другие бедствия, ведущие к гибели миллионов людей.

В своей книге В. Фогт выражает сожаление, что разрушительная мировая война, фашистские зверства и недоедание миллионов людей в военные и послевоенные годы не прекратили роста населения в Европе и Азии. Этот мальтузианец утверждает, что снижение смертности населения является страшной трагедией для Китая, что голод в Китае не только желателен, но и необходим. Фогт готов приветствовать все бедствия и катастрофы, лишь бы они привели к резкому сокращению населения.

Проповедник мальтузианства Пенделл уверяет, что из-за «чрезмерного размножения» большинство населения составляют «неполноценные», «дешевые» люди. Первоочередной мерой для «счастливой жизни» Пенделл считает сокращение нынешнего населения на 700 миллионов человек. Лучшим, «демократическим» методом сокращения населения он объявляет массовую стерилизацию. Преимущество стерилизации, как метода сокращения населения, Пенделл усматривает в том, что она дает возможность производить социальный отбор — уменьшать количество «дешевых», т. е. неимущих, людей и увеличивать количество «дорогих», т. е. богатых, людей [1].

[1] *Elmer Pendell*, Population on the Loose, N.-Y., 1951, Foreword, pp. XI, XII, 297, 324.

Неомальтузианцы проповедуют не вообще сокращение населения, а уменьшение массы нежелательного для империалистов населения. Больше всего они ратуют за уменьшение численности «низших» слоев в империалистических странах, а также за истребление населения стран Азии, Африки и Латинской Америки, объявляя его источником нынешних и будущих потрясений.

Некоторые буржуазные ученые усиленно распространяют теорию «убывающего плодородия почвы», являющуюся разновидностью мальтузианских измышлений. Эта реакционная теория утверждает, что дополнительные вложения труда и капитала в почву будто бы не могут вести к прогрессивному увеличению продуктивности земли, что естественная ограниченность площади обрабатываемой земли является непреодолимым препятствием для увеличения производства продуктов питания. Однако практика показывает, что с прогрессом сельскохозяйственной науки и техники так называемые худшие земли могут давать более высокие урожаи, чем прежде давали самые хорошие земли. Например, кислые подзолистые почвы, считавшиеся плохими, при известковании и внесении органических удобрений приносят высокие урожаи. Такой же эффект производит гипсование солончаковых почв. Разоблачая несостоятельность и реакционность «закона убывающего плодородия», Ленин писал:

«Буржуазный апологет, естественно, стремится игнорировать общественные и исторические причины отсталости земледелия, сваливая вину на «консервативность сил природы» и на «закон убывающего плодородия». Ничего кроме апологетики и тупоумия не содержится в этом пресловутом законе» [1].

Добросовестные исследователи проблем народонаселения неизбежно приходят к выводу, что земля обладает почти бесконечной способностью повышать свою производительность при соответствующих технических и общественных условиях. Запасы минеральных богатств и энергетические ресурсы еще в большей своей части не использованы.

Бразильский ученый Жозуэ де Кастро в своих исследованиях показал, что миллионы людей переживают трагедию недоедания и голода из-за пороков общественного строя. По данным, приведенным в работах де Кастро, человечество может возделывать около 6,5 миллиарда гектаров земли. В настоящее время под пашней находится менее 800 миллионов гектаров, т. е. в 8 раз меньше, чем это возможно.

Известный знаток продовольственной проблемы Джон Бойд Орр заявляет: «Если бы были приняты меры для увеличения площади обрабатываемой земли путем орошения, расчистки земель от кустарников и проведения других мероприятий, то земной шар мог бы обеспечить продовольствием 6 млрд. человек»[2].

Известный статистик Р. Кучинский на основе тщательных подсчетов пришел к выводу, что земля может прокормить 10—11 миллиардов человек[3].

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 13, стр. 160.

[2] *John Boyd Orr*, The White Man's Dilemma, London, 1953, p. 79.

[3] *R. R. Kuczynski*, The World's Future Population. «Population» (Lectures on the Harris Foundation), 1929, p. 286.

Убедительные расчеты, побивающие мальтузианцев, приведены в книге видного американского геолога К. Ф. Модера «Достаточно и даже с избытком». Автор сообщает данные о возобновляемых ресурсах животного и растительного царства, а также о гидроэнергии и невозобновляемых ресурсах минерального царства. В соответствии с заглавием книги он доказывает: «Земли достаточно и даже с избытком».

Естественные условия не ставят неодолимых преград росту и прогрессивному развитию человечества. Материальное благосостояние людей зависит не от биологических законов размножения, а от строя общественной жизни.

Наряду с мальтузианской проповедью сокращения населения в современной буржуазной социологии ряда стран Европы и США продолжает распространяться теория о том, что рост народонаселения обусловливает развитие производства и всех сторон общественной жизни. Сторонники этой теории выступают за увеличение роста народонаселения в некоторых странах (Франция, Западная Германия, США), выражая точку зрения тех кругов буржуазии, которые видят в быстром приросте населения средство расширения рынков сбыта, источник дешевой рабочей силы и пушечного мяса для агрессивных войн [1].

Социологические теории, объясняющие развитие общества биологическими законами размножения, не выдерживают научной критики и опрокидываются самой жизнью. Ни быстрым, ни замедленным ростом населения нельзя объяснить, почему данный общественный строй сменяется именно таким-то новым общественным строем, почему первобытный общинный строй сменился строем рабовладельческим, рабовладельческий — феодальным, феодальный — буржуазным, а не каким-либо другим строем.

Если бы рост народонаселения был определяющей силой развития общества, то от плотности населения зависел бы тип общественного строя, уровень развития общества. Однако факты показывают, что уровень развития общества, формы общественной жизни не определяются густотой населения. Например, плотность населения в странах Западной Европы намного выше, чем в СССР, но там все еще господствует капиталистический строй, а в СССР капитализм давно уничтожен, построено социалистическое общество и совершается постепенный переход от социализма к коммунизму.

Буржуазные теории народонаселения не в состоянии объяснить, почему в разных странах темпы роста и густота населения неодинаковы и чем определяется рост населения. Исторический материализм дает ясный ответ и на этот вопрос, показывая, что рост народонаселения зависит не только от законов природы, но и от характера общественного строя, от социальных условий. При империализме, когда усиливаются разорение и нищета масс,

[1] Так, например, американский профессор Спигель в книге «Текущие экономические проблемы» старается доказать, что, чем больше населения, тем шире рынок сбыта товаров и тем дешевле рабочая сила.

когда войны и кризисы обостряют необеспеченность и неустойчивость их существования, рост населения в буржуазных странах замедляется.

В слаборазвитых странах и в эпоху империализма сказывается давление роста народонаселения на производительные силы, низкий уровень экономического развития приводит к относительному перенаселению. Империалистические державы, грабляя колонии и зависимые страны, разоряя традиционное мелкое производство и препятствуя в то же время индустриализации этих стран, создают в них массовую явную и скрытую безработицу. В этих условиях рост производства на душу населения и тем более рост той части национального дохода, которая идет на потребление широких масс, отстает от прироста населения. Этим объясняется возрастание «избыточности» населения в слаборазвитых странах.

С переходом от капитализма к социалистическому обществу изменяются законы народонаселения. Увеличение работоспособного населения в социалистическом обществе не может вести к безработице: рабочая сила может найти разумное применение в непрерывно растущем производстве, основанном на общественной собственности на средства производства и планировании развития всего народного хозяйства в интересах повышения уровня удовлетворения материальных и культурных потребностей всего населения, всех членов общества. Ввиду этого при социализме теряет силу свойственный капитализму закон относительного перенаселения.

Разумеется, при переходе от капитализма к социализму не во всех странах быстро устанавливается соответствие между уровнем развития производства и количеством работоспособного населения. В СССР в переходный период в связи с недостаточным развитием промышленности в течение ряда лет еще существовала безработица. В течение некоторого периода и в европейских странах народной демократии не все работоспособное население полностью было занято на производстве. Тем более это сказывается при переходе к социализму слабо развитых в экономическом отношении стран Азии. При недостатке средств производства в этих странах нельзя сразу же занять все работоспособное население производительным трудом. Вследствие этого здесь в течении некоторого времени еще проявляется давление роста народонаселения на производительные силы, а значит, продолжает существовать некоторая часть «избыточного» населения.

Например, в Китае после освобождения страны не сразу была решена проблема «перенаселения». Но остававшееся еще несоответствие между численностью рабочей силы и количеством средств производства, известные трудности в жизни населения объяснялись не «законами природы». а унаследованной технико-экономической отсталостью страны,— отсталостью, порожденной

господством в старом Китае помещиков, компрадорского капитала и иностранных империалистов. Эти трудности успешно преодолеваются в Китайской Народной Республике на основе быстрого роста социалистического производства и культуры.

Следовательно, не рост народонаселения определяет развитие общества и характер общественного строя, а, наоборот, от характера общественного строя в большой мере зависит рост народонаселения.

4. Способ производства материальных благ. Производительные силы и производственные отношения

Внешняя природа и рост народонаселения служат лишь предпосылками развития общества. Но первопричиной, источником всех изменений в общественной жизни в конечном счете является рост общественных производительных сил. Ленин указывал, что развитие производительных сил — вот основной критерий общественного прогресса [1]. Но что же такое производительные силы? Каковы их составные элементы?

В состав производительных сил входят средства труда и рабочая сила. Маркс отмечает, что из всех средств труда определяющее значение имеют механические средства, т. е. орудия производства, совокупность которых можно назвать костной и мускульной системой производства. Средство или орудие труда — это есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для воздействия на предмет труда. Используя механические, физические и химические свойства вещей, человек заставляет их действовать в качестве орудий своей власти над природой. Современные орудия производства — это всевозможные машины, механизмы, различные приборы, инструменты и т. п.

Для производства необходимы предмет труда, средства труда и люди, умеющие производить орудия и пользоваться ими. Средства труда в любой исторический период являются результатом предшествующей производственной деятельности людей. Будучи производительной силой наряду со средствами труда, орудиями производства, *люди, производители материальных благ, трудящиеся массы являются решающей, главной производительной силой.* Маркс отмечал, что «наиболее могучей производительной силой является сам революционный класс» [2]. Эта же идея выражена в знаменитых словах Ленина: «*Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся*» [3].

---

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 13, стр. 219; т. 32, стр. 212.
[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 4, 1955, стр. 184.
[3] *В. И. Ленин*, Соч., т. 29, стр. 334.

В марксистско-ленинском понимании производительных сил заложена основа важнейшего положения исторического материализма о том, что народные массы, производители материальных благ, являются творцами истории. Орудия производства, техника — великая сила, но без людей она мертва. При всем громадном значении орудий производства активную роль в процессе производства играет только живой труд. Характеризуя роль средств производства и человеческого труда в процессе производства, Маркс отмечает: «Машина, которая не служит в процессе труда, бесполезна. Кроме того она подвергается разрушительному действию естественного обмена веществ. Железо ржавеет, дерево гниёт. Пряжа, которая не будет использована для тканья или вязанья, представляет испорченный хлопок. Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мёртвых, превратить их из только возможных в действительные и действующие потребительные стоимости» [1].

Живой труд сохраняет и переносит на производимую продукцию затраты прошлого труда, овеществленного в средствах производства. Например, в автомобиле содержится не только труд рабочих автомобильного завода, но и труд, ранее вложенный в добывание руды, выплавку стали, а также в создание машин, при помощи которых изготовляются и собираются детали автомобиля. В процессе производства к прошлому, овеществленному труду прибавляется новый, живой труд, который воплощается в произведенных продуктах.

Таким образом, общественные производительные силы — это созданные обществом средства труда, орудия производства, а также люди, обладающие известным производственным опытом и навыками к труду и осуществляющие производство материальных благ [2].

---

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, стр. 190.

[2] В понятие «производительные силы» иногда включают наряду с рабочей силой, средствами труда также и предмет труда. В экономико-географической литературе под производительными силами определенных районов, областей и стран понимают как общественные производительные силы, так и «естественные производительные силы», т. е. природные ресурсы. Но это не дает основания для смешения социальных и природных явлений и соответствующих им понятий.

Конечно, без предмета труда не может быть производства, не может быть и продукта труда. Предмет труда играет важную роль в процессе производства, составляет его необходимый элемент. Но предмет труда — это то, что подвергается воздействию человека, вооруженного средствами труда, а производительные силы — это достигнутая обществом производительная способность в создании материальных благ, это те активные силы, которыми общество воздействует на природу, преобразуя ее в соответствии со своими потребностями. Не предметом труда и не произведенными средствами к существованию определяется характер производительных сил, от которых зависит

Социал-демократические теоретики извратили марксистское понимание производительных сил. Они смешали постоянно растущие, развивающиеся производительные силы общества с естественными силами природы, которые на протяжении длительного времени мало изменяются. Так, *Г. Кунов* относил к общественным производительным силам все силы природы, применяемые в общественном производственном процессе, в том числе, например, солнечную теплоту. Так же толковал производительные силы *К. Каутский*, включивший в понятие общественных производительных сил залежи угля, нефти, железа, дикие стада животных, растения и т. п.

Смешав общественные производительные силы с естественными богатствами, социал-демократические теоретики запутали вопрос об отношении общества к природе, о главном, определяющем источнике общественного развития. В процессе производства материальных благ люди используют естественные силы и предметы природы. Но данные природой предметы труда, существующие без всякого содействия со стороны человека, например руда, уголь, нефть в недрах земли, рыба в водоемах, деревья в лесу, энергия солнца, ветра, водопадов и т. п., не могут быть отнесены к общественным производительным силам. Они становятся производительной силой тогда, когда преобразуются в средства труда. Будучи необходимыми, постоянными, относительно неизменными условиями производства, сами по себе они не могут определять развитие общества, быть критерием общественного прогресса. От уровня общественных производительных сил зависит количество разведанных естественных ресурсов производства и их использование. С развитием производства открываются новые источники естественных богатств, а некоторые естественные условия могут стать менее производительными, например при хищническом истреблении лесов, истощении рудников и т. п.

Производительные силы составляют лишь одну сторону способа производства. Они выражают отношение людей к предметам и силам природы, которые используются обществом для производства материальных благ. Но в процессе производства люди вступают в определенные отношения не только к природе, но и друг к другу. Эти взаимные отношения людей в процессе производства, которые Маркс назвал *производственными отношениями*, составляют другую сторону способа производства.

Производительные силы и производственные отношения, взятые в их единстве, составляют способ производства.

«В производстве,— писал Маркс,— люди вступают в отношение не только к природе. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»[1].

Люди производят материальные блага не в одиночку, не изолированно друг от друга. Вне общества, без производственных связей между людьми не может быть производства. В древ-

---

ход общественного развития. «Экономические эпохи,— писал Маркс,— различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» (*К. Маркс*, Капитал, т. I, стр. 187).

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 6, 1957, стр. 441.

нейшие времена люди жили общинами и совместно трудились. Возникновение частной собственности на средства производства положило конец первобытнообщинному производству, но в то же время сделало экономические связи между производителями более разносторонними. Даже мелкое хозяйство крестьянина и ремесленника, которое выглядит на первый взгляд как нечто замкнутое, обособленное, фактически включено в общественное производство. Орудия производства, которыми пользуются крестьяне и ремесленники, созданы не ими, а теми людьми, которые добывали железную руду, превращали ее в железо и сталь, изготовляли сельскохозяйственный инвентарь и ремесленные инструменты. Купить эти орудия производства крестьяне и ремесленники могли лишь в обмен на продукты своего труда.

Понятие *производственные отношения* в широком смысле слова охватывает все формы экономических отношений между людьми. Такими отношениями являются, например, общественное разделение труда между людьми, занятыми в различных отраслях производства, в частности в добывающей и обрабатывающей промышленности. Определенную область экономических, производственных отношений составляют также разделение труда между городом и деревней и формы экономических связей между ними. Отношения обмена, купли и продажи — это также производственные отношения. Способы распределения дохода составляют также одну из сторон производственных отношений.

Таким образом, производственные отношения в широком смысле слова охватывают отношения производства, обмена и распределения материальных благ. В более узком смысле Маркс употребляет это понятие, когда он выделяет отношения, складывающиеся непосредственно в процессе производства, и показывает, что отношения обмена и распределения представляют собой их оборотную сторону.

За движением материалов и вещей в товарно-капиталистическом обществе надо видеть отношения и связи людей. При выяснении сущности производственных отношений необходимо раскрыть положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношения.

Во всей совокупности производственных отношений основным, определяющим все другие отношения является отношение людей к средствам производства, формы соединения производителей со средствами производства, а значит формы собственности. Сущность любого типа производственных отношений характеризуется прежде всего формой собственности на средства производства, т. е. тем, в чьем владении находятся средства производства (земля и ее недра, леса, сырые материалы, орудия производства и т. п.).

Существуют две основные формы собственности: частная и общественная. В зависимости от форм собственности, от того,

в чьем распоряжении находятся средства производства — в распоряжении всего общества или отдельных лиц, групп, классов, различаются две основные формы производственных отношений. Если средства производства находятся в руках одной части общества, а другая часть общества их не имеет, то отношения между людьми являются отношениями господства и подчинения, эксплуатации и угнетения. Если средства производства находятся в общественной собственности, то отношения между людьми строятся на основе сотрудничества и взаимопомощи. Почему так происходит?

Когда средства производства становятся частной собственностью, то отношение всех людей к ним не может оставаться одинаковым, возникает неравенство: одни люди имеют больше, другие меньше средств производства, а третьи вовсе их не имеют. Но так как производить без средств производства нельзя, то люди, не имеющие их или имеющие неосновные средства производства, попадают в зависимость к владельцам основных средств производства. Например, при капитализме рабочие, лишенные всяких средств производства, вынуждены работать на капиталистов, а малоземельные крестьяне — на помещиков и кулаков. Когда средства производства составляют общественную собственность, то работники непосредственно соединены со средствами производства и все люди имеют доступ к работе и получают по труду.

Важнейшей чертой каждого способа производства является форма распределения средств производства между людьми, участвующими в производстве, а стало быть, и определенный способ соединения работников со средствами производства. «Каковы бы ни были,— указывал Маркс,— общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в состоянии отделения одни от других, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того чтобы вообще производить, они должны соединяться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи общественного строя»[1].

Если средства производства и работники соединены таким образом, что и те и другие являются полной собственностью хозяина-рабовладельца, то это рабовладельческий способ производства. Если соединение средств производства с работниками достигается тем, что владелец средств производства по найму покупает рабочую силу, то это капиталистический способ производства.

Отношение людей к средствам производства определяет все другие отношения в обществе: положение и место людей и раз-

---

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. II, 1955, стр. 32.

личных социальных групп в производстве и их взаимоотношения, формы обмена деятельностью между ними, способы распределения продуктов. Например, капиталисты, владеющие средствами производства, распоряжаются всей произведенной на их предприятиях продукцией, а создавшие ее рабочие получают лишь стоимость своей рабочей силы (и то обычно не полностью) в виде заработной платы. При социализме, где осуществлена общественная собственность на средства производства, исключена эксплуатация человека человеком, а распределение осуществляется по труду.

Социологи-идеалисты утверждают, что экономические отношения складываются по добровольному согласию: люди условились превратить землю в частную собственность — и появились землевладельцы; помещик договорился с крестьянами, что он дает им по клочку земли, а они за это будут работать в его хозяйстве или платить ему оброк, т. е. станут крепостными; капиталист договорился с рабочими, что они за определенную плату будут работать на его фабрике — так возникли капиталистические предприятия.

Но почему же, спрашивается, между людьми устанавливаются именно такие, а не иные отношения? Определяется ли это желанием людей?

Производственные отношения не могут устанавливаться произвольно — это объективные, материальные отношения, не зависящие от воли людей. Люди не свободны в выборе своих производственных сил, а от уровня развития производительных сил зависят производственные отношения. При современных средствах производства капиталистический предприниматель не может вернуться к крепостной системе хозяйства. Точно так же феодал не мог по своему усмотрению прибегнуть к капиталистической системе хозяйства, ибо при средневековых орудиях производства немыслимо было ведение крупного хозяйства с применением наемного труда; крепостной работник не мог бы работать на машинах, требующих более культурного и более заинтересованного в труде работника. Только тогда, когда крепостной труд вследствие развития производительных сил начал изживать себя, помещичьи латифундии стали сменяться капиталистическими хозяйствами.

Жизненная необходимость заставляет людей производить средства своего существования, а так как производство осуществляется ими всегда при определенных, не зависящих от их воли и желания объективных условиях, то и отношения между людьми, складывающиеся в процессе производства, не устанавливаются ими по своему усмотрению. Более того, вступая в эти отношения, люди могут даже не сознавать того, что они находятся между собой в общественных производственных отношениях. Например, обычно не сознавал этого крестьянин, который стал

вывозить свой хлеб на рынок и оказался в зависимости от рыночной стихии.

Каждое поколение застает определенный способ производства и подчиняется законам его развития, пока этот способ не подвергнется преобразованию. Преобразование способа производства происходит не произвольно, а закономерно, в зависимости от развития производительных сил.

5. Определяющая роль способа производства в изменении форм общественной жизни

Изучение развития производительных сил и производственных отношений дает ключ к объяснению строения общества и к пониманию причин смены одной общественно-экономической формации другой.

Каждая общественно-экономическая формация представляет собой определенную ступень в прогрессивном развитии человечества. История человечества есть история развития и смены общественно-экономических формаций: на смену *первобытнообщинной* формации пришла *рабовладельческая*, которую сменил *феодализм*; феодальный строй должен был уступить место *капиталистическому*, а капиталистический строй ныне уже заменен в ряде стран *социалистическим* строем, представляющим первую фазу *коммунистической* формации.

В основе последовательной смены общественно-экономических формаций лежит смена способов производства. Когда на смену старому способу производства приходит новый, то это влечет за собой изменение всего общественного строя, снизу доверху. Существование каждой общественной формации исторически оправдано до тех пор, пока она способствует прогрессивному развитию общества. Когда же существующий общественный строй превращается в тормоз развития, его гибель становится неизбежной.

В зависимости от способа производства находится и внутреннее строение каждой общественно-экономической формации. История показывает, что строй общественной жизни, классовый состав общества, политические, правовые, этические и другие взгляды и соответствующие им учреждения определяются в конечном счете способом производства. Сопоставление различных общественно-экономических формаций показывает, что разделение общества на классы, эксплуатация человека человеком, политическое угнетение и бесправие масс связаны с исторически определенными способами производства, основанными на частной собственности на средства производства. При первобытнообщинном строе, где господствовала общинная собственность

на средства производства, не было классов и эксплуатации человека человеком. С появлением частного производства и частной собственности на средства производства общество раскалывается на классы и между людьми складываются отношения эксплуатации, господства и подчинения. Эти отношения характерны для рабовладельческого строя, феодализма и капитализма. «Рабство,— указывает Энгельс,— первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следуют: крепостное право в средние века, наемный труд в новое время. Таковы три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации»[1].

Лишь с уничтожением способов производства, основанных на частной собственности на средства производства, с возникновением и утверждением социалистического способа производства коренным образом изменяется весь уклад общественной жизни, ликвидируются эксплуататорские классы, уничтожается эксплуатация человека человеком, утверждаются новые политические и правовые взгляды и учреждения, выражающие интересы трудящихся.

С изменением способов производства происходило также изменение родовых и семейных отношений.

При первобытнообщинном строе не было моногамной *семьи*. Основной хозяйственной ячейкой являлась тогда родовая община. На ранних ступенях первобытного общества существовал групповой брак, а затем возник парный брак. Первенствующее положение в родовой общине вначале занимали женщины, в зависимости от их места в производстве. Женщины, занимаясь собиранием растительной пищи и ведя домашнее хозяйство, положили начало первобытному земледелию, что имело решающее значение в добывании средств существования. Охота, которая была делом мужчин, не могла служить надежным источником существования. Вследствие этого женщины заняли более высокое положение по сравнению с мужчинами. С переходом от охоты к скотоводству, а затем от мотыжного к пашенному или сошному земледелию мужчины обрели господствующее положение в общественной жизни. Матриархат сменился патриархатом. Если прежде происхождение детей и наследование имущества велось по женской линии, по матери, то теперь — по мужской линии, по отцу. Так возникает моногамная семья с мужчиной во главе, со своим, частным хозяйством. Частная собственность неразрывно связана с возникновением такой обособленной моногамной семьи, ставшей хозяйственной ячейкой общества.

На протяжении всей истории эксплуататорского общества женщины находились в приниженном, бесправном положении. Строй частной собственности поработил женщину, она сама

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 307.

стала собственностью мужчины. Лишь с развитием крупной промышленности и вовлечением женщин в производство для них открылась дорога к освобождению. Женщины-работницы стали активной силой в борьбе с эксплуататорами. «...Крупная промышленность,— указывал Маркс,— отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола, создаёт экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами»[1].

Но только с уничтожением частной собственности на средства производства создаются условия для полного равноправия женщин с мужчинами. При социализме женщина занимает равное с мужчинами место в производстве, в общественно-политической и культурной жизни. Тем самым развиваются предпосылки для равенства мужчины и женщины в семье. Если частная собственность на средства производства уродовала семейные отношения, то социалистическая собственность служит основой укрепления здоровых семейных отношений.

Зависимость форм общественной жизни от способов производства можно видеть и при рассмотрении возникновения и развития таких этнических и исторических форм общности людей, как *племя*, *народность*, *нация*.

В первобытном обществе не было деления людей на нации, население делилось по родам и хозяйственная жизнь замыкалась в пределах рода. С развитием производства хозяйственные связи распространились на племена и союзы племен. Но племенные объединения не являлись устойчивой общностью. Связь между племенами то крепла, то вновь ослабевала, пока развитие производительных сил и укрепление экономических связей не спаяло людей в более крупные и постоянные объединения.

Государство, возникшее в результате разложения первобытнообщинных отношений и раскола общества на классы, знаменовало собой разделение людей не по родственным группам, а по территориальному признаку. Деление населения по территориальному признаку и переход главных функций рода к государству доконали старый племенной быт. Однако возникшие государства, разрушив племенную общность, не создали еще общности национальной. В рабовладельческом и феодальном обществе население делилось на народности. И хотя уже в средние века у различных народностей имелись такие предпосылки для образования наций, как общность языка и территории, возникали элементы культурной общности, но без общности экономической жизни, без прочных экономических связей между районами и областями страны невозможно было соединение людей в нацию.

Развитие капиталистического способа производства сло-

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, стр. 495.

мало феодальную раздробленность и замкнутость, расширило экономические связи и привело к созданию национальных государств, к ликвидации обособленных феодальных княжеств.

Ленинизм вскрыл несостоятельность измышлений народников и других противников марксизма о том, будто национальные связи представляют продолжение связей родовых. Слияние обособленных земель в одно целое и объединение людей в нации вызваны не развитием родовых отношений, а усилением обмена между областями, ростом товарного обращения, установлением тесных экономических связей между населением данной территории.

Таким образом, экономическое развитие послужило основой, на которой возникла такая исторически устойчивая общность людей, как нация. Нации возникают на основе роста производительных сил, упрочения экономических связей между людьми, населяющими общую территорию и говорящими на одном языке.

Идеалистическая социология отрывает национальный вопрос от экономической почвы, рассматривает нации вне связи с условиями хозяйственной общественной жизни, исходит лишь из психологии или языковой общности людей. Между тем в действительности происходит наоборот: национальный характер, психические черты, общие для той или иной группы людей, являются результатом условий их экономической жизни.

Марксизм-ленинизм учит, что *нация* — это не племенная и не расовая, а исторически сложившаяся общность людей, возникшая на основе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в особенностях национальной культуры.

Развитие капитализма привело к образованию буржуазных наций и буржуазных национальных государств. Но капитализм принес также неравенство и угнетение наций. Мировая капиталистическая система хозяйства создана не путем добровольного соглашения наций на взаимно выгодных началах, а путем экономического закабаления и насильственного подчинения многих народов, путем завоеваний, аннексий, колониальных захватов.

Только социализм несет уничтожение национального гнета и установление полного равноправия наций. Уничтожение частной собственности на средства производства, ликвидация эксплуататорских классов, организация социалистического народного хозяйства являются основой братского сотрудничества народов. На базе социалистических производственных отношений возникают социалистические нации, укрепляется дружба народов, происходит расцвет национальной государственности и культуры.

Таким образом, изменения в общественно-политическом строе и в духовной жизни людей обусловливаются изменениями в

способе производства. Изменение общественного строя, общественных идей, политических и правовых учреждений, форм семьи вследствие развития способов производства есть закон развития общества.

Поэтому история человечества есть прежде всего история развития производства, история развития производительных сил и производственных отношений. Изучение законов развития производства, законов развития производительных сил и производственных отношений есть ключ к научному познанию исторического процесса развития человеческого общества.

ГЛАВА XIII

ДИАЛЕКТИКА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

1. Зависимость производственных отношений от характера производительных сил

Мы выяснили, что степень развития производства материальных благ, способ производства определяет строение общества. Изменение способа производства ведет к изменению структуры общества, к коренным социальным преобразованиям. В этой связи приобретает огромное значение вопрос: *чем же определяется изменение способа производства*?

Общественная наука должна дать ответ не только на вопрос о том, что определяет физиономию, характер общества в каждый данный исторический момент, но и на вопрос о том, чем определяется в последнем счете динамика общества, его развитие.

Способ производства, как было сказано, есть единство производительных сил и производственных отношений. Какая же из этих двух сторон производства является ведущей, определяющей, каково их влияние друг на друга?

Ведущей, определяющей стороной в развитии способов производства служат производительные силы. Они являются самым подвижным, самым «беспокойным», непрестанно развивающимся элементом материальной жизни общества. Это обусловлено самой сущностью процесса материального производства, тем, что он совершается непрерывно, ибо люди не могут существовать без материальных благ. Производительные силы являются наиболее революционным элементом производства. Их развитием и обусловливается изменение производственных отношений.

Развитие производительных сил составляет содержание процесса производства, а производственные отношения — его общественную форму. Положение диалектического материализма о закономерности развития содержания и формы помогает нам понять диалектику развития производительных сил и производственных отношений. Производительные силы, представляющие собой содержание процесса производства, определяют характер производственных отношений, ту экономическую форму, в которой осуществляется процесс производства.

В процессе развития общественного производства сначала изменяются производительные силы и прежде всего орудия производства, а вслед за ними изменяются производственные отношения людей.

Орудия труда — это, как указывает Маркс, не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд. «Такую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций»[1].

История показывает, что перевороты в технике производства рано или поздно приводят к коренным сдвигам в общественной жизни. Так, переход от каменных орудий к металлическим привел в конечном счете к разрушению первобытнообщинного строя и возникновению классового общества. В первобытном обществе производительные силы были настолько неразвиты, что все произведенное потреблялось без остатка. Какого-либо излишка продуктов, который мог быть присвоен отдельными людьми в частную собственность, еще не было.

Изготовление орудий труда из металла, в особенности из железа, привело к значительному повышению производительности труда. Применение железного топора и лопаты, сохи с железным лемехом, движимой силой животных, открыло широкие возможности для развития земледелия. Появление металлических инструментов двинуло вперед ремесленное производство и строительное дело.

С развитием производительных сил человек стал производить больше, чем нужно ему для непосредственного потребления. Появился некоторый излишек — прибавочный продукт, а вместе с ним и возможность присвоения продуктов чужого труда; тогда именно возникает частная собственность, а с ней и имущественное неравенство. Дело в том, что по мере развития производительных сил в производственный процесс все более проникало разделение труда, этим подрывались общинное производство и общинное присвоение произведенных продуктов. С разделением труда появился обмен продуктами производства первоначально между общинами, а затем между отдельными производителями. Появление частного производства означало возникновение частной собственности на средства производства. На основе частной собственности возникла эксплуатация человека человеком.

Пока каждый человек мог производить лишь столько, сколько нужно было для его пропитания, прибавочного про-

---

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, стр. 187.

дукта не было, невозможна была и эксплуатация; военнопленных или убивали или превращали в равноправных членов общины. Вопрос о военнопленных приобрел совсем другое общественное значение, когда выросла производительность труда и появился прибавочный продукт. В этих условиях пленных выгодно стало превращать в рабов. В кабалу и долговое рабство стали попадать разорившиеся общинники. Возникла эксплуатация человека человеком, изменилась структура общества. Таковы были последствия изменения орудий производства и повышения производительности труда.

Какое влияние имеет изменение орудий труда на производственные отношения, видно и на таком примере. Переход от ремесла и ручного труда к машинному производству привел к победе капиталистической системы хозяйства над феодализмом. Еще в недрах феодализма стали появляться сравнительно крупные мастерские, организуемые торговцами-скупщиками, ростовщиками, разбогатевшими мастерами. Не выдерживая конкуренции с крупными мастерскими, ремесленники и кустари разорялись, становились наемными рабочими. С ростом общественного разделения труда и товарного производства происходило расслоение крестьянства, распадение его на сельскую буржуазию и сельский пролетариат. Но полное преобразование феодального способа производства в капиталистический произошло лишь с появлением машин и нового, технического разделения труда внутри фабрики, с массовым применением наемного труда.

Изобретение механического ткацкого станка, прядильной машины и парового двигателя, а вместе с ними появление нового типа рабочего вызвали целую промышленную революцию. Опираясь на новые производительные силы, буржуазия покончила с феодальной организацией хозяйства. Применение машин дало капиталисту громадные преимущества перед мелким производством. В связи с этим усилилось разорение мелкого хозяйства, отделение производителей от средств производства и создание армии наемных рабочих. Перед капиталистическим крупным производством, вооруженным машинной техникой, не могло устоять ни мелкое производство ремесленников и крестьян, ни рутинное помещичье хозяйство, основанное на труде крепостных.

Буржуазные социологи пытаются опровергнуть марксистское положение о зависимости производственных отношений от развития производительных сил ссылкой на то, что переход от капитализма к социализму не связан с каким-либо переворотом в развитии орудий производства. Но эта ссылка несостоятельна. Каждый новый способ производства исходит из тех производительных сил, которые выросли в недрах старого общества и которые уже не вмещаются в рамки отживающих производственных отношений, сковывающих развитие производства. Капиталистические производственные отношения первоначально опирались на ремесленные орудия производства, на базе которых создавались крупные мастерские и мануфактуры. Зарождение капита-

листических производственных отношений предшествовало промышленному перевороту, который положил начало громадному развитию техники. Но в зависимости от развития техники совершался процесс разрушения и вытеснения феодальных производственных отношений и утверждения и распространения буржуазных производственных отношений. Уровень производительных сил, выросших в недрах феодализма и послуживших основой для зарождения капиталистических производственных отношений, был таким, что для них феодальные производственные отношения стали уже тесными. Это доказано всеми антифеодальными революциями и повсеместной победой капиталистических отношений в одной европейской стране за другой. Затем этот процесс охватил и страны Азии.

Социалистический способ производства первоначально исходит из тех производительных сил, которые созданы капитализмом. Развивая новейшие достижения техники, осуществляя электрификацию всего народного хозяйства, социалистическое общество идет по пути создания более высокой материально-технической базы, которая необходима для перехода к коммунизму. Эта качественно новая материально-техническая база основывается на использовании высших достижений науки и техники, на комплексной механизации, полной автоматизации производства, на широком использовании химии, атомной энергии.

Итак, вслед за развитием производительных сил, в зависимости от этого развития изменяются производственные отношения.

Производство может беспрепятственно развиваться лишь при том условии, если производственные отношения людей находятся в соответствии с характером производительных сил. Но соответствие между ними существует не всегда.

Производительные силы и производственные отношения развиваются неравномерно и изменяются не одновременно. Производительные силы растут и изменяются непрестанно, а производственные отношения, формы собственности не изменяются повседневно; производственные отношения, как форма, имеют тенденцию отставать и отстают от своего содержания, от развития производительных сил. Вследствие этого соответствие производственных отношений характеру производительных сил нарушается, создается противоречие: производственные отношения становятся тормозом, вступают в противоречие, в классовом обществе — в конфликт с развитием производительных сил. Однако возникшее таким путем несоответствие между производительными силами и производственными отношениями рано или поздно должно быть устранено, этого требует жизненная необходимость развития общества. Необходимость разрешения этого противоречия заставляет общество приводить свои производственные отношения в соответствие с характером, уровнем и потребностями развития производительных сил.

Закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил выражает необходимую связь и взаимозависимость между двумя сторонами производства, зависимость производственных отношений, как общественной формы производства, от производительных сил. Это объективный экономический закон развития общественного производства.

Общественные формы производства (производственные отношения людей) исторически преходящи, сменяют друг друга в ходе экономического развития. «Достигнув известной ступени зрелости, данная историческая форма,— указывал Маркс,— сбрасывается и очищает место более высокой»[1]. Следовательно, способ производства развивается и изменяется путем преодоления возникающих противоречий.

Во всех досоциалистических общественных формациях производительные силы и производственные отношения приходили со временем в непримиримое противоречие, которое в конце концов разрешалось социальной революцией, ликвидацией отживших производственных отношений, ставших тормозом общественного развития. Устранение конфликта между производительными силами и производственными отношениями открывает новые возможности для развития производства.

2. Воздействие производственных отношений на развитие производительных сил

Производственные отношения изменяются в зависимости от развития производительных сил. Но от чего же зависит развитие самих производительных сил?

При решении этого вопроса многие теоретики II Интернационала допускали отступления от марксизма. Некоторые из них считали, что рост производительных сил, являющийся конечной причиной развития общества, в свою очередь обусловливается свойствами географической среды. Такого рода высказывания имеются, например, в отдельных работах Г. В. Плеханова. Но, как уже отмечалось в XII главе, географическая среда, оказывая большое влияние на характер и темпы развития материального производства, не является определяющей причиной роста производительных сил.

Ревизионист А. А. Богданов пытался объяснить развитие производительных сил ростом народонаселения. Но такое объяснение, как уже говорилось в предыдущей главе, также неправильно. Рост народонаселения является важным условием развития производительных сил, но не может определять это развитие. Народонаселение во многих странах Азии росло быстрее народонаселения европейских стран, а развитие производительных сил в странах Азии было последние полтора-два столетия крайне медленным. Объясняется это господством иностранного капитала и феодальными производственными отношениями, поддерживавшимися колонизаторами.

Среди части марксистов было распространено убеждение, что развитие производительных сил обусловливается ростом потребностей людей. Бесспорно, рост потребностей людей оказывает огромное влияние на развитие производительных сил, стимулирует развитие производства, увеличивает спрос на предметы потребления. Но самый рост потребностей определяется развитием материального производства. Производство создает не только предметы потребления, но и способ потребления, обусловливает разнообразие и уровень потребностей и потребления. В зависимости от развития общественного производства и изменения социального строя изменяются потребности людей. Так, у русского крестьянина при буржуазно-помещичьем строе были весьма ограниченные потребности, которые из поколения в поколение

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. III, 1955, стр. 897—898.

почти не претерпевали изменений. Но стоило покончить с отжившим социальным строем, изменить условия жизни крестьянина, как его потребности стали быстро расти. Этот рост потребностей, конечно, стимулирует развитие социалистического производства, но раньше, чем стать причиной, он сам явился следствием развития производства.

Некоторые из теоретиков II Интернационала пытались найти определяющую причину развития производительных сил в росте познания, в развитии науки. На такой точке зрения стоял К. Каутский. Это идеалистическое понимание причин развития производительных сил широко распространено и в современной буржуазной социологии. Идеологи буржуазии преподносят выдающиеся научные открытия последних десятилетий как «доказательство» первенства духа над материей, мысли над практической деятельностью.

Бесспорно, наука играет великую и все возрастающую роль в развитии производительных сил. Но сама наука движется вперед вовсе не какими-то потенциями духа, как это утверждают идеалисты, а в конечном счете потребностями материального производства. Производственная и шире — общественная практика является той плодородной почвой, на которой произрастают все ветви научного познания.

В свою очередь достижения науки, выросшие из потребностей материального производства, помогают развитию производительных сил, содействуя совершенствованию орудий производства и повышению квалификации работников. Промышленное производство не могло бы выйти из стадии ремесла без развития физики и химии. Без науки не могло бы быть современного водного, железнодорожного и воздушного транспорта, не было бы современных средств связи.

Сельское хозяйство на протяжении ряда веков оставалось застойным. Широкое применение машин и электричества, а также биологии и химии открывает богатейшие возможности для развития сельскохозяйственного производства.

Наиболее выдающимся достижением современной науки является открытие и применение атомной энергии. Эти успехи знаменуют величайшие сдвиги в развитии энергетики и техники производства. При ядерном делении одной тонны урана-235 выделяется примерно столько же энергии, как при сгорании 2 миллионов тонн угля. При термоядерных реакциях, происходящих в процессе синтеза ядер водорода и превращения их в ядро гелия, выделяется энергии во много раз больше, чем при расщеплении урана. Овладение способами регулирования термоядерных процессов даст человечеству неиссякаемые запасы дешевой энергии.

Но возможности использования научных открытий для развития производительных сил зависят от характера производственных отношений, от общественного строя. Капиталистический способ производства дал могучий толчок применению естествознания к промышленности, транспорту и сельскому хозяйству. В силу конкуренции и гонки вооружений в ряде капиталистических стран и теперь научно-технический прогресс в отдельных областях производства идет очень быстрыми темпами. Но применение научных открытий в мирных целях сплошь и рядом наталкивается на препятствия, возводимые корыстными интересами монополистического капитала, который использует достижения науки и техники прежде всего для производства орудий разрушения. Использование империалистами величайшего открытия науки — атомной энергии — прежде всего для подготовки войны, которая может привести к уничтожению многих миллионов людей, городов и сел, фабрик, заводов, служит доказательством того, что капитализм из прогрессивной силы стал силой, разрушающей достижения цивилизации. И науку из творческой силы, призванной служить благу человечества, увеличению его власти над природой, капитализм превращает в силу, враждебную прогрессу и человечеству.

В социалистическом обществе достижения науки используются в интересах трудящихся. Социалистические производственные отношения создают благоприятные условия для технического прогресса всех отраслей хозяйства, для развития производительных сил на основе применения науки.

Итак, от характера производственных отношений зависит, как используются научные открытия, в частности открытие атомной энергии: для создания средств разрушения или для развития производительных сил.

На развитие производительных сил оказывают влияние многие факторы: географическая среда и плотность народонаселения, рост потребностей людей, успехи научного познания и т. д. Но ни один из этих факторов не является коренной, главной причиной развития производства. Основным условием развития производства являются уже созданные обществом производительные силы, и главные источники развития производства нужно искать прежде всего в самом производстве, а не вне его. Эти источники — диалектическое взаимодействие элементов производства, в частности элементов производительных сил, их внутренние противоречия, и главным образом взаимодействие производительных сил и производственных отношений.

Как уже говорилось, в процессе производства люди воздействуют на окружающую их природу и изменяют ее, а вместе с тем изменяют и самих себя. В процессе труда происходит непрестанное взаимодействие между элементами производительных сил — орудиями производства и людьми. Развивая свои навыки к труду, накапливая производственный опыт, люди вместе с тем совершенствуют и орудия производства. А новые, более совершенные орудия производства влекут за собой изменение квалификации людей, дальнейшее развитие самих работников производства. Таким образом, в процессе производства, поскольку он представляет собой процесс взаимодействия между человеком и природой, заложены побудительные причины развития производительных сил. К числу этих причин относится и стремление людей облегчить свой труд, добиться увеличения средств существования путем усовершенствования орудий труда.

Но эти стимулы действуют различным образом в зависимости от того, в какой общественной форме осуществляется материальное производство. В различных общественно-экономических формациях, на разных стадиях исторического процесса производительные силы развиваются весьма различными темпами. Решающее влияние на темпы роста и характер развития производительных сил оказывают производственные отношения. От характера производственных отношений зависят те специфические экономические законы, по которым происходит развитие производительных сил в каждой общественно-экономической формации, те движущие силы, которые толкают это развитие вперед.

Производственные отношения как общественная форма производства могут открывать более или менее широкий простор для развития производства или, наоборот, стеснять, сковывать это развитие. Если производственные отношения соответствуют характеру производительных сил, они дают простор для их развития. Если данные производственные отношения

отжили свое время, пришли в противоречие с производительными силами, они сковывают их развитие.

Например, производственные отношения первобытнообщинного строя сыграли огромную прогрессивную роль на ранних ступенях развития общества. Без общинной собственности, без общинного совместного производства люди не могли бы выжить и развить свои производительные силы. Но с ростом производительных сил, с углублением разделения труда эта форма производственных отношений, связанная с обособленным существованием небольших общин, изжила себя, перестала соответствовать развитию производительных сил, задерживала, тормозила это развитие. Возникшая тогда частная собственность как основа новых производственных отношений, открывавших более широкие возможности разделения и обобществления труда, более соответствовала потребностям развития производства. Но диалектика развития частной собственности такова, что вместе с ней возникли экономическое неравенство людей и рабство.

Рабовладельческий строй при всей его жестокости оказался более высокой ступенью общественного развития. При этом строе в широких масштабах была применена кооперация труда, т. е. объединение усилий многих работников в трудовом процессе. Известно, что объединенный труд дает возможность осуществить задачи, невыполнимые разрозненными силами людей. Уже в далеком прошлом комбинированным трудом осуществлялись, например, такие задачи, как поднятие больших тяжестей, постройка крупных зданий, создание больших плотин, оросительных каналов, мостов, укреплений и т. д. По свидетельству Геродота, на строительстве Хеопсовой пирамиды было занято не менее 100 тысяч человек.

Появление в древнем мире крупных рабовладельческих поместий, ремесленных мастерских, рудников, развитие строительного дела привело к созданию разнообразных орудий и механических приспособлений (водоподъемные сооружения, механические средства для раскалывания и дробления камня и руды, для подъема тяжестей и т. п.). Но рабы не были заинтересованы в труде, портили орудия, и рабовладельцы давали им лишь самые грубые орудия производства, которые нельзя было сломать или разбить. Наиболее важные технические изобретения Архимеда применялись преимущественно для военных целей (камнеметные и копьеметательные «машины», сооружения для захвата и потопления неприятельских судов посредством железного крюка и т. д.). Остроумные механические устройства Герона Александрийского использовались главным образом для придворных развлечений (театр движущихся автоматов). Дешевый рабский труд не мог способствовать внедрению техники в производство. Таковы противоречия развития производительных сил в условиях рабства.

При феодализме несколько расширились возможности роста техники. Крепостные крестьяне в своем хозяйстве бережнее относились к орудиям производства, чем рабы, но барщина также подавляла заинтересованность в совершенствовании техники. На протяжении всего средневековья в сельском хозяйстве основными орудиями являлись соха, борона, мотыга, серп, коса, грабли, вилы, цеп, лопата, топор. Из более сложных орудий применялся колесный плуг. Широкое распространение получили водяная, а затем ветряная мельницы. Промышленное ремесленное производство, все более обособлявшееся от земледелия и сравнительно менее связанное феодальными путами, достигло ряда успехов. Особенно важным было открытие передельного способа получения железа, появление доменных печей и чугунолитейного дела. Но в целом техника при феодализме развивалась медленно.

Применяя вместо крепостного вольнонаемный труд, капитализм совершил переворот в технике производства и посредством машин повысил производительность труда. Капитализм в пору его молодости создал неизмеримо более могущественные стимулы развития производительных сил по сравнению со всеми предшествующими формациями. Ненасытная жажда прибыли, накопления и конкуренция толкали капиталистов непрестанно совершенствовать технику и расширять производство. При капитализме произошло громад-

ное обобществление процесса производства. Развитие капиталистического производства связано с углублением разделения труда и ростом специализации работников. В эпоху империализма в результате возникновения крупнейших монополистических объединений производство все более приобретает общественный характер. Но частная собственность капиталистов на средства производства ставит все большие и большие преграды развитию общественных производительных сил, мешает планомерной организации производства в масштабе целой страны и в мирном хозяйстве. Разделение труда при капитализме получает однобокий, уродливый характер: рабочий специализируется на одной ограниченной производственной операции и становится придатком машины в поточном производстве. Капиталисты внедряют новые машины лишь тогда, когда это сулит им повышение прибылей. Они задерживают применение открытий и изобретений, если новая техника угрожает их барышу.

При социализме создаются условия для более быстрого развития техники, ибо трудящиеся массы, став хозяевами производства, кровно заинтересованы в самом широком применении машин, которые не только повышают производительность труда, но и облегчают труд людей. Социалистический способ производства освобождает развитие техники от препятствий и противоречий, порождаемых капиталистической системой хозяйства.

В современных условиях наиболее высокой ступенью технического развития является автоматизация производства. Благодаря автоматизации один или несколько рабочих могут управлять значительным количеством машин и механизмов. Например, на Днепровской гидроэлектростанции девять гидротурбин и ряд других механизмов обслуживаются шестью дежурными в смену. Применение автоматизации открывает перспективу небывалого роста производительности труда. В условиях социализма автоматизация производства отвечает насущным интересам народа, становится мощным средством развития производительных сил и создания изобилия предметов потребления для трудящихся.

При социализме осуществляется всестороннее обобществление производства и развивается рациональное разделение труда. Если даже в подневольных условиях простая кооперация труда рождала новую производительную силу, то тем более велико значение социалистической кооперации труда. В обстановке товарищеской взаимопомощи и социалистического соревнования кооперация труда намного повышает его производительность. На основе повышения культурно-технического уровня рабочих преодолеваются вредные последствия старого разделения труда, пожизненно приковывавшего людей к выполнению какой-либо одной частичной функции. Вместо уродливой частичной специализации, при социализме по мере роста общего и политехнического образования развивается высокое производственно-техническое мастерство.

В современных условиях одной из наиболее действенных форм разделения и обобществления труда являются специализация и кооперирование в промышленности, установление рацио-

нальных производственных связей между предприятиями. Развитие специализированных заводов для изготовления однотипной продукции, стандартизация деталей и изделий позволяют обеспечить массовое их производство. В развитых капиталистических странах широко применяются эти формы повышения производительности труда, но наибольший эффект они могут дать в условиях планомерно организованного социалистического хозяйства.

Итак, производственные отношения оказывают решающее влияние на развитие орудий производства, на организацию труда, на развитие рабочей силы. Новые производственные отношения более благоприятны для совершенствования орудий производства, для прогресса техники, для кооперации и разделения труда. Но не только в этом проявляется воздействие производственных отношений на развитие производительных сил. От типа производственных отношений зависят те материальные стимулы, которые приводят в движение массы людей, участвующих в производстве.

Характер производственных отношений прежде всего сказывается на отношении непосредственных производителей к труду, на степени их заинтересованности в повышении производительности труда. Новые производственные отношения обычно в той или иной мере усиливают заинтересованность работников в повышении производительности труда. Крепостные крестьяне по сравнению с рабами более заинтересованы в повышении производительности труда: часть времени они работали на себя, в своем хозяйстве и старались увеличить производство. Но, поскольку большую часть времени они даром трудились на помещика, рост производительности труда в феодальном обществе происходил крайне медленно. Рабочий при капитализме, несомненно, более заинтересован в своем труде, чем крепостной крестьянин: наемные рабочие получают заработную плату, которая обычно зависит от выработки. Поэтому рабочие отчасти заинтересованы в увеличении производительности труда. Но так как они при этом эксплуатируются и большая часть продукта их труда присваивается капиталистами, то их заинтересованность в повышении производительности труда ограничена.

В антагонистических общественных формациях господствующей и командующей силой в системе производственных отношений являются эксплуататорские классы. Поэтому воздействие производственных отношений на развитие производительных сил не может осуществляться помимо этих классов. Большое значение для развития общественного производства имеет то, в какой мере эти классы используют прибавочный продукт для расширения производства и в какой мере — для своего личного потребления.

В древнем мире рабовладельцы, в средние века феодалы-крепостники состязались между собой в богатстве и роскоши, стремились как можно больше выжать из трудящихся приба-

вочного продукта, прибегая к самым жестоким способам эксплуатации. Посредством деспотических приемов осуществлялось тогда накопление богатств и развитие производительных сил. Но при натуральном характере хозяйства и низком уровне развития производительных сил рабовладельцы, а позднее феодалы почти всю массу прибавочного продукта затрачивали на потребление или накопление средств потребления и предметов роскоши и сравнительно мало на расширение производства.

Для капиталистов стимулом производства является извлечение прибыли, а они не могут достигать этой цели, не расширяя и не совершенствуя производство. Этим обусловлена та крупная историческая роль, которую буржуазия сыграла в развитии производительных сил. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс отмечали: «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые». Погоня за прибылью и сверхприбылью, ненасытная жажда накопления [1], конкуренция — вот те мощные стимулы к развитию производства, которые создал капитализм. Эти стимулы действовали наиболее эффективно до тех пор, пока производительные силы не переросли рамки буржуазных производственных отношений; однако они не исчезли и при современном капитализме. Но теперь они все больше и больше ведут не только к развитию, но и к разрушению производительных сил.

С установлением социалистических производственных отношений ликвидируются такие стимулы к развитию производства, как погоня за капиталистической прибылью и конкуренция, но создаются новые, неизмеримо более мощные стимулы. При социализме нет эксплуатации, все люди работают на себя, на свое общество, и поэтому все заинтересованы в подъеме производства. Общественная заинтересованность работников в общем повышении производительности труда гармонически сочетается с их личной заинтересованностью, вытекающей из социалистического принципа распределения по труду.

Таким образом, с коренным изменением производственных отношений изменяются общественные условия для развития производительных сил, изменяются законы этого развития, специфичные для каждой общественно-экономической формации. Ликвидация старых и установление новых производственных отношений открывают больший простор для развития производительных сил, создают новые стимулы, движущие силы, ускоряющие развитие.

Это можно видеть на примере истории любой страны. В США до середины XIX в. существовало рабство. Американские план-

[1] Спиноза говорил, что лучшее качество денег — это их количество. А прописной истиной капиталистов всех стран является: денег никогда не бывает слишком много.

таторы нещадно эксплуатировали негров-рабов, обрекали невольников на изнурительный труд. Но в век машинной индустрии рабовладельческие порядки стали помехой развитию производства, препятствием для технического прогресса. В ходе гражданской войны в США рабство было в основном уничтожено, что освободило производительные силы от пут плантаторской системы и открыло широкий простор их развитию.

Еще более наглядно действие закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил проявилось в России. В XIX в. Россия вследствие угнетающего давления отживших крепостнических порядков на ее экономическое развитие оказалась намного позади ряда европейских стран в технико-экономическом отношении. После отмены крепостного права экономическое развитие страны ускорилось, выросла крупная, высококонцентрированная промышленность. Но пережитки феодализма в сочетании с гнетом монополистического капитала задерживали развитие страны и обрекали ее на дальнейшее отставание от более развитых капиталистических стран. Социалистическая революция ликвидировала эти преграды, создала новые, социалистические производственные отношения и открыла неограниченный простор для развития производительных сил.

Социализм таит в себе неисчерпаемые возможности научно-технического прогресса. Не случайно, что США — главная, ведущая страна капитализма — первые применили атомное оружие, сбросив атомные бомбы на мирное население японских городов Хиросима и Нагасаки, а Советский Союз — страна социализма — явился родиной первой в мире атомной электростанции. В этом обнаруживается историческая закономерность. Показателем достигнутой ступени научно-технического развития Советского Союза являются первые в мире искусственные спутники Земли, первая искусственная планета, космическая ракета, запущенная на Луну, и космическая ракета с автоматической межпланетной станцией, обогнувшая Луну. Все это — ярчайшее выражение великих преимуществ социалистического способа производства.

Рассмотрим подробнее диалектическое взаимодействие производительных сил и производственных отношений в развитии капиталистического и социалистического способов производства.

3. Развитие противоречий между производительными силами и производственными отношениями при капитализме

Основу производственных отношений капитализма составляет капиталистическая частная собственность на средства производства, используемая для эксплуатации наемных рабочих. В отличие от натурального хозяйства феодального общества капитализм есть товарное производство, притом на высшей ста-

дии его развития, когда и рабочая сила становится товаром. Между рабочими и средствами производства стоит капиталистический предприниматель. Производитель, прежде чем пустить свою рабочую силу в ход, вынужден продать ее владельцу средств производства — капиталисту.

Переход от феодального строя к капиталистическим производственным отношениям был исторически прогрессивным. Капитализм открыл более широкие возможности для развития производительных сил, чем феодализм, сконцентрировал производство на крупных предприятиях, дальше двинул развитие техники. Рост товарного производства разрушил свойственную натуральному хозяйству обособленность и замкнутость хозяйств и экономических районов, соединил местные рынки в единый национальный, а затем и мировой рынок.

При капитализме производство все более приобретает общественный характер, но средства производства остаются частной собственностью. Поэтому возникло противоречие между общественным характером производства и частнособственнической формой присвоения. При мелком производстве владелец средств производства присваивал продукт собственного труда, при капитализме собственник средств производства присваивает продукт чужого труда. Прежняя, частная форма присвоения, имевшая предпосылкой частное производство отдельных производителей, осталась при растущем обобществлении производства; в этом несоответствии — главное противоречие капитализма. Это противоречие уже переросло в конфликт между производительными силами и всей совокупностью капиталистических отношений производства, обмена и распределения.

В погоне за увеличением прибыли капиталисты расширяют производство товаров, применяют новые машины, увеличивают интенсивность труда. При этом неизбежно обостряется противоречие между безграничным стремлением капиталистов к расширению производства и ограниченным потреблением народных масс вследствие растущей эксплуатации их и необеспеченности. В результате этого периодически образуется излишек товаров, в то время как масса населения испытывает острый недостаток в них. Капитализм порождает экономические кризисы перепроизводства, массовую безработицу, что ведет к огромной растрате производительных сил. Закрытые вследствие кризисов фабрики и заводы, уволенные рабочие выходят из строя действующих производительных сил. Экономические кризисы — это лишь временное разрешение противоречий, которые накапливаются и затем выступают с новой силой. Кризисы ведут к растрате громадной массы производительных сил и вместе с тем дают толчок дальнейшему росту техники, развитию производства и обобществлению труда.

В эпоху империализма произошло дальнейшее обострение основного противоречия капитализма — противоречия между

общественным характером производства и капиталистическим способом присвоения. Основной экономической особенностью империализма является господство монополистических союзов крупнейших предпринимателей. Эти союзы капиталистов сосредоточивают в своих руках производство и сбыт товаров в целой отрасли промышленности или даже в ряде смежных отраслей и занимают монопольное положение. Монополистические объединения выросли из концентрации производства, порожденной свободной капиталистической конкуренцией, в результате разорения массы мелких и средних предпринимателей. В США владельцы мелких и средних предприятий вместе с работоспособными членами их семей в 1870 г. составляли 40,4% ко всему работоспособному населению, а в 1954 г.— 13,3%. В США 250 гигантских корпораций капиталистов сосредоточивают в своих руках примерно $^2/_3$ всей производственной мощности страны, компания стали владеет $^3/_4$ всех запасов железа, 16 фирм контролируют более 83% всех запасов меди. В силу монопольного, т. е. господствующего, всевластного, положения в производстве и на рынке капиталистические объединения диктуют цены на сырье и на готовые товары, устанавливают уровень заработной платы, распоряжаются техническими открытиями и изобретениями. Громадные прибыли монополисты получают из колоний и зависимых стран, от своих заграничных капиталовложений. Особенно легко и быстро наживаются капиталисты на гонке вооружений. Десятки миллиардов долларов беспрерывно текут в карманы пушечных, авиационных, химических, атомных, кораблестроительных и тому подобных «королей» капиталистической промышленности. Такими способами капиталисты добиваются получения максимально высоких прибылей.

Монополистические объединения капиталистов, выражая дальнейшее обобществление производства на капиталистической основе, имеют явные преимущества перед обособленными предпринимателями. Монополии имеют возможность осуществлять крупные капиталовложения в строительство гигантских предприятий, в техническое перевооружение промышленности. Но одновременно монополии задерживают технический прогресс; они скупают новые патенты на изобретения и многие из них хоронят в своих сейфах. Монополии вводят новую технику лишь тогда, когда надеются получить сверхприбыль.

Развитие производительных сил при капитализме происходит в условиях обострения антагонистических противоречий и ведет к усилению эксплуатации трудящихся. Машина, обладающая чудесной силой сокращать, облегчать и делать плодотворнее человеческий труд, при капиталистических отношениях становится средством ухудшения положения рабочих. Конвейерное производство, вызвавшее небывалый рост производительности труда, использовано капиталистами для чудовищного ускорения ритма работы, при котором в

короткое время выматываются все физические и духовные силы рабочего.

За последние полвека развитие производительных сил человечества ознаменовалось гигантским ростом электрификации всех отраслей хозяйства, успехами авиации, радиотехники, появлением радиолокации, телемеханики, открытием атомной энергии. Но в условиях капитализма техника часто становится враждебной трудящемуся человеку силой. Капитализм обращает научные открытия и технические изобретения на порабощение людей труда, на подготовку и проведение истребительных войн. Не случайно на Западе модной и злободневной стала проблема «человек и техника». Раздаются даже голоса, что техника — это зло. Техника находится в руках капиталистов — вот в чем зло. При громадном развитии техники капиталистическая система хозяйства не в состоянии удовлетворить минимальные жизненные потребности многих миллионов трудящихся даже в наиболее развитых капиталистических странах.

Бывший президент Международной социологической ассоциации американский профессор Л. Вирт на первом конгрессе этой ассоциации заявил: «Люди осуществили свои самые смелые мечты в области господства над природой... Промышленность и сельское хозяйство располагают средствами массового производства, которые могли бы при универсальном их применении освободить людей от большинства утомительных забот, обременявших их до сих пор. Люди научились побеждать болезни... Технический прогресс в области транспорта, связи, авиации, радио, кино, телевидения практически устранил расстояние. Но в то же время способность человека к разрушению возросла в гигантских размерах. Миллионы человеческих существ еще не умеют читать и писать, пользуются примитивной техникой, страдают от голода, служат пешками в военных замыслах и лишены самых элементарных человеческих прав» [1].

Развертывающийся ныне переворот в развитии техники, вызванный автоматизацией производства, а в перспективе — все более и более широким применением атомной энергии, явится более радикальным и глубоким по своим последствиям, чем промышленная революция, связанная с появлением современной фабрики и паровой машины. Этот переворот еще более углубляет противоречия капиталистического общества и ставит перед ним новые, неразрешимые для него проблемы.

Автоматизация капиталистического производства делает излишней громадную часть прежде занятой рабочей силы и создает угрозу небывалой массовой безработицы. Перед широкими слоями рабочих встает, как призрак, опасность вытеснения современными машинами, подобно тому как это было с ремесленниками при появлении паровой машины. Распространение приборов и устройств для автоматического управления и контроля на производстве, электронно-счетных машин поведет к резкому сокращению технического персонала и конторских слу-

---

[1] Bulletin International des Sciences Sociales, vol. III, № 2, 1951, p. 216.

жащих, остро поставит проблему безработицы среди этих слоев интеллигенции.

Применение достижений науки и техники в сельском хозяйстве вызвало в капиталистически развитых сельскохозяйственных районах быстрое увеличение производства. Связанное с этим падение оптовых цен на сельскохозяйственную продукцию еще более ухудшило положение отсталых сельскохозяйственных районов, обострило нужду и нищету трудового населения. Технический прогресс в сельском хозяйстве усилил концентрацию производства, разорение мелких производителей. С 1940 по 1954 г. в США количество ферм сократилось с 6097 тысяч до 4782 тысяч, т. е. почти на 20%.

При господстве монополий усиливается неравномерность развития отраслей промышленности, а также капиталистических стран. Отдельные отрасли промышленности развиваются быстрее, одни страны выдвигаются вперед, другие отстают.

Технический прогресс в условиях монополистического капитализма носит крайне противоречивый характер. Поскольку в известных рамках устанавливаются монопольные цены и ограничивается конкуренция, постольку исчезают побудительные мотивы к техническому прогрессу и проявляется тенденция к застою и загниванию. Но капиталистические монополии не могут полностью устранить конкуренцию на внутреннем и мировом рынке. Так как остается возможность понизить издержки производства товаров и повысить прибыль путем применения новой техники, то сохраняется и тенденция к техническому прогрессу. Следует учесть и то, что экономическое соревнование с растущей мировой социалистической системой хозяйства вынуждает капиталистов ускорять применение технических изобретений.

Общий кризис капитализма не означает полного застоя и приостановки в развитии производства, прекращения технического прогресса. «Было бы ошибкой думать,— писал Ленин,— что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций»[1].

Технический прогресс обостряет противоречие между общественным характером производства и частнособственнической формой присвоения. Развитие промышленности на атомной энергии требует громадных капиталовложений и более высокой концентрации производства. Все это ставит проблему дальнейшего обобществления производства, а частная собственность мешает этому. Уже электрификация хозяйства натолкнулась на узкие рамки капиталистической собственности, мешающей рационально

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, стр. 286.

использовать энергетические ресурсы в масштабе целой страны, а тем более ряда стран. Развитию атомной промышленности для мирных целей капиталистическая собственность ставит еще большие препятствия.

В условиях современного капитализма наблюдается тенденция поставить на место стихийной игры экономических сил государственное регулирование хозяйства. Это выражается в попытках «планирования» экономики и даже в национализации отдельных отраслей промышленности. Частнохозяйственный капитализм все более заменяется государственно-монополистическим капитализмом. Создаются международные государственно-монополистические объединения, вроде «Европейского объединения угля и стали», «Общего европейского рынка», «Евратома». На этом основании буржуазные экономисты и социал-реформисты утверждают, что современный капитализм — это плановый, организованный капитализм, преодолевший анархию производства.

Но капитализм не создал и не может создать планомерно организованное хозяйство, ибо это несовместимо с частной собственностью на средства производства. Мероприятия по государственному регулированию хозяйства показывают, что социализм стучится в дверь во всех капиталистических странах. Монополистические объединения капиталистов в виде картелей, трестов и банков, попытки государственного регулирования хозяйства, национализация некоторых отраслей или предприятий — все это вынужденное признание общественного характера производства. При этом капиталистические монополии, вырастая из конкуренции, не устраняют конкуренции, а существуют рядом с ней, порождая тем самым особенно острые противоречия, трения и конфликты. Все это говорит о том, что время частнокапиталистической собственности уже прошло, что переход к социализму, к общественной собственности на средства производства стал жизненной потребностью экономического развития.

На современной стадии капитализм не в состоянии привести в действие с пользой для общества миллионы рабочих рук и огромную массу средств производства. Это наглядно свидетельствует о том, что капиталистическая система хозяйства уже не соответствует характеру современного производства.

В капиталистических странах уменьшается доля населения, занятого производительным трудом в промышленности и сельском хозяйстве, и, наоборот, все более возрастает масса людей в сфере торговли, торговой рекламы, в составе домашней прислуги в буржуазных семьях, а особенно в армии и полицейско-чиновничьем аппарате. Этот процесс относительного уменьшения производительного населения особенно резко проявляется в США. В американской печати опубликованы следующие данные об изменении процентного распределения рабочей силы в США:

	1870 г.	1940 г.	1950 г.
Производство, включая строительство . . .	75,8	51,4	46,8
Обслуживание, включая распределение . . .	24,2	48,6	53,2

Таким образом, более половины работающего населения занято в непроизводственной сфере. Производительность труда намного увеличилась, но возрастающий прибавочный продукт, создаваемый производительными рабочими, растрачивается монополистами на собственное паразитическое потребление и на содержание обслуживающих их групп населения. Паразитизм и загнивание капитализма находят выражение в появлении целого слоя тунеядцев — рантье, живущих стрижкой купонов.

Видоизменение капиталистической собственности в связи с ростом акционерных компаний буржуазные социологи изображают как исчезновение частной собственности на средства производства и эксплуатации трудящихся капиталом. Эти социологи утверждают, что собственность акционерных компаний и монополистических объединений — это уже не частная собственность, а коллективная собственность, контролируемая обществом. В действительности акционерные общества и монополистические объединения не изменяют сущности капиталистических производственных отношений. Основой этих отношений остается эксплуатация наемного труда. Акционерная форма собственности не изменяет, а лишь маскирует капиталистическую собственность на средства производства: ими распоряжаются те, кто держит решающую часть акций, т. е. владельцы капитала.

Концентрация средств производства в руках капиталистических монополий ведет не только к усилению эксплуатации и угнетения трудящихся внутри капиталистических стран, но и к насилию и агрессии в международных отношениях. В погоне за прибылью монополистический капитал и послушные ему буржуазные правительства развязывают захватнические войны, порождающие народные бедствия и громадное разрушение производительных сил. Уже дважды империалисты ввергали человечество в мировые войны, в пучину неисчислимых бедствий и страданий.

Капитализм развивает производительные силы не только путем эксплуатации трудящихся внутри капиталистических стран, но и путем ограбления и порабощения отсталых и малоразвитых стран. На протяжении целых веков капиталистические государства эксплуатировали и угнетали народы колоний. Колониальные капиталистические державы на сотни лет задержали экономическое развитие Китая, Индии, Индонезии и других стран Азии, а также стран Африки и Латинской Америки.

Противоречие между современными производительными силами и капиталистическими производственными отношениями порождает историческую необходимость перехода общества от капитализма к социализму. Во всемирном масштабе коренной

и наиболее общей закономерностью современной эпохи является переход от сложившихся веками форм общественной жизни, основанных на частной собственности, к социалистической системе хозяйства. Поскольку производство приобретает все более общественный характер и производительные силы могут наиболее эффективно применяться только как общественные силы, ясно, что производственные отношения должны быть в соответствии с этим изменены. Характер современных производительных сил таков, что он требует общественной собственности на средства производства.

4. Взаимосвязь производительных сил и производственных отношений при социализме

Основой производственных отношений при социализме является общественная социалистическая собственность на средства производства. При капитализме средства производства отгорожены от людей труда барьером частной собственности, поэтому соединение рабочей силы со средствами производства происходит на основе интересов собственников и неизбежно носит антагонистический характер. При социализме осуществляется воссоединение личных и вещественных факторов производства на базе общественной собственности на средства производства. Рабочая сила перестает быть товаром. При социализме нет и не может быть эксплуатации человека человеком, отношений господства и подчинения; взаимные отношения людей в процессе производства выражаются в товарищеском сотрудничестве и взаимопомощи свободных от эксплуатации работников.

Маркс разъяснил, что для прогресса общества всегда необходим труд, создающий продукт сверх того количества, которое нужно для потребностей самих производителей. Но при капитализме этот труд создает прибавочную стоимость, которая присваивается капиталистом. При социализме эта доля труда идет на увеличение индивидуального потребления трудящихся и на общественные нужды. Таким образом, труд при социализме — это труд на себя и на общество трудящихся.

Общественная собственность при социализме имеет либо форму государственной собственности (всенародное достояние), либо форму кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов и других кооперативных объединений). В государственных социалистических предприятиях средства производства и производимая продукция представляют всенародную собственность. Это наиболее высокая и развитая форма социалистической собственности, обобществление средств производства и труда в масштабе всей страны.

Реформистские идеологи и ревизионисты марксизма ведут нападки на государственную форму социалистической собствен-

ности. Они утверждают, будто социалистическая национализация основных средств производства не избавляет рабочих от эксплуатации и ведет к умалению демократии. Ревизионистские теоретики проповедуют, что социалистическое общество должно строиться не на государственной, а исключительно на групповой собственности.

Марксизм-ленинизм считает, что противопоставление групповой социалистической собственности и государственной социалистической собственности несостоятельно и вредит делу социализма. Групповая (кооперативная) собственность является важной экономической формой при социализме для преобразования мелкого производства. Она имеет широкое распространение в сельском хозяйстве и служит также формой преобразования мелкого кустарного производства в социалистическое. Но ведущей при социализме является общенародная государственная собственность. Дробить и распылять крупную социалистическую индустрию путем раздачи предприятий мелким коллективам — это значит отказаться от коренных преимуществ крупного социалистически организованного производства.

Разумеется, в управлении хозяйством должна осуществляться максимальная гибкость на основе принципа демократического централизма. Формой управления социалистической экономики должно быть разумное сочетание централизации и инициативы мест, которое в свою очередь определяется общим уровнем развития промышленности и обеспеченностью квалифицированными техническими и административными кадрами.

Утверждение ревизионистов о том, будто при государственной социалистической собственности на средства производства может быть эксплуатация, абсурдно. Эксплуатация человека человеком характеризуется присвоением прибавочного продукта определенным классом, владеющим средствами производства. При социализме нет такого положения, чтобы одни классы были лишены средств производства, а другие классы эксплуатировали их в силу монопольного владения средствами производства. В социалистическом обществе все средства производства являются общественной собственностью, они принадлежат самим трудящимся. Здесь осуществлен принцип «кто не работает, тот не ест». Весь прибавочный продукт, создаваемый в общенародном государственном секторе производства, идет на пользу всего общества в целом, а не кучки эксплуататоров, как при капитализме.

Государственная и кооперативная собственность — это две формы развития одного и того же, а именно социалистического способа производства. И та и другая формы собственности являются социалистическими, и та и другая служат интересам народа, обе ведут к единой цели — построению коммунистического общества. Разница лишь в том, что общенародная собственность имеет более высокий уровень обобществления, а кол-

хозная собственность — менее высокий. Конечно, колхозная форма собственности не стоит на месте, она развивается.

Возникновение двух форм социалистической собственности отражает особенности перехода к социализму рабочего класса и мелких производителей — трудящихся крестьян и кустарей. Социалистическое преобразование крупного капиталистического хозяйства и мелкого товарного производства не может быть осуществлено одинаковым путем, ибо они отличаются друг от друга по характеру собственности, по степени обобществления производства и развития производительных сил. Мелкое производство опирается на собственность, основанную на личном труде. Крупное капиталистическое хозяйство создано путем эксплуатации чужого труда и располагает более развитыми средствами производства, нежели мелкое товарное хозяйство. Мелкотоварное хозяйство является распыленным, крупное капиталистическое производство достигло высокой степени концентрации.

Государственная социалистическая собственность возникла в результате обобществления капиталистических предприятий, социалистической национализации средств производства, принадлежащих эксплуататорским классам. Кооперативно-колхозная социалистическая собственность возникла в результате добровольного объединения мелких производителей — крестьян и кустарей.

В выработанной В. И. Лениным программе коммунистического строительства наряду с планом индустриализации и электрификации страны важнейшее место занимает кооперативный план, указавший единственно правильный путь вовлечения многомиллионных масс трудящихся крестьян в строительство социализма, путь к созданию крупного механизированного социалистического сельского хозяйства.

Индустриализация страны не только в огромной степени двинула вперед развитие производительных сил Советского Союза, но и явилась выражением расширенного воспроизводства социалистических производственных отношений. Развитие социалистической индустрии способствовало социалистическому переустройству и техническому перевооружению сельского хозяйства, ибо оно обеспечило снабжение деревни тракторами и другими современными машинами.

В Советском Союзе социалистическое производство в сельском хозяйстве утвердилось главным образом в колхозной форме. Это было обусловлено преобладанием в деревне мелкотоварного хозяйственного уклада. Лишь на части национализированной земли, отобранной у помещиков, были созданы государственные хозяйства — совхозы. Удельный вес совхозов в сельском хозяйстве страны значительно вырос, особенно в связи с освоением целинных и залежных земель, принадлежащих государству.

В создании и упрочении колхозного строя огромную историческую роль сыграли машинно-тракторные станции, явившиеся

на первых этапах колхозного строительства наиболее целесообразной формой государственной помощи колхозам.

Национализация капиталистической промышленности, развитие мощной социалистической индустрии и социалистическое переустройство мелкого хозяйства крестьян и ремесленников привели к полной победе социалистических производственных отношений, к полному уничтожению эксплуатации человека человеком. Таким образом, противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической собственностью на средства производства, которое является основным и неизлечимым противоречием капитализма, ведущим его к гибели, в СССР было ликвидировано.

Строительство социалистической системы хозяйства во всех странах подчинено общим законам. В то же время в разных странах строительство социализма имеет и свои особенности, вытекающие из своеобразия социально-исторических условий.

В Китайской Народной Республике эти особенности проистекают из того, что Китай в течение долгого времени был полуколониальной, полуфеодальной, экономически отсталой страной с преобладанием мелкого раздробленного товарного производства. Там сложились своеобразные отношения — союз пролетариата и крестьянства с национальной буржуазией против империализма, компрадорской буржуазии, помещиков и других реакционных сил. В этих условиях социалистическое государство национализировало предприятия компрадорской буржуазии, но не прибегало к конфискации капиталистической собственности у национальной буржуазии, поддерживающей народно-демократический строй, а осуществило социалистическое преобразование ее предприятий через ряд переходных мер, в частности путем создания смешанных, госкапиталистических предприятий, находящихся под контролем социалистического государства. Бывшие владельцы промышленных и торговых капиталистических предприятий стали затем участниками смешанных, государственно-частных предприятий и стали получать определенные проценты с капитала.

В европейских странах народной демократии проведение национализации крупной и средней капиталистической промышленности и торговли осуществлялось в несколько приемов и растянулось на более длительный период, чем в Советской России.

Во всех странах народной демократии в отличие от социалистической революции в России аграрные преобразования не включали национализацию всей земли. При этом учитывалось, что традиции частной собственности у крестьян в этих странах сильнее, чем в России. Из особенностей аграрных преобразований вытекает некоторое своеобразие форм кооперирования крестьянских хозяйств. В странах народной демократии имеются

производственные кооперативы различных типов: есть производственные кооперативы типа колхозов, в которых орудия производства и земля обобществлены, а доходы распределяются по труду; имеются и такие производственные кооперативы, в которых обобществлены орудия производства и труд, а земля объединена в единый массив, но остается собственностью членов кооператива; в этих кооперативах бо́льшая часть дохода распределяется по труду, а меньшая часть — в соответствии с земельным паем члена кооператива. В качестве переходной формы к социализму в Китае широко применялись полусоциалистические формы кооперирования крестьянского хозяйства.

Социалистические производственные отношения являются могучим двигателем развития производительных сил. Помещичье-буржуазная Россия отставала от многих стран. Социалистический Советский Союз в трудных условиях капиталистического окружения за короткий исторический срок превратился в могущественную индустриально-колхозную державу и по объему промышленного производства вышел на первое место в Европе. В Китайской Народной Республике и во всех странах народной демократии на основе социалистических производственных отношений также намного ускорились темпы развития производства.

Основой общественного развития и при социализме является рост производительных сил и прежде всего умножение и совершенствование орудий производства. Тяжелая промышленность, создающая средства производства,— это фундамент всего народного хозяйства, технического прогресса, источник зажиточной и культурной жизни трудящихся. Коммунизм, говорил В. И. Ленин, есть Советская власть плюс электрификация всей страны. При социалистической власти рабочего класса планомерно и последовательно развертывается электрификация страны, означающая подведение под все народное хозяйство новейшей технической базы. Основным условием дальнейшего развития производительных сил является технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства.

Развитие социалистических производительных сил сопровождается неуклонным ростом культурно-технического уровня всех трудящихся. Это способствует развертыванию творческих способностей трудящихся, что ярко проявляется в бурном росте числа изобретений и рационализаторских предложений, направленных на совершенствование производства.

Мощным источником развития производительных сил при социализме служит социалистическое соревнование, являющееся выражением новых производственных отношений между людьми. В буржуазном обществе соревнование сводится к хищническому соперничеству из-за прибыли, к ожесточенной конкурентной борьбе во имя частных интересов. Движущим мотивом социалистического соревнования служит стремление достигнуть

общего подъема производства в целях удовлетворения материальных и культурных потребностей всех трудящихся.

При социализме, как и при любом способе производства, производительные силы более подвижны, быстрее изменяются, чем производственные отношения. Поэтому противоречия между производительными силами и производственными отношениями возникают и в социалистическом обществе. Соответствие производственных отношений характеру производительных сил и при социализме не абсолютно, не неизменно, а подвижно, противоречиво. Неправильно было бы полагать, что на какой-то стадии общественного развития устанавливается некое абсолютное соответствие производственных отношений и производительных сил. Это означало бы конец экономического развития общества. «...Полного соответствия (в смысле отсутствия противоречий.— *Ред.*),— указывал Ленин,— не бывает даже в простейших явлениях природы...»[1] Ленин разъяснял, что такого соответствия «не будет никогда, что его не может быть в развитии природы, как и в развитии общества...»[2]

Но при социализме нет антагонистических классов, поэтому средства производства больше не противостоят трудящимся как враждебная сила, а являются общественной собственностью. В социалистическом обществе рост производительных сил ведет к укреплению и развитию социалистических производственных отношений.

Во всех классовых общественных формациях изменение производственных отношений означает переход средств производства из рук одного класса в руки другого класса, что происходит в результате острейшей классовой борьбы. При социализме развитие производительных сил не приводит к конфликту с производственными отношениями, потому что нет эксплуататорских классов, заинтересованных в сохранении старых производственных отношений. Здесь хозяевами средств производства являются трудящиеся массы, кровно заинтересованные в непрерывном совершенствовании общественных форм производства. *Противоречия, возникающие в процессе развития социалистического общества, преодолеваются на базе общественной собственности, в обстановке морально-политического единства народа.* Противоречия при социализме не являются антагонистическими. При правильном руководстве народным хозяйством эти противоречия могут быть своевременно выявлены и разрешены и потому не перерастают в конфликт.

Например, мелкие колхозы, возникшие в условиях слаборазвитой механизации сельского хозяйства, стали со временем экономически невыгодными и стеснительными для дальнейшего развития сельскохозяйственного производства. Когда социалистическое сельское хозяйство получило мощную современ-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 21, стр. 135.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 27, стр. 312; см. также т. 32, стр. 318.

ную технику, мелкие колхозы перестали соответствовать возросшим производительным силам, потому что в них нельзя эффективно применять мощные современные тракторы, комбайны, внедрять комплексную механизацию в сельское хозяйство.

Коммунистическая партия и Советское правительство при поддержке колхозного крестьянства осуществили укрупнение колхозов, что создало возможность более эффективного использования современной техники, развития комплексной механизации сельскохозяйственного производства, улучшения организации труда, улучшения агротехники.

Так было разрешено противоречие между возросшими производительными силами и мелкими колхозами, сложившимися на базе недостаточно высокой техники. Укрупнение колхозов означало развитие социалистических производственных отношений в сельском хозяйстве. Колхозные средства производства из рук мелких артелей, объединявших небольшую группу колхозников, перешли в руки крупных артелей, объединяющих более многочисленную группу тех же колхозников. Этот переход совершился без каких-либо конфликтов или столкновений, ибо здесь не было экспроприации и смены владельцев средств производства.

Опыт Советского Союза и стран народной демократии показывает, что обнаружение и разрешение противоречий между отдельными сторонами социалистических производственных отношений, а также между отдельными элементами политической надстройки и ростом производительных сил является непременным условием ускоренного развития производства.

В этом отношении показательна проведенная в СССР в 1957 г. реорганизация управления промышленностью и строительством. Централизованная система управления по отраслям хозяйства через министерства, сыгравшая большую положительную роль в хозяйственном строительстве, перестала соответствовать громадным масштабам производства и строительства; ведомственные барьеры стали мешать дальнейшему развитию специализации и кооперирования предприятий в промышленности, использованию резервов и природных богатств. Создание совнархозов (советов народного хозяйства) и упразднение промышленных и строительных министерств и ведомств означали изменение структуры государственных органов, т. е. изменение некоторых элементов надстройки. Вместе с тем происходят известные изменения и в экономических связях и отношениях. Конечно, это означает не изменение формы собственности, а лишь развитие новых форм внутрирайонного и межрайонного кооперирования производств, новых форм связей между предприятиями и экономическими районами, а следовательно, установление некоторых новых связей между людьми, производителями материальных благ, в рамках и на основе общенародной государственной собственности.

Крупным и исключительно важным шагом в развитии социалистических производственных отношений являются мероприятия по реорганизации МТС и по дальнейшему укреплению колхозного строя. Существовавшая до 1958 г. форма производственных отношений между государством и колхозами, выражавшаяся в производственно-техническом обслуживании колхозов через МТС, перестала соответствовать потребностям дальнейшего развития производительных сил сельского хозяйства. Колхозы окрепли и упрочились как социалистические хозяйства, в них выросли опытные кадры. Колхозы в состоянии делать большие капиталовложения в свое производство, обзаводиться сложной техникой и обеспечить ее правильное использование. Между тем сложная сельскохозяйственная техника была сосредоточена в МТС, которые производили бо́льшую часть полевых работ в колхозах. Вследствие этого основная производительная сила сельского хозяйства — рабочая сила колхозов — оказывалась как бы отстраненной от таких орудий производства, как тракторы и другие машины. Существование двух хозяев (колхозов и МТС) стало мешать эффективному использованию рабочей силы и техники в сельском хозяйстве.

Продажа тракторов и других сельскохозяйственных машин колхозам усиливает непосредственные экономические связи промышленности с сельским хозяйством. При этом в колхозном производстве соединяются вместе и под единым руководством на основе развития социалистических производственных отношений принадлежащая государству и закрепленная навечно за колхозами земля, современная машинная техника и рабочая сила колхозов.

Продажа машин колхозам укрепляет материально-техническую базу колхозов, способствует дальнейшему развитию общественной собственности колхозов, росту их неделимых фондов, которые представляют собой один из основных источников силы и крепости колхозного строя. Укрепление и развитие колхозной собственности означает усиление всей социалистической системы хозяйства.

В результате развития социалистического сельского хозяйства СССР колхозная собственность значительно изменилась в качественном отношении по сравнению с начальным периодом колхозного строительства. На первых порах колхозная собственность представляла собой простое сложение обобществленных средств производства крестьянских хозяйств. Нынешняя собственность колхозов создана коллективным трудом колхозников под руководством и при активном участии рабочего класса, при участии всего советского народа. В машины, которыми владеют колхозы, в производственные постройки колхозов, в развитие их земледелия, животноводства, садоводства вложен труд колхозника, рабочего, ученого. В современных условиях неделимые

фонды колхозов по существу приближаются к общенародной собственности.

Колхозно-кооперативная форма производственных отношений не исчерпала своих возможностей, она служит и может служить еще значительное время развитию производительных сил сельского хозяйства.

В дальнейшем по мере роста производительных сил и общественного богатства колхозов колхозная собственность будет все более подтягиваться до уровня общенародной собственности. Будут увеличиваться неделимые фонды колхозов, составляющие основу развития колхозного производства. Общественное колхозное производство все более полно охватывает все отрасли сельского хозяйства, повышается уровень обобществления колхозного производства, возрастают межколхозные производственные связи. В связи с развитием электрификации сельского хозяйства, механизацией и автоматизацией производства все более будет происходить соединение, своеобразное слияние колхозных средств производства с государственными, общенародными. Чем быстрее будут развиваться производительные силы социалистического сельского хозяйства, тем быстрее наступит тот момент, когда по существу исчезнет различие между общенародной и колхозной собственностью.

Слияние двух форм социалистической собственности произойдет в будущем не в результате свертывания колхозно-кооперативной собственности, а путем повышения уровня ее обобществления при помощи и поддержке со стороны социалистического государства.

Противоречия между производительными силами и производственными отношениями при социализме касаются и таких сторон в развитии самих производственных отношений, как отношения распределения и обмена. По мере развития производительных сил развиваются и формы распределения, при этом сохраняется и укрепляется принцип материальной заинтересованности работников. Нарушение принципа материальной заинтересованности тормозит развитие производительных сил, как это наглядно показало имевшееся в СССР и в некоторых странах народной демократии известное отставание ряда отраслей сельского хозяйства, в особенности животноводства.

Стало быть, противоречия между производительными силами и производственными отношениями могут осложняться недостатками и ошибками в проведении экономической политики. Например, в практике распределения при социализме встречаются факты уравниловки, когда более добросовестный и квалифицированный труд не поощряется. С другой стороны, иногда допускается неоправданно большой разрыв в размерах оплаты работников различных категорий. И то и другое противоречит социалистическому принципу распределения по качеству и количеству труда. В интересах развития производства Комму-

нистическая партия и социалистическое государство устраняют эти недостатки и совершенствуют систему распределения.

Отношения обмена при социализме также могут приходить в противоречие с интересами развития производительных сил. Заниженные или завышенные цены на отдельные виды продукции, недостаток или избыток некоторых товаров в продаже мешают последовательно осуществлять социалистический принцип распределения по труду, а стало быть, тормозят рост производительности труда.

Усовершенствование общественных форм производства, распределения и обмена помогает быстрее преодолевать противоречия и трудности роста, связанные с быстрым подъемом социалистической экономики, с развитием материальных и культурных потребностей народа. Только на основе непрестанного развития производства можно успешно преодолевать противоречия между растущими потребностями членов социалистического общества и еще недостаточной материально-технической базой для их удовлетворения.

Особенностью экономического развития при социализме является не то, что оно якобы свободно от подчинения объективным экономическим законам, а то, что оно свободно от стихийного развития общественного производства. Здесь уничтожено господство продуктов над производителями, анархия общественного производства заменена планомерной его организацией. Имея в виду социализм, Энгельс указывал, что, когда общество возьмет средства производства в свое владение, люди будут господами условий общественной жизни: «Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела, следовательно, будут подчинены их господству»[1].

В социалистическом обществе исключена возможность экономических кризисов перепроизводства, потому что рост социалистического производства ведет к повышению материального благосостояния и культурного уровня трудящихся. Расширение производства здесь сопровождается расширением потребления. Рост потребностей непрестанно толкает вперед развитие производства.

5. Закономерности перерастания социализма в коммунизм

Социализм не является неизменной и конечной формой общественной жизни. И при социализме общество диалектически развивается от низшего к высшему. Социализм — это первая, низшая фаза коммунистической общественной формации. На

[1] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1957, стр. 267.

этой стадии создаются условия для перехода к более высокой ступени развития, к коммунизму.

Социализм и коммунизм имеют общую материальную основу — общественную собственность на средства производства, планомерно развивающееся общественное производство, которое обеспечивает все более полное удовлетворение потребностей всех членов общества. Но между этими фазами имеются и существенные различия. При социализме общественное производство и производительность труда еще не достигли такой высоты, чтобы можно было обеспечить изобилие предметов потребления, и они распределяются не по потребностям членов общества, а по труду. Поэтому на стадии социализма между людьми неизбежно еще остается известное экономическое неравенство, поскольку люди имеют разную квалификацию, неравную одаренность и способность трудиться, разный состав семьи и получают, следовательно, неравные доходы для удовлетворения личных потребностей. При социализме еще существуют классовые различия между рабочими и крестьянами, имеются существенные различия между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Культурно-технический уровень рабочих и крестьян еще не поднялся до уровня инженерно-технического персонала. Вместе с тем все больше и больше преодолевается унаследованное от капитализма различие между городом и деревней, происходит рост культурно-технического уровня всего народа.

Коммунизм будет иметь более высокий уровень развития производства, что позволит обеспечить изобилие материальных и духовных благ и полное удовлетворение потребностей всех людей. Если в социалистическом обществе распределение в основном происходит по принципу: «От каждого — по способностям, каждому — по его труду», то при коммунизме осуществится принцип: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям».

При коммунизме, к которому постепенно движется социалистическое общество, исчезнут всякие остатки имущественного неравенства и классовых различий, сотрутся следы былой противоположности между умственным и физическим трудом, между городом и деревней. Развитие социалистического производства со временем приведет к тому, что две формы социалистической собственности сольются в одну всенародную собственность, охватывающую все отрасли производства. Автоматизация производства, повышение производительности труда, сокращение рабочего дня, культурный рост трудящихся обеспечат всестороннее развитие всех их способностей, благодаря чему отпадет вынужденное закрепление за каждым работником какой-либо одной профессии. Всеобщее политехническое обучение даст возможность людям свободно выбирать работу согласно своим склонностям.

Коммунизм является конечной целью борьбы рабочего класса, идеалом трудящихся масс, самым лучшим и справедливым обществом на земле. Почему же нельзя сейчас осуществить этот наиболее справедливый, коммунистический общественный строй? Дело в том, что нельзя действовать произвольно, вопреки законам общественного развития. «Переход от социалистической стадии развития к высшей фазе,— говорил товарищ Н. С. Хрущев на XXI съезде КПСС,— это закономерный исторический процесс, который нельзя произвольно нарушить или обойти». В коммунизм общество не может перескочить из капитализма, не пройдя социалистической стадии развития.

Социалистический принцип распределения по труду исходит из признания невозможности уравнительного распределения в период социализма. Уравниловка привела бы к несправедливому распределению: и плохой и хороший работники получали бы одинаковую долю. У людей был бы подорван материальный стимул к повышению производительности труда, к увеличению выпуска продукции, к совершенствованию техники производства.

Для большинства людей при социализме труд уже становится жизненной потребностью, делом чести и моральным долгом. Но еще далеко не у всех развито коммунистическое отношение к труду. В обществе, пришедшем на смену капитализму, несущем на себе его многие пережитки, люди еще не подготовлены к тому, чтобы трудиться в полную меру своих сил и способностей, без определенного общественного контроля над мерой труда и мерой потребления. В. И. Ленин говорил: «До тех пор, пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты требуют *строжайшего* контроля со стороны общества *и со стороны государства* над мерой труда и мерой потребления...»[1]

При социализме производство еще не достигает такого уровня, чтобы полностью удовлетворить потребности всех людей. К коммунизму можно перейти лишь при условии, если будет превзойден уровень производства развитых капиталистических стран, если будет достигнута более высокая, чем при капитализме, производительность труда.

Исходя из этого, XXI съезд КПСС указал, что основной практической задачей для Советского Союза на семилетие (с 1959 по 1965 г.) является новый мощный подъем социалистических производительных сил. В результате осуществления семилетнего плана будет сделан решающий шаг в создании материально-технической базы коммунизма и в обеспечении победы СССР в мирном экономическом соревновании с капиталистическими странами.

Создать материально-техническую базу коммунизма значит создать высокоразвитую современную индустрию и крупное механизированное сельское хозяйство на основе полной электри-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 25, стр. 441.

фикации всей страны. Материально-техническая база высшей фазы коммунизма вырастает из развертывающихся уже в условиях социализма взаимосвязанных процессов технического прогресса, в особенности таких, как комплексная механизация и автоматизация производства, химизация в народном хозяйстве, использование новых источников энергии, рост культурно-технического уровня трудящихся, дальнейшее улучшение организации производства. Реальным воплощением материально-технической базы коммунизма являются гигантские электростанции, уже построенные или строящиеся в настоящем семилетии, автоматические линии, цехи и целые предприятия, создаваемые на основе современных достижений науки и техники. Материально-техническая база коммунизма обеспечит не только уровень производства, необходимый для изобилия предметов потребления, но и создаст условия для развития всех сторон производственных отношений, для постепенного превращения их в коммунистические.

Между социализмом и коммунизмом нет какой-то стены, разделяющей эти фазы общественного развития. Переход от социализма к коммунизму — это развитие в пределах одной и той же общественно-экономической формации. Коммунизм вырастает из социализма и является его прямым продолжением.

Неправильно было бы ожидать, что коммунизм появится как-то внезапно. Наша страна уже вступила в период развернутого коммунистического строительства, когда создаются все материальные и духовные предпосылки коммунизма. Уже сейчас все более развиваются коммунистические формы труда; создаются такие общественные формы удовлетворения потребностей граждан, как общественное питание, школы-интернаты, детские сады и ясли. Уже в условиях социализма значительная и все более возрастающая часть материальных и культурных благ распределяется между членами общества независимо от количества и качества их труда, т. е. бесплатно. Общество выделяет большие средства на бесплатное образование и лечение граждан, на пенсионное обеспечение, пособия многосемейным, на бесплатное обслуживание клубами, библиотеками. В дальнейшем расходы общества на общественное обслуживание граждан будут увеличиваться. Возрастание этой доли общественных фондов потребления является важной предпосылкой для постепенного перехода к коммунистическому принципу распределения.

Таким образом, переход от социализма к коммунизму — это процесс, который совершается непрерывно, постепенно и в котором элементы будущего переплетаются с настоящим.

Например, удовлетворение потребностей всех людей в необходимых, разумных пределах может быть осуществлено в нашей стране в недалеком будущем. Но это еще не будет завершение строительства коммунизма. Дело в том, что надо подготовить самих людей к тому, чтобы они добровольно трудились по своим

способностям на благо общества. Стало быть, на какой-то период придется сочетать полное удовлетворение потребностей людей с нормированием труда. Это значит, что уже будет достигнуто обилие предметов потребления и разумные потребности всех людей будут полностью удовлетворяться, но еще останется до поры до времени зависимость распределения от трудового вклада каждого члена общества.

В развитии коммунистических начал в области производства громадную роль играют бригады коммунистического труда, которые получают все более широкое распространение. Главное в этом движении — борьба за высшую по сравнению с капитализмом производительность труда на основе товарищеского соревнования и взаимной помощи в применении современной техники. Характерно, что бригады коммунистического труда сочетают передовую роль в производстве с повышением культурно-технического уровня рабочих и их активности в общественной жизни, с образцовым соблюдением основных правил человеческого общежития.

Перерастание социализма в коммунизм происходит постепенно, но это перерастание нельзя представлять как какое-то замедленное движение. Наоборот, оно предполагает бурное развитие производительных сил и культуры, поистине революционные скачки в развитии производства, науки и техники. Постепенное перерастание социализма в коммунизм означает, во-первых, что это более или менее длительный процесс подготовки материальных условий и духовных предпосылок для перехода от низшей фазы коммунизма к его высшей фазе; во-вторых, что этот переход осуществляется не путем насильственной смены одного общественного строя другим, а путем органического развития к высшим ступеням той же самой основы общества — общественной собственности на средства производства. В процессе перехода от социализма к коммунизму все быстрее будет возрастать материальное благосостояние трудящихся на основе роста производства. Закономерный процесс перерастания социализма в коммунизм может быть ускорен в результате высокого развития производства. Переход к высшей фазе коммунизма совершится тогда, когда труд станет для всех первейшей жизненной потребностью, радостью и наслаждением, когда будет создано изобилие всех материальных и духовных благ. Тогда общество придет к полному осуществлению коммунистического принципа: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям».

Революционный переход к социализму, а затем постепенное перерастание социализма в коммунизм — это общий путь развития для всех стран. При наличии мировой социалистической системы открылась возможность движения всех социалистических стран к коммунизму общим фронтом. Основой этого совместного развития являются отношения сотрудничества и взаимо-

помощи социалистических стран, помощь более развитых стран менее развитым. Это — новая историческая закономерность.

Нельзя представлять себе дело таким образом, что одна страна социализма может прийти к коммунизму, осуществить коммунистические принципы производства и распределения, а другие страны останутся где-то далеко позади, на начальных стадиях строительства социалистического общества. Теория марксизма-ленинизма и практический опыт говорят о том, что страны социализма, успешно используя заложенные в социалистическом строе возможности, более или менее одновременно будут переходить в высшую фазу коммунистического общества, не поодиночке, а общим фронтом.

Намечая перспективы развития социалистического общества, Ленин выдвинул и обосновал положение о том, что при поддержке социалистических стран некоторые отсталые в прошлом страны могут перейти к социалистическому строю, а затем через определенные ступени развития к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития. Эта ленинская идея блестяще подтвердилась жизнью. Когда в России совершалась социалистическая революция, многие народы восточных окраин страны жили еще в условиях докапиталистической стадии или только начинали переходить к капитализму. При помощи более развитых, социалистических наций, в частности русской социалистической нации, этим народам удалось перейти к социализму и не пришлось пережить все муки капиталистического развития. А теперь мы видим, как ряд стран народной демократии, где в недалеком прошлом преобладали докапиталистические отношения, успешно развивается по пути социализма, опираясь на помощь и поддержку мировой социалистической системы.

Это не означает, что более или менее одновременный переход стран социалистического лагеря к коммунизму осуществим лишь при условии, если все эти страны достигнут абсолютно одинакового уровня развития. Главное — в том, что поднимется на необходимый уровень их общая экономическая база — мировая социалистическая система хозяйства. Нет сомнения, что страны социализма будут двигаться к коммунизму общим фронтом, хотя некоторая разница в уровне их развития может сохраниться. В одних странах ростки коммунизма появляются и развиваются раньше, в других — несколько позже, но вызревание коммунистического общества в целом не может происходить, так сказать, по частям, в разные сроки. В обществе, как и в природе, действуют общие закономерности. Там, где раньше сходит снег, быстрее пробивается зелень. Но весна есть весна, с каждым днем жизнь повсеместно берет свое, и зеленый покров быстро выравнивается. Перерастание социализма в коммунизм в мировой социалистической системе является таким же закономерным процессом, который нельзя обойти, как нельзя остановить или обогнать время.

Движение социалистических стран к коммунизму общим фронтом предполагает развитие и укрепление их экономической базы. В ходе развития будут сниматься один за другим экономические барьеры, разделявшие эти страны при капитализме. Дело пойдет к созданию единого, по общему плану регулируемого трудящимися всех наций всемирного хозяйства.

В ходе дальнейшего роста и укрепления мировой системы социализма социалистические страны будут развиваться все более успешно, и, таким образом, ускоренными темпами будут создаваться предпосылки перехода от первой фазы коммунизма ко второй его фазе не в каких-либо отдельных странах, а во всех странах социализма.

В социалистической системе хозяйства действует закон планомерного, пропорционального развития, в результате чего разрыв в уровне экономического и культурного развития различных стран все более уменьшается, выравнивается общая линия экономического и культурного развития всех социалистических стран.

Известно, что при капитализме нет и не может быть выравнивания уровня экономического и культурного развития разных стран. Безусловным законом империализма является неравномерность экономического и политического развития. В капиталистическом мире одни страны далеко вырываются вперед и подавляют развитие других стран, которые оказываются обреченными на длительное отставание, так что прогресс одних стран осуществляется за счет жесточайшей эксплуатации и ограбления слаборазвитых и зависимых стран.

Величайшее преимущество мировой социалистической системы состоит в том, что закон неравномерности экономического и политического развития в ней уже не имеет силы и она свободна от всех пороков и злоключений, обусловленных этим законом.

Отношения между странами социалистической системы строятся на основе взаимной помощи и дружеского сотрудничества. Здесь передовые страны помогают отставшим странам поднять экономику и культуру, рационально использовать природные богатства и трудовые ресурсы на благо народа. Быстрое развитие ранее отсталых стран ускоряет движение вперед всей мировой социалистической системы. Высокие темпы развития производительных сил — это общая закономерность социализма, подтвержденная теперь на опыте всех стран социалистического лагеря.

ГЛАВА XIV

БАЗИС И НАДСТРОЙКА ОБЩЕСТВА

В предшествующих главах было показано, что Маркс раскрыл закономерность, повторяемость в истории общества, выделив из всей совокупности общественных отношений производственные, экономические отношения как первичные. Производственные отношения — это одна из двух сторон способа производства, форма развития производительных сил общества. В то же время они являются экономическим базисом, на котором вырастают общественные идеи и учреждения.

В настоящей главе мы рассмотрим в общих чертах связь политических, правовых, философских, религиозных, эстетических и моральных идей и соответствующих им учреждений с экономическими отношениями; выясним, почему исторический материализм рассматривает совокупность производственных отношений как базис общества, а политические, правовые, идеологические формы и отношения (государство, право, мораль, религию, философию, искусство) — как надстройку; каковы функции базиса и надстройки, каково взаимодействие между ними.

1. Понятие о базисе и надстройке общества. Определяющая роль базиса в отношении надстройки

Понятия «базис» и «надстройка» выражают реальную связь, отношение между экономическим строем общества и его идеями и учреждениями, а также законы изменения последних. Применяя понятия базиса и надстройки, Маркс как бы уподобляет общество зданию: в обществе существует основание, фундамент, на котором вырастает надстройка из общественных идей и соответствующих им учреждений. Но взаимоотношение между базисом и надстройкой в обществе далеко не столь просто, как между различными частями обычного здания.

Экономические отношения в реальной жизни тесно переплетены с политическими, правовыми, бытовыми, семейными,

национальными, религиозными, моральными и другими отношениями. Возьмем, к примеру, нацию или семью. Для нации характерна общность языка, экономической жизни, территории, психического склада, культуры. Нации в буржуазном обществе состоят из противоположных классов — буржуазии и пролетариата. В семье мы находим элементы хозяйственно-бытовых, трудовых, правовых, моральных и других отношений между ее членами. Нужна была огромная сила научной абстракции, чтобы во всей сложной сети общественных отношений выделить производственные, экономические отношения как первичные, основные и установить, что в зависимости от них находятся отношения идеологические.

Базис общества включает всю совокупность экономических отношений между людьми, складывающихся в процессе материального производства и воспроизводства их жизни; сюда входят прежде всего отношения собственности на средства производства, экономические отношения между различными социальными группами, классами, формы распределения и обмена, зависящие от отношений собственности на средства производства.

Производственные отношения людей, составляющие экономический базис общества, являются материальными: они существуют объективно, вне и независимо от сознания и воли людей; они складываются в процессе материального производства и изменяются непосредственно под влиянием развития производительных сил. Экономические отношения, являясь формой развития производительных сил, определяются ими, но в то же время сами определяют всю надстройку. «Экономическая структура общества каждой данной эпохи,— писал Энгельс,— образует ту реальную основу, которою и объясняется в последнем счете вся надстройка правовых и политических учреждений, равно как религиозных, философских и других воззрений каждого данного исторического периода»[1]. Общественная надстройка выступает как идеологическая и политически-правовая форма экономического содержания общественной жизни.

К надстройке общества относятся все общественные идеи и соответствующие им учреждения: государство, право, политические партии, политические идеи, мораль, искусство, философия, религия, церковь и т. п. Все эти различные общественные явления имеют то общее между собой, что они вырастают на базе экономического строя данного общества, обусловлены этим строем, являются его продуктом и отражением, что и дает основание рассматривать их как единую взаимосвязанную систему общественных явлений, подчиняющихся некоторым общим законам развития.

---

[1] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, 1957, стр. 26.

Вместе с тем каждое из этих надстроечных явлений имеет свои специфические закономерности развития, свою относительную самостоятельность в рамках их общей зависимости от базиса. Различные части надстройки — государство, право, разные формы идеологии (философия, мораль, искусство, религия) по-разному связаны с базисом и между собой, находятся в постоянном взаимодействии. Некоторые части надстройки, например государство и право, политические организации и политическая идеология, связаны с экономическим строем общества непосредственно и прямо, другие, например философия, искусство, религия, более удалены от базиса и связаны с ним опосредованно.

Несмотря на эти различия, все части надстройки отражают экономический строй общества и изменяются под его определяющим влиянием.

Например, государство, как будет подробно показано в XV главе, создается господствующим классом общества и служит для защиты интересов этого класса и подавления враждебных классов. Но классы, а следовательно, и государство — продукт экономического развития общества.

Отношения разных классов общества и их партий к государственной власти как к орудию господствующего класса есть *политические* отношения. Политический строй, как совокупность этих отношений, является производным от экономического строя, *политической надстройкой* общества. При капитализме экономически господствующим классом является буржуазия. Для защиты капиталистического экономического строя она создает свое, буржуазное государство, вырабатывает и навязывает обществу свою политическую и иную идеологию и тем самым становится господствующим классом и в области политической и в области духовной, идеологической. Рабочий класс, трудящиеся эксплуатируемые массы в буржуазном обществе угнетаются не только экономически, но и политически и идеологически.

Возьмем право, правовые отношения, или *юридическую надстройку*. Право, господствующее в каждом обществе, закрепляет прежде всего отношения собственности. Такова роль имущественного права, или права собственности. Государственное право и право собственности закрепляют экономическое и политическое господство данного класса путем установления законов и правовых норм, обязательных для всего общества. Используя государственную власть, господствующий класс устанавливает свои законы и порядки, создает учреждения или организации (военные, судебные, карательные, идеологические), которые стоят на страже законов и порядков, выгодных этому классу. *Право* — это возведенная в закон воля господствующего класса, осуществляемая при помощи принудительной силы государства. А интересы и воля классов определяются в конечном счете также экономическим строем общества.

Рассматривая научно, материалистически всю совокупность общественных отношений, марксизм показал, что «общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования»[1]. Материальные отношения — это *первичные, определяющие*, а идеологические отношения *производны* от них.

Идеологическими отношениями являются отношения людей в политических, государственных, правовых, культурных и идеологических учреждениях и организациях. Создавая эти организации и учреждения, общество, различные классы и группы руководствуются определенными интересами, целями, идеями (политическими, экономическими, правовыми, моральными, философскими, художественными и т. д.). Это значит, что, прежде чем сложиться, идеологические отношения проходят через сознание людей; социологи до Маркса обычно останавливались на этом, не шли глубже и делали ложный вывод, будто политические, правовые и все прочие общественные отношения порождены сознанием, развиваются из сознания, из «национального сознания» или «мирового духа» и существуют только в сознании, духовно. А на деле идеологические отношения, как показал Маркс, порождены не сознанием людей, а экономическим строем общества.

Возьмем, например, политическую партию. Партия есть часть класса, его политическая организация; она защищает его интересы; в партии входят люди, руководствуясь интересами, идеями и целями определенных классов, порожденных экономическим строем общества. Так, коммунистическая партия, передовая часть рабочего класса, имеет своей идеологической основой марксистско-ленинское учение; она объединена единой программой, теорией и тактикой, единством воли и действия; отношения между членами партии носят идеологический характер[2]; но коммунистическая партия не могла бы возникнуть, существовать и бороться, если бы не было рабочего класса, а рабочий класс порожден экономическим строем капитализма.

Идеалисты пытаются опровергнуть положение марксизма о первичности экономического базиса и производном характере

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., изд. 4, т. 1, стр. 134.

[2] Разумеется, члены коммунистической (да и любой революционной) партии объединяются не только *идейно*, но и *организационно, политически*; «идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса» (*В. И. Ленин*, Соч., т. 7, стр. 383).

Применяя метод исторического материализма, Ленин и в политической организации, в партии учит видеть и различать сознание, идеологию партии и ее реальное *общественное бытие, ее организацию, ее практическую* деятельность по организации масс, ее *связи с массами*.

общественных идей, политических и правовых учреждений. Идеалистическая социология рассматривает по сути дела идеи, сознание, духовную и политическую жизнь общества как основу, а экономическую жизнь — как производное от духовной и политической жизни. В сознании социолога-идеалиста действительные отношения общественной жизни выступают в перевернутом виде, как в фотокамере.

Другие, эклектически мыслящие социологи рассматривают экономику, политику и идеологию как самостоятельные и равнозначные факторы, взаимодействующие между собой, причем ни один из них якобы не является основным и определяющим. Как эклектики, они уклоняются от вопроса о том, что является основой взаимодействия разных сторон жизни общества.

Так, американский профессор социологии Р. Энджелл утверждает, что решающей силой всех социальных изменений является мораль. Вместе с тем он полагает, что его теория избавляет социологию от «догматической позиции относительно того, является ли в истории первичным материальный или идеальный фактор». Но такими рассуждениями Энджелл побивает не марксизм, а самого себя. Ведь рассматривая мораль как решающую силу всех социальных изменений, он тем самым уже признал мораль — несомненно, идеальный фактор — первичным и определяющим. Отвергая и называя «догматической» позицию, которая требует указать, какой фактор является первичным, определяющим, Энджелл выдвигает эклектическую теорию взаимодействия разных причин, или факторов, влияющих на мораль: а) естественных факторов; б) развития технологии; в) морального давления на данное общество со стороны других обществ; г) взаимодействия самих моральных ценностей.

Конечно, некоторые из указанных Энджеллом причин оказывают то или иное влияние на мораль людей. Но все приводимые им факторы не могут объяснить, почему нормы морали, господствующие в различные эпохи, различны и даже противоположны. Почему, например, в США проповедь атомной и другой войны считается актом вполне моральным и проповедников войны правящие круги не только не наказывают, а чтут, тогда как в социалистическом обществе проповедь войны считается преступлением и, безусловно, антиморальным деянием? Почему дискриминация в отношении негров и даже их линчевание в США имеют вековую традицию, а в социалистическом обществе все нации и расы равноправны?

Идеалистические теории тем более не могут объяснить, почему в одном и том же обществе, например в капиталистическом, наряду с немногими общепризнанными нормами морали фактически существуют и противостоят друг другу две морали, две нравственности: что капиталисты считают справедливым и естественным, то трудящиеся считают несправедливым и противоестественным. Буржуазная мораль оправдывает и защищает

капиталистическую собственность, эксплуатацию рабочих, локауты, снижение заработной платы, но осуждает забастовки рабочих. Пролетарская, коммунистическая мораль, напротив, отрицает капиталистическую собственность на средства производства, эксплуатацию человека человеком. Причины этого надо искать не в идеях, а в положении буржуазии и пролетариата, в экономическом строе капитализма. А идеалистические теории и эклектическая «теория факторов» обходят и затушевывают ответы на эти коренные вопросы социологии.

Идеалистическая социология утверждает, что право творит экономические отношения, определяет развитие общества, социальные изменения, что законодатели, судьи и администраторы — сознательные или бессознательные творцы этих изменений, ибо они благодаря своей власти могут и составлять и использовать законы без санкции большинства общества.

Но, во-первых, почему законодатели в феодально-крепостническом обществе создавали законы, обрекавшие крепостных крестьян на бесправие? Почему они считали эти законы справедливыми, а в ходе всех буржуазных революций сословно-феодальные законы были отменены как несправедливые? Почему в социалистическом обществе законы буржуазного общества заменены новыми, социалистическими законами? На все эти вопросы идеалистическая социология не может дать научно обоснованного ответа.

Право и политическая власть носят исторический характер. Они не всегда были и не всегда будут существовать в обществе. Государственную власть и право составлять и толковать законы без санкции большинства населения фактически осуществляли и осуществляют господствующие эксплуататорские классы и в рабовладельческом, и в феодальном, и в буржуазном обществе. Эти классы — порождение определенного экономического строя общества. Значит, характер общества определяется не правом, а экономическим строем, а право — лишь продукт, отражение экономического строя. Это не исключает того, что право воздействует на свой экономический базис и играет активную роль в социальных изменениях и преобразованиях.

Коренная причина изменений, происходящих в надстройке, состоит в изменении экономического строя, базиса общества, которое происходит тогда, когда выросшие при данных производственных отношениях производительные силы вступают в противоречие со всей системой этих отношений. Смена одного экономического базиса общества другим приводит к тому, что более или менее быстро происходит коренное изменение, переворот во всей громадной надстройке общества.

Смена рабовладельческого экономического строя феодальным привела к смене надстройки рабовладельческого общества надстройкой феодального общества — феодальным государством, феодальным правом, феодальной идеологией. Впоследствии,

когда феодальный экономический строй исторически изжил себя и его в XVII—XIX вв. в одной стране за другой стал заменять капитализм, вслед за экономическим переворотом произошел и переворот в надстройке общества. На экономическом базисе капитализма выросла новая политическая, юридическая и идеологическая надстройка: буржуазное государство и право, буржуазная демократия с парламентами, политическими партиями, буржуазная мораль, литература, искусство, философия, защищающие капиталистический строй своими специфическими средствами. При этом новая экономика не рождает надстройку автоматически. И новые экономические отношения, и соответствующая им надстройка создаются деятельностью людей, борьбой классов, экономика же определяет то основное направление, в котором закономерно развивается вся надстройка и ее отдельные элементы в данную эпоху.

Конечной движущей силой всех коренных изменений, происходящих в обществе, является развитие производительных сил, в частности усовершенствование техники производства. Однако это развитие отражается на изменениях в надстройке не непосредственно, а через изменения, происходящие в экономическом строе общества. Развитие надстройки определяется развитием материального производства лишь в конечном счете. Нельзя понять идейного содержания учения французских материалистов и атеистов XVIII в. лишь на основе анализа производства и техники современной им Франции, не выяснив классовой структуры общества, положения различных классов, их борьбы, а также роли феодального государства и права, церкви и религии, влияния науки, литературы, искусства, морали на эти учения.

Если экономике, базису присущи отношения антагонизма и ими обусловленная борьба классов, то может ли надстройка, представляющая собой идеологические отношения классов, не отражать этой борьбы? Конечно, не может.

В капиталистическом обществе экономические отношения — это прежде всего отношения господства и подчинения между буржуазией и пролетариатом. Соответственно и надстройка отражает эти отношения антагонизма классов. Господствующее место в надстройке такого общества занимают организации и идеи господствующего класса — его государство, право, его идеология, которые охраняют, защищают существующий строй, подавляя трудящиеся классы. Характер, облик надстройки каждой классовой общественно-экономической формации определяются именно этими организациями и идеями. Их и имеют в виду классики марксизма-ленинизма, когда говорят, например, о буржуазной надстройке капиталистического общества. Но в условиях капитализма возникают идеи и организации угнетенного класса, которые также относятся к надстройке данного общества.

В противоположность буржуазным учреждениям и идеям рабочий класс создает свою политическую партию, профсоюзы, культурные организации, социалистическую идеологию, свою печать, литературу, искусство, мораль, помогающие ему в борьбе за освобождение от ига капитализма, за победу социализма. Социалистическая идеология, политическая партия, профсоюзы и другие организации пролетариата возникают как отражение экономических условий жизни и борьбы рабочего класса в буржуазном обществе. В отличие от господствующих буржуазных идей и учреждений идеи и организации рабочего класса не защищают капиталистический базис, а борются с ним, противостоят ему, просвещают, организуют и мобилизуют рабочий класс на борьбу с капиталистическим строем.

Идеологическая борьба в антагонистическом обществе является отражением антагонизма в экономике и, следовательно, представляет собой явление надстроечного порядка.

Идеи и учреждения господствующего класса, его государство, право, идеология защищают, охраняют данный строй.

В общественной жизни каждой страны обычно сохраняются остатки старого базиса и соответствующих ему элементов старой надстройки и возникают зародыши, элементы или предпосылки новых экономических отношений, а также новые идеи, элементы новой надстройки. Историк, изучающий экономический и политический строй, духовную культуру определенной страны в ту или иную эпоху, не может игнорировать этого сложного переплетения и борьбы между старым и новым в базисе и надстройке изучаемых им стран. Образцы такого конкретного исследования содержатся в трудах основоположников марксизма. В книге «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс не ограничился анализом капиталистических экономических отношений и соответствующих им идей и учреждений во Франции 1848—1850 гг., а показал наряду с этим и остатки прошлого в экономическом и политическом строе Франции, в мировоззрении различных классов, различных слоев дворянства, буржуазии, мелкой буржуазии, а также новые, передовые идеи пролетариата. Он конкретно раскрыл, как «над различными формами собственности, над социальными условиями существования возвышается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мысли и мировоззрений»[1].

Особенно сложное переплетение и борьба между старым и новым в экономическом базисе и в надстройке общества происходит в эпоху социальной революции, когда в недрах старого общества выросли новые производительные силы и революционные классы и когда наступает период крутой ломки старых и утверждения новых производственных отношений и вырастающей на их основе надстройки.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 8, 1957, стр. 145.

Итак, каждая общественная формация имеет свой базис и соответствующую ему надстройку. Каков базис общества, такова и его надстройка.

Однако это не означает, что между надстройками различных обществ не может быть ничего общего. Базисам антагонистических общественных формаций присущи некоторые общие черты: частная собственность на средства производства, эксплуатация и угнетение трудящегося большинства общества эксплуататорским меньшинством. Поэтому и в надстройке этих формаций есть общее: идеологии и рабовладельцев, и феодалов, и буржуазии стремятся оправдать и защитить частную собственность, эксплуатацию человека человеком, господство эксплуататорского меньшинства над трудящимся большинством. Господствующие классы этих обществ создают, используют и совершенствуют угнетательский аппарат эксплуататорского государства — полицию, жандармерию, армию, тюрьмы, суды, церковь и т. п. Так, буржуазия ликвидировала абсолютную монархию и феодально-крепостническое право. Но, свергая феодальное государство и право, устанавливая буржуазно-демократические порядки и учреждения, она все же не отбросила полностью угнетательский аппарат феодального государства — прежнюю армию, полицию, чиновничество, церковь, а использовала и усовершенствовала весь этот аппарат угнетения и подавления масс. Таким образом, общим и особым чертам базисов антагонистических формаций соответствуют некоторые общие и особые черты в их надстройках.

Соответствие надстройки базису нельзя понимать метафизически, как абсолютное и неизменное. Оно не исключает несоответствий и противоречий, неизбежных во всяком сложном развивающемся процессе. Развитие экономического строя приводит к противоречию между различными элементами надстройки, к нарушению ее соответствия базису.

Надстройка отражает экономический строй, его изменения, но она изменяется не сразу, не автоматически вслед за изменениями в экономическом строе. В классовом обществе она изменяется путем борьбы между различными общественными классами и группами.

Возьмем такую политическую надстройку, как царизм в России. Она все более и более противоречила интересам капиталистического развития России. Чтобы защитить интересы класса помещиков от угрозы крестьянской революции, царизм делал разные уступки капитализму, открывая возможности для его развития за счет крестьянских масс. В связи с этим царизм сделал ряд шагов по пути превращения в буржуазную монархию (начиная с реформы 1861 г. и особенно после революции 1905 г.). Он вынужден был идти навстречу интересам усиливавшегося российского и иностранного монополистического капитала. Но тем не менее царизм сохранил свою основную социаль-

ную природу и остался властью крепостников-помещиков. Отсталость этой политической надстройки становилась все более серьезным тормозом экономического развития России. Крах ее был неизбежен, и, как известно, он произошел в 1917 г.

Противоречия между базисом и надстройкой могут иметь место и в рамках одной и той же общественно-экономической формации. Например, переход капиталистической экономики из домонополистической стадии в стадию монополистического капитализма (империализма) породил противоречие между изменившимся базисом и некоторыми прежними элементами надстройки буржуазного общества. Эпохе свободной конкуренции в капиталистической экономике соответствовала буржуазная демократия, идеология свободы торговли, либерализма и пацифизма, идеи суверенитета наций и т. д. Монополистический капитал стремится не к свободе торговли и конкуренции, а к монопольному господству, к порабощению других стран и народов. На этой экономической почве усилилась пропаганда расизма, шовинизма, милитаризма, идеологии агрессии и захватнических войн. Империалистическая буржуазия стремится урезать демократические права и свободы, завоеванные трудящимися массами в упорной борьбе, установить свою военную террористическую диктатуру (например, в форме фашизма). Она подчиняет себе — прямо или косвенно — государственный аппарат путем установления прямой связи буржуазных правительств с монополистическими объединениями капитала или путем разных форм подкупа министров, депутатов парламентов, руководителей генеральных штабов, ведомств, буржуазных партий, а также отдельных деятелей рабочего движения, оторвавшихся от масс и изменивших им в интересах личных выгод. Буржуазная демократия и идеология буржуазного либерализма в этих новых условиях переживают глубокий кризис.

В этой обстановке и рабочий класс вынужден изменять формы и методы своей организации и борьбы, создавать боевые революционные партии нового типа, непримиримые к оппортунизму, умеющие сочетать легальную работу с нелегальной в условиях усиливающегося буржуазного террора, умеющие разоблачать империалистическую идеологию и руководить борьбой масс за социализм и демократию. Так в противоположность реакционным стремлениям империалистической буржуазии усиливается борьба масс за демократические права и свободы[1].

Как будет показано дальше, надстройка не пассивно приспособляется к базису, а активно воздействует на него.

---

[1] О противоречиях между экономическим базисом монополистического капитализма и буржуазной демократией как одной из форм политической надстройки см. статью Ленина «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»» (Соч., т. 23, стр. 30—36).

2. Переворот в базисе и в надстройке общества

Постепенные изменения в базисе и в надстройке в пределах данной общественной формации необходимо отличать от переворотов, революционных преобразований базиса и надстройки в период смены одной формации другой. Переход капитализма из стадии домонополистической в стадию монополистического капитализма означал качественные изменения некоторых сторон экономического базиса и надстройки. Но эти изменения не уничтожали буржуазного характера базиса, государства, права, господствующей идеологии, а лишь видоизменяли их, придавая им новые черты и свойства.

Переворот в экономическом базисе общества означает ликвидацию старых, отживших производственных отношений, форм собственности, сковывающих производительные силы. Он означает создание и утверждение новых производственных отношений, новых форм собственности, дающих простор развитию производительных сил и выступающих в качестве главного двигателя производительных сил. Переворот в экономическом базисе, т. е. ликвидация старого базиса и создание нового базиса общества, отнюдь не исключает преемственности в развитии экономики и использования некоторых старых экономических форм для создания нового экономического базиса. Социалистический экономический строй использует, например, вплоть до высшей фазы коммунизма такие старые экономические формы, как товар, торговля, эквивалентный обмен, стоимостные отношения, деньги, цены, приобретающие, однако, новое содержание и новые функции.

Переворот в надстройке в период социальной революции означает: а) свержение политического господства отживающих классов, свержение старой власти; б) установление политического господства нового класса, создание новой государственной власти; в) более или менее крутую ломку старой системы политических и юридических учреждений; г) преодоление ранее господствовавшей идеологии, развитие и утверждение новой идеологии в качестве господствующей в обществе; д) преобразование и использование некоторых элементов старой надстройки.

Как показывает опыт социалистических революций, переворот в надстройке не завершается свержением старой власти и установлением новой власти и формальным созданием учреждений новой надстройки. Сущность переворота в надстройке заключается в коренном изменении классового содержания работы всех учреждений надстройки, а это содержание изменяется лишь на основе преобразования социально-экономического строя. Социалистическая революция означает свержение господства эксплуататорских классов, власти буржуазии, установление власти трудящихся — рабочих и крестьян, использование этой

власти как рычага для осуществления экономического и культурного переворота, переворота в базисе и надстройке.

Социалистический переворот в надстройке начинается со свержения власти буржуазии и установления диктатуры пролетариата, ломки буржуазного государственного аппарата[1], создания нового, пролетарского, социалистического государственного аппарата. Политическая партия пролетариата, организующая победу социалистической революции, становится партией правящей, руководящей и направляющей силой социалистического государства и строительства нового общества. В состав социалистической надстройки входят, кроме социалистического государства и партии рабочего класса, и другие организации трудящихся: профсоюзы рабочих и служащих, молодежные, женские, культурно-просветительные и другие организации, как возникшие в условиях капитализма, так и вновь созданные. При этом организации трудящихся, существовавшие при капитализме, получают новые функции, ибо они развиваются теперь на новой экономической базе, в условиях социализма и должны решать новые задачи. Так, профсоюзы из органов борьбы с предпринимателями-капиталистами и их государственной властью, из организаторов стачек превращаются в опору новой государственной власти, в школу управления новым государством и хозяйством, школу воспитания масс, школу коммунизма.

Переворот, происходящий в период социалистической революции в идеологической надстройке, требует больше времени, чем политический и экономический переворот. Он означает коренное изменение классового идейного содержания и направления в работе всех культурных учреждений и коренное изменение сознания людей.

Например, старую школу, которая ставила целью подготовить и воспитать покорных служащих и приказчиков класса помещиков и капиталистов, необходимо преобразовать в новую школу, имеющую своей целью подготовку сознательных и активных строителей коммунистического общества. А этого нельзя достигнуть сразу, одними декретами и административными рас-

[1] При известных благоприятных условиях представительные учреждения, созданные буржуазной демократией, например парламенты, могут быть основательно демократизированы и преобразованы коренным образом и в ходе мирного развития революции; но и в таких случаях пролетариат должен решительно и радикально сломать и отсечь тот военно-полицейский бюрократический и паразитический аппарат буржуазной государственной машины, который был специально приспособлен (и по своей структуре и по классовому составу своего руководящего ядра) для подавления и угнетения народных масс. Иначе (как это доказывает поражение революции 1918 г. в Германии и 1919 г. в Венгрии) враждебные социализму классы очень легко и ловко используют сохранившиеся элементы старого, угнетательского государственного аппарата, проникают в аппарат государственной власти нового, демократического строя для установления связи внутренней контрреволюции с международным империализмом, для подготовки и организации вредительства, диверсий и контрреволюции с целью реставрации капитализма.

поряжениями новой, революционной власти. Это осуществляется в течение длительного времени, по мере перевоспитания старых учителей и создания новой, социалистической интеллигенции.

Социалистическая революция преобразует деятельность прежних культурно-просветительных, научных, литературных, художественных учреждений и организаций, ставит ее на службу трудящимся, строительству социалистического хозяйства и культуры. Все эти изменения в надстройке совершаются на базе экономического переворота, в процессе острой политической и идеологической классовой борьбы, длительной и сложной работы по социалистической переделке сознания миллионов людей.

В периоды, предшествующие революционному перевороту в обществе, и во время этого переворота каждая из форм сознания претерпевает глубокие изменения. В области искусства, философии, морали одерживают победу новые идеи, принципы, рожденные на основе конфликта новых производительных сил с отживающими производственными отношениями. В этом смысле марксисты говорят о перевороте в формах общественного сознания. При этом в искусстве и в философии наряду с отрицанием всего реакционного сохраняется преемственность в области идей, великих культурных ценностей. В условиях социалистического общества мы ценим и восхищаемся творениями Аристофана и Праксителя, Шекспира и Рафаэля, Пушкина и Толстого.

Когда марксисты говорят об уничтожении революционным классом надстройки, защищающей отживающий базис, то речь идет о реакционных учреждениях и идеях отживающего свой век реакционного класса и прежде всего его государстве и праве. Что касается прогрессивных идей, передового искусства, литературы, созданных в прошлых формациях на основе их базисов, то они наследуются новым обществом и сохраняются. Великое искусство прошлого в новых условиях приобретает иное значение, играет особую роль.

Эпоха загнивающего капитализма угрожает культурным достижениям народов, предает забвению произведения классического искусства. Вместо великого классического реалистического искусства реакционная буржуазия поднимает на щит вырождающееся, декадентское искусство (абстракционизм, конструктивизм и т. п.).

Социалистическая революция и рабочий класс по существу спасают и оберегают все подлинно великие произведения искусства, которые при социализме впервые в истории становятся достоянием всего народа. Коммунистическая партия вела и ведет борьбу с нигилистическим, анархистским отношением к сокровищам мировой культуры.

В буржуазных революциях создание нового, капиталистического уклада хозяйства предшествует политическому перевороту; буржуазная революция лишь закрепляет стихийно осу-

ществившийся экономический переворот, происшедший в лоне старого, феодального общества, и обеспечивает при помощи буржуазного государства и права условия развития капиталистического базиса. Иначе обстоит дело в период социалистической революции. И здесь конфликт между новыми производительными силами и отжившими капиталистическими производственными отношениями предшествует политическому перевороту, возникновению новых государственных и правовых учреждений. Но социалистический уклад хозяйства не может сформироваться в недрах капитализма, потому что для него нужна ликвидация капиталистической частной собственности на средства производства, а это невозможно без ликвидации власти буржуазии и установления диктатуры рабочего класса. Поэтому созданию социалистического базиса предшествует политическая революция пролетариата.

Противники марксизма видят в этом противоречие, отступление от исторического материализма: политическая революция пролетариата является условием экономического переворота. Они не хотят понять того, что политическая пролетарская революция вызвана прежде всего экономическими причинами и потребностями. Сам носитель этой революции — рабочий класс является продуктом всего предшествующего экономического развития капитализма; не будь его, не было бы и социалистической революции. Далее, без материальных предпосылок, созданных экономическим развитием капитализма, без гигантского обобществления труда социализм был бы невозможен.

Социалистическая надстройка складывается не сразу вслед за политическим переворотом, она формируется и развивается на основе изменения экономического строя и в то же время служит формированию, развитию и защите социалистической экономики. Изменяются задачи, функции, содержание и формы работы различных учреждений надстройки по мере развития экономического базиса. Примером зависимости социалистической надстройки от развития социалистического базиса может служить изменение функций и формы Советского социалистического государства после создания экономического базиса социализма.

Итак, и при переходе к социализму надстройка изменяется и развивается под определяющим влиянием экономического строя. Своеобразие заключается здесь в том, что социалистическая надстройка является рычагом и орудием экономического переворота.

Общие законы, открытые марксизмом, естественно, проявляются по-разному в разных исторических условиях. Эти видоизменения не отменяют закона о базисе и надстройке, а конкретизируют и подтверждают его.

Так как экономический базис одного и того же типа может иметь особенности в зависимости от исторических условий его

возникновения в различных странах, от национальных и международных отношений, географических условий и т. д., то и смена его другим базисом наряду с общими чертами содержит и не может не содержать много своеобразного в каждой стране. Большое разнообразие имеется в развитии базиса капитализма в разных странах. Не меньше своеобразия представляет и развитие экономического базиса социализма, например в СССР, в Китае и в других странах народной демократии. Некоторые народы перешли к феодализму, минуя рабовладельческий способ производства; многие народы оказались в мировой системе капитализма, минуя рабовладельческий и феодальный строй, правда, в качестве колониальных и зависимых стран. Некоторые народы переходят к социализму, минуя капитализм полностью или в основном.

Своеобразию в развитии базиса соответствуют и особенности в развитии надстройки. В качестве политической надстройки рабовладельческого общества в различных странах и в разное время выступала то рабовладельческая монархия (деспотические монархии древнего мира), то аристократическая, то демократическая рабовладельческая республика (древняя Греция). В качестве политической надстройки современного капитализма в различных странах выступает то конституционная парламентская монархия (Англия, Швеция, Голландия, Бельгия), то буржуазно-демократическая парламентская республика (Франция, США), то фашистская диктатура (например, гитлеровская Германия). Да и каждая из этих форм политической надстройки имеет свои особенности в различных странах. Так, Франция и США — буржуазные республики, но между ними есть и некоторые различия, отражающие особенности экономических укладов и соотношение классовых сил внутри этих стран.

3. Активная роль надстройки

Буржуазные критики марксизма говорят, что марксизм дает «одностороннее», экономическое объяснение истории при помощи одного «экономического фактора», якобы отрицая влияние и роль всех других факторов — политических, идеологических, психологических, религиозных, культурных и т. д. Подобная критика марксизма свидетельствует о невежестве критиков.

Установив и доказав, что идеологические формы и отношения есть отражение материальных, экономических отношений, раскрыв определяющую роль базиса в отношении надстройки, исторический материализм вовсе не отрицает активной роли надстройки, ее обратного воздействия на базис, не отрицает, а обязательно требует учитывать взаимодействие базиса и надстройки в процессе развития общества. Но взаимодействие базиса и надстройки — это не взаимодействие двух независимых

друг от друга и равнозначных «факторов»: надстройка является отражением базиса, производным от него. Взаимодействие базиса и надстройки происходит на основе экономического базиса, который, вызывая к жизни определенную надстройку, определяет направление ее развития.

Надстройка не есть пассивное следствие базиса или что-то вроде внешнего украшения здания общества. Если эксплуататорские классы в течение многих веков создавали и укрепляли свои политические и юридические учреждения, поддерживали религию и церковь, развивали и навязывали массам свою идеологию, то они поступали так потому, что находили в этом средства укреплять свое господство над трудящимися массами, над большинством общества. Если эксплуатируемые классы стремятся уничтожить угнетающие их учреждения господствующих эксплуататорских классов и создают свои организации, свою идеологию, то это объясняется потребностями их борьбы за свое освобождение. Если бы марксисты считали, что надстройка не играет активной роли в истории, то зачем они стали бы призывать рабочих к борьбе против буржуазного государства и реакционной буржуазной политики и идеологии, за победу диктатуры пролетариата и социалистической идеологии?

Государство — сильнейшее орудие господствующего класса. Оно концентрирует в себе экономическую и политическую мощь данного класса. Социалистическое государство концентрирует в своих руках всю экономическую и политическую мощь народа.

Государство может действовать прогрессивно, ускоряя и облегчая экономическое развитие, а может своими мероприятиями тормозить экономическое развитие, причем в этом случае оно подорвет свою экономическую основу, и его политика неизбежно потерпит крах. Буржуазная надстройка современного, загнивающего капитализма играет сугубо реакционную роль, подавляя стремление рабочего класса уничтожить капиталистические производственные отношения, ставшие оковами развития производительных сил.

Активное воздействие на экономический базис оказывает и право, при помощи которого правящий класс закрепляет экономические порядки, на которых держится его господство. Господствующий класс воздействует на экономическое развитие путем государственного законодательства о собственности, о труде, о наследовании имущества, о кредите, о займах, о промышленности, торговле, изобретениях и т. д.

Значит ли это, что государство и право могут определять развитие экономики и двигать его в любом направлении, отменить действие экономических законов? Отнюдь нет. Как ни пытаются, например, буржуазные правительства «планировать» развитие капиталистического хозяйства, уничтожить цикличность развития производства, кризисы перепроизводства, им этого никогда не осуществить. Хвастливые заявления и про-

рочества буржуазных идеологов и политиков о процветании капитализма, о «плановом капитализме» неизбежно проваливаются с каждым очередным экономическим кризисом перепроизводства. Экономические законы, открытые Марксом, нельзя отменить криками о том, что «марксизм опровергнут». Подобных криков и пророчеств было за сто лет много, а законы экономического развития, открытые Марксом, продолжают действовать с неумолимой силой.

Государство и право могут, конечно, ослаблять и несколько ограничивать сферу действия одних экономических тенденций и усиливать действие других тенденций, присущих данному экономическому строю[1]. При этом необходимо учитывать всю сложность механизма надстройки и ее действия. Буржуазное государство и право, например, выражая и защищая интересы господствующего класса, встречают противодействие и сопротивление угнетенных классов, которые защищают свои интересы и добиваются тех или иных уступок, реформ, ведя борьбу за свои конечные цели. Правящие партии буржуазии, сменяющие друг друга у власти, защищая общие интересы буржуазии против трудящихся, вместе с тем отстаивают интересы и привилегии одной части своего класса иногда за счет другой части и, естественно, встречают сопротивление этой последней.

Итак, надстройка вовсе не пассивно следует за экономическим развитием, как утверждают сторонники «теории стихийности», сторонники «экономического материализма». Оказывая обратное воздействие на базис, надстройка в целом или ее отдельные части нередко вступают в противоречие с базисом или его отдельными сторонами. Как показано выше, в период социальной революции старая надстройка вступает в конфликт с новыми производственными отношениями и с потребностями развития производительных сил. Новая надстройка, ведя борьбу с остатками старого базиса, содействует их ликвидации и ускоряет развитие производительных сил.

Особенно велика активная, преобразующая, творческая роль социалистической надстройки (социалистического государства и права, социалистической идеологии) в революционном преобразовании капиталистического общества и в создании и защите социалистического общества. Деятельность коммунистических партий социалистических стран служит ярким подтверждением того, какую великую преобразующую роль в развитии общества играет социалистическая надстройка. Коммунистические партии социалистических стран являются руководящей и направляющей силой социалистических государств. Идеология и политика

[1] Так, например, милитаризация экономики, проводимая капиталистическими монополиями и их государством, оказывает некоторое ограничение влияние на движение циклов капиталистического производства, на формы и темпы этого движения, но не может отменить периодически происходящих кризисов перепроизводства.

марксистской партии вдохновляет, организует и направляет не только деятельность учреждений новой надстройки, руководящей частью которой она сама является, но и хозяйственное строительство, все историческое творчество народных масс.

Социалистическая надстройка играет активную роль в строительстве коммунизма. Создание материально-технической базы коммунизма, новый мощный подъем всех производительных сил, создание изобилия материальных благ — все это закономерно обусловливает дальнейшие глубокие качественные изменения в экономике, дальнейшее развитие и усовершенствование социалистических производственных отношений, перерастание социалистического экономического базиса общества в коммунистический. В соответствии с этим будет развиваться и совершенствоваться и надстройка общества, работа всех ее учреждений. Высшего развития достигнет социалистическая демократия, подготовляя условия для полного отмирания государства. Полностью будут преодолены пережитки капитализма в сознании людей, пережитки буржуазной морали, религии и т. п. Принципы коммунизма, коммунистической морали войдут в быт, «в плоть и кровь» людей, станут привычкой, нормой поведения всех людей.

Положение исторического материализма об определяющей роли базиса в отношении надстройки и об обратном воздействии надстройки на базис, об активной роли надстройки целиком и полностью сохраняет свою силу и в период перехода общества от капитализма к социализму и в коммунистическом обществе. При этом роль надстройки возрастает, потому что социалистическая экономика развивается не стихийно, а строится планомерно, сознательно, под руководством коммунистической партии и социалистического государства, опирающихся в своей деятельности на марксистскую науку об объективных законах развития общества, законах строительства социализма и коммунизма. Коммунистическая партия выполняет руководящую и направляющую роль в строительстве и развитии социалистической экономики и возвышающейся над ней социалистической надстройки. Она руководит работой всех учреждений по коммунистическому воспитанию трудящихся, по преодолению пережитков капитализма в сознании людей. Она развивает социалистическую идеологию, направляет развитие социалистического искусства, воспитывает массы в духе коммунистической морали.

Определяющая роль базиса по отношению к различным частям и элементам надстройки, роль отдельных частей надстройки, основные законы развития отдельных элементов надстройки рассматриваются в следующих главах.

ГЛАВА XV

КЛАССЫ, КЛАССОВАЯ БОРЬБА, ГОСУДАРСТВО

В отличие от общих закономерностей развития, свойственных всем общественно-экономическим формациям, борьба классов представляет собою закономерность развития не всех, а определенных формаций, при которых общество разделено на антагонистические классы. От первобытнообщинного строя, не знавшего классового деления, человечество идет через классовые формации к коммунистическому строю, при котором навсегда исчезнут классовые различия. Почему на определенных ступенях своего развития общество делится на классы? Что такое классы? Как они возникли?

Правильный ответ на эти вопросы дает возможность понять и сущность государства, его происхождение и роль в классовой борьбе.

1. Определение классов

Начнем с рассмотрения сущности классового деления общества. Если сравнить друг с другом людей, принадлежащих к различным классам, например к классам буржуазии и пролетариата в капиталистическом обществе, то можно видеть, что они различаются и по условиям своей жизни, и по роду занятий, и по своим взглядам, навыкам, стремлениям. Что же главное, определяющее все различия между классами? По каким основным признакам следует различать общественные классы и где искать причину этих различий?

Деление общества на классы нельзя объяснять биологическими, расовыми причинами, различием природы людей, как это делают многие защитники классового гнета.

Стремясь оправдать деление общества на классы «непреложными законами природы», буржуазные социологи (вроде немецкого социолога конца XIX в. Отто Аммона, французского социолога Ляпужа и др.) нередко подменяют социальные различия между классами биологическими, расовыми различиями между индивидами. Но, вопреки утверждениям сторонников таких взглядов, не существует биологических различий между людьми различных классов. Разве фабрикант и рабочий в капиталистических странах обяза-

тельно являются представителями различных рас? Разве факты не показывают, что внутри одной и той же расы — и в Европе, и в Азии, и в Америке — существует деление на общественные классы?

В отличие от расовых различий классовые различия порождены социальными, а не естественными причинами. Деление общества на классы не вечно, оно будет устранено в ходе дальнейшего социально-исторического развития с той же необходимостью, с какой в свое время возникло.

Равным образом несостоятельны все попытки вывести классовые различия из различия индивидуальных способностей людей. «Последняя основа, на которой покоится наличие классов,— это индивидуальные различия способностей»[1],—утверждает современный американский экономист и социолог И. Шумпетер. В действительности различия между фабрикантом и рабочим — это не различия их индивидуальных способностей, а различия их общественного положения. Чтобы правильно определить понятия «капиталист», «рабочий», нужно оставить в стороне как не относящиеся к делу все индивидуальные различия между людьми, в том числе и различия способностей отдельных лиц. Дело в том, что возможность для отдельных лиц развить свои способности определяется принадлежностью к тому или иному классу, а не наоборот, как это получается у буржуазных социологов, подобных Шумпетеру. Известно, что большинство господ капиталистов отнюдь не принадлежит к самым способным людям. Чтобы занять свое место в жизни, им достаточно владеть капиталом; обладая капиталом, они могут купить, поставить себе на службу таланты и способности других людей.

Искать основу классовых различий нужно в материальных, экономических условиях жизни людей, а не в их сознании, как это делают сторонники *психологического направления* в буржуазной социологии. Как ни важно учитывать различия психологии, взглядов, мировоззрения людей, принадлежащих к разным классам, не ими определяется существование классов. Классы существуют объективно, независимо от того, сознают или не сознают это люди; их классовое сознание есть лишь более или менее ясное отражение условий их общественного бытия, их экономического положения.

Какие же именно экономические отношения определяют различия между классами? В последней, оставшейся незаконченной главе III тома «Капитала» Маркс отмечает, что на первый взгляд может показаться, будто класс образуется общностью источников его дохода. Согласно *распределительной* теории классов, наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники отличаются друг от друга тем, что первые получают заработную плату, вторые — прибыль, третьи — земельную ренту. Однако только

[1] *I. A. Schumpeter*, Imperialism and Social Classes, N.-Y., 1951, p. 210.

по этому признаку нельзя определить классы, выделить их из множества общественных прослоек и групп, которые также могут получать свой доход из различных источников. Так, например, при капитализме различны источники дохода у чиновников, получающих жалованье от государства, и у врачей, получающих гонорар за лечение от частных лиц. Но разве это дает основание считать их различными классами? Имеются различия по источникам или размерам доходов и между различными группами внутри классов: земельные собственники распадаются на владельцев виноградников, пахотной земли, лесов, рудников и т. д., но они не образуют различных классов.

Различие между классами по способам и размерам получения общественного дохода, конечно, существует, но это различие не является определяющим признаком классового деления. В этом легко убедиться, если поставить перед собой вопрос: почему существуют различные источники доходов, а следовательно, почему воспроизводятся различные классы? Почему, например, пролетарии обречены пожизненно существовать на скудный доход, получаемый ими от продажи своей рабочей силы? Это, очевидно, объясняется тем, что они лишены собственности на средства производства.

Стало быть, различие способов получения и размеров той доли общественного богатства, которой располагают классы, вытекает из их *отношения к средствам производства*, из их положения в общественном производстве. Следовательно, не способом распределения продуктов, а способом производства обусловливается разделение общества на классы и определяются различия между ними.

Из распределительной теории следует, будто борьба классов сводится лишь к борьбе за изменение способа распределения, за большую долю общественного дохода, т. е. за отдельные реформы, а не за изменение всего общественного строя. Не случайно проповедниками этой теории выступали и выступают реформисты (в свое время К. Каутский, Э. Бернштейн и др., а ныне — некоторые из лидеров правых социалистов и профсоюзов, вроде Д. Дубинского в США). Но вопреки утверждениям реформистов никаким изменением распределительных отношений нельзя устранить эксплуатацию, ибо ее основа лежит не в способе распределения, а в способе производства, в форме собственности на средства производства.

Среди немарксистских теорий классов есть и такие, которые признают, что коренное различие между классами следует искать в области производства, но не в отношении к средствам производства, а в различии функций в организации общественного производства. *Организационная теория*, одним из авторов которой является А. Богданов, утверждает, будто классы появились в результате разделения людей на «организаторов» и исполнителей. Эта теория так же, как и распределительная, дает возможность проповедовать вечность классов и их примирение. Она приводит к выводу, будто производство обязательно требует существования различных классов, которые выполняют неодинаковые функции в процессе производства и тем самым дополняют друг друга.

Различия между классами по их роли в организации общественного труда действительно существуют, но они также вытекают из различного отношения к средствам производства. Крупное машинное производство требует организаторской деятельности, управления производством, но отсюда не вытекает, что управлением должны заниматься люди, принадлежащие к иному классу, чем непосредственные производители. Маркс отмечал: «Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием,— наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист. Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала, подобно тому как в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности»[1].

Когда те или иные производственные отношения отживают свое время и становятся препятствием для развития производительных сил, то изменяется и роль господствующего класса в общественной организации труда: он теряет свою организаторскую роль в производстве и вырождается в паразитический нарост на теле общества. Так в свое время произошло с земледельческой аристократией,а ныне происходит с буржуазией, в среде которой растет слой рантье, живущий доходами с ценных бумаг, «стрижкой купонов». Растущий паразитизм буржуазии свидетельствует о том, что этот класс отжил свое время, что он не только не нужен производству, но и прямо мешает его развитию и, следовательно, должен быть устранен.

Ни различия источников дохода, ни различная роль в организации производства сами по себе еще не определяют классов. Различия между классами определяются прежде всего их отношением к средствам производства и вследствие этого различием места, занимаемого каждым из них в исторически определенной системе общественного производства. Как мы знаем, производственные отношения в антагонистическом классовом обществе — это отношения эксплуатации, господства и подчинения. Это объясняется тем, что господствующий класс обладает монополией на средства производства, т. е. ему принадлежат все или по крайней мере важнейшие средства производства, тогда как угнетенный класс лишен этих средств производства. Всюду, где одна часть общества монопольно владеет средствами производства, работник должен, помимо рабочего времени, необходимого для содержания его самого, затрачивать еще прибавочное рабочее время для содержания собственника средств производства. Из *различного отношения к средствам производства*, как коренного, решающего признака, вытекают все остальные признаки классов, в том числе и их роль в общественной организации труда, а также различие размеров и источников их дохода. Все эти черты и признаки, характеризующие сущность классового деления общества, обобщены Лениным в следующем определении:

«Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общест-

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, стр. 339.

венного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»[1].

Классовое деление общества имеет свою основу в экономическом строе общества, но оно находит свое отражение и в его политическом строе и в духовной жизни. Поэтому основоположники марксизма-ленинизма рассматривали класс не только как экономическую, но и как более широкую социальную категорию. Они отмечали, например, что противоположность пролетариата и буржуазии, присущая производственным отношениям капитализма, проявляется во всей социальной жизни: и в условиях быта этих классов, и в их семейных отношениях, и в том, что рабочие имеют другие идеи и представления, нравы и нравственные принципы, ведут иную политику, чем буржуазия.

2. Возникновение классов. Классовая структура общества и ее зависимость от способа производства

Основой классовых различий является различное отношение разных групп людей к средствам производства. Каким же образом возникло это различие? Почему одна часть общества смогла сосредоточить в своих руках важнейшие средства производства, а другая часть общества лишена их? Может быть, это объясняется тем, что одним людям удалось путем насилия отнять средства производства у других? Так утверждают некоторые буржуазные социологи, которые ищут причины разделения общества на классы в политических факторах, например в насилии, в покорении одних людей или народов другими. На позиции теории насилия стояли, например, Дюринг, Гумплович, а также Карл Каутский в последних своих работах.

Конечно, переход от бесклассового общества к классовому не совершался без насилия. Но насилие лишь ускоряло и углубляло имущественное неравенство, а не создавало его. Насилием невозможно объяснить возникновение классов, как нельзя объяснить грабежом возникновение частной собственности. Ведь грабеж может передать имущество одного владельца другому, но не может создать частную собственность как таковую. Вооруженные стычки между племенами, столкновения из-за охотничьих угодий и т. д. имели место задолго до появления клас-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 29, стр. 388.

сов, но они не приводили к возникновению рабства до тех пор, пока его не подготовило экономическое развитие общества.

В первобытном обществе, как уже отмечалось в XIII главе, воеиио-плеииых чаще всего убивали, иногда отпускали на свободу или прииимали в свой род, ио не превращали в рабов, так как вследствие крайне иизкого развития производительиых сил их труд ие мог создать иикакого прибавочиого продукта. Однако в дальнейшем положение изменилось. В древнем египетском языке слово «военнопленный» буквальио озиачало «живой убитый»: плеииых, первоиачальио обречеииых иа смерть, стали оставлять в живых и обращать в рабство.

Классы не могли возникнуть до тех пор, пока в результате роста производительности общественного труда не появился прибавочный продукт. Но этим была создана лишь возможность разделения общества на классы, непосредственной же причиной раскола общества на антагонистические классы было возникновение частной собственности на средства производства. Развитие производительных сил привело к общественному разделению труда и обмену продуктами. А вместе с разделением труда и обменом развивалась и частная собственность на средства производства. Благодаря созданию более совершенных орудий труда (например, переходу от каменных орудий к металлическим) общий труд перестал быть необходимостью; экономически выгодным стало производство силами отдельных семей, которые начали вести свое, обособленное хозяйство и обмениваться продуктами своего труда.

По мере того как общинная собственность уступала свое место частной собственности на средства производства, развивалось экономическое неравенство между родами и отдельными семьями. Выделялась родовая знать: старейшины, военачальники, жрецы и другие лица, занимавшие общественные должности в родовой общине, обогащались, захватывали часть общинной собственности, подчиняли себе обнищавших членов общины. Обогащение родовой знати ускорялось участившимися военными столкновениями между общинами. Войны стали постоянным промыслом. Военачальник и его дружина начали смотреть на войну и грабеж, как на более почетное дело, чем труд. По словам римского писателя Тацита, описавшего в I в. жизнь древних германцев, дружинников «легче убедишь вызывать на бой врага и получать раны, чем пахать землю и выжидать урожая; даже больше — они считают леностью и малодушием приобретать пóтом то, что можно добыть кровью». При всех этих условиях постепенно внутри общины развивалось имущественное неравенство и классовое расслоение.

Образование классов происходило, во-первых, через выделение внутри общины эксплуататорской верхушки, состоявшей первоначально из родовой знати, а потом — из более широкого слоя богатых людей; во-вторых, посредством обращения в рабство сначала чужеплеменников, захваченных в плен, а затем и обнищавших соплеменников, попавших в долговую кабалу.

Первая форма рабства возникла в недрах патриархальной родовой общины. Это было домашнее, или патриархальное, рабство, при котором численность рабов была сравнительно невелика: они трудились вместе со свободными членами рода или семьи под надзором старшего в роде или главы семьи.

В результате дальнейшего развития производительных сил, частной собственности и обмена на смену патриархальному рабству, еще уживавшемуся с родовыми отношениями, пришла новая форма рабства: основные работы стали выполняться рабами, на которых было возложено все бремя производительного труда. Получила значительное развитие работорговля.

Экоиомическая осиова образования классов — одиа и та же у всех народов, но коикретиые формы и сроки этого процесса весьма многообразны. Раньше всего — в коице IV — начале III тысячелетия до и. э. — классовое общество возникло в долиие Нила, в Египте, а также в долиие рек Евфрат и Тигр, затем — в III и II тысячелетиях до н. э. — в Индии, Китае и других страиах.

На Востоке — в Египте, Вавилоиии, Ассирии — в течеиие длительиого времени сохраиялось миого пережитков первобытиообщииных отиошеиий. С этим были связаны сравнительно примитивные формы рабства и замедленные темпы его развития. Необходимость поддерживать коллективиым трудом ирригациоиные сооружеиия (оросительиые каналы, плотииы и т. д.) способствовала здесь сохранению общины, замедляла развитие частиой собствеииости на землю. Земля становилась собствеииостью государства, сложившегося в виде рабовладельческой деспотии.

Иначе протекал — в I тысячелетии до и. э. — процесс разложения первобытиообщииного строя в Греции, а затем в древием Риме и других страиах. Здесь с развитием частиой собствеиности иа средства производства и появлеиием рабства коллективиый труд перестал играть зиачительную роль в производстве, что ускорило разложеиие общииы. Остатки первобытиообщииных отиошений были уиичтожеиы в Греции и Риме в результате борьбы свободного иаселеиия против родовой зиати, использовавшей пережитки родового строя для прикрытия эксплуатации соплемеиииков; уничтожеиие этих пережитков открыло дорогу для более быстрого, чем на Востоке, развития рабовладельческих отиошеиий.

Разделение общества на классы явилось в конечном счете результатом развития производительных сил и общественного разделения труда, которое привело к возникновению частной собственности, противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Как противоположность между городом и деревней, так и противоположность между умственным и физическим трудом проходит через всю историю классового общества.

На протяжении многовековой истории сменялись общественно-экономические формации, сходили со сцены общественной жизни одни классы и нарождались другие, изменялись взаимоотношения между классами и внутри формаций. Коренная причина всех этих изменений заключалась в изменениях, происходивших в способе производства, в производительных силах и производственных отношениях. При смене одного способа производства другим изменялись распределение средств производства между членами общества, формы собственности, а в за-

висимости от этого изменялась классовая структура общества. История классового общества показывает три формы классового порабощения: рабство, крепостничество, наемный труд. Последовательная смена этих способов эксплуатации, обусловленная развитием производительных сил, означала постепенную замену личной зависимости работника его экономической зависимостью.

При рабовладельческом способе производства рабовладелец являлся собственником не только средств производства, но и работника производства, который рассматривался в качестве простого орудия производства. Римский писатель Варрон в своем трактате о сельском хозяйстве делил орудия, которыми возделываются поля, на три разряда: «орудия говорящие», орудия, «издающие нечленораздельные звуки... и орудия немые... к говорящим относятся рабы, к издающим нечленораздельные звуки — волы, к немым — телеги». Рабство — это самая грубая и жестокая форма эксплуатации.

С изменением способа производства на смену рабовладельческой форме эксплуатации явилась феодальная. При феодальном способе производства крестьянин располагал своим небольшим хозяйством, некоторыми орудиями производства. Однако феодал был собственником главного средства производства — земли, что и давало ему возможность присваивать прибавочный труд крестьянина. Крепостной отличался от раба: он не считался полной собственностью феодала, последний мог купить, продать, но (по закону) не мог убить его. Присвоение феодалами прибавочного продукта, произведенного крестьянами, осуществлялось либо в форме отработочной ренты (барщины), либо в форме ренты продуктами (оброка), либо в форме денежной ренты (когда крестьянин вносил помещику определенную сумму денег). Эти формы присвоения последовательно менялись на разных ступенях развития феодального способа производства.

В рабовладельческом и феодальном обществах производители материальных благ — рабы и крепостные крестьяне были юридически неполноправны и лично зависели от владельца средств производства. В этих обществах классовые различия при помощи государственной власти юридически закреплялись в *сословном* делении населения. Для каждого сословия законом устанавливалось особое место в государстве, те или иные права и обязанности. Поэтому классы рабовладельческого и феодально-крепостнического общества были также и особыми сословиями[1].

[1] Деление на сословия имело свои особенности на разных ступенях развития общества и в разных странах и часто не совпадало полностью с делением на классы. В ряде стран Востока сословный строй существовал в форме кастовой системы. Например, в древней Индии свободное население делилось на 4 варны (касты): брахманов (знатные жреческие роды), кшатриев (военная знать), вайшьев (основная масса свободных общинников), *шудров* (низший слой общества — люди, не являвшиеся членами общины, отбившиеся от своего племени и т. д.), ниже них стояли рабы. Деление на варны закреплялось рабовладельческим государством и освящалось религией (последняя учила, что бог Брахма сотворил брахманов из своих уст, кшатриев — из рук, вайшьев — из бедер, а шудр — из ступней). В древнем Риме существовало деление на патрициев и плебеев, подразделявшихся со времени конституции Сервия Туллия на несколько разрядов по имущественному признаку. В феодальной Европе существовало три сословия: высшими сословиями считались духовенство и дворянство, которые в отличие от третьего, низшего сословия пользовались привилегиями (например, освобождались от податей, не подлежали телесным наказаниям, могли быть судимы только своим сословным судом, имели право владеть имениями с крепостными крестьянами и т. д.).

Капиталистический способ производства упростил классовое деление общества, упразднил сословные привилегии. При капитализме непосредственные производители — рабочие стали юридически свободными. Но они лишены собственности на средства производства и находятся в экономической зависимости от капиталистов. Капиталистический способ эксплуатации Маркс и Энгельс назвали системой наемного рабства.

Таким образом, из характера антагонистических способов производства вытекают различные способы эксплуатации, а вместе с тем и различное расчленение общества на классы. Каждому антагонистическому способу производства свойственно особое разделение общества на классы: рабовладельческому способу производства — разделение на рабовладельцев и рабов, феодальному — на феодалов и крепостных, капиталистическому — на капиталистов и пролетариев.

Это *основные* классы соответствующих общественно-экономических формаций. Основных классов в каждой формации два. Их существование непосредственно вытекает из того способа производства, на котором основана данная общественная формация. Во взаимоотношениях и борьбе этих классов выражается основное противоречие данного способа производства и всего общества.

Наряду с господствующим способом производства в обществе могут сохраниться и остатки прежних способов производства или возникать зародыши нового способа производства в виде особых укладов хозяйства. Вследствие этого наряду с основными классами обычно имеются и *неосновные*, или *переходные*, классы.

Так, в рабовладельческих обществах существовали мелкие свободные земледельцы-крестьяне, а также ремесленники. В феодальном обществе по мере развития городов росли новые общественные слои: ремесленники, организованные в цехи и корпорации, торговцы и т. д. В городах позднего средневековья цеховые мастера превратились в слой эксплуататоров, а подмастерья — в эксплуатируемую массу рабочих. Выделялись капиталистические элементы и из верхушки крестьянства.

В капиталистическом обществе долгое время существовали, а в тех странах, где сохранились значительные пережитки феодализма, и поныне существуют в качестве неосновного класса помещики — крупные землевладельцы, применяющие наряду с капиталистическими и докапиталистические способы эксплуатации крестьян.

В большинстве капиталистических стран имеются многочисленные слои мелкой буржуазии: мелкие крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы и т. д. Экономической основой их существования является простое товарное производство. Они занимают промежуточное положение между буржуазией и пролетариатом. Их роднит с буржуазией то, что они являются частными собственниками (хотя в отличие от нетрудовой, частнокапиталистической собственности это трудовая собственность, основанная на личном труде); их роднит с пролетариатом то, что

они являются тружениками и подвергаются капиталистической эксплуатации.

По мере развития капитализма мелкая буржуазия расслаивается, дифференцируется: небольшая часть ее богатеет, превращается в капиталистов, эксплуататоров, а бо́льшая часть разоряется, переходит на положение полупролетариев или пролетариев. Это закономерный процесс, вытекающий из преимуществ крупного производства перед мелким, из открытого Марксом закона концентрации и централизации капитала. Но этот процесс не приводит к полному вытеснению мелких производителей. Даже в развитых странах капитализма имеется довольно многочисленный слой мелких производителей, а в странах, капиталистически менее развитых, они составляют преобладающую массу — до 60—70% населения.

Из этого факта противники марксизма делают вывод, будто мелкое производство, в частности крестьянское хозяйство, обладает «устойчивостью» и способно противостоять натиску капитала. Английский экономист лейборист Джордж Коул, французский правый социалист Жюль Мок и др. пытаются доказать, что в современную эпоху доля дохода средних слоев населения возрастает. А отсюда они заключают, что открытая Марксом тенденция к пролетаризации средних слоев населения и углублению классовых различий якобы потеряла силу. В книге «Сопоставления» (1952) Жюль Мок обосновывает этот вывод ссылками на технический прогресс: в XIX в. распространение парового двигателя, отличающегося большими размерами и стоимостью, вело к концентрации производства и разорению мелких производителей, а в XX в. распространение электрических двигателей, которые могут быть и небольшими, ведет к возрождению мелких мастерских, способных конкурировать с крупными предприятиями.

Однако в действительности технический прогресс в капиталистическом обществе разоряет мелких производителей. Темпы технического прогресса, быстрый моральный износ (устаревание) техники и необходимость периодической замены ее новой в конкурентной борьбе ставят мелкого производителя в крайне невыгодное положение по сравнению с крупным. В современном производстве все шире применяются автоматизация и телемеханика, требующие сложного и дорогого оборудования, недоступного мелким предпринимателям. Интенсификация производственных процессов, внедрение поточных методов и растущая специализация производства предполагают увеличение объема производства и умножают экономические преимущества крупных предприятий перед мелкими. Что же касается экономической эффективности электропривода, которую подчеркивает Мок, то она отнюдь не доказывает выгодности мелких предприятий. Крупные предприятия располагают гораздо большими возможностями для использования выгод электродвигателей как большого, так и малого размера, сообразно с требованиями производственного процесса.

Вопреки утверждениям Мока во всех капиталистических странах идет концентрация производства и централизация капитала. К концу второй мировой войны из каждых трех рабочих США двое были заняты на крупных предприятиях. Концентрация производства происходит и в сельском хозяйстве. При общем уменьшении количества ферм в США (см. главу XIII) крупные фермы (с площадью в 1000 акров и больше) обрабатывали в 1920 г. 23% всей фермерской площади, в 1940 г.— 34,3, а в 1950 г.— 42,6%.[1]

---

[1] См. также данные о концентрации в сельском хозяйстве США в работе ассоциации по исследованию проблем труда «Апологеты монополий», М., 1955, стр. 18.

Существование в капиталистических странах большого числа мелких и средних предприятий, особенно в легкой промышленности, торговле и сельском хозяйстве, не может служить доводом против марксистской теории концентрации производства, во-первых, потому, что число этих предприятий и объем их деятельности постепенно сокращается (например, во Франции с 1947 по 1955 г. объем работ, выполняемых ремесленниками, сократился на одну треть); во-вторых, потому, что эти мелкие предприятия оказываются во все большей зависимости от крупных, от монополистического капитала.

Марксисты никогда не утверждали, будто тенденция к пролетаризации средних слоев должна привести к их полному исчезновению. Монополистический капитализм не перестраивает до конца экономику, не уничтожает основ старого капитализма, связанного и с докапиталистическими формами хозяйства. Как отмечал Ленин, экономическое развитие идет противоречиво: «Целый ряд «средних слоев» неминуемо вновь создается капитализмом (придаток фабрики, работа на дому, мелкие мастерские, разбросанные по всей стране ввиду требований крупной, например, велосипедной и автомобильной индустрии, и т. д.). Эти новые мелкие производители так же неминуемо опять выбрасываются в ряды пролетариата» [1]. Наряду с пролетаризацией средних слоев, вытесняемых из производства, происходит и процесс роста непроизводительных промежуточных слоев (чиновничества, административного персонала в промышленности, торговле, кредитных организациях и т. д.), что связано с загниванием капитализма.

К средним слоям общества относится в своем большинстве и *интеллигенция*, которая представляет собою общественную прослойку, охватывающую людей, профессионально занимающихся умственным трудом. Кроме врачей, адвокатов, деятелей искусства и других лиц так называемых «свободных профессий», она включает в себя инженеров, техников и других представителей технического персонала, работников науки и просвещения, значительную часть служащих и т. д.

Интеллигенция никогда не была и не может быть особым классом. Это объясняется прежде всего тем, что она не занимает самостоятельного места в производстве материальных благ. Большая часть ее (за исключением технической интеллигенции) занята вне сферы производства материальных благ. К тому же интеллигенция не является классово однородной, она рекрутируется из различных классов и обслуживает различные классы. Сообразно с этим интеллигенция делится в капиталистическом обществе на буржуазную, мелкобуржуазную и пролетарскую. По образному выражению В. Воровского, интеллигенция «похожа на идейный парламент, где представители разных классов входят во всевозможные группировки, соответственно тому, как группируются интересы пославших их классов. Говорить поэтому о классовых чертах интеллигенции, как целого, нет никакого основания»[2]. Интеллигенция играет значительную роль в жизни современного общества. Вопрос о привлечении возможно более широких слоев интеллигенции на свою сторону имеет существенное значение для борющихся классов. Условия

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 15, стр. 24—25.

[2] *В. В. Воровский*, Представляет ли интеллигенция общественный класс? Соч., т. II, Соцэкгиз, 1931, стр. 14.

жизни капиталистического общества вынуждают массу интеллигенции служить господствующим эксплуататорским классам. В то же время современный капитализм не способен обеспечить широким кругам интеллигенции условия для применения ее творческих сил. Часть буржуазной интеллигенции, осознавшая гнилость капитализма, переходит на сторону рабочего класса. Рабочий класс создает и свою, пролетарскую интеллигенцию, сравнительно немногочисленную, так как капитализм крайне затрудняет для рабочих доступ к образованию и умственному труду.

Мы видим, что классовый состав общества отличается большой сложностью: кроме основных классов, могут существовать неосновные классы и различные промежуточные слои, различные прослойки. Нередко в обществе имеются и более или менее многочисленные деклассированные элементы, состоящие из людей, потерявших связь со своим классом, не имеющих определенных занятий, спустившихся «на дно» (так, при капитализме люмпен-пролетариат: нищие, проститутки, воры, жулики и т. д.).

Сложность классового состава общества нередко используется буржуазными социологами для того, чтобы затушевать основное деление капиталистического общества на классы. Они подменяют его делением на социальные слои («страта» — термин, заимствованный из геологии, отсюда «социальная стратификация» — учение о социальных слоях, напластованиях и т. д.). Таких «слоев» буржуазные социологи насчитывают множество, а затем делают вывод о том, что в современном обществе грани между всеми ними подвижны. Американский философ и экономист Ст. Чейз заявляет, что в США «классы находятся в постоянном движении: люди, входящие в них, поднимаются и опускаются, как лифты в учреждении».

Но, хотя классовое положение отдельных лиц и может изменяться, этим не устраняется различие между классами как большими группами людей, образующими классовую структуру общества. И сколько бы ни твердили Чейз и ему подобные о том, что в США люди могут свободно изменять свое классовое положение, например, каждый чистильщик сапог может-де стать миллионером, такой путь закрыт для миллионов людей. Всякого рода передвижки, изменения в социальном положении масс ведут их лишь вниз. Разорение мелких предпринимателей, пролетаризация крестьян и ремесленников, переход части рабочих на положение безработных и люмпен-пролетариев лишь углубляют противоположность между основными классами капиталистического общества. Вверх по социальной лестнице могут подняться лишь единицы.

В различных странах, находящихся на ступени одной и той же формации, в силу особенностей их социально-экономического развития классовый состав населения не вполне одинаков: различен, например, удельный вес рабочих, мелкобуржуазных слоев города и деревни и т. д. Лишь учитывая особенности соотношения классовых сил в данной стране и ее связи с другими странами, партия рабочего класса может выработать правильную стратегию и тактику классовой борьбы.

3. Классовые интересы и классовая борьба. Классы и партии

Через всю историю общества со времени распада первобытной общины проходит борьба между классами. «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер[1] и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»[2],— так характеризовали Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» основные фазы классовой борьбы до возникновения капитализма. Эпоха капитализма принесла дальнейшее обострение классовой борьбы, расколов общество на два больших лагеря, на два больших класса — буржуазию и пролетариат.

Из-за чего же идет борьба между классами? Является ли она исторически неизбежной? Буржуазные историки и социологи твердят, что она представляет собою результат «недоразумения, взаимного непонимания классов», неумелой политики правящих верхов общества, «подстрекательства злонамеренных элементов» и т. д.

Многие публицистические произведения, философские и социологические сочинения, издаваемые в капиталистических странах, призывают к сотрудничеству классов. Авторы этих произведений предлагают отыскать такие «моральные ценности», такие идеи, которые были бы способны объединить враждующие классы. А когда жизнь обнаруживает тщетность таких попыток, они говорят, что надо было выработать лучшие, более приемлемые для всех классов идеалы.

Но дело, конечно, не в том, что они не могут найти подходящих идей. Думать, что можно спаять между собой классы с непримиримыми, антагонистическими интересами при помощи самых «лучших» идей или «моральных ценностей»,— значит подходить к вопросу с ложных позиций идеалистического понимания истории. В действительности не может быть прочного политического и духовного единства в обществе, где классы противопоставлены друг другу условиями своего экономического бытия, коренной противоположностью интересов.

Классовая борьба порождается противоположностью экономического положения и противоречием интересов различных классов. А если интересы противоположны, то все попытки объединить классы проповедью общей морали потерпят провал.

---

[1] Здесь имеется в виду превратившийся в эксплуататора цеховой мастер позднего средневековья.— *Ред.*

[2] «Общая гибель борющихся классов», о которой говорят Маркс и Энгельс, имела место при крушении рабовладельческого строя, в котором классовая борьба рабов не привела к их победе, хотя и нанесла смертельный удар рабовладельческому строю. Крушение рабовладельческого строя под ударами варварских племен извне и восставших рабов изнутри привело в конце концов к исчезновению как рабов, так и рабовладельцев, место которых заняли классы феодального общества.

Что же такое классовые интересы, чем они обусловливаются? Иногда утверждают, что классовый интерес определяется сознанием членов данного класса. Но такое утверждение неправильно. Рабочий класс той или иной капиталистической страны может не сознавать своих коренных интересов и ограничиваться в данный период борьбой за те или иные частичные интересы (например, за повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и т. п.). Но это не значит, что его классовый интерес сводится к повышению заработной платы и улучшению условий труда. По своему объективному положению, по условиям жизни рабочий класс заинтересован в освобождении от капиталистической эксплуатации, в уничтожении капитализма.

Классовый интерес определяется не сознанием класса, а положением данного класса в системе общественного производства. Так как пролетариат лишен собственности на средства производства и подвергается капиталистической эксплуатации, то он по своему объективному положению заинтересован в уничтожении капитализма и является революционным классом. Напротив, буржуазия заинтересована в увековечении капиталистического строя. Буржуа и пролетарии — антагонистические классы, ибо их интересы противоположны и непримиримы. Такими же антагонистическими классами были основные классы предшествовавших капитализму формаций: рабовладельцы и рабы, феодалы и крепостные. Поэтому классовая борьба между ними исторически неизбежна.

Антагонистическими могут быть отношения не только между противоположными классами одной общественно-экономической формации, но и между классами различных формаций, сменяющих друг друга. Таковы, например, отношения между буржуазией и феодалами в ту эпоху, когда буржуазные методы эксплуатации пришли в конфликт с феодальными. Но, поскольку и тот и другой класс являются эксплуататорами, они могли объединяться. В экономике ряда стран феодальные методы эксплуатации сращивались с буржуазными, а в области политики буржуазия и феодалы нередко блокировались, особенно тогда, когда перед ними вырастал общий противник — народные массы во главе с пролетариатом.

Если противоположность или расхождение интересов классов являются почвой для борьбы между ними, то совпадение интересов различных классов создает возможность для их совместных действий. В условиях современного капитализма есть объективные условия для совместных действий пролетариата, основных масс крестьянства и городской мелкой буржуазии, угнетаемых монополиями. В капиталистических странах трудящееся крестьянство все более подвергается эксплуатации со стороны монополий и банков, опутывающих крестьян сетями долговой зависимости. Хотя крестьянство представляет собою класс мелких частных собственников, оно так же, как и рабочий класс, заинтересовано в освобождении от гнета капитала, который разоряет деревню, высасывает из нее жизненные соки. Общность интересов определяет возможность создания прочного союза пролетариата

и крестьянства, а также других слоев трудящихся. В этом союзе пролетариат, как наиболее революционный, организованный и сплоченный класс, является руководящим.

В классовой борьбе возможны временные совпадения интересов глубоко различных по своей социальной природе классов, когда перед ними стоит общий противник. Так, общенациональные задачи, например борьба за национальную независимость в колониях и полуколониях, могут быть почвой для объединенных действий трудящихся масс (рабочего класса, крестьянства, городской мелкой буржуазии) и национальной буржуазии.

Внутри класса существуют слои, группы, которые иногда могут вступать в противоречие друг с другом или с коренными интересами всего класса. Так, среди класса капиталистов есть промышленная буржуазия, финансисты, торговцы и т. д. В среде пролетариата имеются рабочие различных отраслей промышленности разных местностей, неквалифицированные и квалифицированные и т. д. со своими профессиональными или групповыми интересами.

Существование групп внутри классов иногда используется противниками марксизма для доказательства того, что классы «распадаются». Так, в проекте программы Социалистической партии Австрии, представленном на ее съезд в ноябре 1957 г., говорилось, что современное общество развивалось совершенно иначе, чем предсказывали Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте»: вместо деления общества на пролетариев и капиталистов образовалось множество классов и групп населения с разнообразными интересами, которые могут различным образом сочетаться. Аналогичный взгляд проводит один из теоретиков французских социалистов, А. Филипп, в книге «Преданный социализм» (1957). Единство рабочего класса, о котором говорил Маркс в середине XIX в., представляет собой в настоящее время «лишь романтическую химеру,— утверждает А. Филипп.— Вместо двух классов, находящихся на противоположных полюсах, мы имеем перед собой множество групп с самыми противоречивыми интересами...» Подобный взгляд, с одной стороны, ведет к раздуванию противоречий между интересами различных групп внутри классов, с другой стороны, смазывает противоречия между интересами противоположных классов. Но интересы различных групп внутри классов являются временными, частичными, тогда как общеклассовый интерес — это интерес длительный, коренной. Поэтому групповые интересы в периоды обострения классовой борьбы отступают на задний план по сравнению с общеклассовыми. Единство рабочего класса, о котором А. Филипп говорит как о «романтической химере», выковывается, несмотря на все трудности, в ходе классовой борьбы.

Коренные интересы классов определяют их отношение к господствующему способу производства, к существующему общественному и государственному строю. Антагонистические классы ведут между собой то скрытую, то открытую борьбу за сохранение или уничтожение существующего строя и лежащего в его основе способа производства. Через непримиримую борьбу антагонистических классов осуществляется прогрессивное движение общества, смена одних общественных формаций другими, более высокими.

Буржуазные социологи и сторонники реформизма, идеологи правых социалистов отрицают закономерность классовой борьбы и утверждают, что двигателем прогресса является «сотрудничество классов», что развитие общества идет вперед тогда, когда все классы осознают «несовершенство» того или иного учреждения и своими солидарными действиями изменяют его. В революционной классовой борьбе реформисты видят проявление «ненужных» столкновений, которые способны лишь отбросить общество назад. На самом же деле не классовая борьба, а ее отрицание реформистами тянет развитие общества назад. Ведь если бы действительно прекратилась борьба между классами, о чем мечтают реформисты (но что в антагонистическом обществе, конечно, на деле невозможно), то это означало бы, что отживающий строй был бы увековечен, а трудящиеся были бы обречены на вечное рабство. Именно революционная борьба классов является двигателем развития антагонистических обществ: она и только она ведет к ломке отживших учреждений, к ликвидации устаревших форм экономической жизни, мешающих развитию общества; она, следовательно, движет историю вперед. Как мы знаем, марксистская диалектика открыла источник всякого развития в борьбе противоположных сил и тенденций. В классовом обществе этот закон диалектики обнаруживает свое действие в борьбе классов.

Классовая борьба представляет собой закономерность и движущую силу развития классовых обществ. Открытый Марксом и Энгельсом великий закон исторического движения классовых обществ состоит в том, что «всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обусловливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена»[1]. Этот закон, по словам Энгельса, имеет такую же важность для исторической науки, для понимания развития классового общества, как закон превращения энергии для естествознания.

Классовая борьба находит свое проявление во всех сферах жизни общества. Классы ведут борьбу за свои экономические интересы — за роль и место в области производства и распределения материальных благ. А так как на защите интересов господствующих классов стоит их государство, а экономические интересы находят свое концентрированное выражение в политике, в политических интересах классов, то борьба между ними, развертывающаяся сначала в области экономики, переносится и в область политики, перерастает в борьбу за политическую власть. Изменения форм государства, политических режимов всегда являются результатом изменения соотношения клас-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 211.

совых сил, складывающегося в ходе их борьбы. И в области духовной жизни классового общества — в борьбе нравственных, религиозных, политических и иных идей — всегда в конечном счете отражается положение тех или иных классов, их экономические интересы.

Борьба классов находит свое наиболее оформленное выражение в борьбе политических партий. Политические партии выражают интересы классов и руководят их борьбой. По своему составу партия представляет часть класса, притом наиболее активную.

Буржуазные социологи и политики и плетущиеся за ними ревизионисты марксизма стараются затушевать связь между партиями и классами; они рассматривают партию лишь как идейное объединение людей, придерживающихся одинаковых политических взглядов, вне всякой зависимости от их классовой принадлежности. Такой взгляд проводился, например, в ряде докладов на Международном конгрессе политических наук, состоявшемся в Стокгольме в августе 1955 г. «Принадлежность к той или иной партии не имеет никакого отношения к классу,— утверждал в своем докладе американский социолог С. Б. Макферсон,— партии носят семейный, традиционный, социальный или религиозный характер». В подтверждение такого взгляда Макферсон ссылался на двухпартийную систему в США, которая, по его мнению, служит не господству буржуазии, а имеет своей функцией «смягчать и сдерживать столкновения классовых интересов». Показная борьба между буржуазными партиями в США — демократами и республиканцами, как это невольно признал и Макферсон, служит для того, чтобы отвлечь трудящихся от классовой борьбы за свои насущные интересы. Разница между партиями демократов и республиканцев в США ничтожна, они ведут борьбу из-за десятистепенных вопросов, а больше из-за дележа теплых местечек в государственном аппарате. Это объясняется именно тем, что обе партии служат интересам монополистического капитала. Таким образом, двухпартийная система в США не опровергает, а, наоборот, подтверждает положение марксизма о зависимости партий от классов и их интересов. Равным образом не опровергается это положение и тем, что в рядах партий, защищающих интересы данного класса, имеется более или менее значительное число выходцев из других классов.

Партии отличаются от классов тем, что они: 1) никогда не охватывают всего класса, а представляют собою лишь часть класса (слово «партия» происходит от латинского слова pars — часть); 2) являются результатом сознательного объединения наиболее активных представителей данного класса во имя определенных политических классовых целей, тогда как классы возникают стихийно, в результате экономического развития общества. Поэтому партия возникает позже, чем складывается класс. Благодаря партии класс осознает свои коренные интересы, политически организуется и консолидируется, а это имеет решающее значение для дальнейшего развития классовой борьбы.

Не все политические партии открыто признают себя защитниками интересов класса. Если революционная партия пролетариата выступает прямо, не имея нужды скрывать, интересы какого класса она защищает, то реакционные партии, служащие эксплуататорским классам, тщательно маскируют, прячут свое классовое лицо. Сплошь и рядом враги социализма называют себя социалистами и демократами; продажные наемники капитала

объявляют себя бескорыстными защитниками труда; некоторые партии, предающие национальные интересы, именуют себя национальными партиями. Ленин учил трудящихся не давать себя обманывать подобного рода лживыми заверениями, учил вскрывать подлинное классовое лицо буржуазных и мелкобуржуазных партий, проверять партии не по их словам и заявлениям, лозунгам и резолюциям, а по их делам. В ходе классовой борьбы обнажается подлинное лицо каждой партии. «Всего яснее выступает деление всякого общества на политические партии во время глубоких, потрясающих всю страну, кризисов...— писал Ленин.— Серьезная борьба отметает прочь всякие фразы, все мелкое, наносное; партии напрягают все свои силы, обращаясь к *массам* народа, и массы, руководимые верным инстинктом, просвещенные опытом открытой борьбы, идут за теми партиями, которые выражают интересы того или иного класса»[1]. Только классовый подход дает возможность понять действительную сущность политических партий и их роль в жизни общества.

Такой же классовый подход характерен и для марксистского понимания сущности государства.

4. Государство как продукт непримиримости классов и орган классового господства

Эксплуататорские классы составляют небольшое меньшинство населения, однако они господствуют над громадным большинством. Каким же образом меньшинству общества удается удерживать в зависимости от себя большинство и господствовать над ним?

Основой господства эксплуататоров является их экономическое могущество. Собственность феодала на важнейшее в феодальную эпоху средство производства— землю, собственность капиталиста на фабрики, заводы, рудники, железные дороги, банки — вот что дает им возможность ставить в зависимость от себя трудящиеся массы.

Однако одного экономического могущества эксплуататоров еще недостаточно для того, чтобы сохранять господство меньшинства над большинством. Необходима еще организованная сила для подавления сопротивления угнетенных, для удержания их в подчинении. Такой силой является государство.

Государство представляет собой классовую организацию политической власти, которая охраняет и закрепляет экономические устои господства того или иного класса. Оно располагает орудиями власти: армией, полицией, жандармерией, судебными органами, тюрьмами и т. п., для обеспечения политического господства экономически господствующего класса и для подавления сопротивления других классов.

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 18, стр. 29.

Уже из этого следует, что государство не совпадает и не может совпадать с обществом. Люди никогда не жили вне общества, но общество не всегда было организовано в государство. Государство существует не на всех ступенях истории, а лишь тогда, когда общество делится на классы.

При первобытнообщинном строе не было государства, т. е. организации политической власти. Население было тогда организовано по признаку кровного родства: люди объединялись в роды, нередко несколько родов составляло фратрию, несколько фратрий — племя. Во главе родов стояли старейшины; племя управлялось, например у греков, советом, состоявшим из старейшин родов (а позднее — из особых избранников), народным собранием, в котором участвовали все взрослые мужчины, и военачальником. Высшая власть принадлежала народному собранию. Военачальник первоначально не обладал правительственной властью в собственном смысле слова; вооруженных сил, отделенных от народа, не было, все взрослые мужчины имели оружие и в случае надобности выступали против враждебных племен.

С разделением общества на классы картина меняется. Развитие производства, разделение труда, рост торговли, увеличение населения разрушили прежнее единство рода и племени. Расселяясь в зависимости от своих занятий, члены различных родов и племен оказались перемешанными друг с другом. С развитием ремесла и торговли появились города, в которых поселилось много пришлого населения, не принадлежавшего к данному роду или племени. Вместо родового деления население стало разделяться по территориальному признаку, и в совет племени вошли уже не представители родов, а представители свободного населения, проживавшего на данной территории. При этом рабы, численность которых часто превышала численность свободного населения, не пользовались никакими правами, не участвовали в решении общественных дел.

Вместе с углублением классового расслоения и обострением отношений между богатыми и бедными, между рабовладельцами и рабами у экономически господствующего класса рабовладельцев появилась потребность в особых органах вооруженной власти, отделенных от массы населения. Первобытнообщинный строй не знал отделенной от народа армии, полиции и т. д. В классовом обществе эти орудия оказались необходимыми. Чтобы удерживать в подчинении все возраставшую массу угнетенных, потребовалась особая сила для подавления, и этой силой явилось государство. Возникли особые отряды вооруженных людей, аппарат власти, а для его содержания оказались необходимыми налоги, которых раньше общество не знало.

Важнейший признак государства — это наличие особых отрядов вооруженных людей, особой власти, которая не совпадает с населением, а принадлежит тому или иному классу.

Было бы неправильно видеть отличительный признак государства в органах управления или принудительной власти. Принудительная власть, отмечал Ленин, есть во всяком человеческом общежитии, она была и в родовом устройстве, она есть и в семье, но это не государство. Признаком государства является наличие особого разряда лиц, в руках которого сосредоточивается власть над обществом. Государство появляется тогда, когда власть отделяется от массы населения и оказывается сосредоточенной в руках того или иного класса, располагающего вооруженной силой, особыми отрядами вооруженных людей.

Почему же оказалось необходимым отделение власти от всей массы населения? Потому, что общество оказалось расколотым на непримиримые, антагонистические классы. Если бы в классовом обществе все население было вооружено, как это было

при первобытнообщинном строе, то, во-первых, стало бы невозможно сохранить и закрепить условия эксплуатации одного класса другим и, во-вторых, классы истощили бы себя в непрерывной взаимной вооруженной борьбе.

Появление государства свидетельствует о том, что классовые противоречия стали непримиримыми. Борьба между классами приобрела такую остроту, что для эксплуататоров стало уже невозможным удерживать в подчинении эксплуатируемых без такого орудия, как политическая власть. Следовательно, государство есть порождение классового общества, продукт непримиримости классовых противоречий.

При рабовладельческом, феодальном и капиталистическом строе общество состоит из различных классов, а государство представляет собою политическую организацию одного, а именно экономически господствующего, класса. Благодаря обладанию государственной властью этот класс становится и политически господствующей силой. Внешне государство выступает как представитель всего общества, но на деле все орудия власти — армия, полиция, жандармерия, разведка и т. д. — защищают интересы господствующего класса.

Защите интересов господствующего класса служит и *право*. Право, так же как и государство, всегда носит классовый характер. Оно выражает возведенную в закон волю господствующего класса. Эта воля находит свое воплощение в обязательных для всего населения законах, нормах поведения, установленных или санкционированных государственной властью. Если при первобытнообщинном строе поведение людей регулировалось обычаем, то в классовом обществе обычая, традиции оказалось недостаточно. Появились законы, соблюдение которых обеспечивается принудительной властью государства, такими его органами, как суд, прокуратура, полиция, тюрьмы и т. д.

Отражая экономические отношения, право закрепляет их и содействует их развитию в интересах господствующего класса. Так, для охраны частной собственности на средства производства — основы разделения общества на классы — появились жестокие законы. Законы XII таблиц у римлян (451—450 гг. до н. э.) предписывали: тот, кто ночью, тайком срежет или скормит скоту плоды, взращенные с помощью плуга, должен быть предан смерти; поджегший скирд пшеницы должен подвергнуться наказанию розгами и сожжению на костре. На головы нарушителей чужой собственности религия обрушивала страшные проклятия. Чтобы внушить людям уважение к нарождавшейся частной собственности, потребовался авторитет богов и закона [1].

Кроме внутренних отношений (между классами) в классовом обществе существуют и отношения внешние (между государствами). Сообразно с этим государство выполняет две функции: внутреннюю и внешнюю. Внутренняя функция государства в рабовладельческом, феодальном и капиталистическом обществе

[1] См. *П. Лафарг*, За и против коммунизма. Собственность и ее происхождение, Госполитиздат, 1959, стр. 83—84.

состоит в том, чтобы удерживать в подчинении угнетенные классы, обеспечивать господство эксплуататорских классов; внешняя функция имеет своим назначением защищать территорию и интересы данного государства от других государств или расширять территорию за счет других государств и народов. Из этих функций государства главной, определяющей является внутренняя функция, так как именно ею вызвано к жизни государство и она непосредственно вытекает из классовой структуры общества. В зависимости от классовой природы государства, а также от конкретно-исторических условий находится его внешняя политика.

Со сменой общественно-экономических формаций, с коренным изменением классовой структуры общества изменяется тип государства. Так, рабовладельческое государство сменилось феодальным, феодальное — буржуазным. Характерные черты каждого типа государства определяются экономическим строем общества. Государство, как было показано в XIV главе, представляет собой политическую надстройку над экономическим базисом данного общества, подобно тому как право представляет собой юридическую часть надстройки.

Экономической раздробленности феодального общества соответствовала его политическая раздробленность. Каждый крупный феодал был в своем поместье государем: он имел свои войска, ходил на войну со своими полками, вершил суд, иногда даже чеканил свою монету. Крупному феодалу подчинялись мелкие феодалы — вассалы, платившие ему дань, сам же он в свою очередь был вассалом более могущественных феодалов. Король был в то время только наиболее крупным из феодалов; за пределами собственных латифундий его власть, особенно в период раннего феодализма, была только номинальной.

Такой строй государства оказался со временем в противоречии с потребностями экономического развития. В недрах феодального общества росли города, развивалась торговля, зарождались капиталистические отношения. Экономическая и политическая раздробленность феодального общества мешала развитию торговли, созданию единого рынка: на границах каждого феодального герцогства, княжества, графства купцу приходилось платить таможенную пошлину. Назрела потребность в централизации государственной власти. Опираясь на поддержку растущей буржуазии, королевская власть сломила сепаратистские тенденции отдельных феодалов. В период позднего феодализма сложилось абсолютистское (самодержавное) государство, в котором государь пользовался уже неограниченной властью. Однако это государство еще оставалось выразителем и защитником интересов класса феодалов. Когда буржуазия экономически усилилась и уже не нуждалась в покровительстве абсолютной монархии, она стала добиваться политической власти. В результате буржуазных революций абсолютизм в ряде стран был свергнут, и его место заняло буржуазное государство. При этом в тех странах, где в эпоху абсолютизма сложился громадный аппарат исполнительной власти (полиция, жандармерия, чиновничество и т. д.), буржуазия сохранила его и поставила себе на службу.

В зависимости от особенностей развития различных стран, от форм перехода от феодализма к капитализму, от соотношения классовых сил буржуазное государство принимало разные формы: конституционная монархия, в которой главой государства является король; парламентская республика, где рядом

с выборным парламентом существует выборный глава государства — президент; республика, в которой президент сосредоточивает в своих руках значительную власть, являясь одновременно и главой государства и главой правительства. Несмотря на все эти и другие различия форм буржуазного государства, сущность его остается одной и той же: оно представляет собой политическое господство буржуазии, ее диктатуру.

Буржуазное государство, так же как и феодальное, отражает в себе характерные черты экономического строя, на базе которого оно возникло. Капиталистическое общество — это общество товаровладельцев, в котором отношения эксплуатации рабочего капиталистом прикрыты их формальным равенством. В акте купли-продажи рабочей силы капиталист и наемный рабочий внешне выступают как равноправные товаровладельцы. Такой же формальный характер носит и буржуазная демократия, провозглашающая правовое равенство людей, за которым скрывается их глубочайшее экономическое неравенство. Формальный характер буржуазного правового равенства метко охарактеризован ироническим замечанием французского писателя Анатоля Франса: «Закон в своей величавой справедливости одинаково запрещает как богатым, так и бедным спать под мостом, просить милостыню на улице и воровать хлеб».

По сравнению с феодальным государством возникновение буржуазно-демократического государства представляло собой значительный исторический прогресс. Место наследственной абсолютной монархии заняло в большинстве капиталистических стран представительное государство, органы власти которого периодически избираются с большим или меньшим ограничением прав населения (ценз). Трудящиеся массы при феодализме не имели политических прав, при строе буржуазной демократии получили возможность участвовать в выборах органов власти, создавать свои экономические и политические организации и т. д. Все это открыло более широкие возможности для борьбы угнетенного класса за свои интересы.

Однако буржуазная демократия остается и не может не оставаться узкой, ограниченной: она является демократией только для эксплуатирующего меньшинства. Пока сохраняется частная собственность на средства производства, указывал Ленин, самая демократическая буржуазная республика неизбежно остается диктатурой буржуазии, машиной для подавления большинства. Эта машина устроена так, что она отстраняет трудящиеся массы от решающего участия в политической жизни, от управления государством. Многочисленные избирательные цензы загораживают трудящимся доступ к избирательным урнам.

Например, в разных штатах США, даже по официальным данным, существует свыше 50 различных ограничений избирательного права. Во всех штатах установлен ценз оседлости, который от участия в выборах отстраняет безработных и сезонных рабочих, вынужденных в поисках работы менять

местожительство. В 13 штатах лишены права голоса лица, получающие от государства пособия; в 29 штатах — солдаты и матросы; в 19 штатах существует ценз грамотности, служащий предлогом для лишения избирательных прав значительного числа негров; в ряде штатов установлен имущественный ценз, который не допускает к выборам людей, обладающих имуществом стоимостью менее 300 долларов.

Не довольствуясь подобными ограничениями избирательных прав трудящихся, господствующая буржуазия в ряде стран, особенно там, где она чувствует для себя опасность со стороны растущей активности масс, добивается принятия таких избирательных законов, которые ограничивают представительство в парламенте для прогрессивных партий (этому служит, например, так называемая мажоритарная система выборов).

Даже в тех капиталистических странах, где формально все пользуются одинаковыми правами и свободами, возможности их использования весьма различны для имущих и неимущих. Свободой слова, печати и т. д. фактически располагают лишь те, кто имеет в своих руках здания для собраний, типографии и бумагу для издания газет, т. е. прежде всего владельцы капитала. В парламентах, как правило, подавляющая часть депутатских мест принадлежит не тем, кто представляет большинство нации, а тем, кто представляет капитал. Среди 531 члена нынешнего конгресса США нет ни одного рабочего, ни одного рядового фермера. Четверть мест в конгрессе занимают предприниматели и банкиры, а более половины членов конгресса составляют юристы, состоящие на службе монополий. Что же касается правительства США, то оно недаром получило прозвище «правительства миллионеров».[1]

Все эти факты показывают полную несостоятельность утверждений идеологов буржуазии, будто с возникновением демократической республики государство утрачивает классовый характер и становится представителем всего общества. Проповедники подобных взглядов стремятся скрыть классовую эксплуататорскую сущность современного буржуазного государства.

На той же позиции стоят и идеологи правых социалистов. Некоторые из них утверждают, что современный капитализм превратился в «стейтизм» (от английского слова «стейт» — государство), т. е. в такое общество, где нет господства какого-либо класса, а государство действует в интересах всего общества. В книге «Капитализм в современном мире» Д. Коул — один из теоретиков правых лейбористов в Англии — утверждает, что современные буржуазные государства якобы стали в некоторой степени орудием защиты интересов трудящихся и превратились в «государства всеобщего благополучия». Другой идеолог лейбористской партии — Д. Стрэчи, автор книги «Современный капитализм», усматривает противоречие между растущей в капиталистических странах концентрацией экономической мощи и все большей «диффузией (распылением) политической власти», составляющей, по его мнению, сущность демократии. Но в действительности концентрация экономи-

[1] По подсчетам прогрессивного американского экономиста В. Перло, из 272 лиц, занимающих крупные должности в администрации Вашингтона, 150 являются крупными капиталистами, а подавляющее большинство остальных «в течение всей своей жизни поддерживали тесные связи с капиталистами и служили им» (*В. Перло*, Империя финансовых магнатов, М., 1958, стр. 418).

ческой мощи означает не что иное, как господство капиталистических монополий в экономике, что отрицает Стрэчи, подменяя понятие монополии более приятным для слуха буржуазии термином «олигополии», означающим сосредоточение производства в руках немногих. А господство монополистов в экономике не может не отражаться в политической надстройке. Увеличивая свою экономическую мощь, капиталистические монополии усиливают и свое влияние на политическую жизнь, все более подчиняют себе государственный аппарат. «Диффузия политической власти» в условиях буржуазной демократии — это пустой вымысел, ибо трудящиеся массы, даже участвуя в выборах, не приобретают никакой реальной власти.

Демократический порядок выборов сам по себе не изменяет классовой сущности государства, не превращает его в орудие власти большинства. Если средства производства находятся в руках капиталистов, если капиталисты сохраняют свое экономическое и политическое могущество, то любые законы, даже те, которые приняты под давлением трудящихся, могут быть обращены против трудящихся[1]. Каковы бы ни были законы, господствующее меньшинство буржуазного общества обеспечивает защиту своих интересов через аппарат исполнительной власти, которая фактически независима от парламента, избираемого населением. Аппарат исполнительной власти состоит из не подотчетных избирателям чиновников, образующих привилегированную касту, всеми условиями жизни связанную с буржуазией. Этот чиновничий и военный аппарат вершит государственные дела, тогда как парламент сплошь и рядом вырождается в пустую «говорильню».

Обострение классовых противоречий внутри страны, экономической и военной конкуренции между государствами побуждает буржуазию всячески усиливать свою военно-бюрократическую государственную машину. Особенно это характерно для эпохи империализма, когда во многих капиталистических странах военно-бюрократическая государственная машина разрастается до чудовищных размеров.

Переход от свободной конкуренции к господству монополий находит свое отражение и в политической надстройке: от буржуазной демократии совершается поворот к политической реакции. Монополистический капитал стремится к экспансии, к захватам рынков, территорий слабых стран, к переделу мира путем войны. Империалистическое государство служит орудием этой политики. Во внутренней политике также происходит поворот буржуазии к реакции. Рост организованности и силы рабочего класса вызывает у буржуазии боязнь демократии, стремление избавиться от нее. Она разрывает рамки созданной ею же закон-

---

[1] Показательна, например, судьба «антитрестовских» законов, принятых в свое время в США для успокоения общественного мнения, возмущенного произволом монополий. Эти законы не помешали росту капиталистических монополий и их засилью в экономике США. Но зато теперь они используются для борьбы против профсоюзов, которые буржуазные политики обвиняют в том, что они якобы установили «монополию» на рабочую силу.

ности и переходит к прямому подавлению рабочего движения. Это нашло наиболее яркое выражение в фашизме.

Фашизм в отличие от буржуазной демократии представляет собою открытую террористическую форму диктатуры империалистической буржуазии. Его возникновение неразрывно связано с эпохой общего кризиса капитализма; это попытка укрепить пошатнувшиеся устои капитализма методами террора и насилия. Не случайно фашистский режим был установлен буржуазией прежде всего в тех странах, где устои капитализма были особенно поколеблены, или там, где буржуазия особенно активно осуществляла подготовку к новой мировой войне (в Италии, Германии, Японии). Но фашистские тенденции получили развитие не только в этих странах. Везде, где это возможно, реакционная буржуазия ограничивает демократию, боясь активности народных масс. Показательны, например, призывы реакционных кругов к установлению президентского правительства, независимого от парламента. Подобные призывы особенно настойчиво раздаются в тех странах, где усилилось рабочее движение.

Как было отмечено на XXI съезде КПСС, в настоящее время в капиталистических странах появляются зловещие признаки натиска реакции и фашизма. Хотя фашизм в прежних формах скомпрометирован в глазах народов, не исключена опасность возрождения его в новых формах. Поэтому XXI съезд КПСС подчеркнул необходимость бдительности, готовности дать отпор наступлению реакции и угрозе возрождения фашизма. Самой надежной преградой на пути фашистской опасности является единство демократических сил, в первую очередь рабочего класса.

Империализм всячески ограничивает демократию, но это вызывает противодействие со стороны масс и усиливает их демократические стремления. Отсюда вытекают две противоположные тенденции, которые с большей или меньшей силой дают себя знать в капиталистических странах: буржуазные правительства, ограничивая демократию, подчиняют свою политику интересам монополий, а трудящиеся массы стремятся сохранить и расширить свои демократические завоевания.

Если в период домонополистического капитализма буржуазное государство представляло собой комитет, управляющий общими делами всего класса капиталистов, то в эпоху империализма оно выступает как орудие финансовой олигархии. Крупнейшие монополии используют государство не только для защиты общих интересов класса капиталистов, но и для борьбы против своих конкурентов. Наряду с косвенными методами подчинения государственного аппарата (подкуп чиновников, депутатов, министров и т. д.) капиталистические монополии действуют и непосредственно: захватывают ключевые позиции в государственном аппарате. Крупные капиталисты, директора банков и президенты акционерных компаний занимают посты министров, руководителей ведомств и обеспечивают проведение политики, угодной монополиям, помогают им умножать свои прибыли путем предоставления выгодных заказов, подрядов, субсидий и т. д.

В США, Англии, Франции государство изымает у населения путем налогов почти треть национального дохода и перераспределяет его через государственный бюджет в интересах монополий. Государство все больше вмешивается в хозяйственную жизнь: делает (опять-таки в интересах монополий) значительные капиталовложения в ряд отраслей хозяйства, иногда (особенно в периоды войн или подготовки к ним) осуществляет контроль над ценами на некоторые товары, регулирует распределение некоторых видов сырья и т. д.

Усиление государственно-монополистического капитализма рассматривается многими буржуазными экономистами как «революция» в функциях государства. «Государство превратилось из полисмена в позитивную экономическую силу»,— заявляет американский экономист Д. М. Кларк. «...Оно взяло на себя роль экономического руководителя и общественного служителя»,— вторит ему американский экономист Л. Л. Лорвин. Однако то, что они именуют усилением организующей роли государства как «экономического руководителя и общественного служителя», в действительности означает лишь усиление капиталистических монополий, которые подчиняют себе государственный аппарат и используют его для своего обогащения.

Буржуазное государство не способно управлять экономическим развитием, так как этому препятствуют частная собственность на средства производства и стихийный характер развития капитализма. Не государство управляет капиталистическими монополиями, а, наоборот, они управляют государством. Но, отвергая утверждения апологетов капитализма об определяющей роли государства в капиталистическом народном хозяйстве, было бы неправильно недооценивать влияние современного государства на развитие экономики и считать, что область хозяйства не касается государства, как это было в эпоху домонополистического капитализма. Буржуазное государство не в силах, например, устранить экономические кризисы, но, вмешиваясь в экономическую жизнь, оно может иногда оттянуть их наступление путем милитаризации экономики и тому подобных мер.

Как бы ни прогнили экономические устои капитализма, он сам не рухнет, потому что его защищает буржуазное государство. Поэтому классовая борьба пролетариата направляется не только против экономических основ капитализма, но и против защищающей их политической власти.

5. Формы классовой борьбы и классовой организации пролетариата

Свою борьбу против капитализма пролетариат ведет в трех главных формах: экономической, политической, идеологической.

Экономическая борьба является исторически первой формой классовой борьбы пролетариата. Во всех странах борьба рабочих начиналась с отстаивания ими своих экономических интересов. В этой борьбе возникли и первые организации пролетариата — профессиональные союзы, которые стали для него школой классовой борьбы[1]. Экономическая борьба имеет своей ближайшей задачей защиту повседневных интересов рабочих: повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, улучшение условий труда и т. д. В зависимости от конкретных условий

[1] О росте профессиональных союзов свидетельствуют следующие данные: в 1914 г. во всем мире насчитывалось примерно 13,2 млн. членов профсоюзов, в 1939 г.— приблизительно 45 млн., а в 1957 г.— более 160 млн.

экономическая борьба может быть весьма многообразной. Важнейшим средством экономической борьбы служат стачки, частичные и всеобщие. В некоторых странах, например в Италии, в ответ на попытки предпринимателей сократить производство или закрыть предприятия рабочие иногда применяют «забастовки наоборот»: занимают фабрики и берут управление производством в свои руки, чтобы побудить хозяев не останавливать предприятия.

Экономическая борьба за повседневные нужды имеет для рабочего класса жизненно важное значение. Однако эта борьба не может принести рабочему классу избавления от эксплуатации, нужды, необеспеченности.

Всеобщий закон капиталистического накопления ведет к относительному и абсолютному обнищанию рабочего класса. Относительное обнищание рабочего класса выражается в том, что снижается доля рабочих в национальном доходе и, наоборот, возрастает доля капиталистов. Абсолютное обнищание означает отставание жизненного уровня рабочего класса от роста прожиточного минимума, необходимого для существования.

Разумеется, процесс абсолютного обнищания рабочего класса не протекает одинаково во всех странах, не означает, что в каждой капиталистической стране жизненный уровень рабочего сегодня во всех отношениях ниже, чем вчера. Как и многие другие законы капитализма, этот закон действует как господствующая тенденция.

Как показал Маркс, в основе заработной платы лежит стоимость рабочей силы. Но в отличие от других товаров цена рабочей силы (т.е. заработная плата рабочего), как правило, отклоняется вниз от ее стоимости. Капиталисты стремятся не оплачивать полностью рабочему стоимость его рабочей силы, используя для этого безработицу и конкуренцию среди рабочих. Ведя экономические бои против капитала, пролетариат, организованный в профессиональные союзы, при правильном, классово выдержанном руководстве способен дать отпор грабительским посягательствам предпринимателей на его жизненный уровень. Поэтому закон стоимости рабочей силы реализуется в ходе классовой борьбы пролетариата. Фактический уровень заработной платы, степень ее отклонения от стоимости рабочей силы зависит от сопротивления рабочего класса, от его организованной борьбы. Пролетариат не может отменить действие закона обнищания, но своей классовой борьбой может ослабить его пагубные последствия и добиться некоторых экономических уступок от буржуазии [1].

Идеологи капитализма твердят, будто классовая борьба пролетариата теряет смысл, ибо его положение постоянно улучшается, прибыли монополий «по каплям просачиваются вниз», во все слои общества. Однако в действительности рост заработной платы отстает от роста цен и производительности труда, вследствие чего норма эксплуатации систематически возрастает [2].

---

[1] См. *Морис Торез*, Новые данные об обнищании трудящихся Франции, Госполитиздат, 1956.

[2] О норме эксплуатации можно судить по следующим примерам: в 1955 г. американская фирма «Дженерал моторс» наживала 1 доллар 22 цента на каждый доллар, получаемый рабочими в виде заработной платы. Фирма «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» получила прибыли на каждого рабочего в час в 1939 г. 13 центов, в 1947 г.— 42,6 цента, в 1957 г. (первый квартал) — 1,8 доллара. За десять лет — с 1947 по 1957 г. капиталистические прибыли на каждого занятого рабочего возросли более чем на 400%.

Все, чего удалось добиться за послевоенные годы рабочему классу капиталистических стран в смысле улучшения своего положения, сводится к более или менее успешному сдерживанию процесса обнищания. Реформисты, идеализируя капитализм, превозносят социальное законодательство, введенное в некоторых капиталистических странах, но скрывают при этом, что известные уступки вырваны рабочим классом у капиталистов в результате усиления его борьбы, а отнюдь не являются плодом «доброй воли» монополий. За десять послевоенных лет (1945—1954 гг.) в 11 странах (США, Англия, Франция, Западная Германия, Япония, Канада, Австралия, Швеция, Бельгия, Голландия, Аргентина) количество забастовок увеличилось по сравнению с десятью предвоенными годами с 67 тыс. до 101 тыс., число участников забастовок — с 21 млн. до 73 млн., количество потерянных вследствие забастовок рабочих дней — с 240 млн. до 672 млн. Капиталисты вынуждены идти на некоторые уступки требованиям рабочих и вследствие страха перед социалистической революцией. Наличие мировой социалистической системы и достижения социалистических стран намного увеличивают силы пролетариата капиталистических стран. Прав был американский писатель Теодор Драйзер, когда в связи с появлением в 30-х годах социального законодательства в США заметил: «За все это я *благодарю* Маркса и красную Россию».

Экономическая борьба не только противодействует процессу обнищания пролетариата, но и способствует его организации для решения более широких революционных задач. Без борьбы против хищнических стремлений капитала рабочие превратились бы, по выражению Маркса, в безразличную массу измученных, обреченных на гибель бедняков. «Если бы рабочие малодушно уступали в своих повседневных столкновениях с капиталом, они несомненно утратили бы способность начать какое-либо более широкое движение»[1].

Экономическая борьба рабочего класса закономерно перерастает в борьбу *политическую*. Даже борьба за частичные экономические требования, например за сокращение рабочего дня, за установление гарантированного минимума заработной платы, за введение социального обеспечения и т. д., толкает пролетариат на путь политических действий. В современных условиях защита экономических интересов трудящихся в большой мере зависит от решения политических задач — от успехов борьбы против новой мировой войны, против гонки вооружений. Поэтому стачечная борьба часто приобретает политическое значение, тесно связывается с борьбой против подготовки империалистами новой войны, за мир, демократию и национальную независимость стран, порабощаемых империализмом США.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 406.

Несмотря на все значение экономической борьбы, ее недостаточно для уничтожения капиталистической эксплуатации. Для этого необходима *политическая борьба* пролетариата. В Англии пролетариат на протяжении более чем столетия борется за повышение заработной платы, за улучшение условий своего труда и т. д., но это не привело его к освобождению от эксплуатации. В России, где пролетариат, руководимый Коммунистической партией, развернул грандиозную политическую борьбу, увенчавшуюся свержением буржуазии и установлением диктатуры пролетариата, осуществлено полное освобождение трудящихся. Лишь путем политических действий рабочие могут бороться не только за улучшение условий продажи своей рабочей силы, но и за уничтожение самих экономических отношений, вынуждающих их продавать свою рабочую силу капиталистам. Поэтому политическая борьба является главной, решающей формой классовой борьбы пролетариата.

Политическая борьба многообразна: от участия в выборах государственных органов до массовых демонстраций, от мирного использования парламентской трибуны до революционной борьбы за власть. Главная задача политической борьбы пролетариата — это свержение власти класса капиталистов и установление своей власти, диктатуры рабочего класса, а после того, как власть завоевана,— укрепление ее как орудия строительства коммунистического общества.

Каковы особенности политической борьбы по сравнению с экономической? Почему и в каком смысле политической борьбе принадлежит первенство перед экономической?

Исторически политическая борьба развивалась вслед за экономической, но ей принадлежит первенство по значению, ибо она является более высокой формой классовой борьбы.

1) В экономической борьбе могут выступать против своих эксплуататоров отдельные отряды рабочего класса. В политической борьбе противостоят друг другу рабочий класс и класс капиталистов в целом.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали: «Всякая классовая борьба есть борьба политическая». Это, конечно, не означает, будто выступления рабочих отдельного предприятия, требующих прибавки к заработной плате, представляют собою политическую борьбу. Такие выступления еще не являются классовой борьбой в подлинном смысле этого слова, ибо в них принимает участие лишь небольшая частица класса. Если же в движение втягивается весь или почти весь рабочий класс, руководимый революционной партией, то оно неизбежно превращается в политическую борьбу, ибо противопоставляет рабочий класс всему буржуазному строю и защищающему интересы класса капиталистов государству.

2) В экономической борьбе рабочие отстаивают свои ближайшие, повседневные интересы, нередко частичные интересы

отдельных групп рабочего класса, в политической же борьбе — свои коренные, общеклассовые интересы.

Оппортуистам свойственно противопоставлять ближайшие, временные интересы рабочих коренным, отрекаться от общеклассовых интересов во имя частичных интересов отдельных групп рабочих. Поэтому они выдвигают на первое место экономическую борьбу и пытаются свести классовую борьбу пролетариата к экономической борьбе. Один из идеологов «экономизма», оппортунистического течения в русском рабочем движении, утверждал, что раз экономические интересы классов играют решающую роль в истории, то, следовательно, экономическая борьба пролетариата должна иметь первостепенное значение для его классового развития и освобождения. Ленин заметил по этому поводу: «Это «следовательно» совершенно неуместно. Из того, что экономические интересы играют решающую роль, *отнюдь не следует* никакого вывода о первостепенном значении экономической (=профессиональной) борьбы, ибо самые существенные, «решающие» интересы классов могут быть удовлетворены *только* коренными *политическими* преобразованиями вообще; в частности, основной экономический интерес пролетариата может быть удовлетворен только посредством политической революции, заменяющей диктатуру буржуазии диктатурой пролетариата»[1]. Поэтому марксисты в противоположность оппортунистам доводят признание классовой борьбы до признания необходимости завоевания пролетариатом политической власти.

Развитой классовой борьбой в полном смысле этого слова марксисты считают лишь такую борьбу, когда она не только охватывает область политики, а и в политике берет самое существенное — вопрос о политической власти. Главным в марксизме является не просто признание классовой борьбы, а распространение его до признания диктатуры пролетариата. Именно здесь лежит водораздел между марксистским и либерально-реформистским пониманием классовой борьбы.

3) В экономической борьбе, если она ведется в отрыве от политической, у рабочих вырабатывается лишь тред-юнионистское сознание, т. е. понимание своих профессиональных интересов. В политической борьбе под руководством марксистской партии у рабочего класса вырабатывается действительно классовое пролетарское сознание, понимание своих коренных общеклассовых интересов, своей исторической миссии, революционных задач.

4) Экономическая борьба делает необходимой организацию пролетариата в профессиональные союзы. Политическая борьба требует создания марксистской политической партии, представляющей собою высшую форму классовой организации пролетариата.

Рабочий класс в своем развитии проходит различные ступени классовой организации. Рост крупной капиталистической промышленности с необходимостью ведет к концентрации рабочего класса, способствует его сплочению и организации. Но для того чтобы быть способным низвергнуть капитализм, пролетариат должен не только объективно сложиться как класс, но и осознать свои коренные классовые интересы. Он должен, по выра-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 5, стр. 361—362.

жению Маркса и Энгельса, стать из класса «в себе» классом «для себя». А превращение пролетариата в класс «для себя» предполагает его организацию в политическую партию.

Наряду с экономической и политической важнейшей формой классовой борьбы пролетариата является *идеологическая* борьба. Идеологическая борьба имеет своей задачей освободить рабочих от буржуазных идей и предрассудков, внести социалистическую идеологию в массы пролетариата. Эта форма классовой борьбы столь же необходима для освобождения пролетариата, для его окончательной победы, как и другие формы классовой борьбы.

Чтобы поднять рабочий класс на широкую экономическую и особенно политическую борьбу, необходимо его просветить, помочь ему осознать свои классовые интересы, задачи и цели. Этому служит марксистская теория научного социализма.

Без революционной теории не может быть революционного движения. Революционная теория — это надежный компас, путеводная звезда в борьбе пролетариата за свое освобождение и за создание нового общества. Благодаря тому, что идеи социализма овладевают сознанием широких масс пролетариата, *стихийная* классовая борьба рабочих превращается в борьбу *сознательную*.

Стихийное рабочее движение само по себе не может породить теории социализма; будучи стихийным, оно неизбежно идет по пути тред-юнионизма, т. е. ограничивается борьбой за профессиональные интересы рабочих. С другой стороны, теория социализма, не связанная с практикой рабочего движения, бессильна и не может быть претворена в действительность. Необходимо соединить теорию научного социализма с рабочим движением.

Воплощением такого соединения и является марксистская партия, которая вносит социалистическую идеологию в движение масс, озаряет его светом революционной теории. Только под руководством своей марксистской политической партии рабочий класс может выступать как единая организованная сила.

6. Роль марксистской партии в классовой борьбе пролетариата

Как уже говорилось в § 3 этой главы, в классовой борьбе руководящую роль играют политические партии. Пролетариат, как и другие классы капиталистического общества, создает свою политическую партию. Эта партия по своим целям, организации и роли принципиально, коренным образом отличается от всех других партий. Партия пролетариата строится на базе принципов марксизма-ленинизма, которые составляют ее незыблемую идеологическую основу. Она является последовательно революционной партией, смело и до конца отстаивающей интересы

рабочего класса, интересы освобождения всех трудящихся от классового и национального гнета. Направляя и организуя борьбу широчайших масс народа, партия пролетариата становится великой преобразующей силой в развитии общества, колоссально ускоряет ход исторического развития. Марксистская партия является руководящей организацией пролетариата, служит ему основным оружием в борьбе за революционное преобразование капиталистического общества в коммунистическое.

Почему руководство рабочим движением не может осуществлять никакая иная организация пролетариата, кроме политической партии?

Партия рабочего класса, как и всякая политическая партия, есть часть класса. Но это не просто часть класса, а его передовая, политически организованная и активная часть, его авангард. В среде рабочего класса есть различные слои. Большинство рабочих, придавленных тяжким гнетом эксплуатации, не может в условиях капитализма подняться до того уровня классовой сознательности, каким отличается передовая часть, партия; даже профессиональная организация, более простая, более доступная сознанию неразвитых слоев рабочих, не охватывает всего пролетариата. Поэтому нельзя, не впадая в иллюзии, думать, будто в условиях капитализма (и даже в условиях перехода от капитализма к коммунизму) может исчезнуть грань между передовой частью рабочего класса и всем классом. Эта грань сотрется лишь тогда, когда коммунизм одержит окончательную победу.

Все другие организации пролетариата — его профессиональные союзы, кооперативы, культурно-просветительные объединения и т. п. служат ему необходимыми средствами в классовой борьбе, но не могут разрешить ее коренную задачу — ликвидацию капиталистических порядков и проведение социалистической революции. Только политическая партия, являющаяся высшей формой классовой организации пролетариата, способна объединить деятельность всех пролетарских организаций, направить ее к одной цели — к социалистической революции.

Исторический опыт учит, что рабочий класс не может одержать победу над буржуазией, установить свою власть и, тем более, удержать ее без руководства опытной и закаленной марксистской партии. Рабочий класс без марксистской политической партии — это, можно сказать, туловище без головы. Успешная борьба рабочего класса возможна лишь при том условии, если им руководит и его цементирует, сплачивает, организует передовой отряд, в котором собраны лучшие, наиболее сознательные и стойкие бойцы рабочего класса, связанные в единый боевой союз единомышленников-коммунистов.

Сила коммунистической партии состоит в том, что она представляет собою передовой отряд рабочего класса, вооруженный

научной революционной теорией и в силу этого стоящий по своей сознательности выше масс. Марксистская партия объединяет в своих рядах все самое передовое, смелое, героическое и самоотверженное, что есть в рабочем классе. Говоря о партии большевиков, ставшей образцом революционной партии рабочего класса, В. И. Ленин сказал незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции, что она воплощает в себе ум, честь и совесть нашей эпохи.

Будучи передовым отрядом рабочего класса, партия в то же время теснейшим образом связана со всем классом. Она сильна и непобедима лишь при том условии, что неразрывно связана с массами, никогда не отрывается от масс, ежедневно умножает свои связи со всеми трудящимися.

Сила коммунистической партии состоит и в ее организационном единстве, в том, что она спаяна единством мысли и действия, единой дисциплиной, обязательной для всех членов партии. Основным организационным принципом строительства пролетарской партии является принцип демократического централизма. Этот принцип объективно обусловлен самой природой пролетарской партии и условиями ее борьбы. Он сочетает централизованное руководство с внутрипартийной демократией, железную партийную дисциплину с активностью и самодеятельностью партийных масс, с широким развитием критики и самокритики. Выработанные Лениным нормы партийной жизни и принципы коллективного партийного руководства обеспечивают боеспособность партии.

Марксистская партия, как боевая организация революционного пролетариата, не терпит в своих рядах фракционности, очищается от оппортунистических элементов, пытающихся разложить партию изнутри. Оппортунисты — это проводники буржуазной идеологии в ряды рабочего движения. Их можно сравнить с лазутчиками врага, проникающими в крепость рабочего класса, чтобы открыть врагу ее ворота. Поэтому необходимым условием укрепления пролетарской партии является борьба против оппортунизма во всех его проявлениях.

Оппортунизм — не случайное явление в рабочем движении. Он имеет социальные корни, является результатом давления буржуазии на неустойчивые слои рабочих. Выше уже отмечалось, что рабочий класс неоднороден: наряду с кадровыми, так сказать потомственными, пролетариями в его среде имеются и недавние выходцы из мелкой буржуазии, а также верхушечные слои «рабочей аристократии». Каждый поворот в развитии классовой борьбы усиливает расхождения взглядов и стремлений этих слоев, вызывая появление различных — «левых» или «правых» — уклонов и течений в рабочем движении.

На современном этапе, как подчеркнуло Совещание представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, происходившее в ноябре 1957 г., важное значение приоб-

ретает усиление борьбы против оппортунистических течений. Коммунистические и рабочие партии ведут борьбу как против догматизма и сектантства, так и против ревизионизма, который является ныне главной опасностью в рабочем и коммунистическом движении.

Современный ревизионизм, как и ревизионизм в прошлом, представляет собою международное явление. Несмотря на особенности его проявления в различных странах, для него характерны некоторые общие черты. Это проповедь «устарелости» важнейших принципов марксизма, отрицание исторической необходимости диктатуры пролетариата при переходе от капитализма к социализму, отрицание руководящей роли пролетарской партии, отказ от принципов пролетарского интернационализма и сползание на позиции буржуазного национализма, отказ от основных ленинских принципов партийного строительства и прежде всего от демократического централизма. Ревизионисты стремятся превратить марксистскую партию из боевой классовой политической организации пролетариата в культурно-просветительную организацию, в некое подобие дискуссионного клуба. Ревизионизм, т. е. правый оппортунизм, представляет в современных условиях главную опасность потому, что он капитулирует перед империализмом, облегчает ему возможности развернуть идеологические атаки против социализма.

Рабочему классу и его партии приходится вести борьбу против буржуазии не только на поприще экономической и политической, но и на поприще духовной жизни. В этой борьбе вернейшим и испытанным оружием рабочего класса является революционная теория — марксизм-ленинизм. Это идейное оружие необходимо постоянно оттачивать, совершенствовать, очищать от ржавчины ревизионизма и догматизма, защищать от буржуазной идеологии.

Развитие рабочего движения во всех капиталистических странах наглядно показывает необходимость для марксистской партии добиваться теснейшего сочетания экономической, политической и идеологической борьбы. Если рабочее движение не руководствуется революционной теорией, если пролетариат не осознал своих коренных интересов и большая его часть еще находится под влиянием буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, то он не может сбросить с себя ярмо капитала. Слабость рабочего движения в США и в некоторых других капиталистических странах состоит в том, что там большинство рабочих еще не освободилось от идеологического и политического влияния буржуазии, не осознало того положения, которое пролетариат занимает в капиталистическом обществе. Эта идеологическая слабость рабочего движения объясняется многими причинами, в частности более высоким уровнем материального положения рабочего класса в этих странах сравнительно с остальными странами капитализма, наличием значительной прослойки «рабо-

чей аристократии» и т. д.[1] Однако неравномерность политического и идейного созревания рабочего класса в разных странах не уничтожает общего закона о нарастании революционной борьбы рабочего класса.

Вместе с неизбежным обострением классовой борьбы в капиталистических странах растет и влияние коммунистических партий. За последние десятилетия они выросли в могучую силу, объединяющую в своих рядах наиболее сознательную часть рабочего класса. Коммунистические партии, насчитывавшие до второй мировой войны примерно 4,2 миллиона человек во всем мире, объединяют ныне в своих рядах свыше 33 миллионов членов. Однако наряду с коммунистами еще значительным, а в некоторых странах преобладающим влиянием в рабочем классе пользуются правосоциалистические партии. Эти партии насчитывают в настоящее время около 12 миллионов членов (в том числе свыше 6 миллионов в Англии) и имеют поддержку многих миллионов избирателей. Таким образом, налицо раскол рабочего класса между различными политическими организациями.

Расколото и профсоюзное движение. Всемирная федерация профсоюзов охватывает более 92 миллионов членов. В ряде капиталистических стран Европы коммунисты завоевали на свою сторону широкие массы организованных в профсоюзы рабочих. Но значительная часть профсоюзов находится под влиянием реформистов. Международная конфедерация так называемых «свободных» профсоюзов, находящаяся под влиянием американских и английских реформистских лидеров, объединяет свыше 54,5 миллиона человек.

Чем объясняется существование в рабочем классе капиталистических стран нескольких партий? За счет колоссальной прибыли, получаемой путем грабежа колоний и экономически зависимых стран и путем установления высоких монопольных цен, империалистическая буржуазия подкупает и развращает верхушку пролетариата, создает слой так называемой «рабочей аристократии», которая и становится питательной почвой оппортунизма в рабочем движении. Социал-демократические партии, сложившиеся в рабочем классе в конце XIX и начале XX в., оказались зараженными червоточиной оппортунизма, встали на путь соглашения с буржуазией и отказа от революционной борьбы. Вследствие этого революционное крыло рабочего движения оформилось в самостоятельные, независимые от оппортунистов марксистские коммунистические партии.

Многие лидеры партий правых социалистов, а также профсоюзов представляют собой, по выражению Ленина, «обуржуазившихся рабочих». По своему образу жизни и миросозерцанию они сблизились с буржуазией. Такие лидеры рабочих сплошь и рядом срывают забастовки, заключают за спиной рабочих выгодные для капиталистов сделки, помогают реакционной буржуазии в проведении ее внутренней и внешней политики, в нападках на коммунизм. Деятельность бывшего председателя Американской федерации труда (АФТ) Грина оказалась столь выгодной капиталистам, что они наградили его золотой медалью с надписью «За успешное сотрудничество с промышленниками».

В условиях углубляющегося общего кризиса капитализма, ведущего к сокращению прослойки «рабочей аристократии»,

---

[1] См. об этом в книге Уильяма З. Фостера «Закат мирового капитализма», М., 1951, стр. 81—83.

неизбежно растет расхождение между правосоциалистическими лидерами, стремящимися, по их собственному признанию, быть «ревностными администраторами капитализма», и рядовыми рабочими, членами социалистических партий, тяготеющими к революционной борьбе. Давление рабочих масс может сказываться и сказывается на поведении некоторых лидеров социалистических партий.

Исторический опыт показывает, что раскол рабочего класса дает возможность буржуазии наносить поражения рабочему движению. Поэтому назревшей потребностью рабочего движения является единство. «...Единство,— указывал Ленин,— бесконечно дорого, бесконечно важно для рабочего класса. Разрозненные рабочие — ничто. Объединенные рабочие — все»[1].

В современную эпоху общая заинтересованность широчайших масс в предотвращении новой мировой войны, в ослаблении международной напряженности, в защите демократических прав, национальной независимости, в отстаивании повседневных экономических нужд трудящихся создает возможности для единства действий коммунистических и социалистических партий, несмотря на их расхождения в области идеологии. Коммунистические партии призывают к созданию единого фронта всех организаций рабочего класса, которые на деле хотят отстаивать мир и демократию, бороться против империалистического гнета, защищать независимость и национальные интересы своих народов.

В эпоху империализма создаются экономические основы для широкого объединения революционных сил против капитала. Подчиняя развитие производства обеспечению высокой монопольной прибыли, магнаты капитала усиливают эксплуатацию рабочего класса и трудящихся своей страны. Это создает почву для объединения широчайших масс рабочих, крестьян и других слоев трудящихся против монополистического капитала. Погоня монополий за высокой прибылью является движущей силой гонки вооружений, милитаризации народного хозяйства, подготовки новых войн. Это толкает все демократические силы, заинтересованные в предотвращении новой войны, к объединению против империализма.

В «Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран», состоявшегося в Москве в ноябре 1957 г., отмечено: «Рабочий класс и народные массы, борясь с опасностью войны, за свои жизненные интересы, все более направляют острие этой борьбы против крупных монополистических групп капитала, как главных виновников гонки вооружений, организаторов и вдохновителей планов подготовки новой мировой войны, оплота агрессии и реакции. Интересы и политика этой узкой кучки монополий все более приходят в противоречие не только с интересами рабочего класса, но и всех остальных слоев капиталистического общества — крестьянства, интеллигенции, мелкой и средней буржуазии города. В тех

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 19, стр. 470.

капиталистических странах, которые пытаются подчинить себе американские монополии, и в странах, страдающих от американской политики экономической и военной экспансии, создаются объективные предпосылки для объединения под руководством рабочего класса и его революционных партий самых широких слоев населения для борьбы за мир, в защиту национальной независимости и демократических свобод, за улучшение жизненных условий трудящихся, проведение радикальных аграрных реформ, для свержения всевластия монополий, предающих национальные интересы».

Важнейшим принципом деятельности марксистской партии является пролетарский интернационализм. В отличие от борьбы всех предшествовавших угнетенных классов классовая борьба пролетариата приобретает интернациональный характер. Рабы никогда, а крестьяне сравнительно редко поднимались до объединения своих усилий даже в масштабе отдельной страны. Пролетариат объединяется не только в национальном, но и в интернациональном масштабе. Объективные условия для такого объединения порождаются капитализмом, который образует всемирный рынок и вместо прежней местной и национальной замкнутости устанавливает всестороннюю связь между народами. Развитие капитализма создает во всех странах пролетариат, которому противостоит общий враг — буржуазия. Освобождение рабочего класса и всех трудящихся от капиталистической эксплуатации может быть достигнуто лишь объединенными усилиями пролетариев всех наций. Отсюда вытекает единство интересов пролетариев различных наций, что и выражено в боевом лозунге, провозглашенном Марксом и Энгельсом более ста лет назад: «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*»

Интернационализм — неотъемлемая черта идеологии рабочего класса; он противостоит буржуазному национализму. Национализм используется буржуазией и ее оппортунистическими прихвостнями для того, чтобы затушевать противоположность интересов пролетариата и буржуазии внутри нации, заглушить классовую борьбу пролетариата и разжечь межнациональную борьбу. Национальная рознь отвлекает внимание трудящихся от борьбы против своих угнетателей, раздробляет и ослабляет рабочее движение. Тот, кто действительно защищает интересы трудящихся, дело освобождения наций, не может не стремиться к интернациональному единству рабочего движения и к устранению национальной розни. Патриотические стремления и национальные чувства народов не противоречат интернациональному единству трудящихся, а, наоборот, сочетаются с ним, ибо подлинный патриотизм состоит в том, чтобы стремиться к освобождению своей страны и своего народа от всякого классового и национального гнета.

В своей стратегии и тактике коммунистические партии исходят из того, что законы развития капитализма и законы перехода

от капитализма к социализму одинаковы для всех стран, но в каждой стране их действие проявляется с известными особенностями вследствие различия исторических и социально-экономических условий. Отрицание общности этих законов, преувеличение специфических особенностей развития капитализма в отдельных странах (например, утверждения об «исключительности» капиталистического развития в США, которое якобы не подчинено общим законам капитализма) ведет к оппортунистическим ошибкам и к забвению принципов пролетарского интернационализма. Игнорирование своеобразия действия этих законов и национальных особенностей каждой отдельной страны порождает сектантские ошибки, ведет к национальному нигилизму, также несовместимому с пролетарским интернационализмом. «Пока существуют национальные и государственные различия между народами и странами,— подчеркивал Ленин,— а эти различия будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе — единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий (это — вздорная мечта для настоящего момента), а такого применения *основных* принципов коммунизма... которое бы *правильно видоизменяло* эти принципы *в частностях*, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям»[1].

В зависимости от конкретно-исторических условий изменяются организационные формы сотрудничества и связи между рабочими партиями разных стран. Об этом свидетельствует история трех Интернационалов и последующая история международного рабочего движения. Но каковы бы ни были эти формы, теснейшее сотрудничество коммунистических и рабочих партий различных стран необходимо для успешной борьбы за освобождение трудящихся, за ниспровержение капитализма и победу коммунизма.

7. Необходимость уничтожения классов. Всемирно-историческая миссия пролетариата

Конечной целью классовой борьбы пролетариата является уничтожение капиталистического общества, основанного на антагонизме классов, и создание бесклассового коммунистического общества. Эта цель стала осуществимой в эпоху упадка капитализма.

Сознание несправедливости классового строя и призывы к уничтожению эксплуатации появились гораздо раньше, еще

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 72.

на заре капитализма. Уже в некоторых крестьянских движениях против феодализма, например в выступлениях Томаса Мюнцера в Германии в XVI в., выдвигалось требование создать общество, в котором не было бы эксплуатации человека человеком. Однако в прошлом все освободительные движения приводили в лучшем случае к изменению формы эксплуатации, но не могли уничтожить эксплуатацию. Это объясняется тем, что призывы к уничтожению классовых различий находились тогда в противоречии с требованиями экономического прогресса. Экономические условия для уничтожения классов в то время еще не созрели. Общество в предшествующие капитализму эпохи и в период восходящего развития капиталистической формации не могло развивать свои производительные силы и культуру иначе, как при условии частной собственности, отделения физического труда от умственного и эксплуатации большинства меньшинством.

Но деление общества на классы эксплуататоров и эксплуатируемых было исторически необходимым только до тех пор, пока производительность общественного труда была относительно неразвита, пока общественный труд не мог удовлетворить насущные потребности всех членов общества. В эпоху развитого капитализма могучий рост производительных сил создал условия для того, «чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства»[1]. В эту эпоху впервые призывы к уничтожению классовых различий и классового неравенства совпали с требованиями экономического прогресса, с объективной необходимостью. Современные производительные силы требуют уничтожения частной собственности и установления общественной собственности на средства производства. А это является основным условием ликвидации эксплуатации человека человеком.

Экономический прогресс требует преодоления старых форм разделения труда, с которыми связано существование классов: противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Противоположность между городом и деревней обрекает деревню на отставание от города в экономическом, политическом и культурном отношениях, превращает деревню при капитализме в объект эксплуатации и ограбления со стороны города. Преодоление этой противоположности дает возможность покончить с отсталостью сельского хозяйства, лучше использовать природные ресурсы и рационально разместить производительные силы на территории страны. Уничтожение противоположности, а затем и существенного различия между городом и деревней «не только возможно,— оно стало прямой необходимостью для самого промышленного производства, как и для производства сель-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XV, 1933, стр. 252—253.

скохозяйственного, и, сверх того, оно необходимо в интересах общественной гигиены»[1]. Экономический и культурный подъем деревни приобщает многомиллионное сельское население к активному участию в общественной жизни и тем самым ускоряет историческое развитие.

Прямой необходимостью стало в нашу эпоху уничтожение противоположности, а в дальнейшем и существенного различия между умственным и физическим трудом. При современном уровне производительных сил имеется полная возможность обеспечить свободное и всестороннее развитие уже не только меньшинству, но и всем членам общества. А это значительно ускорит развитие общества, так как отвечает потребностям развития производства. Замена частичного работника, превращенного капитализмом в придаток машины, всесторонне развитым работником, обладающим высоким культурно-техническим уровнем, даст возможность значительно повысить производительность труда.

Таким образом, развитие общества создало материальные предпосылки для уничтожения старых форм разделения труда и связанного с ними деления общества на классы, сделало это уничтожение необходимым. Как в свое время возникновение классов было прогрессивным явлением, так в наше время уничтожение классов стало условием исторического прогресса. Уничтожение классов происходит на основе уничтожения частной собственности на средства производства и несет с собой социально-экономическое и нравственное обновление общества, ибо кладет конец жажде накопления богатств, вражде, эгоизму и другим порокам классового общества.

Экономическое развитие общества не только сделало необходимым уничтожение классов, но и породило ту общественную силу, которая способна осуществить эту историческую задачу. Этой силой является пролетариат. Его всемирно-историческая миссия состоит в том, чтобы низвергнуть капитализм и привести общество к коммунизму.

Из всех угнетенных классов, когда-либо боровшихся за свое освобождение, рабочий класс является единственным классом, способным покончить с разделением общества на классы. Рабы могли освободить себя, уничтожив из всех форм частной собственности и эксплуатации только отношения рабства. Крестьяне, освобождаясь от крепостного права, становились собственниками своих клочков земли. Пролетарий же не может освободить себя иначе, как уничтожив частную собственность на средства производства вообще и покончив со всеми формами эксплуатации человека человеком. Поэтому пролетариат своей революционной классовой борьбой избавляет от гнета не только себя, но и всех трудящихся.

---

[1] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1957, стр. 280.

Пролетариат является самым революционным классом не потому, что он наиболее бедный и страдающий класс. Капитализм обрекает на нищету и страдания миллионы мелких крестьян и городской бедноты, многие тысячи люмпен-пролетариев, которые часто страдают не меньше, а больше пролетариев, но это не делает их более революционными. Последовательная революционность пролетариата определяется не только тем, что он является эксплуатируемым классом, заинтересованным в ниспровержении капитализма, но и тем, что он является носителем нового, более высокого, чем капиталистический, способа производства. Этим он отличается от других эксплуатируемых классов, например от крестьянства. Крестьянство связано с самой отсталой формой хозяйства — мелким производством и по мере развития капитализма расслаивается, распадается как класс. Пролетариат связан с крупным машинным производством и растет, развивается, консолидируется как класс вместе с развитием капитализма. Он объединяется, приучается к дисциплине и организованности самими условиями своего труда на крупном производстве, а потому больше, чем какой-либо другой из трудящихся классов, способен к сплоченным, сознательным, организованным действиям.

Марксисты выделяют пролетариат как единственный последовательно революционный класс не для того, чтобы противопоставить его остальным трудящимся, а для того, чтобы показать его роль гегемона (т. е. руководителя, вождя) всех трудящихся. Маркс решительно отверг утверждения Лассаля о том, что все остальные классы составляют по отношению к пролетариату «сплошную реакционную массу». Установка Лассаля неверна и политически вредна, она обрекает пролетариат на одиночество, а следовательно, на неминуемое поражение в борьбе с капитализмом.

Для того чтобы завоевать победу над капиталом, пролетариат должен привлечь на свою сторону широкие массы трудящихся, прежде всего крестьянство, а также средние слои общества. Капитализм приносит разорение средним слоям, мелкому и среднему крестьянству, обрекает на безработицу значительное число интеллигенции, угрожает народам бедствиями милитаризма и войны, гибелью завоеваний культуры. Поэтому в современную эпоху имеются возможности для привлечения на сторону пролетариата все более и более широких непролетарских масс. Только при их поддержке пролетариат может осуществить свою историческую миссию.

Противники марксизма с разных сторон атакуют учение об исторической миссии пролетариата. Одни из них (например, французский социолог Арон и др.) уверяют, что рабочие не думают о своей исторической миссии, а стремятся стать буржуа, достичь материальной обеспеченности, сокращения рабочего дня, продвижения по службе, ликвидации безработицы и т. д.

Но дело вовсе не в том, что думает отдельный пролетарий, который, конечно, может и не сознавать исторической миссии своего класса. Дело в том, что пролетариат по своему объективному положению, сообразно с которым он вынужден действовать, заинтересован в уничтожении капитализма. Условия, при которых живет пролетариат в капиталистическом обществе, толкают его вопреки идейному влиянию буржуазии на путь революционной борьбы. И эта тенденция исторического развития все больше пробивает себе дорогу. Она проявляется в росте стачечной борьбы, хотя и неравномерном, во всех капиталистических странах, в увеличении влияния коммунистических партий, в стремлении рабочих к единству и т. д.

Вместе с буржуазными социологами отвергают учение об исторической миссии пролетариата и некоторые лидеры правых социалистов. Они объявляют устаревшим тезис Маркса и Энгельса о том, что пролетариату нечего терять в революции, кроме своих цепей. В современных условиях, заявляют они, пролетариату есть что терять, он обладает такими завоеваниями, как социальное обеспечение, гарантированный минимум заработной платы и т. д. Люди, боящиеся революции, хотели бы, чтобы пролетариат довольствовался крохами со стола капиталистов и не посягал на основы капиталистического строя. Но как может пролетариат удовлетвориться этими крохами? Разве он перестал быть классом, лишенным средств производства? Разве условия его материальной и духовной жизни не принадлежат классу капиталистов? Разве современное государство не является больше орудием его подавления? Чтобы пролетариат перестал быть классом наемных рабов капитала, классом обездоленным, необходимо коренное преобразование капиталистического общества, его революционное превращение в общество коммунистическое.

Уничтожить разделение общества на антагонистические классы при сохранении основ капитализма невозможно. Существование антагонистических классов имеет своей предпосылкой частную собственность на средства производства, приводящую к глубочайшему экономическому неравенству между членами общества. Значит, уничтожение классов предполагает ликвидацию частной и установление общественной собственности на средства производства, в результате чего все члены общества будут поставлены в одинаковое отношение к средствам производства. Вот почему в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс провозгласили, что коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности.

Некоторые современные критики марксизма и правые социалисты, ревизующие марксизм, пытаются оспорить это положение. Они доказывают, что классовые различия могут быть уничтожены и без революционного преобразования общества, что они уже исчезли или исчезают при современном капитализме, который якобы стал «народным капитализмом». Появляются книги,

брошюры, статьи, авторы которых утверждают, будто в США, Англии и некоторых других капиталистических странах уже существует бесклассовое общество, исчезло деление людей на капиталистов и рабочих. Одни из авторов этих сочинений (например, известный американский капиталист Э. Джонстон) заявляют, что все стали капиталистами, другие (например, бывший председатель Конгресса производственных профсоюзов США Ф. Мэррей), наоборот, объявляют всех рабочими.

Для доказательства тезиса о том, что все стали капиталистами, обычно используется так называемая теория «демократизации капитала». Замена отдельного предпринимателя акционерной компанией, выпуск множества мелких акций расцениваются сторонниками этой теории как нарождение «народного капитализма», при котором рабочие и служащие становятся «совладельцами предприятий». И вот рабочим советуют: не бороться против капитала, а приобретать акции, вступать в число «собственников капитала». Но, конечно, такой совет — превратить всех в капиталистов — не более осуществим, чем обещание сделать всех королями или римскими папами. Рабочий или служащий, у которого есть одна-две акции, не становится от этого капиталистом, дистанция между ним и действительными хозяевами предприятия нисколько не уменьшается. По подсчетам статистического бюро Мичиганского университета, крупные держатели акций, составляющие около 1% американских семей, имеют $^2/_3$ общего числа акций, большая часть оставшейся трети акций принадлежит средним держателям, которые также составляют около 1% семей. Таким образом, небольшая часть семей США — около 2% — держит в своих руках почти все акции. В Англии в 1952 г. ценными бумагами владело только 6% семей. Более половины из них — это мелкие акционеры, которые получают от своих акций доход, достаточный лишь для того, чтобы покрыть затраты на текущий ремонт жилья или на отпуск. С другой стороны, небольшая кучка крупнейших держателей акций, составляющая около 1% общего числа акционеров, владеет третью всех выпущенных акций.[1]

Фактическими хозяевами предприятия остается небольшая кучка крупнейших акционеров, использующих выпуск мелких акций для усиления финансовой олигархии. Продавая мелкие акции рабочим и служащим, они нисколько не раздробляют капитал, а лишь укрепляют позиции крупного капитала, который получает в свое распоряжение даже небольшие сбережения трудящихся. Что же касается мелких акционеров, которых уверяют, будто они являются «совладельцами» предприятия, то эти мнимые «совладельцы» не приобретают вместе с акциями никаких прав. Характерно, что крупнейшая монополия в американ-

[1] См. *С. Ааронович*, Британский монополистический капитал, М., 1956, стр. 150.

ской черной металлургии «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» при продаже рабочим акций оговаривала право аннулировать их, не оплачивая дивидендов или процентов, если рабочий уходит с работы, увольняется за проступок или временно прекращает работу без согласия администрации, т. е. участвует в стачке. И подобных «акционеров», теряющих свои акции при любом конфликте, предлагают считать «капиталистами»!

Не более убедительны и доводы тех, кто объявляет классы в капиталистических странах уничтоженными на том основании, что все стали «рабочими». Вместо капитализма, заявляют проповедники этого взгляда, в США установился «мэнэджеризм» (от слова «мэнэджер» — управляющий). Место капиталистических хозяев заняли управляющие, «хозяйственные руководители». Совершилась революция в промышленности, которая привела-де к тому, что капиталист исчез и уступил свое место управляющему. Эта теория, развитая идеологом американского капитализма Д. Бэрнхемом в книге «Эра организаторов», была затем подхвачена лидерами французских правых социалистов и английских лейбористов. «Переход капитализма к режиму организаторов будет революцией организаторов, объявленной миру вместо социалистической революции»,— писал Л. Блюм.

В кривом зеркале этой теории нашел отражение, хотя и совершенно превратное, действительный факт: утеря значительной частью капиталистов своей организаторской функции в производстве, превращение их в рантье, паразитический нарост на теле общества. Из этого факта еще раз следует вывод о том, что назрела необходимость покончить с этим паразитическим классом. Но отсюда вовсе не следует, будто капиталист перестал существовать, что он «исчез из сознания большинства людей», как утверждал лидер австрийских правых социалистов К. Реннер.

В действительности никакой «революции управляющих» не произошло, и капиталисты не перестали быть хозяевами производства. Крупнейшие акционеры не только распоряжаются собственным капиталом, но и осуществляют контроль над не принадлежащими им средствами, вложенными в акционерные компании. Что же касается «управляющих», то это или сами крупные акционеры, пользующиеся привилегиями, связанными с постами директоров, членов правлений компаний, или агенты капиталистов, выполняющие их волю.

Чтобы капиталист действительно исчез, и притом не из сознания, а из самой общественной жизни, нужно лишить его собственности на средства производства.

Вопреки утверждениям апологетов капитализма его развитие ведет не к стиранию классовых различий, а, наоборот, к их углублению. В процессе капиталистического воспроизводства воспроизводятся не только производительные силы, но и капиталистические производственные отношения с присущим им антагонизмом классов. Капиталистический способ производства по-

стоянно воссоздает и углубляет противоположность между капиталистами, владельцами средств производства, и пролетариями, лишенными средств производства. Только социалистическая революция пролетариата ликвидирует этот способ производства, заменяет его социалистическим способом производства и тем самым устраняет деление общества на антагонистические классы.

Возникновение классов было результатом стихийного развития общества, приведшего к появлению частной собственности и экономического неравенства между людьми. Напротив, уничтожение классов может быть результатом только сознательной классовой борьбы пролетариата, ведущей к установлению его политического господства. Классовое господство пролетариата является необходимой переходной ступенью к отмене всяких классовых различий. В отличие от всех предшествующих господствующих классов пролетариат берет в свои руки политическую власть не для того, чтобы навсегда закрепить свое классовое господство, а для того, чтобы уничтожить всякое деление общества на классы и осуществить переход к полному коммунизму, к обществу без государства.

Эта историческая задача решается социалистической революцией, которая устанавливает новый тип государства — социалистическое государство, служащее орудием преобразования капиталистического общества в коммунистическое.

ГЛАВА XVI

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ЗАКОНОМЕРНОСТЬ СМЕНЫ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ

1. Социальные революции, их причины и значение в истории общества

В предыдущей главе выяснены причины и значение классовой борьбы в истории. Высшим выражением классовой борьбы являются социальные революции. Эпохи революций представляют собой переломные эпохи в развитии общества, когда осуществляется переход от одной общественно-экономической формации к другой.

Переход от одной общественно-экономической формации к другой подготовляется развитием производительных сил общества и изменением других сторон общественной жизни, происходящим в недрах старого строя. Эти процессы еще не меняют существующего качественного состояния общества в целом и поэтому должны быть охарактеризованы по отношению к нему как эволюционные. Социальная революция подготовляется ими и завершает, увенчивает их. В отличие от эволюции она происходит не на основе сохранения старого строя, а уничтожает старый строй и заменяет его новым, т. е. коренным образом меняет состояние общества.

Наиболее глубокая причина социальных революций заложена в конфликте между новыми производительными силами и отжившими производственными отношениями. В знаменитом предисловии к «К критике политической экономии» Маркс указал, что на известной ступени своего развития производительные силы вступают в конфликт с производственными отношениями, которые превращаются в оковы их развития. Тогда наступает эпоха социальной революции.

Развитие производительных сил оказывает революционизирующее влияние на развитие общества в целом. Но технические перевороты могут не совпадать с периодами социальных революций, они могут происходить и до и после революций. Например, промышленный переворот в Англии, Франции и некоторых других странах происходил после победы буржуазных революций, расчистивших почву для свободного развития производительных сил капиталистического общества. В наше время назревает и частично уже началась величайшая техническая революция, связанная с автоматизацией производства и применением в производстве атомной энергии. Однако капиталистические производственные отношения мешают ее осуществлению.

Игнорируя это, реформисты сочинили теорию «второй промышленной революции», которая якобы автоматически, без социалистической революции преобразует капитализм в социализм (такой взгляд проповедовал, например, на съезде западногерманской социал-демократической партии в 1956 г. К. Шмид). Но в действительности технический прогресс при капитализме только обостряет социальные противоречия и усиливает настоятельную необходимость перехода к социализму, так как создает новые производительные силы, не вмещающиеся в рамки капитализма.

В недрах старого строя обычно зарождаются и новые производственные отношения, соответствующие характеру этих производительных сил (исключением тут являются социалистические производственные отношения, о чем будет сказано ниже). Так, в недрах первобытнообщинного строя зародились частная собственность на средства производства и эксплуатация человека человеком, разложившие этот строй. В последний период существования рабовладельческого общества в Риме возник колонат, подготавливавший переход к крепостническим отношениям. В недрах феодального общества получили значительное развитие капиталистические отношения: выросли мануфактуры, торговые предприятия, банки.

Развитие новых экономических отношений подтачивает отживающий экономический строй. Однако старый экономический строй не исчезает сам, так как за старыми производственными отношениями стоят отживающие классы, которые всеми силами стараются сохранить свои позиции. Как ни был, например, подточен развитием капиталистической экономики феодальный строй во Франции в конце XVIII в. или в России в середине XIX в., все же класс помещиков, который имел громадные земельные владения, привилегии и политическую власть, всячески стремился сохранить старый строй. Необходима была социальная революция, чтобы смести старый экономический и политический строй, мешавший развитию новых производительных сил.

Конфликт между производительными силами и производственными отношениями приводит к столкновению классов. Одни классы защищают отжившие производственные отношения и выросший на их основе социально-политический строй, а другие стремятся ликвидировать их. Революционные классы уничтожают устаревшую политическую и правовую надстройку, ликвидируют старую и создают новую государственную власть. Эта власть используется ими для того, чтобы довершить ломку старых производственных отношений и закрепить новые производственные отношения. Так, буржуазная революция во Франции в 1789—1794 гг. ликвидировала феодальную собственность на землю, сословные привилегии и расчистила почву для свободного развития капиталистических отношений, которые в ту пору играли прогрессивную роль. Таким образом, социальная революция представляет собой не только политический переворот, уничтожающий старую политическую надстройку; она разрешает экономический конфликт между новыми производительными силами

и отжившими производственными отношениями, а также социальный конфликт между общественными классами.

В области политической главным признаком революции является переход государственной власти из рук одного в руки другого класса. Именно этим прежде всего революция отличается от всякого рода верхушечных переворотов, не затрагивающих основ господства того или иного класса. В эпоху абсолютизма было множество дворцовых переворотов в различных странах (например, путем дворцового переворота захватила власть Екатерина II в России). В зависимых от империализма странах нередко совершаются политические перевороты, организуемые соперничающими империалистическими кликами. Подобные перевороты нельзя назвать революциями, ибо в них отсутствует коренной признак революции: они не изменяют классовой природы власти, а производят лишь замену отдельных групп или лиц, стоящих у власти.

Однако не всякий переход власти из рук одного в руки другого класса можно назвать революцией. Если к власти вновь приходит отживающий класс, которому удается на время восстановить свое господство, то это не революция, а контрреволюция. *Социальная революция* — это такой общественный переворот, при котором ниспровергается власть отживающих классов и устанавливается власть прогрессивных, революционных классов.

Понятие революции не тождественно и с понятиями «вооруженное восстание», «гражданская война». Большинство революций было связано с вооруженными столкновениями классов, но в истории имели место и такие вооруженные восстания и гражданские войны (например, войны Алой и Белой розы в Англии), которые нельзя назвать революциями, так как их задачей не было установление нового социально-экономического строя. С другой стороны, как это будет показано ниже, возможны и такие революции, которые происходят без вооруженного восстания, без гражданской войны.

Содержанием социальной революции, в какой бы форме она ни происходила, всегда является уничтожение отжившего социально-экономического и политического строя и замена его новым строем. История знает различные типы революций, отличающиеся друг от друга по своему характеру и движущим силам.

Характер революции, ее основное содержание определяется тем, какие социальные противоречия она разрешает, к установлению какого строя она ведет. Почему, например, русская революция 1905—1907 гг. была по своему характеру буржуазной, хотя ее руководителем был пролетариат, а не буржуазия? Потому что перед ней стояли задачи свержения самодержавия и ликвидации остатков феодально-крепостнических производственных отношений, которые призвана решать буржуазная революция.

Движущими силами революции являются те классы, которые осуществляют революцию, двигают ее вперед, преодолевая со-

противление отживающих классов. Историческая необходимость реализуется не сама собой, а через деятельность людей. В классовом обществе исторически назревшие задачи осуществляются передовыми классами. А степень способности разных классов решать эти задачи весьма различна. Истории известны примеры, когда старый строй экономически изжил себя, но в его недрах не вырос такой революционный класс, который был бы способен создать новый экономический строй [1]. В таких случаях переход от старого общественного строя к новому принимает весьма длительную, затяжную, мучительную форму. Например, в Западной Европе переход от рабства к феодализму занял несколько столетий.

Движущие силы революции зависят не только от ее характера, но и от тех конкретно-исторических условий, при которых она совершается. Нередко однотипные революции, одинаковые по своему характеру, но совершающиеся при различных исторических условиях, глубоко различаются по своим движущим силам. Например, движущей силой буржуазных революций в XVII—XVIII вв. в западноевропейских странах были крестьянство, плебейские слои городского населения, зарождавшийся рабочий класс, городская мелкая буржуазия, буржуазия. Буржуазия была не только движущей силой, но и гегемоном, вождем этих революций. А в буржуазной революции 1905—1907 гг. и Февральской 1917 г. в России буржуазия не только не была вождем революции, но и не выступала в качестве одной из ее движущих сил. Движущими силами буржуазной революции в России были пролетариат и крестьянство при гегемонии пролетариата. Такое изменение роли буржуазии в революции объясняется тем, что в условиях монополистического капитализма буржуазия капиталистических стран утратила революционность и не в силах решительно выступить против помещиков, опасаясь революционности пролетариата: она боится того, что атака народных масс на феодальную собственность может оказаться прологом к атаке на капиталистическую собственность.

Социальные революции колоссально ускоряют развитие общества. В немногие годы или даже месяцы революции совершаются более значительные, более коренные изменения в общественной жизни, чем за многие десятилетия мирного эволюционного развития. Недаром Маркс называл революции локомотивами истории.

Эту роль локомотивов истории, ускоряющих ход развития общества, социальные революции выполняют, во-первых, потому, что они в корне ломают отживший строй, свергают старые

---

[1] История рабовладельческого общества знает многочисленные восстания рабов, которые подрывали изнутри отживший строй. Однако рабы не были способны одержать победу и утвердить новый строй не только в силу своей забитости и распыленности, но и потому, что не были носителями нового, более высокого способа производства.

классы, которые мешают развитию общества; во-вторых, потому, что они поднимают к сознательному творчеству истории новые классы, более или менее широкие массы народа.

Без революционного ниспровержения отжившего строя невозможны ни беспрепятственное экономическое развитие, ни быстрый прогресс в духовной жизни общества.

Идеологи буржуазии объявляют «нормальным» путем развития общества мирное эволюционное движение; революции представляются им отклонением от «нормального» пути, насилием над естественным ходом вещей. Немецкие буржуазные историки называли 1848 год в Германии «безумным годом». Идеолог русской либеральной буржуазии П. Струве твердил о «стихии безумия», охватившей Россию в 1905 г. Великий пролетарский писатель М. Горький обнажил духовное ничтожество подобных идеологов буржуазного либерализма в рассуждениях Клима Самгина: «Россия нуждается не в революции, а в реформах. Революцию нельзя понять иначе как болезнь, как воспаление общественного организма».

Современные буржуазные реакционеры пытаются объявить «незакономерными» революции, совершившиеся в России, а затем в Китае и других странах народной демократии. Реакционеры не желают и не могут понять, что и Россия, и Китай, и другие страны, где произошли социалистические революции, нуждались именно в революции, для того чтобы двинуться семимильными шагами по пути исторического прогресса. Только великая народная революция могла смести, подобно очистительной буре, отживший социальный строй и открыть путь для свободного развития народов.

Эпохи социальных революций — это настоящие праздники истории, когда массы народа, в обычное время придавленные классовым гнетом, поднимаются к сознательной борьбе за новый, передовой общественный строй. Чем глубже революционный переворот, тем более широкие массы народа вовлекаются в активную борьбу. И наоборот — чем большие массы народа вовлекаются в революционные действия, тем глубже и основательнее преобразования, осуществляемые этими массами. Народные массы толкают вперед развитие революции, стремясь довести до конца решение ее задач .Такую роль играли, например, выступления революционного крестьянства и плебейских элементов городов в буржуазных революциях XVII в. в Англии и XVIII в. во Франции. Эти революции, особенно французская, благодаря активному участию трудящихся масс шли дальше того, к чему стремилась буржуазия, и именно поэтому более основательно решали задачи уничтожения отжившего феодального строя. В ряде буржуазных революций народные массы выступали со своими самостоятельными требованиями, накладывали своей борьбой глубокий отпечаток на весь ход событий; такие революции называют буржуазно-демократическими. Они отличаются от других буржуазных революций не по своему характеру, а по степени вовлечения народных масс в активную самостоятельную борьбу. Высокая активность масс характерна, например, для революции 1905—1907 гг. в России — первой буржуазно-демократической революции эпохи империализма. Выступая как руководящая сила этой революции, рабочий класс России применял в ней специфически

пролетарские средства борьбы (прежде всего массовую политическую стачку).

Революционные периоды отличаются большей широтой и богатством общественной жизни, большей сознательностью, смелостью и яркостью исторического творчества масс по сравнению с периодами эволюционного развития. Это периоды, когда стихийное развитие производительных сил и производственных отношений уступает место сознательной борьбе передовых общественных сил за осуществление коренного переворота в способе производства и во всем общественном строе.

Чтобы массы поднялись на революционную борьбу, они должны осознать необходимость свержения старого строя, невозможность жить по-старому. В периоды революций особенно большое значение приобретают новые идеи, в которых отражаются назревшие исторические задачи. Новые, революционные идеи помогают мобилизации масс, сплочению их в политическую армию, способную сломить сопротивление отживающих классов общества. Поэтому политическому перевороту обычно предшествует идейный переворот, глубокий перелом в сознании, в настроении масс.

Социальные революции не делаются «по заказу», их не может вызвать в любой момент по своему усмотрению революционная группа или партия, как это полагали, например, бланкисты, подменявшие социальную революцию путчем, выступлением заговорщиков. Кроме общей коренной причины социальной революции, состоящей в конфликте между производительными силами и производственными отношениями, для революции необходимы конкретные исторические условия, которые называются *революционной ситуацией.*

Революционная ситуация характеризуется, во-первых, кризисом «верхов», кризисом политики господствующих классов, тем, что они уже не могут сохранить свое господство в прежнем виде, не могут править по-старому, во-вторых, обострением нужды и бедствий угнетенных классов, а вследствие этого и повышением их активности.

В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин так определил условия победы социальной революции: «Лишь тогда, когда «*низы*» *не хотят* старого и когда «верхи» *не могут по-старому*, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса» [1]. Этот социальный кризис и разрешает революция. В периоды социальных революций разрешаются те многочисленные противоречия, которые медленно накапливаются в периоды эволюционного развития.

Наступление революционной ситуации не зависит от воли и желания не только отдельных групп или партий, но и целых

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 65.

классов. Без объективных условий, без революционной ситуации революция не произойдет. Но для того, чтобы революция произошла, и тем более для того, чтобы она увенчалась победой, одних объективных условий недостаточно. Как отмечал Ленин, революционная ситуация была в России и в 1859—1861 и в 1879—1880 гг., но революции в эти годы не произошли. Революционная ситуация имелась в России и в 1905 г., но тем не менее революция потерпела поражение. Почему? Потому, что, кроме зрелости объективных условий, для победы революции необходима и зрелость *субъективного фактора*. Необходимо, чтобы революционный класс был так сознателен и организован, способен повести за собой союзников по революционной борьбе, чтобы развить революционные действия, достаточно сильные для свержения власти отживающих классов. А эта организованность, сознательность воспитывается в рабочем классе его авангардом — марксистско-ленинской партией. Только при наличии опытной, закаленной в боях партии, тесно связанной с широкими революционными массами, пользующейся их доверием и поддержкой, возможна победоносная социалистическая революция, умелое использование объективных условий и законов революции.

Опыт истории революционного рабочего движения учит тому, что победа социалистической революции невозможна даже тогда, когда есть налицо объективные условия, революционная ситуация, массовое рабочее движение, если нет налицо руководства марксистской партии. Об этом свидетельствуют и уроки ноябрьской революции 1918 г. в Германии.

Возникает вопрос: обязательна ли революция для разрешения назревших социальных противоречий? Нельзя ли разрешить противоречия путем *реформ*, частичных уступок со стороны господствующих классов, путем постепенных преобразований? Противники революции рассматривают реформы как спасение от революции. Так, защитник реформизма английский правый социалист Г. Ласки в книге «Размышления о революции нашего времени» в 1944 г. писал: «На угрозу революции исторически известен только один ответ: реформы, которые вселяют надежду и бодрость в тех, к которым в противном случае революционеры обращаются с призывом, имеющим непреодолимую силу» [1].

Однако вопреки надеждам реформистов реформы не разрешают коренных социальных противоречий, а только отодвигают их разрешение. Исторический опыт показывает, что переход от одной общественно-экономической формации к другой по своей сущности всегда представляет собой революцию, хотя может совершаться в неодинаковых формах; революционные классы могут осуществлять свои задачи более или менее решительно. Так, в Англии буржуазная революция закончилась компромиссом

---

[1] *H. Laski*, Reflections on the Revolution of our Time, London, 1944, p. 24.

буржуазии с феодалами, тогда как во Франции феодализм был сметен решительным штурмом. В России замена феодально-крепостнических отношений капиталистическими затянулась на долгий срок, причем господствующие классы пытались путем реформ приспособить феодальные учреждения к развитию капитализма. Но никакие реформы не спасли и не могли спасти самодержавие в России, оно было сметено могучей народной революцией в феврале 1917 г.

Если реформы используются защитниками старого строя для его укрепления, для предотвращения его гибели, то означает ли это, что революционеры должны быть противниками всяких реформ? Конечно, нет. Реформа реформе рознь. Реформисты противопоставляют реформы революции и рассматривают их как самоцель, пытаются путем реформ отвлечь угнетенных от классовой борьбы, разложить силы революции. Революционеры рассматривают реформы в условиях капитализма как побочный продукт революционной борьбы и используют их для развития и расширения классовой борьбы, подчиняют реформы решению коренных революционных задач. Реформы отнюдь не являются результатом общего согласия, «солидарности» всех классов, как утверждают реформисты. Именно своей революционной борьбой передовые классы заставляют угнетателей идти на реформы, на частичные уступки.

После победы социальной революции соотношение реформ и революции, как показал Ленин, существенно меняется. Одержавший победу революционный класс использует для решения стоящих перед ним задач не только революционные методы, но и реформы. Когда этого требует обстановка, реформы служат ему, чтобы маневрировать, продержаться, выиграть время, добиться передышки для подготовки наступления, чтобы разложить лагерь противников революции, привлечь на свою сторону или нейтрализовать колеблющихся.

Если до завоевания власти революционный класс решает свои задачи путем действий «снизу», организуя борьбу против господствующего класса, то после победы революции он осуществляет свои задачи и путем действия «сверху», используя для этой цели новую государственную власть. Эти действия могут носить как характер отдельных реформ, так и характер глубоких революционных преобразований экономического строя, социальных отношений. Примером таких революционных преобразований могут служить аграрные преобразования в Советском Союзе и в странах народной демократии, ликвидация кулачества на основе коллективизации крестьянского хозяйства в СССР.

Мы выяснили причины, вызывающие социальные революции и превращающие их в историческую необходимость. Это дает возможность ответить и на вопрос: всегда ли будут революции?

Развитие общества, как и развитие природы, подчинено диалектическому закону перехода количественных изменений в качественные, согласно кото-

рому эволюция подготовляет революцию. Социальная революция представляет собой особую форму качественного скачка, свойственную классовому обществу. Закон социальной революции является таким же историческим законом, как и закон классовой борьбы. Подобно тому как не вечны классы, классовая борьба и государство, так не всегда развитие общества должно происходить через социальные революции. В условиях социализма противоречия между производительными силами и производственными отношениями не принимают с неизбежностью форму конфликта, потому что внутри общества уже нет классовых антагонизмов и все социальные группы заинтересованы в укреплении и развитии социалистических производственных отношений, а политическая надстройка выражает и защищает их общие интересы. Поэтому возникающие в социалистическом обществе противоречия могут разрешаться без социальной революции. Это, разумеется, не исключает качественных скачков, революционных переворотов в науке и технике, в развитии производительных сил общества; они обязательно будут иметь место, но уже не будут приводить к социальным революциям.

2. Отличие социалистической революции от других революций. Социалистическая революция и диктатура пролетариата

Социалистическая революция коренным образом отличается по своему характеру от всех предшествовавших революций, которые лишь заменяли одну форму эксплуатации другой. Она имеет своей задачей не изменение форм эксплуатации, а полное уничтожение эксплуатации человека человеком, кладет начало переходу от классового общества к бесклассовому. Вот почему она является самым глубоким переворотом в истории человечества.

Такой глубочайший переворот не может быть осуществлен без привлечения к активному историческому творчеству широчайших масс народа. Социалистическая революция приводит в движение такие гигантские массы народа, как ни одна из революций прошлого. Движущими силами социалистической революции является пролетариат, выступающий как вождь революции, и многочисленные слои трудящихся и эксплуатируемых масс.

Буржуазия, возглавляя в XVII—XVIII вв. антифеодальные революции, не могла сплотить вокруг себя на длительный срок широкие массы трудящихся, ибо ее интересы на определенном этапе неизбежно приходят в непримиримое противоречие с интересами масс. Напротив, пролетариат, возглавляя в современную эпоху как революционно-демократические, так и социалистические преобразования, устанавливает прочный союз с широчайшими массами народа, особенно с трудящимся крестьянством, в силу общности их коренных интересов.

Задачи социалистической революции не могут быть разрешены без установления диктатуры пролетариата, представляющей собой новую, высшую форму демократии, подлинное народовластие, возглавляемое рабочим классом. Всякой революции приходится преодолевать сопротивление свергаемых ею реакци-

онных классов, ввиду чего и в революциях прошлого новому классу приходилось устанавливать свою диктатуру, чтобы разрешить задачи революции. Так было, например, во французской буржуазной революции конца XVIII в. Пролетарской революции приходится иметь дело с невиданным прежде сопротивлением всех сил старого мира, ибо она уничтожает всякую эксплуатацию.

Необходимость диктатуры пролетариата, ее историческое назначение определяются прежде всего тем, что социалистической революции приходится преодолевать сопротивление всех эксплуататорских классов внутри страны и защищаться от враждебных действий эксплуататорских государств. Международный империализм поддерживает свергнутые революцией эксплуататорские классы и предпринимает против стран социалистической революции агрессивные действия, пытается реставрировать в них капиталистические порядки.

Политическая власть пролетариата служит орудием его классовой борьбы против свергнутых эксплуататорских классов внутри страны и против нападения эксплуататорских государств извне.

Это означает, что пролетарское государство, как и всякое иное, имеет свою насильственную сторону. Но в противоположность всем другим государствам насильственная сторона не является главной в социалистическом государстве и направлена она не против большинства населения, а против меньшинства (эксплуататоров).

Диктатура пролетариата — это не обычное, а совершенно новое государство. Оно защищает интересы народа, служит не эксплуататорам, а эксплуатируемым, не имущему меньшинству, а трудящемуся большинству. Его задача — не закреплять эксплуатацию человека человеком, а, наоборот, уничтожить ее навсегда.

Враги марксизма утверждают, будто признание диктатуры пролетариата находится в противоречии с задачей уничтожения классов. «Рабочий класс стремится к уничтожению всех классов, а не к господству над другими классами»,— заявляют, например, составители программы Социалистической партии Австрии. Такое противопоставление несостоятельно. Именно потому, что рабочий класс стремится к уничтожению всякого разделения общества на классы, он должен установить свое политическое господство над эксплуататорскими классами. Политическое господство одного класса — пролетариата является необходимой переходной ступенью к обществу без классов, где не будет вообще политической власти.

Отвергая диктатуру пролетариата, правые социалисты противопоставляют ей «чистую» демократию. «От классового общества к бесклассовому обществу нет иного пути, кроме пути через демократию»,— говорится в программе Социал-демократической партии Германии. Авторы программы имеют в виду «чистую», вне-

классовую демократию, каковой в жизни не было и не может быть, пока в обществе есть классы. Демократия может быть или пролетарской, социалистической (диктатура пролетариата), или буржуазной, означающей диктатуру буржуазии. Диктатуру пролетариата авторы программы германской социал-демократии и другие правые социалисты рассматривают как отрицание демократии. Они скрывают тот факт, что всякое государство по своей сущности представляет собой диктатуру того или иного класса. Все дело в том, против кого или над кем осуществляется диктатура и для кого, для каких классов существует демократия. Демократия как форма государства носит классовый характер и представляет собой демократию для определенного класса, что отнюдь не исключает, а, наоборот, предполагает диктатуру над враждебными ему классами общества.

В противоположность эксплуататорским государствам, представляющим диктатуру эксплуататорского меньшинства над трудящимся большинством общества, пролетарская диктатура есть государство трудящегося большинства, возглавляемого рабочим классом. Это диктатура многомиллионного класса, который пользуется доверием всего трудового народа и призван сменить у власти отживающую свой век буржуазию. Диктатура над эксплуататорами, демократия для трудящихся — такова власть рабочего класса, который осуществляет государственное руководство обществом. Поэтому установление диктатуры пролетариата означает громадное расширение демократии, замену ограниченной и формальной буржуазной демократии демократией пролетарской, обеспечивающей на деле широчайшим массам политические права и реальную власть.

Политическая власть пролетариата необходима не только для подавления сопротивления эксплуататорских классов, но и для государственного руководства со стороны рабочего класса широчайшими непролетарскими массами трудящихся.

Победивший пролетариат использует свою политическую власть для того, чтобы оторвать все непролетарские массы (ремесленников и кустарей, трудящееся крестьянство и т. д.) от буржуазии и привлечь их на свою сторону, чтобы постепенно вовлечь в социалистическое строительство и осуществить их социалистическую переделку. Эта задача решается не путем насилия, а путем убеждения, организации примера и экономической помощи. Вот почему насильственная сторона — это не единственная и даже не главная сторона диктатуры пролетариата.

Представляя собою власть рабочего класса, диктатура пролетариата является в то же время особой формой классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся. Это, по выражению Ленина, особого вида союз между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно классами. Такой союз оказывается возможным потому, что пролетариат своей борьбой против

капитализма выражает интересы всех трудящихся, заинтересованных в освобождении от эксплуатации.

Трудящиеся массы могут избавиться от гнета капитала и прийти к социализму только под руководством пролетариата, только при условии государственного руководства ими со стороны пролетариата, а пролетариат может удержать свою власть и привести народ к социализму лишь при поддержке непролетарских трудящихся масс, в союзе с этими массами. Вот почему высшим принципом диктатуры пролетариата является союз рабочего класса с крестьянством, союз, в котором рабочий класс является руководителем.

Диктатура рабочего класса необходима и для того, чтобы осуществить экономическое и культурное преобразование общества.

В противоположность буржуазным революциям, которые начинались при наличии капиталистического уклада хозяйства, стихийно возникшего в недрах феодального общества, социалистическая революция не получает готового социалистического уклада. Хотя развитие производительных сил капиталистического общества всесторонне подготовляет и уже подготовило в мировом масштабе материальные предпосылки для революционного перехода к социалистическим производственным отношениям, социалистическая экономика не может зародиться в недрах капиталистического общества.

Завоевав политическую власть, рабочий класс использует ее для осуществления экономического переворота, для преобразования капиталистической экономики в социалистическую. Вот почему социалистическая революция не завершается, а начинается завоеванием политической власти. Социалистическая экономика не может зарождаться и развиваться стихийно. Поэтому государство рабочего класса выступает как организатор социалистического хозяйства.

Реформисты боятся революции и проповедуют идею постепенного «врастания» капитализма в социализм. Они утверждают, будто государственно-монополистический капитализм уже не есть капитализм и может быть назван «государственным социализмом». При этом они ссылаются на национализацию отдельных отраслей хозяйства, которая якобы превращает капиталистическую экономику в «смешанную экономику», состоящую из социалистических и капиталистических предприятий. Но национализация, осуществляемая буржуазным государством, не ликвидирует капиталистическую собственность, а лишь изменяет ее форму, не устраняет капиталистическую эксплуатацию. Иные из современных ревизионистов утверждают, что наряду с революционным преобразованием капиталистического общества в социалистическое происходит и процесс эволюционного перехода к социализму. Рост государственно-капиталистических тенденций в странах империализма они рассматривают как показатель того, что эти страны также идут по пути социализма. При этом буржуазное государство изображается ими по существу как надклассовая организация, ограничивающая устремления не только рабочего класса, но и частного капитала. В действительности же государственное вмешательство в экономику ни в коей мере не ограничивает мощь капиталистических монополий, а, наоборот, дает им в руки дополнительные средства для усиления эксплуатации рабочих, для подчинения себе мелких и средних

капиталистов, для устранения конкурентов. Государственно-монополистический капитализм отнюдь не тождествен социализму, он лишь подготовляет его материальные предпосылки. ««Близость» *такого* капитализма к социализму,— писал Ленин,— должна быть для действительных представителей пролетариата доводом за близость, легкость, осуществимость, неотложность социалистической революции, а вовсе не доводом за то, чтобы терпимо относиться к отрицанию этой революции и к подкрашиванью капитализма, чем занимаются все реформисты» [1]. Чтобы превратить государственный капитализм в социализм, нужно, как учил Ленин, снять капиталистическую верхушку. Эту исторически назревшую задачу решает социалистическая революция.

Социалистическая революция преобразует коренным образом не только политическую и экономическую жизнь общества, но и его культуру, идеологию. Переворот в духовной культуре всего общества более длителен. Он завершается после политического и экономического переворота.

В отличие от буржуазии, которая как имущий, богатый класс имела возможность еще до завоевания политической власти создать свою культуру и многочисленные кадры своей интеллигенции, пролетариат как эксплуатируемый класс при капитализме лишен такой возможности. Правда, он создает в условиях капитализма элементы социалистической культуры, выделяет из своей среды небольшой слой пролетарской интеллигенции [2]. Но решить задачу создания социалистической культуры и социалистической интеллигенции он может лишь после завоевания власти. Ввиду этого перед диктатурой пролетариата встают гигантские задачи в области создания новой культуры, подготовки кадров интеллигенции, коммунистического воспитания широчайших масс.

Каждый социальный строй создает особую, свойственную ему общественную дисциплину, дисциплину труда. Как указывал Ленин, при феодализме дисциплина труда является дисциплиной палки, при капитализме организация труда держится на дисциплине голода, социализм же требует сознательной, товарищеской дисциплины работников, являющихся хозяевами производства. В воспитании социалистической дисциплины — трудовой, общественной, государственной — главную роль играет убеждение. Но рабочий класс, руководя государством и обществом, применяет и принуждение — против лодырей, тунеядцев, воров, жуликов и других злостных носителей традиций капитализма. Это принуждение осуществляется в интересах всего народа при помощи государственной власти и устанавливаемых ею законов, правовых норм, в основе которых лежат социалистические принципы

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 25, стр. 414—415.

[2] Загнивание и кризис капитализма и чудовищные злодеяния империализма против народов и человечности неизбежно приводят наиболее честных, мужественных и мыслящих представителей интеллигенции капиталистических стран на сторону рабочего класса, на сторону коммунизма. Таковы Теодор Драйзер в США, Ромен Роллан, Анатоль Франс, Поль Ланжевен, Жолио-Кюри во Франции, Джон Бернал в Англии, Мартин Андерсен Нексе в Дании и другие.

распределения по труду и по правилу «кто не трудится, тот не ест». Таким образом, государственная власть пролетариата становится орудием его борьбы против сил и традиций капитализма не только в области политической и хозяйственной, но и в области идейно-воспитательной.

Как видно из сказанного, диктатура пролетариата представляет собой орудие разрешения коренных задач социалистической революции. Диктатура пролетариата имеет три основные стороны: 1) по отношению к эксплуататорским классам внутри страны она выступает как орудие подавления их сопротивления, а по отношению к эксплуататорским государствам за пределами страны — как орудие защиты завоеваний революции от внешнего нападения; 2) по отношению к крестьянству, к ремесленникам, к близкой народным массам интеллигенции и другим непролетарским слоям трудящихся она представляет собой орудие государственного руководства со стороны рабочего класса; 3) по отношению ко всему обществу она служит орудием социалистического преобразования его экономики и культуры, орудием строительства бесклассового общества.

Все эти стороны диктатуры пролетариата неразрывно связаны между собой, но на различных этапах ее развития может выдвигаться на первое место то одна, то другая из этих сторон. По мере укрепления нового общественного строя все больший удельный вес в деятельности социалистического государства внутри страны приобретает работа по организации хозяйства и культуры, его воспитательная сторона, тогда как насильственная сторона после ликвидации эксплуататорских классов все более отступает на задний план.

3. Условия социалистической революции в эпоху империализма

Необходимость социалистической революции была всесторонне обоснована и доказана Марксом и Энгельсом и подтверждена всем последующим историческим развитием. Ныне уже значительная часть человечества освободилась от капиталистического гнета и встала на путь социализма. Величайшим переломом во всемирной истории явилась Великая Октябрьская социалистическая революция в России, открывшая эпоху социалистических и национально-колониальных революций. Эта революция нанесла сильнейший удар по мировому капитализму, который оказался ввергнутым в состояние глубокого общего кризиса. В результате дальнейшего углубления этого кризиса от системы империализма отпал ряд стран Европы и Азии, в которых установлен народно-демократический строй и осуществляется строительство социализма.

Противники марксизма, стремясь умалить значение этих великих исторических изменений и ослабить идейное влияние марксизма, твердят, будто революции совершились не там, где им полагалось произойти по Марксу.

Французский социолог Жан Маршаль в книге «Два очерка о марксизме» (1955), канадский профессор Г. Мэйо в книге «Демократия и марксизм» (1955), лектор Оксфордского университета Джон Пламенец, автор книги «Немецкий марксизм и русский коммунизм» (1954), и другие буржуазные социологи заявляют, что Маркс ожидал социалистической революции в индустриальных странах, а революции произошли «вопреки Марксу» в крестьянских странах — в России и Китае. Все эти господа сначала приписывают марксизму догматическое утверждение, будто революции должны совершаться в раз навсегда установленном порядке, а затем легко опровергают этот выдуманный ими тезис.

В действительности Маркс полагал, что материальные предпосылки для социалистической революции, для перехода к социализму созревают раньше всего в наиболее развитых капиталистических странах. Но ни Маркс, ни его ученики никогда не считали, будто можно заранее установить на все времена, в какой последовательности должен осуществляться социалистический переворот в различных странах. Это целиком зависит от конкретно-исторических условий [1].

В эпоху домонополистического капитализма Маркс и Энгельс выдвинули положение о том, что социалистическая революция может совершиться одновременно во всех капиталистических странах или по крайней мере в Англии, США, Франции, Германии. К этому положению, выдвинутому Энгельсом в работе «Принципы коммунизма» в 1847 г., Маркс и Энгельс добавили в дальнейшем указание на то, что революция может *начаться* в отдельных странах. Но, поскольку в тот период капитализм развивался по восходящей линии, Маркс и Энгельс считали невозможной победу социалистической революции в одной, отдельно взятой стране, ибо революция оказалась бы подавленной совместными ударами капиталистических стран.

В эпоху нисходящего движения капитализма положение изменилось. Опираясь на основные положения марксизма и обобщая новый исторический опыт, Ленин создал новую теорию социалистической революции, представляющую собой дальнейшее творческое развитие марксизма применительно к условиям эпохи империализма и пролетарских революций. Как показал Ленин, система империализма в целом созрела для социалистической революции. В эпоху империализма отдельные страны являются звеньями мировой империалистической системы, а их внутренние противоречия представляют собой часть общих противоречий империализма. Поэтому вопрос о вызревании условий, предпосылок социалистической революции в той или иной стране

[1] К сведению господ критиков ленинизма, Маркс в середине XIX в. допускал возможность социалистической революции в Германии, если она будет там поддержана «вторым изданием крестьянской войны».

нужно рассматривать не только под углом зрения внутреннего развития страны, но и под углом зрения ее места в общей системе империализма. Революция совершается прежде всего в тех странах, которые оказываются наиболее *слабым звеном* и узловым пунктом противоречий мирового империализма. При этом они могут и не принадлежать к числу наиболее развитых стран капитализма.

Как показал Ленин, неравномерность темпов экономического и политического развития капиталистических стран крайне обостряется в эпоху империализма. В области экономической неравномерность выражается в том, что одни страны обгоняют другие и притом не в порядке плавного, эволюционного, а в порядке скачкообразного развития. В области политической неравномерность ведет к тому, что политические предпосылки для социалистической революции созревают не одновременно во всех капиталистических странах. Как уже говорилось в XV главе, в некоторых наиболее развитых странах капитализма созревание сил для социалистической революции замедляется, потому что буржуазии удается расколоть рабочее движение, создавая слой «рабочей аристократии». А в некоторых менее развитых капиталистических странах, где рабочий класс и другие трудящиеся испытывают двойной и тройной гнет, классовые противоречия и классовая борьба принимают более острые формы, вследствие чего эти страны политически быстрее созревают для революции.

Неравномерность развития капитализма приводит к обострению противоречий между империалистическими странами, к борьбе за передел мира и к империалистическим войнам. Учитывая изменившуюся историческую обстановку, обострение противоречий между империалистическими странами, а также между метрополиями и колониями, между трудом и капиталом, Ленин в 1915 г. сделал вывод, что в эпоху империализма стала возможной победа социалистической революции первоначально в нескольких или даже в одной, отдельно взятой стране и невозможна одновременная победа социалистической революции во всех капиталистических странах. Это гениальное предвидение подтвердилось. Ослабление устоев мирового капитализма дало возможность революционным силам прорвать фронт империализма сначала в России, а затем в ряде других стран Европы и Азии.

Таким образом, переход от капитализма к социализму в эпоху империализма совершается не путем одновременного крушения капиталистической системы во всех странах, а путем отпадения от этой системы отдельных стран. Социалистическая революция совершается раньше всего в тех странах, где внутренние противоречия наиболее остры; в силу этого они оказываются наиболее слабыми звеньями в общей цепи империализма. Можно ли сказать, что слабыми звеньями должны быть прежде всего страны наиболее высокого или, наоборот, низкого развития капитализма? Конечно, известное развитие капиталистических отношений и

существование рабочего класса являются необходимой предпосылкой социалистической революции. Но нельзя установить очередность революции в различных странах в зависимости от уровня их экономического развития. Какая страна может оказаться в данный исторический период наиболее слабым звеном в цепи империализма, это зависит от всей совокупности внутренних и внешних условий развития каждой страны, от остроты социальных противоречий и от соотношения классовых сил.

После того как прорван фронт империализма в одной и тем более в нескольких странах, существенно изменяются условия для социалистической революции в остальных странах. Существование страны социализма (и тем более мировой системы социалистических стран) означает ослабление системы капитализма и представляет собою опору для развертывания освободительного движения в других странах. Революционным силам новых стран, которые встанут на путь социализма, легче устоять в борьбе против сил реакции не только потому, что империалистическая система ослаблена, но и потому, что они могут опереться на поддержку социалистических стран. Новым странам уже не приходится идти к социализму по неизведанному пути, они имеют возможность использовать опыт стран социализма.

Существование социалистического лагеря открывает возможность социалистических преобразований и в таких малых странах, которые в одиночестве не располагали бы для этого достаточными силами. Становится возможным при поддержке социалистических стран непосредственный переход от феодальных или полуфеодальных отношений к социализму, минуя стадию капитализма (это подтверждает, например, развитие Монгольской Народной Республики).

Революционное преобразование капиталистического общества в социалистическое не совершается сразу, это целая историческая эпоха. Мировое освободительное движение, направленное против империализма, складывается из слияния в один поток весьма разнородных по своей социальной сущности революционных движений: и социалистических революций пролетариата, и антифеодальных демократических революций, которые перерастают в социалистические, и национально-освободительных движений, и колониальных антиимпериалистических революций.

Ленин не раз подчеркивал утопичность расчетов на то, что империализм рухнет в результате «чистой» социалистической революции во всех странах. Крушение мировой системы империализма явится результатом сочетания разнородных революционных процессов. Разнородность революционных движений в современную эпоху объясняется разнородностью самой мировой системы империализма, которая сложилась в результате развития капитализма в империалистических странах Европы, Америки, Азии и подчинения им других стран, многие из которых находились

еще на докапиталистической стадии. Поэтому в нее вошли в то время и такие высокоразвитые капиталистические страны, как Англия, США, Германия, Франция, Япония, и страны со средним уровнем капитализма (какой была царская Россия, где наряду с капиталистическими отношениями сохранялись значительные пережитки феодальных отношений), и колонии и полуколониальные страны, какими были в прошлом Индия и Китай и еще остаются ныне многие страны, где господствуют феодальные и полуфеодальные отношения, и, наконец, наиболее отсталые колонии (например, некоторые районы Центральной Африки), где еще сохранились в той или иной мере племенные отношения.

Как было отмечено в программе Коминтерна, принятой на его VI конгрессе в 1928 г., страны высокоразвитого капитализма стоят непосредственно перед социалистической революцией; в странах со средним уровнем развития капитализма предстоят либо социалистические революции, которые попутно со своими основными социалистическими задачами осуществляют оставшиеся нерешенными задачи буржуазно-демократической революции, либо буржуазно-демократические революции, которые более или менее быстро перерастают в революции социалистические; в колониях, полуколониях и зависимых странах переход к диктатуре пролетариата возможен лишь в результате целого периода перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую; наконец, в еще более отсталых колониях, не прошедших стадии капитализма, победоносное национальное восстание открывает путь к социализму при условии помощи социалистической революции, победившей в более развитых странах.

Характер революционных процессов в каждой стране определяется в конечном счете уровнем ее экономического развития. Однако ближайшие задачи, соотношение и характер отдельных этапов развития революции (например, соотношение демократических и социалистических преобразований) зависят также в решающей мере от политической обстановки, которая может существенно изменяться в различные исторические периоды (см. об этом в § 4 этой главы).

В общей борьбе против империализма, которая складывается из различных по своему характеру революционных движений, огромную роль играют в современную эпоху национально-освободительные, антиколониальные движения угнетенных народов. Если социалистические революции в странах капитализма наносят удар по империализму с фронта, то национально-освободительные, антиимпериалистические движения и революции в колониальных и зависимых странах наносят ему удар с тыла, расшатывают, подрывают устои империалистической колониальной системы [1].

---

[1] В ряде стран национально-освободительные антиимпериалистические революции перерастают в революции социалистические. Под руко-

На развитие и усиление национально-освободительного движения огромное влияние оказывает общий кризис капитализма, ослабление империализма в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и образования мировой социалистической системы. В свою очередь развитие национально-освободительного движения и совершающийся распад колониальной системы империализма становятся мощным фактором ослабления империализма.

Основным содержанием современной эпохи является переход от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией в России. Общее направление исторического развития в современную эпоху характеризуется тем, что оно ведет к крушению системы империализма и к торжеству социализма во всех странах. Но процесс освобождения народов из-под гнета империализма, как это предвидел Ленин, осуществляется в различные исторические сроки и в многообразных формах.

«Все нации придут к социализму, это неизбежно,— подчеркивал Ленин,— но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни. Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как «во имя исторического материализма» рисовать себе будущее в *этом* отношении одноцветной сероватой краской: это было бы суздальской мазней, не более того» [1].

водством пролетариата, последовательно революционного класса, способного довести до конца борьбу против империализма, успешно разрешаются задачи не только национального, но и социального освобождения трудящихся. Примером этого является развитие Китая, где антиимпериалистическая, антифеодальная революция широких народных масс, руководимых пролетариатом, переросла в революцию социалистическую.

Наряду со странами, освободившимися от империалистического, колониального гнета под руководством пролетариата, имеются и такие страны, в которых антиимпериалистическое национально-освободительное движение и даже революцию возглавила национальная буржуазия. В этих странах национальная буржуазия, несмотря на свойственную ей непоследовательность, оказалась способной играть прогрессивную роль. Однако после национального освобождения перед этими странами неизбежно встают социальные проблемы (необходимость разрешения аграрного вопроса, ломки феодальных или полуфеодальных отношений, сокращения рабочего дня и повышения заработной платы рабочих и т. д.). Они сталкиваются также с необходимостью упрочения завоеванной политической независимости путем ликвидации экономических устоев господства империалистов. В отношении ко всем этим проблемам особенно сказывается противоречивость поведения национальной буржуазии; боязнь революционных масс нередко толкает ее на путь подавления рабочих и крестьян, являющихся главной опорой национально-освободительного движения.

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 23, стр. 58.

4. Соотношение демократических и социалистических преобразований в эпоху империализма и пролетарских революций

В эпоху империализма и особенно в период общего кризиса капитализма существенно изменилась расстановка классовых сил в капиталистических странах. В результате этого в странах, где еще не произошли буржуазно-демократические революции, где сохранились феодальные или полуфеодальные отношения, сблизились демократические и социалистические преобразования, а в связи с этим расширилась социальная база социалистической революции.

В доимпериалистическую эпоху демократические преобразования были отделены от социалистических целым историческим периодом. В наиболее развитых странах капитализма демократические преобразования (ликвидация крепостничества, установление буржуазной демократии, завоевание национальной независимости) были осуществлены еще в XVIII—XIX вв. Социалистические же преобразования (ликвидация капитализма, установление социалистической демократии) в этих странах не осуществлены и поныне.

Еще Маркс и Энгельс показали, что в тех странах, где осуществление демократических преобразований задержалось, а капиталистические отношения уже получили развитие, возможен прямой переход от демократических преобразований к социалистическим, осуществляемый путем непрерывной революции. Так, в 1848 г. Маркс и Энгельс допускали возможность перерастания буржуазно-демократической революции в Германии в социалистическую революцию. Победу социалистической революции они связывали с поддержкой этой революции «крестьянским хором», без которого пролетарское соло неизбежно превратится в лебединую песнь.

В эпоху империализма прямой переход от демократических преобразований к социалистическим, который раньше мог рассматриваться как исключение, становится типичным для тех стран, где эти демократические преобразования еще предстоит осуществить.

Новое соотношение демократических и социалистических преобразований в эпоху империализма было проанализировано Лениным в годы первой русской революции. В этой революции гегемония принадлежала уже не буржуазии, а пролетариату. Гегемония пролетариата является одним из важнейших условий перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Движущей силой развития революции является союз рабочего класса и крестьянства под руководством рабочего класса. Но этот союз не остается неизменным, его классовое содержание изменяется в соответствии с этапами, которые проходит революция. Подвергнув анализу расстановку классовых сил в России, Ленин пришел к выводу о том, что в буржуазно-демо-

кратической революции союзником рабочего класса является все крестьянство, все его слои, а в социалистической революции рабочий класс опирается на беднейшее крестьянство, ведет борьбу за свержение капитализма в союзе с полупролетарскими слоями города и деревни. При этом гегемония пролетариата объединяет, связывает между собой оба этапа революции. Перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую находит отражение и в политической надстройке: установленная на первом этапе революции демократическая диктатура пролетариата и крестьянства перерастает в социалистическую диктатуру пролетариата.

Таким образом, Ленин показал, что пролетариат совершает не только буржуазно-демократическую, но и социалистическую революцию не в одиночестве, а вместе со своими классовыми союзниками. Этим была опрокинута установка оппортунистических вождей II Интернационала, которые отрицали идею гегемонии пролетариата и утверждали, будто пролетариат выступает в социалистической революции один, без союзников. Вместе с тем было опровергнуто и вытекавшее из этой установки представление, будто социалистическая революция возможна только тогда, когда пролетариат станет большинством населения. Как показал Ленин, социалистическая революция вполне возможна и в таких странах, где пролетариат составляет меньшинство населения, но имеет союзников в лице трудящихся и эксплуатируемых масс, в лице полупролетарских слоев городского и сельского населения. Это предвидение Ленина было подтверждено победой социалистической революции в России, а затем и в других странах.

Сближение демократических и социалистических преобразований в современную эпоху и расширение социальной базы пролетарской революции видно на опыте европейских стран народной демократии. Большинство этих стран было до народно-демократической революции по преимуществу аграрными странами со средним уровнем развития капитализма (за исключением Германской Демократической Республики и Чехословакии). В ряде стран были еще значительные пережитки феодальных отношений. В период второй мировой войны эти страны потеряли свою национальную независимость, оказались либо оккупированными (Польша, Чехословакия и др.), либо на положении сателлитов фашизма, и перед ними выдвинулись на первый план общедемократические задачи. Верхушка господствующих классов этих стран (помещики и крупная буржуазия) встала на путь национального предательства и сотрудничества с фашизмом. Поэтому национально-освободительная борьба против фашистских оккупантов переплелась с классовой борьбой против внутренних реакционных сил.

Ведущей силой национально-освободительной борьбы был рабочий класс, вместе с которым в едином народном фронте выступали крестьянство, городская мелкая буржуазия, интеллигенция и даже часть национальной буржуазии. В результате разгрома фашизма и освобождения этих стран были устранены от власти сотрудничавшие с фашизмом реакционные классы — помещики и крупная буржуазия, и народный революционный фронт во главе с рабочим классом создал народно-демократический строй.

В борьбе за создание народной демократии широкие социальные силы объединялись вокруг решения общедемократических, антиимпериалистических, антифашистских задач (восстановление национальной независимости,

демократизация политического строя и др.). В большинстве стран к этим задачам прибавлялись и значительные по своему объему антифеодальные задачи (за исключением Болгарии, где феодального землевладения уже почти не было, так как помещики были изгнаны еще во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., а также Чехословакии, где до установления народно-демократического режима в сельском хозяйстве господствовала аграрная буржуазия). Наряду с демократическими преобразованиями с самого возникновения строя народной демократии осуществлялся и ряд социалистических преобразований (например, частичная национализация крупной промышленности, банков, транспорта и т. д.). Однако в полном объеме социалистические задачи выдвинулись на первый план в ходе дальнейшего развития революции. При этом революционные преобразования в каждой из стран народной демократии имели много особенностей, отличающих их друг от друга.

В силу сложившейся исторической обстановки социальная база революции в странах народной демократии оказалась весьма широкой. Даже после того как в европейских странах народной демократии буржуазия отошла от народного фронта, он остался широким объединением различных социальных сил. Надо добиваться по крайней мере нейтрализации городской мелкой буржуазии, среднего крестьянства и других слоев, которые находятся под влиянием буржуазии, думали марксисты раньше. А в новой обстановке оказалось возможным привлечь их непосредственно на сторону социалистической революции.

Коренные задачи социалистической революции во всех странах осуществляются пролетариатом в борьбе против буржуазии. Но позиции различных слоев буржуазии, как показывает опыт, не везде одинаковы. В Китае, например, на этапе антиимпериалистической, антифеодальной революции был создан единый народно-демократический фронт, который включал в себя и национальную буржуазию. Противоречия между рабочим классом и национальной буржуазией отступали тогда на задний план по сравнению с общими антиимпериалистическими и антифеодальными задачами. В отличие от европейских стран народной демократии рабочий класс Китая сохранил отношения союза с национальной буржуазией и на этапе социалистической революции. При этом большая часть национальной буржуазии вынуждена была принять социалистические преобразования. Это стало возможным прежде всего потому, что Китай, бывший ранее полуколониальной страной, освободился от империалистического гнета под руководством рабочего класса и мог обеспечить свою национальную независимость, лишь идя по пути социализма. Это объясняется также слабостью китайской национальной буржуазии, развитию которой мешало засилье иностранного империализма. На позицию национальной буржуазии оказали решающее влияние массовые народные движения против контрреволюционеров, против «трех злоупотреблений» и «пяти злоупотреблений», упорная классовая борьба социалистического государства за ограничение капиталистического сектора. Но, хотя национальная буржуазия и была вынуждена подчиниться воле народа, социалистическая революция все же в корне противоречит ее природе и чаяниям. Поэтому осу-

ществление задач социалистической революции неизбежно связано с более или менее острой классовой борьбой. Рабочий класс преодолевает сопротивление тех слоев буржуазии, которые упорно отстаивают капиталистический путь развития.

Опыт социалистической революции в Китае показывает будущее многих колониальных и полуколониальных стран, которые освобождаются от империалистического гнета. В условиях общего кризиса капитализма, когда фронт мирового капитализма уже прорван и сложилась мировая система социализма, рабочий класс этих стран имеет возможность сплотить вокруг себя подавляющее большинство нации для осуществления как общедемократических, так и социалистических преобразований.

Демократические преобразования могут не только предшествовать социалистическим, но и осуществляться попутно с ними после завоевания пролетариатом политической власти. В Великой Октябрьской социалистической революции пролетариат в союзе с остальными трудящимися массами, осуществляя социалистические преобразования, попутно решил и общедемократические задачи, которые не смогла осуществить Февральская буржуазно-демократическая революция в России. Эта историческая закономерность, очевидно, будет проявляться и в ходе социалистических революций в других странах.

В современную эпоху значительные демократические задачи встали и во многих развитых капиталистических странах, где демократические преобразования уже были осуществлены буржуазными революциями в XVIII—XIX вв. Эти задачи — борьба за сохранение демократии, за национальную независимость, против новых войн. В борьбе за решение этих задач рабочий класс может и должен сплотить вокруг себя широкие массы народа.

Умирающий капитализм все более обнаруживает свою враждебность демократии. Поэтому широкие социальные слои, заинтересованные в сохранении и расширении демократических завоеваний, отходят от господствующей монополистической буржуазии и примыкают к пролетариату. Рост государственно-монополистического капитализма также ведет к перегруппировке классовых сил в капиталистических странах. Усиливается эксплуатация рабочего класса и в то же время относительно сокращается в ряде капиталистических стран «рабочая аристократия» (это является результатом, с одной стороны, уменьшения удельного веса прослойки высококвалифицированных рабочих в результате механизации и автоматизации капиталистического производства и, с другой стороны, ослабления капитализма, распада колониальной системы). Гнет банков и монополий, тяготеющий над крестьянством, толкает его к союзу с рабочим классом. Так как крестьянство эксплуатируют во многих странах уже не только помещики, но главным образом банки и капиталистические монополии, то экономической основой его союза с рабочим классом становится их общая заинтересованность в освобождении от господства моно-

полий. Недовольство городской мелкой буржуазии, интеллигенции и даже некоторой части буржуазии (ее низших и средних слоев) господством монополий также ведет к расширению базы демократического, антимонополистического движения. А борьба за осуществление демократических задач, независимо от того, какие цели ставят перед собой ее участники, объективно все больше и больше оборачивается против капитализма. В современную эпоху всякие серьезные демократические преобразования уже не усиливают капитализм, как это было в прошлом, когда буржуазия боролась против феодализма, а, наоборот, наносят урон экономическим и политическим позициям монополистической буржуазии.

Для социалистического пролетариата борьба за демократию подчинена борьбе за социализм. Это, однако, не исключает того, что на определенных этапах истории пролетариат может выдвигать на первое место борьбу за демократию как главную задачу дня, не упуская при этом никогда из виду перспективу решения социалистических задач.

5. Соотношение вооруженной борьбы и мирных форм борьбы за власть. Многообразие форм диктатуры пролетариата

В связи с изменением исторических условий изменяются не только те социальные силы, на которые может опереться рабочий класс в борьбе за социалистические преобразования, но и методы осуществления этих преобразований, в частности соотношение вооруженной борьбы и мирных форм борьбы за власть.

Вооруженная борьба для марксистов — не самоцель. Коммунисты вовсе не являются сторонниками применения оружия всегда и во всех случаях. Маркс образно назвал насилие повивальной бабкой всякого нового общественного строя. Но эту роль насилие выполняло не потому, что революционные классы стремятся обязательно прибегнуть к нему, а потому, что отживающие классы пользуются насилием, чтобы отстоять свои богатства и привилегии.

В набросках к «Манифесту Коммунистической партии» Ф. Энгельс ставил вопрос: возможно ли уничтожение частной собственности мирным путем? «Можно было бы пожелать, чтобы это было так, и коммунисты, конечно, были бы последними, кто стал бы против этого возражать... Но, вместе с тем, они видят, что развитие пролетариата почти во всех цивилизованных странах насильственно подавляется и что тем самым противники коммунистов изо всех сил работают на революцию. Если все это, в конце концов, толкнет угнетенный пролетариат на революцию, то мы, коммунисты, будем тогда защищать дело пролетариата действием не хуже, чем сейчас словом» [1].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 4, 1955, стр. 331.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали, что рабочий класс предпочел бы мирно взять власть в свои руки, чтобы преобразовать капиталистическое общество в коммунистическое. Он заинтересован в мирном осуществлении революции потому, что такой путь уменьшает число жертв и позволяет избежать разрушения производительных сил, которое неизбежно в гражданской войне. Гражданская война и в Советской России в 1918—1920 гг., и в Китае в 1946—1949 гг. была развязана не рабочим классом и не крестьянством, а капиталистами и помещиками. Применение рабочим классом средств вооруженной борьбы зависит не от его желания, а от степени сопротивления эксплуататорских классов, которые первыми берутся за оружие. Поскольку отживающие классы не уступают добровольно своей власти, ниспровержение их господства осуществляется насильственным путем. Установив это общее положение, классики марксизма-ленинизма не исключали, однако, возможности в некоторых странах перехода власти к рабочему классу мирным путем. На митинге в Амстердаме в 1872 г. Маркс подчеркнул, что коммунисты никогда не утверждали, будто завоевание власти пролетариатом должно осуществляться одинаковыми средствами во всех странах. Пролетариат не может не считаться с учреждениями, нравами и традициями разных стран. Маркс допускал, что в то время в США, в Англии, а предположительно и в Голландии рабочие могли добиться своей цели мирными средствами [1].

Условия и методы завоевания власти пролетариатом могут быть неодинаковыми и в одной и той же стране в различные периоды ее развития. Например, в России в период после Февральской революции и до июльских дней 1917 г. имелась реальная возможность мирного перехода власти в руки Советов. Такой возможности не было в России раньше, до свержения самодержавия. Эта возможность исчезла после июльских дней 1917 г., когда кончилось двоевластие и буржуазное Временное правительство установило свое единовластие. Поэтому пролетарская революция в России одержала победу путем вооруженного восстания [2].

Что же следует понимать под мирным переходом власти в руки рабочего класса и при каких условиях мирный путь революции возможен? На первый взгляд может показаться, что мирный переход власти в руки рабочего класса — это такой переход, который осуществляется без революции. Но такое представление неправильно. Завоевание власти рабочим классом всегда является революцией, независимо от того, осуществляется ли оно мирно или путем вооруженного восстания. Необходимость социалистиче-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XIII, ч. II, стр. 669.

[2] Фактически Октябрьская революция, хотя и осуществленная путем вооруженного восстания, была почти бескровной революцией. Не завоевание пролетариатом власти, а развязанная после его победы свергнутыми классами при поддержке иностранных империалистов гражданская война потребовала многих жертв.

ской революции является общим законом перехода от капитализма к социализму.

Неправильно было бы также представлять, будто мирный переход власти в руки рабочего класса исключает борьбу классов. Нет, без классовой борьбы, а следовательно, без преодоления сопротивления классовых врагов пролетариата не могут быть осуществлены социалистические преобразования. Мирный переход власти в руки рабочего класса исключает лишь такую форму классовой борьбы и организованного насилия, как вооруженное восстание, гражданская война. Это переход, который совершается без вооруженного свержения существующей власти.

Классики марксизма-ленинизма считали возможным мирный путь революции при следующих условиях. Во-первых, при отсутствии в данной стране сильной военно-бюрократической буржуазной государственной машины. В 70-х годах XIX в., когда Маркс высказывал предположение о возможности мирного завоевания власти пролетариатом в США и Англии, в этих странах существовала развитая буржуазная демократия и не было многочисленной армии, чиновничества и т. п. Во-вторых, мирный переход власти к рабочему классу возможен тогда, когда большинство рабочего класса сплотилось вокруг и под руководством марксистской партии под лозунгами социализма, когда рабочий класс организован, завоевал более или менее широкие демократические права и не подвергается вооруженному насилию со стороны господствующих классов. Отсутствие насилия над народом и наличие оружия в руках народа — вот чем обусловливалась возможность мирного развития революции в России в период с февраля до июля 1917 г.

Возможности мирного развития социалистической революции могут сужаться или, наоборот, расширяться вследствие изменения исторических условий, соотношения классовых сил. Эти возможности создаются подавляющим превосходством сил на стороне рабочего класса и его союзников, что в ряде случаев может вынудить буржуазию на известных условиях (например, при условии частичного выкупа у нее средств производства) подчиниться воле народа. Могут быть и такие исторические обстоятельства, когда вооруженная борьба на первом этапе революции подготовляет условия для относительно мирного развития революции на дальнейших этапах (так обстояло дело, например, в Китае в процессе перерастания демократической революции в социалистическую).

В современную эпоху расширились возможности использования в ряде стран мирных средств в борьбе за власть пролетариата. Это объясняется следующими причинами: а) укреплением позиций социализма на мировой арене, что облегчает освобождение народов от капиталистического и колониального гнета и осуществление социалистических преобразований; б) ослаблением позиций капитализма и усилением позиций рабочего класса; в ряде стран капиталистическая система оказывается все менее способ-

ной держаться без помощи извне, со стороны более сильных капиталистических государств[1]; в) сближением демократических и социалистических преобразований, создающим возможность для рабочего класса сплотить вокруг себя значительно более широкие слои населения, чем раньше.

При мирном развитии революции в некоторых странах окажется возможным использовать для решения ее задач *парламент*. При этом во всех случаях требуется сочетание парламентской борьбы с внепарламентским народным движением.

Раньше марксисты использовали парламент как трибуну для провозглашения требований рабочего класса, для критики буржуазного строя и для обращения к широким массам трудящихся. Отстаивая против анархистов использование парламентской борьбы, марксисты вместе с тем выступали против «парламентских иллюзий» реформистов о том, будто парламентским путем можно решить задачи социалистического преобразования общества. И марксисты были правы, ибо в то время, до общего кризиса капитализма, буржуазия располагала силами, чтобы сорвать любые неугодные ей мероприятия, которые попытались бы провести через парламент трудящиеся массы.

Ныне капитализм переживает общий кризис, силы буржуазии значительно подорваны, а силы рабочего класса выросли. Поэтому парламент, который возник как инструмент господства буржуазии и укрепления капиталистического строя, при известных условиях может стать орудием социалистического преобразования общества. Необходимым условием этого является мощное внепарламентское движение масс, возглавляемое партией рабочего класса, широкое развитие классовой борьбы рабочих, крестьянских масс и средних городских слоев против крупного монополистического капитала, против реакции, за мир и социализм. Для решения этой задачи требуется устранить раскол и добиться единства рабочего движения, объединить демократические и патриотические силы в народный фронт. Как отмечено в резолюции XX съезда КПСС, «рабочий класс, объединяя вокруг себя трудящееся крестьянство, широкие круги интеллигенции, все патриотические силы и давая решительный отпор оппортунистическим элементам, не способным отказаться от политики соглашательства с капиталистами и помещиками, имеет возможность нанести поражение реакционным, антинародным силам, завоевать прочное большинство в парламенте и превратить его из органа буржуазной демократии в орудие действительной народной воли».

Означает ли это, что во всех капиталистических странах появилась возможность мирного перехода власти в руки рабочего

---

[1] С другой стороны, следует иметь в виду союз международной буржуазии, направленный против освободительной борьбы рабочего класса. Одна из целей агрессивного Североатлантического блока (НАТО) — борьба против революционного рабочего класса и национально-освободительного движения.

класса путем завоевания большинства в парламенте? Нет, в тех странах, где капитализм располагает мощным военно-полицейским аппаратом, рабочий класс неизбежно столкнется с ожесточенным вооруженным сопротивлением реакционных сил и ему придется осуществлять переход к социализму не мирным путем. Эксплуататорские классы добровольно власти не уступают.

Современные ревизионисты объявляют мирный способ единственным и всеобщим способом перехода от капитализма к социализму; к тому же они рассматривают его как такой способ, при котором можно обойтись без классовой борьбы и диктатуры пролетариата [1]. В действительности же, как правильно подчеркнуто в «Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран», наряду с возможностью мирного завоевания власти необходимо иметь в виду другую возможность — немирного перехода к социализму. В каждой отдельной стране реальная возможность того или иного способа перехода к социализму определяется конкретными историческими условиями.

Нельзя также полагать, что в тех странах, где открывается реальная возможность мирного перехода к социализму, эта возможность обязательно претворится в жизнь. Вполне возможен в некоторых странах и такой ход событий, при котором рабочий класс, завоевав мирным, парламентским путем власть, столкнется после этого с ожесточенным сопротивлением эксплуататорских классов, которые навяжут ему гражданскую войну.

XX съезд КПСС подчеркнул, что, по мере того как новые и новые страны будут вступать на путь социализма, формы перехода к социализму будут становиться все более разнообразными. Но при всех формах перехода к социализму необходимым, решающим условием его осуществления является политическое руководство рабочего класса, возглавляемого его передовой частью, диктатура пролетариата, руководимого марксистской партией. Без государственного руководства обществом со стороны рабочего класса, возглавляемого марксистской партией, переход к социализму невозможен.

Общим законом социалистической революции является ликвидация старого аппарата власти и замена его новым аппаратом. В этом состоит одно из отличий социалистической революции от буржуазной. Последняя не ломала того громадного аппарата исполнительной власти, который сложился в эпоху абсолютизма, а сохранила и усовершенствовала его. Пролетарская же революция не может сохранить старый аппарат, приспособленный к целям угнетения народа (полиция, жандармерия, старая армия, чиновничество и т. д.), а должна сломать его и заменить новым.

[1] По сути дела, современные ревизионисты сползли на бернштейнианские, социал-демократические позиции «мирного врастания капитализма в социализм».

Эта замена — в зависимости от способа осуществления революции — может быть проведена в различных формах, сразу, как это было в Советской России, или постепенно.

Из многообразия форм перехода власти в руки рабочего класса, а также из различия конкретных исторических условий в разных странах вытекает и многообразие форм диктатуры пролетариата. Ленин писал: «Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно *диктатурой буржуазии*. Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*» [1].

Истории известны такие формы диктатуры пролетариата, как Парижская Коммуна 1871 г., как рожденные опытом рабочего класса России и утвердившиеся в 1917 г. Советы, как народно-демократические республики. Использование парламентского пути к социализму может привести к созданию новых форм диктатуры пролетариата, при которых преобразованный в ходе революционной борьбы парламент станет выразителем воли большинства народа.

Все формы диктатуры пролетариата едины по своему классовому содержанию. Их характеризует также ряд общих черт в организации власти: превращение представительных органов в действительно работающие органы власти (в отличие от буржуазного парламентаризма, сплошь да рядом отводящего парламенту роль простой «говорильни»); соединение в руках представителей народа и законодательной и исполнительной власти; создание единой системы народного представительства — от верховных до местных органов власти, и т. д. Вместе с тем каждая из форм диктатуры пролетариата обладает и своими, особыми чертами.

Особенности народно-демократической формы диктатуры пролетариата, отличающие ее от Советской власти, вытекают из условий ее происхождения. Странам народной демократии не пришлось начинать свое движение к социализму в одиночестве. Они получили государственную поддержку первой страны социализма. Это существенно изменило в них соотношение классовых сил в пользу рабочего класса.

О Советской России Ленин говорил: «Нам пришлось осуществлять диктатуру пролетариата в самой ее суровой форме» [2]. В обстановке острейшей классовой борьбы, развернувшейся в России после победы Великой Октябрьской социалистической революции, оказалось необходимым лишение избирательных прав эксплуататоров (помещиков, капиталистов, кулаков и т. д.) и наиболее злостных представителей старого режима (бывших жандармов и т. д.). Но такая мера вовсе не является обязательной при всех условиях. Подавление сопротивления свергнутых эксплуататоров, как показал опыт стран народной демократии, может осуществляться и без лишения их избирательных прав.

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 25, стр. 385.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 28, стр. 186.

Строй народной демократии вырос из антифашистской народно-освободительной борьбы, в ходе которой в народном (национальном или отечественном) фронте под руководством пролетариата и его партии на общей платформе борьбы против фашистских захватчиков, за национальное освобождение объединились различные партии, в том числе и мелкобуржуазные и некоторые буржуазные. Наряду с другими причинами это привело к тому, что в странах народной демократии оказалась возможной многопартийная система, которая в Советской России фактически не имела места.

В ходе развития классовой борьбы в европейских странах народной демократии те буржуазные и соглашательские партии, которые встали на путь борьбы против трудящихся, обанкротились и сошли со сцены. Зато еще более укрепилась руководящая роль марксистской партии рабочего класса, объединившей вокруг себя большинство народа. Объединение коммунистических партий с левым крылом социал-демократических партий на идейной базе марксизма-ленинизма положило конец расколу рабочего класса и усилило его руководящую роль в политической жизни своих стран, что является одним из важнейших условий диктатуры рабочего класса. И в условиях диктатуры пролетариата в ряде стран народной демократии наряду с марксистской партией, являющейся признанным руководителем народа, сохраняются другие демократические партии, которые принимают участие в управлении государством. Поэтому народно-демократические правительства создаются на коалиционной основе. Это также отличает режим народной демократии от Советской власти, которая не была основана на коалиции различных партий (если не считать кратковременного блока коммунистов с «левыми» эсерами, которые уже через полгода после установления Советской власти подняли мятеж против нее и перешли в лагерь контрреволюции).

Массовой базой режима народной демократии является такая общественно-политическая организация, как народный фронт. Коммунистические и рабочие партии стран народной демократии Европы и Азии ведут политику расширения и укрепления народного фронта. Коммунистическая партия Китая провозгласила курс на длительное сосуществование и сотрудничество Коммунистической партии и демократических партий и групп и на их взаимный контроль в интересах народа, строительства социализма.

Различия между государственными формами диктатуры пролетариата касаются не самого главного; они не затрагивают ее классовой сущности и цели. Диктатура пролетариата во всех ее формах служит общей цели — осуществлению перехода к социализму и коммунизму.

6. Переходный период от капитализма к социализму

Социалистическая революция решает задачи политического, социально-экономического и культурного преобразования общества в течение переходного периода от капитализма к социализму. Переходный период начинается установлением политической власти пролетариата и завершается победой социалистической экономики и ликвидацией всех эксплуататорских классов, т. е. построением социалистического общества — первой фазы коммунизма.

Экономическая структура общества в переходный период характеризуется существованием многоукладной экономики.

Диктатура пролетариата осуществляет национализацию крупной промышленности, банков, транспорта и таким образом создает социалистический уклад хозяйства, который вначале еще не является преобладающим во всем народном хозяйстве. Наряду с ним продолжают существовать остатки капиталистического уклада хозяйства, мелкое товарное хозяйство ремесленников, кустарей, крестьян, а кое-где и патриархальное натуральное крестьянское хозяйство. В течение переходного периода совершается переход от многоукладной экономики к монолитной социалистической экономике. Ведущей силой этого перехода является диктатура пролетариата, осуществляющая неуклонное расширение социалистического уклада и вовлечение масс в строительство социализма.

За различными укладами хозяйства стоят классы. *Классовая структура* общества в период перехода от капитализма к социализму характеризуется существованием трех классов: рабочего класса, трудящегося крестьянства, буржуазии. Основными классами переходного периода являются рабочий класс и трудящееся крестьянство; взаимоотношения этих классов определяют развитие общества, его движение к социализму. Что же касается буржуазии, то после национализации важнейших средств производства она оттесняется на положение не основного, второстепенного класса, который в ходе строительства социализма ликвидируется полностью.

Рабочий класс в результате победы социалистической революции становится господствующим классом, осуществляющим государственное руководство обществом. На социалистических предприятиях он освобожден от эксплуатации. Но до тех пор, пока существует частнокапиталистический уклад хозяйства, некоторая часть рабочих и в городе и в деревне подвергается эксплуатации, хотя и ограниченной законами социалистического государства.

Трудящееся крестьянство в переходный период от капитализма к социализму представляет собой класс мелких частных собственников, освобожденных от помещичьей эксплуатации, но еще не вполне свободных от эксплуатации со стороны кулаков и торговцев. Закономерностью для всех стран, идущих к социализму, является первоначально рост удельного веса среднего крестьянства. В результате аграрных преобразований и ликвидации класса помещиков (в СССР также частичной экспроприации кулачества в период комитетов бедноты в 1918 г.), в результате помощи социалистического государства беднейшему крестьянству численность крестьянской бедноты сокращается, многие бедняки поднимаются до уровня середняков, деревня «осередняччивается». В то же время в переходный период еще продолжается процесс классовой дифференциации, расслоения крестьянства. Но вследствие изменения объективных экономических условий и благодаря политике пролетарского государства дифференциация замедляется и уже не ведет к «вымыванию» среднего крестьянства.

Для рабочего класса трудящееся крестьянство является не классовым противником, как утверждали троцкисты, а союзником. Оба эти класса трудятся, угнетаются капитализмом и заинтересованы в уничтожении классового гнета, в победе социализма. Руководящей силой в союзе рабочих и крестьян является рабочий класс. Союз рабочего класса и крестьянства имеет своей целью не увековечение классовых различий, а их уничтожение, социалистическую переделку крестьянства через производственную кооперацию. Поэтому вовлечение крестьянства на путь кооперирования становится на определенном этапе социалистического строительства необходимым условием упрочения союза рабочего класса и крестьянства.

В отличие от трудящегося крестьянства и ремесленников, которые, являясь союзниками рабочего класса, добровольно вступают при его товарищеской помощи на путь социалистического кооперирования, *класс буржуазии* (промышленники и торговцы в городе, кулаки в деревне) является эксплуататорским классом и подлежит ликвидации. Ликвидация эксплуататорских классов осуществляется в различных странах в разные сроки и в разных формах.

В Советском Союзе классы помещиков и крупной буржуазии были ликвидированы уже в первый период Советской власти в результате национализации земли, банков, крупной и средней промышленности и транспорта. Сильнейший удар был нанесен во второй половине 1918 г. и кулачеству, у которого была изъята и передана бедноте значительная часть земли и орудий производства. Однако этим еще не была решена задача ликвидации всех эксплуататорских классов. Сохранившиеся и выросшие в известной мере за первые годы нэпа капиталистические элементы («нэпманы» в промышленности и торговле и кулаки в деревне) ограничивались и вытеснялись в ходе социалистического строительства; их существованию был положен конец в начале 30-х годов. При этом «нэпманская» буржуазия, не имевшая своей производственной базы и сравнительно немногочисленная, была в основном вытеснена экономическими средствами — развитием социалистической промышленности и торговли, а также налоговой политикой социалистического государства. Кулачество в СССР представляло самый многочисленный эксплуататорский класс, располагавший серьезной производственной базой в деревне. Его ликвидация была осуществлена на основе массовой коллективизации крестьянских хозяйств и потребовала применения серьезнейших мер внеэкономического принуждения.

Было бы ошибкой абсолютизировать и считать всеобщими те или иные методы ликвидации эксплуататорских классов. Применение тех или иных методов зависит от конкретно-исторических условий. Ожесточенное сопротивление капиталистов, саботаж бывших владельцев предприятий и верхушки инженерно-технического персонала вынудили Советскую власть ускорить нацио-

нализацию промышленности и провести ее в наиболее полной и решительной форме — путем конфискации предприятий без всякого выкупа и возмещения прежним собственникам. Однако это не означает, что такие меры должны обязательно применяться во всех странах. Еще Маркс и Энгельс предвидели, что экспроприация крупных собственников, землевладельцев и фабрикантов может быть осуществлена в различных формах. «Произойдет ли эта экспроприация с выкупом или без него,— писал Энгельс,— будет зависеть большей частью не от нас, а от тех обстоятельств, при которых мы придем к власти, а также, в особенности, и от поведения самих господ крупных землевладельцев. Мы вовсе не считаем, что выкуп недопустим ни при каких обстоятельствах; Маркс высказывал мне (и как часто!) свое мнение, что для нас было бы всего дешевле, если бы мы могли откупиться от всей этой банды» [1].

В отличие от Советской России, где собственность помещиков и капиталистов была полностью конфискована, в европейских странах народной демократии были конфискованы земли и предприятия, принадлежавшие фашистским оккупантам и их пособникам. В отношении других категорий собственников частично допускалось возмещение, хотя фактически оно было осуществлено в весьма ограниченной мере. В Китайской Народной Республике были конфискованы все предприятия бюрократического компрадорского капитала, господствовавшего ранее в экономике страны. Так возник государственный социалистический сектор хозяйства, который стал неуклонно расти дальше. Что касается предприятий национальной буржуазии, с которой китайский рабочий класс и в условиях строительства социализма сохранил союз, то их преобразование в социалистическую собственность осуществилось не путем насильственной экспроприации, а мирным путем — через превращение их в смешанные государственно-частные предприятия, через государственный капитализм.

Государственный капитализм в условиях диктатуры рабочего класса Ленин рассматривал как ступеньку к социализму, как форму ограничения частного капитализма, которая может быть использована пролетарской властью для подчинения мелкобуржуазной стихии, для внедрения планового начала в хозяйство. В СССР госкапитализм не получил широкого развития вследствие сопротивления капиталистов, надеявшихся на свержение Советской власти. В Китае государственный капитализм стал формой постепенного преобразования частнокапиталистической промышленности и торговли в социалистическую. Через эту форму осуществляется пролетарская политика использования, ограничения и социалистического преобразования капиталистической промышленности и торговли.

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 419.

Опыт социалистического строительства в Китае показывает, что по мере укрепления позиций социализма в мировом масштабе открываются более широкие возможности для применения пролетарским государством максимально гибких форм социалистического преобразования экономики, для экономического воздействия на капиталистический уклад хозяйства в целях преобразования его в социалистический уклад.

Социалистическая революция не может не вести к развертыванию классовой борьбы между трудящимися массами и эксплуататорами. Но методы насильственного подавления сопротивления эксплуататоров могут сочетаться с методами использования буржуазии, ее знаний для строительства социалистического хозяйства. Ленин рассматривал такое «использование» буржуазии как одну из форм классовой борьбы пролетариата в переходный период. Он считал необходимым поставить на службу социалистическому строительству знания и опыт представителей буржуазии и буржуазных специалистов.

Непримиримая классовая борьба между рождающимся социализмом и гибнущим капитализмом является закономерностью и движущей силой перехода от капитализма к социализму. Эта борьба неизбежно обостряется на определенных этапах переходного периода, когда решается вопрос «кто — кого». В Советском Союзе особое обострение классовой борьбы имело место в первые годы революции, когда решался вопрос о политической победе социализма, а затем в годы наступления на капиталистические элементы города и деревни, когда решался вопрос о победе социализма в экономике. Марксизм-ленинизм решительно отвергает оппортунистические теории «затухания» классовой борьбы и мирного «врастания» капиталистических элементов в социализм, которые проповедовались в СССР бухаринцами, а в странах народной демократии проповедуются различными ревизионистскими и националистическими элементами. Подобные теории рассчитаны на то, чтобы притупить бдительность трудящихся и обезоружить их в борьбе с классовыми врагами. Диктатура пролетариата означает, как учил Ленин, не окончание классовой борьбы, а продолжение ее в новых формах.

Классовая борьба в переходный период от капитализма к социализму неизбежна, но степень остроты и формы этой борьбы могут быть весьма различными как в отдельные периоды развития данной страны, так и в различных странах, совершающих переход к социализму. Как отмечал Ленин, свергнутая буржуазия еще долгое время остается сильна своими международными связями, накопленными богатствами, большим опытом, знаниями. Источником ее силы является и мелкое товарное производство, которое постоянно рождает капитализм. Многие из этих факторов продолжают действовать и в тех странах, которые вступают на путь социализма позднее. Но в этих странах, поскольку они развиваются в составе мировой социалистической системы, соотношение

классовых сил становится более благоприятным для рабочего класса. Поэтому формы классовой борьбы в этих странах могут быть и являются менее острыми.

Это наглядно показало развитие европейских стран народной демократии. Существование Советского Союза оградило их от иностранной военной интервенции и помешало буржуазии развязать гражданскую войну. Насильственная сторона диктатуры пролетариата в этих странах оказалась менее резко выраженной, чем в первый период существования диктатуры пролетариата в Советской России. Из этого своеобразия развития стран народной демократии нельзя, однако, сделать вывод о том, что можно отказаться от насильственной стороны диктатуры пролетариата. Не нужно забывать, что существует капиталистический мир, что империалисты не прекращают своих враждебных действий против социалистических стран.

Исторический опыт социалистической революции учитывают не только трудящиеся, но и их классовые противники. Поэтому в странах народной демократии, после того как основные силы реакции были разгромлены, все более значительное число людей, принадлежавших в прошлом к эксплуататорским классам, а также представителей буржуазной интеллигенции начинают сознавать, что им выгоднее перейти на позиции лояльного отношения к народной власти, чем продолжать сопротивление и подвергнуться полному разгрому. Жизнь учит и тому, что в случае ослабления диктатуры рабочего класса, возникновения внутренних трудностей или вмешательства внешней империалистической реакции остатки свергнутых классов делают попытки восстановить буржуазный строй. Это наглядно показали события в конце октября 1956 г. в Венгрии, где внешние и внутренние контрреволюционные силы использовали недовольство масс ошибками прежнего руководства партии трудящихся и организовали вооруженную борьбу против социализма.

Из этих событий коммунистические и рабочие партии всех стран социализма сделали вывод о необходимости повышения бдительности по отношению к проискам классовых врагов и укрепления социалистического государства.

Социалистическое государство представляет собою важнейшее орудие строительства социализма и защиты завоеваний рабочих и крестьян. В переходный период от капитализма к социализму его главными функциями являются подавление сопротивления свергнутых классов и защита страны от нападения извне. Государство охраняет устои нарождающегося социалистического общества и прежде всего его экономическую основу — общественную собственность на средства производства. Оно выступает как организатор экономического и культурного строительства. Хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная работа занимает серьезное место в деятельности социалистического государства уже в переходный период и развертываются во всю ширь с победой социализма.

7. Классы и государство при социализме

В условиях социализма коренным образом изменяется *классовая структура общества*, вследствие чего изменяется и постановка вопроса о классовой борьбе.

С победой социализма в СССР перестали существовать эксплуататорские классы. Полностью ликвидирована эксплуатация человека человеком, уничтожена основная черта классового общества, состоящая в разделении людей на такие группы, из которых одна может присваивать себе труд другой вследствие различия их места в системе общественного хозяйства. Изменение классовой структуры СССР выразилось и в том, что преобразился облик самих трудящихся. Ныне население СССР почти целиком (за исключением небольшой прослойки крестьян-единоличников и некооперированных кустарей, составляющих около 0,5% населения) связано с социалистическими формами хозяйства. В 1956 г. рабочие и служащие составили 59,5% населения СССР, а колхозники и кооперированные кустари — 40%.

Рабочий класс трудится на социалистических предприятиях, представляющих всенародное достояние. Вместе со всем народом он владеет средствами производства и, следовательно, уже не является пролетариатом — классом, лишенным средств производства. Рабочий класс и при социализме остается наиболее передовым классом. Он осуществляет государственное руководство обществом.

Крестьяне при социализме перестали быть мелкими товаропроизводителями, превратились в колхозников и основывают свое существование на социалистической собственности и коллективном труде. Если для рабочего класса характерна социалистическая тенденция, то у крестьянства прежде давала себя знать товарно-капиталистическая тенденция. Теперь же и рабочий класс и крестьянство основывают свое существование на единой социалистической системе хозяйства, которая утвердилась и в городе и в деревне. Различия между этими классами определяются существованием двух форм социалистической собственности: государственной (всенародной) и кооперативно-колхозной(групповой). Отсюда вытекает не вполне одинаковое отношение рабочих и крестьян к средствам производства, их не вполне одинаковая роль в организации общественного труда и различие в формах получения ими дохода.

Однако рабочие и крестьяне не только отличаются друг от друга, но и связаны друг с другом совместным трудом в социалистическом хозяйстве, общностью основных интересов и общностью цели строительства коммунизма.

Союз рабочего класса и крестьянства укрепляется на базе всестороннего развития как общенародной, так и кооперативно-колхозной собственности. По мере роста производительных сил сельского хозяйства, умножения общественного богатства колхозов

колхозная собственность будет подниматься до уровня общенародной, а на этой основе будут исчезать, стираться различия между рабочими и крестьянами. Союз между этими классами в условиях социализма выражает не только единство их коренных интересов, но и их прогрессирующее сближение в экономическом, политическом и культурном отношениях.

С рабочими и крестьянами сблизилась в ходе социалистического строительства и интеллигенция. Если в старом обществе она вербовалась главным образом из имущих классов, то при социализме по своему составу она стала рабоче-крестьянской интеллигенцией, основную массу ее составляют люди из рабочего класса, крестьянства и других слоев трудящихся. Изменился и облагородился характер деятельности интеллигенции: если при капитализме основная часть ее вынуждена обслуживать угнетателей народа, потому что хозяйство и государственный аппарат принадлежат буржуазии, то при социализме интеллигенция служит народу.

В результате ликвидации эксплуататорских классов и других изменений в классовой структуре советского общества сложилось его морально-политическое единство. В социалистическом обществе уже нет антагонистических классов, оно свободно от классовых столкновений. Отношения между рабочим классом и колхозным крестьянством, а также отношения между этими социалистическими классами и советской интеллигенцией — это отношения дружбы и прочного нерушимого союза, руководимого рабочим классом.

В связи с этим нельзя считать правильной известную формулу Сталина, согласно которой по мере роста сил социализма классовая борьба все более и более обостряется. Эта формула, выдвинутая Сталиным на первый план в 1937 г., когда социализм уже победил в СССР, а эксплуататорские классы и их экономическая база были ликвидированы, нанесла вред делу социалистического строительства, способствовала нарушениям социалистической законности и допускавшимся в то время необоснованным репрессиям.

Ликвидация эксплуататорских классов и установление морально-политического единства общества означают, что вся острота классовой борьбы для СССР передвинулась на международную арену, где развертывается соревнование двух систем — социалистической и капиталистической. Внутри социалистической страны сохраняются еще элементы, остатки классовой борьбы. Необходима еще борьба против враждебных элементов и против засылаемых из-за границы агентов капиталистического мира, что требует неусыпной революционной бдительности от всех трудящихся. Остается также необходимость борьбы против идейного влияния капиталистического мира, против бюрократизма, против остатков старых взглядов, сохранившихся в сознании части людей, против таких вреднейших пережитков капитализма, как

воровство, спекуляция, недобросовестное отношение к труду, рвачество и т. д., против антиобщественных и антипатриотических поступков отдельных людей. Эту борьбу ведут передовые люди всех социальных групп советского общества, и она еще более укрепляет его морально-политическое единство. Необходима и борьба против ревизионизма, а также против косных, консервативных элементов, оказывающих сопротивление политике Коммунистической партии в строительстве коммунизма.

С победой социализма и изменением классовой структуры общества изменяются *функции* и формы социалистического государства. Важнейшее изменение в функциях социалистического государства после победы социализма состоит в том, что отмерла, отпала функция подавления эксплуататорских классов внутри страны, так как эти классы ликвидированы. В этих условиях армия, карательные органы, разведка повертываются своим острием против внешних врагов. Главное место в деятельности социалистического государства внутри страны занимает хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная работа. Государство, как политическая организация социалистического общества, как выразитель общенародной воли, руководит планомерным хозяйственным развитием страны, осуществляет в интересах трудящихся контроль за мерой труда и потребления, обеспечивает подъем культуры и всестороннее воспитание народа, выработку в массах нового, коммунистического отношения к труду.

Отмирание функции военного подавления внутри страны не означает исчезновения надобности в государственной власти. Социалистическое государство остается и после того, как ликвидированы эксплуататорские классы. Необходимость государства вытекает как из внешних, так и из внутренних условий развития социалистического общества. Существование капиталистического мира создает угрозу военного нападения извне. Поэтому при социализме (до тех пор, пока он не одержит победу во всех или по крайней мере в большинстве стран) государство выполняет функцию военной защиты от нападения извне; а для этого нужны такие органы, как армия, разведка и т. д. Если по отношению к капиталистическим странам социалистическое государство выступает как орудие защиты завоеваний социализма, то внутри социалистического лагеря оно служит орудием политической, экономической и культурной взаимопомощи между странами.

Как показал Ленин в книге «Государство и революция», при социализме государство необходимо для осуществления функций охраны социалистической собственности от воров и расхитителей, а также для контроля над мерой труда и мерой потребления, для осуществления социалистического принципа распределения по труду. На первой фазе коммунизма труд еще не превратился для всех членов общества в первую жизненную потребность

и сознание людей не достигло такого уровня, когда все добровольно соблюдают правила социалистического общежития. Государство осуществляет воспитание народа и принуждение по отношению к отдельным лицам, уклоняющимся от честного труда и от соблюдения правил социалистического общежития. Без государственного руководства обществом со стороны рабочего класса невозможны нормальное функционирование социалистического общества и переход к коммунизму.

После окончательной победы коммунизма, когда политическая надстройка, выражающая отношения между классами, отомрет, на место управления людьми станет, по выражению Энгельса, управление вещами и руководство производственными процессами. Тогда руководство хозяйственной и культурной жизнью общества не будет носить политического характера и будет осуществляться без государства. При социализме же это руководство носит политический характер, оно является функцией государства и служит осуществлению политики рабочего класса, направленной на укрепление социалистического строя, союза рабочего класса и крестьянства, братского сотрудничества между этими классами и интеллигенцией, дружбы народов, на строительство коммунизма. Хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная работа органов социалистического государства осуществляется в борьбе с пережитками капитализма, что также придает ей политический характер.

Итак, государство жизненно необходимо на первой фазе коммунизма. Интересы строительства коммунизма требуют его неуклонного укрепления.

Марксизм-ленинизм всегда вел борьбу против мелкобуржуазных, анархо-синдикалистских теорий, рассматривающих политическую организацию и всякую государственную власть как зло, отрицающих значение и необходимость централизованного руководства хозяйственной и политической жизнью общества. Ленин подчеркивал, что осуществление коммунизма предполагает преодоление раздробленности, профессиональной и местной, которая является одним из источников силы капитала и бессилия труда. Вместе с тем социализм и коммунизм требуют единого планового руководства и развертывания широчайшей инициативы народа. Демократический централизм в экономике вытекает из самой природы крупного социалистического хозяйства, из общественной собственности на средства производства.

Современные ревизионисты выступают против централизованного управления экономикой, отождествляя его с бюрократическими методами управления. Между тем имеется принципиальное различие между бюрократическим централизмом, препятствующим развитию инициативы масс, и централизмом демократическим. Последний требует привлечения миллионных масс трудящихся к управлению государством и хозяйственным строитель-

ством, всестороннего учета местного опыта и творческой инициативы масс.

Социализм есть результат творчества самих народных масс, результат их сознательной преобразующей деятельности. Вдохновителем, организатором этой творческой деятельности масс выступают коммунистическая партия и социалистическое государство. Социалистическая демократия открыла безграничный простор для творческой активности масс во всех областях жизни общества.

Демократия в социалистическом обществе представляет собой новый тип демократии, неизмеримо более высокий, чем буржуазная демократия. Это определяется прежде всего социалистическим экономическим строем, политической надстройкой над которым является социалистическая демократия. Социалистическая демократия, в противоположность формальной буржуазной демократии, не только провозглашает, но и фактически обеспечивает всем членам общества права и свободы: право на труд, на образование и отдых, избирательные права и участие в управлении государством и народным хозяйством, свободу слова, печати, свободу совести, а также реальную возможность развития личных способностей. С победой социализма в СССР устранены все временные ограничения демократии, которые были неизбежны в переходный период. В 1936 г. принята новая Конституция СССР и введено всеобщее, прямое и равное избирательное право при тайном голосовании [1].

По мере приближения к коммунизму получает все большее развитие социалистическая демократия. Это закономерный процесс, ибо строительство коммунизма неразрывно связано с дальнейшим повышением активности масс во всех областях хозяйственной, государственной и культурной жизни общества.

Подъему творческой инициативы и активности всех советских людей способствуют принятые за последние годы меры по даль-

[1] Социалистическая демократия в противоположность буржуазной обеспечивает действительную всеобщность выборов. В буржуазных странах значительная часть населения, даже имея избирательное право, фактически не участвует в голосовании. Так, например, в США на последних выборах в конгресс приняло участие в голосовании лишь 57,3% избирателей, в Англии в выборах в парламент не участвовала почти четверть избирателей. Факт неучастия почти половины избирателей в выборах в конгресс идеологи американской буржуазии рассматривают как достоинство, как признак «подлинной демократии и свободы», а почти стопроцентное участие избирателей социалистических стран в выборах своих государственных органов — как минус, как недостаток демократизма. В этом обнаруживается лицемерие и фальшь защитников буржуазной демократии. Пассивность избирателей в буржуазных странах в немалой мере объясняется тем, что их права сведены к праву выбирать, какой именно из представителей господствующих классов будет представлять и подавлять их в парламенте. Напротив, в социалистическом государстве единодушное участие в выборах свыше 99,9% избирателей свидетельствует об их кровной заинтересованности в работе Советов как органов народной власти.

нейшему расширению прав союзных республик в хозяйственном и культурном строительстве, устранение чрезмерной централизации в планировании промышленного и сельскохозяйственного производства, перестройка системы управления промышленностью и строительством. Широкий простор для активного, творческого участия колхозного крестьянства в строительстве коммунизма открывает реорганизация МТС и предоставление колхозам возможности сосредоточить в своих руках всю основную сельскохозяйственную технику. Мероприятия Коммунистической партии по развертыванию инициативы на местах, по дальнейшему совершенствованию форм управления промышленностью и сельским хозяйством означают крупный шаг в развитии социалистической демократии.

Социалистическая демократия создает наиболее благоприятные условия для привлечения широчайших масс трудящихся к постоянному и повседневному участию в решении общественных и государственных дел. Строительство коммунизма требует дальнейшего развертывания социалистического демократизма по всем линиям: усиления роли Советов, повышения активности профсоюзов и их участия в управлении производством, действенного контроля со стороны широких масс над деятельностью государственных органов и должностных лиц, повышения значения общественного мнения во всех областях жизни советского общества.

XXI съезд КПСС подчеркнул, что в современных условиях главным направлением в развитии социалистической государственности является всемерное развитие демократии, привлечение всех граждан к участию в руководстве хозяйственным и культурным строительством, в управлении общественными делами. В связи с этим повышается роль и расширяются функции общественных организаций, включая такую массовую государственную организацию трудящихся, как Советы. XXI съезд КПСС наметил курс на постепенный переход ряда функций, выполняемых ныне государственным аппаратом, в ведение общественных организаций. При этом такая функция, как, например, охрана общественного порядка и прав граждан, будет выполняться параллельно государственными органами и общественными организациями (народной милицией, товарищескими судами и т. п.), что даст возможность предупреждать проступки, наносящие вред обществу. Как отметил XXI съезд КПСС, переход отдельных функций от государственных органов к общественным организациям не ослабит роли социалистического государства в строительстве коммунизма, а расширит и укрепит политическую основу социалистического общества, обеспечит дальнейшее развитие социалистической демократии.

Развертывание социалистической демократии укрепляет государственную власть и вместе с тем подготовляет условия для ее отмирания, для перехода к такому общественному порядку,

когда функции общественного управления будут осуществляться без особого аппарата политической власти, без государственного принуждения.

Иные из противников марксизма обвиняют коммунистов в том, что они принимают меры к укреплению социалистического государства, вместо того чтобы содействовать его скорейшему отмиранию. Им подпевают современные ревизионисты, утверждающие, будто вопрос об отмирании государства является главным и основным вопросом, от решения которого зависит будущее социализма. Они угрожают социализму вырождением, бюрократизацией, если не будет обеспечено быстрейшее отмирание государства.

Марксисты всегда считали необходимым, чтобы социалистическое государство искореняло бюрократизм как пережиток досоциалистических методов управления. Главным средством решения этой задачи является привлечение широких масс народа к управлению государством. Призывать же под видом борьбы с бюрократизмом к скорейшему отмиранию государства, провозглашать отказ от государства в условиях социализма, пока еще существует капиталистический мир, и тем более в условиях переходного периода от капитализма к социализму — значит обезоруживать трудящихся перед лицом их классовых врагов. Процесс отмирания государства не может быть ускорен какими-либо искусственными мерами. Государство не будет никем отменено, оно постепенно отомрет в результате того, что отпадет необходимость в политической власти. Это станет возможным тогда, когда социалистическое государство выполнит свои исторические задачи, а для решения этих задач необходимо укреплять народную власть. Поэтому нельзя противопоставлять заботу об укреплении социалистического государства перспективам его отмирания; это две стороны одной медали.

«Вопрос об отмирании государства, если понимать его диалектически, есть вопрос о развитии социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление. И при коммунизме останутся некоторые общественные функции, аналогичные теперешним государственным функциям, но характер и способы их осуществления будут иные, чем на современной стадии развития» [1].

Отмирание государства означает: 1) исчезновение надобности в государственном принуждении и в тех органах, которые его осуществляют; 2) превращение функций хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы из государственных в общественные; 3) вовлечение всех граждан в управление общественными делами и исчезновение необходимости в органах политической власти. Когда исчезнут все следы классового деления

[1] *Н. С. Хрущев,* О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, «Материалы внеочередного XXI съезда КПСС», 1959, стр. 93.

общества, когда коммунизм одержит полную победу во всем мире, отпадет надобность и в государстве. Общество уже не будет нуждаться в особых отрядах вооруженных людей, для того чтобы обеспечивать общественный порядок и дисциплину. И тогда, как выразился Энгельс, оно сможет сдать государственную машину в музей древностей, поставив ее рядом с прялкой и бронзовым топором.

8. Коммунистическая партия — руководящая сила в системе диктатуры рабочего класса

Необходимым условием построения социализма и коммунизма является руководство марксистской партии. Как уже говорилось выше, без опытной, закаленной в боях марксистской партии пролетариат не может сбросить с себя ярмо капитализма, установить свою политическую власть. Еще более возрастает значение партии пролетариата после завоевания им государственной власти.

Ленин отмечал, что в истории революций бывали примеры, когда революционные силы брали в свои руки государственную власть, но не знали, что с нею делать, и это способствовало их поражению. Одним из великих преимуществ пролетарской революции перед такими революциями является то, что пролетариат знает, как упрочить свою победу, как использовать свою государственную власть в интересах всех трудящихся, для торжества коммунизма. Этим знанием вооружает его марксистская партия. «Диктатура пролетариата,— учит Ленин,— невозможна иначе, как через коммунистическую партию» [1].

После победы социалистической революции перед пролетариатом встает задача — упрочить завоеванную власть, подавить сопротивление свергнутых эксплуататорских классов, защитить пролетарскую диктатуру от посягательств внешних врагов. Пролетариат должен преодолеть колебания неустойчивых мелкобуржуазных слоев, повести за собой широкие массы трудящихся, вовлечь их в социалистическое строительство, развернуть работу по преобразованию экономического строя общества, организовать строительство новой, социалистической экономики и культуры. Чтобы успешно решать эти задачи, чтобы вести победоносную борьбу против сил и традиций старого общества, необходимы величайшая сознательность, выдержка, сплоченность, организованность пролетариата. «Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно» [2].

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 32, стр. 176.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 27.

Партия вносит в массы дух дисциплины и организованности, объединяет различные отряды трудящихся во имя единой цели, выполняет роль руководящей и направляющей силы диктатуры пролетариата.

Исторический опыт социалистической революции от Парижской Коммуны 1871 г. до наших дней непреложно свидетельствует о том, что решающим условием завоевания, развития и укрепления диктатуры пролетариата, в какой бы форме она ни осуществлялась, является руководство пролетарской партии. Это закономерность развития социалистической революции, которая имеет силу для всех стран, вступающих на путь социализма.

Свою руководящую роль в системе диктатуры рабочего класса коммунистическая партия осуществляет через целую систему государственных и общественных организаций, связывающих ее с широчайшими массами трудящихся. К их числу относятся прежде всего такие государственные организации, как Советы депутатов трудящихся, представляющие политическую основу СССР и объединяющие всех трудящихся (Советам аналогичны государственные организации в других социалистических странах, например народные советы в Болгарии, национальные комитеты в Чехословакии и т. д.). Важное место в системе диктатуры рабочего класса занимают также профессиональные союзы, кооперация, союзы молодежи и другие общественные организации. В странах народной демократии огромную роль играют организации национального (или народного) фронта, сплачивающие в широчайший союз народные массы во главе с рабочим классом.

Через все эти организации выявляют свои стремления и волю самые различные слои трудящихся. На эти организации опирается партия рабочего класса. «Получается, в общем и целом, формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский аппарат, посредством которого партия связана тесно с *классом* и с *массой* и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется *диктатура класса*» [1],— писал В. И. Ленин.

Все эти государственные и общественные организации могут единодушно и успешно действовать лишь под руководством коммунистической партии, которая вырабатывает правильную политическую линию, определяет направление их деятельности, объединяет их работу. Только партия, выражающая интересы всего народа, воплощающая его коллективный разум, объединяющая в своих рядах лучших людей народа, способна и призвана контролировать работу всех организаций и органов власти. Руководство партии обеспечивает решение всех государственных вопросов с позиций общенародных, а не ведомственных или групповых интересов. Поэтому всякие попытки обособить деятельность тех или иных государственных органов или общественных организаций

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 30.

от партийного руководства, вывести их из-под контроля партии вредны и противоречат интересам народа. Уход из-под партийного контроля неизбежно ведет к провалам в работе и к отрыву от масс. В партийном руководстве и в неразрывной связи с массами состоит источник силы всех органов социалистического государства.

Партия осуществляет руководство всеми государственными и общественными организациями через своих членов, работающих в этих организациях и входящих в их руководящие органы. При этом, разумеется, партия не подменяет собою эти организации, а, наоборот, всячески развивает их инициативу и самодеятельность, обеспечивает демократический характер их деятельности.

Идеологи буржуазии нередко утверждают, будто руководящая роль коммунистической партии в системе диктатуры рабочего класса несовместима с демократией. Они заявляют, что демократия обязательно предполагает существование многопартийной системы, и на этом основании отказываются признать демократический характер советского строя.

Вполне естественно, что в странах, где имеются антагонистические классы, складывается множество политических партий, выражающих интересы различных классов. Однако это не является действительным мерилом и гарантией демократии. Наличие множества партий не помешало империалистическим правительствам вопреки воле народа развязать мировую войну в 1914 г. Точно так же накануне второй мировой войны правительства Англии, Франции и США не посчитались с волей народов, отвергли предложения об организации коллективного отпора гитлеровской агрессии и тем самым развязали руки фашистским агрессорам.

Степень демократизма определяется вовсе не количеством партий в стране, а тем, какому классу принадлежат средства производства, какой класс находится у власти, какую политику проводит данная государственная власть. Социалистическое государство, руководимое коммунистической партией, доказало на деле свой подлинный демократизм, способность защищать и коренные и повседневные интересы народных масс.

Марксизм-ленинизм не отвергает принципиально возможности существования нескольких партий в период перехода от капитализма к социализму. В зависимости от конкретно-исторических условий развития той или иной страны в ней может существовать либо одна партия рабочего класса, либо наряду с нею и другие политические партии, признающие руководящую роль коммунистической партии, как это имеет место, например, в ряде стран народной демократии. При этом общей закономерностью для всех стран, строящих социализм, является руководящая роль партии рабочего класса в системе его диктатуры. Именно эта руководящая роль обеспечивает подлинную демократию, ибо дает возможность наиболее полно выявить в деятельности органов государства волю народа.

В условиях советского социалистического общества, где нет антагонистических классов и утвердилось морально-политическое единство народа, отсутствует почва для существования других партий, кроме коммунистической. Коммунистическая партия Советского Союза объединяет в своих рядах передовых людей из среды рабочего класса, трудящегося крестьянства, интеллигенции, представляет собой передовой отряд трудящихся. Партия чутко прислушивается к голосу масс, выражает их стремления, отражает в своих решениях назревшие вопросы развития общества. Показательно, например, что вопросы о перестройке управления промышленностью и строительством, о реорганизации МТС и дальнейшем укреплении колхозного строя, которые явились для советского общества вполне назревшим делом, были поставлены на всенародное обсуждение и разрешены именно по инициативе Центрального Комитета КПСС. Единство Коммунистической партии и народа есть воплощение глубочайшего демократизма советского строя.

В условиях диктатуры рабочего класса, когда коммунистическая партия является правящей партией, еще более возрастает значение единства ее рядов. Единство партии и железная дисциплина в ее рядах жизненно необходимы для того, чтобы рабочий класс мог удержать и укрепить свою власть. В книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин со всей силой подчеркнул значение единства партии и особую опасность фракционности в ее рядах: «Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата» [1].

Современные ревизионисты отрицают или принижают руководящую роль коммунистической партии в системе диктатуры рабочего класса. Они отводят партии роль политико-просветительной организации, утверждая, что она призвана быть лишь «идеологическим фактором», но не «фактором власти». Объявляя руководящую роль партии вредным «монополизмом», ревизионисты противопоставляют партии другие организации — профсоюзы, рабочие советы и т. д. Но что значит выдвигать на первое место беспартийные организации и умалять роль марксистской партии? Это значит скатываться на позиции анархо-синдикализма, демагогически подлаживаться к менее сознательным слоям трудящихся и принижать значение авангарда рабочего класса. «А это равносильно полному разоружению пролетариата *в пользу буржуазии*,— учил Ленин.— Это равносильно именно той мелкобуржуазной распыленности, неустойчивости, неспособности к выдержке, к объединению, к стройному действию, которая неминуемо всякое пролетарское революционное движение погубит, если дать ей потачку»[2].

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 27.
[2] Там же, стр. 26.

Теоретической базой новейших ревизионистских атак на партию рабочего класса является проповедь давно известной и раскритикованной марксизмом-ленинизмом «теории стихийности». Представление о том, будто новое общество вырастает в порядке развития «социалистической стихии», которой необходимо лишь дать полный простор, опровергнуто всем опытом строительства социализма как вСССР,так и в странах народной демократии. В действительности социализм одерживает победу в борьбе со стихийно развивающимся капиталистическим укладом хозяйства, в ходе социалистического преобразования мелкотоварного уклада хозяйства. Социализм созидается сознательными усилиями миллионных масс трудящихся, руководимых коммунистической партией.

XXI съезд КПСС подчеркнул, что в ходе строительства социализма и коммунизма роль коммунистической партии не уменьшается, как это утверждают ревизионисты, а, наоборот, возрастает. Она возрастает потому, что приобретает все большее значение субъективный фактор, потому, что общество берет в свои руки управление экономическими процессами, которые раньше, при капитализме, протекали стихийно. Она возрастает и потому, что все более широкие массы народа вовлекаются в строительство нового общества. А чем шире размах этого строительства, тем большее значение приобретает руководство массами со стороны партии, которая выступает в качестве организатора творческой активности масс. Возрастание роли партии связано, наконец, и с тем, что по мере перерастания социализма в коммунизм, роста материального благосостояния и культурного уровня трудящихся, повышения их сознательности будет постепенно сужаться сфера применения средств принуждения, средств административного воздействия и расширяться значение убеждения, идейного воздействия. А именно в этих моральных факторах черпает свою силу коммунистическая партия, представляющая собой боевой союз единомышленников-коммунистов, связанных друг с другом единством убеждений, воли и организации.

9. Сосуществование социализма с капитализмом и неизбежность победы социализма во всех странах

Для всей истории, предшествующей социализму, характерна неравномерность развития различных стран и народов. Различие исторических и географических условий приводило к тому, что производительные силы в различных странах развивались неодинаковыми темпами, а в связи с этим одни и те же ступени исторического развития они проходили в разное время. Например, в то время, когда в Египте, Греции, Риме и ряде других стран сложился рабовладельческий строй, в большинстве стран еще существовал первобытнообщинный строй. В средние века на большей

части территории Европы и Азии существовал феодальный строй, а на территории Африки, Америки, Австралии сохранялись рабовладельческие и первобытнообщинные отношения. Капиталистический строй восторжествовал у большего числа народов, чем рабовладельческий и феодальный строй, но и при господстве капитализма остались страны, в которых сохранились феодальные и дофеодальные отношения. Таким образом, закономерностью исторического развития являлась не только последовательная смена общественно-экономических формаций, но и их сосуществование в известные периоды.

Исторически неизбежно в течение известного времени и сосуществование социализма с капитализмом. Как уже отмечалось в § 3, неравномерность экономического и политического развития капиталистических стран особенно обостряется и приобретает качественно новый характер в эпоху империализма. Вследствие этого социалистические революции в различных странах происходят не одновременно. Требуется целая историческая эпоха, в течение которой новые и новые страны отпадают от системы империализма и становятся на путь социализма.

В отличие от докапиталистических формаций, которые не распространяли свое господство на все страны мира, капитализм, достигнув зрелости, превратился в мировую систему и связал весь мир единой системой мирового хозяйства, втянул все страны в орбиту капиталистической эксплуатации. Возникновение социалистической системы означает, что на смену капитализму пришла и растет новая мировая система, основанная не на эксплуатации и не на колониальном господстве, а на принципиально иных началах — на содружестве и взаимопомощи свободных от всякого угнетения народов.

От победы социализма в одной стране к образованию мировой системы социализма, охватывающей сначала ряд стран, а затем все страны,— такова закономерность становления новой общественно-экономической формации. Перед второй мировой войной, когда Советский Союз был единственной страной социализма, на его долю приходилось 17% территории, около 9% населения земного шара и около десятой части мировой промышленной продукции. Ныне страны социалистического лагеря занимают уже 26% территории земного шара, на которой проживает около 35% населения мира и производится свыше одной трети мировой промышленной продукции.

Возникновение и развитие капитализма привело к образованию колониальной системы. Возникновение и развитие социализма содействует ликвидации колониализма во всем мире. Под ударами растущего национально-освободительного движения распадается колониальная система империализма. Все новые и новые страны обретают национальную независимость. На протяжении последних десяти лет из-под колониальной и полуколониальной политической зависимости освободилось около 1300 миллионов человек,

но в оковах колониализма еще остается примерно 150 миллионов человек. Вместе с тем нельзя забывать, что многим странам, завоевавшим *политическую* независимость, еще предстоит вести упорную борьбу за свое освобождение от *экономического* закабаления более развитыми капиталистическими странами. В интересах защиты своей независимости от империализма, развития национальной экономики и сохранения мира эти страны стремятся к сотрудничеству со странами социалистического лагеря. Хотя большинство освободившихся от колониального гнета стран не являются социалистическими, завоевание ими национальной независимости способствует крушению системы империализма.

В предшествующей социализму истории победа нового общественного строя у передовых народов усиливала неравномерность исторического развития, так как отставшие народы становились объектом эксплуатации со стороны господствующих классов ушедших вперед стран. Принципиально иначе строятся взаимоотношения социалистических стран с несоциалистическими отсталыми странами. Социалистические страны помогают им преодолеть отсталость, развить свою национальную экономику и тем самым упрочить независимость.

Что же касается отношений между самими социалистическими странами, то эти страны объединены в содружество их вступлением на общий путь социализма, общей классовой сущностью социально-экономического строя и государственной власти, потребностью во взаимной поддержке и помощи, общностью интересов и целей в борьбе против империализма, за победу социализма и коммунизма, общей для всех идеологией марксизма-ленинизма. Таким образом, взаимоотношения социалистических стран не исчерпываются принципами полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга. Неотъемлемой частью их взаимоотношений является еще и братская взаимопомощь, в которой находит свое действенное проявление принцип социалистического интернационализма.

Социалистический лагерь включает в себя страны, находящиеся на разном уровне экономического и культурного развития. Но унаследованные от капиталистического общества различия в уровне развития этих стран постепенно преодолеваются, общая линия их экономического и культурного развития выравнивается, что открывает перспективу для более или менее одновременного перехода в высшую фазу коммунизма. Глубоко ошибочны попытки ревизионистов перенести на социализм закономерности капитализма, в том числе неравномерность развития стран, конфликты в отношениях между ними, стремление к господству одних стран над другими. Социализм кладет конец подобным отношениям, утверждая равноправие, братскую взаимопомощь и содружество между социалистическими странами.

В ходе развития социалистического общества неуклонно воз-

растает его могущество. Когда Октябрьская революция в России положила начало новому, социалистическому миру, он был еще слаб. Перевес сил был на стороне международного капитализма. Однако дальнейшее развитие событий и прежде всего победа социализма в СССР, разгром фашизма во второй мировой войне, в котором решающую роль сыграл Советский Союз, последовавшие вслед за тем великие революционные преобразования в ряде стран Европы и Азии существенно изменили в пользу социализма общее соотношение сил между двумя системами в мировом масштабе. Как образно выразился Мао Цзэ-дун, теперь не ветер с Запада довлеет над ветром с Востока, а ветер с Востока довлеет над ветром с Запада.

Если в прошлом Советский Союз был единственной страной социализма, находившейся в капиталистическом окружении, то ныне уже нет больше капиталистического окружения. Имеются две мировые системы: отживающий свой век капитализм и растущий, полный жизненных сил социализм. В связи с этим XXI съезд КПСС сделал вывод о том, что социализм в СССР одержал не только *полную*, но и *окончательную победу*. При этом под окончательной победой социализма разумеется гарантия от опасности насильственного восстановления капитализма силами международной реакции. СССР, как и любая другая социалистическая страна, не гарантирован от возможной агрессии со стороны империалистических государств. Но соотношение сил в мире настолько изменилось, что опасность реставрации капитализма в Советском Союзе исключена. На XXI съезде КПСС Н. С. Хрущев отметил, что в мире нет сейчас таких сил, которые смогли бы восстановить капитализм в нашей стране, сокрушить социалистический лагерь.

Взаимоотношения между социалистической и капиталистической системами являются отношениями борьбы, исторического соревнования. В этом соревновании уже в первые десятилетия существования социалистического строя явно сказались его преимущества. Не случайно империализму не удалось одержать победу над Советским Союзом путем войны. Возникает вопрос: в каких формах будет дальше происходить это соревнование? Обязательно ли оно должно принимать форму военных столкновений? Может ли социализм одержать победу над капитализмом без войн?

Идеологи империализма нередко утверждают, будто признание марксистами неизбежности победы социализма во всех странах исключает возможность мирного сосуществования социалистических и капиталистических стран. Они клевещут на марксизм, приписывают коммунистам стремление «экспортировать» революцию, насильственно навязать социалистический строй всем народам.

Марксисты принципиально отвергают попытки навязать извне народам тот или иной, пусть даже самый передовой, строй. Марксисты считают, что народы сами творят свою историю по объективным законам развития общества. Буржуазный миф об экс-

порте революции противоречит историческому материализму и принципам пролетарского интернационализма, требующего уважать право всех народов свободно строить свою общественную жизнь.

Социализм победит во всех странах не потому, что он может быть насильственно навязан народам, а потому, что он отвечает потребностям развития общества. Маркс и Энгельс предвидели, что победа социализма в развитых странах даст такой пример отставшим в своем развитии народам, что они сами потянутся за передовыми народами, вставшими на путь социализма: «...Об этом позаботятся уже одни экономические потребности... Одно лишь несомненно: победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы» [1]. Коммунисты строго придерживаются этого взгляда основоположников марксизма. Победивший в одной или в нескольких странах рабочий класс оказывает моральную братскую поддержку трудящимся других стран, борющимся за свое освобождение, но он не может навязывать им социалистические преобразования. Попытки «подтолкнуть» извне революцию были бы так же бессмысленны, как попытки ускорить рост растения путем вытягивания его за верхушку.

Критикуя бухаринцев и троцкистов, предлагавших разжечь пожар мировой социалистической революции путем объявления революционной войны капиталистическим странам, Ленин назвал их позицию «странной и чудовищной». В статье «Странное и чудовищное» Ленин писал: «Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции требуют *подталкивания* ее, а таковым подталкиванием явилась бы лишь война, никак не мир... Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции»[2].

«Экспорт» революции — это вздорный вымысел врагов марксизма. Революции не совершаются по приказу извне, так же как и по усмотрению партии или кучки заговорщиков. Как подчеркивал Ленин, капитализм рушится не потому, что кто-то хочет захватить власть. Капитализм не потерпел бы крушения, если бы к этому не вело обострение его экономических и политических противоречий, если бы капитализм не подмыла и не подрыла его собственная история.

Марксисты никогда не считали и не считают, что социальные революции обязательно рождаются из войны. Были революции, наступление которых ускорялось обострением классовых противоречий, вызванным войнами. Сами войны нередко развязывались империалистами в расчете задушить рост революционного движения, а на деле порождали революционный кризис. Но революционные ситуации не имеют внутренней, необходимой связи с войнами.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XXVII, 1935, стр. 239.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 27, стр. 49.

Марксисты боролись и борются против капитализма, порождающего империалистические, захватнические войны. Социалистическая революция в России родилась под лозунгом мира, и Советская власть в первый же день своего существования обратилась к воюющим странам с призывом о заключении мира. Обеспечение мира всегда было и остается ныне основной задачей всей внешней политики Советского государства.

Одним из конкретных выражений этой миролюбивой политики Советского социалистического государства является предложение *о всеобщем и полном разоружении*, внесенное Н. С. Хрущевым от имени Советского правительства в сентябре 1959 г. в Организацию Объединенных Наций. Осуществление этого предложения избавило бы все народы от опасности новой мировой войны, сняло бы с них тяжелое бремя военных расходов и имело бы величайшее значение для прогресса всего человечества.

Теоретической основой политики мира, которую ведет социалистическое государство, является положение Ленина о возможности *мирного сосуществования* социалистических и капиталистических государств. Ленинский принцип мирного сосуществования был развит Коммунистической партией Советского Союза. Всестороннее глубокое обоснование принцип и политика мирного сосуществования нашли в выступлениях товарища Н. С. Хрущева.

Идеологи империализма оспаривают возможность мирного сосуществования капиталистической и социалистической систем. Многие буржуазные социологи пишут и говорят, будто различие социальной природы государств и их идеологий делает неизбежными военные конфликты между ними. Однако исторический опыт опровергает эти домыслы и показывает, что возможны войны между государствами с одинаковым социальным строем и одинаковой идеологией (таковы войны между империалистическими государствами) и, наоборот, возможно мирное сотрудничество между государствами с различным социальным строем и идеологией (таково, например, сотрудничество СССР с рядом капиталистических государств).

Возможность мирного сосуществования государств с различным социальным строем в нашу эпоху вытекает, во-первых, из того, что имеются государства, не заинтересованные в войне. К ним относятся прежде всего социалистические государства. В социалистическом обществе нет классов или социальных групп, заинтересованных в войне. Здесь нет фабрикантов оружия, которые заинтересованы в гонке вооружений, умножающей их прибыли, нет капиталистических монополий, стремящихся к расширению рынков сбыта товаров и к завоеванию территорий для приложения своих капиталов. Развитие производства при социализме подчинено удовлетворению материальных и культурных потребностей всего общества, война не может способствовать осуществ-

лению этой цели, она только мешает этому. Интересы строительства коммунизма требуют прочного мира.

Не заинтересованы в войне и многие несоциалистические государства. Таковы, например, государства, освободившиеся из-под колониального и полуколониального гнета, завоевавшие национальную независимость (Индия, Индонезия, Бирма, Ирак, Объединенная Арабская Республика и др.). Война может лишь создать угрозу их независимости и помешать развитию их национальной экономики. Эти государства вместе с социалистическими государствами отстаивают мирное сосуществование и невмешательство во внутренние дела других государств.

Возможность мирного сосуществования государств с различным социальным строем вытекает, во-вторых, из того, что агрессивные силы империализма, заинтересованные в войне, не всегда могут развязать ее, потому что им мешают и миролюбивые государства, и противодействие народных масс внутри империалистических стран, и, наконец, противоречия между капиталистическими государствами и между различными слоями самой буржуазии.

Две тенденции имеются в лагере капитализма: одна тенденция выражает интересы наиболее реакционных и агрессивных слоев империалистической буржуазии, стремящихся организовать военное нападение на страны социалистического лагеря, чтобы разрешить за их счет противоречия капитализма; другая тенденция выражает интересы тех слоев буржуазии, которые стремятся поддерживать и развивать мирные торговые связи со странами социалистического лагеря.

Существование двух мировых систем — социализма и капитализма — не устранило международного разделения труда, которое делает взаимовыгодной торговлю между капиталистическими и социалистическими странами. Потребность в экономических связях является одной из объективных основ мирного сосуществования этих стран. «Есть сила бóльшая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов,— писал Ленин в 1921 г.,— эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами» [1].

Само собой разумеется, что всем сказанным определяется только возможность мирного сосуществования, а превращение этой возможности в действительность зависит от соотношения миролюбивых и агрессивных сил, от активной борьбы народных масс против поджигателей войны, за сохранение мира.

В современную эпоху имеются условия, создающие реальную возможность предотвращения войн. Как показал XX съезд КПСС, ныне войны не являются фатальной неизбежностью. Положение марксизма-ленинизма о неизбежности войн в эпоху империализ-

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 33, стр. 129.

ма никогда не понималось марксистами в духе фатализма, считающего бессмысленной борьбу против империалистических войн. Но в прошлом, когда империализм был всеохватывающей мировой системой, когда общественные силы, не заинтересованные в войне, были недостаточно организованы и потому слабы, они, к сожалению, не могли помешать империалистам развязывать войны.

Войны имеют свои корни в экономическом строе общества, но они не порождаются экономикой автоматически. Войны имеют политические цели и служат продолжением политики. Политика же выражает отношения между классами и государствами, в частности соотношение сил, борющихся за мир, и агрессивных сил. Если экономические факторы, порождающие войну, развиваются стихийно, то сама война происходит не стихийно, она сознательно подготовляется определенными классами и их государствами вопреки противодействию других классов и государств. От соотношения политических сил зависит, смогут ли империалисты развязать войну или, наоборот, сторонники мира сумеют предотвратить войну и упрочить мир.

Экономические причины, порождающие войны, сохраняются и в современных условиях. Эти причины не могут исчезнуть до тех пор, пока существует империализм, ибо они вытекают из закономерностей его развития. Но сфера действия этих закономерностей ныне сужена, так как империализм уже не является всеохватывающей мировой системой. Если бы на мировой арене действовали только силы империализма, война была бы неизбежна. Но этим силам теперь противостоят мощные общественные и политические силы, борющиеся против войны.

Возможность предотвращения войны в современных условиях вытекает прежде всего из того, что дело мира имеет прочную опору. Этой опорой служит мировая социалистическая система. Социалистические государства своим существованием и своей миролюбивой политикой и активной борьбой против войны мешают империалистам развязывать войны. Социалистические государства вместе с другими миролюбивыми государствами Европы и Азии образуют обширную *зону мира*, охватывающую большую часть населения земного шара. Это значит, что миролюбивые силы располагают не только идейными, но и могучими материальными средствами для предотвращения войны.

Агрессивные круги, стремящиеся развязать войну, вынуждены считаться с тем, что страны социализма располагают совершенной военной техникой, а при современной технике война опасна не только для страны, подвергающейся нападению, но и для нападающей страны. Возможность предотвратить войну и сорвать планы агрессоров вытекает также из того, что выросла активность, организованность и мощь общественных сил, борющихся против войны. Более сильное, чем когда-либо в прошлом, рабочее движение в капиталистических странах теперь опирается в своей борьбе против войны на поддержку небывало широкого движения сто-

ронников мира, которое объединило сотни миллионов людей из самых различных социальных слоев. При таких условиях не являются неизбежными как войны внутри лагеря империализма— между капиталистическими государствами, так и война между империалистическим и социалистическим лагерем. В «*Манифесте мира*», принятом в ноябре 1957 г. Совещанием представителей коммунистических и рабочих партий, говорится: «Война не является неизбежной, войны можно не допустить, мир можно защитить и упрочить».

В результате выполнения Советским Союзом своего семилетнего плана развития народного хозяйства на 1959—1965 гг., в результате осуществления экономических планов социалистических стран Европы и Азии мировая социалистическая система будет выпускать свыше половины всей мировой промышленной продукции. Это еще более изменит соотношение сил в пользу социализма и упрочит позиции миролюбивых сил. Как подчеркнул XXI съезд КПСС, этим будет создана реальная возможность для устранения войны как средства решения международных вопросов. Еще до полной победы социализма во всем мире, при сохранении капитализма в части мира, возникнет возможность исключить мировую войну из жизни общества.

Мирное сосуществование социализма и капитализма отнюдь не означает прекращения борьбы между ними. Старый строй никогда не уступает места новому без борьбы. Но эта борьба не обязательно принимает характер военных столкновений, она развертывается и в экономической, и в политической, и в идеологической областях. Ее исход решается экономическими, социально-политическими и идейными преимуществами нового строя. В историческом соревновании между различными общественно-экономическими формациями в конечном счете одерживает победу передовой строй. В нашу эпоху таким строем является социализм. Источники его превосходства над старым строем коренятся в том, что он обеспечивает ускоренный прогресс общества — более быстрое развитие производительных сил, дает возможность создать более высокую производительность труда. Социализм открыл широкий простор для творчества народных масс, для всестороннего развития каждой личности.

После того как попытки империализма военным путем уничтожить Советский Союз потерпели крах, Ленин указывал, что свое основное воздействие на международную обстановку и на ход мировой истории страна социализма будет оказывать — и чем дальше, тем больше — успехами хозяйственного строительства. Именно решение экономических задач (развитие производства, подъем производительности труда, рост материального благосостояния трудящихся) обеспечит социализму победу в международном масштабе. Поэтому международное освободительное движение глубоко заинтересовано в успехах стран социализма. А страны социализма кровно заинтересованы в развитии освободитель-

ной борьбы против империализма, так как эта борьба приведет к крушению империализма во всех странах и избавит страны социализма от угрозы военного нападения извне.

В современную эпоху революционное движение в каждой отдельной стране не изолировано, а является частью мирового процесса перехода от капитализма к социализму. Интернациональная солидарность трудящихся является непременным условием успеха международного социалистического движения.

Империализм предпринимает попытки не только подавить революционное движение вооруженной силой, но и разложить его изнутри. С этой целью враги социализма раскалывают рабочее движение, отравляют сознание масс реформистской идеологией, проповедуют идеи «национал-коммунизма», национального обособления различных отрядов рабочего движения. Поэтому интернациональная солидарность жизненно необходима трудящимся.

Законы социалистической революции и развития социализма одинаковы для всех народов, так же как одинаковы и основные законы развития капитализма во всех странах. Поэтому несостоятельны попытки игнорировать общие законы социализма и доказать возможность движения отдельных стран к социализму по каким-то особым законам, отличным от законов, проверенных на опыте Советского Союза и других стран социализма. Как подчеркнуто в «Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран», «опыт СССР и других социалистических стран полностью подтвердил правильность положения марксистско-ленинской теории о том, что процессы социалистической революции и социалистического строительства основываются на ряде главных закономерностей, присущих всем странам, вступающим на путь социализма. Эти закономерности проявляются всюду при наличии большого разнообразия исторически сложившихся национальных особенностей и традиций, которые следует непременно учитывать.

Такими общими закономерностями являются: руководство трудящимися массами со стороны рабочего класса, ядром которого является марксистско-ленинская партия, в проведении пролетарской революции в той или иной форме и установлении диктатуры пролетариата в той или иной форме; союз рабочего класса с основной массой крестьянства и другими слоями трудящихся; ликвидация капиталистической собственности и установление общественной собственности на основные средства производства; постепенное социалистическое преобразование сельского хозяйства; планомерное развитие народного хозяйства, направленное на построение социализма и коммунизма, на повышение жизненного уровня трудящихся; осуществление социалистической революции в области идеологии и культуры и создание многочисленной интеллигенции, преданной рабочему классу, трудовому народу, делу социализма; ликвидация национального гнета и уста-

новление равноправия и братской дружбы между народами; защита завоеваний социализма от покушений внешних и внутренних врагов; солидарность рабочего класса данной страны с рабочим классом других стран — пролетарский интернационализм»[1].

Марксизм-ленинизм ведет непримиримую борьбу как против современного ревизионизма, преувеличивающего значение национальных особенностей и противопоставляющего их общим закономерностям социалистической революции, так и против догматизма, сектантства, игнорирующих национальные особенности.

Как подчеркивал Ленин, «при общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»[2]. Эти особенности необходимо учитывать, но они не отменяют основных общих закономерностей социалистической революции, определяющих историческую неизбежность гибели капитализма и торжества социализма во всем мире.

---

[1] «Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 г.», Госполитиздат, 1957, стр. 13—14.

[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 33, стр. 437.

ГЛАВА XVII

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И ЕГО РОЛЬ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

1. Общественное сознание — отражение общественного бытия. Классовый характер идеологии

Общественное сознание есть отражение общественного бытия людей. Соответственно тому, какие стороны, проявления или моменты общественного бытия людей отражаются в их сознании, каков характер или способ этого отражения, общественное сознание расчленяется на отдельные специфические формы сознания (идеологические формы): общественные теории и взгляды (в том числе политическая и правовая идеология), религия, философия, наука, искусство, мораль (нравственность). Каждая форма сознания выполняет свою общественную функцию. В понятие общественного сознания входят не только указанные идеологические формы, но и социальные чувства, настроения, переживания, привычки, нравы людей, составляющие в совокупности в отличие от идеологии общественную психологию людей данного общества или класса. К общественной психологии относятся также особенности психического склада нации и народности.

Сознание человека с самого начала есть общественный продукт и остается им пока вообще существуют люди. Но это не значит, что сознание людей отражает только их общественное бытие, их экономические отношения и различные социальные проявления этих отношений. Оно отражает также природу. Естественные науки имеют объектом не общественное бытие людей, а внешнюю природу. В этом смысле основное содержание естествознания не относится к указанным выше идеологическим формам. Однако грань между естествознанием и общественными науками нельзя преувеличивать. Развитие естественных наук, как и общественных, вызывается потребностями общественного бытия людей. Все науки вырастают на почве того или иного экономического строя, обслуживают этот строй и те социальные силы, которые порождаются этим строем. На естественные науки оказывает влияние общее мировоззрение того или иного класса. В этом смысле они не отличаются от других форм общественного сознания.

Общественное бытие существует независимо от общественного сознания; общественное сознание людей порождено и обусловле-

но общественным бытием, отражает его. Поэтому источник общественных идей надо искать не в самих идеях, а в материальной жизни общества, прежде всего в экономических отношениях людей. С изменением экономических отношений более или менее быстро изменяются политические, юридические, философские, нравственные и другие общественные идеи, теории, взгляды и соответствующие им учреждения.

Известно, например, что люди первобытного общества не имели ясно выраженных понятий «мое» и «твое», но у них было развито сознание коллективности, единства индивида со своей общиной. Такое сознание определялось условиями материальной жизни первобытного общества: это общество не знало еще частной собственности на средства производства; люди тогда сообща добывали и сообща потребляли средства существования. Все принадлежало всем. Человек целиком зависел от общины, от состояния ее общего хозяйства, от ее успехов и неудач. Люди не могли и не стремились жить за счет других. Каковы были условия жизни людей, их общественное бытие, таково было и их сознание.

В эпоху рабовладельческого общества картина резко изменяется. В произведениях передовых мыслителей античного общества мы встречаем жалобы на жажду обогащения, охватившую верхушку общества, где люди

Кровью сограждан себе состояния копят и жадно
Множат богатства свои, громоздя на убийство убийство,
С радостью лютой идут за телом умершего брата...[1]

Могла ли появиться жажда стяжания в обществе без частной собственности? Конечно, нет. История свидетельствует, что стремление к обогащению за счет других характерно только для общества, основанного на частной собственности и эксплуатации человека человеком.

Как показывает практика Советского Союза и стран народной демократии, с преобразованием общества на базе общественной собственности на средства производства, с уничтожением эксплуатации человека человеком люди постепенно теряют черты, рожденные господством частной собственности, и снова, но уже в более высоком смысле, проникаются сознанием коллективизма, духом сотрудничества, взаимопомощи, хотя пережитки собственнических нравов еще долго дают себя знать.

История показывает, что и при переходе от одной классовой формации к другой сознание людей претерпевало глубокие изменения. Известно, что даже передовые мыслители античного мира, например Аристотель, считали рабство естественным и необходимым институтом. Так было не потому, что этим мыслителям было чуждо чувство сострадания и человеколюбия. Нет. Общество тогда держалось и могло держаться экономически только на раб-

[1] *Лукреций*, О природе вещей, изд. АН СССР, 1945, стр. 147.

ском труде. А когда рабский труд перестал соответствовать потребностям экономического развития и стал заменяться более производительным трудом крепостных крестьян, тогда и в сознании людей произошли серьезные изменения: рабство стало подвергаться критике как несправедливое и требующее уничтожения. Подобным же образом в связи с упадком феодального общества и ростом буржуазных отношений у людей росло сознание неразумности и несправедливости феодально-крепостнического строя.

Социологи-идеалисты не видят зависимости общественного сознания людей от общественного бытия, от экономических отношений. Считая идеи, чувства, взгляды движущей силой истории, они, как правило, не ставят перед собой вопроса, от чего же зависят идеи, почему они изменяются и изменяются в определенном направлении. Когда, например, требуется объяснить, почему пал феодально-крепостнический строй и на смену ему пришло буржуазное общество, они говорят, что в сознании людей возникли идеи свободы, равенства и братства и одержали верх над старыми идеями сословного неравенства, что и привело к преобразованию общественной жизни. Но почему в сознании людей появились идеи свободы и равенства и почему они одержали верх над старыми идеями, ответить, исходя из идеалистического понимания истории, невозможно.

Чтобы понять, почему появляются новые идеи, надо обратиться к тем реальным процессам, которые происходят в экономике общества. Антифеодальные идеи выросли на почве новых, складывавшихся в недрах феодального общества буржуазных экономических отношений. Идеи свободы и равенства были идеологическим отражением этих новых отношений и оружием прогрессивной буржуазии, возглавлявшей борьбу народных масс. Именно потому, что эти идеи выражали назревшую историческую потребность, они могли сыграть большую (хотя и не определяющую) роль в разрушении крепостнического общества и в победе нового, буржуазного строя.

Равным образом, чтобы понять, почему в XX в. на смену капитализму идет социализм, недостаточно сослаться на появление теории научного социализма. Надо ответить на вопрос, почему же появилась сама эта теория и вследствие чего она получила такое широкое распространение. А ответить на эти вопросы можно, только обратившись к экономическому развитию общества и взаимоотношениям классов капиталистического общества. Теория научного социализма не могла появиться в средние века, в феодальном обществе. Она появилась в эпоху капитализма, развитие которого подготовляло материальные предпосылки социализма. Внутри капитализма возникли неразрешимые для него противоречия и сформировался пролетариат, являющийся носителем нового, социалистического способа производства. В связи с этим и появляется теория научного социализма.

Идеалисты выводят общественные явления либо из человеческих идей и мнений, либо из «объективной», «абсолютной», «мировой» идеи, которая по сути дела представляет собой сознание, оторванное от человека и обожествленное. Несостоятельность идеалистических взглядов была полностью раскрыта Марксом и Энгельсом (см. гл. III). Современный идеализм в объяснении общественных явлений часто выступает в замаскированной форме. Так, распространенная во Франции социология Дюркгейма и его учеников предлагает заняться «позитивным» изучением социальных фактов: учреждений, законов, нравов и т.д. в их эволюции. Но все материальные изменения в обществе, все социальные факты сторонники этой школы в конечном счете выводят из «коллективного сознания», которое принимает в таком случае мистический вид, а история общества рассматривается как реализация стремлений, якобы заложенных в человеческом сознании. Почему «коллективное сознание» развивается так, а не иначе, почему оно различно у различных классов общества, сторонники этой точки зрения объяснить не могут, ибо они игнорируют реальную основу общества — общественное производство, экономику общества и борьбу классов.

Сторонники психологического направления в современной буржуазной социологии пытаются объяснить, например, разницу между буржуазной и социалистической идеологией склонностью людей «западного мира» к индивидуализму, а людей «восточного мира» — к коллективизму. Эти различные склонности якобы извечно заложены в психике людей Запада и Востока. Но верно ли такое противопоставление? Конечно, нет. Социалистическая идеология имеет своей родиной Запад. Ее творцами были вожди немецкого рабочего класса — Маркс и Энгельс. Любая попытка делить идеологию людей на «западную» и «восточную» и искать корни той и другой в извечных особенностях человеческой психики у людей разных континентов не выдерживает критики. Чем объяснить, что «психика» людей, живущих в одной и той же стране, бывает различной? Почему и на Западе, и на Востоке есть люди, придерживающиеся прямо противоположных идеологических позиций, и внутри общества идет идеологическая борьба? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы убедиться, что вечных особенностей психики, разделяющих людей на особые идеологические направления, не существует. Имеются особенности психического склада у людей, принадлежащих к различным нациям, но эти особенности не определяют их идеологии. Буржуазным производственным отношениям в любой части земного шара соответствует буржуазная идеология и психология, социалистическим — социалистическая. Как буржуазная идеология родилась еще в недрах феодального общества в связи с ростом буржуазных экономических отношений, так социалистическая идеология пролетариата возникает в недрах буржуазного общества в связи с антагонистической природой капиталистического способа производства и борьбой рабочего класса против капитализма, за новое, социалистическое общество.

В современной буржуазной социологии и поныне имеет хождение тезис о тождестве общественного бытия и общественного сознания. Посредством такого отождествления буржуазные социологи стремятся затушевать борьбу материализма и идеализма. Критикуя этот антинаучный взгляд, выдвинутый в свое время махистом Богдановым, В. И. Ленин писал: «Общественное бы-

тие и общественное сознание не тождественны,— совершенно точно так же, как не тождественно бытие вообще и сознание вообще. Из того, что люди, вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, никоим образом *не следует*, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию. Вступая в общение, люди во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях — и особенно в капиталистической общественной формации — *не сознают* того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и и т. д.»[1]

Общественное сознание не может быть тождественным бытию — оно вторично, производно от бытия. Оно не может отражать какие-либо изменения в общественном бытии раньше, чем они появились в самой жизни. Будучи отражением бытия, сознание обычно отстает от развития бытия. Теоретическое сознание, конечно, может открыть законы изменений бытия, предвидеть общее направление общественного развития и таким образом служить людям руководством для действия. Но при этом оно опирается на факты самой жизни, на реальные изменения в условиях общественного бытия, которые оно может охватить лишь в главном, основном.

Марксизм борется не только против идеализма, но и против вульгарно-материалистического взгляда на отношение между общественным бытием и общественным сознанием. Сторонники такого взгляда утверждают, что в любых общественных идеях, взглядах, теориях, художественных произведениях и т. д. нужно видеть прямое и непосредственное отражение экономических отношений. Между тем в идеологии экономические отношения чаще всего отражаются не непосредственно, а лишь в конечном счете. По поводу философии прошлых эпох Энгельс писал, что здесь связь представлений с их материальными условиями особенно запутана и затемнена промежуточными звеньями. «Но все-таки она существует. Как вся эпоха возрождения, начиная с середины XV века, так и вновь пробудившаяся с тех пор философия были в сущности плодом развития городов, т. е. бюргерства. Философия лишь по-своему выражала те мысли, которые соответствовали развитию мелкого и среднего бюргерства в крупную буржуазию. Это ясно выступает у англичан и французов прошлого века...»[2]

То же самое относится к искусству. С тех пор как оно стало самостоятельной отраслью духовной деятельности, его связь с материальной жизнью общества стала далеко не такой непосредственной, как в первобытном обществе. Для того чтобы понять, например, смысл изображения животных или растений в наскальной живописи первобытных людей, достаточно знать, какую роль играли эти животные и растения в хозяйственной жизни

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 309.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. II, стр. 377.

тогдашних людей. А если взять образ «Зеленщицы», созданный знаменитым французским художником конца XVIII и начала XIX в. Ж. Л. Давидом, то в нем мы не найдем прямого отражения хозяйственной деятельности людей, их общественно-экономических отношений. В образе парижской торговки зеленью художник создал обобщенный тип людей третьего сословия, поднявшихся на революцию и осознавших свою историческую роль. В этом образе нашла свое отражение психология народных масс революционной эпохи, подъем их самосознания. Но для того, чтобы понять исторический смысл борьбы народа, породившей это революционное самосознание, мы в конечном счете должны будем обратиться к анализу экономических отношений тогдашней Франции.

Общественное сознание во всех его формах в классовом обществе всегда носит классовый характер. Каждый общественный класс вырабатывает свои взгляды, идеи и теории. Его социальные чувства, настроения и привычки, идеи и воззрения порождаются условиями его жизни и отвечают его классовым интересам. Ленин учил за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями видеть, вскрывать интересы тех или иных классов.

Идеология в классовом обществе и есть совокупность общественных (политических, философских, религиозных, художественных и др.) взглядов определенного класса, выражающих его положение и интересы. Она вырабатывается образованными представителями этого класса, его идеологами: философами, социологами, юристами, экономистами, писателями, поэтами и т. д. Идеологами класса могут быть не только члены этого класса, но и выходцы из других классов. Буржуазная идеология на заре буржуазного общества разрабатывалась не только людьми, связанными своим происхождением с буржуазией, но и выходцами из дворянства. Творцы идеологии пролетариата вышли из буржуазной интеллигенции. Вообще между идеологами класса и его рядовыми членами может существовать значительная разница по образованию и индивидуальному положению. Маркс писал, что идеологи мелкой буржуазии не обязательно являются лавочниками или поклонниками лавочников. «Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение. Таково и вообще отношение между *политическими* и *литературными представителями* класса и тем классом, который они представляют»[1].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 8, 1957, стр. 148.

В классовом обществе господствующими идеями являются идеи господствующего класса. Угнетенные массы нередко воспринимают вопреки своим интересам политические, правовые и моральные взгляды господствующего класса, его мировоззрение. Почему это происходит? Потому, во-первых, что класс, распоряжающийся средствами материального производства, распоряжается в силу этого и средствами духовного производства; во-вторых, всей обстановкой, условиями жизни угнетенным классам вместе с господствующими экономическими отношениями навязываются господствующие идеи, представления, взгляды. Весь сложный идеологический аппарат господствующих классов защищает и пропагандирует их идеологию. Но безраздельное господство идей того или иного класса сохраняется лишь до тех пор, пока экономические основы господства этого класса остаются сравнительно прочными. Когда данные экономические отношения превращаются в тормоз развития производительных сил, когда в старом обществе возникают материальные предпосылки или элементы нового общества, тогда появляются новые идеи, которые служат оружием передовых общественных сил в борьбе за новое общество.

Новые идеи отражают назревшие исторические задачи. По словам Маркса, «человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить».

Все доныне существовавшие классы видели в своей идеологии выражение общих интересов всего общества. Класс, боровшийся за свое освобождение, в особых условиях своего освобождения видел общие условия спасения всего общества. Исторические условия борьбы делали передовой класс по крайней мере на известное время выразителем интересов всего общества, всего народа. Этим объясняется тот факт, что, например, идеологи французской буржуазии в XVIII в., выступая против феодализма во имя свободы и равенства, разума и справедливости, искренне считали себя защитниками интересов всего человечества. Победа буржуазной революции показала, что означали на деле требования великих просветителей XVIII в. Свобода оказалась свободой эксплуатации и конкуренции, равенство и справедливость воплотились в фальшивом формальном равенстве прав, в буржуазной юстиции, охраняющей классовые интересы богатых против бедных. Требования и лозунги просветителей, таким образом, были во многом иллюзией. Причиной этой иллюзии было то, что противоречия нового, молодого и растущего буржуазного общества были еще в самой начальной стадии. В иллюзорной форме эти требования выражали прогрессивное содержание, реальные общественные потребности борьбы против отжившего феодального строя, против его идеологии и его учреждений. В этой борьбе представители революционной буржуазии сыграли очень крупную роль. Они идеологически подготовили буржуазную революцию. Возводя прогрессивные, хотя и ограниченные, классовые требования

буржуазии на уровень общенародных требований, просветители XVIII в. способствовали росту энтузиазма и энергии масс, сметавших отжившие феодальные устои.

Классовый характер идеологии не всегда исключает наличие в ней общечеловеческого, общенародного содержания. Великие произведения классического искусства, созданные представителями господствующих классов, в той или иной мере выражают и общенародное содержание, потому что их творцы смогли подняться выше ограниченных интересов своего класса и, обращаясь к живым родникам народной мудрости и народного творчества, сумели отразить в своих произведениях правду жизни и интересы народных масс.

Современная буржуазия развитых капиталистических стран, давно ставшая реакционной и антинародной силой, продолжает, однако, выдавать свои эгоистические классовые интересы за общенародные и свою политику и идеологию — за общенациональную. Ее идеологи лицемерно восхваляют капиталистический строй и буржуазное государство, создают теории и мифы, оправдывающие власть «избранных» над народом или прикрывающие классовые антагонизмы. Лицемерие господствующих классов в сфере политической и идейной растет тем больше, чем больше приходят в упадок основы их господства и чем больше их интересы приходят в столкновение с интересами народа, общества. Современная буржуазия прибегает к фальшивым фразам о свободе и равенстве, морали и демократии, гуманизме и прогрессе, чтобы затушевать реальное господство капиталистических монополий в общественной жизни своих стран и колониализм во внешней политике.

Из всех классов лишь пролетариат не нуждается ни в иллюзиях, ни в лицемерии, ибо условия его освобождения как класса есть вместе с тем действительные условия освобождения всего общества от эксплуатации и классовых антагонизмов. Именно потому, что пролетарская социалистическая идеология выражает интересы класса, призванного навсегда устранить эксплуатацию и классовый антагонизм, она по своей сущности является идеологией всего будущего человечества. Она не только отказывается от превратных религиозных и идеалистических воззрений на действительность, но и находит объяснение этим воззрениям в экономических отношениях старого общества. Идеология пролетариата является подлинно научной идеологией. Возникнув в условиях капиталистического общества как оружие революционной борьбы рабочего класса с капиталом, она получает свое дальнейшее и наиболее многогранное развитие после победы рабочего класса, в ходе строительства нового общества на основе роста и укрепления социалистических производственных отношений.

Итак, общественное сознание определяется общественным бытием, является его отражением. Но общественное бытие, как мы выше отмечали, отражается в общественном сознании в раз-

личных формах: религии, философии, искусстве, морали и т. д. Чем объяснить многообразие форм общественного сознания и каково отношение между ними?

2. Формы общественного сознания

На ранних ступенях развития общества не существовало того расчленения общественного сознания, которое характерно для классового общества. Однако уже в первобытном обществе в ходе борьбы с природой у людей накапливаются элементарные знания о явлениях природы, способах добывания пищи и т. д., формируются и передаются из поколения в поколение нравы и обычаи, составлявшие мораль первобытного общества. На определенной ступени развития этого общества возникают религиозные представления людей, вера в сверхъестественные силы. К первобытному обществу восходят также ранние зачатки искусства (рисунок, песня, танец и т. д.), которые воспроизводили те или иные моменты жизни и деятельности людей. Примитивному общественному бытию людей того времени, крайне низкому уровню производительных сил соответствовало примитивное сознание, которое еще как бы вплеталось в материальное производство и почти не расчленялось на отдельные формы. Первоначальные сведения об окружающем мире, обычаи, зачатки искусства, а в последующем и религиозные представления — все это в древнейших памятниках духовной культуры (в наскальных изображениях, в обрядах и верованиях, сохранившихся у отсталых племен), как правило, содержалось вместе, не отделяясь друг от друга. Такие формы сознания, как философия, наука, политическая и правовая идеология, тогда еще не существовали.

Лишь с развитием производства и с появлением разделения труда на умственный и физический общественное сознание все больше и больше дифференцируется на самостоятельные области или формы сознания.

С появлением классов возникает государство и право, а в связи с этим появляется *политическая и правовая идеология*, выражающая взгляды господствующего класса на политическое устройство общества, на природу и функции государства и права, на вопросы войны и мира и т. п. Эта идеология разрабатывается особыми группами людей в специальных трудах по теории государства и права, в программах политических партий, конституциях и т. д. В противовес идеологии господствующих эксплуататорских классов у классов угнетенных в ходе классовой борьбы возникают свои политические и правовые взгляды. Так, политической идеологии буржуазии в капиталистическом обществе противостоит политическая идеология рабочего класса, выраженная в теории, в программе и других документах марксистской партии, борющейся за социализм. Политическая идеология оказы-

вает влияние на все другие формы сознания: философию, мораль, искусство и т. д.

Возникновение научных знаний о природе, как указывалось выше, было связано с потребностями развития производственной деятельности и обмена. В дальнейшем возникает такая особая форма общественного сознания, как *философия*. Она возникает как антипод религиозному мировоззрению (материализм) или как логическое обоснование и защита религии (идеализм). Философия очень долгое время включала в себя всю совокупность знаний об окружающем мире. Понадобились века накопления и систематизации знаний, чтобы от философии начали отпочковываться отдельные отрасли *науки* со своими особыми предметами исследования. В основе развития научных знаний лежит развитие производства и всей общественной практики.

Открывая законы природы и общества, проверяя истинность своих открытий практикой, наука в свою очередь оказывает большое влияние на практическую деятельность людей. Она дает возможность предвидения явлений и событий, возможность влияния на объективный ход их развития. Известно значение гениальных открытий и предвидений Маркса и Ленина для борьбы рабочего класса за свое освобождение, для строительства коммунизма. Известно значение гениальных открытий Д. И. Менделеева для развития химической науки и промышленности, открытий Ч. Дарвина для биологии и сельскохозяйственной практики и т. д. Наука открывает все новые и новые источники энергии, создает искусственные вещества, которых нет в природе (но, конечно, из материалов самой природы и на основе ее законов). Великим завоеванием науки нашего времени являются создание и запуск искусственных спутников Земли и Солнца, ракеты на Луну, осуществленные впервые советскими учеными, инженерами и рабочими.

В зависимости от характера экономических отношений результаты научных исследований используются либо в интересах эксплуататорского класса, либо в интересах всего народа (в социалистическом обществе). История знает также немало примеров, когда научные исследования как в области естествознания, так и в области общественной науки подвергались запретам, а ученые — гонениям, поскольку эти исследования противоречили классовым интересам и предрассудкам эксплуататорских классов. Научные открытия и результаты исследований получают часто неправильное истолкование вследствие влияния на ученых той или иной реакционной философской школы. Это значит, что для своего плодотворного развития наука нуждается в правильной философии, какой в наше время является марксистская философия. Социализм ставит науку на службу народу и освобождает ее от всех пут, которые при капитализме тормозят ее развитие.

Современный период развернутого строительства коммунизма в СССР, задача создания материально-технической базы коммунизма, дальнейшего развития экономики страны и все более пол-

ного удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей народа открывают безграничный простор для расцвета всех отраслей науки.

Искусство, как сказано выше, появилось уже на ранних ступенях развития первобытного общества в тесной связи с процессом труда, с развитием общественной практики людей.

Люди создали искусство потому, что оно было им действительно нужно, оно отвечало потребностям борьбы с природой, оно сплачивало их коллектив, вызывало у них полезные эмоции. В коллективном труде формировались эстетические вкусы и потребности людей, представления о прекрасном.

Известно, что первые следы искусства относятся к тому периоду, когда человек уже умел производить орудия из камня, кости и рога, владел членораздельной речью, вел коллективную охоту на крупного зверя, когда в общественном производстве уже существовало первоначальное разделение труда между мужчиной и женщиной. От этой эпохи сохранились изображения на скалах и в пещерах, произведения из камня, кости, рога. Тогда же зародились пантомима, танцы, первоначальная музыка.

На первых порах искусство было составной частью еще неразделенного познания человеком окружающего мира. По мере развития труда и изменения форм общественной жизни искусство все больше выделяется в особую форму духовной деятельности. Искусство, как и наука, прошло длительный процесс исторического развития, разделяясь на отдельные виды (архитектура, живопись, скульптура, музыка, танец, литература и т. д.).

В отличие от философии и науки, отражающих мир в форме понятий, законов, искусство отражает действительность в живой конкретно-чувственной форме художественных образов. В этих образах находят свое выражение положение людей, их взгляды, стремления, идеалы и мечты. В каждую эпоху развития классового общества искусство отражает интересы борющихся классов, служит идейным оружием в их борьбе.

Произведения искусства, правдиво отражающие действительность (прежде всего жизнь человека, общественную жизнь), проникнутые передовыми идеями, имеют большое познавательное значение и способны оказывать громадное идейное и нравственное влияние на людей, воспитывать их, формировать их мысли и чувства, побуждать к определенным действиям. Такими были, например, в античном обществе произведения Фидия, Эсхила, Софокла, Эврипида и др., в эпоху Возрождения произведения Данте, Рафаэля, Леонардо да Винчи и др., в эпоху буржуазных революций — творчество Шекспира, Рембрандта, Давида и др.

Современное буржуазное искусство порывает с прогрессивным наследием прошлого и является проводником безыдейности, формализма, антигуманистических идей. Против этого искусства выступают передовые писатели и художники во всех странах мира и прежде всего писатели и художники, связанные с социа-

листическим движением рабочего класса. Социалистическое искусство продолжает традиции передового искусства прошлого, усваивает и творчески обогащает их для создания новой, высшей художественной культуры, социалистической по своему содержанию и национальной по форме.

Метод социалистического реализма в искусстве, будучи продолжением и развитием лучших традиций реалистического искусства прошлого, требует *правдивого, конкретно-исторического художественного изображения действительности в ее революционном развитии*. Он отнюдь не исключает художественной романтики, выражающей героику наших дней, пафос народных устремлений в будущее, мечту о будущем. Он требует лишь того, чтобы романтика опиралась на правду жизни, на закономерное и революционное развитие действительности. Метод социалистического реализма открывает перед художниками всех видов искусства широкий простор для свободного творчества в интересах народа, для разнообразия жанров, стилей и художественных средств, для проявления таланта каждого художника, его индивидуальных особенностей.

Важнейшим идейно-творческим принципом искусства социалистического реализма является принцип пролетарской, коммунистической партийности. В служении социалистического искусства делу освобождения трудящихся от всякого гнета, делу коммунизма — высшее выражение его народности, его связи с жизнью, с интересами и чаяниями народных масс. Деятели социалистического искусства видят в социалистической идеологии, в идейном руководстве Коммунистической партии важнейшее условие художественного развития социалистического общества. Советские писатели и другие деятели искусства видят свою задачу в том, чтобы, отражая в полнокровных художественных образах величие и красоту трудовых подвигов народа, его борьбы за коммунизм, бичуя отсталое и косное в жизни, воодушевлять всех трудящихся на коммунистическое строительство, воспитывать их в духе коммунистической идейности и непримиримости к буржуазной идеологии и ее пережиткам, формировать высокие нравственные качества и эстетические вкусы.

Социалистическое искусство развивается под идейным руководством Коммунистической партии и служит народу, его борьбе за коммунизм. В. И. Ленин говорил: «Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их»[1].

Мораль, как и искусство, является одной из самых ранних форм общественного сознания. Теологи и идеалисты часто ссы-

[1] Цит. по книге: *К. Цеткин*, Воспоминания о Ленине, Госполитиздат, 1955, стр. 14.

лаются на «вечную мораль», чтобы доказать независимость сознания людей от их общественного бытия. Мораль выводится ими либо из «велений бога», либо из каких-то иных внеисторических источников (абсолютного разума, абстрактного самосознания и т. д.). Они утверждают, что мораль не связана с реальными потребностями и интересами людей данной эпохи; больше того, она противоположна этим интересам, как вечное — временному, возвышенное — низменному, небесное — земному.

Такое понимание морали марксисты отрицают, как антинаучное и пригодное лишь для обмана масс. «Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем»,— говорил В. И. Ленин. «Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов»[1].

В современной буржуазной этике существуют различные этические «школы» позитивистского типа (логический позитивизм, семантика, прагматизм и др.), которые сводят моральные нормы и оценки только к выражению субъективных чувств, эмоций, желаний, вкусов личности или определенной группы. Так, представители логического позитивизма (Карнап, Айер, Стивенсон и др.) утверждают, что при наличии двух противоположных оценок одного и того же поступка мы не можем решить вопрос о том, какая из этих оценок справедлива и какая — несправедлива, ибо, по их мнению, никакого объективного критерия для решения этого вопроса нет. Выбор поведения и его моральной оценки есть дело личного вкуса и интереса. Сторонники прагматизма сводят этот критерий к пользе или выгоде принятого субъектом решения в данной ситуации. Это значит, что с точки зрения позитивистской этики можно оправдать любое действие, любой произвол и аморализм интересами субъекта, его выгодой и т. д.

Субъективизм и релятивизм в вопросах морали нашел свое яркое выражение также в этике экзистенциализма. Представители этой школы (Ж. П. Сартр, Ясперс и др.) утверждают, что «моральные ценности» абсолютно независимы от экономических и социальных условий. Изолированная личность «свободно» творит мир, создает свою сущность, в том числе «моральные ценности», за которые она одна лишь несет ответственность. Моральные ценности они сводят к тем индивидуальным решениям, которые личность принимает в каждой уникальной ситуации, опираясь только на собственное сознание. Они поэтому категорически отрицают моральные нормы, принципы, имеющие значение объективной истины. Допущение таких моральных норм и принципов, по их мнению, было бы подавлением «свободы» личности. Подобно позитивистской этике этика экзистенциалистов оправдывает крайний индивидуализм и даже аморализм в поведении и является выражением кризиса современной буржуазной этической мысли.

Мораль вырастает из потребности общества в правилах, регулирующих поведение людей. Уже на ранних стадиях развития общества существовали нравы и обычаи, которыми регулировались отношения людей друг к другу, к своим соплеменникам или другим племенам. В классовом обществе мораль вырастает в сложную систему принципов, правил и норм поведения, выражающих экономическое, общественное положение и

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 266.

интересы определенного класса. В свете этих правил происходит оценка поведения людей, их моральных качеств и т. д. в категориях добра и зла. Принципы, нормы и правила поведения носят характер общественных (в классовом обществе — классовых) требований к поведению человека, к его поступкам по отношению к другому человеку, а также по отношению к обществу, к своему или к враждебному классу, к государству, родине и т. д. Мораль действует на общественную жизнь посредством этих требований, которые поддерживаются общественным мнением (всего общества или определенного класса), одобряющим или порицающим те или иные поступки людей. Человек, воспитанный в духе определенной морали, постоянно сам оценивает свои поступки, испытывая угрызения совести за нарушение общепринятых (в кругу данного класса или всего общества) норм нравственности.

Господствующей моралью в классовом обществе является мораль господствующего класса, охраняющая (как и право) те устои, на которых зиждется данное общество. На страже господствующей морали стоит общественное мнение господствующего класса, его система воспитания. Мораль эксплуататорских классов поддерживается авторитетом религии, которая представляет моральные требования господствующего класса как нерушимые заповеди бога. Эта мораль навязывается господствующими классами всему обществу через церковь, школу, печать, а также условиями жизни угнетенных классов. Но именно потому, что положение угнетенных классов и положение угнетающих классов противоположны, в противовес господствующей морали эксплуататоров угнетенные классы вырабатывали и свои особые нравственные принципы, свое понимание добра и зла, справедливого и несправедливого, хорошего и плохого. Теоретическая разработка вопросов морали (этика) в классовом обществе стала делом философии.

История общества показывает, что правила морали, представления людей о добре и зле «так менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили одно другому»[1]. Даже те моральные правила, которые, казалось бы, в «неизменном» виде переходят от одной эпохи к другой, на деле исторически обусловлены, т. е. отнюдь не являются вечными. Например, моральная заповедь «не укради», которую якобы сам бог дал людям на вечные времена, может иметь место лишь до тех пор, пока существует воровство — явление, связанное с существованием частной собственности. В обществе коммунистическом, где на базе общественной собственности на средства производства будет обеспечено изобилие предметов потребления, где люди будут получать все необходимое для жизни по потребностям, воровство исчезнет. А это значит, что не будет никакой надобности и в указанной моральной норме.

[1] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1957, стр. 87.

В капиталистическом обществе соответственно двум основным классам существуют две основные системы морали: буржуазная и пролетарская (коммунистическая). Для буржуазной морали характерен принцип индивидуализма и эгоизма, а для морали пролетарской, коммунистической — принцип коллективизма. Первый из этих принципов соответствует таким отношениям в обществе, когда каждый смотрит на другого преимущественно как на объект использования и рассматривает всех других людей и все общественные связи как средство для достижения своих частных целей. Второй принцип вытекает из условий жизни и борьбы рабочего класса за новое общество — борьбы, требующей солидарности, взаимопомощи, заботы об общих интересах, подчинения личных интересов общественным интересам. Принцип индивидуализма буржуазен, антисоциален и антигуманистичен[1]. Напротив, принцип коллективизма глубоко социален и гуманистичен: он органически соединяет преданность общему делу с заботой о благе каждого труженика. Этот принцип соответствует социалистическому строю, отношениям сотрудничества и взаимопомощи работников, свободных от эксплуатации. Борьба за этот новый строй, борьба за укрепление и завершение коммунизма является *высшим критерием нравственного поведения* людей нашей великой эпохи становления нового общества.

Индивидуализм и эгоизм неизбежно появляются в обществе, основанном на частной собственности, и выражаются в ходячих правилах, распространенных в буржуазном обществе: «человек человеку — волк», «своя рубашка ближе к телу», «моя хата с краю» и т. п. Эти правила составляют обиходную «мораль», которой реально следуют люди в своем поведении.

Господствующий эксплуататорский класс имеет потребность защищать интересы каждого собственника от посягательств со стороны неимущих, а также защищать свои общие интересы от угнетенных масс. Он нуждается поэтому в морали, которая воспитывала бы уважение к частной собственности, к существующей власти, к издаваемым ею законам. В роли морального наставника людей в классовом обществе, с тех пор как оно существует, выступает религия. В религиозных заповедях, которые якобы бог дал для всех людей и на вечные времена, наряду с провозглашением некоторых элементарных норм общежития морально освящаются основные устои господства того или иного класса эксплуататоров.

Религиозная мораль как в прежние времена, так и в современном буржуазном обществе претендует на «обуздание индивидуализма», на воспитание «социальных чувств», на согласование

---

[1] Индивидуализм имел прогрессивное, гуманистическое содержание, когда он выражал протест личности против сковывающих ее феодальных пут. Он стал реакционным принципом, когда им выражается лишь стремление к личной наживе, к карьере, к обогащению за счет других.

личных интересов с «общественными». Но эти претензии не имеют под собой оснований. Главная идея всякой религиозной морали — идея личного спасения — является своеобразным выражением индивидуализма и эгоизма. Что же касается религиозной проповеди братства между людьми, любви к ближнему и т. д., то эта проповедь лишь прикрывает эгоизм и обманывает массы утопической мечтой о братстве и любви между эксплуататорами и эксплуатируемыми, ничуть не способствуя борьбе против пороков буржуазного общества, порождающего страсть к наживе.

Коммунистическая мораль является моралью класса, который уничтожает частную собственность и создает общество на базе общественной собственности на средства производства. В этом обществе на основе отношений товарищеского сотрудничества и взаимопомощи происходит преодоление частнособственнических, индивидуалистических пережитков в сознании и поведении людей. Новые люди отбрасывают старое житейское правило буржуазного общества — «каждый за себя, бог за всех» — и утверждают в жизни правило, пригодное для тружеников социалистического общества: «все за одного, один за всех». В труде на благо общества, в борьбе за счастье народа люди приучаются видеть главное условие своего личного счастья, в общих интересах — свой главный личный интерес. В социалистическом обществе люди всеми условиями жизни и деятельности воспитываются в духе такой морали. Человек здесь — не одинокое существо, он постоянно чувствует заботу о себе со стороны общества, государства. Поэтому у людей изживается стремление к наживе, к частной собственности и развивается чувство коллективизма, «заботы об общем благе народа, о всестороннем развитии человеческой личности в условиях коллектива, где человек человеку не враг, а друг и брат»[1].

Коммунистическая мораль является могучей силой воспитания, потому что она способствует объективному процессу переделки «природы человека» новыми социальными условиями, поддерживает то новое в отношениях между людьми, которое растет в жизни. Она черпает содержание нравственных понятий и чувств, представлений о добре и зле не в «вечных заповедях» бога, а в объективно назревших потребностях борьбы за новое общество, за самые возвышенные и справедливые идеалы, за счастье трудящихся, за мир между народами.

Из условий и потребностей этой борьбы вытекают обязанности членов общества, их *долг*, в ней формируется их *совесть*, т. е. сознание (понимание и чувство) моральной ответственности за свое поведение, за судьбы других людей, за судьбы Родины и человечества. Сознательные борцы за коммунизм рассматривают свои обязанности и свою ответственность за их выполнение не

---

[1] *Н. С. Хрущев*, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, 1959, стр. 60.

как нечто навязанное извне, а как дело своей жизни, дело внутреннего убеждения, т. е. как свой *моральный долг*, как дело своей *совести*.

Коммунистическая мораль требует добросовестного отношения к труду, бережного отношения к общественной собственности. «Коммунизм начинается там,— писал В. И. Ленин,— где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота *рядовых рабочих* об увеличении производительности труда, об охране *каждого пуда хлеба, угля, железа* и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом...»[1]

В заботе не о себе и не о «ближнем» только (как учит, например, религиозная мораль), а о «дальнем», т. е. обо всех, об общественных интересах, и состоит нравственное содержание коммунистического отношения к труду, к общественной собственности, к дисциплине труда и т. д. Это отношение к труду проявляется в социалистическом соревновании трудящихся, в росте различных форм коммунистического труда, например бригад и цехов коммунистического труда, члены которых стремятся к повышению производительности труда, овладевают новейшей техникой и передовыми методами труда, а также стремятся совершенствовать свои отношения к людям, борются против уродливых пережитков прошлого, сохранившихся у известной части трудящихся (пьянство, нарушение правил общежития и др.). Социализм, применяя принципы оплаты по труду и создавая таким образом материальную заинтересованность работников в результатах труда, развивает в то же время моральные стимулы к труду, воспитывает взгляд на труд как на дело общественного значения, как на дело долга и чести. Сочетая материальные и моральные стимулы к труду, социализм учит относиться к труду как к потребности здорового человека, воспитывает привычку трудиться на общую пользу из-за одной лишь потребности в труде.

Коммунистическая мораль учит солидарности и взаимопомощи в труде между работниками, соревнованию за лучшие результаты труда на благо общества. Она воспитывает уважение к любому виду полезного труда, чувство чести, гордости коллектива за трудовые успехи, способствующие движению общества вперед. «Мы должны всякий труд, как бы он ни был грязен и труден, построить так, чтобы каждый рабочий и крестьянин смотрел на себя так: я — часть великой армии свободного труда и сумею сам построить свою жизнь без помещиков и капиталистов, сумею установить коммунистический порядок»[2]. Это новое самосознание тружеников, ощущающих себя членами великой армии труда, хозяевами и строителями нового общества, и есть сознание, чувство *чести* и *достоинства* людей социалистического общества. Это чув-

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 29, стр. 394.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 274.

ство проявляется не только в труде, но и в битвах с врагами при защите социалистического отечества. Советский воин, принимая присягу, обязуется защищать Родину «мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами».

Коммунистическая мораль учит соединять любовь к Родине с уважением к другим народам, к достижениям их культуры и потому решительно борется против всяких проявлений национального зазнайства, высокомерия, пренебрежительного отношения к людям не своей нации и т. д. Основоположники марксизма указывали на прямую связь буржуазного национализма и космополитизма с индивидуалистическим, эгоистическим принципом, на котором зиждется буржуазное общество. Реакционный национализм есть проявление эгоизма нации по отношению к другим народам, стремление реакционной буржуазии данной нации противопоставить себя другим нациям и подчинить их себе. Патриотизм борцов за социалистическое общество органически связан с их интернационализмом, с интересами всемирного рабочего движения, с борьбой народных масс за мир, демократию и национальную независимость, с укреплением единства социалистических стран, братских отношений между народами этих стран.

Коммунистическая мораль требует внимания, заботы и уважения к человеку, как величайшей ценности, существующей в мире. Она непримиримо враждебна всем формам угнетения человека, всему тому, что унижает человеческое достоинство. Она не терпит пошлости, ханжества (лицемерия), хулиганства, клеветы и т. п. Она требует правдивости и честности в отношениях между людьми, соблюдения правил человеческого общежития. Она гуманистична в высшем смысле этого слова, ибо выражает отношения такого общественного строя, где понятие «человек» равно применяется к мужчине и женщине, к людям любой нации, любого цвета кожи, профессии и т. д., где общество заботится о человеке, об улучшении условий его труда и быта, о развитии всех его способностей и дарований, где оно заботится о развитии подлинно человеческих отношений между людьми как в труде, так и в семье.

В социалистическом обществе женщина стала свободным и полноправным членом общества. Наравне с мужчиной она имеет доступ ко всем видам деятельности. Коммунистическая мораль решительно осуждает пережитки буржуазных нравов в отношениях между полами, она требует серьезного отношения к любви, к браку, к семье. «Революция,— говорил В. И. Ленин в беседе с К. Цеткин,— требует от масс, от личности сосредоточения, напряжения сил... Несдержанность в половой жизни — буржуазна: она признак разложения. Пролетариат — восходящий класс. Он не нуждается в опьянении, которое оглушало бы его или возбуждало. Ему не нужно ни опьянения половой несдержанностью,

ни опьянения алкоголем... Самообладание, самодисциплина — не рабство; они необходимы и в любви»[1].

Коммунистическая мораль решительно отвергает так называемую «свободную любовь» в буржуазном смысле этого слова, т. е. мимолетную любовь, которая считает стеснительными «брачные узы», оправдывает супружеские измены и т. д. Этой «свободной любви» социализм противопоставляет «брак с любовью», т. е. прочный брак, основанный на нравственной чистоте отношений между супругами, предполагающий заботу о детях, об их воспитании достойными сыновьями и дочерьми социалистического общества.

Это значит, что люди не могут отрывать свой домашний быт от общенародных интересов. Социалистическая общественность сурово осуждает попытки оправдывать легкомысленное отношение к семье, разврат, многоженство и т. д. ссылкой на то, что быт есть «частное дело». Стремление оторвать домашний быт, личную жизнь от общественной жизни, от общественного контроля является пережитком буржуазного взгляда. Социалистическая общественность требует и в быту соблюдать нормы коммунистической морали, борется с проявлениями моральной неустойчивости, ибо такая неустойчивость наносит ущерб и самому работнику и окружающим его людям, общественным интересам. Опыт показывает, что голос социалистической общественности, моральная сила общественного мнения спасают многих людей от морального разложения в быту и возвращают их в ряды борцов за великое дело коммунизма. Вместе с тем социалистическое общество отвергает мелочное вмешательство в личную жизнь.

Буржуазные идеологи говорят, что коммунистическая мораль является отрицанием всей предшествующей морали, что марксисты отрицают всякую преемственность в развитии морали, моральный прогресс, накопление общечеловеческих моральных ценностей. Это, конечно, не так. Марксизм утверждает, что в морали передовых классов, в их этических системах, выражавших в той или иной мере потребности общественного развития, интересы народных масс, имелось положительное содержание, которое не уничтожалось в последующие эпохи, а развивалось новыми передовыми общественными силами.

Народ — творец лучших моральных ценностей человечества. Он творил их в ходе упорного труда и в борьбе за свое освобождение. Честность, правдивость, трудолюбие, гуманизм, уважение к старикам — эти и другие качества вырабатывались трудящимися в течение веков. В прошлые исторические эпохи общечеловеческое содержание морали особенно ярко выступало в периоды подъема массовых народных движений за свободу, когда люди жили широкими общественными интересами и подчиняли все личное этим интересам. В такие эпохи формировались лучшие

[1] Цит. по книге: *К. Цеткин*, Воспоминания о Ленине, стр. 50.

моральные качества людей — их верность общему делу, взаимопомощь, мужество, героизм, самопожертвование и т. д. В органической связи морального прогресса общества с историей народных масс, их труда, их борьбы за освобождение состоит важнейшая закономерность в развитии морали.

Вот это положительное содержание в моральных нормах, взглядах и теориях и является золотым фондом человечества. Реакционная буржуазия в нашу эпоху попирает даже общепризнанные элементарные нормы морали, стала циничной, аморальной, жестокой, бесчеловечной. Она культивирует звериные инстинкты в людях, освобождая их от всякой человеческой морали. Это особенно характерно для идеологии и практики фашизма.

Строй социализма, развиваясь к коммунизму, напротив, все больше раскрывает свою гуманистическую природу, преодолевает пережитки эгоистических привычек и традиций, приучает людей к добровольному соблюдению правил человеческого общежития.

Коммунистическая мораль, будучи высшей ступенью в моральном прогрессе общества, развивает дальше прогрессивное содержание моральных взглядов и норм поведения, созданных народами. Коммунистическая мораль является моралью рабочего класса, под руководством которого народные массы навсегда освобождаются от эксплуатации и всех видов гнета. Поэтому она по своей *сущности* является *общечеловеческой* моралью.

Религия, как и другие формы общественного сознания, порождена определенными условиями общественного бытия людей. Вопреки утверждениям теологов и идеалистов давно уже доказано, что идея бога не является врожденной идеей и что вообще никаких врожденных идей — ни религиозных, ни моральных, ни философских, ни иных — не существует.

Как показывают исторические исследования, религия существует не вечно. На ранних стадиях развития первобытного общества религии не было. Представления первобытных людей еще не выходили за пределы самого непосредственного отражения их отношений к природе и к членам первобытной общины. Крайне суровые условия жизни, бессилие в борьбе с природой, страх перед ее стихийными и грозными силами, от которых зависела жизнь людей, темнота, незнание действительных причин явлений породили религию — фантастические представления о сверхъестественных существах, управляющих судьбами людей, веру в богов и поклонение им.

С возникновением классового общества и его противоречий к силам природы, господствовавшим над людьми, присоединились не менее грозные социальные силы, которые причиняли людям еще большие бедствия, чем наводнения, землетрясения, эпидемические болезни и т. п. Эти социальные силы были для людей столь же таинственными и загадочными, как и господствовавшие над ними стихийные силы природы. В классовом обществе основ-

ными корнями религии стали отношения эксплуатации и социального гнета. Господствующие эксплуататорские классы используют религию, церковь в качестве духовного орудия закрепления классового гнета, эксплуатации. «Рабы, повинуйтеся господам своим» — эта религиозная заповедь именем бога внушает угнетенным покорность и смирение перед угнетателями.

История религий показывает, что представления людей о богах на различных ступенях общественного развития были различны. В родовом обществе существовала такая форма религии, как тотемизм, т. е. вера людей в свое родство с определенными животными или растениями и поклонение им. Эта ранняя форма религии фантастически выражала отношение людей к тем животным и растениям, которые играли существенную роль в жизни и деятельности родовой общины; кровнородственные отношения внутри рода первобытный человек переносил и на окружающую природу, на животных и растения.

На более поздних стадиях родового строя, в период его разложения и образования классов, возник культ племенных богов как фантастическое отражение новых условий общественного бытия. Племенные боги не были ни едиными, ни всемогущими, их почитание ограничивалось пределами данного племени. Гомеровские боги, населявшие Олимп, как простые смертные люди, пируют, ссорятся, любят, сражаются, устраивают козни друг против друга, кичатся своими победами и т. д. Они сильны, но не всемогущи и от людей отличаются лишь бессмертием.

В процессе образования племенных союзов и ранних государств из племенных богов выделяется верховное божество с подчиненными ему другими божествами. Соответственно общественной иерархии создается иерархия богов, деление их на более могущественных и менее могущественных.

В крупных восточных деспотических монархиях вместо многих богов создается культ единого бога, на которого переносятся атрибуты других богов; бог объявляется единым и всемогущим. По словам Энгельса, «единый бог никогда не был бы осуществлен без *единого царя*... единство бога, контролирующего многочисленные явления природы, объединяющего противоположные силы природы, есть только копия единого восточного деспота, который видимо или действительно объединяет сталкивающихся в своих интересах людей»[1].

Однако и в монотеистических религиях (монотеизм — единобожие) сохраняются, как правило, черты политеизма (многобожия). В христианской религии, возникшей в I веке н. э. в эпоху упадка Римской империи, единый бог представлен в трех лицах. Наряду с ними почитаются божья мать, ангелы, апостолы, святые и т. д. Мифический образ главного христианского бога Христа со времени возникновения христианства претерпел также весьма серьезные изменения. Различные социальные классы и группы переносили на этот образ свои представления о божестве. По словам Кальтгофа, «образ Христа являет то черты греческого мыслителя, то римского цезаря, затем он приобретает черты феодального сеньора, цехового мастера, измученного крепостного крестьянина и свободного горожанина»[2].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XXI, 1932, стр. 45.

[2] Цит. по книге: *К. Каутский*, Происхождение христианства. Соч., т. X, М.—Л., 1930, стр. 29.

Религия продолжает существовать и в капиталистическом обществе с его высокоразвитой техникой, ибо капиталистическое общество не устраняет, а даже усиливает социальные причины существования религии. Ленин так писал о социальных корнях религии в капиталистическом обществе: «Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма, который причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д.,— вот в чем самый глубокий современный корень религии»[1].

Религия используется эксплуататорскими классами как средство духовного порабощения масс. Религия утешает угнетенных, примиряет их с господством эксплуататоров, внушает смирение, послушание и покорность своим господам, пренебрежение к земным благам во имя «вечного блаженства» на небесах. Проповедуя массам отречение от земных благ, религия требует от господ лишь дешевой благотворительности, которая, по выражению одного старого социалиста, «ложками возвращает отдельным лицам то, что у масс загребает целыми лопатами».

Религия и церковь не допускают свободного размышления. Они требуют безусловного повиновения. Первый грех, по библейскому мифу, состоял в том, что человек вкусил плодов от запрещенного древа познания, т. е. начал размышлять. Он, таким образом, нарушил волю бога. Толкователями воли бога считаются жрецы, священники, служители церкви. Повиновение воле бога, таким образом, есть повиновение церкви, в которой господствующие классы всегда видели средство защиты своих классовых интересов. Когда же угнетенные массы по-своему начинали толковать «волю бога», вкладывая в нее свои представления, господствующая церковь свирепо преследовала эти толкования как ересь. В средние века католическая церковь учредила тайный суд (инквизицию) для борьбы против «еретиков» и предала сожжению на костре многие тысячи людей, в том числе и многих выдающихся мыслителей, а также их произведения.

Наука и религия непримиримы. Религия и церковь были и продолжают оставаться врагами научного познания, что не мешает, однако, Ватикану и другим религиозным организациям заигрывать с наукой, делать фальшивые попытки «примирить» ее открытия с религиозными догматами.

Церковь освящала рабство и крепостничество, предавала анафеме, проклятию тех, кто стремился к уничтожению социального гнета. Она оправдывает строй капиталистического рабства. В 1931 г. тогдашний глава католической церкви папа Пий XI в своей энциклике объявил капитализм и наемный труд установлением, соответствующим воле бога. «Рабочие да примут без злобы место, которое указало им божественное провидение»,— говорилось в этой энциклике. В 1949 г. папа отлучил от церкви всех тех, кто сочувствует коммунизму и сотрудничает с коммунистами.

Католическая церковь — это мощная, разветвленная религиозная и политическая организация, обладающая огромными капиталами, движимым и недвижимым имуществом. Ее центр Ватикан — это акционерная компания, корпорация по духовному порабощению и эксплуатации многих народов. Ватикан поддерживал фашистские режимы и поддерживает всяческую реакцию, выступал вдохновителем реакционных заговоров. Через христианские,

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 15, стр. 374—375.

католические партии и другие организации Ватикан осуществляет свою реакционную политику. В целях усиления своего влияния на рабочих и борьбы с коммунизмом церковь выдвинула фальшивую идею так называемого «христианского социализма».

Подобно католической церкви, все другие религии и церкви выполняли и выполняют роль духовной дубинки в руках господствующих эксплуататорских классов.

Передовая философская и научная мысль с давних пор вступила в борьбу против религии. В дело освобождения сознания людей от религиозных предрассудков внесли значительный вклад философы-материалисты древности, в особенности Демокрит, Эпикур и Лукреций Кар, отвергнувшие религиозный миф о сотворении мира богом, о вмешательстве богов в жизнь природы и людей, о бессмертии души и т. д. Традиции их продолжили материалисты нового времени, в особенности Спиноза и французские материалисты XVIII в. Последние, как уже говорилось выше, были решительными борцами против религии и церкви и сделали особенно много для освобождения умов от власти религиозных предрассудков. Но критика религии старыми материалистами еще не опиралась на материалистическое понимание истории. Старые материалисты видели источник религии главным образом в невежестве людей и в обмане их служителями церкви. Они не понимали того что религия имеет глубокие объективные причины, коренящиеся в общественном бытии людей, и рассчитывали преодолеть религию путем одного лишь просвещения.

Марксизм принял знамя воинствующего атеизма старых материалистов. Вместе с тем борьбу с религией он поставил на научные рельсы. Он показал, что борьба против религии в классовом обществе не может быть сведена к одному просвещению. Борьба против религии должна быть прежде всего борьбой против тех социальных условий, которые порождают религию, против тех социальных сил, которые ее поддерживают ради упрочения своего господства, ради угнетения масс.

Хотя условия капиталистического общества способствуют консервированию религиозных предрассудков (ибо сохраняются социальные корни религии), хотя господствующий класс поддерживает и культивирует эти предрассудки, все же в настоящее время религии и в капиталистических странах нанесены мощные удары борьбой рабочего класса и успехами в развитии науки. Научно-атеистическая пропаганда, которую ведут передовые философы и ученые, способствует освобождению сознания трудящихся от религиозных предрассудков.

В СССР, где социализм уже победил, где нет эксплуататорских классов и нищеты масс, социальные корни религии подорваны. Большинство трудящихся освободилось от религиозных предрассудков. Но все же в сознании многих людей эти предрассудки продолжают существовать. Они существуют по укоренившейся привычке, как пережитки, оставшиеся от старого общества. Кроме того, и в условиях социализма в некоторой сте-

пени еще сохраняется зависимость людей от стихийных сил природы (засуха, неурожай, землетрясения и т. п.). Угроза войны со стороны империалистических государств оказывает известное влияние на некоторую часть населения: с войной связаны бедствия, горе, а горе всегда питало религию.

В СССР существует полная свобода совести: свобода отправления религиозного культа и свобода научно-атеистической пропаганды. Поскольку социальные корни религии подорваны, основной формой борьбы с религией при социализме является борьба идеологическая, т. е. научно-атеистическая пропаганда, распространение научного мировоззрения и разъяснение вреда религиозных пережитков. Конечно, научно-атеистическая пропаганда должна быть тесно связана с практикой строительства коммунистического общества.

Рост и укрепление социализма, повышение материального и культурного уровня жизни трудящихся, систематическая и умелая, без всякого оскорбления чувств верующих, научно-атеистическая пропаганда постепенно, шаг за шагом приведут к полному преодолению религиозных предрассудков.

Рассмотрев различные формы общественного сознания, мы видим, что эти формы вызваны к жизни определенными общественными условиями и различаются в зависимости от того, какой именно общественной потребности они служат, а также в зависимости от того, какую область или сторону общественного бытия они отражают (сквозь призму определенных интересов и т. д.), каков способ этого отражения и каков способ воздействия на общественную жизнь, на сознание людей.

В различные исторические эпохи на первый план выдвигались различные идеологические формы. В феодальном обществе господствовала религия, подчиняя себе философию, юриспруденцию, мораль, естествознание и т. д. В этом обществе экономические и все другие общественные установления преподносились господствующими классами как созданные богом, вечные и неизменные.

В капиталистическом обществе на первый план выдвинулась политическая и правовая идеология. Все общественные отношения рассматриваются господствующей буржуазной идеологией как созданные государством и основанные на «человеческом», или «естественном» праве. Развитие товарообмена и кредита в условиях конкуренции требует сложных договорных взаимоотношений и, следовательно, детальной разработки правовых норм. Поскольку эта разработка осуществляется по инициативе и под воздействием государства, создается представление, что правовые нормы обязаны своим возникновением не экономическим отношениям, а государству, его учреждениям. Превращение государства и права в самодовлеющие сущности является одним из проявлений свойственного буржуазному мировоззрению фетишизма.

В социалистическом обществе ведущей формой общественного сознания является наука: марксистско-ленинское научное мировоззрение, конкретные, специальные науки о природе и обществе. Вся общественно-политическая и хозяйственная жизнь социалистического общества основана на познании и сознательном использовании законов природы и общества. Вместе с тем такие формы общественного сознания, как искусство и мораль, играют и будут играть огромную и все возрастающую роль в жизни социалистического общества, в коммунистическом воспитании людей.

3. Общественная психология и идеология. Общественное и индивидуальное сознание

До сих пор мы говорили преимущественно об общественной идеологии и ее формах. Но в понятие общественного сознания наряду с идеологией, выступающей в различных формах, входит, как сказано выше, также общественная психология людей данного общества или данного класса, особенности психического склада данной нации и т. д.

Общественная психология есть совокупность чувств, настроений, переживаний, привычек, мыслей, иллюзий и т. д., вырабатывающихся стихийно, вырастающих у людей непосредственно под влиянием повседневных условий их существования. Материальные и политические условия существования в данном случае еще не осмыслены как условия существования данного общества или класса, мысли о них еще не выражены в сколько-нибудь обобщенном виде. Эти чувства выражаются в классовых симпатиях и антипатиях, в ненависти к одним социальным группам и в доверии к другим и т. д. Социальные чувства и мысли людей, рожденные условиями существования данного класса, не могут не носить классового характера. Мы различаем, например, пролетарскую психологию и буржуазную психологию, говорим о наличии у того или иного класса своего классового чутья, классового «инстинкта» (который, конечно, нельзя отождествлять с естественными инстинктами) и т. д.

От психологии классов надо отличать *национальные* особенности психики, общие для всех классов данной нации. Это — особенности склада характера, вкуса, эмоциональности и т. д., сложившиеся под влиянием ряда общих условий исторического развития данной нации. Они отличаются очень большой устойчивостью [1] и накладывают свой отпечаток, национальный колорит на всю область общественного сознания, на различные формы идеологии. Так, говоря о различии между французским материализмом XVIII в. и английским материализмом XVII в., Маркс

[1] Это не значит, что они не изменяются. Крупные изменения в исторических условиях жизни наций, в их быте и т. д. производят изменения и в национальной психике, в национальном характере.

писал: «Различие *французского* и *английского* материализма соответствует различию между этими нациями. Французы наделили английский материализм остроумием, плотью и кровью, красноречием. Они придали ему недостававшие ещё темперамент и грацию»[1]. На современной философии «инструментализма» (разновидности субъективного идеализма — прагматизма) нетрудно обнаружить не только печать ее буржуазного происхождения, но и специфически американские черты. Особенно ярко психические черты нации проявляются в искусстве, которое всегда выражает особенности художественного восприятия действительности, исторически выработавшиеся эстетические вкусы и т. д. Особенности, накладывающие печать национального своеобразия, относятся главным образом к *национальной форме*, в которой выступает идеология и вообще культура, а не к идейному содержанию. Последнее в классовом обществе является классовым.

Классовая психология (т. е. чувства, мысли и настроения класса, рожденные стихийно, в силу условий его существования) может находить свое обобщенное выражение в общественных теориях, создаваемых идеологами класса. В теоретических построениях идеологов мелкобуржуазных партий отражается противоречивая природа мелкой буржуазии, ее психология, ее колебания между буржуазией и пролетариатом.

Огромное влияние на идеологию, на все ее формы оказывают преобладающие в данном классе социальные настроения, имеющие более или менее устойчивый характер. Для восходящих классов характерны настроения бодрости, оптимизма, веры в будущее. Для классов, уходящих с исторической сцены, наоборот, характерны настроения пессимизма, отчаяния, бегства от жизни и т. д. Нетрудно видеть отражение этих настроений, например, в области искусства. В эпохи подъема общественных движений в произведениях искусства страстно звучат гражданские мотивы, выражающие бодрые настроения и мысли масс, борющихся за свое освобождение. В эпоху упадка определенного общественного строя искусство господствующего эксплуататорского класса окрашивается в пессимистические тона, сосредоточивает свое внимание на узко личных переживаниях, проникается эротическими мотивами, отдает обильную дань формалистическим увлечениям. Примерно так же обстоит дело и в области философии. Философские системы, созданные идеологами восходящей буржуазии, проникнуты оптимизмом, бодростью, жизнерадостным свободомыслием, тогда как у идеологов реакционной буржуазии (у Ницше, Шопенгауэра, Шпенглера, Кроче, Тойнби, Сантаяны) ясно выражены, напротив, настроения упадка, пессимизма, ненависти к передовым силам общества.

Все сказанное означает, что для понимания идеологии определенного класса в тот или иной исторический период недоста-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 2, 1955, стр. 144.

точно знать экономические отношения. Необходимо знать также *общественную психологию* данного класса, преобладающие в нем настроения. По словам Плеханова, без понимания общественной психологии «нельзя сделать ни шагу в истории литературы, искусства, философии и проч.» [1]

Общественная идеология класса возникает не как обобщение психологии класса, не как простое систематизирование того, что бродит в головах членов этого класса. Идеология предполагает осмысливание реальных общественных отношений, социальных процессов, борьбы классов. Идеология того или иного класса, возникая как отражение определенных общественных отношений, опирается на предшествующее развитие данной идеологической области, на предшествующий идеологический материал, который видоизменяется в соответствии с экономическим положением и интересами данного класса, в связи с состоянием борьбы классов.

Значит ли это, что между идеологией пролетариата и его психологией нет связи? Нет, не значит. Научная идеология пролетариата ясно выражает то, что смутно и неясно чувствует пролетариат, то, к чему он тянется и влечется стихийно. *Условием* возникновения идеологии пролетариата было развитие стихийного движения рабочего класса, его выступления со своими требованиями, в которых уже имелись проблески классового сознания. До тех пор, пока это лишь проблески, предчувствия, а не ясное знание, не глубокое понимание целей движения, до тех пор, пока это по преимуществу *психология*, рабочий класс идейно еще находится в значительной мере в плену буржуазной идеологии. История показывает, что рабочий класс во всех странах, пока он не имел своей идеологии, разработанной Марксом и Энгельсом, своей партии, вносящей социалистическую идеологию в его ряды, находился под идейно-политическим влиянием буржуазии. С появлением марксистской партии, с распространением научного социализма рабочий класс все больше осознает свои классовые интересы и освобождается из-под власти буржуазных идей. Психология рабочих, особенно их передовой части, под влиянием социалистической идеологии приобретает черты большей зрелости и осознанности. Стихийное, «инстинктивное» влечение рабочих к социализму поднимается на уровень социалистической сознательности. Но, разумеется, необходима революционная борьба, необходимо коренное изменение условий жизни рабочего класса, чтобы целиком освободить его от буржуазного влияния. Только после свержения власти капитала, только на основе социалистической диктатуры рабочего класса может быть решена задача полного и окончательного освобождения психологии рабочих от старых привычек и традиций.

---

[1] *Г. В. Плеханов*, Избранные философские произведения, т. II, 1956, стр. 248.

Это тем более относится к непролетарским слоям трудящихся, наиболее зараженным предрассудками буржуазного общества. По отношению к непролетарским слоям рабочий класс и его коммунистическая партия выступают в роли организатора и воспитателя. Лишь после социалистической революции может быть в полной мере «осуществимо просвещение, воспитание, организация самых широких трудящихся и эксплуатируемых масс вокруг пролетариата, под его влиянием и руководством, избавление их от эгоизма, раздробленности, пороков, слабости, порождаемых частной собственностью, превращение их в свободный союз свободных работников» [1].

Марксистская партия, руководя борьбой рабочего класса и широчайших масс трудящихся, не может не учитывать разницу в психологии разных классов и социальных групп, а также изменения в психологии, происходящие под влиянием изменений в общественном бытии, под влиянием крупных исторических событий. Ленин не раз отмечал различие в психологии рабочих и мелких хозяйчиков, говорил о влиянии мелкобуржуазной психологии на рабочих и указывал на большую опасность этого влияния. Мелкие товаропроизводители, писал Ленин в 1920 г., «окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию» [2].

Даже после того, как решена задача преобразования крестьянского хозяйства в социалистическое, остатки мелкобуржуазной психологии в силу отставания сознания людей от их бытия продолжают существовать. «*В артели не завершается, а лишь начинается дело* создания новой общественной дисциплины, дело обучения крестьян социалистическому строительству,— предупреждал XVI съезд ВКП(б).— В колхозах крестьяне окончательно изживут мелкособственническую психологию, жажду частнохозяйственного накопления, унаследованную от поколений мелких частных собственников, лишь в результате годов упорной работы над подведением под колхозы базы крупного механизированного хозяйства, упорной работы над созданием кадров из среды колхозников и культурного подъема всей колхозной массы».

В этом сложном процессе переделки психологии и идеологии целых классов сказываются, поскольку речь идет об отдельных людях, принадлежащих к этим классам, и особенности их индивидуального сознания. В каком же соотношении друг с другом находятся *общественное* и *индивидуальное* сознание?

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 163.
[2] Там же, стр. 27.

Ясно, что неправильно отрывать индивидуальное сознание (сознание личности) от общественного сознания, как это делают буржуазные социологи. Общественное сознание существует не вне отдельных индивидов, а в их головах. Индивидуальное сознание есть сознание индивида, живущего в обществе и связанного с определенным классом, и потому по своей сущности, идейному содержанию оно является выражением общественного, классового сознания.

Внутри каждого класса существуют различные слои, каждый из них наряду с общими имеет и свои особые черты сознания, которые было бы неправильно сводить к «индивидуальному» сознанию. Но это не значит, что у людей того или иного класса или определенной социальной группы нет индивидуальных особенностей сознания, вытекающих из конкретных условий жизни каждого человека: особенностей воспитания, разнообразных политических и идеологических влияний, которые данный человек получает на протяжении своей жизни в общении с другими людьми, при чтении книг и т. д. Известно, что люди одного класса в частностях, в подробностях не одинаково переживают социальную действительность, по-разному реагируют на исторические события. Как нельзя выводить индивидуальное сознание только из условий жизни данного лица (игнорируя главное — общественное бытие класса, борьбу классов и т. д.), так невозможно игнорировать и особенности индивидуального сознания, хотя они и не имеют решающего значения. Иначе нельзя объяснить многое, например, в образе мыслей и поступках тех или иных лиц, когда последние вступают в конфликт со своим классом.

Горький в образе Фомы Гордеева показал человека, которому стало «тесно» в рамках своего класса и который бросил в лицо купечеству слова правды о той страшной жизни, которой оно живет. О том, как он пришел к этому протесту, Фома мог сказать немногое: «Жил я… Смотрел… Нарвало у меня в сердце. И вот — прорвался нарыв…» Конечно, решающее значение имело здесь влияние общественного бытия, общественных противоречий. Но как они отразились в сознании Фомы Гордеева, почему именно он отважился на протест — это связано с особенностями его индивидуального бытия и сознания, раскрытыми в романе Горького.

В период обострения социальных противоречий некоторая часть членов господствующего класса, лучшая часть его интеллигенции, отрекается от него и переходит на позиции революционного класса. Это явление имеет свои социальные причины, оно отражает приближающуюся гибель старого строя. Однако непосредственные причины такого перехода у отдельных лиц могут быть весьма различными и связаны именно с особенностями их индивидуального бытия и сознания.

Марксистская партия не может не учитывать в своем отношении к интеллигенции в капиталистическом обществе этих особенностей. Разнообразны пути, которыми отдельные ученые, инженеры, деятели искусства и т. д. приходят к социализму. Некото-

рые из них приходят к социализму через прямое участие в борьбе рабочего класса; другие идут к нему через данные своей науки, осмысливание которых требует правильного, марксистского мировоззрения; третьи, выражаясь словами Маяковского бросаются в коммунизм «с небес поэзии», ибо коммунизм дает выход их гуманистическим чувствам; иные в раннем детстве столкнулись лицом к лицу с проявлениями социальной несправедливости и т. д. Учитывая различные условия, приводящие представителей буржуазной интеллигенции к сближению с социалистическим движением рабочего класса, марксистская партия привлекает их под свое знамя, к великому делу борьбы за коммунизм.

В борьбе с пережитками капитализма в сознании людей в социалистическом обществе также необходимо учитывать особенности индивидуального сознания тех или иных лиц. Существование этих пережитков, их живучесть объясняются рядом причин, о которых речь будет дальше. Но почему тот или иной пережиток встречается именно у этих, а не у других лиц той же общественной группы, прослойки, профессии и т. д., можно объяснить, лишь учитывая особенности их индивидуального бытия. Поэтому необходима дифференцированная работа по коммунистическому воспитанию трудящихся не только применительно к особенностям отдельных групп, но и к особенностям отдельных лиц, особенностям их индивидуального сознания и поведения.

В теоретической работе в области общественных наук и в политической деятельности также нельзя не считаться с индивидуальными особенностями сознания. Если от них можно отвлечься в социологических обобщениях (при характеристике идеологии классов и т. д.), то в исторической науке при выяснении роли тех или иных исторических деятелей нельзя не учитывать индивидуальных особенностей характера этих деятелей, поскольку эти особенности накладывают отпечаток на ход исторических событий. С этими особенностями необходимо считаться также при подборе и расстановке кадров для практической деятельности.

Проблема общественного и индивидуального сознания всегда стоит перед художником, ибо в произведениях искусства все типическое раскрывается через индивидуализированные образы.

4. Относительная самостоятельность развития общественных идей

Из того, что общественное сознание определяется общественным бытием, вовсе не вытекает, будто оно не имеет никакой самостоятельности в своем развитии. Нет, дело обстоит значительно сложнее. Уже то, что сознание есть отражение бытия и изменяется *вслед* за изменением общественного бытия, говорит о том, что сознание может отставать от бытия и, следовательно, мо-

жет известное время не соответствовать изменившемуся бытию людей.

Старые общественные идеи и теории, представления и чувства обладают большой живучестью и сохраняются значительное время после того, как породившие их материальные условия коренным образом изменились. Кроме силы привычки, их живучесть объясняется и заинтересованностью определенных общественных сил в их сохранении.

Но сознание может не только отставать от общественного бытия. Оно может и опережать практическую деятельность людей и тем самым содействовать изменению общественного бытия. Это становится возможным тогда, когда выдающиеся деятели науки, искусства открывают еще скрытые за поверхностью явлений тенденции, видят направление общественного развития или по крайней мере более или менее ясно осознают потребности своего времени. Тогда они получают возможность ставить перед обществом, перед передовым классом назревшие вопросы общественной жизни, предвосхищать или предвидеть будущее. В общественных теориях выдающихся идеологов буржуазии (например, в «Общественном договоре» Руссо) в своеобразной форме, как говорил Маркс, предвосхищалось буржуазное общество. Картины будущего социалистического общества, созданные великими утопистами XIX в., возникли «из первого исполненного предчувствия порыва пролетариата к всеобщему преобразованию общества». Марксизм, открыв законы развития общества, сделал возможным научное предвидение в общественных науках. Опираясь на познание этих законов, классики марксизма-ленинизма научно доказали неизбежность, необходимость перехода от капитализма к социализму и многообразие форм этого перехода. История развития общества, в особенности за последние полвека, убедительно показала глубокую жизненность научных предвидений Маркса, Энгельса, Ленина, Коммунистической партии.

Относительная самостоятельность развития общественных идей состоит, далее, в том, что общественные идеи каждой новой исторической эпохи имеют преемственную связь с идеями прошлых эпох. Образованные представители определенного класса, разрабатывая его идеологию, не начинают с «пустого места», а опираются на идейный материал, созданный их предшественниками, причем отбрасывают одни идеи, усваивают и перерабатывают другие.

В силу этой исторической преемственности невозможно объяснить все содержание идеологии данной эпохи только на основе данных экономических отношений. На формирование христианской религии оказали влияние не только социально-экономические отношения рабовладельческой Римской империи, но и другие религии, в частности религиозные мифы восточных народов о страдающих, умирающих и воскресающих богах: о египетском боге Осирисе, персидском боге Митре, мифы буддийской рели-

гии, а также философские учения неоплатонизма и стоицизма. В современной христианской религии сохраняется содержание, унаследованное от первобытных времен. Было бы бессмысленным искать экономическое обоснование религиозных мифов о рождении Христа, о его чудесах, о его воскресении в условиях современного общества. Эти мифы переходили по традиции от одной эпохи к другой.

В каждой форме идеологии преемственная связь имеет свои особенности. В религии, которая является самой консервативной идеологической формой, преемственность выражается в виде воспроизведения традиционных, окаменевших догматов, мифов и обрядов (с приспособлением к новым условиям); в философии и науке — в сознательном использовании или более или менее радикальной критической переработке и дальнейшем развитии рационального содержания идейного наследия предшествующих эпох.

Отношение к старому наследию в различные исторические эпохи со стороны идеологов различных классов не одинаково. Что именно отбрасывается и что воспринимается из накопленного идейного материала, это зависит от исторической ступени развития данного общества, от экономического положения и интересов данного класса. Этим определяется и направление, в котором происходит изменение полученного в наследство идейного материала и глубина этого изменения. Так, философия французских материалистов XVIII в., как сказано во II главе, опиралась на философию их предшественников во Франции XVII в. (Декарт), а также английских мыслителей XVII в. (Локк), видоизменив ее применительно к условиям и потребностям класса буржуазии своего времени. Научный социализм Маркса и Энгельса возник как качественно новая ступень развития философской и общественной мысли, как идеология пролетариата на основе критического усвоения, преодоления недостатков и коренной переработки великих философских, исторических, экономических и социалистических учений начала XIX в.

Имея в виду преемственность в развитии идей, марксистская партия учит бережно относиться к идейному наследству прошлого, учит критически усваивать и развивать ценные достижения старой культуры, отбрасывая все отжившее и реакционное.

В реалистическом искусстве различных эпох имеется преемственность развития и непреходящие ценности, которые имеют познавательное значение и способны в течение веков оказывать большое идейно-эстетическое влияние на людей, служить передовым общественным силам нашего времени в их борьбе за светлое будущее. «Мы должны овладеть всем прекрасным литературным и художественным наследием прошлого, должны критически брать из него все полезное в качестве подспорья при создании произведений, построенных на материалах, почерпнутых из

жизни народа в нашу эпоху, в нашей стране»[1],— говорил Мао Цзэ-дун, обращаясь к работникам литературы и искусства своей страны.

Передовая мораль современного человечества — коммунистическая мораль также критически усваивает и развивает то положительное содержание, которое имелось в морали прошлых эпох.

Все это значит, что в передовых философских и общественных теориях, в искусстве и в морали прошлого, служивших определенным классам и носивших печать классового происхождения, имелось и общечеловеческое содержание, поскольку эти классы были в свое время прогрессивными и выражали в той или иной мере интересы и народных масс.

В социалистической идеологии пролетариата ее *классовое* содержание по своей сущности является в то же время *общечеловеческим*, ибо в лице пролетариата впервые в истории выступает класс, последовательно и до конца революционный, свободный от классовой ограниченности, историческая миссия которого состоит в создании бесклассового общества.

Преемственность в развитии общественных идей дает возможность понять идейное влияние одних стран на другие, в том числе и стран экономически отсталых на более развитые. Энгельс отмечал, что экономически отсталая в XVIII в. Франция могла играть в философии «первую скрипку», например, по отношению к Англии. Экономически отсталая Германия в конце XVIII и в XIX в. занимала в области философии ведущее место по отношению к Франции и Англии. В XX в. ведущую роль в философии, в дальнейшем развитии марксистской теории заняла Россия как родина ленинизма.

Для того чтобы идейное влияние одной страны на другую было плодотворным, необходимо, чтобы в этой последней была социально-экономическая почва, на которой могли бы взрасти семена идей, принесенных извне. Франция XVIII в. могла усваивать идеи передовой английской философии XVII в. и двигать их дальше, ибо этого требовали интересы борьбы с феодальным строем и его идеологией. Марксизм стал распространяться в России не раньше, чем в ней сложился пролетариат. В конце XIX в. капитализм в России стал особенно бурно развиваться, и в силу ряда исторических условий центр международного рабочего движения стал перемещаться в Россию. Вследствие этого марксизм в России получил особенно быстрое распространение и новое развитие.

Однако марксизм не просто был перенесен с Запада в Россию, как только в ней созрели для этого необходимые условия. Идейное развитие в самой России подготовляло почву для распространения марксизма. Ленин отметил, что в течение полувека, примерно с 40-х до 90-х годов XIX столетия, передовая мысль России в

[1] *Мао Цзэ-дун*, Избранные произведения, т. 4, М., 1953, стр. 142.

условиях невиданно дикого гнета царизма жадно искала правильную революционную теорию, тщательно изучая передовую революционную мысль других стран. «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы. Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине, революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире» [1].

Свое дальнейшее развитие идеи марксизма получили в ленинизме, который является марксизмом новой эпохи, эпохи империализма и социалистических революций. Марксистско-ленинские идеи стали путеводной звездой для рабочего класса и трудящихся всех стран мира в их борьбе за социализм.

Относительная самостоятельность развития идеологии выражается, далее, в том, что формы идеологии находятся во взаимодействии как между собой, так и с политической и юридической надстройкой. Все формы идеологии испытывают на себе серьезное влияние политической борьбы классов (которая сама обусловлена экономическим развитием) и сами в свою очередь оказывают влияние на политическую и юридическую надстройку. Ленин писал, что борьба партий в философии «в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества». Духом партийности, классовым, политическим содержанием проникнуты и другие формы общественного сознания в классовом обществе.

Каждая форма общественного сознания оказывает то или иное влияние на другие формы и испытывает на себе их влияние. Нельзя понять многого во французском искусстве конца XVIII — начала XIX в., не учитывая влияния на него философии просветителей. Нельзя понять философии средних веков без знания роли религии в ту эпоху. Научная материалистическая философия нового времени формировалась в борьбе против религии и в тесной связи с ростом научных знаний, в особенности достижений естественных наук. Марксистская философия в XX в. поднялась на новый этап своего развития, опираясь на развитие общественной практики и на достижения естественных и общественных наук. Она сама оказывает могучее влияние на все области современной науки.

Попытки вывести все элементы содержания той или иной общественной теории или произведений искусства непосредственно

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 9.

из экономического базиса, не учитывая посредствующих звеньев, как уже сказано в XIV главе, являются вульгаризацией исторического материализма [1].

Таким же искажением исторического материализма является попытка вывести *развитие* идеологии непосредственно из материального производства, из техники, из уровня производительных сил. Если бы, например, развитие искусства точно соответствовало уровню материального производства, то искусство средних веков было бы выше античного искусства.

Но дело обстоит сложнее. Античное искусство, созданное в условиях сравнительно невысокого развития производительных сил, дало тем не менее высокохудожественные произведения (древнегреческий эпос, лирика, драма, скульптура, архитектура и др.). Почвой для расцвета древнегреческого искусства явились развитие рабовладельческой демократии и патриотический подъем в борьбе за независимость страны. На греческое искусство сильное влияние оказала мифология, в которой действительность была бессознательно художественным образом переработана народной фантазией. Как говорил Маркс, «греческая мифология составляла не только арсенал греческого искусства, но и его почву».

Феодальное общество было неблагоприятно для развития искусства в силу господства церкви и религиозной идеологии с ее проповедью аскетизма, отречения от земных радостей и т. д. Это не исключало, однако, появления и в эту эпоху замечательных произведений устного народного творчества, ремесленного производства, зодчества и т. п., которые были шагом вперед в развитии искусства. Упадок феодализма в Европе и рост новых экономических отношений, предполагавших освобождение личности от крепостных пут и духовной диктатуры церкви, вызвали огромный интерес к великим творениям классической древности. «...В вырытых из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир — греческая древность; перед ее светлыми образами исчезли призраки средневековья...» — писал Энгельс.

С подъемом общественных движений, направленных против феодализма, а не непосредственно с ростом техники связан расцвет искусства в XIV—XVI вв. в Италии, Испании, Франции, Англии, Германии и других европейских странах, появление гениальных творений Данте, Сервантеса, Рабле, Шекспира и других великих художников слова, творений, воплотивших в себе с особой полнотой национальный гений своих народов.

---

[1] Приведем еще один пример. Последователь махиста А. Богданова Шулятиков прямо выводил философские категории «материя» и «движение» из взаимоотношений основных классов капитализма (материя — пролетариат, движение — буржуазия). Ленин охарактеризовал эти рассуждения как «карикатуру на материализм в *истории*».

Точно так же блестящий расцвет литературы и искусства в России XIX в. не может быть выведен прямо из технико-экономического уровня ее развития. Он может быть понят в связи с ростом освободительного движения в России, направленного против крепостничества, с ростом национального самосознания русского народа, при учете исторической преемственности в развитии литературы и искусства, идейных влияний других стран и т. д.

Капитализм в его современной стадии, создав высокую технику, не только не создал благоприятных условий для развития искусства, а, наоборот, разлагающе действует на искусство. Капитализм превратил способности и таланты людей в «меновую стоимость», сделал искусство предметом купли-продажи и поставил его в зависимость от капитала, т. е. от вкусов и запросов буржуазной публики. Произведения великих западноевропейских писателей XIX в. Стендаля, Бальзака, Гюго, Диккенса и других могли вырасти на почве капитализма лишь как прямое или косвенное выражение протеста против обезличивающих условий капиталистического общества, его волчьей морали, его преступлений против гуманизма.

Все это говорит о невозможности выводить искусство прямо и непосредственно из уровня технического или экономического развития. Развитие всех идеологических форм определяется развитием материального производства и экономики, но оно определяется ими лишь в конечном счете. Экономика (изменение экономических отношений, потребности экономического развития общества) определяет то направление, в котором развивается общественное сознание и изменяется накопленный идейный материал. В этом состоит определяющая роль экономики по отношению к развитию идеологии.

Отсюда следует, что, как ни велико значение преемственности, традиций и т. п. в развитии идеологии в любой ее форме, все же развитие идеологии нельзя понять, не обращаясь в конечном счете к экономическому развитию общества, к жизни, труду народных масс, к борьбе классов за свои экономические интересы.

Равным образом, как ни велико бывает значение индивидуального гения мыслителя или художника в разработке идеологии или в художественном творчестве, нельзя ни одну область идеологии объявить продуктом личной гениальности. Когда некоторые современные буржуазные теоретики в области эстетики утверждают, что искусство не зависит ни от чего, кроме воли художника, что живопись не отражает действительный мир, а создает его, что великий художник замурован в своем «музее воображения», они повторяют старые, давно раскритикованные идеалистические теории. Отрицая связь искусства с общественной жизнью, проповедуя безыдейность искусства, они хотят, чтобы искусство отвлекало народные массы от борьбы за их насущные интересы.

Относительная самостоятельность в развитии общественного сознания, общественных идей выражается особенно ярко в обратном воздействии всех форм идеологии на экономическую основу общества, на развитие всей общественной жизни.

5. Роль идей в общественном развитии

Среди противников марксизма распространено ошибочное утверждение, будто марксизм отрицает роль идей в общественной жизни и сводит всю историю к действию одной экономики. На деле отрицание роли идей свойственно материализму вульгарному, а не диалектическому.

Вульгарный, или «экономический», материализм действительно ограничивается тем, что констатирует зависимость идей от экономических условий, причем, как мы видели выше, и эту зависимость понимает крайне упрощенно, выводя идеи непосредственно из экономики, либо из техники, либо даже из того, какое питание получают люди.

Для вульгарного материалиста достаточно констатировать, что рабочий мыслит иначе, чем буржуа, в силу разницы в материальных, экономических условиях жизни; на этом его анализ заканчивается. С точки зрения вульгарного материализма экономика автоматически, из себя рождает философские и другие идеи. Вульгарный материалист не в состоянии понять, почему и как возможны такие явления, когда рабочий мыслит по-буржуазному или когда отдельные люди господствующего класса идейно порывают с ним. Почему, например, Л. Н. Толстой, связанный своим происхождением и положением с дворянством, создал произведения, в которых он поднялся значительно выше интересов своего класса, отразил положение и взгляды патриархального крестьянства, его протест против гнета и эксплуатации? Ответить на подобные вопросы нельзя, не обращаясь к сложной картине социальной борьбы, в частности идейной борьбы в соответствующий период, не признавая активной роли идей в общественной жизни, их влияния на отдельных лиц и на различные слои населения.

Будучи не в состоянии ответить на подобные вопросы, вульгарные материалисты открывают широкие возможности идеалистам спекулировать на «вечных идеях», «не зависимых» от жизни и «определяющих» действия людей всех классов. Идеализм в объяснении общественных явлений берет реванш там, где материализм становится на путь одностороннего, упрощенного, примитивного анализа общественных явлений.

А практический вред вульгарного материализма состоит в том, что он обрекает людей на пассивность. Раз экономические законы все делают сами, автоматически, а люди и их сознание не играют никакой роли, то незачем и познавать экономические законы. Если, например, социализм с необходимостью должен

прийти на смену капитализму, то, по взглядам вульгарных материалистов (и недалеких критиков марксизма из буржуазного лагеря, знакомых с марксизмом понаслышке), бесполезно развивать социалистическое сознание рабочих, пытаться идеологической борьбой влиять на объективный процесс развития общества к социализму. Если экономические законы современного капитализма порождают войны, то с точки зрения вульгарного материализма война неотвратима и бесполезно против нее бороться. Короче говоря, с этой вульгарной, чуждой марксизму точки зрения человечество бессильно перед неотвратимым, фатальным ходом истории, не может влиять на него. Оно может лишь созерцать этот ход.

Коренной теоретический порок вульгарного материализма в общественных науках состоит в непонимании диалектики исторического процесса. Вульгарные материалисты не понимают, во-первых, что историческая необходимость, объективные законы действуют в обществе не сами по себе, а лишь через деятельность людей. Законы общественного развития, как уже отмечалось выше,— это законы деятельности людей. Пока эти законы не познаны, люди бессильны перед ними. Познав эти законы, люди приобретают могучее оружие для сознательного преобразования действительности в соответствии с назревшими потребностями развития общества. Люди могут использовать объективные законы в интересах общества, могут предотвратить неблагоприятные действия некоторых других законов. Они могут, следовательно, ускорить преобразование старого общества в новое, могут сознательно бороться против империалистической войны и не допустить ее и т. д. Во-вторых, вульгарные материалисты рассматривают экономический базис общества и его надстройку с позиций метафизически, механистически понятой причинности: причина и следствие рассматриваются ими как два неизменных противостоящих полюса и упускается из виду диалектическое *взаимодействие* между ними. «Эти господа,— писал Энгельс о подобного рода вульгаризаторах,— часто намеренно забывают о том, что, как только историческое явление вызвано к жизни другими, в конечном итоге экономическими причинами, так оно тоже воздействует на окружающую среду и даже может оказывать обратное действие на породившие его причины»[1].

Исторический материализм учит, что общественные идеи, порожденные экономическим развитием, также могут оказывать серьезное воздействие на экономическое развитие, на политическую борьбу, на всю общественную жизнь. «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие,— писал Энгельс,— основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу»[2].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные письма, 1953, стр. 463—464.
[2] Там же, стр. 470.

Активная роль общественных идей и возможна именно потому, что сами идеи имеют корни в материальной действительности. Идеализм, отрывая идеи от действительности, делает их роль мистической, не поддающейся пониманию. Как могут идеи воздействовать на реальную жизнь, если они с ней не связаны и не имеют с ней ничего общего? Исторический материализм, выводя идеи из материального источника, дает возможность правильно понять их роль в том мире, из которого они произошли.

Буржуазные идеологи, утверждающие, что марксизм отрицает роль идей, сознательно клевещут на марксизм.

Как может марксизм отрицать роль идей, когда вся жизнь основоположников марксизма была посвящена выработке революционной теории и ее распространению в массах? Известно, что Ленин и другие ученики Маркса и Энгельса никогда не забывали о дальнейшей разработке марксистской теории даже в дни наиболее острых классовых битв. В годы напряженной борьбы против империалистической войны (в 1916 г.) Ленин написал свою теоретическую работу об империализме как высшей стадии капитализма, уделял большое внимание вопросам философии, как об этом свидетельствуют его «Философские тетради». В 1917 г., в период непосредственной подготовки Октября, Ленин написал книгу «Государство и революция», осветившую отношение социалистической революции к буржуазному государству и сущность социалистического государства. Эти факты показывают, как высоко оценивают марксисты активную роль идей.

Марксизм учит, что общественные идеи бывают разные. Есть идеи передовые и есть идеи реакционные. И те и другие играют активную роль в общественной жизни, но эта роль глубоко различна. Передовые идеи, выражающие интересы передовых общественных классов и потребности общественного развития, служат прогрессу, помогают обществу разрешать вставшие на очередь исторические задачи. Передовые идеи, если они овладели умами миллионов людей, ускоряют общественное развитие.

Реакционные идеи служат интересам сил, стремящихся сохранить старые общественные порядки; они тормозят развитие общества. Рано или поздно противоречия между реальными потребностями жизни народа и отжившими идеями разрешаются в пользу народа, в пользу передовых идей. Но до этого реакционные идеи могут принести и приносят немало вреда народам. Поэтому нельзя рассчитывать на фатальную победу новых идей над старыми. Необходима борьба за новые идеи, за новые идеалы, за их распространение в массах.

Новые общественные идеи возникают тогда, когда экономическое развитие поставило перед обществом новые задачи. Они потому и возникают, что без них невозможно решение этих задач. Однако сами по себе новые идеи не выводят и не могут вывести людей за пределы старого общества. Только проникнув в массы, овладев их сознанием, они ста́новятся великой движущей силой. Теория становится материальной силой, когда она овладевает массами, учит марксизм. Угнетенные массы благодаря передовым идеям осознают свое положение, свои коренные интересы и под руководством передовых классов и их политических партий

выходят на арену сознательного исторического творчества, их стихийная борьба поднимается на уровень сознательной борьбы. Революционные периоды отличаются наиболее высоким уровнем сознательности масс, в эти периоды роль идей проявляется с особой силой. Новые общественные идеи, став достоянием масс, организуют и мобилизуют их для борьбы и облегчают им свержение отживающих сил, задерживающих общественное развитие.

Историческая роль новых идей не всегда одинакова. Она зависит: 1) от характера общественных отношений, на основе которых появляются новые идеи, 2) от исторической роли того класса, который выступает под знаменем новых идей, 3) от степени правильности, точности отражения в идеях назревших потребностей общественного развития, 4) от степени их распространения в массах и влияния на массы.

В первые века нашей эры, в период упадка рабовладельческого общества, новые идеи, выступая в религиозной форме (христианство), овладели сознанием рабов и обездоленных масс Римской империи. В новой религии, пришедшей на смену древним религиям, содержался протест против рабства и насилия, против богатства и роскоши власть имущих. Но христианство, как и всякая религия, не в состоянии было указать массам путь освобождения от рабства. Оно утешало отчаявшиеся массы проповедью избавления от земных страданий в фантастическом потустороннем мире, в вымышленном царстве небесном.

Просветительские идеи XVIII в., направленные против христианских идей средневековья, сыграли революционную роль. Они стали знаменем народных масс, мобилизовали массы для свержения старого строя. Идейная критика феодального строя, его учреждений и идеологии подготовила критику этого строя силой оружия, штурм Бастилии. Новые идеи нашли свое выражение не только в ученых (философских, политических, моральных и т. п.) трактатах, но и в живописи, литературе, музыке. Они действовали на умы и чувства масс, возбуждали гнев народа против сил реакции, внушали уверенность в победе.

При всем различии той роли, которую играют новые общественные идеи в различные исторические эпохи, их появление и их борьба со старыми идеями всегда были выражением глубоких социальных переворотов, назревавших или уже происходивших в обществе. «Когда древний мир клонился к гибели, древние религии были побеждены христианской религией. Когда христианские идеи в XVIII веке гибли под ударом просветительных идей, феодальное общество вело свой смертный бой с революционной в то время буржуазией» [1].

Идеология одного и того же класса может претерпевать существенные изменения в зависимости от изменения положения это-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1958, стр. 54.

го класса в обществе. Пока буржуазия вела борьбу с феодализмом, а противоречия капиталистического способа производства еще не развернулись, буржуазные идеологи были способны к относительно объективному исследованию общественных явлений. С приходом буржуазии к власти, с ростом социальных противоречий роль буржуазной идеологии изменилась. «Бескорыстное исследование уступает место сражениям наёмных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой»[1] капитализма. Эти слова Маркса, характеризующие состояние политической экономии со времени установления политического господства буржуазии, относятся и к другим областям буржуазной общественной науки. С переходом капитализма в стадию империализма буржуазная идеология приобретает особенно реакционный характер. Ее главной задачей становится «уничтожение» научного социализма, революционной идеологии пролетариата. Буржуазная идеология стремится увековечить империализм, подчинить массы трудящихся буржуазии, парализовать их волю к борьбе за свое освобождение. Так буржуазная идеология пришла в непримиримое противоречие с потребностями общественного развития и стала силой, тормозящей развитие общества.

Если для идеологов передовой буржуазии была характерна вера в социальный прогресс и в творческие силы человека, в его разум, в торжество науки над религиозными и иными предрассудками, в торжество свободы и равенства, национальной независимости и мира между народами, то современная буржуазная идеология в значительной мере утратила эти черты. Идеологи наиболее реакционных кругов буржуазии вместо равенства защищают господство «касты сильных» (высшей расы, «элиты»), вместо национальной независимости — порабощение народов капиталистическими монополиями в «мировом государстве», вместо мира — войну. Веру в человеческий разум они заменили проповедью иррационализма и агностицизма, идею прогресса — идеей «стабильности», идею свободы — идеей «порядка», идею достоинства человека — идеей врожденной испорченности человека и т. д. Буржуазная философия, общественные науки, искусство, мораль, этика, проникаясь этими идеями, переживают глубокий упадок.

Развитие капитализма порождает не только реакционные идеи, выражающие интересы буржуазии, но и революционные идеи, выражающие интересы пролетариата и других прогрессивных сил, стремящихся покончить с капитализмом.

Социалистическая идеология вскрывает все противоречия капиталистического общества, доказывает его преходящий характер и неизбежность смены капиталистического общества социалистическим. Она служит пролетариату *«для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией»* (Ленин). Неотъемлемой чертой этой идеологии, вытекающей из условий борьбы рабочего класса, является интернационализм, солидарность рабочих всех стран в борьбе за

---

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, 1955, стр. 13.

свое освобождение, сочетание национальных интересов рабочего класса каждой страны с задачами всемирного рабочего движения.

Если идеология передовых классов прошлого, несмотря на отсутствие научного материалистического понимания истории, могла оказывать огромное преобразующее влияние на общественную жизнь, способствовала устранению старого и созданию нового общества, то тем большую силу и качественно новый характер воздействия приобретает социалистическая марксистская идеология, чуждая всяких иллюзий и утопизма, дающая трудящимся ясное понимание условий и перспектив их борьбы. Ее могучее влияние на общественную жизнь определяется: 1) научным характером социалистической идеологии, ее истинностью, правдивостью, 2) тем, что она выражает интересы самого революционного класса, который, освобождая себя, освобождает и все общество от всех форм эксплуатации. «Непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к этой теории социалистов всех стран, в том и состоит, что она соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно. В самом деле, задачей теории, целью науки — прямо ставится тут содействие классу угнетенных в его действительно происходящей экономической борьбе» [1].

Марксистская теория дает борцам за новое общество последовательно научное мировоззрение, не совместимое ни с какой реакцией, ни с какими предрассудками. Это мировоззрение является методом познания и преобразования действительности, научным основанием политики марксистской партии, ее стратегии и тактики, идейным фундаментом новой морали, социалистического искусства.

6. Роль социалистической идеологии в борьбе за победу коммунизма

В условиях социализма роль передовых идей, их воздействие на все стороны общественной жизни возрастает более, чем когда-либо в прошлом. Это объясняется прежде всего экономическим строем социализма, характером законов его развития. В условиях социализма люди впервые получают объективную возможность — и чем дальше, тем во все большей мере — сознательно, на основе науки, планово направлять общественное развитие.

В обществе, основанном на частной собственности на средства производства, развитие происходит стихийно, т. е. вне

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 1, стр. 308.

контроля со стороны людей. Об этом свидетельствуют, например, кризисы перепроизводства, которые при капитализме люди не в состоянии предотвратить, подобно тому как они не могут предотвратить солнечные затмения. Стихийные силы общественного развития господствуют над людьми и поэтому кажутся мистическими, таинственными, что способствует распространению религиозных суеверий, фатализма, веры в судьбу и т. п.

Социализм делает отношения людей между собой и их отношения с природой прозрачными и ясными, лишенными мистического тумана. Он создает объективные условия для освобождения сознания людей от превратных, фантастических представлений о действительности, от свойственного буржуазному сознанию фетишизма. Марксистско-ленинская теория благодаря открытию законов развития общества сделала возможным научное предвидение общественных явлений. Все это в огромной степени увеличивает действенность сознания. Основоположники марксизма назвали социализм царством свободы, где люди, познав закономерность, необходимость, господствуют над ней и сознательно строят свои общественные отношения.

Конечно, и при социализме общественное сознание не может сразу отражать все изменения в общественном бытии, все его стороны. Это верно не только для обыденного, массового сознания, не вооруженного передовой теорией, но и для теоретического мышления. Как ни прозрачны и разумны производственные отношения социализма, законы их развития не лежат на поверхности явлений, и обыденное сознание, стихийно складывающееся под влиянием экономических отношений, не в состоянии открыть эти законы. Их может открыть лишь теоретическое мышление, опирающееся на практику.

Сила Коммунистической партии состоит в том, что она, руководствуясь марксистско-ленинской теорией, знанием законов развития общества, вскрывает противоречия и тенденции развития и на каждом новом этапе умеет найти то *главное звено*, ухватившись за которое можно успешно решить все задачи данного периода. Поскольку идеи, призывы, задачи, выдвигаемые партией, правильно выражают назревшие потребности общественного развития, они способны оказывать и оказывают могучее влияние на развитие общества.

Марксистская партия стремится до конца использовать великую действенную силу передовой теории, заботится о ее чистоте, творчески развивает ее в связи с развивающейся практикой, борется против всяких проявлений догматизма и ревизионизма.

Догматизм выражает отношение к теории как к сумме догм, пригодных на все случаи жизни. Он отказывается от развития теории на основе практики, от обобщения практического опыта масс. Он изменяет важнейшему принципу диалектики — абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. Ясно, что, стоя

на почве догматизма, нельзя дать правильных ответов на те новые вопросы, которые ставит жизнь, практика масс.

Ревизионизм, напротив, изменяет руководящим, коренным положениям марксистской теории, проверенной историческим опытом, и становится, таким образом, на путь измены делу рабочего класса. Вот почему марксисты с особой нетерпимостью борются против ревизионизма, против извращения принципов, коренных положений своей теории.

Для мобилизации масс на решение тех или иных практических задач недостаточно, чтобы идеи правильно отражали социальную действительность и выражали коренные интересы масс. Необходимо, чтобы эти идеи были широко распространены и восприняты массами трудящихся и чтобы сами массы на собственном опыте убедились в правильности этих идей. Социалистический строй создает все условия для пропаганды марксистско-ленинских идей в массах. Это стало возможно потому, что все средства пропаганды находятся в руках народа. Марксистские партии социалистических стран на каждом этапе строительства нового общества помогают массам осмысливать историческое значение их собственных действий, повышают сознательность масс, способствуют подъему их творческой инициативы и самодеятельности. Каждый новый шаг на пути строительства социализма и коммунизма осуществляется при возрастании инициативы масс. В современную эпоху марксистская теория постоянно обогащается творческим опытом десятков и сотен миллионов строителей социализма и коммунизма. «В неразрывной связи с жизнью народа, его деятельностью, с развитием общества — великая сила нашей идеологии, идей коммунизма» (Хрущев). Партия требует от своих теоретических кадров в области общественных наук глубоко изучать процессы развития современного общества, закономерности перехода от социализма к коммунизму, опыт хозяйственного и культурного строительства, чтобы решать новые вопросы, выдвигаемые жизнью.

Вместе с тем партия подчеркивает громадное значение работы по коммунистическому воспитанию трудящихся, борьбы с буржуазной идеологией и ее пережитками в сознании трудящихся. Буржуазное воспитание прививает людям частнособственническую, индивидуалистическую психологию и мораль, религиозно-идеалистическое мировоззрение, культивирует расовые и националистические предрассудки. Напротив, коммунистическое воспитание призвано помогать формированию передовых людей, свободных от частнособственнической психологии, от националистических, религиозных и иных предрассудков. Его целью является воспитание сознательных, активных и преданных строителей коммунизма.

Партия ставит вопросы коммунистического воспитания трудящихся в тесную связь с задачами коммунистического строительства. Нельзя строить коммунизм, не воспитывая строителей

коммунизма, не преодолевая в людях пережитки старой идеологии и морали. «Осуществление грандиозного плана коммунистического строительства,— говорится в решениях XXI съезда КПСС,— требует решительного улучшения всей работы по воспитанию советских людей, повышению их коммунистической сознательности и активности, формированию нового человека в духе коллективизма и трудолюбия, сознания общественного долга, в духе социалистического интернационализма и патриотизма, в духе соблюдения высоких принципов морали нового общества» [1].

Коммунистическое воспитание — это многосторонний процесс формирования человека, его взглядов и чувств, его воли и характера, его действий и поступков. Оно включает в себя *политическое* просвещение и политическую закалку, воспитание активных и преданных строителей коммунизма. Политическое просвещение помогает трудящимся правильно ориентироваться в современной международной и внутренней обстановке и способствует росту их политической активности, дальнейшему развитию социалистической демократии, участию в управлении страной, в руководстве хозяйственным и культурным строительством, в обеспечении общественного порядка.

Коммунистическое воспитание предполагает, далее, вооружение трудящихся, молодежи *основами наук* и научным, *марксистско-ленинским мировоззрением*. Овладение этим мировоззрением отнюдь не сводится к заучиванию выводов марксистской науки. Ленин говорил, что «без работы, без борьбы книжное знание коммунизма ...ничего не стоит» и что нельзя усвоить марксистскую, коммунистическую науку, «не усвоив себе той суммы знаний, последствием которых является сам коммунизм» [2]. Марксистско-ленинское мировоззрение вооружает специалистов всех отраслей знания методом познания, является теоретической основой всех наук и могучим средством борьбы против религиозных предрассудков.

Коммунистическое воспитание есть также *нравственное* воспитание в духе требований коммунистической морали. Выступая на III съезде комсомола в 1920 г., В. И. Ленин указал на необходимость тесной связи образования и коммунистического воспитания молодежи с производительным трудом рабочих и крестьян, с их борьбой за новое общество. Эти ленинские указания служат основой всей работы по воспитанию молодежи и всех трудящихся в духе коммунистической нравственности. Партия ставит в центре воспитательной работы *трудовое воспитание всех людей, развитие сознательного, коммунистического отношения к труду*, чтобы труд превратился в первейшую жизненную потребность каждого. С этой целью осуществляется трудо-

---

[1] «Материалы XXI съезда КПСС», 1959, стр. 240—241.

[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 270.

вое воспитание подрастающего поколения, приближение школы к жизни, к производству. В соединении обучения с производительным трудом, в политехнизации школы партия видит не только путь к прочному овладению знаниями и подготовки к общеполезному труду, но и средство воспитания молодежи в духе требований коммунистической нравственности [1].

«Тесная связь обучения с жизнью, с производством, с практикой коммунистического строительства должна стать ведущим началом изучения основ наук в школе, основой воспитания подрастающего поколения в духе коммунистической нравственности» [2].

Коммунистическое воспитание есть также *эстетическое* воспитание, призванное содействовать развитию эстетических чувств, суждений и вкусов, пробуждению и развитию художественных способностей трудящихся. Важное место в коммунистическом воспитании молодежи занимает также *физическое* воспитание (в частности, спорт), которое наряду с укреплением здоровья способствует формированию таких качеств, как воля к победе, смелость, самообладание.

Коммунистическое воспитание имеет в виду всестороннее развитие человеческой личности, воспитание человека, в котором гармонически сочетаются духовное богатство, моральная чистота и физическое совершенство.

Социализм создает новых людей, с новым моральным и культурным обликом, с новыми духовными интересами и потребностями. Преданность коммунизму и непримиримость к его врагам, оптимизм и вера в творческие силы народа, любовь к родине и уважение прав других народов, преданность делу мира и сотрудничества между народами, сознание общественного долга, активное участие в труде на благо общества, товарищеская взаимопомощь, забота о человеке и уважение его достоинства, высокая сознательность, готовность преодолевать любые трудности в борьбе за коммунизм — эти черты духовного облика новых людей выросли и окрепли на почве социалистических преобразований, под благотворным влиянием социалистической идеологии.

Уничтожение частной собственности на средства производства и эксплуатации человека человеком подорвало почву частнособственнической психологии, буржуазно-националистических взглядов, религиозных предрассудков и т. д. Но пережитки прошлого еще сохраняются в сознании и поведении людей, хотя

---

[1] Составной частью коммунистического воспитания молодежи в общеобразовательной школе является политехническое образование, которое «знакомит с основными принципами всех процессов производства и в то же время дает ребенку или подростку навыки обращения с простейшими орудиями всех производств» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 199).

[2] *Н. С. Хрущев*, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, стр. 65.

не имеют опоры в социалистическом способе производства. Маркс писал, что, выйдя из капиталистического общества после долгих родовых мук, социалистическое общество «во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло» [1].

Пережитки капитализма в сознании людей социалистического общества серьезно мешают коммунистическому строительству. Они объясняются отставанием сознания от общественного бытия, а также влиянием капиталистического мира, который стремится поддерживать эти пережитки. Да и в самом бытии людей, в их экономических отношениях еще долгое время сохраняются некоторые следы старого общества. Социализм уничтожает свойственные старому обществу антагонистические противоречия между личными и общественными интересами, но еще не в состоянии в первое время полностью уничтожить возможности проявления частнособственнических, индивидуалистических пережитков. В условиях тех или иных трудностей и противоречий в развитии социалистического общества эти пережитки оживляются и могут получить значительное распространение. Сохранению частнособственнических пережитков могут способствовать нарушения социалистического принципа оплаты по труду. Нарушения ленинской национальной политики равноправия и дружбы народов могут питать националистические пережитки. Ослабление большевистской критики снизу способствует росту бюрократизма и ведет к нарушению принципов социалистической демократии. Недостатки идейно-воспитательной работы также способствуют сохранению пережитков старого общества.

Работа по коммунистическому воспитанию народа может быть успешной лишь тогда, когда пропаганда социалистической идеологии и идейное наступление на пережитки капитализма в сознании людей органически соединяются с практической работой по коммунистическому строительству, по дальнейшему подъему материального и культурного уровня жизни трудящихся. Идеологическая работа должна не только разъяснять теорию марксизма-ленинизма, но и способствовать ее практическому претворению в жизнь. Героические традиции Коммунистической партии, жизнь и деятельность Ленина должны стать образцом для поведения каждого молодого человека.

Очень большую роль в коммунистическом воспитании трудящихся играют сила передового примера в повседневном труде и в быту, критика и самокритика, моральный авторитет коллектива. Воспитательная работа общественных организаций — партийных, комсомольских, профсоюзных — должна быть дифференцирована применительно к отдельным слоям трудящихся и к отдельным людям. В борьбе с пережитками капитализма

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, стр. 13.

в сознании людей общественность пользуется методом убеждения, идейного влияния, стремясь предотвратить нарушения правовых и моральных норм общества. Общественные организации играют все возрастающую роль в обеспечении общественного порядка. В деятельности карательных органов государства, применяющих принуждение по отношению к преступникам, все большее значение приобретают меры убеждения, морального влияния, предупреждения преступлений.

Громадную роль в коммунистическом воспитании трудящихся играют литература и искусство. Отражая в художественных образах жизнь народа во всем ее многообразии, выражая лучшие идеи и чувства миллионов и неся их в массы, социалистическое искусство активно участвует в формировании новой психологии, новой морали, новых черт характера, высоких художественных вкусов, содействует преодолению в сознании людей пережитков и предрассудков прошлого, мешающих строительству коммунизма.

Главная линия развития литературы и искусства, говорит Н. С. Хрущев, «состоит в том, чтобы литература и искусство были всегда неразрывно связаны с жизнью народа, правдиво отображали богатство и многообразие нашей социалистической действительности, ярко и убедительно показывали великую преобразовательную деятельность советского народа, благородство его стремлений и целей, высокие моральные качества. Высшее общественное назначение литературы и искусства — поднимать народ на борьбу за новые успехи в строительстве коммунизма» [1].

Для перехода от социализма к коммунизму необходимы высокое развитие производительных сил, рост производительности труда и такая высокая сознательность людей, когда они добровольно будут трудиться по способности, когда труд на пользу общества и соблюдение правил человеческого общежития станут привычкой.

---

[1] *Н. С. Хрущев*, За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа, Госполитиздат, 1957, стр. 20.

ГЛАВА XVIII

РОЛЬ НАРОДНЫХ МАСС И ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

Выше, в XI—XVII главах, мы рассмотрели основные закономерности и движущие силы общественного развития, выяснили закономерности развития производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки, роль идей в развитии общества, законы классовой борьбы и революции. Есть еще одна проблема, без рассмотрения которой нельзя правильно понять исторические события и ход общественного развития. Это проблема взаимоотношения народных масс, классов, партий и вождей, вопрос о роли народных масс и личности в истории. В предшествующих главах мы уже с различных сторон подходили к этой проблеме и даже частично освещали ее. Теперь необходимо рассмотреть этот вопрос специально, в целом.

Социологи-идеалисты субъективистской и психологической школ считают, что главным двигателем истории являются выдающиеся личности, вожди, полководцы, короли. С точки зрения этих социологов, народ — это пассивная и инертная масса. Роль народа в истории, по мнению субъективистов, ничтожна и всецело зависит от роли выдающихся личностей или избранной «элиты» — аристократов мысли.

Исторический материализм считает главной силой истории народ, передовые классы, трудящиеся массы. Не личности определяют роль народа, а народ определяет роль личности. Проблема роли народных масс и личности в истории приобрела особо важное значение в современную эпоху, когда на арену всемирной истории выступили в качестве активной силы в борьбе за социализм и в национально-освободительном движении сотни миллионов людей.

1. Народные массы — решающая сила развития общества и творец истории

Историю творят люди, но не по произволу, не как кому вздумается, а по объективным законам, при определенных исторических обстоятельствах, которые обусловливают волю

и всю историческую деятельность масс, классов, партий и отдельных личностей. Основой, которая в конечном счете определяет историческую деятельность людей, являются условия материальной жизни общества. Развитие материального производства, изменение способа производства — вот главная сила, определяющая характер общественного строя и смену одной общественной формации другой. Главной же силой и двигателем материального производства являются *трудящиеся массы*. История общества есть поэтому прежде всего история трудящихся масс, история народов, а не история королей, царей, завоевателей и законодателей.

Народ — подлинный творец истории. Идеологи эксплуататорских классов рассматривают народные массы как нечто аморфное, безликое, неизменное и неспособное к самостоятельному историческому творчеству. Но это клевета на массы, ибо даже в условиях беспощадного угнетения и эксплуатации именно массы в конечном счете были главной движущей силой истории.

В процессе производства материальных благ трудящиеся производят и воспроизводят материальную жизнь общества, совершенствуют орудия производства, накапливают производственный опыт и тем создают *базу* для развития науки, техники, искусства. Даже в антагонистических формациях, где трудящиеся обречены на изнурительный физический подневольный труд, где наука, культура являются монополией эксплуататорских классов, усовершенствования технологии производства и орудий труда имеют своим источником производственный опыт работников производства. Как заметил Маркс, все усовершенствования и изобретения «возникают всецело и исключительно из общественного опыта и наблюдений, которые делает возможными и доставляет производство, осуществляемое совокупным, комбинированным в крупном масштабе рабочим» [1].

Даже в периоды медленного, эволюционного развития, в том числе в периоды политического застоя и реакции, когда массы политически спят, т. е. не участвуют сколько-нибудь заметно и активно в политической жизни, когда они дают «спокойно» эксплуатировать себя, трудовая деятельность народных масс двигает вперед развитие общества, определяет ход истории, прогресс всей цивилизации.

Движущей силой истории классовых общественных формаций является борьба классов и прежде всего борьба трудящихся масс за более прогрессивный общественный строй.

В период социальных революций народные массы поднимаются на сознательную и активную историческую деятельность, ломают сопротивление реакционных классов, стремящихся увековечить отживший общественный строй. Своей борьбой они разрешают коренные противоречия общественного развития,

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. III, 1955, стр. 84.

расчищают путь новому, более прогрессивному общественному строю, мужественно защищают его от реакционных сил.

Народ не есть нечто однородное, неизменное, это не абстрактная «масса» или «толпа», как его изображают идеологи эксплуататорских классов. Народ в классовом обществе состоит из различных классов и социальных групп с различными интересами. Внутри народа есть передовые и отсталые элементы, авангард и масса, есть противоречия между различными классами, группами и слоями. В связи с изменением экономических условий изменяется и классовый состав народных масс.

Основным ядром народных масс во все эпохи являются трудящиеся массы: рабы и плебеи в рабовладельческом обществе, зависимые или крепостные крестьяне и ремесленники при феодализме, рабочие и крестьяне в условиях капитализма. В антагонистических формациях трудящиеся массы противостоят господствующим эксплуататорским классам и их государству как силам враждебным. В социалистическом обществе народ составляют все слои и члены общества: рабочие, крестьяне, интеллигенция, связанные единством социалистических производственных отношений и вытекающей из них общностью коренных интересов.

По мере развития общества от низших ступеней к высшим, в ходе классовой борьбы растет сознательность и организованность народных масс, а вместе с тем и их роль в развитии общества.

Рабы своей борьбой и восстаниями подорвали рабовладельческий строй, привели его к гибели и подготовили условия для перехода к феодализму. Восстания крепостных крестьян в соединении с борьбой буржуазии, которая тогда была угнетенным классом, привели к падению феодального строя. Но ни рабы, ни крепостные крестьяне не могли создать такой общественный строй, при котором трудящиеся полностью были бы свободны от эксплуатации и угнетения. Для этого не было тогда материальных условий; эти условия созданы капитализмом. Пролетариат является таким угнетенным, эксплуатируемым классом, который по своему положению в обществе способен стать вождем и организатором всех трудящихся в их борьбе за освобождение от всякого угнетения и эксплуатации и построить бесклассовое коммунистическое общество. Эта способность не дана от природы, а вырастает исторически, из материальных условий крупного капиталистического производства, в котором занят рабочий класс. И рабочий класс уже доказал, что он способен стать вождем всех трудящихся. Под его руководством, во главе с его революционным авангардом в лице коммунистической партии трудящиеся массы СССР и стран народной демократии покончили с гнетом помещиков и капиталистов, установили свою власть на огромной части земного шара и успешно строят социализм и коммунизм.

«Вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объем массы, делом которой оно является» [1], — писал Карл Маркс в «Святом семействе». Это значит, что, чем глубже революционное преобразование общества, тем более широкие массы сознательно и активно участвуют в нем. Ленин назвал это положение одним из самых глубоких историко-философских положений марксизма [2] и раскрыл и другую сторону этого закона: «Чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов» [3].

Практика социалистической революции, как самого глубокого переворота в истории общества, наглядно показывает расширение объема масс, участвующих в революционном преобразовании, по мере углубления этих преобразований.

В буржуазных революциях главная задача трудящихся состояла в выполнении задачи разрушения старого строя. В социалистической революции угнетенные массы трудящихся во главе с пролетариатом и его партией выполняют не только задачу разрушения отжившего старого строя, но и задачу созидания нового общественного строя.

Во всех антагонистических формациях, за исключением революционных периодов истории, трудящиеся стоят как бы «вне политики», им «не до политики», ибо они придавлены материальной нуждой [4]. Полностью развертываются творческие силы народных масс только в эпоху социализма. «Социализм может быть построен только тогда,— говорил Ленин,— когда в 10 и 100 раз более широкие массы, чем прежде, станут сами строить государство и строить новую хозяйственную жизнь» [5]. Социализм строит под руководством рабочего класса и его партии вся масса трудящихся, весь народ и в интересах народа.

Социалистическая революция поднимает к активному и сознательному историческому творчеству «наинизшие низы общества» самые широкие массы трудящихся, пробуждает угнетенные массы во всем мире и тем в огромной степени ускоряет весь ход мировой истории.

«Основная причина этого громадного ускорения мирового развития,— писал Ленин,— есть вовлечение в него новых сотен и сотен миллионов людей» [6]. Когда пробуждается и приходит

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 2, 1955, стр. 90.

[2] См. *В. И. Ленин*, Соч., изд. 4, т. 2, стр. 491.

[3] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 467.

[4] Это не значит, однако, что народные массы вообще не участвуют в историческом движении, в борьбе классов. Речь идет здесь о том, что они отстраняются от активного участия в решающих вопросах политики, в управлении государством.

[5] *В. И. Ленин*, Соч., т. 28, стр. 380.

[6] *В. И. Ленин*, Соч., т. 33, стр. 313.

в движение большинство угнетенного, эксплуатируемого трудящегося человечества, то остановить это движение не в силах самые могущественные империалистические державы, указывал Ленин.

Чем объясняется небывалое в истории расширение «объема масс», активно и сознательно участвующих в социалистической революции, в строительстве социализма? Прежде всего тем, что социализм освобождает трудящихся навсегда от всякого социального гнета и эксплуатации.

В антагонистических обществах трудящиеся, создавая материальные блага, двигали вперед развитие производительных сил, но они были эксплуатируемой, угнетенной силой. В социалистическом обществе целью производства является максимальное удовлетворение материальных и культурных потребностей всего общества, что полностью совпадает с интересами непосредственных производителей материальных благ.

По мере роста знаний, опыта, культуры масс обогащается само *содержание* исторического творчества масс. Социализм открыл возможность непрерывного роста материального благосостояния и культурного уровня масс. Это является источником неиссякаемой активности и творческой инициативы трудящихся во всех областях общественной жизни.

Социалистический строй создал возможность невиданных ранее быстрых темпов развития хозяйства и культуры. Капитализму понадобились столетия для того, чтобы победить феодальный строй в экономически наиболее развитых странах Европы и Америки. И хотя к концу XIX в. капитализм достиг высшей стадии и стал мировой системой хозяйства, он не мог преодолеть остатки феодальных и других докапиталистических способов производства в большей части Азии и Африки. А социалистическому Советскому Союзу понадобилось меньше двух десятилетий, чтобы создать первоклассную социалистическую индустрию, крупное механизированное социалистическое сельское хозяйство, совершить культурную революцию. И все это в труднейшей обстановке враждебного капиталистического окружения. За 40 лет советского строя, из которых 18 лет ушло на оборону страны и на восстановление народного хозяйства после войн, продукция народного хозяйства СССР выросла в 33 раза, а с 1929 по 1955 г.— более чем в 20 раз (продукция главных капиталистических стран за 1929—1955 гг. выросла меньше чем в 2 раза). Такими же быстрыми темпами развиваются хозяйство и культура других стран мировой системы социализма на основе их взаимного братского сотрудничества. Так, промышленная продукция Венгрии в 1958 г. по сравнению с довоенным уровнем выросла более чем в 4 раза, Польши — более чем в 5,5 раза, Болгарии — примерно в 9 раз, Албании — в 18 раз!

Чем обусловлены высокие темпы развития социалистического хозяйства? Они обусловлены преимуществами социалистического строя, а одним из этих преимуществ является то, что социализм открывает широкий простор для развития почина народных масс, потому что люди работают здесь не на эксплуататоров, а на себя, на свое общество и кровно заинтересованы в развитии производства. Общественная собственность на средства производства объединяет, а не разъединяет людей, служит основой для планомерного развития хозяйства, для объединения и направления воли и усилий сотен миллионов людей к единой цели.

При социализме народные массы впервые в истории становятся сознательными творцами общества. Социалистический строй шаг за шагом втягивает в сознательное историческое творчество все население, все слои общества. Не все слои трудящихся способны сразу в одинаковой степени участвовать в строительстве социализма. В начале переходного периода от капитализма к социализму этой способностью в наибольшей степени обладает рабочий класс. Он выступает вождем, организатором всех трудящихся, постепенно сплачивая, организуя и вовлекая в строительство социализма городскую и сельскую бедноту, ремесленников, среднее крестьянство, интеллигенцию, буржуазных специалистов и т. д.

Женщины, половина человечества, вдвойне угнетены в антагонистических формациях. Социализм раскрепощает их, делает равноправными с мужчинами и все шире втягивает во все области строительства.

Империализм подавляет народы, обрекает их не только на социальный, но и на национально-колониальный гнет. Социализм освобождает все народы от классового и национального угнетения, делает их равноправными. А это значит, что на арену истории в период социализма в качестве активных творцов истории, берущих свои судьбы в собственные руки, выходит огромное количество ранее забитых, бесправных племен и народов.

Эксплуататорское государство враждебно массам, подавляет их политическую активность и инициативу. Социалистическое государство, напротив, максимально развязывает революционную энергию, инициативу и творческие способности масс. Социалистическое государство создается самими массами рабочих и крестьян под руководством коммунистической партии. «Советская власть,— говорил Ленин,— есть путь к социализму, найденный массами трудящихся и потому — верный и потому — непобедимый» [1].

Классовое антагонистическое общество обрекает трудящиеся массы не только на экономический и политический, но и на

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 29, стр. 225.

духовный гнет, на неграмотность и бескультурье. Но, несмотря на это, и под гнетом эксплуататоров трудовой народ создавал не только материальные, но и великие духовные ценности. Основоположник литературы социалистического реализма А. М. Горький писал:

«Народ — не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры» [1]. В своих сказках, песнях, поэмах народ создал замечательные художественные образы Прометея, Геракла, Антея, богатырей русских былин, Ореста и Пилада, Фархада и Ширин, Дон Кихота, Фауста и Мефистофеля, героев «Бхараты» и «Рамаяны», «Калевалы» и т. д. Идеи и образы многих произведений великих художников всех времен и стран почерпнуты из сокровищницы коллективного художественного творчества народа. Многие изумительные произведения искусства, хранящиеся в музеях, дворцах, храмах и особняках имущих классов, созданы золотыми руками и гением мастеров, вышедших из народа.

История культуры показывает, что великие подъемы в развитии духовной культуры связаны с массовыми историческими движениями, с освободительной борьбой народов. Как отмечено в XVII главе, расцвет русской общественной мысли, литературы и искусства в XIX в. был обусловлен борьбой народных масс против царизма и крепостничества. Возникновение и развитие марксизма-ленинизма — высшего достижения всей мировой культуры — неразрывно связано с возникновением и развитием рабочего класса и его революционного движения.

Ум миллионов, говорил Ленин, создает нечто неизмеримо более великое, чем предвидение самого гениального человека, и притом во всех областях материальной и духовной жизни общества. Но в классовом обществе народы находятся под гнетом нужды, лишены благ создаваемой ими материальной и духовной культуры. Строй эксплуатации и угнетения душит, мнет и губит миллионы талантов в народе, отравляет его сознание опиумом религии и т. д. Эксплуататорские классы не только подавляют массы, но и обманывают их при помощи своей идеологии, используют их энергию, энтузиазм и патриотические чувства в своих классовых эгоистических и реакционных интересах. Все это ограничивает историческое творчество народных масс. Понятно поэтому, какой коренной перелом происходит в положении, в размахе исторического творчества и в роли народных масс при социализме и коммунизме.

---

[1] *М. Горький*, Собрание сочинений, т. 24, 1953, стр. 26.

Вступление СССР в период развернутого строительства коммунизма означает дальнейший подъем материального благосостояния и культуры всего народа, расцвет всех его физических и духовных сил, способностей и талантов, а следовательно, и рост его творческой активности. На новую, высшую ступень поднимается творческое соревнование масс, о чем свидетельствует возникновение бригад коммунистического труда, в которых рабочие активно добиваются повышения производительности труда, усовершенствования техники, рационализации производства, коммунистического поведения в быту, в семье, повышения культуры и всестороннего развития.

Опыт миллионов строителей социализма и коммунизма оказывает свое влияние на развитие всех сторон духовной жизни общества, помогает обогащать марксистско-ленинскую науку об обществе, двигать ее вперед. Ленин отмечал, что марксисты не претендуют на то, что они знают пути строительства социализма во всех деталях. Марксисты знают главное, основное направление пути; они знают, какие классовые силы ведут к социализму и что этот путь идет через социалистическую революцию и диктатуру пролетариата. Но как это произойдет практически, конкретно, в каких условиях и формах, этого они до революции знать не могли, это им покажет лишь опыт миллионов, когда они возьмутся за дело [1]. Опыт десятков миллионов строителей социализма в СССР дал исторические образцы, на которые могут опираться все страны, вступившие на путь социализма. Вместе с тем строительство социализма в странах народной демократии показывает, что наряду с общим в главном, основном, что свойственно всем странам социализма, имеется еще и новое, своеобразное в строительстве социализма в разных странах и в различной исторической обстановке. Конкретные формы экспроприации и подавления эксплуататоров, национализации или частичного выкупа предприятий, формы использования буржуазных специалистов и национальной буржуазии, формы обобществления производства в сельском хозяйстве, формы социалистического соревнования и участия рабочих в управлении производством — все это подсказано для теории практическим опытом масс и проверяется, отбирается этим опытом. Усовершенствование социалистических форм хозяйства, социалистического государственного аппарата, культурных учреждений — все это теория черпает из практики, из жизненного опыта масс.

Успехи народных масс в социалистических странах оказывают огромное влияние на рост революционной сознательности, организованности и исторической инициативы народных масс в других странах.

---

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 27, стр. 374.

После Великой Октябрьской социалистической революции и после победы революции в Китае и в других странах народной демократии в колониях и зависимых странах наблюдается мощный подъем национально-освободительного движения против колониализма. Выросло невиданное ранее массовое движение сторонников мира, растут демократические организации рабочих, крестьян, молодежи, женщин, интеллигенции, усиливается влияние рабочего класса, марксистских рабочих партий в этих организациях. Эти демократические движения, обусловленные общим кризисом капитализма и ростом сил социализма, играют величайшую роль в судьбах современного человечества, в частности в борьбе за предотвращение новой мировой войны.

2. Роль личности в истории

Признание народных масс решающей силой исторического развития не означает отрицания или умаления роли личности в истории. Чем активнее участвуют народные массы в исторических событиях и движениях, тем острее встает вопрос о руководстве этими движениями, о роли вождей, политических партий.

Противники марксизма (от народнических социологов Лаврова и Михайловского, неокантианцев Виндельбанда, Риккерта, Штаммлера и до современных «критиков» марксизма) утверждают, что, признавая объективную закономерность в развитии общества, марксизм тем самым якобы отрицает роль личности в истории, превращает людей в марионеток исторической необходимости и якобы приходит к фатализму. Но в действительности между признанием объективной закономерности и роли личности в истории нет противоречия. Напротив, именно отрицание и незнание объективной закономерности превращает людей в марионеток, в рабов непознанной необходимости и разных случайностей. Лишь познав объективные законы истории, люди могут действовать *сознательно*, *свободно*, со знанием дела. Лишь зная законы развития общества, люди могут *предвидеть* ход истории.

Если люди не хотят считаться с объективными законами и обстоятельствами, то они терпят неудачи или попадают в незавидное положение Дон-Кихота, сражающегося с ветряными мельницами. Народники, например, хотели вопреки объективным законам истории остановить развитие капитализма, не допустить роста рабочего класса и распространения марксизма в России. Но ход истории, развитие капитализма, рост рабочего движения опрокинули теорию народников и привели к победе марксизма.

Марксизм не отрицает роль личности, а выясняет научно вопросы: *почему* те или иные личности действуют в данную

эпоху так, а не иначе? Почему стремления людей сталкиваются между собой и что из этого получается? При каких условиях личности обеспечен успех и ее действия не потонут в море действий противоположных? Ответ на эти вопросы требует изучения, в каких общественных условиях живут и действуют данные личности, к какому классу они принадлежат, каковы объективные условия деятельности масс, классов, партий и отдельных личностей в данную эпоху. Ответ на все эти вопросы дает общественная наука, руководствующаяся историческим материализмом.

Ход истории определяется не идеями и желаниями выдающихся личностей, а развитием способов производства материальных благ, борьбой классов, народных масс.

Объективный ход истории сильнее воли и желаний не только отдельных личностей, но и целых партий, классов, какой бы властью они ни обладали. Классы, партии и личности, пытающиеся остановить или задержать ход истории, в конце концов терпят поражение.

В чем же тогда заключается роль личности в истории? В зависимости от степени понимания условий и задач общественного движения, в котором она участвует, личность может своими действиями ускорить или замедлить движение, облегчить или затруднить достижение целей движения. Личность, стоящая во главе движения, может помочь ему избежать лишних жертв, а своими ошибками она может принести ущерб движению, привести к ненужным жертвам, к временным неудачам и поражениям или ускорить поражения, если они были исторически неизбежны.

Личность может, следовательно, сыграть как *прогрессивную*, *положительную*, так и *реакционную*, *отрицательную* роль. История знает и таких деятелей, роль которых была весьма противоречива: они сыграли прогрессивную роль в одном отношении и реакционную — в другом отношении. Наполеон, например, сыграл прогрессивную роль в истории буржуазной Франции, защищая завоевания буржуазной революции и нанося поражения феодальным монархам Европы; но его захватническая политика привела в конечном счете к поражению и национальному унижению Франции, к реставрации Бурбонов, к торжеству реакции.

Деятельность выдающихся личностей подчинена объективным законам и вместе с тем вносит элемент случайности в ход событий. Раскрывая закономерность исторического процесса, исторический материализм не отрицает роль случайностей. Случайности имеют свои причины и являются дополнением и особой формой проявления исторической необходимости. «История имела бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли,— писал Маркс.— Эти случайности входят, конечно, сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь другими случайностями. Но ускорение

и замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения» [1]. Бывает, что во главе движения, когда оно еще не окрепло, оказываются люди случайные, чуждые данному движению или отражающие лишь его слабость, отсталость, например, Гапон во главе рабочих 9 января 1905 г.

То, что во главе буржуазно-помещичьего государства в России в 1917 г. стоял умственно ограниченный царь Николай II, а во главе буржуазного Временного правительства хвастун и самовлюбленный позер Керенский,— это исторические случайности, которые облегчили победу революции. Во главе эксплуататорских классов России могли стоять, конечно, и более умные и дальновидные деятели, которые затруднили бы победу революции. Но решают в истории не случайности и не отдельные личности, а прежде всего борьба классов, народных масс.

Характеризуя роль личности в истории, марксизм исходит из диалектико-материалистического понимания единства случайности и необходимости, их связи и взаимодействия в ходе истории. В письме к Штаркенбургу Энгельс писал: «То обстоятельство, что вот именно этот великий человек появляется в данной стране, в определенное время, конечно, есть чистая случайность. Но если мы этого человека устраним, то появляется спрос на его замену, и такой заместитель находится,— более или менее удачный, но с течением времени находится. Что Наполеон, именно этот корсиканец, был тем военным диктатором, который стал необходим Французской республике, истощенной войной,— это было случайностью. Но если бы Наполеона не было, то роль его выполнил бы другой. Это доказывается тем, что всегда, когда такой человек был нужен, он находился: Цезарь, Август, Кромвель и т. д. Если материалистическое понимание истории открыл Маркс, то Тьерри, Минье, Гизо, все английские историки до 1850 г. служат доказательством того, что к этому стремились многие, а открытие того же самого понимания Морганом показывает, что время для этого созрело и это открытие *должно* было быть сделано» [2].

Одновременно с Марксом к этому открытию пришел и Энгельс. Гениальность Маркса и Энгельса и состояла прежде всего в том, что они дали ответ на те великие вопросы, которые были поставлены всем развитием человечества, человеческой мысли, науки.

Субъективные идеалисты, в частности волюнтаристы, утверждают, что если бы в данное время не появилась та или иная великая личность, то история пошла бы совсем иначе. Подобный взгляд исходит из ложного мнения, будто появление выдаю-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные письма, стр. 264.
[2] Там же, стр. 470—471.

щихся исторических личностей не обусловлено потребностями развития общества. С точки зрения субъективных идеалистов, получается, что если бы не появился Пифагор и не открыл теоремы о сторонах прямоугольного треугольника, то человечество до сих пор не знало бы ее. Если бы не родился Колумб, то до сих пор Америка не была бы открыта европейцами. Если бы не было Ньютона, то человечество до сих пор не знало бы закона всемирного тяготения. А если бы Ползунов, Уатт, Стефенсон и Фултон не изобрели паровой машины, паровоза и парохода, то человечество до сих пор передвигалось бы только на телегах и парусных судах. Выходит, что история общества и развитие науки зависят целиком от случайности рождения или смерти того или иного человека. Эти нелепые антинаучные взгляды тем не менее держатся отчасти благодаря тому «оптическому обману», который возникает перед исследователем, когда он рассматривает появление и роль великих личностей в истории абстрактно, в отрыве от конкретных исторических условий борьбы классов и народных масс, от развития производства, науки, техники и т. д.

Эту ошибку хорошо показал Плеханов на примере того же Наполеона. Выступив в роли «хорошей шпаги», т. е. военного диктатора, спасавшего буржуазную Французскую республику от ее врагов (Бурбонов, с одной стороны, революционных масс — «санкюлотов», с другой), «Наполеон тем самым устранил от этой роли всех других генералов, из которых иные может быть сыграли бы ее так же или почти так же, как и он... Благодаря этому и происходит тот оптический обман, о котором мы говорим. *Личная* сила Наполеона является нам в крайне преувеличенном виде, так как мы относим на ее счет всю ту *общественную силу*, которая выдвинула и поддерживала ее. Она кажется чем-то совершенно исключительным, потому что другие, подобные ей, силы не перешли из *возможности* в *действительность*. И когда нам говорят: а что было бы, если бы не было Наполеона, то наше *воображение* путается и нам кажется, что без него совсем не могло бы совершиться все то общественное движение, на котором основывались его сила и влияние» [1].

Когда развитием общества выдвигаются задачи в той или иной области, то они привлекают внимание многих выдающихся умов и до тех пор, пока задача не будет решена. Когда это удается, их внимание направляется на другие задачи. Если бы данный талант умер, не решив своей задачи, то эту задачу выполнили бы другие.

Дилетанты полагают, что великие научные открытия делаются под влиянием случайных причин или гениального «прозрения», таинственной интуиции. На самом деле эти открытия — не только результат выдающихся способностей, дарований, но и результат упорного труда, плод больших исследований. Гениальность — это не только творческая одаренность, но и огромное трудолюбие, настойчивость и упорство в достижении поставленной цели. По мнению дилетантов, Ньютон открыл закон всемирного тяготения под влиянием случайного наблюдения за падением яблока с яблони, а Уатт изобрел паровую машину,

---

[1] *Г. В. Плеханов*, Избранные философские произведения, т. II, стр. 327.

наблюдая за крышкой чайника с кипящей водой. Все кажется очень легко и просто! В действительности же эти и другие великие открытия, составляющие эпоху в науке, являются результатом развития практики множества людей, предшествующих исследований, наблюдений и их обобщения и синтеза. Разумеется, такие обобщения может сделать не всякий, а лишь выдающийся ученый, с творческим умом, но обязательно овладевший всеми необходимыми знаниями своей эпохи. В своих исследованиях ученый опирается на труды своих предшественников, продолжает и завершает их, проверяет критически их теории, гипотезы, догадки. В современную эпоху над одинаковыми проблемами работают многие ученые и научно-исследовательские институты, лаборатории, оснащенные сложнейшей техникой. Значит, и в области науки двигают дело вперед не одни крупные, выдающиеся ученые, но и масса рядовых ученых.

В области искусства также недостаточно одних природных талантов и дарований: нужны общественные условия для их развития. Чтобы творить на уровне требований своей эпохи, художник должен овладеть мастерством, знанием, искусством, которое создано человечеством до него. Все выдающиеся художники черпают вдохновение в великой сокровищнице народного творчества, выражают чувства и думы, чаяния народа. Только поэтому они и создают великие произведения, сохраняющие непреходящее познавательное, художественное, воспитательное значение для последующих поколений.

Марксизм вовсе не считает, что при коммунизме все люди должны быть равны во всех отношениях, равно потреблять и иметь одинаковые способности, таланты и дарования. Ленин писал: «Буржуазные профессора за понятие равенства пытались нас изобличить в том, будто мы хотим одного человека сделать равным другим. В этой бессмыслице, которую они сами придумали, они пытались обвинить социалистов. Но они не знали по своему невежеству, что социалисты — и именно основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс — говорили: равенство есть пустая фраза, если под равенством не понимать уничтожения классов» [1].

Уничтожение классов означает уничтожение экономического, социального неравенства, равное для всех освобождение от эксплуатации, ликвидацию монополии имущих классов на образование, создание для каждого человека равных условий для всестороннего и свободного развития всех его творческих способностей. В антагонистических общественных формациях благоприятные условия для развития личности имеются лишь у людей привилегированных классов. Коммунизм представляет такое общество, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 29, стр. 329.

Каждая общественная формация имеет свою систему обучения, воспитания и выдвижения людей на руководящие посты, что, разумеется, не исключает случайных отклонений и нарушений системы. В капиталистическом обществе и в этой области действуют законы конкуренции, причем буржуазия выдвигает на руководящие посты таких людей, которые служат ее интересам. Социалистическое общество обучает и воспитывает кадры с теми качествами, которые нужны народу, и выдвигает их на те посты, где они по своим способностям и подготовке могут принести наибольшую пользу обществу. Здесь действуют принципы социалистической демократии и социалистического соревнования талантов.

А как обстоит дело с выдвижением исторических личностей? Может быть, здесь действует чистая случайность? Но ведь давно замечено, что выдающиеся, великие личности выдвигаются прежде всего и преимущественно в переломные периоды истории, в эпохи крутых поворотов и социальных конфликтов, народных движений и революций. Эпоха французской буржуазной революции выдвинула таких деятелей, как Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Марат и другие, а накануне этой революции появилась плеяда великих просветителей, материалистов и атеистов, которые подготовляли умы французов к революции, к борьбе против феодализма и абсолютизма. Борьба с крепостничеством и самодержавием в России выдвинула таких крупных мыслителей и революционеров, как Радищев, декабристы, Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов, выдающихся ученых, писателей, художников, музыкантов. Появление на исторической арене революционного пролетариата породило таких гигантов революционной мысли, какими были Маркс, Энгельс, Ленин и их соратники, ученики и последователи в разных странах.

Таланты имеются у каждого народа, у каждой нации и у каждой расы, нужны лишь условия для их развития. А эти условия определяются характером общественного строя. Если бы феодализм продержался во Франции лишних лет 20—30, то вряд ли мы знали бы, что в недрах французской нации были такие таланты, как Дантон, Робеспьер, Марат, Сен-Жюст, Наполеон и другие, выдвинувшиеся из ремесленников, наборщиков, актеров и парикмахеров, офицеров и унтер-офицеров. Путь к выдвижению им открыла революция.

Разумеется, выдвижение личности обусловливается не только потребностями общества, но и способностями, талантами, личными качествами людей, которые нужны обществу, классу в данный момент для решения назревших исторических задач. Выдающиеся исторические личности — это те, кто раньше, яснее, глубже других поняли новую историческую обстановку, потребности общественного развития и возглавили движение масс.

Великий человек, писал Плеханов, является «начинателем, потому что он видит *дальше* других и хочет *сильнее* других. Он решает научные задачи, поставленные на очередь предыдущим ходом умственного развития общества; он указывает новые общественные нужды, созданные предыдущим развитием общественных отношений; он берет на себя почин удовлетворения этих нужд. Он — герой. Не в том смысле герой, что он будто бы может остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным и свободным выражением этого необходимого и бессознательного хода. В этом — все его значение, в этом — вся его сила. Но это — колоссальное значение, страшная сила» [1]. Это не *личная* сила отдельного человека, а сила *объективной* логики истории, сила общественного движения.

[1] *Г. В. Плеханов*, Избранные философские произведения, т. II, стр. 333.

Тип исторических деятелей в общем отражает природу того общества и того класса, которому они служат, историческую ступень развития этого общества и класса, обстановку, в которой им приходится действовать. Для победы капитализма над феодализмом понадобились восстания крестьян против феодалов и буржуазные революции, гражданские войны и битвы народов. Эти движения породили великих мыслителей, философов, политических деятелей, которые выдвигали передовые идеи свободы, равенства и братства, вдохновляли народ на борьбу с феодальным строем, средневековьем, деспотизмом. Но как только буржуазное общество победило феодализм и буржуазия стала у власти, на смену революционным деятелям пришли такие буржуазные деятели, которые проявляют все бо́льшую враждебность к революции и народным массам. Загнивание и кризис капитализма еще больше усиливают враждебность буржуазных деятелей к народу. Современная буржуазия выдвинула, например, таких реакционных деятелей, как Муссолини, Гитлер, Маккарти, Трумэн, Чан Кай-ши, Ли Сын Ман. Это законные детища и олицетворение современного капитализма и буржуазии.

Враждебность современной буржуазии и ее идеологов к массам трудящихся проявляется и в распространении идеалистической теории «героев и толпы», идей «технократии», расизма, «элиты» и т. д. Еще в XIX в. ненависть эксплуататорских классов к массам цинично выступила в реакционной философии Ницше, воспевавшего «сверхчеловека», человека-зверя, попирающего права других и идущего к власти и богатству через насилия и убийства. Ницше третировал народ как массу обломков негодного материала, на почве которого родится «сверхчеловек». Не удивительно, что фашизм в Италии и Германии взял себе на вооружение эту реакционную идеологию и использовал ее для воспитания банд убийц. Такая же человеконенавистническая расистская идеология используется фашистскими организациями ку-клукс-клана в США.

Расовые теории Гобино, Ляпужа, Хаустона Чемберлена, использованные гитлеровцами, изображают трудящихся как низшую расу, а эксплуататорскую верхушку общества — как «элиту», как отборную, чистую и высшую расу господ. Социальные дарвинисты изображают трудящихся как «скопище неудачников», биологически неполноценных и потому потерпевших поражение в борьбе за существование. Угодливые историки американского бизнеса (Аллан Невинс и др.) изображают массы как балласт, доставляющий много забот «благодетелям» — Рокфеллерам, Морганам, Фордам и другим магнатам монополистического капитала, которые в описании этих историков выглядят как герои прогресса США. Многочисленные авторы книг и статей пережевывают антинаучные идеи о том, что история общества есть история смены разных типов «элиты» (т. е. эксплу-

ататорского меньшинства), что цивилизация двигалась вперед только тогда, когда массы подчинялись «элите», а не тогда, когда восставали против нее.

Такова, например, теория итальянского социолога Вильфредо Парето, который утверждал, что появление новой «элиты» на смену старой, подъем и упадок ее — таков «закон кругового движения истории», который дает-де возможность понять великие социальные движения. В действительности эта теория, весьма широко распространяемая буржуазными социологами, видит в истории не народы, а только узкую верхушку правящих классов, вместо великих событий и бурь — мелкую рябь и пену на поверхности этих бурь и событий, затушевывает борьбу классов. Цель подобных теорий одна: оправдать и увековечить господство эксплуататорских классов, власть их правящей верхушки («элиты») над трудящимися массами.

Подобные же идеи распространяют персоналисты (Брайтман, Флюэлинг), прагматисты, идеологи «технократии», социологи психологической школы, разрабатывающие «проблему лидерства», и т. д.

Социалистическую демократию, власть большинства трудящихся идеологи реакционной буржуазии третируют как «демократию количества», а диктатуру монополистического капитала, финансовую олигархию, власть кучки миллиардеров изображают как «демократию качества». Классовый смысл всех этих теорий сводится к тому, что они на разные лады пытаются обосновать и оправдать подавление масс, устранение их от участия в политической жизни, сохранение власти в руках эксплуататорских классов, их верхушки.

Социалистические революции развенчали все эти теории. Практика неопровержимо доказала, что трудящиеся массы, руководимые революционной марксистской партией, способны не только свергнуть господство эксплуататоров, но и построить новое, социалистическое общество, управлять государством и народным хозяйством, строить новую культуру без эксплуататорских классов. Под влиянием этого опыта лучшие деятели из среды буржуазной интеллигенции, понявшие историческую обреченность капиталистического строя, переходят на сторону народных масс, борющихся за мир, демократию и социализм.

3. Роль вождей рабочего класса в революционном движении

Эпоха империализма и перехода от капитализма к социализму поставила перед рабочим движением практическую задачу осуществления социалистической революции. В связи с этим со всей остротой встал вопрос о роли и задачах партии пролетариата и его вождей в революционном движении. Основатель и вождь революционной партии пролетариата, организовавший победу Великой Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленин обобщил опыт революционного движения и подробно разработал вопрос о взаимоотношении вождей, партии, класса и масс.

Вожди рабочего класса — это не герои-одиночки, а руководители партии рабочего класса, которая выступает как коллективный вождь и организатор трудящихся масс. Победа рабочего класса, трудящихся масс в освободительной борьбе во многом зависит от того, какая партия руководит их борьбой. Только под руководством боевой, смелой и опытной революционной партии, вооруженной марксистской теорией, рабочий класс может победить в борьбе за социализм.

Ни один класс в истории не достигал господства, учил Ленин, если он не выдвигал своих передовых представителей, способных организовать борьбу своего класса и руководить им. Это относится и к рабочему классу. Без дальновидных, мудрых и опытных вождей, выдвигаемых и воспитываемых партией, рабочий класс не может добиться освобождения.

Опытные вожди рабочего класса вырастают и закаляются в революционной борьбе масс. Марксистская партия, ее вожди, обобщая опыт всего рабочего движения, классовой борьбы масс, дают трудящимся ясную цель и перспективу их борьбы, указывают путь движения к конечной цели, разрабатывают стратегию и тактику борьбы. Партия и ее вожди избавляют массы от ошибок, ведущих к поражению, к лишним жертвам. Они определяют момент решающего выступления на основе трезвого научного марксистского анализа конкретной обстановки; изучают и разрабатывают наиболее эффективные методы и формы борьбы. Великими вождями рабочего класса являются Маркс, Энгельс и Ленин.

Ленин подверг критике «левых коммунистов», которые под флагом критики предательства вождей II Интернационала договорились до анархистского противопоставления масс и вождей, партии и вождей. Разъясняя марксистское понимание взаимоотношения вождей, партии, классов и масс, Ленин в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» писал: «Всем известно, что массы делятся на классы; — что противополагать массы и классы можно, лишь противополагая громадное большинство вообще, не расчлененное по положению в общественном строе производства, категориям, занимающим особое положение в общественном строе производства; — что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии;— что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями» [1].

Пролетарские вожди руководят массами, но они и учатся у масс, служат массам, живут их интересами и чутко прислушиваются к их критике. Сила вождей рабочего класса — в их

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 24.

связи с массами, в силе массового движения. В случае, если руководители начинают отрываться от масс, зазнаваться или обюрокрачиваться, партия и массы поправляют их. А если вожди изменяют массам, то партия и массы лишают их своей поддержки, снимают их с тех постов, на которые они были выдвинуты, и заменяют преданными народу руководителями.

На протяжении своей вековой истории международное рабочее движение выдвинуло, кроме Маркса, Энгельса и Ленина, много талантливых, выдающихся руководителей и организаторов. Коммунистические партии Советского Союза, Китая, Франции, Италии, Чехословакии, Польши, Болгарии и других стран выдвинули из своей среды руководителей, которые умело сочетают теорию с практикой революционного движения, применяют принципы марксизма-ленинизма к конкретным условиям общественного развития своих стран, двигают вперед теорию и практику марксизма-ленинизма.

От вождей революционной партии пролетариата требуются знание законов истории, глубокое понимание задач борьбы в данной исторической обстановке, прозорливость и дальновидность, несокрушимая вера в творческие силы масс, революционная смелость, мужество и бесстрашие в борьбе с врагами пролетариата, непоколебимая стойкость и преданность делу коммунизма, делу освобождения трудящихся.

Особенно велика и ответственна роль партии и ее руководителей в период социалистической революции и диктатуры пролетариата, в период строительства социализма и коммунизма. На плечи коммунистической партии и ее руководящих кадров в этот период ложатся гигантские организационные задачи по руководству массами в деле социалистического переустройства труда, быта, жизни миллионов людей в обстановке острой классовой борьбы. Партия руководит массами на всех участках строительства социализма и отбивает ожесточенные атаки свергнутых эксплуататорских классов и всей международной реакции. Вместе с гигантским расширением задач растут и силы, на которые опирается партия, потому что в ходе социалистического строительства просвещаются, сплачиваются и организуются массы, выдвигаются десятки и сотни тысяч организаторов.

Социалистическое общество развивается по плану. Это усиливает роль партии и государства, роль руководителей в строительстве и развитии нового общества. Вместе с тем это повышает их ответственность перед народом. От правильности руководства зависит успех деятельности миллионов людей, а ошибки руководства могут иметь серьезные последствия для жизни миллионов. Поэтому особое значение имеет коллективное руководство партии. Только коллективное руководство в состоянии предупредить ошибки, односторонние и поспешные решения. Для обеспечения правильного руководства необхо-

димы также критика и самокритика, особенно критика снизу, со стороны масс, развертывание инициативы и активности масс в строительстве социализма и коммунизма.

Исторический материализм, подчеркивая большое значение вождей, руководителей партии и народных масс, отвергает анархистское отрицание всяких авторитетов. Вожди партии, ее руководящие кадры, их опыт, знания, авторитет создаются многими годами революционной борьбы и являются достоянием партии и рабочего класса в борьбе за коммунизм. Поэтому коммунистическая партия высоко ценит своих руководителей. Вместе с тем марксизм решительно борется против идеалистической теории культа личности, против суеверного, слепого преклонения перед авторитетами. Ленин подверг сокрушительной критике теорию культа личности, которую пропагандировали в России народники и эсеры. Ленин последовательно осуществлял принципы коллективного руководства партией и революционным движением. Он подчеркивал значение съездов партии и ее Центрального Комитета как органов коллективного руководства. ЦК КПСС включает в себя наиболее опытных, дальновидных, преданных народу и проверенных на практической работе руководителей разными отраслями партийной, государственной, хозяйственной и идеологической деятельности. Демократический централизм в организации партии и в управлении социалистическим государством и хозяйством обеспечивает правильные взаимоотношения масс, партии и руководителей.

Коммунистическая партия Советского Союза преодолела культ личности, который возник и распространился в последний период деятельности Сталина. И. В. Сталин в течение длительного времени после смерти Ленина занимал руководящее положение в составе ЦК КПСС и вместе с другими руководителями партии активно боролся за претворение в жизнь заветов Ленина. Великие успехи в строительстве социализма в СССР достигнуты в борьбе с классовыми врагами под руководством партии, ее ЦК, в котором ведущую роль играл Сталин. Партия и народ ценят Сталина как крупного теоретика-марксиста и организатора, преданного коммунизму, возглавлявшего вместе с другими учениками Ленина борьбу партии и народа за социализм, против троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, буржуазных националистов. Но партия решительно осуждает Сталина за те грубые ошибки и извращения, которые были допущены им в последние годы его жизни и нанесли серьезный ущерб партии и народу. В этом заключается трагедия Сталина, ибо субъективно он был предан ленинизму, рабочему классу, народу.

Культ личности Сталина возник под влиянием особых исторических условий, в которых проходило строительство социализма в СССР (обстановка враждебного капиталистического окружения и вытекавшая отсюда необходимость централизации руководства и временных ограничений демокра-

тии и т. д.), а также некоторых отрицательных личных качеств Сталина, на которые Ленин указывал еще в 1922 г. (грубость, нелояльность к товарищам по работе, излишнее администрирование и т. д.). Культ личности в корне чужд марксизму-ленинизму и социалистическому строю, ибо он принижает роль народных масс, партии, ее коллективного руководства, воспитывает массы в духе пассивного ожидания, что все за них сделают вожди, а у руководителей культ личности порождает кичливость, зазнайство, нетерпимость к критике и игнорирование масс, их инициативы и опыта. Культ личности ведет к нарушению правильных взаимоотношений между вождями, партией и массами.

Последствиями культа личности Сталина были нарушения принципа коллективного руководства и в связи с этим некоторые серьезные ошибки (например, в руководстве сельским хозяйством и др.).

Враги социализма клеветнически утверждают, будто культ личности Сталина порожден не временными историческими условиями, которые уже ушли в прошлое, а природой советского социалистического строя. Этими утверждениями они хотят очернить социалистический строй, который на самом деле несравненно демократичнее любого самого демократичного буржуазного строя.

Ошибки Сталина нанесли серьезный ущерб развитию отдельных сторон жизни Советского государства, но они не могли изменить социалистическую природу советского строя, природу социалистического государства. «Думать, что отдельная личность, даже такая крупная, как Сталин, могла изменить наш общественно-политический строй, значит впасть в глубокое противоречие с фактами, с марксизмом, с истиной, впасть в идеализм. Это значило бы приписывать отдельной личности такие непомерные, сверхъестественные силы, как способность изменить строй общества, да еще такой общественный строй, в котором решающей силой являются многомиллионные массы трудящихся» [1].

Сила советского социалистического строя состоит в том, что, несмотря на ошибки Сталина и на все трудности строительства социализма в стране, которая была окружена врагами, он пробуждал и пробуждает могучую инициативу народных масс, которая успешно движет общество вперед, к коммунизму. В этом выражается подлинный демократизм советского строя.

Успехи в построении социализма в СССР пришли не самотеком, они достигнуты благодаря громадной организаторской работе партии, которая воспитывает свои кадры и массы в духе преданности делу коммунизма. Коммунистическая партия, советское общество и государство сильны сознательностью масс. Деятельность Коммунистической партии направлена на то, чтобы всемерно развертывать инициативу, активность и самодеятельность масс во всех областях общественной жизни как главное условие социального прогресса.

Руководство Коммунистической партии — главное и решающее условие роста сознательности, организованности и непобедимости рабочего класса, трудящихся масс в их борьбе за мир, демократию и социализм. Поэтому всякий, кто так или иначе пытается умалить, ослабить и подорвать направляющую и организующую роль Коммунистической партии, ее влияние на массы, ее монолитное единство, сознательно или бессозна-

[1] «О преодолении культа личности и его последствий». Постановление Центрального Комитета КПСС, Госполитиздат, 1956, стр. 19.

тельно помогает врагам рабочего класса, трудящихся масс, врагам социализма.

Попытки ослабить или подорвать роль Коммунистической партии как руководящей силы в системе диктатуры пролетариата, социалистической демократии, означают на деле подрыв руководящей роли рабочего класса как организованной политической силы, подрыв его союза с крестьянством. Не случайно поэтому все враги коммунизма от самых ярых империалистов и до современных ревизионистов воюют против руководящей роли Коммунистической партии в системе социалистического государства. Но именно поэтому рабочий класс, трудящиеся массы должны всемерно сплачиваться вокруг своего испытанного, верного вождя — Коммунистической партии, организатора и руководителя, защищать ее от всяких атак врагов, укреплять ее ряды, ее влияние и авторитет, ибо Коммунистическая партия, ее руководство — залог всех успехов трудящихся в борьбе за мир, демократию и социализм.

ГЛАВА XIX

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ

В главах, посвященных основным проблемам марксистской философии, давалась и критика современных буржуазных течений в философии и социологии. В заключение необходимо дать общую характеристику основных направлений современной буржуазной философии и социологии, против которых ведет идейную борьбу марксизм-ленинизм.

1. Характерные черты современной буржуазной философии и социологии

Духовная жизнь классового общества на протяжении веков была наполнена борьбой философского материализма, растущего и развивающегося научного мировоззрения против различных форм фидеизма и связанных с религией теорий идеализма, против учений о непознаваемости мира.

После революционного переворота в философии, совершенного Марксом и Энгельсом, философский материализм, освобожденный от прежней односторонности и непоследовательности, превратился в величайшую силу в борьбе рабочего класса за социализм, стал орудием построения коммунистического общества. Что же касается идеализма, то он со второй половины XIX в. непрерывно деградировал, терял всякое положительное содержание, которое еще имелось в его классических системах.

Наше время характеризуется грандиозными успехами в развитии производительных сил, все большим покорением стихийных сил природы, величайшими открытиями естествознания. Эти открытия наносят новые и новые удары по религиозно-идеалистическому мировоззрению, агностицизму; свидетельствуют о полной несостоятельности связанных с метафизикой и идеализмом представлений, укоренившихся в течение веков в мышлении людей. Они подтверждают вновь и вновь истинность диалектического материализма.

Однако было бы неправильно делать вывод, что успехи современной науки механически устраняют идеализм и тем самым якобы делают излишней аргументированную критику и борьбу против идеализма. В действительности дело обстоит далеко не так. В новейших достижениях науки идеалисты стремятся найти новые доводы для защиты своих устарелых воззрений. Быстрые темпы развития современного естествознания, безостановочная смена одних естественнонаучных теорий другими, процесс ломки старых понятий и выработки новых научных понятий, соответствующих все более глубокому проникновению в микромир и все более широкому охвату макромира,— все это при незнании диалектики сделало популярными среди ученых капиталистических стран идеи относительности знания, условности научных терминов и т. п.

Так, на протяжении более чем полувека среди математиков, естествоиспытателей и философов-идеалистов пользуется популярностью теория конвенционализма, выдвинутая еще в начале XX в. французским математиком Анри Пуанкарэ. Согласно этой теории, абсолютизирующей относительность истины и отвергающей ее объективность, все основные принципы науки являются результатом конвенции (соглашения) между учеными и не имеют объективного содержания. Распространенность этой идеалистической теории среди естествоиспытателей объясняется в значительной мере и тем, что ее гносеологические корни заложены в особенностях развития современного естествознания. Незнание многими естествоиспытателями диалектики приводит к абсолютизации момента относительности в науке, к абсолютному релятивизму.

Другой характерной особенностью современной научной мысли является все большее развитие математики и математической физики, развитие математической логики. Идеалисты используют все это и пытаются доказать истинность «чистой» мысли, лишенной объективного содержания. Таковы гносеологические корни современного идеализма. Но за гносеологическими корнями идеализма следует видеть его социальные, классовые корни. Отдельные ученые, не разбирающиеся в гносеологических корнях идеализма, могут добросовестно заблуждаться, делая идеалистические выводы из данных современного естествознания, но современная идеалистическая философия в целом, являясь близнецом и разновидностью религии, имеет с ней общие корни в антагонистической природе капитализма, в господстве над людьми стихийных общественных сил. Объективным назначением всех идеалистических школ и школок в философии, независимо от того, что думают об их целях те или иные их приверженцы, является борьба против диалектико-материалистического мировоззрения, защита религиозного мировоззрения и того строя, духовным ароматом которого являются философский идеализм и религия. Важной особенностью современного

идеализма является принижение разума, антиинтеллектуализм, противопоставление разуму инстинкта, интуиции и якобы иррациональной воли.

Все это свидетельствует о духовном оскудении современного капиталистического общества, о реакционности буржуазной идеологии, о враждебности ее научному мировоззрению и делу общественного прогресса.

Идеалистическая философия — предмет обучения в высших учебных заведениях капиталистических стран. Идеалистические теории — это духовная атмосфера, в которой воспитываются политические, общественные, государственные деятели. Философия в капиталистических странах распространяется, таким образом, преимущественно среди сравнительно узкого круга людей, либо далекого от нужд и чаяний народа, либо открыто враждебного народным интересам. Многие буржуазные философы не скрывают, что их работы рассчитаны лишь на «избранных», овладевших специальным жреческим, «философским языком», различными условными терминами и понятиями, свойственными именно данной школке и недоступными для рядового читателя. Высокомерное противопоставление «философа» «простому человеку» обычно для современного идеализма.

В капиталистическом мире предпринимаются упорные попытки распространять различные идеалистические теории для того, чтобы держать широкие круги интеллигенции в путах буржуазного мировоззрения. С этой целью «ловцы душ человеческих» из стана буржуазных идеологов прибегают ко всевозможным ухищрениям и спекуляциям.

Если одни из представителей современной буржуазной философии (христианские спиритуалисты, экзистенциалисты) третируют науку как якобы поверхностный взгляд на мир, то другие идеалисты (к ним относятся и официальные философы Ватикана — неотомисты) уверяют, что они стоят за науку, а их философия будто бы даже «помогает» науке развиваться по «правильному» пути. Эта «помощь» состоит, в частности, в том, что философы-идеалисты, подрывая самые устои научного знания (понятие причинности, закономерности и т. д.), утверждают, будто они освобождают мировоззрение от представлений, несовместимых с современным научным развитием. Другие «во имя науки и только науки» предлагают, по сути дела, ликвидировать философию, отказаться от попытки создать научное мировоззрение, не ставить и не решать вопроса об отношении сознания к материи. Некоторые из них утверждают, что понятия материального и психического с точки зрения современной науки лишены всякого смысла, ввиду чего спор между двумя основными направлениями философской мысли — материализмом и идеализмом — якобы устарел. По существу же все эти якобы возвышающиеся над материализмом и идеализмом философы воюют

с материализмом и только с ним. Все эти буржуазные философы, кичащиеся своей связью с наукой, на самом деле паразитируют на науке, используют в интересах идеализма трудности в развитии современного научного знания (таков, например, физический идеализм).

Для привлечения сторонников из среды интеллигенции многие современные философы-идеалисты стараются показать, будто они пекутся о человеке, будто основная проблема их философии— это якобы «проблема человека». На первый план наряду с гносеологическими проблемами выдвигаются вопросы морали, проблемы так называемой социальной этики. В своей проповеди, обращенной к современной буржуазной интеллигенции, одни субъективные идеалисты под видом анализа проблем жизни современного человека прославляют самый грубый, волчий индивидуализм, культ одиночки. Они ведут своего читателя по дороге морального и интеллектуального одичания, ибо индивидуум, оторванный от общества, перестает быть человеком. Но, как ни льстят буржуазные философы индивидуалисту, одиночке, они не в состоянии предложить своему герою ничего обнадеживающего, оптимистического. Они твердят ему о «трагедии бытия», о страхе перед бытием, перед познанием, внушают ненависть к народу, именуемому «толпой». Человек, искусственно заключенный в непроницаемую скорлупу своего «я», становится перед «неразрешимыми загадками бытия», лишается радости познания, радости плодотворной человеческой деятельности. Он обречен на «томление», и самое бытие его превращается в «трагическую бессмыслицу». Семена этой пропаганды падают на почву, взрыхленную империализмом, загнивающим капитализмом. Для западного интеллигента, пережившего ужасы фашизма, знающего, что такое безработица, испытывающего страх перед кризисом, «трагедия бытия», «томление» — не пустые слова, они воскрешают и закрепляют привычное психологическое состояние, вызываемое слепыми силами капитализма.

Другие субъективные идеалисты выступают против пассивного отношения к жизни, призывают своих сторонников действовать, даже превозносят действие и деятельность, но творческое дерзание человека они сводят к простой удаче, успеху, предлагают на все смотреть как на средство, инструмент для достижения этого успеха, а идеалом объявляют преуспевающего бизнесмена, дельца.

Если буржуазный интеллигент, спасаясь от этого гнетущего культа одиночества, аморализма и нигилизма, бежит прочь от школ субъективного идеализма, задумывается над проблемами мироздания, его подстерегает другая ловушка: объективный идеализм, тесно связанный с религией. На сцену выступают философы-фидеисты, которые уверяют, что надежное прибежище можно найти лишь в вере в абсолют, в бога. Перевяжен-

ные в философов богословы заявляют, что они борцы против нигилизма и морального релятивизма субъективно-идеалистических направлений, что они за вечные истины и нормы морали, открываемые «божественным откровением». В действительности же нормы религиозной морали являются лишь превращенными в абсолют нормами, выработанными тысячелетиями господства эксплуататорского строя, который воспитывал уродливый индивидуализм и рабскую приниженность человека.

Сторонники большинства школ современного идеализма уверяют, будто их философские системы покоятся на уважении духовных «ценностей», без которых не может существовать человеческое общество. Однако на самом деле они обесценивают духовную жизнь человечества, возводя моральные ценности в «божью волю», в «божественный разум», выдумывая «потусторонний» критерий для моральной оценки деятельности человека и предавая анафеме подлинный критерий, который исходит из объективных интересов социального и духовного прогресса человечества, идущего к уничтожению строя эксплуатации человека человеком и к построению общества, которое обеспечивает всестороннее развитие и личности и коллектива. Эти школы современного идеализма возвеличивают худший вид духовного рабства — преклонение человека перед вымышленной «высшей, сверхъестественной силой».

Пропаганда буржуазного индивидуализма различными школами субъективного идеализма имеет своей целью оторвать интеллигенцию от народа, воспитать слой интеллектуальной «элиты», «избранных», убежденных проводников антинародной политики империализма. Призывы к действию во имя выгоды и успеха — философская основа политической философии авантюризма, политики «с позиции силы», провозглашающей, что с помощью насилия, произвола будто бы можно по желанию перекраивать географические карты, менять общественный строй различных стран и народов, преграждать человечеству путь к социализму. Школы объективного идеализма, являющиеся современной разновидностью богословия, поставляют философские аргументы для сторонников «крестовых походов» против коммунизма, свободомыслия, социального и культурного прогресса.

Современные идеологи империалистической буржуазии прославляют частнособственнические отношения как вечную норму человеческих отношений. Они стремятся подвести теоретическую базу под избитые утверждения буржуазной пропаганды, объявляющей капитализм строем «социальной интеграции», или единения, переносят действительные социальные конфликты в область сознания, усматривая корни их в различном понимании людьми одних и тех же слов.

Даже в тех случаях, когда буржуазные философы говорят о возможности другой, некапиталистической формы общества,

они в сущности имеют в виду тот же капитализм, но в идеализированном, принаряженном виде.

Не следует, разумеется, считать, что все сторонники идеализма на Западе непосредственно связаны с пропагандой политической философии современного империализма. Некоторые из них стремятся порвать с политикой агрессии и «холодной войны», встают в ряды борцов за мир и мирное сосуществование, трезво оценивая опасность новой мировой войны. Для сознания этой группы буржуазной интеллигенции Запада характерно известное противоречие между философскими основами их мировоззрения и теми политическими выводами, которые из этих основ делаются.

Идеологи империализма больше всего боятся, что интеллигенция, изверившись в «абсолюты» полуфилософских, полубогословских теорий, вырвавшись из удушающей атмосферы субъективно-идеалистических школ, найдет дорогу к марксизму, к диалектическому материализму — великому и всепобеждающему мировоззрению социализма. Именно поэтому все современные активные защитники разных течений идеализма наперебой критикуют и «опровергают» марксизм. При этом, однако, за марксизм, за современный философский материализм чаще всего они выдают нелепую стряпню, не имеющую ничего общего с учением Маркса, Энгельса, Ленина. Самоновейшие критики марксизма ополчаются по сути дела против старого, механистического материализма, приписывая его недостатки марксистской философии. Если же они признают отличие диалектического материализма от предшествующей материалистической философии, то обычно отрицают материалистический характер марксистской диалектики, выдавая философию марксизма за разновидность гегельянства. Так, искажая до неузнаваемости положения диалектического материализма, они одерживают «победы» над этим вымышленным «марксизмом». Сколько-нибудь серьезной и глубокой полемики против диалектического материализма современный идеализм не ведет, да и не может вести. Его критика марксизма — лишь красноречивое свидетельство нищеты философии буржуазии [1].

Важная особенность нашей эпохи состоит в том, что значительные группы буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции порывают с идеалистическими схемами, тянутся к марксистской философии, становятся под ее овеянное славой и истиной знамя. Во Франции, Италии, Англии многие научные работники объединяются вокруг марксистских органов печати (например, журнала «Ла Пансе» во Франции), вступают в актив-

[1] Чтобы подкрепить ряды терпящих поражение буржуазных философов-идеалистов, в поход против диалектического материализма ныне включились не только папа римский, но и высокопоставленные государственные мужи буржуазного общества: президенты, премьер-министры и просто министры, дипломаты и генералы.

ную борьбу против тлетворного влияния идеализма на научную мысль, разоблачают идеалистические, теоретические предпосылки политического курса реакции. Коммунистические партии капиталистических стран выступают защитниками прогрессивных традиций западной философской мысли, ведут последовательную борьбу против философского оправдания аморализма и нигилизма, против иррационализма и мистики.

Ныне буржуазная идеология, получившая столь сокрушительные удары со стороны самого передового мировоззрения — диалектического материализма, пытается бороться против него не только на своей самостоятельной почве, но и маскируясь под марксизм, под социализм, выступая как ревизионизм. Полвека тому назад Ленин, характеризуя успехи марксизма в борьбе против мелкобуржуазной идеологии, писал: «Домарксистский социализм разбит. Он продолжает борьбу уже не на своей самостоятельной почве, а на общей почве марксизма, как ревизионизм» [1]. Опасность ревизионизма состоит в том, что он, прикрываясь лжемарксистской фразеологией, стремится протащить буржуазные взгляды, впрыснуть яд идеологии гниющего капитализма борцам за лучшее будущее человечества.

Особенно настойчиво пытаются идеологи империализма распространить проникнутые идеализмом буржуазные взгляды на понимание истории общества и тем самым затруднить рабочему классу и всем трудящимся возможность правильно ориентироваться в условиях современной экономической, политической и идейной борьбы. На пропаганду буржуазных социологических теорий тратятся немалые средства и усилия.

Современная буржуазная социология, как и философия, существенно отличается от прежних учений об обществе, созданных в ту пору, когда буржуазия была еще восходящим классом и когда ее идеологи пытались открыть объективные законы общественного развития. С тех пор как буржуазия стала реакционным классом, ее идеологи со страхом отворачиваются от самой проблемы общественного закона.

В XX в. в буржуазной социологии стали особенно модными различные субъективно-идеалистические школки и течения, которые отрицают необходимость даже на идеалистический лад ставить проблему закономерностей общественного развития. Волюнтаризм, субъективизм должны были служить философским оправданием авантюристической политики империализма. Этим и объясняется отрицательное отношение реакционной буржуазии к старым системам социологии, даже к таким, как системы О. Конта и Г. Спенсера.

Для всей современной буржуазной социологии характерно стремление уклониться от главного, существенного в социальном развитии, уйти от анализа основных проблем обществен-

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 15, стр. 19.

ного бытия, сосредоточить внимание лишь на второстепенном в общественной жизни людей. Одни буржуазные социологи абсолютизируют какую-либо одну черту исторического процесса, другие представляют общество как совокупность различных равнозначных черт или взаимодействующих факторов, но и те и другие отказываются признать за экономикой, за способом производства определяющую роль в общественной жизни. Большинство буржуазных социологов приписывает эту роль сознанию, идеям, психическим отношениям индивидов.

Все направления буржуазной социологии настойчиво стремятся зачеркнуть существование общественных формаций. Они готовы подменить понятие общественно-экономической формации понятием цивилизации, культуры, лишь бы представить общественный процесс в идеалистическом освещении. Способ производства, производительные силы, производственные отношения — эти ключевые понятия общественной науки — не существуют для современной буржуазной социологии. Но вследствие этого социологами утерян объективный критерий при подходе к явлениям общественной жизни. В буржуазной социологии в той или иной мере господствует пресловутый субъективный метод.

Борьба между материализмом и идеализмом в понимании общества состоит сейчас прежде всего в том, что материализм отстаивает объективную закономерность развития общества и возможность ее научного познания, а идеализм — господствующее направление в буржуазной социологии — отрицает объективные закономерности исторического процесса, проповедует в различных формах субъективизм, а также открытый или прикрытый иррационализм в понимании явлений общественной жизни.

Нищета философии современной буржуазии проявляется и в том, что философско-историческим концепциям уделяется все меньше внимания, содержание их все в большей степени становится негативным, сводится к отрицанию прогресса, поступательного развития человечества, единства исторического процесса и последовательных ступеней формирования человеческого общества.

Теории и направления современной буржуазной социологии проникнуты политическими идеями буржуазии и стремятся теоретически подкрепить эти идеи.

После Великой Октябрьской социалистической революции, а особенно после образования мировой системы социализма в буржуазной литературе стали встречаться жалобы на образовавшийся в капиталистическом мире «вакуум больших идей». Когда в битвах второй мировой войны была разгромлена фашистская политическая идеология, а коммунизм одержал новые всемирно-исторические победы, для буржуазного мировоззрения наступило время трудных испытаний.

Буржуазия ничего не может противопоставить великим идеям коммунизма, марксизма-ленинизма. Идеологи буржуазии заговорили о том, что для капиталистического мира надо составить некую «новую» идеологическую платформу, или, говоря словами одного американского социолога, сделать «перевод старых идей с помощью нового словаря».

Торжество марксистско-ленинской идеологии во всех областях знания, огромные успехи материалистического понимания явлений общественной жизни, широкое распространение идей научного коммунизма поставили перед буржуазией вопрос о необходимости ее перевооружения в развернувшейся идеологической борьбе.

В послевоенный период теоретики буржуазии занялись попытками заполнить «идейный вакуум», образовавшийся в мировоззрении буржуазии, создать политическую и социальную философию современного капитализма, привести в систему буржуазные воззрения на социальные явления. Их интерес к социологии в связи с этим значительно оживился, удельный вес этой дисциплины в капиталистическом мире возрос. Усилилась идеалистическая обработка данных о современных явлениях общественной жизни и истории общества, будто бы опровергающих (в который раз!) марксизм.

Об усилении внимания к социологии говорят, например, следующие факты: в США социология преподается почти в каждом университете; множеству лиц присуждаются ученые степени по социологии и социальным наукам; издаются многочисленные социологические журналы; работают ассоциации социологов. В тесной связи с идеологической экспансией США, претендующих на главенство в послевоенном капиталистическом мире, усилилось проникновение теорий американских социологов в другие капиталистические страны и возросло их влияние на всю буржуазную социологию.

Центральной задачей современной буржуазии является защита капитализма. Чтобы сохранить этот отживающий строй, обрекающий народные массы на эксплуатацию, угнетение, безработицу и разрушительные войны, буржуазия ведет наступление против марксистско-ленинской идеологии, восхваляет капитализм, называя его «свободным миром», миром «свободного предпринимательства», пропагандирует буржуазный индивидуализм, противопоставляя его коллективизму рабочего класса, клевещет по адресу коммунизма.

Антикоммунизм, антимарксизм — главная направленность политической философии современной буржуазии, прославляющей мир частнособственнических отношений в качестве «наилучшего» устройства человеческого общества. Современная политическая философия буржуазии, таким образом, должна служить ярко размалеванным рекламным щитом, который прикрывает убожество, противоречия и язвы современного капитализма. Со-

ответствующие задания ставятся и перед буржуазной социологией.

Буржуазия старается показать, будто проникнутое идеализмом представление о капиталистическом мире не вымышлено, а создается трудами ученых, путем скрупулезных исследований социологов. На самом деле это не так. Категории политической философии современной буржуазии не выведены путем научных исследований. Наоборот, эти мертворожденные категории социального мышления буржуазии держат в плену огромную армию ученых, в том числе и честных исследователей, толкают их по ложному пути, опутывают их сознание и обрекают их исследовательскую работу на бесплодие. Догмы политической философии буржуазии уродуют социологические исследования, направляют внимание ученых на разработку таких категорий и понятий, которые должны в кривом зеркале отразить действительные общественные явления. Если буржуазные социологи и говорят о язвах современного капитализма, то они относят эти язвы к абстрактной «природе человека», к его психологии, к «культурному наследию» и т. д. Соответственно этому в современной буржуазной социологии, как правило, постепенно исчезает всякая критика капиталистических порядков.

В этой связи в современной буржуазной социологии идет длительный спор: надо ли так или иначе оценивать социальные явления, говорить о том, что «должно быть», или лишь описывать, как обстоит дело. Все большее число буржуазных социологов считает необходимым под флагом «объективности» и «научности» уклоняться от всякой критики явлений общественной жизни. Подбор фактов и их истолкование все больше сводятся к обоснованию таких социологических понятий и категорий, которые предопределяют прямое или скрытое апологетическое отношение социолога к современному капитализму.

Эти общие черты современной буржуазной философии и социологии не исключают многообразия оттенков, направлений, течений современного идеализма в подходе к явлениям природы и общества.

2. Современный субъективный и объективный идеализм

Кто же является властителями дум современной буржуазии, какие философские и социологические школы выражают мировоззрение и настроения, характерные для господствующего класса нынешнего капиталистического мира? Сами буржуазные идеологи, отвечая на подобный вопрос, перечисляют в первую очередь те школы, сторонники которых хотя и не относят себя к последователям субъективного идеализма, однако на деле под новыми названиями, рассчитанными на дезориентацию читателей, возрождают именно это направление фило-

софии. Такими течениями современной буржуазной философии являются в первую очередь прагматизм, неопозитивизм, экзистенциализм.

Разоблачая один из излюбленных методов современных субъективных идеалистов, В. И. Ленин писал, обращаясь к сторонникам подобных школ: «На словах вы устраняете противоположность между физическим и психическим, между материализмом (который берет за первичное природу, материю) и идеализмом (который берет за первичное дух, сознание, ощущение),— на деле вы сейчас же снова восстановляете эту противоположность, восстановляете ее тайком, отступая от своей основной посылки!» [1]

Различные современные школы субъективного идеализма все идут по этой дороге: на словах они устраняют противоположность между физическим и психическим, на деле провозглашают примат сознания, воскрешают самые грубые формы идеализма. Так поступают прежде всего представители различных направлений *прагматизма*. Лидером этого течения в последнее время был американский философ Джон Дьюи (1859—1952), который называл свою теорию инструментализмом. Он ратовал за уничтожение разрыва между психическим и физическим, воспевал «науку» и «научность» в подходе к философии. Вместе с тем он утверждал, что идеи, теории лишены какого-либо объективного содержания и являются лишь инструментами для совершения полезных индивиду действий. В своей теории познания Дьюи исходил из опыта, но истолковывал опыт субъективно-идеалистически. Никаких объективных закономерностей, объективной истины, да и самой объективной реальности инструментализм не признает. Недаром некоторые современные идеалисты ищут «аргументов в пользу инструментализма» у епископа Беркли [2].

Философия инструментализма сводится к рассуждениям о наиболее целесообразном использовании средств, «инструментов» для того, чтобы достигнуть «максимального приспособления» средств к целям. Дьюи и его последователи провозглашают, что средство «истинно», если оно приводит к желаемым результатам, к успеху, к выполнению задуманного. Никакой онтологии (учения о бытии) Дьюи не признавал и сам себе ставил в заслугу «попытку перевести старые хорошо известные вопросы из плоскости онтологии в плоскость исследования» [3]. Но и все «исследование», все познание инструменталисты сводят к комбинации условных «истин», условных терминов. Как же с такой точки зрения отличить знание, науку от вредного заблуждения, иллюзий? Инструментализм стирает

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 43.

[2] Contemporary British Philosophy, London, N.-Y., 1956, p. 373.

[3] *John Dewey* and *Arthur Bentley*, Knowing and the Known, Boston, 1949, p. 328.

качественное различие между истиной и заблуждением. Один из учеников Дьюи [1], разбирая утверждения о существовании духов, богов, пишет, что утверждение об их существовании должно быть рассматриваемо не как ложное, а как лишенное смысла или противоречивое. Итак, нет ложных утверждений, непримиримо враждебных истине, науке, ибо нет объективной истины. В лучшем случае прагматисты признают, что существуют суждения, «лишенные смысла» или «противоречивые». Все это, разумеется, прямые и откровенные уступки фидеизму. В последние годы жизни Дьюи склонялся к некоторому компромиссу между инструментализмом и другим субъективно-идеалистическим направлением, семантической философией, являющейся видоизменением неопозитивизма — «нового позитивизма».

Сторонники *неопозитивизма* первоначально объединились в Венском кружке, организованном в 1922 г. под руководством австрийского физика и философа Шлика. В дальнейшем неопозитивизм распространился среди философов и естествоиспытателей многих стран, особенно США и Англии.

Неопозитивисты претендуют на то, чтобы «сделать философию научной», очистив ее от всякой «метафизики». Но до них с такими же претензиями выступали и другие философы-идеалисты — позитивисты и махисты. Особенностью неопозитивизма является лишь мысль о применении «логического анализа» к языку. Однако и эта мысль заимствована ими у субъективного идеалиста Витгенштейна, автора книги «Логико-философский трактат» (1921). Задача «философии науки» в понимании неопозитивистов состоит в устранении философских «псевдовопросов», к числу которых они относят основной вопрос философии, вопрос об объективной истине, об объективных закономерностях природы и общества, о причинных связях явлений и т. п.

Вместо этих важнейших научных проблем, над разрешением которых трудились на протяжении столетий выдающиеся мыслители, неопозитивисты предлагают ограничиться «логическим анализом» языка, что является, с их точки зрения, единственной задачей «философии науки». Неопозитивист Шлик утверждал, например, что, раскрывая смысл традиционных философских проблем, «философия науки» должна отбросить бессмысленные вопросы, а те, которые окажутся действительными проблемами, следует передать для решения представителям конкретных наук. «Таким образом,— заявлял Шлик,— судьба всех философских проблем такова: некоторые из них исчезнут, когда будут показаны ошибки и заблуждения, касающиеся нашего языка, а другие окажутся обычными научными вопросами... Эти замечания, я думаю, определяют все будущее философии» [2].

---

[1] Сидней Хук в сборнике «American Philosophers at Work», N.-Y., 1956, p. 239.

[2] См. *L. Beck*, Philosophical Inquiry, N.-Y., 1956, p. 244.

Выступая в качестве поборников «философии науки», неопозитивисты на деле стремятся ликвидировать философию. Типичным образцом ликвидаторства в философии являются рассуждения английского неопозитивиста А. Айера, с точки зрения которого все знания дают нам специальные науки — физика, химия, биология и др., а поэтому-де философия не нужна или, во всяком случае, роль философа не велика. «Единственное, что он, конечно, может сделать,— это действовать как своего рода интеллектуальный полицейский, следя за тем, чтобы никто не нарушил границы, перейдя в область метафизики» [1]. К области же «метафизики», границы которой не дозволено переступать, неопозитивисты относят вопросы об отношении мышления к бытию, о познаваемости мира, о причинности и т. д. Именно об этих проблемах писал столь ценимый неопозитивистами субъективный идеалист Витгенштейн: «Большинство предложений и вопросов, высказанных по философским проблемам, не ложны, а бессмысленны... И поэтому не следует удивляться, что глубочайшие проблемы на самом деле вовсе *не* являются проблемами» [2].

Упразднение философских проблем, ликвидация научного мировоззрения может означать лишь возврат вспять, к религии, к донаучному состоянию духовной жизни людей. Неопозитивисты выступают на словах против «метафизики», за науку, на деле же они борются против научного мировоззрения, подрывают самые основы научного мышления и, следовательно, наносят серьезный вред именно развитию науки, отказывая ей в праве и возможности познать объективную истину.

Новейшим, самым «модным» направлением неопозитивизма является *семантическая философия* [3]. Семантическая философия идет еще дальше других направлений субъективного идеализма по пути формализма и схоластического рассмотрения понятий, устранения из них всякого объективного содержания. В настоящее время существует несколько школ и школок семантической философии, в том числе «академическая школа» (Карнап, Тарский), школа «общей семантики» (Коржибский, Хаякава), школа Ричардса и Огдена. Представители этих школ вносят различные оттенки в семантическую философию и отличаются друг от друга своими политическими взглядами, но идеологическая сущность этих школ одна.

Главным представителем семантической философии является Рудольф Карнап, прежде состоявший членом неопозитивистского Венского кружка, а ныне ставший одним из ведущих буржуаз-

[1] The Revolution in Philosophy, London, 1957, p. 78—79.

[2] *L. Wittgenstein*, Tractatus Logico-Philosophicus, London, 1955, p. 63.

[3] Семантическую философию следует отличать от семантики как части математической логики, а также от семантики (семасиологии) как лингвистической дисциплины, изучающей смысловую сторону языка.

ных философов США. Карнап выдвинул «теорию построения понятий», согласно которой все, с чем имеет дело наблюдатель, ученый, образуется посредством познавательной деятельности субъекта, вырабатывающего понятия и тем самым объекты познания. Задача философии сводится к анализу понятий, удалению из них «метафизического» смысла (к такой формулировке их содержания, которая не указывала бы на существование внешнего мира, ибо его признание именуется «метафизикой»).

Подобный анализ требует обращать внимание не на реальное значение понятий, а лишь на формальные правила их словесных выражений и сочетаний. «Логический синтаксис языка» — так озаглавил Карнап одну из своих работ, в которой он с помощью формального метода рассматривает принятые в науке термины и их сочетания. Как мы уже отмечали в I главе, Карнап считает, что проблемы философии относятся не к объективному бытию, а к семантической структуре языка науки [1]. При этом представители семантической философии стоят на точке зрения конвенционализма; тот же Карнап категорически заявляет: «Быть реальным в научном смысле — это значит быть элементом системы...» [2]

С точки зрения семантической философии современные научные достижения показывают, что «именуемое «объектами» или «объективным» является не чем иным, как простыми нервными конструкциями внутри нашего черепа...» [3] Итак, человеческий мозг создает весь бесконечный мир!

Даже среди некоторых сторонников идеализма такое направление вызвало возражения, ибо с точки зрения семантической философии нельзя отличить подлинное знание от пустых или даже вредных вымыслов, химер. Человечество, разумеется, давно заблудилось бы в потемках, если бы оно руководствовалось подобной философией, для которой правила карточной игры и законы физики, по существу, ничем не отличаются друг от друга. Именно так рассуждают сторонники субъективного идеализма, принижающие науку своим отрицанием ее объективного содержания, называющие законы науки просто логическими выводами из условно, по соглашению между учеными, принятых предпосылок. По словам австрийского неопозитивиста Шлика, универсальный закон или теория есть «правило или набор инструкций для выведения определенных суждений из других определенных суждений» [4]. Ум человека, познающий все новые и новые тайны природы, вскрывающий основу основ общественной жизни, анализирующий самую мысль, эти философы изображают

---

[1] См. *R. Carnap*, Introduction to Semantics, USA, 1946, p. 250.
[2] См. «Semantics and the Philosophy of Language», USA, 1952, p. 210.
[3] *A. Korzybski*, Science and Sanity, USA, 1945, p. XX.
[4] Contemporary British Philosophy, London, 1956, p. 373.

лишь как «кипящий в действии пустом», говоря словами Пушкина.

В эпоху возникновения научного мировоззрения передовые мыслители шли на костры и пытки, отстаивая истину. Тогда буржуазия была восходящим классом. Современной империалистической буржуазии нет дела до вопроса «что есть истина». Ей нет дела и до направления научного исследования, ибо, как говорил основатель прагматизма Джемс, истинно все то, что полезно. А реакционным кругам буржуазии, например, полезно, чтобы наука из силы творящей превратилась в силу разрушающую, служила подготовке войны.

Но передовое человечество желает, чтобы наука вдохновлялась великими и благородными идеями социалистического гуманизма, служила народу и прогрессу. Человечество не может допустить, чтобы наука была «освобождена» от вдохновляющего ее мировоззрения и сведена к набору правил и инструкций, указывающих, как ставить эксперименты, как делать из них логичные выводы. Научные эксперименты, вполне соответствующие правилам логики и выработанным инструкциям, совершали и гитлеровцы в лагерях Майданека. Но это было величайшее злодейство!

Некоторые представители современного субъективного идеализма почувствовали пустоту неопозитивистских теорий, утверждающих, будто философская мысль осуждена вечно скользить по поверхности явлений, не проникая в их сущность. Исправить дело взялись сторонники *феноменологии* (от греческого слова «феномен» — явление), которые попытались с позиций субъективного идеализма истолковать отношения между сущностью и явлением. Идя вслед за основателем этой школы немецким философом Гуссерлем (1859—1938), они изъявили готовность признать, что каждый факт включает в себя в качестве составляющей его части сущность, которая постигается «интуитивно». Но они объявили и сущность и явление лишь состоянием сознания и тем самым лишили всякого реального содержания обе эти категории. Сторонники этого направления предложили при исследовании философской мысли ввести так называемый феноменологический метод, который состоит в том, что вопрос о реальном существовании тех или иных вещей или явлений берется «за скобки», исключается из рассмотрения философа. Феноменологист отказывается решать, что из данных сознания адекватно (соответствует) реальности, а что есть лишь кажимость. Таким образом, эта теория замыкается рамками сознания, и всякий, кто станет на точку зрения феноменологии, не сможет провести никакой черты, отделяющей реально существующее от вымысла, истину от иллюзии. Феноменологический метод в конечном итоге приводит к отказу от научного познания мира.

Марксисты выступают за науку, открывающую истину, за науку, чей путь отмечен подвигами служения народу. Вместе

со всеми прогрессивными людьми марксисты выступают против превращения науки в орудие злодеяния или в занятие, подобное спорту, разгадыванию головоломок и т. д. Другими словами, все прогрессивные силы выступают за научное мировоззрение, освещающее человечеству дорогу вперед.

Современный субъективный идеализм указывает человечеству путь не вперед, а назад. Путь субъективного идеализма — это путь полного отхода от всех завоеваний прогрессивной мысли, даже от прежних, имевших относительно прогрессивное значение положений классических систем идеализма, путь усугубления всего реакционного, что было когда-либо в идеалистической философии. Яркой иллюстрацией этой идейной деградации современной буржуазной философии служит современный иррационализм, наиболее известной разновидностью которого ныне является экзистенциализм.

Отправной пункт философии *экзистенциализма* — понятие существования (от лат. exsisto), которое понимается как «человечески-конкретное существование». Иначе говоря, с точки зрения экзистенциалистов, существование невозможно без восприятия, переживания существования. Оно, следовательно, есть существование определенного единичного субъекта: вне субъекта нелепо-де говорить о существовании. «Если я называю не-я миром,— пишет немецкий экзистенциалист Ясперс,— то я могу понять это не-я лишь вместе со мной» [1]. В этом положении нет ни крупицы нового по сравнению с тем, что писал когда-то епископ Беркли. «Новое» в экзистенциалистском субъективном идеализме разве только то, что субъект рассматривается экзистенциалистами не как субъект познания, а как страдающее, умирающее существо, полное забот, страха и т. п. Один из основателей экзистенциализма, немецкий философ Хайдеггер, понимает человеческое существование так: оно берется из «ничто» и приходит к «ничто», т. е. к смерти. Так субъективный идеализм опустошает личность, сводит жизнь человека, полную деятельности, борьбы и творчества, к простому умиранию. «Философствовать означает учить умирать»,— резюмирует теорию экзистенциалиста Ясперса буржуазный историк философии Бохенский. Немудрено, что Ясперс стал одним из проповедников атомной войны.

Было время, когда философы буржуазии претендовали на звание учителей жизни, ныне они — проповедники смерти и разложения. Давно было сказано, что философия есть «эпоха, схваченная в мысли»; в философии экзистенциализма схвачена в мысли эпоха загнивающего капитализма.

По мнению сторонников экзистенциализма, «существование» предшествует «сущности» человека. Камень самым своим су-

[1] *K. Jaspers*, Philosophie, B. I, Berlin, 1932, p. 62.

ществованием уже становится камнем и не перестает им быть, пока существует, но человек, начинающий свое «существование», еще не есть то, чем он может быть, он «выбирает» свою «сущность» впоследствии. Однако лишенный по воле экзистенциалистов бытия как общественное существо, лишенный света объективного знания, осужденный постоянно брести в потемках, человек, несмотря на свое право «выбирать сущность», переживает постоянную «трагедию бытия», испытывает «томление». Он конструирует мир по своему желанию, но все время имеет дело с «шифрами» в форме чувственного созерцания, научных понятий или религиозных верований, и все эти «шифры» говорят ему о наличии «трансцендентного», к которому он может приблизиться лишь интуитивно. Некоторые экзистенциалисты (Г. Марсель) щедро вводят в свою философию христианское богословие, религию, которая-де и должна вывести человека из состояния «томления». Другие (Хайдеггер, Сартр) остаются на позициях «пессимистического атеизма», но и они своим учением указывают дорогу не к научному знанию, а к фидеизму, к мистике.

Признаком деградации современного идеализма является не только широкое распространение различных школ и направлений субъективно-идеалистического толка, но и слияние объективного идеализма с богословием. Наиболее известными объективно-идеалистическими направлениями являются ныне персонализм и неотомизм.

Персонализм, распространенный в США (Флюэллинг, Хоккинг, Брайтмэн), во Франции (Мунье) и ряде других капиталистических стран, рекламируется его сторонниками как «философия личности» (лат. «персона», откуда и название школы). С точки зрения персонализма вселенная представляет собой иерархию личностей: личностями являются все тела природы, живые существа, человек и, наконец, абсолютная персона — бог. Объявляя принцип индивидуальности космическим принципом, персоналисты провозглашают, что «права человека, утверждение человеческой личности и свобода являются краеугольными камнями существования» [1]. Но все эти декларации не более как рекламная витрина, за которой скрывается диаметрально противоположное содержание. На самом деле персоналисты проповедуют и освящают рабство, приниженность человеческой личности, ибо над индивидуумами они ставят «божественную волю», «божественную личность», слабым отсветом которой и является, по их учению, действительная личность. Они проповедуют смирение и покорность перед «божьей волей», сковывая тем самым волю и разум человека.

---

[1] См. журнал «The Personalist», Summer 1956, p. 233.

Философия персоналистов — это пропаганда духовного самосовершенствования и обновления вместо борьбы за новую, достойную человека жизнь. «Необходимо бороться не за новый мир, а за новую душу» [1],— пишет Флюэллинг. Переводя те же мысли на язык политики, Флюэллинг заявляет: «Опасность в настоящее время исходит не столько от существования бомб, сколько от порочности людей» [2]. Итак, нечего бороться против ядерного оружия, надо заняться вместо этого переделкой «греховной человеческой природы» с помощью воспитания смирения и покорности «божественной воле».

Такие же рецепты дают персоналисты и для преодоления социального зла, порождаемого капитализмом. Они говорят о «равенстве личностей», но это лишь равенство «духовных сущностей», равенство «в боге», «по духу», а отнюдь не реальное экономическое равенство реальных людей. Но о таком «равенстве» говорили еще Сенека и отцы церкви во времена рабовладельческого Рима, признавая «духовное равенство» раба и рабовладельца. Нынешние идеалисты ничего нового не придумали для освящения и увековечения капиталистического рабства.

Богословием, наряженным в пышную мантию философской и наукообразной терминологии, является и другое распространенное течение современного объективного идеализма — *неотомизм*, возрождающий учение католического богослова Фомы Аквинского (1225—1274), возведенного католической церковью в святые. По имени этого средневекового схоласта получило свое название и новое течение (лат. Tomas — Фома).

Один из видных представителей неотомизма, Коллинз (США), в работе под характерным заглавием «Бог как функция в современных системах философии» [3] утверждает, будто «святой Фома четко видел различие между богословской мудростью и философской мудростью или человеческой философией», и далее так поясняет свою мысль: «богословская мудрость начинает с рассмотрения бога и от этого отправляется к изучению творений, поскольку они относятся к богу и имеют сходство с божественным»; «в философской мудрости или человеческой философии начало кладется изучением самих чувственных сотворенных вещей, которые исследуются в соответствии с их собственными причинами, и только в конце достигается постижение бога». Как видим, разница невелика: богословие начинает с бога, а философия неотомистов кончает богом.

Одной из главных идей неотомистской философии является идея «гармонии» веры и знания, т. е. религии и науки. Неотомисты заявляют, что им удалось преодолеть противоречия между наукой и религией, примирить их, установив границы их

---

[1] Статья Флюэллинга в журнале «The Personalist», Winter 1956, p. 11.
[2] «The Personalist», Summer 1956, p. 234.
[3] В сборнике «American Philosophers at Work», N.-Y., 1956, p. 197.

компетенции. На деле же неотомистский принцип «гармонии» веры и знания подчиняет науку религии; религиозные догмы рассматриваются неотомистами как сверхразумные, полученные от бога, высшие истины. В своем послании по случаю 25-летия так называемой Папской Академии наук папа Пий XII предписывает науке раскрывать совершенство бога; руководимое такой «наукой» сознание должно «постигать философские аргументы, которыми христианская мудрость обычно доказывает существование бога».

Неотомисты, подобно персоналистам, заявляют, что в центре их философии находится человек. Они пространно разглагольствуют о «ценности личности», уверяя, что им известен путь, как избежать двух «опасных крайностей» — индивидуализма и коллективизма. На деле претензия встать над индивидуализмом и коллективизмом сводится к проповеди покорности «божьей воле», к пропаганде религиозной морали. Неотомисты делят человека, как и полагается богословам, на бренное тело и нетленную душу, но изобретают для этого религиозного деления новые термины и понятия. Они утверждают, что человек является, с одной стороны, индивидуумом, бытие которого подчинено законам физическим и историческим, а с другой стороны, он личность, стремящаяся к богу и познающая его. Коллинз, таким образом, в известной степени прав, утверждая, что неотомизм начинает с философии, а кончает самым заурядным богословием.

Тот же метод лежит в основе рассуждений неотомистов о природе. Французский неотомист Ж. Маритэн написал книгу о «философии природы», стремясь подогнать современные научные данные под схоластические схемы Фомы Аквинского и создать таким путем «метафизику современного естествознания», подобно тому как это делали схоласты. Неотомисты утверждают, что они изучают «сущность чувственного и изменяющегося бытия», но на поверку оказывается, что эта «сущность» «неизменна, непознаваема» и является неким духовным субстратом, связывающим воедино природу и ее «творца».

Занимаясь вопросами мышления, неотомисты также прикрывают религиозные догмы фразеологией, заимствованной из психологии. Они превозносят «самонаблюдение», толкуя при этом психологические процессы как «внутреннее прозрение», и приходят, таким образом, к психологическому «обоснованию» богословского учения о «божественном откровении».

Неотомизм является по преимуществу философией католической реакции. Католические институты и университеты в Западной Европе и Америке служат его теоретическими центрами, Ватикан направляет деятельность неотомистов. Щедрая поддержка капиталистов и немалые средства, находящиеся в распоряжении самой католической церкви, создают солидную материальную базу для пропаганды неотомизма. Неотомисты

издают более двух десятков журналов, ежегодно публикуют сотни книг. Неотомизм тесно связан не только с церковью, но и с деятельностью католических партий во Франции, Италии, Западной Германии. Политическая программа неотомизма — с помощью проповеди «христианского» устройства общества, установления некоего «профессионально-сословного строя» наподобие феодальной иерархии отвлечь трудящихся от классовой борьбы, внести в их сознание буржуазную идею «классового мира». Поэтому Коммунистические партии Франции и Италии ведут критику католических теоретиков, разоблачают их клеветнические выпады против марксизма и коммунизма, показывают классовую сущность католических теорий как орудия империалистической реакции.

Глубокий упадок буржуазной философской мысли находит особенно яркое проявление в современных буржуазных теориях общественного развития, в учениях об историческом процессе.

3. Современная буржуазная философия истории

«Конец XIX века,— пишет французский историк философии Брейе,— был свидетелем упадка философии истории. Эта философия имела своей целью показать современное положение человечества как фазу некоего развития и тем самым объяснить человека самому себе. В начале XX века сама история как знание о прошлом стала объектом атак...» [1]

Отрицание закономерностей общественного развития, изображение исторического процесса как скопления случайностей, которые можно описать, но нельзя изучить и предвидеть,— вот суть всех этих атак со стороны идеологов буржуазии.

Поход против истории как науки начали неокантианцы (Риккерт, Виндельбанд), утверждавшие, что историческое всегда будто бы единично, индивидуально, не содержит в себе повторяющегося и поэтому не допускает обобщений. Немецкий философ Дильтей пошел еще дальше и объявил историческую науку лишь результатом субъективного переживания ученого-историка, который на свой лад толкует известные ему мысли прошлого. История с этой точки зрения есть лишь перечень событий, оценка которых каждым историком дается по-своему. Современный французский историк социологии и публицист крайне правого толка Р. Арон, пропагандируя взгляды Дильтея, заявляет: «Каждая эпоха, каждый коллектив заново создают себе прошлое...» [2]

---

[1] *Émile Bréhier*, Transformation de la philosophie française, Paris, 1950, p. 149.

[2] *R. Aron*, La philosophie de l'histoire. Сборник L'activité philosophique contemporaine en France et aux Etats Unis, Paris, 1950, vol. II, p. 327.

Эту точку зрения разделяют многие современные буржуазные историки. Так сказались на их взглядах господствующие в буржуазном мировоззрении с начала XX в. субъективно-идеалистические течения. Подобная философия истории ведет к ликвидации исторического научного знания, ибо наука, которая исключает из своего поля зрения объективные закономерности, проповедует абсолютный релятивизм и отрицает объективную истину, перестает быть наукой.

Исторический материализм признает историческую, классовую обусловленность общественных и философских взглядов историка, но в то же время утверждает, что возможна объективная, достоверная, истинная историческая наука, которая преодолевает влияние предвзятых точек зрения и классовые предрассудки. Эту общественную науку создают идеологи передового класса, освобождающего общество от пут эксплуатации. Такой наукой является марксизм-ленинизм. Именно поэтому марксизм-ленинизм имеет возможность, анализируя буржуазную историографию, отделить все то, что объясняется в ней классовой ограниченностью кругозора буржуазного историка, от подлинного завоевания научной мысли. При всей исторической, классовой ограниченности идеи французских историков эпохи реставрации о классах и классовой борьбе были достижением науки, прокладывавшим ей путь вперед.

Ныне буржуазные социологи и философы, исходя из субъективно-идеалистических предпосылок, на разные лады твердят, будто нельзя познать объективную истину исторического процесса. Итальянский философ Кроче утверждал, что любое историческое суждение опирается на практическую потребность своего времени, которое диктует отбор исторических фактов и их освещение исследователем. Таким образом, делает он вывод, всякая история является «современной историей». Примерно так же рассуждал американский философ Дьюи, который, подчеркивая значение принципа отбора исторического материала и «упорядочения» этого материала ученым, утверждал, что история оказывается «историей настоящего», «историей того, что считается важным для настоящего». Такая точка зрения получила название презентизма (от лат. praesens — настоящее) и имеет многих сторонников, особенно в США.

Несомненно, что историческая наука не стоит на месте, она развивается. Наши знания о прошлом становятся глубже и точней. Подобно человеку, поднявшемуся на высокую гору, историк в нашу эпоху имеет возможность видеть прошлое дальше и глубже, чем историк XVIII или XIX в. Несомненно также, что классовая позиция буржуазных историков не помогает им вскрыть действительные очертания исторического процесса, а, наоборот, заставляет их искажать прошлое, напри-

мер, закрывать глаза на роль масс, выпячивать деятельность героев, видеть в истории проявление духа или «божественной воли» и т. д. Однако из факта отступления буржуазных историков от истины в угоду корыстным классовым интересам отнюдь нельзя делать философский вывод, будто никакой исторической истины нет и быть не может.

Современная буржуазная философия истории идет не вперед, а назад от завоеваний философской мысли XVIII—XIX вв. Она возрождает старые, отжившие идеалистические взгляды на общественный процесс. На примере видного английского ученого Арнольда Тойнби, посвятившего свой основной труд общим проблемам философии истории [1], мы видим, какие изменения претерпевают прежние философско-исторические концепции буржуазии.

Тойнби отрицает единство исторического процесса. Обрушиваясь на старую философию истории, он употребляет такое сравнение: конструировать единый исторический процесс развития человеческого общества — это все равно, что приставлять бамбуковые палки друг к другу; в результате такой операции получится длинная палка, но ведь никто не поверит, что так рос бамбук. Тойнби считает, что так поступают, когда соединяют историю Греции, историю Рима или историю других стран и народов в единый исторический процесс. По Тойнби, всемирная история распадается на отдельные цивилизации, каждая из которых имеет свою историю, свое рождение и смерть. Английский историк Стенли Кессон, воспринявший теорию Тойнби, предлагал всемирную историю именовать «лабораторией экспериментальных цивилизаций» [2].

Тойнби придает лишь видимость единства историческому процессу с помощью теории круговорота, цикличности. Эта теория получила широкое распространение в 20-х годах XX в. после выхода книги немецкого реакционного философа Шпенглера, пророчившего «закат западной культуры». По теории Тойнби, одна цивилизация, достигнув расцвета, клонится к упадку, умирает; ей на смену идет другая цивилизация, которая начинает тот же путь; исторический процесс совершается, таким образом, по кругу. Гибель цивилизации происходит в результате раскола «социального целого», в результате нарастания острых социальных конфликтов. Но развитие цивилизации, по Тойнби, в конечном счете зависит от развития сознания, идей; главенствующую роль играют при этом религиозные идеи. Здесь Тойнби повторяет старые-престарые и давно опровергнутые азы идеализма.

Основной вывод из теории Тойнби заключается в том, что если рухнет капиталистический строй, то история пойдет не

---

[1] *A. Toynbee*, A Study of History.
[2] *S. Casson*, Progress and Catastrophe, London, 1937, p. 114.

вперед, а вспять. Надо ли после этого добиваться крушения эксплуататорского капиталистического строя?

Так теории, отрицающие исторический прогресс, обнажают свое истинное классовое лицо. Назначение этих реакционных теорий состоит в том, чтобы отвести взоры человечества от светлого будущего, лишить общественную деятельность людей величественной перспективы построения нового общества. Удел человечества — штопать и ремонтировать здание капитализма, под крышей которого ему будто бы суждено вечно жить.

Тойнби не одинок в своих философско-исторических построениях. Современная буржуазная философская мысль вообще ушла от понятия социального прогресса, ополчилась против самой идеи прогрессивных изменений в жизни общества.

В книжках историков и социологов нередко можно встретить рассуждения о том, что идеи старой философии истории были иллюзиями и сгорели в огне действительности, что никуда не годятся ни схемы французских просветителей XVIII в., которые говорили о конечном торжестве разума, ни философско-историческая схема Гегеля, ибо в ней речь идет о развитии.

Видный американский социолог Огборн в 20-х годах нашего столетия заявил, что с терминами «прогресс», «эволюция», «развитие» надо покончить, так как эти понятия основаны на признании неизбежности последовательных стадий развития общества. Огборн, выступивший за изгнание этих понятий из современной социологии, предложил придерживаться «строго научного» термина «социальные изменения»[1]. В обществе происходят изменения, но, в каком направлении они идут, мы этого якобы не знаем и знать не можем, не следует и задавать такой вопрос. Эта теория стала для буржуазной социологии знамением времени.

Введение в обиход современной буржуазной социологии и философии истории понятия «социальное изменение» открыло широкий путь для идеалистического истолкования исторического процесса. Оперируя этим понятием, ученые, как пишет западногерманский социолог Борх, превращают великий поток исторического становления «в беспрерывное течение «социальных изменений», которые состоят из бесконечно большого числа «бесконечно малых» частичных процессов»[2]. Это справедливое замечание: с помощью понятия социальных изменений исторический процесс дробится на мельчайшие частичные процессы, лишается единства, разрывается на клочки. Линия социального процесса распадается на отдельные точки, разбросанные в про-

---

[1] *W. Ogburn*, Social Change, 1922, см. также его статью в «Энциклопедии социальных наук» Social Change (vol. 3, p. 330—334).

[2] *H. von Borch*, Grundlagen der Geschichtssoziologie. *A. Weber*, Einführung in die Soziologie, München, 1955, S. 201.

странстве. Французский философ Брейе говорил в этой связи, что современная философия истории учит не представлять себе исторический момент как точку на какой-то прямой. Добавим: не только на прямой, но и на кривой, например на спирали. Дело здесь не в отрицании прямолинейности общественного развития, а в отрицании самой теории поступательного развития. «Распалась цепь времен», как говорил Гамлет — герой Шекспира. Но распалась не только цепь времен; связь явлений общественной жизни распалась не только, так сказать, по вертикали, но и по горизонтали, в пределах данного этапа истории общества. В сознании буржуазного социолога общественная жизнь на каждой ступени исторического развития раскололась на ряд бесконечно малых, самостоятельных частных процессов.

Такое представление характерно и для такого распространенного направления современной буржуазной социологии, как теории «множественности факторов» или «сфер» общественной жизни.

Буржуазно-субъективистские взгляды на ход общественного развития отразились в теоретических рассуждениях современных ревизионистов, отрицающих единые, общие для всех стран закономерности перехода от капитализма к социализму; ревизионисты рассматривают этот переход как совокупность отдельных разных «путей», которыми человечество, по их мнению, вразброд, врозь должно двигаться к социализму.

4. Теории «факторов» и «сфер» общественной жизни

Еще в конце XIX в. значительная группа социологов придерживалась теории множественности факторов, определяющих изменения в общественной жизни. Социологи этого направления отрицали, что общественное бытие определяет развитие общественного сознания, что развитие производительных сил и производственных отношений определяет структуру общества и ход его развития. Эти социологи не прочь были признать заслугу марксизма, который-де разработал вопрос о значении экономического фактора, но они считали марксизм «односторонним» и выступали против монизма исторического материализма, за «множественность факторов».

На III Международном социологическом конгрессе, который был посвящен проблеме «социальных изменений» и состоялся в 1956 г., это направление даже называли «ведущим» в современной социологии. Западногерманский социолог фон Визе заявил в своем докладе, что на смену прежнему, характерному для середины XIX в. «однопричинному объяснению истории» ныне пришла «многолинейная интерпретация» общественных

явлений [1]. Однако дело здесь не в защите идеи сложности и многообразия исторического процесса, а в попытке раздробить его на отдельные процессы, слабо связанные или совсем не связанные друг с другом. Обоснованию теории «множественности факторов» на конгрессе был посвящен также доклад видного английского социолога М. Гинсберга, который утверждал, что нельзя одни факторы считать более важными, чем другие. «Социальные изменения,— говорил он,— часто вызываются слиянием или сочетанием элементов, возникших из различных источников, но пересекающихся в одной точке» [2].

Сторонники такого взгляда на общественную жизнь особенно грешат эклектизмом. Вместе с тем их взгляд проникнут метафизичностью, ибо они отказываются видеть основу исторических явлений, сводя их к механической совокупности различных факторов. Подобные теории лишь прикрывают идеалистический взгляд.

В настоящее время среди буржуазных социологов представление о различных факторах единого общественного процесса все больше заменяется представлением об отдельных, обособленных друг от друга сферах, или процессах, общественной жизни. Так, в Западной Германии социолог Альфред Вебер [3] и другие разработали теорию разных сфер, или систем, общественной жизни: «социальной, технологически-цивилизаторской и культурной». Вебер утверждает, что эти сферы, или системы, общества (или структуры), подобно сферам греческого астронома Птоломея, вращаются каждая сама по себе. Социолог якобы призван изучать точки совпадения, «констелляции» этих систем. «По-видимому, идут по правильной дороге, когда эволюцию, установленную Марксом, разделяют на отдельные социологические сферы бытия» [4],— пишет А. Вебер, утверждая, что надо отказаться от понятия общей эволюции (развития) общества и изучать отдельные сферы и их взаимное расположение по отношению друг к другу.

Так, отказываясь от марксистского разграничения явлений общественной жизни на базисные и надстроечные, разорвав противоречивое единство этих явлений, современные буржуазные социологи создают самые запутанные схемы соотношения различных сфер общественной жизни людей. Общественная жизнь при этом произвольно рассекается на частные процессы, или на отдельные факторы и сферы, а движение этих сфер считается подчиненным сознанию.

Некоторые социологи, разделяя исторический процесс на отдельные процессы, сферы или факторы и задавая себе вопрос

---

[1] Transactions of the Third World Congress of Sociology, vol. I, p. 5.
[2] Там же, стр. 17.
[3] См. *А. Weber*, Einführung in die Soziologie, München, 1955.
[4] *A. Weber*, Das Weltbild unserer Zeit, Nürnberg, 1954, S. 125.

о взаимных отношениях этих сфер, особо выделяют проблему развития и роли техники. Они указывают на огромное значение технических усовершенствований и нововведений в общественной жизни. Огборн усматривает основную причину социальных изменений именно в изобретениях и пишет о значении этого фактора: «Механические изобретения дают импульсы к социальным изобретениям (нововведениям), а социальные изобретения стимулируют механические изобретения» [1]. Он признает некоторую взаимозависимость социальных явлений и техники. Но чем же определяется развитие техники, какова роль социальных отношений в этом развитии? На такой вопрос Огборн и его единомышленники ответа не дают. Они сводят развитие техники в конечном счете к развитию духовных сил и способностей человека, повторяя зады идеализма.

По мнению Огборна, своеобразным законом взаимодействия факторов в общественной жизни является отставание духовной культуры от развития техники. Выдвинутое Огборном положение ныне вошло в обиход многих социологических теорий. Подобную мысль развивает американский социолог Льюис Мэмфорд, который говорит об «опасности» чрезмерного развития техники, о «губительности» увлечения техническим прогрессом.

Основной порок этого направления в социологии состоит в том, что его сторонники берут технику вне социальных отношений, вне отношений собственности и сводят развитие техники к развитию духа. Между тем никакого развития техники вне социальных отношений не существует.

Сторонники теории о примате технического фактора, технических изобретений в общественной жизни не могут установить, в чем же заключается и почему существует связь между изменениями в технике и социальными изменениями, в чем сущность самих социальных изменений. Тот факт, что в эпоху империализма технический прогресс нередко сопровождается регрессом в других областях, особенно в области духовной жизни людей, которую безжалостно уродует капитализм, буржуазные социологи объяснить не могут. Огборн и его единомышленники не видят или не желают видеть, что производственные отношения капитализма отжили свой век и что именно в этом заключается разгадка «отставания культуры» от техники в современном капиталистическом мире. Ведь опыт показывает, что социалистические производственные отношения не тормозят развития общества, в странах социализма прогресс техники не ведет и не может вести к какому-то «трагическому» отставанию духовной культуры.

Атомная энергия используется империалистами не в интересах человечества, а для изготовления средств массового убий-

---

[1] *См. Elmer*, Contemporary Social Thought, Pittsburgh, 1956, p. 183.

ства людей. Социологи этой группы склонны винить в этом науку, технику, а не капитализм, придающий развитию техники уродливое, противоречащее интересам общества направление.

Взгляд на технику как на особый фактор, как на такую сферу, изменения в которой опережают изменения в других сферах общественной жизни, лежит в основе социологического направления — так называемой *индустриальной социологии*. Это направление ставит вопрос о «приспособлении» человека к «механической и технической среде», и социологи придумывают различные средства, чтобы «человек» (имеется в виду индустриальный рабочий) лучше и быстрее «приспосабливался» к условиям современного капиталистического предприятия и не думал о коренном изменении эксплуататорских общественных отношений. По мнению этих социологов, социальные конфликты происходят из-за того, что люди плохо «приспосабливаются», их духовная культура отстает; индустриальная социология стремится ускорить это «приспособление». Представители этого направления, одним из родоначальников которого является американский социолог Элтон Мейо, написавший сочинение об «индустриальной цивилизации» и ее «проблемах», работают в различных фирмах, состоят консультантами капиталистических компаний, производят обследования организации труда на заводах, выясняют причины конфликтов и способы их улаживания, составляют предпринимателям рекомендации о «регулировании» их отношений с рабочими.

В одной из программных статей этого направления, опубликованной в «Журнале социологии обучения» в ноябре 1950 г., говорится, что «социологическое исследование в области промышленности, для того чтобы иметь практическую ценность, должно дать основные принципы, лежащие в основании приспособления и конфликта». Речь здесь идет о том, что восторжествовать должно «приспособление» людей к создавшемуся положению, перестройка их сознания, и конфликты тем самым были бы ликвидированы. Автор статьи признает, что известные круги ждут от этой отрасли социологии «лекарств против взрывов, конфликтов и классовых антагонизмов». Тот же журнал в декабре 1955 г. выступил со статьей, в которой предупреждал, что «у рабочих просыпается сознание необходимости самого широкого участия в общественном развитии», поэтому в профсоюзы следовало бы направить социологов-консультантов, которые просветили бы профсоюзных лидеров и помогли бы им «установить между группами рабочих и хозяев отношения сотрудничества».

С помощью теории о преодолении «отставания сферы культуры от сферы техники» представители индустриальной социологии надеются, по выражению одного социолога, «распознать сеть условий, в которых может запутаться современный чело-

век». Вернее было бы сказать, что с помощью такой теории буржуазия надеется сделать прочнее ту сеть социальных отношений, которой опутан современный рабочий в капиталистическом мире.

Наравне с «индустриальной социологией» существуют такие направления, как «социология городов» и «сельская социология», основанные также на предположении о существовании замкнутых, отделенных друг от друга сфер общественной жизни. Первая исследует состав населения городов, вопросы городского строительства и т. д. Вторая изучает настроения фермеров, вопросы организации их труда и т. п. В работах обоих этих типов ставятся вопросы об отношении данной части общества (населения определенного района) к окружающей среде, главным образом к географической. По образцу соответствующей биологической дисциплины, рассматривающей взаимовлияние организма и окружающей среды, это направление социологии часто называют *социальной экологией*. Исследователи принимают в расчет географическую среду (климат, почву и т. п.), а отчасти и экономику данного района, политические учреждения, культурные традиции его жителей, рассматривают взаимодействие «естественного», или «пространственного», и «социального», или «культурного», факторов. Некоторые из таких комплексных обследований могут, разумеется, содержать интересный фактический материал. Однако субъективный метод в отборе сведений и материалов, отсутствие объективного критерия отрицательно сказывается на этих работах; их выводы часто определяются не научными данными исследования, а предвзятой социально-политической философией исследователя. При этом под «социальным» (или «культурным») фактором обычно понимается сознание людей, их психика.

Совершенно очевидно, что различные сферы жизни капиталистического общества нельзя изучать вне антагонистических классовых противоречий, которые пронизывают все стороны общественной жизни эксплуататорского общества, вне единства и противоположности производственных отношений и производительных сил, на основе чего и складывается единство общественной жизни, целостность исторического процесса на данном этапе и связь его с предшествующей и последующей эпохами. В общественной жизни людей нет и не может быть таких частных закономерностей, которые не связаны с основными, общими законами развития данной общественно-экономической формации; нет никаких уголков общественной жизни, где эти законы не проявлялись бы в той или иной форме; нет никаких разрозненных факторов, которые не были бы проявлением закономерностей, свойственных этой формации.

5. Психологическое направление в социологии

Основное направление всей современной буржуазной социологии — психологическое: в основу изучения общества кладется либо индивидуальная психика, либо коллективная психика. Соответственно этому психологическое направление разделяется на отдельные школы, или учения.

От философского «исповедания веры» приверженцы психологической социологии обычно уклоняются, подчеркивая, что они пекутся не о философском, а лишь о «научном содержании» своих трудов. Однако идеалистические исходные положения проступают во всех их системах. «Теоретические основы,— пишет западногерманский социолог Арндт,— лишь редко появляются сегодня открыто, они определяют, однако, схему понятий, метод и терминологию» [1].

Философская основа подавляющего большинства школ психологического направления в социологии — субъективный идеализм. Некоторые социологи, стоящие на крайних субъективно-идеалистических позициях, берут за основу психику индивидуума и доходят до утверждения, что реально существуют лишь социальные ситуации, переживаемые отдельным субъектом. Общественные отношения, следовательно, подменяются переживаниями личности. Основными социологическими понятиями являются в этом случае «я» и «мне» (или «меня»), т. е. человеческая психика «сама по себе» и она же, «обращенная вовне». Представители этого направления не доходят до полного солипсизма: что-то «вовне» сознания индивидуума имеется, но не оно для них главное в общественной жизни.

Социальная ситуация с позиций такого направления — это в первую очередь принятие личностью той роли, которая предписывается ей социальным окружением. Так полагают американский социолог Мид и западноевропейские социологи, находящиеся под влиянием философии экзистенциализма. Понятие «социальной роли» применяют и другие социологи, придерживающиеся психологического направления.

Объективная причинность общественных явлений, с точки зрения таких социологов, не существует; причинность сводится ими к психологической мотивации действий субъекта.

Другие социологи психологического направления не идут столь далеко. Они признают некоторую реальность общественных явлений и общественных связей. Таковы, например, сторонники *аналитической социологии* — американские социологи Талькотт Парсонс и Флориан Знанецкий.

Парсонс, считающийся одним из виднейших социологов в США, пишет, например, что мотив выгоды, который играет

[1] *H. Arndt*, Die Soziologie in den Vereinigten Staaten. См. *A. Weber*, Einführung in die Soziologie, München, 1955, S. 426.

столь господствующую роль, не является психологической категорией: система свободного предпринимательства такова, что все, кто ведут дела, должны иметь своей целью выгоду, для того чтобы существовать и измерять свои успехи. Парсонс разработал теорию «социального действия»,причем сосредоточивает внимание не столько на психологической мотивации деятельности человека, сколько на социальных явлениях, которые влияют на деятельность людей и в конечном счете определяют их «социальную роль». Но социальные явления, влияющие на человеческую деятельность, он в конечном счете сводит к явлениям сознания, к представлениям, господствующим в обществе.

Знанецкий также заявляет, что современная социология основана на изучении социального взаимодействия людей. Однако, утверждает он, из этого взаимодействия надо исключить все действия с другими объектами, кроме человека. Таким образом, получается, что средства производства и отношение людей к средствам производства не имеют никакого значения в социальном взаимодействии людей. Производство выпало из поля зрения социолога, социальные отношения «очищены» от обременяющей их материи, от их действительного содержания. К чему же в таком случае сводится сущность общественных отношений с точки зрения сторонников этого направления?

Отвечая на этот вопрос, американский социолог Юбенк заявляет, что под термином «социальное» надо понимать «такой ряд явлений, при котором индивидуальное сознание благодаря взаимоотношениям с мышлением других становится интериндивидуальным сознанием». «Ничье сознание» провозглашается, таким образом, основой общественных связей и отношений.

Видный американский социолог Л. Бернард, также сторонник психологического направления, утверждает, что современная социология стремится отыскать «психологический базис» общества. Это замечание Бернарда следует понимать в том смысле, что большинство современных буржуазных школ социологии считает, будто психические отношения — основа общественных связей.

Каждая «социальная роль», пишет Знанецкий, исполняется внутри определенного социального круга людей; они признают ту или иную личность наиболее пригодной для исполнения данной роли. Выбор «социальной роли» — «важнейший акт внутригрупповых отношений» — определяется психическими отношениями, складывающимися между личностью и группой; восприятия других индивидуумов, которые составляют то или иное коллективное мнение об индивидууме, определяет его «социальный престиж».

Несостоятельность данной теории обнаружить нетрудно. Ведь если стать на эту точку зрения, то получится, что люди

признали Рокфеллеров наиболее пригодными для исполнения той роли, которую они играют в общественной жизни США, поэтому и возникла эта могущественная монополистическая клика. По существу идея престижа есть возрождение старой идеалистической теории о том, что «мнения правят миром». Но что же управляет мнениями? На этот вопрос идеализм ответить не может.

Что касается причинности социальных явлений, то она в конечном итоге сводится социологами этого направления к психическому импульсу, получаемому от «внешней среды» и побуждающему человека действовать. Дело мало меняется от того, что некоторые социологи обобщают эти психические импульсы, именуя их в целом «общественной энергией».

6. Так называемый эмпирический метод в социологии

Большинство современных буржуазных социологов считает, что социологию надо строить лишь на данных опыта и даже эксперимента, причем опыт, эмпирические данные, они сводят к «психическому опыту» индивидуума, оставляя втуне объективные процессы и явления. «Эмпирический метод», который в большом ходу у современных буржуазных социологов, вполне соответствует основному психологическому направлению их работ. Поэтому и статистика понимается современными социологами по-своему.

Статистика, разумеется, имеет большое значение для общественных наук, но современные буржуазные социологи и к статистике подходят произвольно, субъективно, что сказывается и в выборе объектов измерения и в системе подсчета и обобщения данных.

Социологи, оперирующие «эмпирическим методом», чаще всего стоят на философских позициях неопозитивизма и прагматизма — разновидностей субъективного идеализма, прикрывающихся вывеской научного знания и щеголяющих словечком «опыт».

Как понимают буржуазные социологи-неопозитивисты и прагматисты опыт, эксперимент, показывают их многочисленные работы, в которых устанавливается система опросов населения, разрабатываются вопросники и способы подсчетов полученных ответов. Возьмем, например, типичную для этого направления работу американского социолога Р. Эллиса, напечатанную в журнале «Американское социологическое обозрение» за октябрь 1957 г. и посвященную социальному расслоению по данным обследования, произведенного автором на острове Ямайка. Лишь мимоходом автор отмечает, что среди обследуемого населения ему попалось несколько человек, годовой доход которых равнялся 18 тыс. долларов, в то время как

другие получали только 100 долларов. Казалось бы, анализ фактов, показывающих отношение различных групп населения к средствам производства, анализ форм собственности и эксплуатации, должен был заинтересовать исследователя. Но не так представляет себе исследование социального неравенства в современном капиталистическом мире неопозитивистская социология. Эллис разработал анкету, в которой содержится вопрос, есть ли, по мнению опрашиваемого, социальные слон на Ямайке и сколько их, а также вопрос о выборе друзей опрашиваемым. Таким путем в лучшем случае можно получить некоторые данные об уровне классовой сознательности у различных слоев населения, но нельзя рассчитывать извлечь какие-либо объективные данные о классовом расслоении. Автор с серьезным видом указывает, что один семидесятилетний старик ответил отрицательно на вопрос о существовании социальных слоев, другие насчитали три таких слоя, третьи прямо говорили о существовании классов. Далее, пользуясь различными «коэффициентами» в статистических подсчетах, автор приходит к выводу, что на Ямайке насчитывается четыре класса: высший, высокий средний, средний и низший средний, что там имеется «система социального неравенства, похожая на американскую систему статуса, определяемого престижем». Эллис забывает, однако, сказать, что же такое общественный престиж? Самое понятне престижа субъективно. Кто, как и чем измеряет престиж — десятками тысяч долларов годового дохода или, может быть, борьбой за свободу и независимость страны, за демократические права трудящихся? Не говорит Эллис и о том, куда девался на Ямайке рабочий класс. Подобные эмпирические исследования, в основу которых положены предвзятые точки зрения, далекие от науки, не могут служить делу истинного познания.

Для социологов, оперирующих «эмпирическим методом», весьма характерно заявление американского социолога Джона Кьюбера, который пишет: «То, что отдельный исследователь может назвать «мифом и предрассудком», но что реально для личности, которая рассматривает это как «истину», имеет объективную реальность». Так Кьюбер рекомендует рассматривать «культурные явления», оставив в стороне вопрос об объективной истине. Но он путает разные вещи. Предрассудки и заблуждения вполне реальны, с ними приходится считаться в исследованиях и в идеологической борьбе, но от этого они отнюдь не становятся истиной.

Прагматический релятивизм не помогает, а лишает ученого возможности разобраться в явлениях идеологии и культуры. Так же как и неопозитивизм, он оперирует субъективными данными, мнениями и взглядами отдельных лиц; эти данные в свою очередь обрабатываются исследователем с позиций субъективизма. «Социальные явления,— пишет видный

американский социолог Элмер,— различны, а точка зрения на частные ситуации в их отношении к принципам индивидуальна, углов зрения может быть столько же, сколько людей делают наблюдения» [1]. В этом субъективизме — суть эмпирического метода.

Субъективный метод в социологии, раскритикованный Лениным, оживает в работах нынешних буржуазных социологов. Этот метод лишает социологические работы главнейшего качества, присущего научному исследованию,— достоверности.

7. Буржуазные социологи о «социальной стратификации» современного капитализма

Одной из ведущих проблем общественной жизни, которыми занимаются буржуазные социологи различных направлений, является «стратификация» современного общества, определение его социальных слоев (страта — термин, заимствованный из геологии) или групп. В словарь современной буржуазной социологии прочно вошел термин «социальная группа». Его особенно настойчиво вводил в обиход недавно умерший патриарх американской социологии Эдуард Росс. По мнению Росса, общество состоит из совокупности социальных групп. Общественная жизнь индивидуума — это его жизнь в группе и участие в межгрупповых отношениях.

Но неправильно было бы думать, что буржуазные социологи ведут речь об основных социальных группах классового общества — общественных классах. Современное капиталистическое общество с позиций субъективного метода рассекается самым произвольным образом: группы берутся по территории, по профессии, по сходству занятий и т. д. При такой классификации в число, например, сталелитейщиков попадают и короли стали и рабочие. Флориан Знанецкий, который был президентом Американского социологического общества, пишет о социальном составе американского общества, обходя существование классов, но отмечая две сотни отдельных религиозных групп (каждая со своей специализированной подгруппой); около 50 этнических разновидностей эмигрантов и их потомков с различными культурами; множество клубов, профессиональных и коммерческих групп; некоторое число правительственных групп; научные, литературные и артистические ассоциации.

Для американской высшей школы было предложено такое деление общества на социальные группы: «Общины и их группы; семейные группы; группы, созданные для отдыха; религиозные и моральные группы; группы по воспитанию; группы по роду занятий их членов; культурные и расовые группы; граж-

[1] *Elmer*, Contemporary Social Thought, Pittsburgh, 1956, p. 157.

данские группы и политические организации». Скрытая цель подобного выделения групп — привить ложную идею единства, гармонии капиталистического общества и затушевать существующие в нем классовые противоречия.

Профессор Парижского университета Ж. Гурвич утверждает, что общество в конечном счете состоит из «микрокосмов», к числу которых относятся семейные, возрастные, профессиональные, производственные и потребительские группы, объединения друзей, религиозные, политические, спортивные ассоциации и т. д. Он предлагает изучать процессы, происходящие внутри этих групп, заявляя, что с помощью такой *микросоциологии* будет объяснена структура современного общества.

Марксисты не отрицают, что в современном капиталистическом обществе есть различные социальные группы, слои и прослойки, а также разного рода политические, экономические и культурные организации. Но их истинный социальный смысл и значение могут быть вскрыты лишь в той мере, в какой будут установлены место этих групп в классовой структуре общества и их роль в классовой борьбе. Изучение любых реально существующих социальных групп не отменяет, а предполагает классовый анализ общества.

При рассмотрении современными буржуазными социологами «внутригрупповых» и «межгрупповых» отношений важное место занимает довольно расплывчатое понятие «социальный контроль» [1]. Как понятие кооперирующихся «социальных групп» должно заслонить действительные классовые антагонизмы и привести к мысли об «интеграции», единстве и сплочении как основном направлении общественной жизни капитализма, так понятие «социальный контроль» должно заменить научные представления об эксплуатации и о политическом насилии, господствующих в условиях капиталистического строя, где имущее меньшинство господствует над большинством населения, а заодно затушевать различные формы идеологического воздействия со стороны господствующих классов на массы народа.

«Социальный контроль» — это «регулирующие нормы», которые вносит «группа» для того, чтобы «регулировать» отношения своих сочленов. В понятие такого «контроля» включают обычаи, нравы, влияние общественного мнения и, как правило, лишь на последнем месте указывают те средства, которые применяются как открытое или скрытое насилие. Понятие «контроля» должно охватить и совет старейшин первобытнообщинного строя и... комиссию по расследованию антиамериканской деятельности в США. Таким образом, делается попытка заменить пустой абстракцией представление о реальных классовых отношениях в сфере права, политики, морали.

---

[1] См. *E. Ross*, Social Control, 1901.

Росс, Бернард и многие другие социологи посвятили обоснованию понятия «социальный контроль» объемистые работы. Один из современных американских социологов, говоря о значении их работ, заявляет: «Социальный контроль — основная проблема и логический конец социологии и всех социальных наук». Первоначально, согласно этим воззрениям, огромную роль в установлении «социального контроля» играли религия и другие предрассудки, они являлись «санкцией социального поведения» и направляли социальные действия человека, а теперь все это якобы заменено наукой и общественным мнением. Некоторые социологи указывают при этом на огромную роль, которую играет обработка общественного мнения — буржуазная пропаганда, влияющая на социальные действия людей. К формам «социального контроля» относят также воспитание, которое дает «направление человеческой деятельности».

К идеям «социального контроля» прибегают буржуазные социологи и в том случае, когда они говорят о возможности «планирования» производства в капиталистическом обществе.

В конечном счете идея «социального контроля» исходит из идеалистического представления о некоем «групповом» или «межгрупповом сознании», о «межгрупповой воле» как «регулирующей» силе в социальных отношениях. Вместе с другими аналогичными представлениями современной буржуазной социологии она создает неверную, извращенную картину капиталистического общества как бесклассового общества, как гармонической совокупности индивидуумов, а не антагонистических классов. Исключив классы и классовую борьбу из системы социальных отношений, буржуазная социология пропагандирует «социальный контроль» как прикрытие для действительного механизма власти и влияния господствующего класса в современном капиталистическом мире.

Утверждать, что эксплуатация и насилие в капиталистическом обществе «отмерли», не замечать возросшей, а не уменьшающейся роли полиции, суда, армии в империалистическом государстве — это и значит заниматься апологетикой, оправданием современного капитализма.

Для доказательства «исчезновения» классовых антагонизмов в современном капиталистическом обществе изобретаются и другие социологические категории, подобные «социальному контролю» и столь же искаженно отражающие общественную жизнь.

Многие буржуазные социологи, не отрицая понятия «общественный класс», стремятся так извратить это понятие, чтобы оно служило не средством познания, а орудием фальсификации науки и затушевывания капиталистической действительности. Некоторые теоретики утверждают, что в современном капиталистическом обществе происходит процесс постепенного слияния различных слоев общества в «единый

средний класс», что совершается поглощение всех классов этим «единым средним классом». Разница между рабочим классом и мелкой, а также средней буржуазией якобы совершенно стерлась.

Такой взгляд особенно охотно пропагандируют социал-демократические теоретики в целях обоснования реформизма. Как уже отмечалось в главе XV, реформисты до неузнаваемости искажают марксистско-ленинскую теорию, заявляя, что согласно марксизму средний класс якобы должен был уже давно исчезнуть. Нечего и говорить, что в данном случае буржуазные социологи сражаются не с марксизмом, а со своей собственной выдумкой. На самом деле марксисты утверждают, что развитие капиталистического производства ведет к вытеснению независимых мелких товаропроизводителей и к преобладанию крупных капиталистических форм собственности. Мелкая буржуазия вытесняется, но одновременно она и воссоздается. Известно, что кое-какие производственные функции монополистическому капиталу невыгодно брать на себя. Монополии оставляют эти функции в сфере деятельности мелкого производителя, мелкого предпринимателя. Таковы, например, некоторые ремонтные, вспомогательные работы и т. п.

Далее, при империализме, как известно, особенно разрастается обслуживающий персонал, который обычно причисляется буржуазными социологами к категории «средний класс». В эту категорию они зачисляют также инженерно-техническую интеллигенцию и административные кадры. Если учесть всю разнородность социальных слоев, произвольно объединяемых буржуазными социологами в понятии «средний класс», то становится явной нелепость утверждений о том, будто он поглощает все другие классы.

Наличие средних слоев в обществе не устраняет и не смягчает противоположности между антагонистическими классами. Да и сами эти средние слои подвергаются гнету монополий. Молот крупного капитала ударяет не только по рабочему классу, но и по средним слоям. Это создает ряд общих интересов у рабочего класса и у средних слоев как в области внутренней, так и внешней политики. Рабочий класс, коммунисты защищают эти средние слои — мелких ремесленников, мелких торговцев — от посягательств жадных и хищных монополий.

В современную эпоху создаются объективные предпосылки для объединения под руководством рабочего класса и его революционной партии самых широких слоев населения для борьбы за мир, в защиту национальной независимости и демократических свобод, за улучшение жизненных условий трудящихся, за ликвидацию всевластия монополий, предающих национальные интересы.

Этого пуще огня боятся идеологи современного империализма и лидеры реформистов. Из их теорий следует, что

рабочий класс никак не может руководить широкими слоями населения в борьбе против всевластия монополий, ибо сам пролетариат якобы «растворился» в мелкой и средней буржуазии. А отсюда, очевидно, надлежит сделать вывод о том, что не революционная партия рабочего класса выражает коренные интересы большинства населения капиталистических стран, а буржуазные или социал-реформистские группы и партии. Последние якобы защищают интересы мифического «единого среднего класса» и поэтому должны-де занимать авансцену политической жизни.

Вот почему в буржуазной социологии большое место уделяется вопросу о стирании классовых граней. Буржуазные социологи при этом приводят факты, показывающие, что иной раз мелкий буржуа живет примерно так же, как рабочий (в смысле получаемых доходов и т. д.). Но от этого, разумеется, классовая природа мелкой буржуазии не меняется.

Пользуясь фальшивой методологией, католический писатель Бертран-Серре, автор полемической работы против марксистского учения о классах [1], утверждает, будто постепенно происходит процесс исчезновения и самой буржуазии. Под буржуазией, рассуждает он, можно понимать лишь группы людей, которые ведут определенный образ жизни, но подобный образ жизни характерен и для многих рабочих в Америке.

Обуржуазивание верхушки рабочего класса, конечно, происходит в такой империалистической стране, как США, где капиталистическая прибыль выкачивается со всего мира и где имеет место систематическое подкармливание верхушки рабочего класса. Но из этого только софист может сделать вывод, будто изменяется сама природа рабочего класса, будто исчезает класс буржуазии.

Современные буржуазные социологи спекулируют и на таком факте, как распространение акций и облигаций того или иного капиталистического предприятия среди рабочих. Они заявляют, что благодаря этому рабочие становятся-де «совладельцами» предприятия. Такие обоснования теории «среднего класса» — чистая мистификация. В главе XV уже говорилось, что если рабочий имеет несколько акций, то это не делает его владельцем предприятия, ибо не дает ему ни малейшей возможности оказывать влияние на ход дела и не приводит к действительному участию в прибылях. В США, кстати сказать, как указывает американский социолог Миллс, 98,6% рабочих обрабатывающей промышленности акций не имеет [2].

Другое извращение, которое допускают буржуазные социологи, оперируя понятием класса и классовых отношений, состоит в том, что эти отношения сводятся к так называемой

---

[1] *R. Bertrand-Serret*, Le Mythe marxiste des «classes», Paris, 1955.
[2] *C. Wright Mills*, The Power Elite, N. Y., 1956.

социальной мобильности, социальной подвижности индивидуумов. Утверждается, что в современном капиталистическом обществе появилась неограниченная возможность перехода людей из одного класса в другие, возникли так называемые «открытые классы», «открытое общество», что старый капитализм, основанный на эксплуатации рабочих, отмер, что возник якобы совершенно «новый» капитализм.

Идеологи буржуазии, оперирующие фальшивой категорией «социальной мобильности», обычно говорят, что в настоящее время классы в капиталистическом обществе стали «открытыми», а раньше классы были «замкнутыми», «закрытыми».

Капитализм, конечно, представляет большую мобильность, чем феодализм с его многочисленными сословными перегородками. Но классовые перегородки при капитализме не исчезают, а классовые противоположности возрастают. Если на ранних этапах развития капитализма в господствующий класс проникали и представители дворянства, и деревенские кулаки, и т. п., то сейчас попасть в число монополистов США отнюдь не легче, чем было в эпоху абсолютизма мещанину получить дворянство.

Теперешние классы, утверждают многие буржуазные социологи,— это группы людей, которые отличаются друг от друга лишь своими «социальными функциями». Капитализм-де сам разрушил прежнюю классовую структуру, благодаря чему воцарилось общество, нынешнее название которому то ли «народный капитализм», то ли «государство всеобщего благосостояния». Но капиталистическая эксплуатация исчезла не в капиталистическом мире, а лишь в писаниях буржуазных социологов.

Идеологи капитализма строят самые удивительные гримасы для того, чтобы прикрыть глаза и не замечать эксплуатации, существования эксплуататорской верхушки в современном буржуазном обществе. Если они и признают, что в современном капиталистическом обществе существует неравенство, то спешат оговориться, что это неравенство относится главным образом к тому, что касается силы духа, силы ума. В этом смысле люди неодинаковы от природы, и якобы на этой психологической базе неодинаковой одаренности людей вырастает верхний слой общества, так называемая «элита», слой «избранных». Поскольку основой всех общественных отношений объявлены психические отношения, у социолога появляется возможность утверждать, что сфера психических отношений как бы выталкивает наверх отдельных индивидуумов, которые выделяются одаренностью.

Теория «элиты» восходит своими историческими корнями к старой, давно опровергнутой марксизмом теории «героя и толпы», которую проповедовали еще субъективные социологи типа Карлейля, а после разгрома Парижской Коммуны проповедовал французский реакционный социолог Габриэль Тард.

Теория «элиты» является вместе с тем новейшей трансформацией гитлеровско-фашистской теории о «слое господ», только вместо биорасистского «обоснования» ей дают «психологическую базу».

Некоторые социологи стараются доказать, что «элита» современного капитализма — это слой директоров, управляющих, инженеров, техников. Сторонники *теории технократии* говорят, будто марксисты отстали, проглядели один из самых важных процессов развития современного капиталистического общества, в котором власть сосредоточивается в руках инженеров, техников, директоров, управляющих и т. п.

Эту теорию, как уже говорилось в главе XV, широко разрекламировал американский публицист Дж. Бэрнхем — один из наиболее старательных агентов империалистической реакции, а также многие американские теоретики.

Эта теория поддерживается и современными реформистами, которые стараются придать ей некое экономическое «обоснование». Лейбористский деятель Англии Кросмэн пишет, что в капиталистическом обществе руководство и экономический контроль якобы перешли к новому классу — классу не имеющих собственности руководителей, а класс собственников будто бы потерял свою традиционную капиталистическую функцию.

Такую же теорию пропагандирует и профессор Колумбийского университета (США) В. Фридмэн, который утверждает, что «в современном индустриальном обществе все больше господствует не собственник, а управляющий» [1].

Конечно, на современном предприятии рабочий видит инженеров, управляющих, техников, с ними он имеет дело. Роль технической интеллигенции непрерывно возрастает. Но управляющий управляющему рознь. Среди инженеров и директоров есть крупные капиталисты, располагающие большим количеством акций и получающие тантьемы и дивиденды, а есть инженеры, являющиеся по своему социальному положению служащими. Социал-реформисты пытаются уверить рабочих, что эти служащие якобы и есть хозяева предприятий. Они «забывают» сказать, что подлинные хозяева — это те, которые замкнулись в неприступных замках современных банков, в скрытых от глаза простого человека кабинетах. Эти воротилы капиталистического общества, устранившиеся от участия в производственном процессе, являются паразитами и присваивают себе львиную долю доходов.

Буржуазные теоретики, чувствуя, что капиталистическая система дискредитировала себя, а притягательная сила великих идей социализма в огромной степени возросла и продолжает расти, пытаются убедить народ, будто капитализм «изменился».

---

[1] См. Transactions of the Third World Congress of Sociology, vol. II, p. 177.

Они стремятся подкрасить капитализм под социализм. Некоторые из этих теоретиков заявляют, будто найден какой-то «средний путь» между социализмом и капитализмом. Такую теорию развивают неотомисты, так называемые «христианские социалисты», ряд социал-демократических теоретиков, ее поддерживают и некоторые ревизионисты; изобретая не существующий «третий» путь, идеологи буржуазии хотели бы скрыть тот неопровержимый факт, что закономерный исторический процесс ведет к крушению эксплуататорского строя, к победе социалистических общественных отношений.

8. Некоторые проблемы международных отношений в освещении буржуазной социологии

Помимо проблем, связанных с внутренней структурой капиталистического общества, современные буржуазные социологи касаются и вопросов международных и межгосударственных отношений. Господствующая идея большинства их работ — идея создания «наднациональной общности» или «наднациональной кооперированности». Под этими лозунгами скрывается политика сколачивания военных блоков в капиталистическом мире.

В обоснование Атлантического агрессивного блока (НАТО) написан ряд книг, в которых вопреки фактам, наперекор истории авторы стремятся доказать, будто еще в XVIII или XIX в. создалась «атлантическая цивилизация», «атлантическая духовная общность». Французский историк Пиренн эту фальшивую идею положил в основу своей «всемирной истории». При этом доказывается, что центр цивилизации переместился в США, вследствие чего экономическая, политическая и духовная зависимость западноевропейских стран от американского капитализма якобы неизбежна.

В ряде социологических работ пропагандируется экспансия США в Западной Европе и подчеркивается, что «новый», американский капитализм, якобы лишенный классовых конфликтов, несет «оздоровление и спасение» «старому», европейскому капитализму. Последний должен пойти на выучку к магнатам Уолл-стрита. Подобные идеи проводит американский социолог Страус-Хюпе в своей книге «Зона безразличия». Английский историк Эренберг вскоре после войны писал о новой «эпохе возрождения», которая на этот раз приходит на опустошенный битвами европейский континент не из Италии Леонардо да Винчи и Рафаэля, а из Нью-Йорка Моргана и Рокфеллера.

Писания социологов, ставящих своей целью пропаганду империалистической экспансии, в той или иной степени связаны с проповедью космополитизма, с отрицанием националь-

ного суверенитета и патриотизма. Извращая действительный ход исторического процесса, социологи и историки, придерживающиеся таких взглядов, утверждают, будто источник войн и мировых конфликтов не в агрессивной политике империалистических держав, а в существовании суверенных государств. Идеологи буржуазии прибегают к софистике, утверждая, что уничтожение на земле суверенных государств при сохранении капитализма приведет к «замирению», к установлению «американского мира» («пакс американа»), подобно тому как во времена Римской империи ее легионы устанавливали повсюду, где они появлялись, «римский мир» («пакс романа»).

Фальшивые идеи об устарелости и архаичности национального суверенитета лежат и в основе выступлений некоторых социологов в защиту колониализма. Таковы работы американского социолога Г. Кона [1]. С позиций подобных теорий национально-освободительное движение объявляется «пройденным этапом» исторического процесса, а «взаимозависимость» колонизаторов и народов колоний провозглашается велением исторической судьбы. Зависимость от империалистических держав прославляется как прогрессивный путь «европеизации» или «американизации» колоний, которые на этом пути обретут все блага «социальной мобильности», «общественной гармонии» и «народного капитализма». Подобная пропаганда буржуазных социологических теорий применительно к странам Востока должна, по замыслам ее организаторов, противостоять тем антикапиталистическим настроениям, которые усиливаются у народов, познавших колониальное рабство.

На разные лады, открыто, а нередко завуалированно, проповедуется тезис о том, что капитализм — это социологическая норма общественной жизни, а отпадение от системы капитализма — это нарушение нормы, патологическое явление. С помощью «социальной психологии», фрейдизма и других подобных течений стряпаются реакционнейшие идеи о «массовых психозах» и иные клеветнические измышления, направленные против революционного движения трудящихся масс, против их борьбы за светлое будущее, за уничтожение эксплуатации человека человеком. Идея «социальной терапии» выдвигается в обоснование расправы реакционных классов с революционным движением, в оправдание подготовки интервенции против стран социализма или государств Востока, добившихся политической независимости. В целях раздувания «холодной войны» широко использовались и по сей день используются психорасизм, неомальтузианство, геополитика и некоторые другие реакционные социологические теории.

Различные буржуазные социологические теории используются для оправдания империалистической политики «с позиции

[1] *H. Kohn*, Nationalism. Its Meaning and History, N.-Y., 1955.

силы». Философское обоснование этой антинародной политики ищут и находят в современном волюнтаризме и субъективном идеализме, утверждающем, будто можно повернуть колесо истории вспять.

Сторонники этого взгляда в гонке вооружений и в войне видят единственное средство разрешения мировых проблем и путь к спасению капитализма.

Однако прогрессивная идея мирного сосуществования двух систем — капитализма и социализма — все же завоевывает умы и буржуазных философов и социологов. Наиболее дальновидные из них вырываются из плена догм политической философии империализма и приходят к мысли, что надо бороться против новой войны, которая представляет величайшую угрозу человечеству.

* *
*

Проникнутые идеализмом представления об обществе, как это видно из приведенных примеров, никогда не играли столь вредной роли, как в нашу эпоху.

Распространяя неправильные идеи о направлении и сущности процесса развития общества, реакционная буржуазия стремится отравить сознание трудящихся, лишить рабочий класс уверенности в его возможностях освободить себя и все человечество от всех видов социального и духовного гнета. Под влиянием идеалистических концепций по ложному пути направляются немалые силы интеллигенции капиталистических стран, в том числе многих честных ученых, изучающих вопросы общественной жизни. Буржуазные представления о сущности и характере общественных явлений оказывают влияние и на некоторых неустойчивых людей в коммунистических и рабочих партиях, заражают умы тлетворным духом ревизионизма.

Задача марксистов-ленинцев заключается в том, чтобы смело вступать в бой с буржуазными теориями, искажающими действительность, изучать данные о классовых отношениях современного буржуазного общества и, вооружившись конкретными знаниями, разоблачать господствующие в буржуазном обществе идеалистические догмы, которые являются теоретическим обоснованием политического, экономического и духовного господства капитала.

Марксизм-ленинизм потому и является всепобеждающим учением, что он, глубоко и правильно отражая жизнь, дает возможность успешно вести борьбу против всего отмирающего, косного, тормозящего общественное развитие, помогает рабочему классу и всем трудящимся добиться освобождения от классового гнета и прийти к победе правого дела коммунизма, к установлению самого справедливого общественного строя и прочного мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели основные вопросы марксистской философии. Сделаем теперь некоторые выводы.

1. Марксистская философия, как было показано в главе III, возникла не в стороне от столбовой дороги развития философии. Она явилась закономерным результатом всего предшествующего развития передовой философской и научной мысли. Марксистская философия в критически переработанном виде вобрала в себя все ценное, научное, передовое, что было достигнуто в результате более чем двухтысячелетнего развития философии. Вместе с тем возникновение диалектического и исторического материализма знаменовало качественный скачок, глубочайшую революцию в области философии. Марксистская философия возникла как мировоззрение самого передового класса современности — рабочего класса. Она всегда была и остается в полном соответствии с естествознанием и общественными науками, она враждебна всем формам идеализма, мистики, поповщины. Марксистская философия представляет собой высшую ступень развития философской мысли.

Созданный Марксом и Энгельсом, развитый на основе новых данных науки и нового исторического опыта Лениным и его учениками, диалектический и исторический материализм за сто лет своего существования убедительно доказал правоту своих положений, получил широкое распространение и приобрел всемирно-историческое значение.

Будучи последовательной материалистической теорией объяснения явлений и могучим научным методом исследования, диалектический материализм завоевывает все более прочные позиции в естествознании. В 1908 г. В. И. Ленин написал свое знаменитое произведение «Материализм и эмпириокритицизм», в котором дал гениальный анализ новых открытий науки, ознаменовавших величайшую революцию в естествознании. С тех пор развитие науки о природе необычайно обогатило наши знания, показав, что нет границ проникновению человеческого разума в тайны вселенной. Вместе с тем развитие науки на каж-

дом шагу подтверждает истинность принципов материалистической диалектики, правоту диалектико-материалистического подхода к явлениям, так глубоко и всесторонне разработанного в ленинском произведении.

Как ни сложен и извилист путь познания, но в настоящее время не подлежит сомнению, что единственно верным и надежным компасом на пути безостановочного движения человеческого познания являются не идеализм и его разновидность — позитивизм и не метафизика, а подлинно научная философия современности — диалектический материализм. Эта философия предохраняет науку от блужданий и путаницы в объяснении явлений, помогает найти правильное теоретическое истолкование их. Она не ставит никаких границ человеческому познанию, не абсолютизирует те или иные достижения науки, а требует безостановочного движения вперед, раскрытия все новых и новых сторон процессов окружающего нас мира и общественных отношений ради увеличения власти человека над природой, ради прогресса человечества. Теоретически мыслящие ученые — естествоиспытатели, наблюдающие ломку старых научных понятий, найдут в марксистской философии и в ее применении к отдельным отраслям знания верный путь к решению вопросов, которые ставит прогрессивный процесс научного познания.

2. Марксистско-ленинская философия испытана не только в ходе бурного развития современного естествознания, но и во всемирно-исторической практике нашей великой эпохи. Теория исторического материализма, которую Ленин называл величайшим завоеванием научной мысли, впервые открыла наиболее общие законы общественного развития и положила конец хаосу и произволу, которые царили до того во взглядах на историю. Благодаря созданию исторического материализма история общества, изучение ее общих законов, изучение различных видов общественных отношений, изучение отдельных форм общественного сознания в их историческом развитии впервые было поставлено на почву науки. Буржуазные социологические теории за истекшее столетие возникали и бесследно исчезали, не выдержав испытания временем, всемирно-исторической практикой. Только диалектический и исторический материализм выдержал это испытание и получил полное подтверждение своей правоты, истинности.

Социализм, превратившийся в середине XIX в. из утопической мечты о будущем в научную теорию, ныне стал реальным фактом действительности для сотен миллионов людей. Со времени Великой Октябрьской социалистической революции в России началась новая эпоха всемирной истории, основным содержанием которой является переход от капитализма к социализму. Победа социалистических революций сначала в России, а затем в ряде других стран Европы и Азии,

успехи национально-освободительного движения, ведущего к полному распаду колониальной системы империализма,— все это является неопровержимым свидетельством истинности, правоты и неодолимой силы марксизма-ленинизма, предсказавшего за целое столетие неизбежность крушения капитализма и торжества социализма.

3. Марксистская философия является теоретической основой всей стратегии и тактики марксистских партий. О связи тактики рабочего класса с диалектико-материалистическим мировоззрением В. И. Ленин писал: «Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического миросозерцания. Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а, след., и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса). Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и притом не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически... На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать эту объективно неизбежную диалектику человеческой истории» [1].

Марксистская партия, авангард рабочего класса и всех трудящихся, руководя борьбой за новое общество и строительством нового общества, учитывает эту диалектику истории. Она видит в истории общества не только медленные изменения, но и качественные скачки, борьбу противоречий, отрицание старого и победу нового. Она учит поддерживать новое, развивающееся — то, чему принадлежит будущее, учит в жизни и в политике смотреть вперед, а не назад, учит не реформистской тактике приспособления к капитализму, а революционной тактике свержения капитализма через развитие классовой борьбы пролетариата, через социалистическую революцию. Оппортунисты видят в истории только процесс медленных постепенных изменений, отрицают противоречия и поэтому проповедуют вместо классовой борьбы классовый мир, вместо революционной тактики реформистскую, полностью отказываясь от идеи социалистической революции и диктатуры пролетариата. Марксистская партия борется и против оппортунизма и против «революционного» авантюризма, игнорирующего объек-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 21, стр. 58, 59.

тивные конкретно-исторические условия борьбы и толкающего партию пролетариата на авантюры, которые могут вести только к поражению.

Руководствуясь требованием строгого учета конкретно-исторических условий (соотношения классов в национальном и международном масштабе, опыта революционных движений и т. д.), марксистская партия не терпит никакого доктринерства в политике, не связывает себя с той или иной формой борьбы, а использует все формы, целесообразные в данных конкретно-исторических условиях.

В условиях социализма, когда миллионные массы сознательно творят историю, когда инициатива и самодеятельность масс бьет ключом, умение видеть новое и поддерживать его приобретает особо важное значение. Сила Коммунистической партии Советского Союза состоит в том, что она, опираясь на глубокое знание закономерностей коммунистического строительства, внимательно изучая жизнь и творчество масс, умеет находить решающие звенья в цепи исторического развития, раскрывать перспективы, мобилизовать массы, вовремя выбирать наиболее гибкие и эффективные для каждого исторического этапа формы руководства экономической, политической и культурной жизнью страны, решительно отметая консерватизм и рутину, благодушие и самоуспокоенность.

Дух новаторства, свойственный марксистским партиям, есть выражение революционной диалектики, которая является душой марксистского учения.

4. Марксистско-ленинская философия есть живое учение, которое не терпит застывших догм, подвергается проверке, дополняется, обогащается и развивается дальше на основе опыта массового движения. В творческом применении марксистской теории к жизни, к практике состоит не только ее сила, но и источник ее развития. Марксистские партии во всех странах борются против догматизма и начетничества, видя в них тормоз для развития марксистско-ленинской теории и ее творческого применения к конкретным условиям.

Когда буржуазные идеологи утверждают, что марксизм по своей сущности является учением догматическим, они преднамеренно клевещут на марксизм. «Не может быть догматизма там, где верховным и единственным критерием доктрины ставится — соответствие ее с действительным процессом общественно-экономического развития...»[1] По своей сущности марксизм враждебен догматизму, ибо важнейшим принципом марксизма является связь теории с практикой, проверка теоретических положений на практике, развитие теории на основе обобщения практического опыта миллионов. Именно связь теории с практическим опытом масс делает марксизм живым, твор-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 1, стр. 280.

ческим учением и не дает ему превращаться в свод застывших догматических положений, которые надо лишь зазубрить и разъяснить. «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса,— писал Ленин,— как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни... Эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России» [1].

Коммунистические партии в соответствии с традициями и всем духом ленинизма вели и ведут последовательную и непримиримую борьбу в политике и в теории на два фронта: против догматизма и ревизионизма. Группа Маленкова, Молотова, Кагановича, Булганина и Шепилова — это представители догматизма, оторвавшиеся от жизни и от народа; эта группа раскольников и фракционеров тянула партию назад, боролась против ее ленинской политики, пыталась подорвать единство партии, ревизовать ее решения. С точки зрения теоретической эта антипартийная группа изменяла диалектике, составляющей живую душу марксизма, требующей учета всего нового, возникающего в жизни, конкретного подхода к решению назревших вопросов. Разоблачив и идейно разгромив эту группу, КПСС еще теснее сплотилась вокруг своего Центрального Комитета под знаменем марксизма-ленинизма.

Добиваясь умелого применения марксизма к конкретным условиям развития различных стран, коммунистические партии учат хранить в чистоте принципы марксизма, касающиеся главных закономерностей социалистической революции и социалистического строительства, общих для всех стран. Они борются со всеми формами ревизии марксистско-ленинского учения, его коренных основ.

Ревизионизм всегда был и ныне остается проявлением буржуазной идеологии в рабочем и коммунистическом движении, парализующим революционную энергию рабочего класса и подрывающим веру в социализм. Борьбу против ревизионизма марксистские партии рассматривают как свой долг и как важнейшее условие успехов рабочего и коммунистического движения. Принципы, законы марксистско-ленинской философии, марксистский диалектический метод являются надежным средством против застоя мысли, против односторонности и субъективизма, характерных для ревизионизма и догматизма.

Ошибки в политике, различные уклонения от правильной политической линии имеют не только классовые, но и теоре-

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 4, стр. 191, 192.

тические корни. Разоблачая различные оппортунистические уклоны в рабочем движении, Ленин вскрывал не только классовые, но и теоретические корни уклонов, показывая, что теоретическая сущность оппортунизма состоит в подмене диалектики эклектикой или софистикой, в отходе от диалектико-материалистического анализа общественных явлений, который заменяется субъективизмом или буржуазным объективизмом.

Одной из важнейших задач коммунистических и рабочих партий является применение диалектического материализма в практической работе, воспитание кадровых работников и широких масс в духе марксизма-ленинизма.

Марксистские партии всех стран требуют от своих кадров глубокого усвоения марксистско-ленинского мировоззрения. Усвоение марксистско-ленинской теории, органическое соединение ее с практикой помогают успешнее решать задачи руководства революционной борьбой и строительством нового общества. Марксистские партии следуют завету Энгельса, который писал: «Социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, то есть чтобы его изучали» [1].

Диалектический и исторический материализм как теоретическая, философская основа научного социализма дает возможность глубже понять коренные проблемы социализма и коммунизма.

5. Марксистская философия ведет непримиримую борьбу со всеми школами и направлениями реакционной философии, стремящейся отравить сознание трудящихся мистицизмом и идеализмом, дезориентировать массы, чтобы подчинить их буржуазии.

Буржуазная философия и социология не в состоянии дать правильный ответ на коренные вопросы современности, которые волнуют все прогрессивное человечество. Буржуазная теоретическая мысль запуталась в неразрешимых для нее противоречиях.

Коренные проблемы, поставленные всем ходом исторического развития,— это уничтожение эксплуатации человека человеком, социального и национального гнета, безработицы, необеспеченности и нищеты трудящихся масс, чудовищного бремени милитаризма, международной напряженности, опасности новых империалистических войн, обеспечение прочного мира и братских отношений между всеми народами.

Только исторический материализм и марксизм-ленинизм в целом дает научный, правильный ответ на коренные вопросы современности. В этом причина растущего влияния марксистско-ленинской философии. Поэтому стоустая критика марксистской философии со стороны ее врагов была и

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 605.

остается безуспешной. В огне критики, в ходе борьбы марксистская философия еще больше закаляется, совершенствуется, развивается.

Марксистская философия продолжает традиции воинствующего материализма, нетерпимого к лжи и предрассудкам, уверенного в победе истины над ложью, разума над предрассудками. К этой борьбе она привлекает всех передовых мыслителей капиталистических стран, которые испытывают серьезную тревогу за судьбы общества, за судьбы культуры. Мыслители-немарксисты могут быть в одних рядах с марксистами там, где надо определить свое отношение к империалистическому культу грубой силы и войны, к реакционной «философской» проповеди презрения к человеку и человеческому разуму, к проповеди и практике угнетения во всех его формах, будь то угнетение классовое, национальное, расовое или угнетение одного пола другим.

Гуманистические принципы являются результатом огромного исторического опыта народов и гигантской работы мысли передовых умов человечества. Они выстраданы многовековой историей, ценой жертв, которые понесли народы в борьбе за свое освобождение, мучительными исканиями лучших теоретических решений тех задач, которые ставила перед мыслителями жизнь народов.

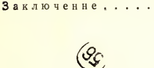
Коммунизм есть высшее воплощение гуманизма. Он навсегда спасает человека от того интеллектуального и морального искалечения, которое неотделимо от строя эксплуатации. Во имя всестороннего развития каждой человеческой личности, во имя счастья каждого человека социалистические страны развивают производительные силы, стремясь облегчить труд, сделать человека в полной мере властелином природы, удовлетворить его растущие материальные и культурные потребности.

На благо человека в социалистическом обществе поставлены все достижения науки, культуры. Свободные от цепей капитала, люди здесь не знают над собой никакой власти, кроме власти своего собственного объединения. Социалистическое общество проявляет постоянную заботу о человеке, со дня его рождения до глубокой старости. Все это ведет к необычному расцвету человеческой личности, всех членов общества, чего не знала предшествующая история общества. Марксистско-ленинская философия служит делу борьбы рабочего класса, всего человечества за высший, за самый гуманный общественный строй — за коммунизм.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Основы марксистской философии
Редактор *П. Павелкин*

Технический редактор *Н. Трояновская*

Подписано в печать 19 октября 1959 г. Формат $60 \times 92^1/_{16}$. Физ. печ. л. 42. Условн. печ. л. 42. Учетно-изд. л. 42,75. Тираж 250 000 (100 001—250 000) экз. А05265. Заказ 3535. Цена в тканевом переплете 10 руб., в бумажном — 9 р. 50 к.

Госполитиздат, Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.